ISSN 1561-7793

ВЕСТНИК
Томского государственного университета

2016. № 406. Май

- ФИЛОЛОГИЯ
- ИСТОРИЯ
- ПРАВО

- PHILOLOGY
- HISTORY
- LAW

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL

2016. № 406. May

Томский государственный университет
2016

НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Э.В. Галажинский, д-р психол. наук, проф. (председатель); **И.В. Ивонин**, д-р физ.-мат. наук, проф. (зам. председателя); **В.В. Демин**, канд. физ.-мат. наук, доц. (зам. председателя); **Д.А. Катунин**, канд. филол. наук, доц. (отв. секретарь); **В.Н. Берцун**, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Е.В. Борисов**, д-р филос. наук, проф.; **Д.С. Воробьев**, канд. биол. наук, доц.; **С.Н. Воробьев**, канд. биол. наук, ст. науч. сотр.; **А.А. Глазунов**, д-р техн. наук, проф.; **А.М. Горцев**, д-р техн. наук, проф.; **Л.С. Гринкевич**, д-р экон. наук, проф.; **С.К. Гураль**, д-р пед. наук, проф.; **Т.А. Демешкина**, д-р филол. наук, проф.; **Ю.М. Ершов**, д-р филол. наук; **В.П. Зиновьев**, д-р ист. наук, проф.; **В.И. Канов**, д-р экон. наук, проф.; **А.Г. Коротаев**, канд. физ.-мат. наук, ст. науч. сотр.; **И.Ю. Малкова**, д-р пед. наук, проф.; **В.П. Парначев**, д-р геол.-минерал. наук, проф.; **О.В. Петрин**, директор Издательского Дома Томского государственного университета; **Т.С. Портнова**, канд. физ.-мат. наук, доц., директор Издательства НТЛ; **А.И. Потекаев**, д-р физ.-мат. наук, проф.; **Л.М. Прозументов**, д-р юрид. наук, проф.; **З.Е. Сахарова**, канд. экон. наук, доц.; **Ю.Г. Слижов**, канд. хим. наук., доц.; **В.С. Сумарокова**, директор Издательства ТГУ; **С.П. Сущенко**, д-р техн. наук, проф.; **П.Ф. Тарасенко**, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Г.М. Татьянин**, канд. геол.-минерал. наук, доц.; **В.А. Уткин**, д-р юрид. наук, проф.; **О.Н. Чайковская**, д-р физ.-мат. наук, проф.; **Э.И. Черняк**, д-р ист. наук, проф.; **В.Г. Шилько**, д-р пед. наук, проф.; **Э.Р. Шрагер**, д-р техн. наук, проф.

EDITORIAL COUNCIL OF TOMSK STATE UNIVERSITY

E. Galazhinsky, Dr. of Psychology, Professor (Chairman); **I. Ivonin**, Dr. of Physics and Mathematics, Professor (Vice Chairman); **V. Demin**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor (Vice Chairman); **D. Katunin**, PhD in Philology, Associate Professor (Executive Editor); **V. Bertsun**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor; **Ye. Borisov**, Dr. of Philosophy, Professor; **D. Vorobyov**, PhD in Biology, Associate Professor; **S. Vorobyov**, PhD in Biology, Senior Researcher; **A. Glazunov**, Dr. of Engineering, Professor; **A. Gortsev**, Dr. of Engineering, Professor; **L. Grinkevitch**, Dr. of Economics, Professor; **S. Gural**, Dr. of Education, Professor; **T. Demeshkina**, Dr. of Philology, Professor; **Yu. Yershov**, Dr. of Philology; **V. Zinoviev**, Dr. of History, Professor; **V. Kanov**, Dr.of Economics, Professor; **A. Korotaev**, PhD in Physics and Mathematics, Senior Researcher; **I. Malkova**, Dr. of Pedagogy, Professor; **V. Parnachev**, Dr. of Geology and Mineralogy, Professor; **O. Petrin**, Head of Tomsk State University Publishing House; **T. Portnova**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor, Director of Scientific and Technical Literature Publishing House; **A. Potekaev**, Dr. of Physics and Mathematics, Professor; **L. Prozumentov**, Dr. of Law, Professor; **Z. Sakharova**, PhD in Economics, Associate Professor; **Yu. Slizhov**, PhD in Chemistry, Associate Professor; **V. Sumarokova**, Director of TSU Publishing House; **S. Sushchenko**, Dr. of Engineering, Professor; **P. Tarasenko**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor; **G. Tatianin**, PhD in Geology and Mineralogy, Associate Professor; **V. Utkin**, Dr. of Law, Professor; **O. Chaikovskaya**, Dr. of Physics and Mathematics, Professor, **E. Chernyak**, Dr. of History, Professor; **V. Shilko**, Dr. of Education, Professor; **E. Shrager**, Dr. of Engineering, Professor

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор –
В.П. Зиновьев,
д-р ист. наук, профессор

Заместители главного редактора:
Т.А. Демешкина,
д-р филол. наук, профессор
В.А. Уткин,
д-р юрид. наук, профессор

Ответственный секретарь –
Д.А. Катунин,
канд. филол. наук, доцент

Р.Л. Ахмедшин,
д-р юрид. наук, профессор
Л.М. Прозументов,
д-р юрид. наук, профессор
П.П. Румянцев,
канд. ист. наук, доцент
А.С. Янушкевич,
д-р филол. наук, профессор

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief
Vasiliy P. Zinoviev,
Doctor of History, Professor

Deputy Editors-in-Chief
Tatiana A. Demeshkina,
Doctor of Philology, Professor
Vladimir A. Utkin,
Doctor of Law, Professor

Executive Editor
Dmitry A. Katunin,
PhD in Philology, Associate Professor

Ramil L. Akhmedshin,
Doctor of Law, Professor
Lev M. Prozumentov,
Doctor of Law, Professor
Petr P. Rumyantsev,
PhD in History, Associate Professor
Aleksandr S. Yanushkevich,
Doctor of Philology, Professor

Журнал включен в базу данных Russian Science Citation Index и индексируется на Web of Science.

The Journal is included in the Russian Science Citation Index and put on the Web of Science.

Журнал входит в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации.

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ОБЩЕНАУЧНЫЙ ПЕРИОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 406 Май 2016

Свидетельства о регистрации: бумажный вариант № 018694,
электронный вариант № 018693
выданы Госкомпечати РФ 14 апреля 1999 г.
ISSN: печатный вариант – 1561-7793;
электронный вариант – 1561-803X
от 20 апреля 1999 г. Международного центра ISSN (Париж)

MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE
OF THE RUSSIAN FEDERATION

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL

GENERAL SCIENTIFIC PERIODICAL

№ 406 May 2016

Certificates of registration: printed version № 018694,
electronic version № 018693
Issued by the Russian Federation State Committee for Publishing
and Printing on April 14, 1999.
ISSN: printed version – 1561-7793; electronic version – 1561-803X
April 20, 1999 by International centre ISSN (Paris)

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

Баркович А.А. Корпусная лингвистика: специфика современных метаописаний языка ……..... 5
Воронова Е.С. Показатели неуверенности в диалектной речи ……..... 14
Хлебникова А.Л. Метафорическое моделирование образов человека: к проблеме гендерной и этнокультурной специфичности ……..... 18

ИСТОРИЯ

Бакшт Д.А. «Бездеятельный жандарм»: к биографии В.Н. Руссиянова (в дополнение к докладу С.П. Звягина) …..... 25
Безгачева В.В. Государственная программа по добровольному переселению в Россию соотечественников глазами переселенцев в 2000-е гг. (на примере регионов Сибирского федерального округа) …..... 33
Богданова О.В. Роль российских инженерно-технических кадров в истории градостроения Западной Сибири в конце XIX – начале XX в. ……..... 40
Бойко В.П. Русское купечество в изображении Н.С. Лескова ……..... 45
Головченко Н.Н. Анализ остатков текстиля с кинжала из могильника Новотроицкое-2 ……..... 51
Горохов С.А., Дмитриев Р.В. Особенности демографии религиозных общин Индии в начале XXI в. ……..... 56
Дмитриев А.В. Офицеры «Сибирского гарнизона» в середине 1780-х гг. ……..... 64
Дмитриенко Н.М. Григорий Николаевич Потанин как историк Сибири 72
Зиновьев В.П., Фоминых С.Ф. Доктор Е.Н. Коренев ……..... 81
Зиновьева В.И. Формирование социальной идентичности студентов с ограниченными возможностями в вузовской среде ……..... 86
Качин Н.А. Собирая «хранилище духовной пищи»: из истории создания В.М. Флоринским книжного фонда Научной библиотеки Томского университета ……..... 90
Кононенко А.А. Немецкая историография партии социалистов-революционеров ……..... 98
Куклинский И.В. Красноярский фотограф Людвиг Вонаго ……..... 103
Курас Л.В., Жалсанова Б.Ц. Российское законодательство о суде, судопроизводстве в бурятском обществе в XIX в. и органы местного самоуправления бурят ……..... 108
Куренков А.В. Томский губернский комитет РКП(б) (1920–1925 гг.) ……..... 113
Меньков С.В. Формирование новой модели государственного праздника на Алтае в 1920-е гг. ……..... 121
Никифорова Э.А. История студенческих отрядов: к постановке вопроса ……..... 127
Пономарёва С.А. Финансово-хозяйственная деятельность Г.И. Спасского для обеспечения издания «Сибирского (Азиятского) Вестника» в 1817–1827 гг. ……..... 131
Рябова М.С. Процесс признания русской этнической группы как одного из национальных меньшинств Китая ……..... 136

CONTENTS

PHILOLOGY

Barkovich A.A. Corpus linguistics: the specifics of modern meta-descriptions of language 5
Voronova Ye.S. Indicators of uncertainty in dialect speech 14
Khlebnikova A.L. Figurative modelling of a person's images with regard to gender and culture specificity 18

HISTORY

Baksht D.A. "A sluggish gendarme": the biography of V.N. Russiyanov (in addition to S.P. Zvyagin's report) 25
Bezgacheva V.V. The state program to assist the voluntary resettlement of compatriots living abroad to the territory of Russia in the compatriots' eyes in the 2000s (the example of the Siberian Federal District) 33
Bogdanova O.V. The role of Russian engineers in the history of urban development in Western Siberia in the late 19th – early 20th centuries 40
Boyko V.P. N.S. Leskov about Russian merchants 45
Golowchenko N.N. Analysis of textile residues from a dagger of the burial Novotroitskoe-2 51
Gorokhov S.A., Dmitriev R.V. Demographic features of Indian religious communities at the beginning of the 21st century 56
Dmitriev A.V. "Siberian Garrison" officers in the middle of the 1780s 64
Dmitrienko N.M. Grigoriy Nikolayevich Potanin as a historian of Siberia 72
Zinoviev V.P., Fominykh S.F. Dr. E.N. Korenev 81
Zinovieva V.I. Special aspects of disabled people's identification in a higher education institution 86
Kachin N.A. Creating "spiritual food storage": from the history of collecting the book fund of Tomsk State University Research Library by V.M. Florinsky 90
Kononenko A.A. German historiography of the Socialist Revolutionary Party 98
Kuklinski I.V. Krasnoyarsk photographer Ludwig Wonago 103
Kuras L.V., Zhalsanova B.T. Russian legislation on the court and legal procedure in the Buryat society in the 19th century and the Buryat local self-government bodies 108
Kurenkov A.V. Tomsk Provincial Committee of the Russian Communist Party of Bolsheviks (1920–1925) 113
Menkov S.V. The formation of a new model of the state holiday in the Altai in the 1920s 121
Nikiforova E.A. The history of student groups: to the question 127
Ponomareva S.A. Financial and economic activity of Grigory I. Spassky in order to support the publication of *Sibirskiy vestnik* and *Aziatskiy vestnik* 131
Riabova M.S. The process of recognition of the Russian ethnic group as a national minority in China 136

Сотникова С.В. Образ мифической птицы на гравировках раннего железного века: опыт сопоставления обско-угорской и иранской традиций ……..... 141
Терентьев В.И. Образы Китая и китайцев в национальном самосознании монголов ……..... 152
Чуркин М.К. Колонизация Степного края Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в.: историографическая традиция и исследовательские практики 158
Шевляков А.С., Черемных О.А. Электроснабжение городов Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны (на примере Новосибирска, Кемерово, Томска) ……..... 164
Шиловский М.В., Кириллов А.К., Караваева А.Г. Не на жизнь, а на смерть: сартаковский спор о праве на причисление как образец внутрикрестьянского конфликта столыпинской поры ……..... 169
Ярзуткина А.А. Разъездная торговля русских купцов крайнего северо-востока России: этноисторический взгляд ….. 182

Sotnikova S.V. The image of the mythical bird on the engravings of the Early Iron Age: the experience of comparison of Ob-Ugric and Iranian traditions 141
Terentyev V.I. Images of China and the Chinese in Mongolian national mentality 152
Churkin M.K. Colonization of the steppe regions of Western Siberia in the second half of the 19th – early 20th centuries: historiographical tradition and research practices 158
Shevlyakov A.S., Cheremnykh O.A. Electric power supply in Western Siberia during the Great Patriotic War (by the example of Novosibirsk, Kemerovo, Tomsk) 164
Shilovsky M.V., Kirillov A.K., Karavaeva A.G. A cutthroat competition: the Sartakovo argument over the right for attachment as a case of the peasants' conflict of the Stolypin time 169
Yarzutkina A.A. The mobile trade of Russian merchants in the extreme northeast of Russia: an ethnohistorical view 182

ПРАВО

Брагер Д.К., Татауров А.А. Факт исчезновения потерпевшего в системе криминалистической информации о сексуальных преступлениях в отношении несовершеннолетних ……..... 194
Ермакова О.В. Проблемы квалификации мошенничества в сфере кредитования ……..... 197
Зайцева Л.В. Особенности регулирования труда работников организаций, осуществляющих услуги супервайзинга в нефтегазодобывающей отрасли ……..... 202

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 210

LAW

Brager D.K., Tataurov A.A. Disappearance of the victim in the system of criminal information on sexual crimes against juveniles 194
Ermakova O.V. Problems of fraud classification in lending 197
Zaitseva L.V. Some aspects of legal labor regulation in organizations engaged in supervising services for the oil and gas industry 202

BRIEF INFORMATION ABOUT THE AUTHORS ……..... 210

Вестник Томского государственного университета. 2016. № 406. С. 5–13. DOI: 10.17223/15617793/406/1

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 81'33

А.А. Баркович

КОРПУСНАЯ ЛИНГВИСТИКА: СПЕЦИФИКА СОВРЕМЕННЫХ МЕТАОПИСАНИЙ ЯЗЫКА

Статья посвящена исследованию и систематизации специфики современных метаописаний языка в контексте корпусной лингвистики. Рассмотрена проблематика формирования терминосистемы, интеграции корпусной лингвистики в лингвистическую парадигму, методологической релевантности корпусного подхода к широкому спектру исследований речи. Корпусная лингвистика обладает значительным потенциалом развития, реализация которого обусловлена металингвистическим обобщением и идентификацией референтной специфики.

Ключевые слова: корпусная лингвистика; корпусный дискурс; методология; парадигма; речевая практика; метаязык; металингвистика; метаописание.

Введение

Современные условия функционирования языка предполагают не только исследование образцов речи в отдельных хронологических или пространственных обстоятельствах, но и систематизацию речевой практики. Системный подход к изучению и обобщению речевой практики обусловливает видение языка как специфического единства. Традиционно считается, что только сплошной, без влияния субъективных факторов анализ эмпирического материала позволяет получить полную, структурированную картину объекта. Однако сегодняшний объект лингвистики в компьютерно-опосредованном пространстве и коммуникационно-опосредованном времени создается, сохраняется и реализуется в недоступном для изучения в «докомпьютерные» времена объеме. Конечно, задача тотального охвата речевой практики рассматривается сегодня – благодаря объективным критериям прикладной сферы – все более реалистично. При этом, благодаря новому «лингвоинформационному» формату, стали осязаемыми новые возможности изучения универсально-статистических и специально-предметных «выборок» языковых фактов. Появившись в 60-е гг. XX в., корпусная лингвистика существенно уточнила исследовательские приоритеты, создав принципиально новую методологическую основу для репрезентации речевой практики. Корпусная лингвистика как металингвистический инструмент – методология создания, использования и изучения корпусов для метаязыковой интерпретации закономерностей речевой практики посредством компьютерных инструментов – позволяет эффективно и успешно решать как «старые», так и «новые» проблемы изучения языка. Необходимость обобщения метаязыковой специфики корпусной лингвистики обусловлена ее высокой востребованностью, противоречивостью компетентной интерпретации, динамикой развития компьютерно-опосредованной коммуникации и другими факторами.

Интерпретация речевой практики постепенно стала синкретичной и интердисциплинарной проблемной областью современной науки, а речь стала по-настоящему актуальным источником для качественно новых научных обобщений. Вместе с тем значимость лингвистики как таковой не растворилась в контексте научных представлений о современной коммуникации. Собственно лингвистика всегда была важным резервом научной сферы: «...можно констатировать, что методы языкознания дают пример и даже становятся образцом для других дисциплин, что проблемы языка занимают сейчас самых разных специалистов, количество которых постоянно растет, и что общее направление мысли поощряет все гуманитарные науки работать в том же духе, что и лингвистика» [1. С. 21]. Высказанное Э. Бенвенистом в 70–х гг. XX в. наблюдение более чем актуально и сегодня. В «эпоху» компьютерно-опосредованной коммуникации становится все более очевидной зависимость от лингвистической интерпретации многих аспектов информационного и технического обеспечения социокультурного прогресса.

Лингвистический корпус в метаязыковом аспекте. В парадигме современных исследований языка корпусная лингвистика выделяется методологической универсальностью и эффективностью. Для корпусной парадигматики, изначально ориентированной на речевую практику, в современных условиях характерны четкая идентификация проблемной области, динамика и функциональность, аутентичность и высокая прецизионность результатов, богатство терминологического аппарата и востребованность обобщений как смежными дисциплинами, так и прикладной сферой в целом. Подобное уникальное для гуманитарной сферы сочетание характеристик обусловливает исключительную целесообразность корпусных возможностей в познавательной деятельности. Это не осталось незамеченным учеными, постоянно расширяющими сферу эффективного применения корпусной методологии.

De facto работа с корпусами – развитие квантитативно и эмпирически обоснованных обобщений – стала одним из основных векторов гуманитарных исследований, посредством корпусных исследований решаются действительно сложные задачи. Корпусная лингвистика полностью отвечает такому современному тренду «идеологии», по выражению В.А. Плунгяна, как формализация языка. Формализация языковых отношений,

репрезентация языковой системы в контексте компьютерного опосредования коммуникации, в том числе для создания искусственного интеллекта, стали мощнейшим стимулом максимально широкого метаязыкового охвата речевой практики.

Характер развития компьютерно-опосредованной коммуникации способствует быстрому накоплению текстовых массивов, зачастую дублирующих уже созданные «памятники» либо незначительно их модифицирующих. Сложно в данном контексте переоценить значимость эффективных инструментов исследования текстов. Корпусную лингвистику в сложившейся ситуации следует признать одним из наиболее существенных приобретений лингвистики за последние пятьдесят лет – уже не столько как подраздел или раздел языкознания, сколько в качестве широкой методологической базы интердисциплинарного характера: «…без обращения к методике корпусной лингвистики современная исследовательская практика редко обходится в принципе» [2. С. 45].

Определение корпуса как феномена – задача часто обсуждаемая, вклад в ее решение сделан Д. Синклером, Т. МакЭнери, Д. Байбером, А. Килгариффом, В.П. Захаровым, В.А. Плунгяном, В.Ш. Рубашкиным, А.Н. Барановым и другими учеными. Тем не менее по-прежнему важными в лингвистическом контексте представляются проблемы, касающиеся выявления понятийно-концептуальной специфики ключевой для всего «корпусного» лексико-семантического поля лексемы корпус и ее систематизированной метаязыковой рефлексии, метаязыковой кодификации развития леммы корпус и терминологического освоения накопленного потенциала метаописаний.

В понятийно-концептуальном аспекте необходимо отметить многозначность лексемы корпус, разные толковые словари фиксируют в среднем 6–8 ее основных значений, например:

1. м. Туловище человека или животного.

2. м. 1) Внутренняя опорная часть какого-л. здания, сооружения, на которую крепятся другие части; каркас.

2) а) Остов судна, самолета и т.п. с наружной обшивкой. б) Внешняя оболочка, покрытие какого-л. механизма, прибора и т.п.

3) Отдельное здание в ряду нескольких однотипных или обособленная часть большого здания.

3. м. Крупное войсковое соединение.

4. м. 1) Совокупность лиц какого-л. одного официального положения, одной специальности и т. п.

2) перен. Полное собрание, свод каких-л. текстов, основа словаря.

5. м. Закрытое среднее военно-учебное заведение (в Российском государстве до 1917 г.).

6. м. Название одного из размеров типографского шрифта (в полиграфии) [3].

Данный пример интересен как присутствием в перечне лексико-семантических вариантов корпуса «лингвистического» значения ‘полное собрание, свод каких-л. текстов, основа словаря’, так и его квалификацией как «переносного». Характеристика в словаре данного значения как переносного объясняется лишь определенной новизной соответствующего денотативного основания. Вместе с тем не меньшей метафоричностью – относительно очевидного семантического дериванта ‘тело, туловище’ – отличаются и другие, более привычные значения корпуса: ‘остов’, ‘здание’, ‘учреждение’ и т.д. При этом нужно отдать должное автору словаря: данный словарь – один из немногих лексикографических источников, фиксирующих «лингвистическую» значимость корпуса, тем более в узуальном контексте (тип данного словаря – «толково-словообразовательный»).

На сайте интернет-ресурса «Словари и энциклопедии на Академике» [4], например, несколько десятков ссылок на словарные статьи о корпусе. Не все из них, правда, могут быть соотнесены с лингвистической спецификой. Тем не менее отдельной статьи о «лингвистическом» корпусе в русскоязычных словарях, как оказывается, нет, если не считать таковым упоминание о «Корпусе сочинений Дионисия Ареопагита» (в «Словаре книжников и книжности Древней Руси»). При этом принцип устройства данного «электронного» ресурса, несомненно, корпусный, не говоря уже о том, что составлением словарей собственно лингвисты и занимаются. Лексикографическая инновационность лексемы корпус – следствие неустойчивости и вариативности соотносимой с данным языковым знаком сигнификативной базы.

Данные общенародного языка, отраженные в толковых словарях, конечно, не дают полного представления о метаязыковой и, особенно, о металингвистической специфике современного языкознания. Тем не менее рассмотрение репрезентаций корпуса в толковых и специализированных словарях обеспечивает последовательную интерпретацию соответствующей значимости в контексте языковой системы, способствует верификации языковой единицы в среде речевой практики. Кроме того, особенности фиксации соответствующей семантики в разных словарях позволяют объективно судить о сформированной метаязыковой компетенции носителей языка как в рамках специализированного описания, так и в контексте узуального словоупотребления.

В функциональном аспекте характерно отсутствие в русском языке единой жесткой метаязыковой кодификации развития леммы корпус. До сих пор отмечается конкуренция двух деривационных парадигм лексемы корпус: используются как словоизменительные формы типа ко́рпусы и словообразовательные – типа ко́рпусный, так и альтернативные им формы типа корпуса́, корпусно́й (для прилагательного мужского рода).

Речевая практика пока не склонила чашу весов в сторону какого-либо из вариантов деривационного развития лексемы «корпус». Как показывает корпусный дискурс, речевая деятельность, обусловленная практикой создания, использования и изучения корпусов – далеко не все предрешено в конкуренции данных парадигматических вариантов:

«Бывало, идешь по цехам, людно: деревообделочный, механический, корпусной, литейный – везде шум и гром» (Борис Екимов. Котенок на крыше (2001));

«Корпусный цех перестал держать другие цеха, вышел из прорыва, из которого, по здравому рассуждению, выйти не мог в принципе» (И. Прусс. Эксперимент совсем не лабораторный // Знание – сила. 1988) [5] и т.д.

В приведенных примерах даже с одним и тем же определяемым словом цех использованы и прилагательное ко́рпусный и его аналог – корпусно́й. Подобная ситуация типична для русского языка, в том числе относительно словосочетания аттрибутивов ко́рпусный (ж. р. ко́рпусная) и корпусно́й (ж. р. корпусна́я) с лексемой лингвистика. В устном научном дискурсе встречаются как формы одного типа ко́рпусная лингвистика, так и другого – корпусна́я лингвистика.

Об орфоэпической норме дериватов-прилагательных говорится в «Словаре правильной русской речи»: «При образовании прилагательных от имен существительных в них сохранялось то ударение, которое было свойственно производящему слову, т.е. существительному. Однако в XX в. наблюдается процесс перемещения ударения в прилагательных с корня на суффикс или, если ударение падает на первые слоги, – ближе к концу слова. Язык достаточно консервативен, чтобы быстро изменить произношение целого ряда слов, поэтому в речи определенное время сохраняется как традиционное произношение, так и новое. Этим и объясняется вариантность в произношении некоторых слов, например: заво́дский – заводско́й, то́рмозный – тормозно́й, запа́сный – запасно́й и т.п.» [6. С. 37]. В приведенный перечень примеров вполне можно было бы включить и диаду ко́рпусный – корпусно́й. Но, разумеется, можно указать и на другие тенденции русскоязычного узуса: огромное количество заимствований, медленная их ассимиляция и, как следствие, тенденция к сохранению аутентичных экспонент, что выражается, в том числе, в сохранении ударения как в самом заимствовании, так и в его дериватах. Лексема корпус – латинизм (corpus – ‘тело’), значения которого коррелируют во многих заимствовавших данную единицу языках (см., например, [7]). Актуальными и влиятельными в той или иной языковой среде оказываются как собственно языковые, так и внеязыковые факторы освоения заимствования: «…эксплицитно или имплицитно отраженные в речевом функционировании той или иной языковой единицы, диады, совокупности и т.д.» [8. С. 44].

С точки зрения номинационно-деривационной логики очевидна предпочтительность сохранения аутентичного ударения на первом слоге как для леммы существительного корпус, так и для соответствующих ей форм прилагательного – ко́рпусный. Таким образом, формы типа корпуса́, корпусно́й являются нормой, скорее, художественной литературы, постепенно приобретая оттенок архаичности.

При этом презентация самой соответствующей словарной статьи в вышеупомянутом словаре достаточно лаконична и, опять же, не содержит упоминаний о «лингвистической» специфике корпусного словоупотребления:

– ко́рпус[1], ~са, мн. ~сы, ~сов, м. (туловище) корпусный;

– ко́рпус[2] ~са, ~сов, м. (здание и др.) корпусно́й и ко́рпусный [6].

Возможный ориентир в данном вопросе, способный закрепить самые экзотичные нормы, – словарная практика. Однако и словарные источники пока не закрепили единообразной нормативной репрезентации речевой практики. Например, «Русский орфографический словарь» в целом объективно отражает вариативность референтной речевой практики относительно самой лексемы корпус:

– ко́рпус[1], -а, мн. -ы, -ов (туловище; шрифт);

– ко́рпус[2], -а, мн. -а́, -о́в (здание; воен.),

и соответствующих ей аттрибутивов:

– корпусно́й (к ко́рпус[2]);

– ко́рпусный (к ко́рпус[1]) [9].

Однако к какому из указанных типов орфографических вариантов относится «лингвистический» корпус – прямых отсылок в данном словаре нет.

Классический лексикографический источник «Толковый словарь русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой содержит более развернутую экспликацию метаязыковой рефлексии лексемы корпус (не упоминая при этом о «лингвистическом» корпусе):

КОРПУС, -а, мн. -а, -ов и -ы, -ов, м. 1. (мн. -ы, -ов). Туловище человека или животного. Крупный, тяжелый к. 2. (мн. -а, -ов). Остов, оболочка чего-н. К. корабля. К. часов. 3. (мн. -а, -ов). Отдельное здание в ряду нескольких или обособленная большая часть здания. Заводские корпуса. Боковой к. 4. (мн. -а, -ов). Крупное войсковое соединение из нескольких дивизий. Моторизованный, танковый, авиационный, воздушно-десантный к. 5. (мн. -ы, -ов). Совокупность лиц, объединенных общностью какого-н. официального положения. Дипломатический к. Депутатский к. Корреспондентский к. (в какой-н. стране: корреспонденты из разных стран). 6. (мн. -а, -ов). В дореволюционной России: среднее военно-учебное заведение. Кадетский к. Морской к. 7. Типографский шрифт с высотой литер около 3,76 мм. || прил. корпусно́й, -ая, -ое (к 4 и 6 знач.) и ко́рпусный, -ая, -ое (к 1, 2, 3 и 7 знач.) [10].

Подобного стандарта в толковании – с небольшими вариациями – придерживаются и другие лексикографические источники русского языка (см., например, [3]). На словарные прецеденты русского языка равняются и словари украинского и белорусского языков (см., например, [11, 12]). Словарные статьи в приведенных словарях очень похожи по структуре на статьи из русскоязычных толковых словарей. Конечно, свои особенности в словарной интерпретации «корпусной» семантики присутствуют в отдельных лексикографических источниках. Так, например, в источнике «Великий тлумачний словник сучасної української мови» (укр. – Большой толковый словарь современного украинского языка) уже есть значение ‘повна збірка яких-небудь текстів’ (укр. – полное собрание каких-нибудь текстов) [11].

Если проанализировать вышеприведенные примеры, какая-либо рациональная металексическая мотивация дифференциации тех или иных вариантов леммы корпус и соответствующих дериватов практически отсутствует. Почему корпус-‘туловище’ и корпус-

‘здание’ дают отличные словоизменительные варианты по сравнению с корпусом-‘войсковым соединением’ и корпусом-‘учебным заведением’ – мотивированного ответа в русскоязычном (как и в украинском и белорусском) научном дискурсе нет.

Искусственность попыток уложить речевую вариативность корпуса (также, впрочем, как и огромного количества других языковых единиц) в «прокрустово ложе» грамматики хорошо видна на примере статьи из белорусского словаря «Граматычны слоўнік назоўніка» (бел. – Грамматический словарь существительного): «корпус м. НВ корпус, корпуса, корпусу, корпусам, корпусе; мн. НВ карпусы (з ліч. 2, 3, 4 корпусы), карпусоў, карпусам, карпусамі, карпусах» [13]. В данном словаре предписывается с числительными 2, 3 и 4 использовать форму множественного числа корпусы (аналогично русскому варианту), а во всех других случаях – карпусы (русскоязычный эквивалент – корпусá). При этом какая-либо орфографическая дифференциация для форм единственного числа не предусмотрена: корпус, корпуса, корпусу, корпусам, корпусе. Сложно, конечно, представить, что среднестатистический носитель белорусского языка – как и русского или украинского – будет вспоминать при необходимости текст словарной статьи по поводу леммы корпус.

Справедливости ради нужно сказать, что и сам научный дискурс не отличается в терминологическом плане единообразием: часть лингвистов создает, использует и изучает кóрпусы, а часть – корпусá, есть и те, кто спокойно относится к обоим вариантам леммы. Характерно, что словари лингвистических терминов достаточно противоречивы в определении «лингвистической» семантики корпуса. Рассмотрим два основных на сегодня источника лингвистической терминологии: «Словарь лингвистических терминов» О.С. Ахмановой и «Словарь лингвистических терминов» Т.В. Жеребило. Так, «Словарь лингвистических терминов» О.С. Ахмановой фиксирует «существенную» разницу между «примерной» и «всей» совокупностями – «высказываний» или «произведений речи»:

КОРПУС (массив, текст) англ. corpus. 1. Примерная совокупность высказываний, отобранных для анализа и представленных в виде письменного текста, магнитофонной записи и т.п. 2. Вся сумма (совокупность) произведений речи, созданных коллективом носителей данного языка [14].

Другой источник, «Словарь лингвистических терминов» Т.В. Жеребило, содержит небезупречное и лишь ассоциативно понятное определение корпуса:

КОРПУС ЯЗЫКА. Степень кодифицированности, наличия или отсутствия письменности и литературной нормы, включая нормы устной и письменной речи – орфоэпические, орфографические, грамматические, уровень междиалектной консолидированности, фактор литературной фольклорной и лингвокультурной традиции (В.П. Нерознак) [15].

Подобные метаязыковые описания, конечно, являются проблемой и нуждаются в коррекции с учетом современных представлений о корпусной методологии.

При этом современные компетентные суждения о корпусной деятельности остаются во многом дискуссионными, что существенно расширяет релевантную проблемную область. Так методологическая важность корпуса В.А. Плунгяном ассоциируется не только с «идеологией», но и с возможностями генерировать самые широкие обобщения эмпирической практики: «Современные исследователи стали всё больше призывать лингвистику изучать факты, а не конструкты; рассуждать о свойствах наблюдаемых явлений, а не о свойствах моделей. Проблема же лингвистики в том, что язык, как известно, не наблюдаем и корпус как инструмент и как идеология представляет из себя, в некотором смысле, теоретическую абстракцию» [16. С. 8–9].

Не менее показательно мнение А.Д. Шмелёва, подчеркивающее важность непротиворечивой метаязыковой рефлексии, которая может быть распространена вплоть до языковой компетенции как таковой: «…использование корпуса может оказаться более всего плодотворным, когда исследователь критически оценивает данные, получаемые при помощи корпуса. В этом случае, обращаясь к собственной языковой компетенции, он имеет шанс обнаружить лакуны или неточности в существующих описаниях языка, в том числе тех, которые были использованы в системе поиска по корпусу. При таком подходе становится ясным, что ориентация на данные корпуса и на собственную языковую интуицию не противоречат друг другу, а скорее дополняют друг друга» [17. С. 264].

Актуальность рассмотренной проблематики является прямым следствием продолжающегося осмысления корпусной специфики на «философском» метаязыковом уровне, продуктивной лингвистической рефлексии. Металингвистическое освоение корпусной проблематики не является автономной и самодостаточной практикой, основываясь на широком круге метаязыковых обобщений.

Металингвистическая специфика корпусной парадигматики. Корпусная парадигматика обладает притягательностью как эффективная и высокодискретная область знаний, приумножая, в то же время, сомнения лингвистов, привыкших к классической «туманности» гуманитарных знаний. С другой стороны, высок интерес к корпусной методологии гуманитариев самой разнообразной компетенции и технических специалистов – инженеров и программистов. Речевая практика – универсальна, будучи отраженной и интерпретированной посредством корпусных инструментов, она является источником ценнейшей информации для широкого круга специалистов. Семантика корпуса в метаописаниях коррелирует не только с собственно лингвистической, но и с его общефилологической и даже общенаучной значимостью. Соответственно, рассмотрение методологической релевантности корпусной специфики обусловлено терминологической вариативностью корпуса: от общефилологической широкой значимости до прикладной узкоспециальной.

Современная концептуализация корпуса предполагает достаточно широкую репрезентацию референтной семантики. Типичным является следующее представление: «Корпус – это собрание текстов в

электронной форме, в котором можно осуществлять поиск слов, словосочетаний, грамматических форм, значений слов с помощью определенной поисковой системы» [5]. В широком смысле слова корпус – это практически любая совокупность языковых фактов, необязательно связанная с компьютерно-опосредованным представлением языка.

С узкоспециальным значением тоже особых проблем нет: лингвистический корпус (англ. text corpus) – снабженная разметкой и специальным программным обеспечением компьютерно-опосредованная совокупность текстов или текстовых фрагментов, предназначенная для статистически корректных исследований речи. С точки зрения информационных технологий корпус – это совокупность данных, единицами которой являются коммуникационно-релевантные паттерны семантики, обладающие иерархической макроструктурой. С точки зрения компьютерной науки корпус – это не просто коллекция отобранных по конкретной методике и представленных в электронном виде текстов из определенных сфер употребления языка (таких коллекций существует сейчас великое множество), но коллекция, категоризованная в аспекте интегральных характеристик каждого текста, и маркированная в плане формальных характеристик различных единиц его организации.

Разумеется, в контексте систематического исследования языка наиболее актуальными являются возможности именно лингвистического корпуса. В данной связи актуализируется целый ряд значимых научных проблем: определение пределов допустимого доминирования корпусных данных в сфере теоретического обустройства науки о языке; интердисциплинарный консенсус самой корпусной деятельности – лишь частично собственно лингвистической или технической; необходимость формализации, репрезентации и интерпретации комплексной семантики языка и речи; учет и использование новой коммуникационной реальности, в частности Интернета, и др. В чем важность «инвентаризации» подобной проблематики? В специфике развития современной лингвистики, которую сегодня уже вполне можно дифференцировать на докомпьютерную и компьютерную (интуитивную и эмпирическую, информационную и семантическую и т.д.). Причем, если какое-то время компьютерная лингвистика представлялась зонтичной сферой для корпусной лингвистики (см., например, [18]), то сегодня уже нет сомнений в самостоятельности корпусной лингвистики в структуре языкознания (см., например, [19]). Более того, имеется достаточно оснований считать компьютерную парадигматику вспомогательной – для по-настоящему широко раскрывшейся корпусной методологии.

Универсальные возможности корпусной методологии обусловливают ее активное использование, особенно в комплексных исследованиях. Например, корпусный подход в дискурсивных исследованиях создал новый формат научной практики: «Это комплексное и тесное взаимодействие методов, подходов и инструментов запустило сближение двух областей [корпусной лингвистики и дискурс-анализа], корпусная лингвистика больше не находится на периферии анализа дискурса, а играет центральную роль» [20. С. 183].

До появления компьютеров, во времена доминирования структурной лингвистики, в условиях дефицита эмпирических данных, считалось вполне приемлемым делать далеко идущие выводы, основываясь на отдельных языковых фактах. Под такую методику даже подводилась соответствующая аргументация: «Не надо ждать накопления неограниченного множества высказываний, чтобы увидеть синтаксические правила, потому что они предшествуют появлению всего этого множества» [21. С. 16]. В современных условиях, при изобилии разного рода данных о языке, целесообразность подобного исследовательского подхода вызывает сомнения: почему бы не исследовать то новое, что стало доступным?

Нужно сказать, что без обращения к инструментарию корпусной лингвистики современная исследовательская практика обходится редко. В еще большей степени корпусно-зависимой является лингвистика компьютерно-опосредованной коммуникации. Корпусная методика многими исследователями признается важной и продуктивной: «Большие корпусы стали основным инструментом лингвистического исследования в последние два десятилетия. Этот период примерно соответствует времени закрепления речи в центре внимания лингвистических исследований» [22. С. 5]. С помощью корпусных технологий, с одной стороны, сегодня стали доступными для исследования и обобщения огромные массы текстов. С другой стороны, если учитывать в теоретических построениях все новейшие данные прикладной сферы, придётся существенно корректировать теорию языка (см., например, [19]).

Не менее существенную проблемную ситуацию создает двойственная природа корпусной лингвистики: филологическая, корпусы содержат речевой материал, и техническая, корпусы работоспособны благодаря компьютерным технологиям. В результате корпусы создаются и совершенствуются специалистами разной компетенции. Синкретизм корпусной лингвистики требует формирования интердисциплинарных команд, компетентных, в данном случае, в лингвистике, программировании и статистике: «…часто коллективы, специальные интердисциплинарные коллективы, обладающие необходимым уровнем компетенции в лингвистике, программировании и статистике [выполняют корпусные исследования]…» [23. С. 53]. Возможно, нет для большинства филологов фобии страшнее, чем необходимость погрузиться в математику и информатику. Далеко не всегда приход технических специалистов в гуманитарную сферу сопровождается должным вниманием с их стороны к лингвистической сумме знаний. Проблема не нова, о ней писал еще Ф. де Соссюр: «…очевидно значение лингвистики для общей культуры: в жизни как отдельных людей, так и целого общества речевая деятельность является важнейшим из всех факторов. Поэтому немыслимо, чтобы ее изучение оставалось в руках немногих специалистов», но, в то же время, владение языком ещё не означает профессиональной лингви-

стической компетенции: «…в действительности ею [лингвистикой] в большей или меньшей степени занимаются все; но этот всеобщий интерес к вопросам речевой деятельности влечет за собой парадоксальное следствие: нет другой области, где возникало бы больше нелепых идей, предрассудков, миражей и фикций» [24. С. 53]. Тем не менее в условиях закрепления интердисциплинарного характера современной лингвистики данная проблема не стала менее актуальной – скорее, наоборот.

Недостатки традиционной лексико-центричной точки зрения на специфику системной презентации языка также были известны давно: «...слово, несмотря на все трудности, связанные с определением этого понятия, есть единица, неотступно представляющаяся нашему уму как нечто центральное в механизме языка; одной этой темы было бы достаточно для целого тома. Далее следовало бы перейти к классификации единиц низшего уровня, затем более крупных единиц и т.д. Таким образом, наша наука, определив элементы, которыми она оперирует, выполнила бы свою задачу полностью, сведя все входящие в ее ведение явления к их основному принципу. Нельзя сказать, что в лингвистике эта центральная проблема когда-нибудь уже ставилась и что все ее значение и трудность ее решения вполне осознаны; до сих пор в области языка всегда довольствовались операциями над единицами, как следует не определенными» [24. С. 143]. Безусловно, ограниченность презентации семантики лексическим уровнем стала еще более заметной в контексте уже сложившейся тенденции к формализации естественных языков и не менее активной практики по созданию искусственных языков – семиотических систем для сферы компьютерно-опосредованной коммуникации [25].

Опора на «привычный» языковой феномен, основанный на «иллюзиях» языковой картины мира, – слово – неудивительна в контексте повышенного интереса к перспективам формализации языковой системы. Однако общеизвестно, что, являясь, безусловно, лингвистической абстракцией, слово, точнее, лексическая единица, в метаязыковом контексте не является самодостаточным языковым артефактом, питаясь жизненной силой единого семантического поля языка, что справедливо отмечалось Ю.Д. Апресяном [26] и другими исследователями.

Корпусы в широком смысле слова, созданные в зависимости от целей исследования, существовали в лингвистике давно: начиная от словарей, собраний параллельных текстов (например, Библии) и заканчивая картотеками – личными и созданными научными учреждениями, как исходный материал для кейс-исследований [27]. При традиционной технологии сбора и обработки языковых данных агрегирование и обновление собранного материала являются нетривиальной задачей. Перманентная обработка картотеки, поиск нужных единиц и другие необходимые операции требуют много времени и усилий. Кроме того, «традиционная» лингвистическая техника совершенно не предусматривает доступ к языковым данным на расстоянии. И, конечно, новые «информационные» технологии и технические средства (компьютерные системы, системы связи, системы мультимедиа) слелали языковые данные более доступными. Так, поскольку компьютерные технологии широко используются и в типографском деле, и в средствах массовой информации, агрегирование создаваемого в настоящее время «контента» существенно упростилось: большинство современных газет имеют версии, которые функционируют в компьютерно-опосредованном формате (все чаще определяемом как лингвоинформационный [28]). Быстрыми темпами нарастает зависимость речевой практики от коммуникационных сетей: сам Интернет является гиперкорпусом [19]. Современные технологии сканирования текста и эффективные программы расшифровки графической информации («изображения» текста) в собственно текстовый формат (текст как совокупность графем) позволили сделать практику перевода уже созданных «печатных» текстов в «электронный» формат массовой.

Практика верификации словарного состава языка в компьютерно-опосредованной среде коммуникационных сетей помогает синхронизировать работу лингвистов с требованиями времени. Подобная стратегия успешно реализована в серии словарей COBUILD, или Collins Birmingham University International Language Database (англ. – ‘Международная языковая база данных «Коллинз» и Бирмингемского университета’): «Все словари серии COBUILD базируются на информации, которую мы находим в Bank of English™ и Collins corpus» [29]. Если раньше словарная практика имела непререкаемый лингвистический авторитет, то сегодня – все чаще наоборот: словари базируются и выверяются по лингвистическим корпусам, средоточию образцов речевой практики. Характерно следующее наблюдение Н.Д. Голева: «В последнее время лингвисты, не довольные интуитивным решением проблемы формирования лексического состава словарей, все чаще обращаются к Национальному корпусу русского языка и данным Интернета, а также к лингвистическому эксперименту как более надежным источникам» [30. С. 185].

Современный корпусный формат становится все более востребованным, например, для создания программ машинного перевода: «В последнее время не может быть сомнений в важности или необходимости использования корпусов при переводе. Равным образом, онлайн-корпусы проявили себя как наиболее эффективный инструмент в контексте коротких сроков выполнения заданий и скорости, которые сейчас востребованы в индустрии переводов... Ad-hoc, специализированные корпусы, добытые из электронных ресурсов, доступных с помощью Интернета, доказали свой статус первоклассных источников текстов: как в качестве ценного инструмента в процессе принятия решений, так и при редактировании» [31].

Таким образом, речевая практика – как непосредственный предмет современной прикладной лингвистики – постоянно репродуцируется и реализуется в колоссальном разнообразии текстов. Практика создания ее метаописаний требует учета не произвольных выборок, а полного объема референтных данных. Само метаописание подразумевает репрезентацию объ-

екта в контексте и средствами вторичной семиотической либо абстрактной системы. Соответствующие корпусные обобщения востребованы, поскольку обладают объективным характером. При всей значимости для современной лингвистической парадигмы эмпирических данных развитие лингвистики как науки не может не сопровождаться систематизацией и обобщением первичных данных, их моделированием на уровне метаописаний, практикой репрезентации и интерпретации обобщений.

Выводы

Итак, сегодня на первый план постепенно выходят задачи не создания корпусной парадигматики: корпусная лингвистика создана и успешно функционирует. В современном научном контексте актуализируются задачи сохранения своеобразного методологического баланса: практики исследования языка и ее компетентной репрезентации, «метаязыковой» деятельности и «металингвистической» рефлексии. Метаязык и металингвистика, являясь близкими, но не эквивалентными понятиями, позволяют обоснованно дифференцировать многоаспектную лингвистическую специфику.

В то же время существенные сложности в инкорпорации корпусных исследований в широкую метаязыковую практику возникают уже в процессе идентификации самого феномена лингвистического корпуса. Выявлена существенная специфика понятийно-концептуальной репрезентации ключевой для всего «корпусного» лексико-семантического поля лексемы корпус и ее систематизированной метаязыковой рефлексии, метаязыковой кодификации развития леммы корпус и терминологического освоения накопленного потенциала метаописаний. В данном контексте показательны специфические особенности развития парадигмы лексемы корпус в русском, украинском и белорусском языках.

Потенциал корпусной методологии как основы создания объективных метаописаний сферы речевого функционирования обусловлен спецификой компетентной рефлексии корпусных исследований, являющейся дискуссионной и продуктивной. Металингвистическое освоение корпусной проблематики не является автономной и самодостаточной практикой, основываясь на широком круге метаязыковых обобщений. В данной связи рассмотрены металингвистическая интерпретация и верификация корпусной деятельности: определение пределов доминирования корпусных данных в сфере теоретического обустройства науки о языке; интердисциплинарный консенсус корпусной деятельности; необходимость функциональной формализации, репрезентации и интерпретации семантики; адаптация корпусной парадигматики к условиям новой коммуникационной реальности, в частности Интернета, и др.

Корпусная методология – инструментарий, позволяющий комплексно исследовать языковую проблематику практически без изъятий; уникальная основа для решения сложных синкретичных проблем лингвистики, позволяющая избежать избирательной «системной» или «эмпирической» ориентации парадигматики. Метаязыковая значимость корпусной парадигматики подкреплена дискуссионностью рефлексии, прецизионностью и многоаспектностью полученных результатов, постоянным расширением сферы ее задействованности в научном дискурсе. Метаязыковая систематизация корпусной парадигматики – необходимая составляющая последовательной и аргументированной реализации ее потенциала.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бенвенист Э. Общая лингвистика : пер. с фр. М., 1974. 447 с.
2. Баркович А.А. Методологический аспект изучения компьютерно-опосредованного дискурса // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. Н. Новгород, 2015. Вып. 30. С. 38–48.
3. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка: Толково-словообразовательный: Св. 136 000 слов. ст., ок. 250 000 семант. ед. : в 2 т. М., 2000. 2297 с.
4. Словари и энциклопедии на Академике. URL: http://academic.ru (дата обращения: 30.07.2015).
5. Национальный корпус русского языка. URL: http://www.ruscorpora.ru (дата обращения: 30.07.2015).
6. Соловьев Н.В. Словарь правильной русской речи: ок. 85 000 слов: более 400 коммент. М., 2008. 847 с.
7. Online Etimology Dictionary. Available at: http://www.etymonline.com (дата обращения: 30.07.2015).
8. Баркович А.А. Функциональность диады «коммуникационный – коммуникативный»: дискурсивный аспект // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2015. № 5 (37). С. 37–52. DOI 10.17223/19986645/37/3.
9. Русский орфографический словарь / В.В. Лопатин ред. 2-е изд. М., 2007. 960 с.
10. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М., 1999. 944 с.
11. Бусел В.Т. Великий тлумачний словник сучасної української мови. Київ, 2005. 1728 с.
12. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы: у 5 т. / К. Крапіва рэд. Мн., 1977–1984. 4087 с.
13. Граматычны слоўнік назоўніка / А.Я. Міхневіч, В.П. Русак, рэд. Мінск, 2008. 1379 с.
14. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966. 608 с.
15. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. 5-е изд., испр. и доп. Назрань, 2010. 486 с.
16. Плунгян В.А. Корпус как инструмент и как идеология: о некоторых уроках современной корпусной лингвистики // Русский язык в научном освещении. 2008. № 16 (2). М. : Языки славянской культуры. С. 7–20.
17. Шмелёв А.Д. Языковые факты и корпусные данные // Русский язык в научном освещении. 2010. № 19 (1). М. : Языки славянской культуры. С. 236–265.
18. Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику. М., 2001. 358 с.
19. Баркович А.А. Интернет-дискурс: компьютерно-опосредованная коммуникация. М., 2015. 288 с.
20. Flowerdew L. Corpus-based discourse analysis // The Routledge handbook of discourse analysis / J.P. Gee and M. Handford eds. London: Routledge, 2012. P. 174–188.
21. Леви-Стросс К. Мифологики : в 4 т. [пер. с фр.]. СПб., 1999. Т. 1. Сырое и приготовленное. 406 с.
22. Mauranen A. Speaking professionally in an L2: Issues of corpus methodology // Variation and Change in Spoken and Written Discourse: Perspectives from corpus linguistics / J. Bamford, S. Cavalieri, G. Diani eds. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2013. Vol. 21 of Dialogue Studies. P. 5–32.

23. McEnery T., Hardie A. Corpus Linguistics: Method, Theory and Practice. Cambridge, 2012. 294 p.
24. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики // Труды по языкознанию. М. : Прогресс, 1977. С. 31–273.
25. Баркович А.А. Компьютерно-опосредованная коммуникация: потенциал металексической значимости // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2015. № 7 (152). Общественные и гуманитарные науки. Петрозаводск : ФГБОУ ВПО «Петрозаводский государственный университет (ПетрГУ)», 2015. С. 38–43.
26. Апресян Ю.Д. Избранные труды : в 2 т. М. : Языки русской культуры. 1995. Т. I : Лексическая семантика. Синонимические средства языка. 464 с.
27. Барковіч А.А. Лексічны патэнцыял беларускай мовы ў святле корпуснай лінгвістыкі. Мінск, 2012. 158 с.
28. Баркович А.А. Лингвоинформационная специфика компьютерно-опосредованной коммуникации: структурный аспект // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2. Языкознание. 2015. № 2 (26). С. 114–120. DOI: http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2015.2.16
29. About the Collins Corpus and the Bank of English™, available at: http://www.mycobuild.com/about-collins-corpus.aspx (дата обращения: 30.07.2015).
30. Голев Н.Д. Лексическая реализация как функциональная характеристика словообразовательной системы русского языка и количественные параметры ее описания // Осмь десять : сб. науч. ст. к 80-летию И.С. Улуханова ; отв. ред. М.А. Малыгина. М., 2015. С. 183–193.
31. Corpas Pastor G., Seghiri M. Specialized Corpora for Translators: A Quantitative Method to Determine Representativeness // Translation Journal. 2007. Vol. 11, Num. 3. Available at: http://www.bokorlang.com/journal/41corpus.htm (дата обращения: 30.07.2015).

Статья представлена научной редакцией «Филология» 22 марта 2016 г.

CORPUS LINGUISTICS: THE SPECIFICS OF MODERN META-DESCRIPTIONS OF LANGUAGE

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 406, 5–13.
DOI: 10.17223/15617793/406/1
Barkovich Aliaksandr A. Belarusian State University (Minsk, Republic of Belarus). E-mail: albark@tut.by
Keywords: Corpus Linguistics; corpus discourse; methodology; paradigm; speech practice; meta-language; metalinguistics; meta description.

The article is devoted to research and systematization of the specifics of modern meta descriptions of language in the context of Corpus Linguistics. *Corpus Linguistics* as a metalinguistic tool is the methodology of creation, use and study of corpora for meta-language interpretation of the speech practice regularities by computer means. The need to summarize meta-language specifics of Corpus Linguistics is due to its being in high demand, contradictory competent interpretation, dynamics of computer-mediated communication and other factors. The issues of term system formation, Corpus Linguistics integration into the linguistic paradigm, methodological relevance of the corpus approaches to a wide range of speech practice research works were described. The essential specifics of notional and conceptual representation of the key lexeme *corpus* for the whole "corpus" lexical-semantic field, its *meta-language* reflection and codification of the lemma *corpus* development and terminological absorption of the accumulated metadescriptions potential were revealed. *Metalinguistic* interpretation and verification of corpus activities were considered: the defining of the corpus data dominance limits in theoretical arrangement of the language science; interdisciplinary consensus of the corpus activities; the need for functional formalization, representation and interpretation of the semantics; the adaptation of corpus paradigmatics to the conditions of new communication reality, in particular the Internet, and others. Speech practice as the direct object of modern Applied Linguistics is constantly reproduced and realized in an enormous variety of texts. The practice of creation of its meta descriptions requires taking into account not only random samples, but the full scope of the reference data. *Meta description* by itself implies the object representation in the context and by means of a secondary semiotic or abstract system. Interpretation of speech practice gradually became a syncretic and interdisciplinary problem domain of modern science, and the speech has become a truly relevant source for qualitatively new scientific generalizations. In this context, the concept of *corpus discourse* is relevant as speech activities due to the practice of creating, using and studying the corpora. Thus, corpus methodology is the instrumentarium that allows exploring the language problems in a complex mode almost without exception; a unique basis for solving complex syncretic linguistic problems that allows avoiding the selectivity of "system" or "empirical" paradigmatic orientation. Meta-language systematization of the corpus paradigmatics is a necessary component of its consequential and reasoned potential realization.

REFERENCES

1. Benveniste, E. (1974) *Obshchaya lingvistika* [General linguistics]. Translated from French. Moscow: Progress.
2. Barkovich, A.A. (2015) Metodologicheskiy aspekt izucheniya komp'yuterno-oposredovannogo diskursa. [The Study of Computer-Mediated Discourse: The Methodological Aspect]. *Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta im. N.A. Dobrolyubova*. 30. pp. 38–48. (In Russian).
3. Efremova, T.F. (2000) *Novyy slovar' russkogo yazyka: Tolkovo-slovoobrazovatel'nyy: Sv. 136 000 slov. st., ok. 250 000 semant. ed.: v 2 t.* [New Dictionary of the Russian language: Explanatoryderivational: 136,000 entries. c. 250000 semantic units. In 2 v.]. Moscow: Russkiy yazyk.
4. Dictionaries and encyclopedias at Academic.ru. [Online]. Available from: http://academic.ru. (Accessed: 30th July 2015).
5. The Russian National Corpus. [Online]. Available from: http://www.ruscorpora.ru. (Accessed: 29th May 2015). (In Russian).
6. Solov'ev, N.V. (2008) *Slovar' pravil'noy russkoy rechi: ok. 85 000 slov: bolee 400 komment* [Dictionary of correct Russian speech: about 85 000 words: more than 400 commentaries]. Moscow: AST: Astrel.
7. Online Etymology Dictionary. [Online]. Available from: http://www.etymonline.com. (Accessed: 30th July 2015).
8. Barkovich, A.A. (2015) Functionality of the "communicational-communicative" dyad: discursive aspect. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 5 (37). pp. 37–52. (In Russian). DOI 10.17223/19986645/37/3
9. Lopatin, V.V. (ed.) (2007) *Russkiy orfograficheskiy slovar'* [Russian spelling dictionary]. 2nd ed. Moscow: Institut russkogo jazyka imeni V.V. Vinogradova.
10. Ozhegov, S.I. & Shvedova, N.Yu. (1999) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazheniy* [Dictionary of the Russian language: 80 000 words and idiomatic expressions]. 4th ed. Moscow: Azbukovnik.
11. Busel, V.T. (2005) *Velikiy tlumachniy slovnik suchasnoï ukraïns'koï movi* [Great Dictionary of Modern Ukrainian language]. Kiïv: Perun. (In Ukrainian).
12. Krapiva, K. (ed.) (1977–1984) *Tlumachal'ny sloўnik belaruskay movy: u 5 t.* [Explanatory Dictionary of Belarusian language: in 5 volumes]. Minsk: Vydavectva "Belaruskaya saveckaya yencyklapedyya" imya Pyatrusya Broўki. (In Belorusian).

13. Mihnevich, A.Ya. & Rusak, V.P. (eds) (2008) *Gramatychny sloўnik nazoўnika* [Grammar Dictionary of Noun]. Minsk: Belaruskaya navuka. (In Belorusian).
14. Akhmanova, O.S. (1966) *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [A Dictionary of Linguistic Terms]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya.
15. Zherebilo, T.V. (2010) *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. 5th ed. Nazran: Piligrim.
16. Plungyan, V.A. (2008) Korpus kak instrument i kak ideologiya: o nekotoryh urokakh sovremennoy korpusnoy lingvistiki [The corpus as an instrument and as an ideology: some of the lessons of modern Corpus Linguistics]. *Russkij jazyk v nauchnom osveshhenii*. 16 (2). pp. 7–20.
17. Shmelyov, A.D. (2010) *Yazykovye fakty i korpusnye dannye* [Language facts and corpus data]. *Russkij jazyk v nauchnom osveshhenii*. 19 (1). pp. 236–265.
18. Baranov, A.N. (2001) *Vvedenie v prikladnuyu lingvistiku* [Introduction to Applied Linguistics]. Moscow: Editorial URSS.
19. Barkovich, A.A. (2015) *Internet–diskurs: komp'yuterno-oposredovannaya kommunikatsiya* [Internet discourse: computer-mediated communication]. Moscow: Flinta: Nauka.
20. Flowerdew, L. (2012) Corpus-based discourse analysis. In: Gee, J.P. & Handford, M. (eds) *The Routledge handbook of discourse analysis*. London: Routledge.
21. Levi-Strauss, C. (1999) *Mifologiki. V 4-h tt.* [Mythologics. In 4 volumes]. Translated from French. Vol. 1. St. Petersburg: Universitetskaja kniga.
22. Mauranen, A. (2013) Speaking professionally in an L2: Issues of corpus methodology. In: Bamford, J., Cavalieri, S. & Diani, G. (eds) *Variation and Change in Spoken and Written Discourse: Perspectives from corpus linguistics*. Vol. 21 of Dialogue Studies. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company.
23. McEnery, T. & Hardie, A. (2012) *Corpus Linguistics: Method, Theory and Practice*. Cambridge: Cambridge University Press.
24. Saussure, F. de. (1977) Kurs obshchey lingvistiki [Course in General Linguistics]. In: Saussure, F. de. *Trudy po yazykoznaniyu* [Works on linguistics]. Translated from French. Moscow: Progress.
25. Barkovich, A.A. (2015) Computer-mediated communication: potential of metalexical significance. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. Obshhestvennye i gumanitarnye nauki – Proceedings of Petrozavodsk State University. Social Sciences and Humanities.* 7 (152). pp. 38–43. (In Russian).
26. Apresyan, Yu.D. (1995*) Izbrannye trudy: v 2 t.* [Selected Works: in 2 volumes]. Vol. 1. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
27. Barkovich, A.A. (2012) *Leksichny patentsyyal belaruskay movy ў svyatle korpusnay lingvistyki* [Lexical potential of the Belarusian language in the light of corpus linguistics]. Minsk: RIVSH. (In Belorusian).
28. Barkovich, A.A. (2015) Linguistic and informational specifics of computer-mediated communication: structural aspect. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 2. Jazykoznanije – Science Journal of Volgograd State University. Linguistics.* 2 (26). pp. 114–120. DOI: http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2015.2.16. (In Russian).
29. About the Collins Corpus and the Bank of English™. [Online]. Available from: http://www.mycobuild.com/about-collins-corpus.aspx. (Accessed: 30th July 2015).
30. Golev, N.D. (2015) Leksicheskaya realizatsiya kak funkcional'naja harakteristika slovoobrazovatel'noj sistemy russkogo jazyka i kolichestvennye parametry ee opisanija [Lexical implementation of the functional characteristics of word-formation system of the Russian language and quantitative parameters of its description]. In: Malygina, M.A. (ed.) *Osm' desyat": Sbornik nauchnykh statey k 80-letiyu I.S. Ulukhanova* [Eighty: A collection of articles on the 80th anniversary of I.S. Ulukhanov]. Moscow: Azbukovnik.
31. Corpas Pastor, G. & Seghiri, M. (2007) Specialized Corpora for Translators: A Quantitative Method to Determine Representativeness. *Translation Journal*. 11 (3). Available from: http://www.bokorlang.com/journal/41corpus.htm. (Accessed: 30th July 2015).

Received: 22 March 2016

Вестник Томского государственного университета. 2016. № 406. С. 14–17. DOI: 10.17223/15617793/406/2

УДК 808.2-087

Е.С. Воронова

ПОКАЗАТЕЛИ НЕУВЕРЕННОСТИ В ДИАЛЕКТНОЙ РЕЧИ

Рассматриваются вводно-модальные слова **кажется / мне кажется / кажись, будто / как будто / быдто, вроде / вроде бы / вроде как / как-то вроде, по-моему, помню / я помню, я так слышала** – показатели неуверенности, функционирующие в разговорной речи представителей народного типа речевой культуры, являющиеся формальными показателями речевого жанра предположения. Описывается связь между темой высказывания, его временной соотнесённостью и тем, какой показатель неуверенности выбирает говорящий, высказывая предположение. В статье решается задача группировки рассматриваемых вводно-модальных слов. Делается вывод о возможности выделения внутри речевого жанра предположения следующих его разновидностей: суждения о настоящем, воспоминания, суждения о здоровье / поведении.

Ключевые слова: модальные слова; показатели неуверенности; диалект; предположение; речевой жанр.

Исследования семантики и особенностей функционирования вводно-модальных слов и конструкций, выполненные главным образом на материале литературного языка, затрагивают актуальные проблемы описания данного пласта лексики. Многие из этих работ посвящены выработке схем и понятий, которые дали бы возможность в полной мере раскрыть специфику модальных слов, выработать методы анализа высказываний с модальными словами, позволяющие дополнить и уточнить их описания. Несмотря на общность средств выражения модальных смыслов в литературном языке и в живой диалектной речи, существуют и специфические диалектные средства. Например, в работе [1] отмечалось, что «основную часть средств выражения «оценки говорящим степени его уверенности в достоверности сообщаемого» в говоре составляют общерусские *(наверно, конечно)*, просторечные *(кажись) вводно-модальные слова,* частицы и устойчивые сочетания». А в число *собственно диалектных средств, маркирующих уверенность / неуверенность говорящего, входят вводно-модальное слово всяко-разно (в знач. ‘конечно’), сочетания как вот, ли как, либо, ли как ли, ли нет ли, ли чё ли, а также* диалектные и просторечные варианты общерусских слов *(однако, можа, може, можеть)* [Там же. С. 110–114]. *Являясь жанрообразующими средствами речевого жанра предположения, вышеперечисленные вводно-модальные слова требуют подробного описания и классификации.*

В статье рассматриваются вводно-модальные слова – показатели неуверенности [2], функционирующие в диалектной речи; предпринимается попытка установления связи между темой, временной соотнесённостью высказывания и выбором говорящим того или иного показателя неуверенности. Исследование проводится на материале русских старожильческих говоров Среднего Приобья. Информантами являются диалектоносители, представители народного типа речевой культуры. Материал исследования составляют 278 контекстов, содержащих показатели неуверенности.

Гипотетические высказывания, служащие для выражения речевого акта гипотезы, были рассмотрены автором в статье «Речевой жанр предположения в диалектной коммуникации». В ней были обоснованы существование самостоятельного сложного информативного речевого жанра предположения и наличие у него собственных формальных показателей, функцию которых выполняют вводно-модальные слова и конструкции. Они, в силу своей семантики, позволяют разграничивать предположения, источником которых является чувственный опыт говорящего, и предположения, связанные с мыслительными процессами [3. С. 18–21]. Рассмотрению формальных показателей, маркирующих предположения, связанные с мыслительными процессами, посвящена другая статья автора «Вводно-модальные слова как маркеры гипотетичности в диалектной речи». В ней обосновывается выделение следующих поджанров РЖ предположения: прогноз, собственно предположение / догадка, установление причинно-следственных связей, метаязыковая деятельность [4. С. 10–14]. В настоящей статье рассматриваются показатели неуверенности *кажется / мне кажется / кажись, будто / как будто / быдто, вроде / вроде бы / вроде как / как-то вроде, по-моему, помню / я помню, я так слышала* и выделяются соответствующие им разновидности: суждение о настоящем, воспоминание, суждение о здоровье / поведении.

Являясь на синтаксическом уровне одним из основных средств выражения субъективной модальности, вводно-модальные слова и выражения могут быть разделены на несколько категорий. Так, В.В. Виноградовым названы четыре основные функции вводных синтагм: выражение разных оттенков отношения высказывания к действительности, его достаточности, несомненности, истинности, сомнительности (*верно, бесспорно* и др.); характеристика стиля речи, её экспрессии, источника (*по словам кого-нибудь, по слухам, по мнению кого-нибудь* и др.); описание чувства, переживания, с точки зрения которого оценивается сообщение или которое сопровождает выраженный в сообщении факт (*к сожалению* и т.п.); передача общей оценки сообщаемого факта с точки зрения общих категорий счастья, беды и т.п. [5. С. 53–87].

Выделение показателей неуверенности среди вводно-модальных слов основывается на концепции, изложенной в работах Е.С. Яковлевой, а также Т.В. Булыгиной и А.Д. Шмелёва [6, 7]. В них речь идёт о двух группах модальных слов: показателях характерной и нехарактерной информации (в терминологии Т.В. Булыгиной и А.Д. Шмелёва, показателях неуверенности и гипотетичности). Первые используются в случае, если говорящий сообщает о данных собственного чувственного опыта, вспоминает что-то или ссылается на некий источник информации. Пока-

зателями характерной информации являются слова: *кажется, как будто, вроде, явно, определенно*. Вторые, в свою очередь, употребляются, только если говорящий делится своими умозаключениями, высказывает некоторые гипотезы / предположения или прогнозирует что-то, исходя из собственных логических построений. Показателями нехарактерной информации являются модальные слова *наверно, видимо, по-видимому, вероятно, должно быть, может быть, бесспорно, безусловно, несомненно* [6. С. 218–219].

Как отмечают Т.В. Булыгина и А.Д. Шмелёв, на выбор говорящим показателя гипотетичности или неуверенности влияет тип информации, относительно которой формируется высказывание. Незнание говорящим действительного положения дел, отсутствие собственного чувственного опыта восприятия или информации о предмете речи, полученной от других лиц, обусловливают использование показателей гипотетичности: *возможно, может быть, вероятно, должно быть, наверно* и др. [7. С. 293–304].

Такие предположения могут быть высказаны по поводу событий, имевших место в прошлом, или ещё не состоявшихся, которым только предстоит произойти. Формальными показателями, маркирующими результат мыслительной деятельности говорящего, в диалектной речи выступают *наверно / наверное, может*, *может быть*, *можа*, (*мне*) *кажется*, *видимо, однако, поди, ли чё ли / ли как ли*.

Показателями неуверенности являются вводно-модальные слова и частицы *кажется, будто, как будто, вроде.* Они не могут быть употреблены в условных конструкциях и в составе предположений о будущем, но если речь идёт об информации, полученной на основании чувственного опыта говорящего, в том числе о воспоминаниях, а также об информации, источником которой является третье лицо, то в составе гипотетического высказывания может быть использован только показатель неуверенности. Ср.: *Ну и здесь у нас будет осенью, цена дойдет, может быть, и до трех и до четырех рублей только. – Родня-то говорила, что будто бы они с детмалютки взяли ребёнка.*

Показатель неуверенности *кажется* используется говорящим при наличии непосредственной, перцептуальной информации о предмете речи, которой он по каким-то причинам не доверяет полностью: *Громушка, кажется, гремит*; вводные *вроде, вроде как, как будто* и отсылающее к источнику информации *говорят* возникают в речи в случаях, когда говорящий опирается на информацию, полученную от третьих лиц: *Таволожник – будто как вроде слыхала, но не буду врать*; а *мне кажется, по-моему* названы Т.В. Булыгиной и А.Д. Шмелёвым операторами неуверенной оценки*: Мне кажется, я тебя видела* [7. С. 293–304].

Кажется может быть отнесён к любой из этих подгрупп, однако этим его специфика не исчерпывается. *Кажется* частично сближается по своей семантике с показателями гипотетичности в тех случаях, когда говорящий располагает непосредственной, но неполной информацией о предмете речи и трактует события без использования логического вывода [8. С. 242]. Употребление этого вводно-модального слова определяется ситуацией, в которой информации недостаточно из-за помех восприятия, а также в ситуации воспоминания. Также важно отличать *кажется, мне кажется* от неактуальных употреблений глагола *казаться, показаться*. Данный показатель неуверенности вместе с *по-моему* связан с общей неуверенностью говорящего в себе и своих суждениях, но иногда могут выступать, как отмечают Т.В. Булыгина и А.Д. Шмелёв, и в качестве «фигуры скромности»: *А мне кажется, ничё не страшный котёнок. Так только досадливый*; *Мне вот кажется, кода женщина заматерится, как курица запоёт по-петушьи, равносильно тому*. В диалектной речи *кажется* зафиксировано также в просторечном варианте *кажись: Раньше не уходили, кажись, от мужа. Всяко жили, от гуляет, да то друга, да всё равно живут.*

Характерно, что в «Новом объяснительном словаре синонимов» показатели неуверенности и гипотетичности объединены в одну группу: «*…3) возможно 3, вероятно, может быть, должно быть, наверно, верно, по-видимому, очевидно, кажется, как будто, вроде, скорее; возможный, вероятный, мыслимый, потенциальный»*, которая обозначает мнение говорящего, что ситуация Р может *иметь* место [9. С. 157–158].

Это может быть объяснено тем, что во всех имеющихся словарях данные вводно-модальные слова рассматриваются как синонимы, толкуются одно через другое без учёта семантических и функциональных особенностей [10–12]. В рамках статьи рассматриваются только вводно-модальные слова и частицы, омонимичные им союзы не рассматриваются.

Употребление показателей неуверенности и показателей гипотетичности в высказываниях, содержащих информацию, полученную говорящим из различных источников, а также невозможность взаимной замены рассматриваемых единиц позволяют утверждать существование в диалектной речи двух подгрупп вводно-модальных слов, отличающихся семантически.

При этом показатели неуверенности могут быть объединены по степени выраженности семантического компонента «указание на подобие». Согласно словарным толкованиям наиболее чётко этот компонент проявлен в словах *словно, будто, как будто, вроде*; в меньшей степени указание на подобие эксплицировано в семантике *по-моему, кажется, мне кажется* [13]. Это позволяет группировать показатели неуверенности по степени очевидности подобия упоминаемых предметов / явлений / ситуаций для говорящего.

Выше отмечалось, что показатели неуверенности не могут быть употреблены в условных конструкциях и в составе предположений о будущем, в частности в высказываниях, содержащих прогноз. Это связано с семантическими различиями, обусловливающими невозможность взаимной замены показателей неуверенности и показателей гипотетичности, а также с тем, что показатели гипотетичности используются только при отсутствии у говорящего предварительных знаний о предмете речи. Употребление же показателей неуверенности

предполагает (1) наличие предварительных знаний о предмете / явлении / ситуации либо (2) участие в ситуации, о которой идёт речь:

(1) *А за анонимки счас,* ***по-моему****, уголовное дело возбуждается; Батист. Он* ***вроде*** *похож на капрон, но она [блуза] батистова, на ней даже атикетка была; Ну вот весной,* ***вроде****, всё растаяло, уж и зима гола, и уже больше же не будет [снега], а он – ах да и выпал – вот тебе и озимок; Барашек запашистый такой,* ***мне кажется****, у него, как рожками, загнуты лепесточки (о растении)*; *По-моему, их называют «незабудки», ага?; Они [о картофеле]* ***вроде как бы*** *скороспелы маленько: у них быстре ботва засыхает. Круглы да красивы каки!; Таволожник –* ***будто как вроде*** *слыхала, но не буду врать; Годовик –* ***я так слышала****, что бычишка годовик, ли тёлка ли там; А он,* ***вроде бы****, сначала захотел вернуться, а она его не приняла; А счас на лёгкой работе работат,* ***как вроде как*** *механик или кто ли он там… или как;*

(2) *Она была привязана на двух нитках и* ***будто*** *оно держится ровно; Ну, вот* ***вроде*** *диатез на макушке [о внуке]; Купили локомобиль – паром, дровами топили, ну,* ***вроде*** *как паровоз. Локомобиль назывался;* ***Помню****, тётка у меня набожна была, сильно набожна была, вот;* ***Я помню****, туда прибегал к бабушке – семья же большая, она вот так стопку блинов горечушных напекёт; Вот я вижу: деньги бросают [в могилу]. А тогда,* ***мне кажется****, деньги не бросали, только землю побросают и всё; Весело,* ***мне кажется****, раньше было, теперь не так.*

Показатели неуверенности также функционируют в речи при обсуждении / описании поведения окружающих, а также собственного духовного и физического состояния диалектоносителя. Высказывания этой группы оформляются следующим образом: *Вот какой у меня внучек!* ***Вроде*** *и не баловала я его шибко, хоть и любила, но заслужит кода, дак и наказать, бывало, не постесняюсь;* ***Вроде*** *и не фулиган, пить-то мало пил и завсегда меня слушал меня, не баловался; Так-то* ***вроде*** *и на душе стало хорошо, но она ешо бедновата, церьковь-то, бедновата; Почему ты не дашь поговорить с людьми? Бесстыдник.* ***Как будто*** *он голодный прямо; А она* ***вроде*** *скуповата. Чтоб она мёду стаканчик дала – Бо-оже!; Я поколю-поколю [об импликаторе Кузнецова] –* ***мне кажется*** *как луче,* ***как вроде*** *боль сымет; Захворал. Прямо,* ***кажется****, шуршит, ветер бы [в ушах]; Вот голова* ***вроде*** *с таблеточки с твоей [лучше]; Сплю,* ***вроде бы****, кто-то мне мешает, душит кто-то.*

Следующая группа высказываний содержит высказывания говорящего, содержащие ссылку на чужой опыт, источник информации: *Родня-то говорила, что* ***будто бы*** *они с дет-малютки взяли [ребёнка]; А тысячный это вот и есть,* ***по-моему****, он этот самый дружка; Ну,* ***как вроде бы*** *раньше так жопка называли, а по-культурному-то гузка, маленько повежливей.*

Общее число употреблений показателей неуверенности в рассматриваемом материале таково: *кажется / мне кажется / кажись – 47, будто / как будто / быдто – 51, вроде / вроде бы / вроде как / как-то вроде – 155, по-моему – 22, помню / я помню – 2, я так слышала – 1* [14].

Таким образом, в диалектной коммуникации в числе вводно-модальных слов, с семантикой гипотетичности, существуют показатели неуверенности, в значении которых присутствуют компоненты «указание на подобие» и «ссылка на чувственный опыт говорящего». Наиболее употребительными из них являются *вроде / вроде бы / вроде как / как-то вроде*. Различное пунктуационное выделение данного слова связано с тем, что в ряде случаев частица *вроде* употребляется в значении, близком к вводно-модальным словам *по-моему, кажется*.

Диалектоносители употребляют в речи показатели неуверенности в следующих случаях: 1) при обсуждении событий / явлений, предварительными знаниями о которых они располагают; 2) при описании, характеристике собственного духовного или физического состояния, а также состояния и поведения третьих лиц, как правило, из числа близких; 3) при передачи информации, которую говорящий получил от третьих лиц.

Внутри речевого жанра предположения, регулярно реализующегося в речи диалектоносителей и обладающего собственными формальными показателями, часть которых была рассмотрена выше, можно выделить следующие разновидности: суждение о настоящем, воспоминание, суждение о здоровье / поведении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Демешкина Т.А. Диалектное высказывание. Аспекты семантики. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2000. С. 110–114.
2. Человеческий фактор в языке. М. : Наука, 1992. С. 132.
3. Воронова Е.С. Речевой жанр предположения в диалектной коммуникации // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 381. С. 18–21.
4. Воронова Е.С. Вводно-модальные слова как маркеры гипотетичности в диалектной речи // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 394. С. 10–14.
5. Виноградов В.В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М. : Наука, 1975. С. 53–87.
6. Булыгина Т.В., Шмелёв А.Д. Гипотеза как мыслительный и речевой акт // Логический анализ языка: Ментальные действия / Рос. АН. Ин-т языкознания ; отв. ред. Н.Д. Арутюнова, Н.К. Рябцева. М. : Наука, 1993. С. 78–82.
7. Булыгина Т.В., Шмелёв А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М. : Языки русской культуры, 1997. С. 293–304.
8. Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М. : Гнозис, 1994. С. 218–219.
9. Новый объяснительный словарь синонимов / под ред. Ю.Д. Апресяна. С. 157–158; 474–476; 456–458.
10. Словарь русского языка : в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М. : Русский язык, 1984. Т. 3.
11. Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка. М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1935–1940.
12. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М. : Азъ, 1992.
13. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М. : Русский язык, 2000.
14. Вершининский словарь / гл. ред. О.И. Блинова. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1998. Т. 1–3.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 11 марта 2016 г.

INDICATORS OF UNCERTAINTY IN DIALECT SPEECH

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 406, 14–17.
DOI: 10.17223/15617793/406/2

Voronova Yevgeniya S. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ves1989@mail.ru

Keywords: modal words; indicators of uncertainty; dialect speech; assumption; speech genre.

The article deals with parenthetical modal words, indicators of uncertainty, operating in dialectal speech; an attempt to establish the connection between the subject, the time and the correlation of expression and choice of speaking of an indicator of uncertainty. Research of semantics and functioning of parenthetical modal words and constructions made mainly on the material of the literary language are devoted to the topical problems of the description of the formation of vocabulary. Many of these works are on the development of concepts and schemes that would allow to fully disclose the specifics of modal words, to develop methods for the analysis of statements with modal words, allow to supplement and clarify their descriptions. Despite the common means of expression of modal meanings in literary language and dialect speech, there are also specific dialectal means, for example, modal word *vsyakorazno [of course], combinations kak vot, li kak, libo, li kak li, li net li, li che li, and dialect versions odnako, mozha, mozhe, mozhet'.* Indicators of uncertainty are parenthetical modal words and particles *kazhetsya, budto, kak budto, vrode.* They can not be used in conventional constructions and in the composition of assumptions about the future, but if we are talking about information received on the basis of the sensory experience of the speaker, including memoirs, as well as the information source is the third person, an indicator of uncertainty can only be used in a part of the hypothetical statements. It is also proposed to separately characterize the indicator of uncertainty *kazhetsya:* the speaker uses it in the presence of immediate, perceptual information about the subject of the speech, which they for some reason do not trust completely; *kazhetsya, vrode, vrode kak, kak budto, govoryat* are used in speech when the speaker bases on information received from third parties; and operators of uncertain assessment are *kazhetsya, po-moemu*. As indicators of the speech genre of assumption, these modal words require a detailed description and classification. The task of the article is to group the analyzed uncertainty indices by the degree of certainty of the speaker in the truth of their conclusions. Talking about the use of conditionality thematic indicators of uncertainty in dialect speech, they can be compared with hypothetical figures. Indicators of uncertainty can not be used in statements containing prediction. The first group of statements that contain indicators of uncertainty is statements possessing prior knowledge of the subject matter of speech. The second group of statements may be divided into two subgroups. Subgroup 1) contains information about the situation which the speaker has experienced. Subgroup 2) contains messages talking about events / situations in which the speaker took no personal involvement. Such statements may contain a link to the source. It is concluded that inside the assumption speech genre (that is regularly realized in the speech of dialect speakers and has a number of its own formal characteristics, some of which are studied above) it is possible to single out the following subgenres: judgment about the present, recollection, judgment about health or behavior.

REFERENCES

1. Demeshkina, T.A. (2000) *Dialektnoe vyskazyvanie. Aspekty semantiki* [Dialectal statement. Aspects of semantics]. Tomsk: Tomsk State University.
2. Bulygina, T.V. (1992) *Chelovecheskiy faktor v yazyke* [The human factor in language]. Moscow: Nauka.
3. Voronova, E.S. (2014) The speech genre of assumption in dialect communication. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal – Tomsk State University Journal*. 381. pp. 18–21. (In Russian).
4. Voronova, E.S. (2015) Modal words as assumption markers in dialect speech. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 394. pp. 10–14. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/394/2
5. Vinogradov, V.V. (1975) O kategorii modal'nosti i modal'nykh slovakh v russkom yazyke [On the category of modality and modal words in the Russian language]. In: Vinogradov, V.V. *Izbrannye trudy. Issledovaniya po russkoy grammatike* [Selected Works. Research on Russian grammar]. Moscow: Nauka.
6. Bulygina, T.V. & Shmelev, A.D. (1993) Gipoteza kak myslitel'nyy i rechevoy akt [The hypothesis as a thought and speech act]. In: Arutyunova, N.D. & Ryabtseva, N.K. (eds) *Logicheskiy analiz yazyka: Mental'nye deystviya* [Logical analysis of language: Mental action]. Moscow: Nauka.
7. Bulygina, T.V. & Shmelev, A.D. (1997) *Yazykovaya kontseptualizatsiya mira (na materiale russkoy grammatiki)* [Language conceptualization of the world (on the material of Russian grammar)]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
8. Yakovleva, E.S. (1994) *Fragmenty russkoy yazykovoy kartiny mira (modeli prostranstva, vremeni i vospriyatiya)* [Fragments of Russian language picture of the world (models of space, time and perception)]. Moscow: Gnozis.
9. Apresyan, Yu.D. (ed.) (2004) *Novyy ob"yasnitel'nyy slovar' sinonimov* [New explanatory dictionary of synonyms]. Moscow; Vienna: Yazyki slavyanskoy kul'tury: Venskiy slavisticheskiy al'manakh.
10. Evgen'eva, A.P. (ed.) (1984) *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Dictionary of the Russian language: in 4 vols]. 2nd ed. Vol. 3. Moscow: Russkiy yazyk.
11. Ushakov, D.N. (ed.) (1935–1940) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of Russian language]. Moscow: OGIZ.
12. Ozhegov, S.I. & Shvedova, N.Yu. (1992) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of Russian language]. Moscow: Az".
13. Efremova, T.F. (2000) *Novyy slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyy* [New Dictionary of Russian language. Explanatory-derivational]. Moscow: Russkiy yazyk.
14. Blinova, O.I. (ed.) (1998) *Vershininskiy slovar'* [Vershininsky dictionary]. Vols 1–3. Tomsk: Tomsk State University.

Received: 11 March 2016

Вестник Томского государственного университета. 2016. № 406. С. 18–24. DOI: 10.17223/15617793/406/3

УДК 81'373

А.Л. Хлебникова

МЕТАФОРИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ОБРАЗОВ ЧЕЛОВЕКА: К ПРОБЛЕМЕ ГЕНДЕРНОЙ И ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ СПЕЦИФИЧНОСТИ

Представлены результаты сравнения метафорических номинаций русского и английского языков в гендерном аспекте. Предметом анализа являются гендерные метафоры, в качестве основного аспекта анализа выступают сферы-источники, актуализируемые при метафорическом моделировании. Выявлены общие закономерности использования тех или иных мотивировочных баз при метафорическом моделировании человека в двух языках. В качестве материала исследования использованы данные толковых академических словарей и онлайн-словарей русского и английского языков.

Ключевые слова: гендерная метафора; концептуальная метафора; картина мира; сфера-источник; сфера-мишень.

Проблема языкового маркирования культурнозначимых смыслов средствами языка является одной из наиболее актуальных в современной лингвистике, активно разрабатываемой на методологической платформе междисциплинарных отраслей знаний – лингвокультурологии и когнитивной лингвистики. Важнейшим средством выражения культурно значимых смыслов, образов, стереотипов является лексико-фразеологический фонд языка, в составе которого особую роль играет **метафора,** являющаяся мощным средством характеристики объекта, имеющим значительную интерпретационную силу в формировании фрагментов языковой картины мира [1, 2].

В данной статье мы задались целью изучить характер и степень сходства и различий в отражении *гендерных оппозиций при характеристике человека в системе метафорических номинаций* в русской и английской (британской) лингвокультурах. Общая проблема, решаемая в данной статье, конкретизируется в следующих вопросах. Когда мы метафорически именуем человека, из каких концептуальных сфер мы используем образы? Есть ли различия в системе сфер-источников метафорического моделирования при характеристике мужчин и женщин? Являются ли данные различия культуроспецифичными?

Поднимаемые в статье вопросы решаются при использовании положений современной теории концептуальной метафоры [3–5] и теории метафорического миромоделирования [6].

Играя роль призмы, через которую мы видим мир, метафора «способна обеспечить рассмотрение вновь познаваемого через уже познанное, зафиксированное в виде значения языковой единицы» [1. С. 179]. В процессе этого переосмысления сфера-источник метафоры, т.е. образ, который лежит в основе метафорического осмысления объекта, позволяет говорящему интерпретировать то, что он называет, и за счет ассоциаций, которые характерны для данного образа, актуализировать тот или иной смысл, оттенок значения.

Своеобразие производного метафорического значения состоит в том, что оно формируется как семантика с двойной референцией, т.е. оно отсылает к сфере-мишени через целостный образ сферы-источника в связи со скрытостью оснований отождествления. Таким образом, метафора формирует сложный целостный образ – гештальт, который актуализирует образ-стереотип, сложившийся в той или иной лингвокультуре. Например, метафорическая номинация *свинья* отсылает к референту на основе конкретного признака «грязный», при этом выделение этого признака происходит на основе сложившего в русской лингвокультуре образа особой нечистоплотности данного животного. В результате образ насыщается смыслами исходной сферы-источника метафорического моделирования [1. С. 173–190].

Интерпретационная сила метафоры особенно ярко проявляется при описании метафорических моделей, являющихся отражением в системе метафорических номинаций восприятия и понимания явлений одной понятийной сферы свозь призму другой, например поведения человека сквозь призму поведения животных. При этом типовые сферы-источники и сферы-мишени метафорического моделирования выступают в роли призм, актуализирующих стереотипы национального сознания [7. С. 12].

К числу таких стереотипов относятся *типовые представления о «типично женском» и «типично мужском»* – внешнем виде, поведении, особенностях характера и т.п. Метафорические номинации человека в системе своих внутренних форм могут фиксировать такие признаки, часть из которых является гендерно специфичными. Таким образом, метафорические номинации рассматриваются нами как способ отражения гендерных стереотипов. Гендер как социокультурное отражение половой дифференциации является одним из аспектов метафорического моделирования образа человека.

Вслед за З.И. Резановой гендерная (или гендерно маркированная) метафора понимается нами как «метафорические именования мужчин и женщин, выступающих в качестве средства маркирования «типично женских» и «типично мужских» качеств на основе уподобления явлениям разных понятийных рядов» [8. С. 48; 9. С. 80]. ***Гендерно маркированные метафоры*** актуализируют в семантике гендерно специфичные признаки, т.е. моделируют образ лица определенного пола, мужчины или женщины, например, *паж* ‘о ***мужчине***, преданно ухаживающем за женщиной’, *vixen* ‘a ***woman*** regarded as quarrelsome or ill-tempered’ (*лисица* ‘сварливая ***женщина*** с плохим характером’). Сферой-мишенью ***гендерно немаркированных метафор*** является человек вообще, без актуализации гендерной значимости характеризующего признака, например, *гусак* ‘глупый, высокомерный человек’,

weed ‘a weak or silly person’ (*сорняк* ‘слабый или глупый человек’).

В предыдущих исследованиях мы выявили следующие особенности метафорического моделирования образа человека:

1. Как в русском, так и в английском языках гендерная принадлежность не является базовым признаком при метафорическом переосмыслении образа человека, доминирует внегендерная характеристика. Как показал анализ, в составе метафорических именований в русском языке преобладают гендерно немаркированные метафоры (304), что составляет 74% от общего состава метафор, выявленных в толковых словарях русского языка (409). В английском языке наблюдается та же тенденция – гендерно немаркированные метафоры (404) составляют 81% от общего состава метафор, отмеченных нами в толковых словарях английского языка (497). Отличительной чертой метафорической характеристики человека вообще, без актуализации гендерных различий, является не только количественное преобладание метафорических номинаций, но и б**о**льший состав конкретных аспектов характеризации по сравнению с гендерно маркированными метафорами.

2. Не являются гендерно специфичными и базовые аспекты метафоризации образа человека, мужчины и женщины – преобладает признак «характер, поведение». Эти общие закономерности проявляются в системах русскоязычных и англоязычных метафорических номинаций, т.е. данные тенденции не являются культуроспецифичными.

3. Наиболее значимое различие двух лингвокультур обнаружено в группе гендерно маркированных метафор, которая в русском языке составляет 25% (105 единиц), а в английском языке 19% (93 метафоры) от общего состава метафор, характеризующих человека. По данным словарей, в системе русских гендерно маркированных метафор наблюдается значительное количественное преобладание наименований женщины – 83% от состава жестко гендерно маркированных метафор, т.е. женщина метафорически оценивается почти в 5 раз чаще, чем мужчина (17%). В то время как в английском языке наблюдается равное распределение мужских и женских метафорических наименований (47 и 46 метафор соответственно, 50%) [10. С. 277].

В данной статье мы продолжаем рассмотрение систем метафорических номинаций в русском и английском языках в гендерном аспекте. Основной аспект анализа – тип актуализируемых сфер-источников при метафорическом моделировании. Неоднократно отмечалось, что опора на разные сферы-источники дает в результате разные образы; так, например, для актуализации признака ‘неуклюжий’ говорящий использует разнообразные метафорические номинации – слон в посудной лавке, медведь, каракатица, шкаф и т.п. [1. С. 173–190], иными словами, свойства того, о ком идет речь, актуализируются через свойства того, чьим именем мы называем человека.

Перед нами стоит задача выявить, есть ли различия в том, какие исходные образы используются для метафорического моделирования образа человека в русском и английском языках, и проявляется ли при этом гендерная специфичность, а также определить соотношение тех или иных сфер-источников и сфер-мишеней, т.е. преимущественное использование определенных сфер-источников для метафорического переосмысления поведения, внешнего вида, интеллектуальных способностей человека. В данном исследовании проводится двойное сравнение – сравнение гендерно маркированных и гендерно немаркированных метафор и межязыковое сопоставление – в русской и английской лингвокультурах.

В качестве основных источников материала, как и в предыдущем исследовании, были использованы данные толковых словарей русского и английского языков [11–15] и онлайн словарей [16–18] (перевод английских метафор и толкований сделан нами. – *А.Х.*). Материал получен приемом сплошной направленной выборки: в составе словников обозначенных словарей выявлялись лексические единицы, имеющие переносное метафорическое значение и называющие в этом значении человека. Анализ данного исследования опирается на такой же объем выборки – 409 и 497 метафор, называющих человека в русском и английском языках соответственно.

После того, как методом сплошной выборки из толковых словарей русского и английского языков были извлечены метафоры, называющие человека, мы определили сферу денотативной отнесенности метафор – широкая (метафоры, характеризующие человека вообще), например, *baboon* ‘a brutish person’ (*бабуин* ‘жестокий и неумный человек’) и узкая, дифференцированная по гендерному признаку (метафоры, сферой-мишенью которых является мужчина и женщина), например, *баба* ‘о слабом нерешительном мужчине, мальчике’, *amazon* ‘a tall strong woman’ (*амазонка* ‘высокая сильная женщина’).

Метафоры отождествляют человека с различными образами, поэтому на первом этапе были выделены концептуальные сферы, которые выступили в роли сфер-источников данных метафорических номинаций: «животное» (*баран, гусак, баклан, dog, gorilla, pig*), «человек» (*вандал, колхозник, лапотник, actress, diva, lady*), «артефакт» (*истукан, веретено, кубышка, rake, manikin, doll*), «ментефакт» (*browser, riddle, square*), «растение» (*огурчик, тростинка, лопух, pansy, vegetable, fruit*), «натурфакт» (*гроза, огонь, сателлит, diamond, skeleton, mutant*), «мифологический образ» (*херувим, донжуан, геркулес, angel, elf, fury*), для того, чтобы выявить закономерности использования тех или иных исходных образов при метафорическом моделировании образов человека, мужчины и женщины в двух лингвокультурах.

Анализ метафорических номинаций двух лингвокультур показал, что существуют основные направления метафорического переноса, которые не являются этноспецифичными. Маркирование гендерной специфичности метафоры также отсутствует, т.е. мужчина и женщина не противопоставляются в отношении сфер-источников и направлениях характеристики как в русском, так и в английском языках.

Кратко охарактеризуем последовательно группы гендерно немаркированных и гендерно маркированных метафор сначала в русском, а затем в английском языке.

Сначала рассмотрим метафорические номинации русского языка. Как показал анализ, человек осмысляет себя прежде всего через образы животных, человека и артефактов. Самым большим количеством единиц представлена группа метафор со сферой-источником «животное» – 114 лексем, что составляет 37% от общего состава метафорических именований человека, например, *вьюн* (подвижная рыбка) ‘о ловком, расторопном или пронырливом человеке’, *гиена* ‘жадный и коварный человек’, *зубр* ‘закоснелый в своих отсталых взглядах человек’, *тетеря* ‘глупый или незадачливый человек’.

Как показал анализ материала, базовыми для метафорического переосмысления человека в русском языке являются **образы животных**. Зооморфная метафора является одной из самых продуктивных в языке, что подтверждено в других исследованиях [19, 20]. В английском языке наблюдается та же тенденция. Зооморфная метафора – это результат метафорического переноса, при котором человеку приписываются свойства животного, а поведение человека отождествляется с поведением животного. В процессе метафорического моделирования через уподобление животному человеку приписываются его свойства, повадки, поведенческие характеристики. В силу того что зооморфизмы всегда экспрессивно оценочны и национально специфичны, они позволяют судить о различиях картин мира сравниваемых культур. При сопоставительном анализе можно найти случаи полного или частичного совпадения метафорических значений, или отсутствие таковых.

Дикие и домашние животные тысячелетиями живут рядом с человеком. В каждой лингвокультуре животные ассоциируются с определенными повадками, характером, поведением, хорошо знакомыми каждому члену языкового коллектива. При метафорическом моделировании выделяется один, наиболее яркий доминирующий признак во внешнем облике или поведении животного, который ассоциируется с внешним видом или поведением человека, т.е. основой зоометафоры является стереотипный образ, ассоциируемый с тем или иным животным, например, нечистоплотность свиньи, неуклюжесть слона, упрямство осла. Речь может идти как о природных качествах исходных метафорических образов, так и о качествах, которыми наделил их человек, например хитрость лисы, коварство змеи.

Зооморфные метафоры являются отражением народной мифологической символики, связаны со многими историческими (например, миграция народов) и социально-психологическими, культурными факторами. Важно подчеркнуть, что нередко зооморфизмы не имеют отношения к реальным характеристикам животного, их внешнему виду, поведению. По мнению исследователей, метафора образуется тогда, когда возникает социальный запрос на те или иные социальные качества или специфические качества исходного образа становятся востребованными для выживания [21].

В русском языке в качестве когнитивных основ метафорической модели «человек – это животное» используются преимущественно образы млекопитающих (*баран, барбос, бирюк, слон, ягненок, шакал*), меньшее количество составляют образы птиц (*баклан, сорока, цапля, птенец, щебетунья, тетеря, орел*), рыб (*селедка, ёрш, рыба, вьюн, вобла*), рептилий (*удав, змея, гадюка*), насекомых (*каракатица, паук, трутень, книгоед, жук*). Так, подлость и коварство человека метафоризируются через образ змеи (*гадюка, аспид, змея*), актуализируя признак «ядовитая»; язвительность и злость – через образ *ежа*, основываясь на признаке «колючий». Поведение хищной гиены, известной своей кровожадностью, ассоциативно переносится на поведение человека – жадного и коварного человека называют *гиеной*. Такие домашние птицы, как *индюк* или *гусь*, ассоциируются с заносчивостью и надменностью в силу их внешнего вида и поведения, поэтому глупого и высокомерного человека называют именами этих животных. Работоспособность человека моделируется через образ *лошади*, издавна выполнявшей большинство тяжелой механической работы для человека. Животный мир в большинстве своем служит основой формирования общеоценочных отрицательных метафорических номинаций. А. Вежбицкая выделяет предрасположенность русской лингвокультуры к морально-нравственным оценкам, склонность русского человека к умалению своих достоинств, своего «я», доказательства чему можно найти в языке, философии и литературе. Данная особенность русского народа находит свое отражение в преобладании метафорических единиц, выражающих отрицательную оценку человека [20].

На втором месте находятся метафоры с мотивировочной базой **«человек»** (28%), например *мещанин* ‘человек с узким кругозором, обыватель’, *мужик* ‘о грубом, невежественном человеке’, *политик* ‘тот, кто обладает тактом в общении с людьми’. Для метафорического моделирования образа человека чаще всего привлекаются слова, исходные значения которых обозначают социальный статус человека, например *лакей, слуга, барин, диктатор, деревенщина, политик, раб*. Также используются слова со значением профессиональной принадлежности человека (*лицедей, клоун, гастролёр*), слова, отсылающие нас к древним временам (*каннибал, инквизитор, людоед, троглодит*). При метафоризации человека с использованием мотивировочной базы «человек», выделяется наиболее яркий признак носителя социального статуса, который становится основой антропоморфной метафоры, например основой метафоры *слуга* является признак подчинения, зависимости от другого (*слуга* ‘тот, кто готов исполнять чью-либо волю, желание’). Исходные образы, ассоциируемые с проявлениями жестокости по отношению к другим, служат основой для создания образа жестокого, кровожадного человека (*инквизитор, людоед*). Для метафорической оценки интеллектуальных способностей человека используется исходный признак «отсталый, невежественный», который

актуализируется в метафорах *колхозник, троглодит, деревенщина, мужик, лапоть* и т.д.

Количество метафор с основой метафорического уподобления **«артефакт»** насчитывает 19%, например *опора* ‘тот, кто оказывает поддержку или помощь’, *маятник* ‘о постоянно колеблющемся человеке’, *статуя* ‘безучастный ко всему или бесчувственный человек’.

Более мелкие подгруппы составляют метафоры с мотивировочными базами **«растение»** (8%), например *недотрога* ‘обидчивый человек’, *лопух* ‘о простоватом несообразительном человеке’, *перекати-поле* ‘о человеке, склонном к частой смене местожительства, работы, чаще одиноком’; **«мифологический образ»** (5%), например *нарцисс* ‘самовлюбленный человек’, *кощей* ‘о тощем и высоком человеке, чаще старике’, *святой* ‘высоконравственный человек, безупречный в поведении’ и **«натурфакт»** (4%), например *сателлит* ‘исполнитель чужой воли, приспешник’, *тень* ‘бледный, исхудавший, изможденный человек’, *огонь* ‘о ком-либо, отличающемся горячим, пылким нравом, порывистостью’.

Сравнивая основания метафорического моделирования образов человека, мужчины и женщины, мы наблюдаем практически ту же самую тенденцию – базовыми сферами-источниками являются: **животное** (44%), например *кабан* ‘о грузном, толстом мужчине’, *выдра* ‘об очень худой женщине’; **человек** (20%), например *приживальщик* ‘о мужчине, который живет за чужой счет’, *купчиха* ‘женщина, склонная к стяжательству’; **мифологический образ** (19%), например *казанова* ‘мужчина-соблазнитель, донжуан’, *фурия* ‘красивая, обольстительная, но бездушная женщина’; **артефакт** (14%), например *кувалда* ‘о неуклюжей, грубой, неотесанной женщине’, *куколка* ‘о нарядной, хорошенькой девушке, женщине’.

Наименее представлены группы с мотивировочной базой «растение» – 4% от общего количества метафорических номинаций мужчин и женщин, например, *роза* ‘миловидная, цветущая девушка, женщина’, *былинка* ‘молодая стройная женщина’ и «еда», например, *пампушка* ‘симпатичная, обычно полненькая и румяная девушка, женщина’, *зелье* ‘о привлекательной, соблазнительной женщине’.

Анализируя особенности метафорического моделирования образов мужчины и женщины в русской лингвокультуре, подчеркнем, что мотивировочные базы «артефакт», «растение» и «еда» используются только для метафоризации образа женщины. Можно говорить о том, что мотивировочная база образов женщины шире, нежели образов мужчины.

Как было сказано выше, использование тех или иных оснований уподобления не является этноспецифичным. Мы пришли к этому выводу, сравнив ядерные группы сфер-источников в русском и английском языках. Как показал анализ гендерно немаркированных метафор, базовую группу, как и в русском языке, составляют зооморфизмы – 149 лексем (37% от общего состава метафорических именований человека), например *mutt* ‘someone who is silly or stupid’ (*дворняжка* ‘глупый или бестолковый человек’), *barnacle* ‘a person that is difficult to get rid of’ (*морская уточка* ‘надоедливый человек’). Необходимо также отметить преимущественное использование наименований млекопитающих (*baboon, gorilla, bear, donkey*), насекомых (*mite, butterfly, gadfly*) и птиц (*woodcock, gannet, gull*). Анализируя метафорические значения, мы находим как полное совпадение с русским языком, например *животное – animal* (‘о грубом жестоком человеке’), *медведь – bear* (‘крупный неуклюжий, невоспитанный человек’), *динозавр – dinosaur* (‘человек ветхозаветных взглядов’), *трутень – drone* (‘человек, живущий за чужой труд, бездельник’), так и частичное совпадение, например *сорока* в русском языке имеет значение ‘болтливый человек’, в английском языке помимо этого значения существует значение ‘человек, который любит собирать и припрятывать предметы’ (*magpie*). В силу особенностей животного мира наблюдаются также случаи отсутствия метафорических соответствий, например, при наличии в английском языке метафорических именований человека *barracuda* (‘вероломный алчный человек’), *piranha* (‘человек, который нападает в поисках добычи’), *beaver* (‘чрезвычайно активный трудолюбивый человек’), *shark* (‘алчный, безжалостный, непорядочный человек’) в русском языке узуальные метафоры *баррракуда, пиранья, бобр, акула* не отмечены.

Второе и третье место по продуктивности моделирования образа человека в английском языке занимает группа метафор, которые представляют модели: **«человек – это артефакт»** (16%), например *fake* ‘someone who pretends to have skills that they don’t really have’ (*подделка* ‘человек, который делает вид, что обладает какими-либо умениями’), *scarecrow* ‘an untidy-looking or extremely thin person’ (*чучело* ‘неряшливо одетый или очень худой человек’), *dynamo* ‘someone with a lot of energy and determination’ (*генератор* ‘энергичный и решительный человек’), и **«человек – это человек»** (15%), например *lackey* ‘a person who tries to please someone in order to gain a personal advantage’ (*лакей* ‘человек, который стремится угождать кому-либо с целью получения выгоды’), *diplomat* ‘someone who is good at dealing with people in a sensitive way that does not upset or offend them’ (*дипломат* ‘человек, который умеет тактично общаться с людьми’), *farmer* ‘a simple unsophisticated person’ (*фермер* ‘недалекий малограмотный человек’). Как и в случае с русским языком, метафорический перенос осуществляется с использованием слов со значением профессиональной принадлежности (*comedian, clown, butcher*), социального статуса (*gypsy, knight, merchant*).

В отличие от русского языка, в английском языке б*о*льшим количеством также представлены гендерно немаркированные метафоры с основами метафорического уподобления «мифологический образ» (13%), например *angel* ‘a very kind person’ (*ангел* ‘очень добрый человек’), и «натурфакт» (10%), например s*ap* ‘a foolish or gullible person’ (*сок растений* ‘глупый излишне доверчивый человек’). Группа гендерно немаркированных метафор со сферой-источником «растение», как и в русском языке, составляет 4%, напри-

мер *lemon* ‘someone who is stupid or not effective’ (*лимон* ‘глупый бесполезный человек’).

Использование конкретных сфер-источников для метафорического переосмысления образа человека не является гендерно специфичным. Сравнение гендерно маркированных метафор русского и английского языков показало, что базовыми основаниями сравнения являются **животные** (43% от состава гендерно маркированных метафор), например *beaver* ‘a bearded man’ (*бобр* ‘бородатый мужчина’), *crow* ‘an old or ugly woman (*ворона* ‘старая или некрасивая женщина’), **мифологические образы** (23%), например *Samson* ‘a very big and strong man’ (*Самсон* ‘высокий, крепкий и сильный мужчина’), *siren* ‘a beautiful but dangerous woman’ (*сирена* ‘красивая, но опасная женщина’), **человек** (19%), например *sheik* ‘a sexually alluring man’ (*шейх* ‘сексуально притягательный мужчина’), *actress* ‘a woman who puts on a false manner in order to deceive others’ (*актриса* ‘женщина, которая притворяется, чтобы обмануть кого-либо’) и **артефакт** (9%), например *blade* ‘a fashionable or attractive young man’ (*лезвие* ‘модный или привлекательный молодой мужчина’), *bag* ‘an insulting word for a woman, especially one who is old’ (*кошелка* ‘оскорбительное слово, используемое по отношению к женщине, особенно старой’.

Анализ ***гендерно маркированных и немаркированных метафор*** русского и английского языков показал, что с точки зрения использования конкретных сфер-источников метафоры имеют много общего – ядерные группы оснований уподобления совпадают. Различия наблюдаются в сфере действия непродуктивных моделей, а также в преобладании метафорических номинаций женщины по сравнению с номинациями мужчины в русском языке, тогда как в английском языке образ женщины метафоризируется также часто, как и образ мужчины.

Далее опишем материал с точки зрения второй задачи нашего исследования – выявить преимущественное использование конкретных исходных образов для метафорической интерпретации общности качеств, таких как **характер, поведение и образ жизни человека, интеллектуальные способности, внешний вид, социальная роль.** Необходимо отметить, что количественно в фокусе метафорического моделирования независимо от используемой сферы-источника находятся характер и поведение человека. Общая тенденция преобладания зооморфных метафор вообще проявилась и при характеристике наиболее ***продуктивного аспекта «характер, поведение»***.

Анализ показал, что чаще всего при метафорической интерпретации **поведения** человека как в русском, так и в английском языках в качестве основы метафорического уподобления используются животные – 38 и 40% соответственно, например *индюк* ‘глупый, заносчивый, надменный человек’, *львица* ‘храбрая, отважная женщина’, *ape* ‘a stupid or rude man’ (*примат* ‘глупый или грубый мужчина’). Помимо поведения, образы животных в качестве основания для метафорической интерпретации моделируют также **внешний вид человека** – 15% в русском языке (*барсук* ‘о слишком толстом человеке’; *цапля* ‘очень высокий длинноногий человек’), 11% в английском языке (*swan* ‘a person of unusual beauty’ (*лебедь* ‘человек необыкновенной красоты’), *bear* ‘a large, clumsy or ill-mannered person’ (*медведь* ‘крупный, неуклюжий или невоспитанный человек’)); **интеллектуальные способности** – по 10% в каждом из языков, например *cuckoo* ‘a foolish crazy person’ (*кукушка* ‘глупый, чудаковатый человек’), *баран* ‘о бестолковом, тупом человеке’.

Внешний вид человека в русском и английском языках преимущественно описывают **гендерно немаркированные** метафоры со сферой-источником «животное» (*shrimp* ***‘an insulting word for someone who is very small’*** (*креветка* ***‘оскорбительное слово по отношению к человеку очень маленького роста’***)) и «артефакт» (*hulk* ***‘someone who is very tall and heavy’*** (*остов корабля* ***‘тучный человек высокого роста’***)).

Что касается **гендерно маркированных** метафор, то в русском языке тенденция сохраняется – базовыми сферами-источниками для метафоризации внешнего вида мужчины и женщины являются «животное» и «артефакт», например *пава* ‘женщина с горделивой, величавой осанкой и плавной походкой’, *кабан* ‘о грузном, толстом мужчине’, *куколка* ‘о нарядной, хорошенькой девушке, женщине’. Ситуация несколько отличается в английском языке – доминирующими основами уподобления для характеристики внешнего вида мужчины и женщины являются животное (*stud* ‘a man who is admired for being sexually attractive’ (*жеребец* ‘мужчина, которым восхищаются за его сексуальную привлекательность’)) и мифологический образ (*nymph* ‘a sexually mature and attractive young woman’ (*нимфа* ‘половозрелая привлекательная девушка’)).

При характеристике интеллектуальных способностей человека в русском и английском языках его в большей степени отождествляют с животным, человеком и артефактом, например *балда* (тяжелый молот) ‘бестолковый и глупый человек’, *свинья* ‘о невежественном, некультурном человеке’, *dummy* ‘an unintelligent person’ (*манекен* ‘глупый человек’), *peasant* ‘a badly educated person’ (*крестьянин* ‘необразованный человек’).

Гендерно маркированные метафоры для описания интеллекта мужчины и женщины опираются в основном на образы животных, например *calf* ‘an awkward silly boy or man’ (*теленок* ‘неуклюжий ***глупый*** мальчик или мужчина’), *hen* ‘a woman regarded as gossipy or foolish’ (*курица* ‘болтливая ***глуповатая*** женщина’).

Сравнение метафорических номинаций двух лингвокультур показало общие закономерности метафорического моделирования человека и выбор конкретной сферы-источника. Количественный и качественный анализ метафорических номинаций русского и английского языков показывает, что не существует типовых особенностей при выборе сфер-источников. Использование тех или иных мотивировочных баз не является гендерно специфичным. Самим ярким отличием является то, что женщина в системе русских метафорических номинаций оказывается в фокусе метафорического моделирования в пять раз чаще, чем мужчина, в то время как в

английском языке мужчина и женщина имеют равное количество гендерно специфичных метафорических номинаций. Как мы видим, существуют лишь частные различия в части соотношения определенных признаков и образов, что обусловлено особенностями культуры и мифологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Б.А. Серебренников, Е.С. Кубрякова, В.И. Постовалова, В.Н. Телия, А.А. Уфимцева. М. : Наука, 1988. 216 с.
2. Демьянков, В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. 1994. № 4. С. 17–33.
3. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. London : The University of Chicago Press, 2003. 256 p.
4. Lakoff G., Turner, M. More than Cool Reason: A Field Guide to Poetic Metaphor. London : The University of Chicago Press, 1989. 237 p.
5. Lakoff G. The neural theory of metaphor / ed. by R.W. Gibbs. The Cambridge Handbook of Metaphor and Thought (pp. 17–38). Cambridge University Press. 2008. 550 p.
6. Резанова З.И. Метафора в процессах языкового миромоделирования в языке и тексте // Резанова З.И., Мишанкина Н.А., Катунин Д.А. Метафорический фрагмент русской языковой картины мира: ключевые концепты / отв. ред. З.И. Резанова. Воронеж, 2003. Ч. 1. С. 13–75.
7. Резанова З.И., Галимова Д.Н., Калиткина Г.В., Коберник Л.Н, Надеина Л.В. Картины русского мира: метафорические образы традиционной культуры / отв. ред. З.И. Резанова. М. : URSS, 2014. 514 с.
8. Резанова З.И. Гендерная метафора: типология, лексикографическая интерпретация, контекстная репрезентация // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2011. № 2 (14). С. 47–57.
9. Резанова З.И., Комиссарова О.В. Метафора в моделировании гендерных оппозиций: методика анализа, типология // Язык и культура. 2012. № 2 (18). С. 80–90.
10. Rezanova Z.I., Khlebnikova A.L. Gender metaphors in Russian and English linguocultures: a comparative study // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2010. Vol. 215. P. 273–278. URL: http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1877042815059893
11. Словарь русского языка : в 4 т / под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М. : Рус. яз., 1981. Т. 1–4.
12. Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова. М. : ОГИЗ, 1935–1940.
13. Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка : в 3 т. М. : АСТ; Астрель; Харвест, 2006.
14. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1992.
15. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. Oxford : Macmillan Education, 2002. 1692 p.
16. Словари и энциклопедии на Академике. URL: http://dic.academic.ru/ (дата обращения: 15.04.2015).
17. The Free Dictionary by Farlex URL: http://www.thefreedictionary.com/ (дата обращения: 15.01.2016).
18. Macmillan Dictionary. URL: http://www.macmillandictionary.com/ (дата обращения: 18.01.2016).
19. Галимова Д.Н. Метафорическая картина мира русских говоров Амурской области : структурный и функциональный аспекты : дис. … канд. филол. наук. Томск, 2010. 287 с.
20. Ермоленкина Л.И. Метафорическое моделирование этико-эстетической оценки человека в русских народных говорах : дис. … канд. филол. наук. Томск, 2002. 216 с.
21. Наговицын А. Зооморфные и растительные образы в метафорическом мышлении // Школьный психолог. 2010. № 10 (464). URL: http://psy.1september.ru/view_article.php?id=201001015 (дата обращения: 08.02.2016).

Статья представлена научной редакцией «Филология» 13 марта 2016 г.

FIGURATIVE MODELLING OF A PERSON'S IMAGES WITH REGARD TO GENDER AND CULTURE SPECIFICITY

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 406, 18–24.
DOI: 10.17223/15617793/406/3

Khlebnikova Anastasia L. Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: khlebnikova@tpu.ru

Keywords: gender metaphor; conceptual metaphor; linguistic world view; source domain; target domain.

The article represents the results of the comparison between gender oppositions of the Russian and English languages in terms of gender. The subject matter of the analysis is gender metaphors. Source domains that are foregrounded in the process of metaphorical modelling act as the key aspect of the analysis. In this paper the author studies whether there are any differences in the source domains used in metaphorical modelling in Russian and English and if the trends are gender specific or not. Another purpose of the study was to identify the correlation of a source domain and a target domain, that is to find out which source domains are predominantly used for metaphorical description of a person's character and behavior, appearance, intellectual ability. The comparison carried out in the study is double: firstly, the comparison of gender marked and gender unmarked metaphors and, secondly, interlingual comparison between two linguocultures – Russian and English. As the main sources of data for metaphor study dictionaries of the Russian and the English languages including online dictionaries were used. The material was obtained by means of continuous sampling method: in the vocabulary of the dictionaries lexical items that have figurative metaphorical meaning naming a person were identified. The total number of gender metaphors identified was 409 and 497 lexemes that characterize a human from the Russian and English dictionaries respectively. The analysis of gender marked and gender unmarked metaphors in both languages showed that the metaphors have much in common with respect to specific source domains used – the core groups of source domains are the same. The differences can be found both in the area of non-productive models and the predominance of metaphorical nominations of women in comparison with those of men in Russian, whereas in English the number of metaphors naming women is equal to that of men. As far as the second objective is concerned, the common trend of the predominance of animal metaphors manifested itself with regard to the total number of metaphors and the most productive group of metaphors that characterize a person in the aspect of their behavior. The analysis showed that it is animals used as source domains that most often characterize the behavior and character of a person in Russian and English – 38 % and 40 % respectively. The comparison of metaphors in the two languages reveals common patterns of figurative modelling of a person and the choice of a definite source domain. The quantitative and qualitative analysis of metaphorical nominations in Russian and English showed that there are no typical features when choosing a source domain. The use of a source domain is not gender-specific. The most significant difference between Russian and English metaphors is that in Russian the number of metaphorical nominations of a woman is five times higher than that of a man. It has been demonstrated that there are only specific differences when it comes to the correlation of definite characteristics and images, which is due to cultural patterns including mythology.

REFERENCES

1. Serebrennikov, B.A. et al. (eds) (1988) *Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke: Yazyk i kartina mira* [The role of the human factor in language: Language and worldview]. Moscow: Nauka.
2. Dem'yankov, V.Z. (1994) Kognitivnaya lingvistika kak raznovidnost' interpretiruyushchego podkhoda [Cognitive linguistics as a kind of the interpretive approach]. *Voprosy yazykoznaniya*. 4. pp. 17–33.
3. Lakoff, G. & Johnson, M. (2003) *Metaphors We Live By*. London: The University of Chicago Press.
4. Lakoff, G. & Turner, M. (1989) *More than Cool Reason: A Field Guide to Poetic Metaphor*. London: The University of Chicago Press.
5. Lakoff, G. (2008) The neural theory of metaphor. In: Gibbs, R.W. (ed.) *The Cambridge Handbook of Metaphor and Thought*. Cambridge University Press.
6. Rezanova, Z.I. (2003) Metafora v protsessakh yazykovogo miromodelirovaniya v yazyke i tekste [Metaphor in language world modelling processes in language and text]. In: Rezanova, Z.I. (ed.) *Metaforicheskiy fragment russkoy yazykovoy kartiny mira: klyuchevye kontsepty* [Metaphorical fragment of Russian language picture of the world: key concepts]. Pt. 1. Voronezh: RITs EF VGU.
7. Rezanova, Z.I. (ed.) (2014) *Kartiny russkogo mira: metaforicheskie obrazy traditsionnoy kul'tury* [Pictures of the Russian world: the metaphorical images of traditional culture]. Moscow: URSS.
8. Rezanova, Z.I. (2011) Gender metaphor: typology, lexicographic interpretation, context representation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 2 (14). pp. 47–57. (In Russian).
9. Rezanova, Z.I. & Komissarova, O.V. (2012) Metaphor in the modeling of gender oppositions: method of analysis, typology. *Yazyk i kul'tura – Language and Culture*. 2 (18). pp. 80–90. (In Russian).
10. Rezanova, Z.I. & Khlebnikova, A.L. (2010) Gender metaphors in Russian and English linguocultures: a comparative study. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 215. pp. 273–278. [Online]. Available from: http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1877042815059893. DOI: 10.1016/j.sbspro.2015.11.634
11. Evgen'eva, A.P. (ed.) (1981) *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Dictionary of the Russian language: in 4 vols]. 2nd ed. Moscow: Russkiy yazyk.
12. Ushakov, D.N. (ed.) (1935–1940) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of Russian language]. Moscow: OGIZ.
13. Efremova, T.F. (2006) *Sovremennyy tolkovyy slovar' russkogo yazyka: v 3 t.* [Modern Explanatory Dictionary of the Russian language: in 3 vols]. Moscow: AST; Astrel'; Kharvest.
14. Ozhegov, S.I. & Shvedova, N.Yu. (1992) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of Russian language]. Moscow: Az".
15. Macmillan Education. (2002) *Macmillan English Dictionary for Advanced Learners*. Oxford: Macmillan Education.
16. Academic.ru. (n.d.) *Slovari i entsiklopedii na Akademike* [Dictionaries and encyclopedias on Academic]. [Online]. Available from: http://dic.academic.ru/. (Accessed: 15th April 2015).
17. Thefreedictionary.com. (n.d.) *The Free Dictionary by Farlex*. [Online]. Available from: http://www.thefreedictionary.com/. (Accessed: 15th January 2016).
18. Macmillandictionary.com. (n.d.) *Macmillan Dictionary*. [Online]. Available from: http://www.macmillandictionary.com/. (Accessed: 18th January 2016).
19. Galimova, D.N. (2010) *Metaforicheskaya kartina mira russkikh govorov Amurskoy oblasti: strukturnyy i funktsional'nyy aspekty* [Metaphorical picture of the world of Russian dialects of Amur Oblast: structural and functional aspects]. Philology Cand. Diss. Tomsk.
20. Ermolenkina, L.I. (2002) *Metaforicheskoe modelirovanie etiko-esteticheskoy otsenki cheloveka v russkikh narodnykh govorakh* [Metaphorical modeling of ethical and aesthetic human evaluation in Russian folk dialects]. Philology Cand. Diss. Tomsk.
21. Nagovitsyn, A. (2010) Zoomorfnye i rastitel'nye obrazy v metaforicheskom myshlenii [Zoomorphic and plant images in the metaphorical thinking]. *Shkol'nyy psikholog*. 10 (464). [Online]. Available from: http://psy.1september.ru/view_article.php?id=201001015. (Accessed: 08th February 2016).

Received: 13 March 2016

Вестник Томского государственного университета. 2016. № 406. С. 25–32. DOI: 10.17223/15617793/406/4

ИСТОРИЯ

УДК 94 (470)

Д.А. Бакшт

«БЕЗДЕЯТЕЛЬНЫЙ ЖАНДАРМ»: К БИОГРАФИИ В.Н. РУССИЯНОВА (В ДОПОЛНЕНИЕ К ДОКЛАДУ С.П. ЗВЯГИНА)

Обобщаются биографические сведения о В.Н. Руссиянове, бывшем офицере императорской жандармерии и контрразведки А.В. Колчака. Он наиболее вероятный автор подложного документа, известного как «письмо Еремина», якобы подтверждающего миф о сотрудничестве И.В. Сталина с органами политического сыска до революции. На основании разобщенных сведений и выявленных неопубликованных документов дается последовательная хронология основных вех биографии Руссиянова, анализируется его служебная деятельность как офицера охранных структур, приводятся различные оценки современниками. Был сделан вывод о том, что В.Н. Руссиянов не являлся профессионалом политического сыска, убежденным сторонником монархии или противником советской власти. Показано, что на всем протяжении его карьеры и эмиграции он преследовал корыстные цели.

Ключевые слова: Отдельный корпус жандармов; Руссиянов; милиция Белой Сибири; Енисейская губерния; политический сыск.

12–13 ноября 2014 г. в Центре изучения истории Гражданской войны Исторического архива Омской области (ГИАОО, г. Омск) проходила Всероссийская научно-практическая конференция «Гражданская война на востоке России: объективный взгляд сквозь документальное наследие». На мероприятии авторитетным исследователем правоохранительных органов сибирских антибольшевистских режимов С.П. Звягиным был сделан доклад, посвященный вновь выявленным архивным материалам о Викторе Николаевиче Руссиянове – сотруднике императорской жандармерии (1910–1917 гг.) и Департамента милиции МВД на территории Белой Сибири (1918–1920 гг.) [1]. К сожалению, принять личное участие в дискуссии не удалось, поэтому надеемся ее продолжить в настоящей статье и дополнить доклад новыми сведениями.

Актуальность сделанного доклада не вызывает сомнений. В.Н. Руссиянов – историческая личность, которая интересует историков императорской политической полиции, правоохранительных структур «белых» режимов и биографии И.В. Сталина (Джугашвили). В связи с вопросом о возможной принадлежности последнего к числу секретных осведомителей «охранки» до революции бывший жандармский офицер стал интересен широкому кругу исследователей.

В нашей стране с 1980-х гг. (а за рубежом – с 1950-х гг.) активно обсуждался один из громких подлогов XX в. – так называемое письмо Еремина. Из его текста следует, что И.В. Сталин давал «ряд сведений» полиции. Сотрудник Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) З.И. Перегудова в публикациях доказывала, что данный документ является фальшивкой, и, более того, она прямо указывает на возможного автора-составителя документа – В.Н. Руссиянова [2. С. 264–277]. В своем докладе Сергей Павлович подверг сомнению эту версию [1. С. 55]. Не вдаваясь в полемику, отметим, что, на наш взгляд, система доказательств, приведенная Зинаидой Ивановной, исчерпывающа и убедительна.

Работ о биографии В.Н. Руссиянова относительно немного. Основной задел был сделан З.И. Перегудовой в книге «Политический сыск России» (первое издание вышло в 2000 г.). Она изучила известные ей документы из фондов ГАРФ. Однако, возможно, в силу своих исследовательских приоритетов она задействовала в основном источники императорской полиции. Исследователь А.Н. Никитин охарактеризовал Руссиянова как наиболее яркую личность во всей колчаковской милиции [3. С. 35]. В 2012 г. под редакцией А.Л. Посадкова были опубликованы мемуары эмигранта-разведчика Г.И. Клерже, где во вступительной части и комментариях были приведены новые факты о разведывательной деятельности Руссиянова в Китае в период эмиграции [4. С. 59–61, 493]. В декабре 2014 г. на II Сибирском историческом форуме нами был сделан доклад о документах инспекторской проверки П.П. Заварзина жандармских подразделений Сибири, где акцентировались сведения о В.Н. Руссиянове, занимавшем в Енисейской губернии должность заведующего розыскным пунктом в Енисейске (1915–1917 гг.) [5]. Мемуарная работа самого жандармского офицера, которая хранится в архиве Гуверовского института при Стэндфордском университете, использовалась только И. Лохлэном [6].

В.Н. Руссиянов родился 30 декабря 1879 г. (по юлианскому календарю) в семье потомственных дворян Черниговской губернии (в протоколе допроса в марте 1917 г. указано 31 декабря 1879 г. [7. Л. 7 об.]), окончил Московское казенное реальное и Московское («Алексеевское») военное училище по 1-му разряду. Как отметили З.И. Перегудова и С.П. Звягин, он находился на военной службе с 11 сентября 1899 г. [1. С. 52; 2. С. 274], но, уточним, что это была дата его официального зачисления в военное училище, тогда как строевая служба для Руссиянова началась с присвоением первого офицерского чина и откомандированием в 140-й Зарайский пехотный полк 9 августа 1900 г. [8. С. 682]. В армии для кадровых военных всегда срок службы исчислялся с момента поступления в военно-учебное заведение, т.е. окончив училище, молодой подпоручик / корнет имел 2 года выслуги лет. Также и ныне: лейтенант имеет 5 лет, только что прийдя из военного вуза.

В 1903 г. он был переведен в 3-й Перновский гренадерский Короля Фридриха-Вильгельма IV полк, а в 1904–1906 гг. отправлен на фронт Русско-японской войны в составе отряда генерала П.К. фон Ренненкампфа [7. Л. 7 об.]. Таким образом, В.Н. Руссиянов принимал участие в боевых действиях и процессе восстановления порядка на Транссибирской железной дороге после войны.

В 1907 г. В.Н. Руссиянова, согласно его показаниям, направляют в «Интендантскую академию», в которой он учился до 1909 г. [7. Л. 7 об.]. Однако до 1911 г. это была не академия, а Интендантские курсы с трехлетним сроком обучения. С.П. Звягин в своем докладе не упомянул данный факт биографии. В то же время В.Г. Хандорин ошибочно указал на то, что В.Н. Руссиянов «до революции служил в армейском интендантстве и только после создания Департамента милиции по собственному желанию перешёл туда» [9. С. 61]. Именно во время пребывания в столице сменил род войск: «...я ознакомился с интендантской службой, и она мне не понравилась. В полк возвращаться я не хотел, ввиду слишком малого содержания, да к тому же в Академии я женился» [7. Л. 7 об.]. Вследствие этих причин В.Н. Руссиянов добивился перевода в Отдельный корпус жандармов (ОКЖ), вступительные испытания и курсы которого также проводились в Санкт-Петербурге. В жандармерию он перевелся в чине штабс-ротмистра (присвоен в 1908 г.) 28 марта 1910 г. [8. С. 682]. По его признанию, главным фактором была поддержка со стороны старшего адъютанта штаба Корпуса полковника С.В. Савицкого [7. Л. 7 об.]. Протекция в процессе зачисления офицера в ОКЖ не являлась чем-то исключительным [10. Т. 1. С. 46.; 11. С. 483–485; 12. P. 51].

В.Н. Руссиянов последовательно проходил необходимые для службы должностные ступени: адъютанта (г. Владимир, 1910–1913 гг.), помощника начальника управления (Пермская губерния, 1913–1915 гг.), начальника Вологодского отделения железнодорожной жандармерии (август–сентябрь 1915 гг.) [1. С. 52; 8. С. 682]. В своих показаниях он сообщал, что, будучи формально на должности во Владимирской губернии, выполнял обязанности коменданта Марфо-Мариинской обители Милосердия в 1910–1912 гг., основанной великой княгиней Елизаветой Федоровной в 1909 г. в память о ее убитом муже [7. Л. 7об.]. По его словам, он имел задание наблюдать за опальным монахом Илиодором (Труфановым), которого по решению Синода заточили во Флорищееву пустынь (Владимирская губерния) [Там же] в 1912 г. [13]. Помимо этих специальных заданий В.Н. Руссиянов в Пермской губернии был избран в районный офицерский «суд чести», организованный в числе подобных по всей империи для жандармских чинов по инициативе товарища министра МВД В.Ф. Джунковского в 1914 г. [14].

Список наград, которые приводит С.П. Звягин на 23 сентября 1917 г., больше, чем в официальном списке жандармов, составленном на июль 1915 г. Так, помимо ордена Св. Станислава 3-й степени (30 июля 1913 г.) указаны «высочайший подарок» (портсигар с изображением герба Российской империи с сапфиром, 30 июля 1913 г.) и ордена Св. Анны 3-й степени (6 декабря 1915 г.) и Св. Станислава 2-й степени (6 декабря 1916 г.) [1. С. 52]. Факты присвоения этих орденов подтверждаются приказами по Енисейскому губернскому жандармскому управлению [15. Л. 1]. Высочайшие подарки назначались во время следований членов императорской династии. Портсигар был подарен Руссиянову во время его начальства в железнодорожном отделении и, скорее всего, по случаю следования одного из великих князей (или княжон) по железной дороге, а не за секретные операции.

Такое количество наград не подтверждает способностей В.Н. Руссиянова к политическому розыску. Будучи назначенным в 1915 г. начальником розыскного пункта в г. Енисейск Енисейской губернии, он не проявил необходимой для жандармского офицера служебной инициативы. Хотя сибирская пресса сообщала о массовых арестах и обысках, производимых енисейским ротмистром [16, 17], прямой надзор за производством дела в июне 1916 г. осуществлял начальник Енисейского губернского жандармского управления М.С. Байков [18. Л. 23]. О неспособности В.Н. Руссиянова к самостоятельной оперативной работе свидетельствовал П.П. Заварзин, инспектировавший жандармские управления Сибири в декабре 1916 г.: «его [В.Н. Руссиянова] страшно угнетает жизнь в суровом климате маленького уездного городка, отдаленного от Управления, без постоянного и непосредственного руководства которого Ротмистр Руссианов работать не может. Полагаю, было бы желательно пока перевести Ротмистра Руссианова в Красноярск, где он мог бы подучиться и принести пользу» [19. Л. 138]. Факт поездок с просьбой о переводе в губернский центр подтверждают и материалы делопроизводства жандармского управления [7. Л. 3]. Поэтому считаем, что даже наличие постановлений об арестах и обысках, подписанных рукой начальника Енисейского розыскного пункта, не могло служить свидетельством его самостоятельности [20. Л. 51–52 об., 62–63 об.].

Развитие сети агентурных осведомителей, одно из главных направлений деятельности органов императорской тайной полиции, в Енисейске прекратилось из-за некомпетентности В.Н. Руссиянова. Так, если при его предшественнике В.Ф. Железнякове (организовал и возглавлял розыскной пункт в 1912–1915 гг.) максимальное число сотрудников доходило до восьми [21. Л. 87], то в декабре 1916 г. их осталось всего двое [22. Л. 227 об.] – служащие местной почтовой конторы, перлюстрирующие корреспонденцию.

П.П. Заварзин оценивал это следующим образом: «Заведующий Енисейским розыскным пунктом Ротмистр [В.Н.] Руссианов доложил мне, что агентуры у него нет и что приобретение ее настолько затруднительно, что, несмотря на все принимаемые им меры, ему не удалось заагентурить ни одного человека. Указав Ротмистру [В.Н.] Руссианову на способы приобретения агентуры, я, тем не менее, прихожу к заключению, что он навряд ли будет в состоянии сделать что-либо самостоятельно, как малоопытный офицер, а по

натуре флегматичный и малопредприимчивый» [19. Л. 138].

Инспектор в мемуарах описывал свое путешествие, и в них мы не видим, чтобы он прибыл в Енисейск: маршрут строился строго вдоль Транссибирской магистрали [10. Т. 2. С. 7–140]. Документы о служебных перемещениях свидетельствуют, что В.Н. Руссиянов 5 декабря 1916 г. приезжал для доклада в Красноярск [18. Л. 55]. Только после отбытия П.П. Заварзина в феврале 1917 г. Руссиянову все же удалось завербовать своего первого и последнего секретного сотрудника в Енисейской губернии Н.М. Вайнберга, административно высланного в 1914 г. мещанина Бессарабской губернии [23. Л. 1].

Ранее, в 1916 г., В.Н. Руссиянов связался с бывшим осведомителем С.И. Базаровым («Таежная мошка»; прил. 1). Однако, по показаниям их обоих, они не контактировали друг с другом лично: информация проходила через жандармского унтер-офицера Дуракова [7. Л. 8], а вознаграждение высылалось на адрес его кредитного товарищества на некоего Михайловского [24. Л. 23]. Единственное дело, которое сопровождалось информацией «Таежной мошки», было расследование деятельности кассы взаимопомощи в с. Ялань Енисейской губернии, которым руководил ротмистр Л.А. Оболенский (помощник начальника Енисейского губернского жандармского управления в 1913–1917 гг.) [19. Л. 35]. В МВД смогли отреагировать на ситуацию в Енисейском розыскном пункте только 28 февраля 1917 г., когда в Петрограде шли уличные бои: письмо вице-директора Департамента М.Е. Броецкого, скрепленное начальником Особого отдела А.Т. Васильевым, предписывало красноярскому руководству вновь наладить агентурную сеть [Там же. Л. 190–191 об.]. Поэтому слова Руссиянова, написанные в неизданном труде «Работа охранных отделений в России» о том, что офицеры охраны ежедневно «слушали доклады бесчисленных шпионов и разведчиков, непрерывно арестовывали, вешали и депортировали, увеличивая бездонную человеческую подлость, количество крови и слёз, и подкрепляемые ежегодно десятком миллионов рублей [из секретного] фонда» [6. Р. 49], не основывались на опыте.

Более того, В.Н. Руссиянов, в силу отсутствия желания и способностей к оперативной работе, не мог оценить значения технических нововведений. Так, В.Ф. Железняков при организации розыскного пункта позаботился о приобретении бельгийского фотоаппарата «Бертильон» в 1912 г. [25. Л. 22, 45] и стажировке унтер-офицера Г.Н. Ерошенко при Томском сыскном отделении по изучению техники криминалистической фотографии, регистрации по словесному портрету, дактилоскопии и антропометрии в 1914 г. [21. Л. 113]. В Енисейске был сформирован большой фотоархив, где запечатлевались не только перехваченные письма и «государственные преступники», но и местные жители, ландшафт, вещественные доказательства. Все это полковник М.С. Байков после отъезда В.Ф. Железнякова признал излишним «увлечением» и приказал Руссиянову уничтожить негативы, что тот беспрепятственно и совершил [7. Л. 116 об.]. Кроме этого, он передал из Енисейска в Красноярск мимеограф, тоже оставшийся от предшественника [21. Л. 120].

Непосредственно перед революцией В.Н. Руссиянов на фоне общего ослабления власти на себе ощущал давление со стороны общественности уездного города. Так, 26 января 1917 г. в Петроград сообщалось, что его отказывались обслуживать в нескольких лавках потребительской кооперации [26. Л. 7]. Поэтому поведение Руссиянова в дни Февральской революции было вполне объяснимо: он пытался, с одной стороны, уничтожить бумаги, которые могли его скомпрометировать (по сообщению Б.И. Николаевского, Руссиянова при аресте застали за этим занятием в кабинете [27. С. 342]); с другой – не препятствовал развитию революционных событий. Текст его письма новой власти с целью оправдания считаем целесообразным привести полностью (см. приложение 1). В.Н. Руссиянова, вместе с главой уездной полиции и начальником почтово-телеграфоной конторы, подвергли тюремному заключению с 3 марта 1917 г. [28. С. 13; 29].

После Февральской революции часто проводились импровизированные суды над бывшими сотрудниками правоохранительных структур предшествующего режима. Доказательную базу собирали специальные комиссии при органах Временного правительства. После этого офицеров отпускали, если не было доказательств их вины в «провокации». Так, 22 апреля 1917 г. бывший член подобной следственной комиссии г. Енисейск И.Н. Евстратов составил «особое мнение», где Руссиянову была дана характеристика «бездеятельного жандарма» [7. Л. 16–16 об.]. В тюрьме он подал прошение на имя военного министра об отправке на фронт. После его освобождения весной 1917 г. В.Н. Руссиянов убыл в 255-й Аккерманский полк [1. С. 51], где получил чин подполковника [Там же; 2. С. 274].

Состояние здоровья В.Н. Руссиянова, которое отражено в приведенных С.П. Звягиным документах, скорее всего, было следствием пребывания в зоне боевых действий: осенью 1918 г. у него были обнаружены: близорукость, которая, скорее, была приобретена в ходе обычной «офисной» работы, полная глухота на левое ухо и пониженная слышимость правого уха [1. С. 52]. Снижение слуха – следствие контузии или невылеченного воспалительного процесса, П.П. Заварзин не отмечал таких качеств при личном знакомстве с ним в декабре 1916 г., тогда как в докладе отдельно была подчеркнута глухота его коллеги по жандармскому управлению Л.А. Оболенского [19. Л. 138].

В Белой Сибири активнее привлекали на свою службу бывших офицеров жандармерии и контрразведки, чем подобные режимы в других регионах бывшей Российской империи [30. С. 209]. З.И. Перегудова указывала, что В.Н. Руссиянов был принят на службу в органы Департамента милиции МВД в чине полковника на должность начальника Акмолинского областного управления государственной охраны в 1919 г. [2. С. 274]. В ГИАОО на основании поиска документов, проведенного Д.И. Петиным, подтверждено наличие бумаг, подписанных В.Н. Руссияно-

вым как на этой должности, так и на посту уполномоченного МВД. Однако было указано отсутствие в фондах учреждения документов биографического характера (ответ на запрос от 13 марта 2014 г. № 01–28/418).

Ясность в вопросе биографии В.Н. Руссиянова во время Гражданской войны внес С.П. Звягин. Он установил хронологию, согласно которой бывший жандарм проходил лечение в Омском военном госпитале с 18 августа по 8 сентября 1918 г., затем был принят на службу 3 декабря 1918 г. (здесь и далее – по григорианскому календарю) в интендантском отделе Высшего Совета снабжения союзных армий, а уже 14 декабря он был назначен уполномоченным МВД 6-го класса [1. С. 53].

З.И. Перегудова на основании изучения документов органов милиции Белой Сибири сделала заключение, что В.Н. Руссиянов характеризовался как человек импульсивный, не отличавшийся скрупулезностью в выполнении дел, жестокостью по отношению к подчиненным [2. С. 274]. Действительно, в информационной сводке от 23 июня 1919 г. он критиковал офицеров колчаковских войск за «мягкость» и «сентиментальность» по отношению к солдатам [31. С. 85]. С.П. Звягин нашел свидетельства того, что В.Н. Руссиянов попадал под суд за «оскорбление словом», но был оправдан Омским военно-окружным судом 24 мая 1919 г. [1. С. 53]. П.А. Голуб также упоминал некий судебный процесс над Руссияновым и указывал на то, что он был организован на основании доноса полковника И. Зайчека (начальник военного контроля Сибирской армии А.В. Колчака до весны 1919 г.), а вступился за бывшего жандарма товарищ министра внутренних дел В.Н. Пепеляев (с мая 1919 г. – министр внутренних дел, а с ноября 1919 г. – председатель правительства А.В. Колчака) [32. С. 64]. Заметим, что С.П. Звягин в своем докладе приводит характеристику работы, которой занимался В.Н. Руссиянов в контрразведке, отмечая его профессионализм [1. С. 53]. Учитывая непрофессионализм В.Н. Руссиянова во время службы в ОКЖ, позволим высказать сомнение в позитивной оценке работы данного офицера. Кроме того, Сергей Павлович сам приводит примеры дел, оканчивавшихся без результата [Там же].

После отступления Сибирской армии под давлением сил Советской России В.Н. Руссиянов бежал на восток, успев поработать на режим атамана Г.М. Семенова [1. С. 54], где получил чин генерал-майора [4. С. 493]. Возможно этому поспособствовало то, что с конца 1919 по 1922 г. на руководящих постах политической полиции и контрразведки работал Л.А. Иванов (1873–1952), который был последним начальником В.Н. Руссиянова в императорской жандармерии (с ноября 1916 г. по февраль 1917 г. – исправляющий должность начальника Енисейского губернского жандармского управления) [33. С. 407]. Далее из Забайкалья он перебрался в Китай [2. С. 274]. В Мукдене бывший офицер ОКЖ работал на Г.И. Клерже, отставного офицера Генерального штаба, сотрудника разведки у А.В. Колчака и Г.М. Семенова. В Манчжурии Клерже стал сотрудничать с японской разведкой (с 1926 г.). Интересно, что В.Н. Руссиянов руководил расследованием о его причастности к советской власти в 1919 г. [4. С. 59, 403].

Заданиями для Руссиянова были поимка Ф. Бородиной (жена М.М. Бородина – представителя Коминтерна при правительстве Гоминьдана и резидента советской разведки в Китае до 1927 г.), а после ее успешного бегства – выкрасть документы у адвоката Бородиной в Пекине [Там же. С. 60]. После последовательных провалов этих миссий В.Н. Руссиянов даже подозревался в сотрудничестве с советской разведкой. Однако, скорее всего, никакого сотрудничества не было. Об этом косвенно свидетельствует тот факт, что в списках НКВД, составленных на бывших сотрудников полиции, он значился с перечислением только тех должностей, которые он занимал в ОКЖ (под № 10558) [34. С. 238]. Таким образом, в СССР не были осведомлены не только о подробностях биографии В.Н. Руссиянова, но и о том, что в 1940 г. его уже не было в живых. Бывший полицейский намеревался через Г.И. Клерже добиться от китайских властей согласия на формирование русского отделения китайской жандармерии, а затем возглавить его [4. С. 61]. Эти надежды рухнули при расторжении договоренностей между ним и Г.И. Клерже после провала миссии.

Именно в Китае, по версии З.И. Перегудовой, В.Н. Руссиянов изготовил фальшивку, касавшуюся И.В. Сталина («письмо Еремина»), и передал (возможно, за вознаграждение) эмигранту М.П. Головачеву [2. С. 265]. Закрытость архивов Особого отдела Департамента полиции до 1950-х гг. и слухи о полном его уничтожении в Февральскую революцию 1917 г. делали документы из этого учреждения ценными источниками. Подделка документов с целью их последующей продажи была распространенным явлением в эмигрантской среде (достаточно вспомнить историю «письма Зиновьева»). Поэтому вполне вероятно, что В.Н. Руссиянов также пошел на этот шаг (З.И. Перегудова организовала подчерковедческую экспертизу, которая подтвердила схожесть подписей псевдо-Еремина и Руссиянова [2. С. 275]). Однако публикация этого письма в журнале «Лайф» в 1956 г. (*Life*, США) и последовавший за этим громкий скандал произошли после его смерти.

Таким образом, объединив все имеющиеся сведения о биографии В.Н. Руссиянова, схематично воссоздается образ человека, который, наиболее вероятно, являлся автором одного из самых громких подлогов в XX в. Это не был талантливый и интеллектуальный борец с революционерами, одержимый идеей монархизма (какими были, например, С.В. Зубатов или А.И. Спиридович) или отъявленный авантюрист (наподобие М.С. Комиссарова). Некомпетентный офицер, пришедший в ОКЖ ради материальной выгоды, В.Н. Руссиянов во время Гражданской войны и эмиграции пытался выставить себя ассом тайной полиции, получая должности и звания. Опираясь на связи и покровительство начальства, в его действиях редко усматривалась инициатива. Возможно, как фронтовой офицер В.Н. Руссиянов проявил себя должным образом (хотя об этом практически нет сведений), но как поли-

цейский он не выделялся среди своих коллег. Его единственная большая инициатива – формирование подложного документа, которое было сделано с грубейшими ошибками и неточностями. Все это в совокупности дает представление не только о частной биографии конкретного человека, но и о состоянии личного офицерского состава ОКЖ и органов контрразведки антибольшевистских правительств Сибири.

Приложение 1

Письмо ротмистра В.Н. Руссиянова члену Комитета общественной безопасности Енисейска Л.В. Асситу (рук., ориг.) [7. Л. 3–6]

[г. Енисейск]
3 апреля 1917 г.

Милостивый Государь, Леонид Васильевич!

Жена мне передала, что Вы в разговоре ей сказали, что Вас затрудняет в моих дел[ах] то, что в делах вырваны страницы и нет никакого порядка. Я должен Вас ознакомить, поэтому, с положением дела.

Начиная с осени прошлого года я хлопотал перед своим начальством о переводе меня из г[орода] Енисейска и доказал им полную бесполезность держать здесь [жандармского] офицера. Мои поездки 14 ноября и 4 декабря [1916 г.] в г[ород] Красноярск увенчались успехом и с 1 января [1917 г.] я считался переведенным вместе с [розыскным] пунктом в г[ород] Красноярск, – временно же до пароходов мне разрешили остаться в Енисейске. О переводе моем и том, что я ездил хлопотать знают в городе все.

17 января [1917 г.] меня вызвали в Красноярск, где я с начальником [Енисейского губернского жандармского управления] подробно обсуждал вопрос о перевозе и переводе дел и имущества [розыскного] пункта. Начальник приказал мне пересмотреть все дела и выбрать из них только то, что имело хоть какой-нибудь смысл, заодно привести в порядок по новой описи. Утерявшие значение дела [предполагалось] уничтожить, чтобы не перевозить хлама. По возвращению я и занялся этой работой. В делах Вы видели новую опись, мною составленную. Есть даже дела еще не сшитые, а только подготовленные к печатанью.

Я категорически заявляю, что я ни одной бумаги не уничтожал, да и не было к тому никакого смысла. Никаких государственно важных бумаг в моей захолустной канцелярии и не могло быть. Всякий знакомый с канцелярской работой скажет, что моя работа по составлению дел новой описи и приведение их в порядок – работа многих недель, приняв во внимание, что я занимался [этим] один, т[а]к к[а]к доверить эту работу полуграмотным жандармам я не мог, я рассчитал так, что не спеша, к Пасхе я ее окончил бы и только тогда уничтожил бы весь ненужный хлам. На пункте никаких серьезных дел не было и не могло быть. Разбираться в делах с точки зрения общественного интереса, не имеет никакого смысла, и Вы в этом убедитесь, когда окончите работу.

Сотрудников партийных я не имел. Был сотрудник «Таежная мошка», приобретенный еще в 1912 г. ротмистром [В.Ф.] Железняковым, но он давал сведения через Красноярск. Этот сотрудник (по газетным сведениям) арестован в Красноярске.

По цензуре работали два почтаря, которые состояли на службе [полиции] давно и не мною приобретались. Они передавали письма для просмотра, основываясь на известном циркуляре М[инистерства] В[нутренних] Дел, по которому я даже официально мог их заставить представлять мне письма нужных лиц. Так делали все начальники почтовых контор, без всякого напоминания, когда же не было одно время жандармского офицера в Енисейске, то почтари присылали корреспонденцию для просмотра [полицейскому] Исправнику. Вы в делах видели много отношений Исправника с препровождением писем.

Вы жене упомянули о том, что я задержал первую агентскую телеграмму [о революции]. Это глубокая неправда! Просмотр телеграмм и разрешение печати зависело всегда и только от Исправника. Помощник Исправника [В.Е.] Кошелёв получил телеграмму за подписью «[А.А.] Эйлер», – ни под каким видом не допускается печатание агентских телеграмм о начавшейся революции. Я самым решительным образом доказывал полную бесполезность такого требования и понуждал [В.Е.] Кошелёва и Волокитина немедленно отпечатать первую агентскую телеграмму о революции за нашими подписями, т[а]к к[а]к каждый из них боялся ответственности. В телеграмме [А.А.] Эйлера было сказано «не допускать печатание» – поэтому [В.Е.] Кошелёв наотрез отказался печатать.

В школе [А.А.] Баландина 3 марта [1917 г.], я уговорил кап[итана] Волокитина составить за своими подписями агентскую телеграмму, и мы пошли в классную комнату, тут же, в школе, составляли телеграмму. Не успели мы закончить, к[а]к прибежал [В.Е.] Кошелёв и объявил, что им получена телеграмма о разрешении печатать агентскую телеграмму. Остальное Вам известно. Эти телеграммы за подписями «[А.А.] Эйлер» Вы можете потребовать из Полицейского Управления [Енисейска] и убедитесь, что я к задержанию телеграмм никакого отношения не имел.

4 марта [1917 г.] было подготовлено заседание к выбору Исполнительного Комитета [Енисейска], на которое были приглашены [В.Е.] Кошелёв и Волокитин. После этого заседания они мне сообщили, что на заседании был поднят вопрос о моем немедленном выезде из города и советовали сейчас же выехать. Я с этим предложением не согласился, т[а]к к[а]к никакой вины за собой не знал и никаких противодействий новому порядку не собирался делать. Все же, о сделанном мне предложении, послал в тот же день шифрованную телеграмму, дословный текст которой Вы видели в делах. В этой телеграмме я писал, что в городе власть перешла в руки Исполнительного Комитета и, за бесполезностью жандармов, мне предложено выехать из города, и просил указаний, т[а]к к[а]к бросить дела, имущество и унтер-офицеров [розыскного пункта] на произвол судьбы я не имел ни нравственного, ни законного права. Посылку телеграммы, я думаю, никто не может мне поставить в вину и даже странно говорить об этом. А на заседании к[а]к раз и говорили о телеграмме, но, очевидно, в другой окраске, не оглашая ее дословного содержания, к[а]к Вы передали об этом моей жене. В ответе на эту телеграмму мне сообщили, что я должен исполнять приказы Министра внутренних дел [и] шефа жандармов князя [Г.Е.] Львова, следов[ательно], другими словами, – приказ оставаться в Енисейске. Эта ответная телеграмма имеется в деле.

Теперь о выставлении 3 марта [1917 г.], утром, войсковой охраны и патрулей, могу сказать, о том, что этим делом всецело распоряжался капитан Волокитин и, когда я увидел патрули, то немедленно с фельдфебелем Захаровым поехали к нему и просили снять патрули, доказав их полную бессмысленность. Кап[итан] Волокитин согласился, и тут же Захарову приказал патрули снять.

Никаких противодействий новому порядку я не оказывал а, наоборот, когда узнал, что [Б.И.] Николаевский выбран в Исполнительный К[омите]т, то, получив телеграмму на свое имя от Прокурора [Иркутской] Судебной Палаты об амнистии

[политическим] заключенным, счел своим долгом отвести эту телеграмму [председателю Комитета общественной безопасности в Енисейске] [Б.И.] Николаевскому, и он попросил [В.Н.] Яковлева съездить со мной в тюрьму и исполнить телеграмму. Вот и все, что я могу сказать, не знаю, в чем еще Вы можете меня заподозрить. Я готов давать самые точные ответы, но сидеть в одиночном заключении – это чересчур большая пытка!

Я обращаюсь к Вам с покорной просьбой приехать в тюрьму и начать допрос, тогда Вы сами убедитесь в бесцельности моего ареста. Вам известна ответная телеграмма Военного Министра [А.И. Гучкова], а потому мое назначение в [действующую] армию зависит только от скорейшего моего освобождения, т[о] е[сть], от Вас.

В заключение, я могу смело сказать, что никто из политических высланных, в том числе и Вы, не можете меня в прошлом упрекнуть в какой-либо провокации или намеренном желании сделать какую-либо неприятность. За два года моего пребывания в Енисейске у меня [в производстве] было только два [уголовных] дела, по приказу из Красноярска. Одно – [Г.И.] Петровского и Гинзбурга, а второе «Яланское» – [неразборчиво]. Согласитесь, что имея полноту власти и желая отличиться, нельзя прийти к заключению по этим делам об интенсивной работе жандармского офицера.

В заключение, я еще раз очень прошу принять во внимание мое месячное одиночное [тюремное] заключение, сильно отразившиеся на моем душевном равновесии, а также [на] тягостную кошмарную жизнь моей одинокой жены, от которой отшатнулись все «добрые знакомые» и то, что я теперь лишен жалования, а потому освободите меня из тюрьмы, хотя бы под домашний арест. Заранее даю слово никуда не отлучаться и не иметь ни с кем никаких отношений. Немедленным освобождением Вы дадите мне возможность ликвидировать свои дела и собраться к отъезду [на фронт].

Ротмистр [В.Н.] *Руссиянов*

ЛИТЕРАТУРА

1. Звягин С.П. Сотрудник государственной охраны на территории белой Сибири В.Н. Руссиянов // Гражданская война на востоке России: объективный взгляд сквозь документальное наследие : материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Омск, 12–13 ноября 2014 года) / под ред. канд. ист. наук Д.И. Петина. Омск : Амфора, 2015. С. 51–56.
2. Перегудова З.И. Политический сыск России (1880–1917). 2-е изд., перераб. и доп. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013. 519 с.
3. Никитин А.Н. Милиция Российского правительства Колчака и ее роль в борьбе с общеуголовной и организованной преступностью : учеб. пособие. М. : Московский институт МВД, 1995. 77 с.
4. Клерже Г.И. Революция и Гражданская война: личные воспоминания / отв. ред., авт. вступ. ст. и ком. А.Л. Посадков. Новосибирск : ГПНТБ СО РАН, 2012. 544 с.
5. Бакшт Д.А. Характеристика документов последней жандармской ревизии Енисейской губернии (октябрь – декабрь 1916 г.) // Социокультурное освоение Сибири : материалы Сибирского исторического форума. Красноярск, 2–5 декабря 2014 г. Красноярск : Резонанс, 2014. С. 188–192.
6. Late Imperial Russia: Problems and Prospects: essays by honour of R.B. McKean / ed. I.D. Thautcher. Manchester : Manchester University Press, 2005. 219 p.
7. Государственный архив Красноярского края (далее – ГАКК). Ф. 827. Оп. 3. Д. 119.
8. Список общего состава чинов Отдельного корпуса жандармов. Исправлен по 1 июля 1915 г. Пг. : Тип. Отдельного корпуса жандармов, 1915. 807 с.
9. Хандорин В. Государственная охрана адмирала Колчака // Родина. 2015. № 1. С. 60–62.
10. «Охранка»: воспоминания руководителей охранных отделений / вступ. ст., подготовка текста и ком. З.И. Перегудовой : в 2 т. М. : Новое литературное обозрение, 2004. 1112 с.
11. Жандармы России. Политический розыск в России. XV–XX в. / сост. В.С. Измозик. СПб. : Изд. дом «Нева»; М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2002. 640 с.
12. Daly J. An Impossible Dream Becomes Reality: A.I. Spiridovich and the Personal Security of Nicolas II // The Historian. 2014. № 1. P. 50–71.
13. Русское слово (Москва). 1912, 1 февр.
14. Приказы по Отдельному корпусу жандармов. 1914 г. [СПб. : б.и., 1914]. Приказ от 20 января 1914 г. № 21 [Место хранения: Российская государственная библиотека].
15. ГАКК. Ф. 827. Оп. 2. Д. 105.
16. Сибирская жизнь (Томск). 1916. 3 мая.
17. Сибирская жизнь (Томск). 1916. 7 мая.
18. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 102. Оп. 316 (1916 г.). Д. 245, ч. 25.
19. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316 (1915 г.). Д. 1, ч. 25–Д.
20. ГАКК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 21.
21. ГАКК. Ф. 830. Оп. 1. Д. 28.
22. ГАКК. Ф. 827. Оп. 2. Д. 98.
23. ГАКК. Ф. 827. Оп. 3. Д. 147.
24. ГАКК. Ф. 827. Оп. 2. Д. 110.
25. ГАКК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 28.
26. ГАКК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 283.
27. Были ли Сталин агентом Охранки? Сборник статей материалов и документов / вступ. ст. Ю.Г. Фельштинского. М. : ТЕРРА – Книжный клуб, 1999. 480 с.
28. Октябрь в Сибири. Хроника событий / отв. ред. И.М. Разгон, Л.М. Горюшкин. Новосибирск : Наука, 1987. 320 с.
29. Сибирская жизнь (Томск). 1917. 16 марта.
30. Кирмель Н.С. Спецслужбы Белого движения. 1918–1922. Контрразведка. М. : Вече, 2013. 320 с.
31. Симонов Д.Г. К вопросу о военном строительстве в тыловых округах колчаковской армии // Гражданская война на востоке России. Проблемы истории: Бахрушинские чтения 2001 г. : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. В.И. Шишкина. Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 2001. С. 67–86.
32. Голуб П.А. В тюрьмах и концлагерях «Колчакии» // Диалог. 2003. № 8. С. 61–71.
33. Белая эмиграция в Китае и Монголии / сост., науч. ред., предисл. и ком. д-ра ист. наук С.В. Волкова. М. : Центрполиграф, 2005. 431 с.
34. Справочник-список офицерского и рядового состава, жандармских управлений, охранных отделений, агентов охранной агентуры дворцового коменданта и чинов Департамента полиции МВД царской России. М. : Главное архивное управление НКВД СССР, 1940. 323 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 28 октября 2015 г.

“A SLUGGISH GENDARME”: THE BIOGRAPHY OF V.N. RUSSIYANOV (IN ADDITION TO S.P. ZVYAGIN’S REPORT)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 406, 25–32.
DOI: 10.17223/15617793/406/4

Baksht Dmitrii A. Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: baksht@mail.ru

Keywords: Special Corps of Gendarmes; Russiyanov; police; White Siberia; Yenisei Province; political spying.

The article is implemented as a continuation of V.P. Zvyagin’s report at the conference “The Civil War in the East of Russia: Objective View through the Documentary Heritage” (Omsk, 12–13 November 2014). In the article the biographical information about Victor Nicolaevich Russiyanov (1879–1936) is summarized. He was an officer of the Gendarmerie of the Russian Empire in 1910–1917 and of the Counterintelligence of A.V. Kolchak in 1918–1922. According to Z.I. Peregudova, Russiyanov was the author of a false document known as “Eremin’s Letter”, published in 1956. The false document was to confirm the cooperation of I.V. Stalin (a Soviet dictator from the 1920s to 1953) with the state bodies of political investigation before the Revolution of 1917. The article gives a coherent chronology of the main stages of V.N. Russiyanov’s biography, an analysis of his activities in security police, provides different estimates of his contemporaries. In the article the documents of the Yenisei Provincial Gendarmerie Department and its divisions, P.P. Zavarzin’s materials of inspection of Siberian special services (in October–December 1916), the Staff of the Corps of Gendarmes official orders, the materials of press and the NKVD (The People’s Commissariat of Internal Affairs) reference book (1940) were cited for the first time. The author of the article used information contained in the report of S.P. Zvyagin, Z.I. Peregudova’s monograph (2013) and a number of the sources published earlier. There is a full text of V.N. Russiyanov’s testimony manuscript made in the spring of 1917 as an annex to the article. During the research the author of the article revealed the circumstances of V.N. Russiyanov’s arrival to the Special Corps of Gendarmes; described the special mission of overseeing hieromonk Iliodor (Trufanov) in 1910–1912; his participation in the gendarmes’ “courts of honor” (from 1914) and Russianov’s role in the revolutionary events in Yeniseisk in 1917. The author of the article casts doubt on the version of V.N. Russiyanov’s contemporaries that he was a Soviet spy during the emigration in China after the Civil War in Russia. After analyzing his official biography in the secret services of different regimes the author made a conclusion that V.N. Russiyanov was not a professional in political investigation, a staunch supporter of the monarchy or enemy of the Soviet power. It has been shown that throughout his career and emigration after the Civil War only selfish goals moved him.

REFERENCES

1. Zvyagin, S.P. (2015) [V.N. Russiyanov, a employee of state protection in the territory of white Siberia]. *Grazhdanskaya voyna na vostoke Rossii: ob”ektivnyy vzglyad skvoz’ dokumental’noe nasledie* [The civil war in the east of Russia: objective view through the documentary heritage]. Proc. of scientific-practical conference. Omsk. November 12–13, 2014. Omsk: Amfora. pp. 51–56. (In Russian).
2. Peregudova, Z.I. (2013) *Politicheskiy sysk Rossii (1880–1917)* [Political spying in Russia (1880–1917)]. 2nd ed. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN).
3. Nikitin, A.N. (1995) *Militsiya Rossiyskogo pravitel’stva Kolchaka i ee rol’ v bor’be s obshcheugolovnoy i organizovannoy prestupnost’yu* [Militia of Kolchak’s Russian government and its role in the fight against organized and general crime]. Moscow: Moscow Institute of Ministry of Internal Affairs.
4. Klerzhe, G.I. (2012) *Revolyutsiya i Grazhdanskaya voyna: lichnye vospominaniya* [The Revolution and the Civil War: personal memories]. Novosibirsk: GPNTB SO RAN.
5. Baksht, D.A. (2014) [Characteristics of the documents of the last gendarmerie revision of Yenisei Province (October – December 1916)]. *Sotsiokul’turnoe osvoenie Sibiri* [Socio-cultural development of Siberia]. Materials of the Siberian history forum. Krasnoyarsk. 2–5 December 2014. Krasnoyarsk: Rezonans. pp. 188–192. (In Russian).
6. Thautcher, I.D. (ed.) (2005) *Late Imperial Russia: Problems and Prospects: essays by honour of R.B. McKean*. Manchester: Manchester University Press.
7. State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund 827. List 3. File 119. (In Russian).
8. Anon. (1915) *Spisok obshchego sostava chinov Otdel’nogo korpusa zhandarmov. Ispravlen po 1 iyulya 1915 g.* [The list of ranks of the overall composition of the Separate Corps of Gendarmes. Amended on July 1, 1915]. Petersburg: Tip. Otdel’nogo korpusa zhandarmov.
9. Khandorin, V. (2015) Gosudarstvennaya okhrana admirala Kolchaka [State Guard of Admiral Kolchak]. *Rodina*. 1. pp. 60–62.
10. Peregudova, Z.I. (ed.) (2004) *“Okhranka”: vospominaniya rukovoditeley okhrannykh otdeleniy: v 2 t.* [“The Security Service”: memories of heads of security departments: in 2 vols]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
11. Izmozik, V.S. (2002) *Zhandarmy Rossii. Politicheskiy rozysk v Rossii. XV–XX v.* [The gendarmes of Russia. Political search in Russia. 15th–20th centuries]. St. Petersburg: Izd. dom “Neva”; Moscow: OLMA-PRESS.
12. Daly, J. (2014) An Impossible Dream Becomes Reality: A.I. Spiridovich and the Personal Security of Nicolas II. *The Historian*. 1. pp. 50–71.
13. *Russkoe slovo*. (1912) 1 February.
14. Russian State Library. (1914) *Prikazy po Otdel’nomu korpusu zhandarmov. 1914 g. Prikaz ot 20 yanvarya 1914 g. № 21* [Orders for the Special Corps of Gendarmes. 1914. Order of January 20, 1914 no. 21]. St. Petersburg.
15. State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund 827. List 2. File 105. (In Russian).
16. *Sibirskaya zhizn’*. (1916). 3 May.
17. *Sibirskaya zhizn’*. (1916). 7 May.
18. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 102. List 316 (1916). File 245. Pt. 25. (In Russian).
19. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 102. List 316 (1915 g.). File 1. Pt. 25–D. (In Russian).
20. State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund 827. List 1. File 21. (In Russian).
21. State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund 830. List 1. File 28. (In Russian).
22. State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund 827. List 2. File 98. (In Russian).
23. State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund 827. List 3. File 147. (In Russian).
24. State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund 827. List 2. File 110. (In Russian).
25. State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund 827. List 1. File 28. (In Russian).
26. State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund 827. List 1. File 283. (In Russian).
27. Fel’shtinskiy, Yu.G. (ed.) (1999) *Byl li Stalin agentom Okhranki? Sbornik statey, materialov i dokumentov* [Collection of articles, materials and documents]. Moscow: TERRA – Knizhnyy klub.

28. Razgon, I.M. & Goryushkin, L.M. (eds) (1987) *Oktyabr' v Sibiri. Khronika sobytiy* [October in Siberia. A chronicle of events]. Novosibirsk: Nauka.
29. *Sibirskaya zhizn'*. (1917). 16 March.
30. Kirmel', N.S. (2013) *Spetssluzhby Belogo dvizheniya. 1918–1922. Kontrrazvedka* [Special forces of the White movement. 1918–1922. Counterintelligence]. Moscow: Veche.
31. Simonov, D.G. (2001) K voprosu o voennom stroitel'stve v tylovykh okrugakh kolchakovskoy armii [On military construction in the rear districts of Kolchak's army]. In: Shishkin, V.I. (ed.) *Grazhdanskaya voyna na vostoke Rossii. Problemy istorii: Bakhrushinskie chteniya 2001 g.* [The civil war in the east of Russia. Problems of history: 2001 Bakhrushin Readings]. Novosibirsk: Novosibirsk State University.
32. Golub, P.A. (2003) V tyur'makh i kontslageryakh "Kolchakii" [In the prisons and concentration camps of the "Kolchak lands"]. *Dialog*. 8. pp. 61–71.
33. Volkov, S.I. (ed.) (2005) *Belaya emigratsiya v Kitae i Mongolii* [White emigration in China and Mongolia]. Moscow: Tsentrpoligraf.
34. Main archival department of the NKVD of the USSR. (1940) *Spravochnik-spisok ofitserskogo i ryadovogo sostava, zhandarmskikh upravleniy, okhrannykh otdeleniy, agentov okhrannoy agentury dvortsovogo komendanta i chinov Departamenta politsii MVD tsarskoy Rossii* [Reference-list of officers and personnel, gendarmeries, security departments, security agents of the palace commandant and officials of the Police Department of the Ministry of Internal Affairs of Tsarist Russia]. Moscow: Glavnoe arkhivnoe upravlenie NKVD SSSR.

Received: 28 October 2015

Вестник Томского государственного университета. 2016. № 406. С. 33–39. DOI: 10.17223/15617793/406/5

УДК 327.58

В.В. Безгачева

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПРОГРАММА ПО ДОБРОВОЛЬНОМУ ПЕРЕСЕЛЕНИЮ В РОССИЮ СООТЕЧЕСТВЕННИКОВ ГЛАЗАМИ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ В 2000-е гг. (НА ПРИМЕРЕ РЕГИОНОВ СИБИРСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА)

С 2006 г. в Российской Федерации реализуется Государственная программа содействия добровольному переселению зарубежных соотечественников на территорию России. В статье на основе социологического подхода определено отношение переселенцев к реализации программы в сибирских регионах, что позволяет провести комплексный анализ функционирования Госпрограммы не только с точки зрения государства, но и переселенцев как объекта российской политики переселения соотечественников.

Ключевые слова: соотечественники; переселение; Государственная программа содействия добровольному переселению соотечественников, проживающих за рубежом; миграция; региональная политика.

Поддержка соотечественников, проживающих за рубежом, является новым направлением внешнеполитической активности Российской Федерации, оформившимся после распада СССР. Со второй половины 1990-х гг., а в особенности в 2000-е гг., наблюдается процесс привлечения регионов к реализации политики по поддержке соотечественников. Выделяются два основных направления деятельности в данной сфере: содействие переселению соотечественников на территорию России и поддержка соотечественников, проживающих за ее пределами. Приоритетным направлением для большинства субъектов РФ является привлечение соотечественников на свою территорию. Реализация данного направления проходит через участие в Государственной программе содействия добровольному переселению соотечественников, проживающих за рубежом, на территорию России. Целями Госпрограммы являются стимулирование и организация процесса добровольного переселения соотечественников на постоянное место жительства в Российскую Федерацию; содействие социально-экономическому развитию регионов; решение демографических проблем, в первую очередь на территориях приоритетного заселения [1]. Программа действует с 2006 г., и к началу 2015 г. в ней принимали участие уже 55 российских субъектов. Таким образом, актуальность исследования определяется постоянным расширением количества участников программы, а также территорий вселения, что требует комплексного анализа процесса ее реализации с целью последующего совершенствования. В особенности это важно в отношении сибирских и дальневосточных регионов, для которых характерны резкая убыль населения, высокий уровень смертности граждан в трудоспособном возрасте, отрицательная динамика миграционных процессов и снижение трудового потенциала.

Вопросам региональной активности в данной сфере посвящены работы Н.О. Матвейцевой, А.А. Гребенюка, И. Зевелева, В.М. Скринника, Г. Андреевой, К.В. Григоричева, Ю.Н. Пинигина, Л.В. Золотовой и др. В работах данных исследователей анализируется в целом региональный аспект политики по поддержке соотечественников, а также деятельность регионов, имеющих значительный опыт в обозначенной сфере (прежде всего Москвы, Санкт-Петербурга и Республики Татарстан). Участие сибирских регионов в Госпрограмме содействия переселению также рассматривается в контексте общей региональной активности, однако изучение особенностей и проблем в деятельности субъектов СФО имеет единичный характер. Так, например, в работе К.В. Григоричева и Ю.Н. Пинигина освещаются проблемы реализации Государственной программы содействия добровольному переселению соотечественников на территорию России в Иркутской области [2]. В статье В.В. Халиулиной и Х.А. Данько приведены данные опроса авторов среди жителей Кемеровской области об их отношении к реализации программы и самим переселенцам [3]. В указанной работе на основе имеющегося опыта исследований рассматриваются возникающие проблемы при реализации Госпрограммы в регионах Сибирского федерального округа, а также отношение к программе переселенцев в сибирские регионы.

Целью данной статьи является выявление факторов привлекательности для соотечественников Государственной программы, а также имеющих место трудностей при переселении на территорию регионов Сибирского федерального округа. Источниковой базой исследования стали материалы интервью переселенцев в регионы СФО журналу «Русский век» (издается с конца 2007 г. по заказу МИД РФ), а также результаты социологического исследования, проведенного автором в октябре–декабре 2014 г. На основном этапе исследования была собрана первичная социологическая информация на основе метода анкетирования; на аналитическом этапе проведены обработка и анализ информации. Всего было опрошено 100 участников программы, переселившихся в сибирские регионы. 17 опрошенных к моменту опроса еще не прибыли на территорию вселения. Из 83 переселенцев 30 человек проживают на территории Омской области (36,15%), 30 – Новосибирской области (36,15%), 11 – Кемеровской области (13,25%), 5 – Алтайского края (6,02%), 5 – Красноярского края (6,02%), 2 – Иркутской области (2,4%). Исследование проводилось на основе социологического и системного подходов, применяемых при проведении опроса и анализов его результатов и итогов интервьюирования переселенцев, а также изучении региональной политики по поддержке со-

отечественников как составной части общегосударственной системы мер в данном направлении.

По состоянию на 01 января 2015 г. всего с начала реализации Госпрограммы анкеты были поданы 248,8 тыс. соотечественников (с членами семей – 558,4 тыс.), из них в 2015 г. – 90,4 тыс. заявлений (на 208,2 тыс. человек) [4]. За время действия программы было выдано 164,3 тыс. свидетельств (с членами семей – 355,1 тыс.); прибыло 130,8 тыс. участников (262,9 тыс. с членами семей) [Там же]. Сибирский федеральный округ традиционно занимает второе место среди российских округов по количеству принятых участников Госпрограммы и членов их семей: доля прибывших соотечественников на 2011 г. в Центральный федеральный округ (ЦФО) от общего количества переселенцев – 47%, в СФО – 21%; на IV квартал 2012 г. – 48 и 21% соответственно; на IV квартал 2013 г. – 46 и 25%; на IV квартал 2014 г. – 34 и 17% [Там же]. При этом наиболее привлекательными для переселенцев являются Омская, Новосибирская области и Красноярский край. Основное финансовое обеспечение осуществляется за счет средств региональных бюджетов, привлекаются средства федерального бюджета (в виде субсидий), а также юридических и физических лиц [1]. Исполнителями региональных программ определены Управления Федеральной миграционной службы в субъектах, а также компетентные органы по вопросам обеспечения и контроля занятости населения (при этом подчеркивается вневедомственный характер, обеспечивающий комплексный подход к реализации программы).

Отчетные сведения региональных миграционных служб субъектов СФО свидетельствуют о том, что основной миграционный поток по программе идет из стран СНГ, преимущественно Средней Азии, что обусловлено территориальной близостью к Сибири. Влияние на географию участников Госпрограммы оказывает, с одной стороны, государственная политика принимающей стороны (как в информационной сфере, так и в области реализации программы), с другой – социально-экономический, политический и культурный климат в стране проживания. Так, после 2013 г. увеличилась доля переселенцев из Украины, что связывается с украинским кризисом (как правило, они получают статус беженцев, однако для сокращения сроков получения российского гражданства ряд из них вступает в программу переселения, что допускается для лиц, уже прибывших на территорию России).

Большинство интервьюируемых являются выходцами из России (сами или их родственники по прямой линии). В бывшие союзные республики они попали в ходе столыпинской реформы [5], ссылок [6], раскулачивания [5], коллективизации [6], приехали на работу на новые предприятия или по распределению [7–9], прибыли на военную службу [10] и т.д. Данные процессы происходили в рамках единого государства, после распада которого около 25 млн русских оказались в новых суверенных государствах. Именно они и их семьи составляют основную долю переселенцев по Госпрограмме. Если говорить о переселенцах из стран дальнего зарубежья, то также стоит отметить, что большинство являются выходцами из России, выехавшими за рубеж в поисках «лучшей жизни» [11]. При этом Программа содействия добровольному переселению соотечественников позиционируется государством как инициатива, направленная не столько на репатриацию и возвращение соотечественников в Россию (что, прежде всего, означало бы восстановление в правах на гражданство, как, например, в Польше), сколько на использование трудового и экономического потенциала российской диаспоры для удовлетворения внутренних интересов России.

При выявлении мотивации соотечественников к переселению в Россию следует отдельно выделить ситуацию в дальнем и ближнем зарубежье. Для переселенцев из республик бывшего СССР основной мотивацией являются социально-экономические и национальные факторы. Речь идет о курсе на построение национальных государств, на бытовом уровне выражающееся в ограничении ряда возможностей, связанных прежде всего с языком. Большинство переселенцев отмечало, что основной мотивацией к переезду являлось обеспечение будущего своих детей, в котором они не будут «бояться за свою национальность» [5]. К социально-экономическим проблемам в странах проживания следует отнести низкий уровень заработных плат («жизнь в узбекском городке Чирчик становилась все труднее и труднее: денег, которые… зарабатывали вдвоем с мужем, перестало хватать даже на продукты» [12, 13]); трудности с трудоустройством («после того, как Латвия приобрела независимость и угробила промышленность, устраивалась, где придется» [14]); отсутствие перспектив карьерного роста; перевод образовательных программ на государственные языки и изучение русского языка в качестве иностранного («В Латвии образование теперь и в старших классах школы, и в вузах только на государственном, на латышском языке. На родном, на русском, можно учиться лишь в частных школах и вузах. Но в частных школах обучение стоит таких денег, что сама останусь без всего» [Там же]). Свою роль сыграл также рост националистических настроений на бытовом уровне («Об этом не принято говорить, но сосед-казах мог строго напомнить русскому: “Не забывай, где живешь”… Еще страшнее, когда угрожают твоим детям в школе» [15]; «узбеки в большинстве своем гостеприимный народ, но и националистов, религиозных фанатиков хватает. Чтобы зайти в Старый город, нужно было тщательно переодеться, потому что бывали случаи, когда девушкам в коротких юбках там резали ноги» [10]).

Для переселенцев из дальнего зарубежья социально-экономическое положение также является одним из мотивационных факторов («...внештатный преподаватель [в Израиле] получает в два раза меньше. Более того, с ним заключают договор только на четыре или на восемь месяцев. Человек все время находится в подвешенном состоянии. Отпуска нет, повышение квалификации не положено. Стала понимать, что хоть и работаю без отдыха, но не могу дать дочери высшее образование. Оно там исключительно платное, моего заработка на это не хватает, а силы уходят» [16]; «как

оказалось, перед переселенцами двери в приличные конторы закрыты [в Германии]: и говорим мы не так, и выглядим мы не так» [11]). Однако большую роль играет национально-культурный фактор, связанный с вопросами культурной и национальной идентичности («спустя пару лет на чужой земле я была готова отдать последний кусок хлеба с маслом за горсточку русской родной земли» [Там же]). Как правило, переселенцы из дальнего зарубежья выбирают территорию вселения, близкую к стране проживания, однако и в сибирские регионы переселяются соотечественники-«европейцы», что во многом обусловлено тем, что они или их родственники являются выходцами из Сибири.

Как было отмечено выше, Госпрограмма не позиционируется государством как программа репатриации. В ходе опроса, проведенного автором, соотечественникам, переселившимся в сибирские регионы, были заданы вопросы о положительных и отрицательных сторонах Госпрограммы. По результатам Госпрограммы автором была составлена таблица (приведенные в таблице варианты ответа были предложены опрашиваемым, в процентах указана доля переселенцев, выбравших данный вариант ответа, от общего числа переселенцев, прибывших на территорию вселения).

Положительные и отрицательные стороны Государственной программы содействия добровольному переселению на территорию России соотечественников, проживающих за рубежом

Положительные стороны Госпрограммы	Отрицательные стороны Госпрограммы
Ускоренные сроки получения гражданства, 93,97%	Проблемы с регистрацией по месту жительства, 69,87%
Наличие «подъемных» и компенсаций расходов, 57,83%	Отсутствие поддержки в поиске постоянного жилья, 49,39%
Соблюдение сроков оформления документов, оформления статуса переселенца, 33,73%	Трудности в получении гарантированных компенсаций, 20,48%
Информационное сопровождение со стороны компетентных органов государственной власти, 19,27%	Недостаточное информационное обеспечение программы, 17%
Содействие госорганов при поиске места работы, 16,86%	Несоблюдение сроков оформления документов, получения статуса переселенца, 10,84%
Предоставление социальных льгот, 12,04%	

Из приведенной выше таблицы можно увидеть, что основными преимуществами программы соотечественники видят ускоренные сроки получения гражданства (менее 1 года) и наличие «подъемных» и компенсаций расходов. Следует отметить, что 48,18% участников опроса не подавали заявления на выплату компенсаций в полной мере (19,27% не подавали вообще, 28,91% – на часть компенсаций). Это свидетельствует о том, что участники программы готовы использовать собственную материальную базу для переселения в Россию, рассчитывая прежде всего на нематериальное сопровождение со стороны государства (содействие в поиске жилья, трудоустройстве, получении гражданства). Влияние также оказывает и то, что процедура получения компенсаций сопровождается рядом негативных характеристик (переселенцы отмечали «нудную процедуру отстаивания очередей и обивания порогов», «бюрократию и презрение»). 20,48% отметили, что сталкивались с трудностями в получении гарантированных компенсаций. Таким образом, нельзя говорить об отлаженности механизма предоставления компенсаций, которые, наряду с упрощенными требованиями для получения гражданства, являются основным отличием политики по привлечению соотечественников от привлечения в страну трудовых мигрантов. Это требует проведения систематического мониторинга возникающих при данном процессе проблем с их последующим решением при поддержке как региональных, так и федеральных органов власти.

Основными недостатками Государственной программы содействия переселению опрошенные отметили отсутствие поддержки в поиске постоянного жилья (49,39%) и проблемы с регистрацией по месту жительства (69,87%). Программа подразумевает только информационное сопровождение самостоятельного поиска жилья переселенцем, что, несмотря на частичное возмещение расходов на аренду, вызывает недовольство у ряда переселенцев. Так, один из опрошенных отмечал, что «в Казахстане предоставляют жильё оралманам (такие же переселенцы, только в Казахстан)… строят целые посёлки с 1-этажными домами для переселенцев… в России же программа не так активна, дали подъёмные, а там как хочешь, так и живи». Стоит согласиться с тем, что предоставление льготных условий в приобретении жилья в условиях острой жилищной ситуации для местного населения может спровоцировать рост напряженности [17]. Ряд регионов решает данную проблему исходя из собственных региональных возможностей, однако координация со стороны федерального центра является недостаточной прежде всего в области корреляции статуса переселенца с правовыми условиями в России (так, банки могут отказывать в кредитовании по причине отсутствия кредитной истории или стажа работы на территории России). То же самое касается и проблемы с регистрацией, отсутствие которой влечет за собой ряд ограничений для переселенцев (регистрация в органах занятости, получение ипотеки, пользование жилищными льготами). Решение этих проблем следует отнести к компетенции федерального центра, поскольку необходимо единое правовое и организационное обеспечение на всех территориях вселения. Так, в ряде регионов созданы центры временного размещения (ЦВР), однако в СФО такие центры отсутствуют. Внесение такого показателя, как наличие ЦВР в регионах – участниках программы с возможностью регистрации переселенцев, в обязательные условия реализации Госпрограммы способствовало бы снижению остроты жилищного вопроса для переселенцев, однако, несмотря на инициативы со стороны представителей органов власти, подобные изменения сделаны не были.

Ряд проблем имеет место в сфере трудоустройства прибывших соотечественников. В соответствии с первой редакцией программы (до 2013 г.) соотечественники переселялись «под вакантные места» при наличии договоренности с работодателем. Вторая редакция исключила этот пункт из условий переселения, тем самым повысив репатриационный потенциал программы. Между тем абсолютное большинство участников опроса трудоустроились без содействия государственных органов (61,44% не обращались в компетентные органы, 28,91% обращались, однако трудоустройство произошло без их содействия). Из числа последних часть опрошенных отмечали неудовлетворительную работу госорганов в сфере содействия трудоустройству (отсутствие оперативности в работе, предложение неудовлетворяющих переселенца вакансий), часть из них рассматривали компетентные органы как сопутствующую помощь самостоятельному поиску работы. Только 7,22% участников опроса трудоустроились с помощью государственных органов. Кроме того, половина опрошенных (50,6%) говорили о том, что работодатель предпочитает нанять гражданина России, а не переселенца. Несмотря на то что в целом отношение к соотечественникам (прежде всего русским и русскоязычным) благоприятное (34,93% опрошенных отметили положительное отношение к себе со стороны местного населения, 59,03% – нейтральное), в сфере трудоустройства имеют место сложности, связанные с неопределенностью для работодателей статуса участника Госпрограммы. Так, двое из опрошенных заметили, что проблемой является отсутствие информирования работодателей о программе. В связи с этим представляется приоритетной задача создания двустороннего информационного поля не только за рубежом, но и в самих регионах – участниках программы переселения в целях информирования как потенциальных работодателей о статусе переселенца и программе в целом, так и местного населения для минимизации случаев негативного отношения к соотечественникам.

В области информационного сопровождения переселения 74,69% опрошенных отметили, что через органы государственной власти и СМИ ими была получена вся необходимая информация. Как было отмечено выше, расширение информационных каналов является устойчивой тенденцией при реализации Госпрограммы. Между тем 22,89% участников опроса отмечали как недостаток сведений в указанных источниках, так и трудности в поиске информации. В связи с этим необходима, с одной стороны, интенсификация информирования о программе по всем возможным каналам (через Интернет-порталы, периодическую печать, теле- и радиопередачи, представительства компетентных органов за рубежом), а также расширение информационных блоков о территориях вселения и условиях участия в программе.

Таким образом, опрос переселенцев-соотечественников, выбравших регионы Сибирского федерального округа (прил. 1), показал, что существует ряд проблем, связанных как с недоработкой механизмов реализации Госпрограммы, так и отсутствием требуемого уровня координации и разграничения полномочий между федеральным центром и регионами-участниками программы. Несмотря на то что абсолютное большинство опрошенных положительно оценили программу (36,14% – «положительно», 54,21% – «скорее положительно, чем отрицательно: отмечаются некоторые трудности, однако в целом программа действует удовлетворительно»), необходимо ее качественное улучшение в целях, с одной стороны, повышения репатриационного потенциала, с другой – общей оптимизации практической реализации политики привлечения зарубежных соотечественников в Россию.

Приложение 1

Вопросы для анкетирования соотечественников-переселенцев в регионы Сибирского федерального округа (ноябрь–декабрь 2014 г.)

1. Укажите территорию вселения.

А. Алтайский край.
Б. Республика Бурятия.
В. Забайкальский край.
Г. Иркутская область.
Д. Кемеровская область.
Е. Красноярский край.
Ж. Новосибирская область.
З. Омская область.
И. Республика Хакасия.

2. Прибыли ли Вы уже на территорию вселения?

А. Да.
Б. Нет.

3. В соответствии с законодательством участникам Госпрограммы и членам их семей гарантируется ряд компенсаций, выплата подъемных. Кроме того, региональные программы также предусматривают компенсации (расходов за найм жилья, перевод документов на русский язык и др.). Получили ли Вы гарантированные компенсации?

А. Да, компенсации получены в полном объеме.

Б. Да, компенсации получены, но не в полном объеме (причина – не было подано заявление для получения ряда компенсаций).

В. Да, компенсации получены, но не в полном объеме (причина – неудовлетворительная работа государственных органов: отказ в предоставлении компенсаций, приеме заявления, очередь для получения компенсаций).

Г. Нет, компенсации не получены (причина – не было подано заявление для получения компенсаций).

Д. Нет, компенсации не получены (причина – неудовлетворительная работа государственных органов: отказ в предоставлении компенсаций, приеме заявления, очередь для получения компенсаций).

4. Региональные программы предусматривают поддержку компетентными государственными органами переселенцев при поиске места работы (предоставление доступа к базам данных вакансий, организация встреч с работодателями, информационное сопровождение). Обращались ли Вы в органы занятости населения (или другой компетентный государственный орган) при поиске места работы?

А. Да, трудоустройство произошло при содействии государственных органов.

Б. Да, но трудоустройство произошло без содействия государственных органов.

В. Нет.

Г. Затрудняюсь ответить.

5. Как бы Вы охарактеризовали отношение к Вам как к переселенцам со стороны местных жителей?

А. Положительное.

Б. Нейтральное.

В. Негативное.

6. Как Вы оцениваете информационное обеспечение Госпрограммы переселения? Испытывали ли Вы трудности в поиске необходимой информации?

А. Положительно, вся необходимая информация была получена в полном объеме через средства массовой информации и органы государственной власти.

Б. Негативно, отмечались трудности в поиске информации, содержащиеся в указанных источниках сведения недостаточны.

В. Затрудняюсь ответить.

7. Испытали ли Вы трудности при приеме на работу, связанные со статусом переселенца?

А. Да, работодатель предпочитает предоставить работу гражданину, а не переселенцу.

Б. Нет.

В. Затрудняюсь ответить.

8. Отметьте положительные стороны Государственной программы переселения (возможны несколько вариантов ответа).

А. Ускоренные сроки получения российского гражданства.

Б. Государственная поддержка при поиске места работы.

В. Наличие «подъемных» и компенсаций расходов.

Г. Информационное сопровождение со стороны компетентных органов государственной власти.

Д. Предоставление социальных льгот.

Е. Соблюдение сроков оформления документов, получения статуса переселенца.

Ж. Другое.

9. Отметьте негативные стороны Государственной программы переселения (возможны несколько вариантов ответа).

А. Отсутствие поддержки в поиске постоянного жилья.

Б. Проблемы с регистрацией по месту жительства.

В. Недостаточное информационное обеспечение.

Г. Отсутствие поддержки в поиске постоянного жилья.

Д. Несоблюдение сроков оформления документов, получения статуса переселенца.

Е. Трудности в получении гарантированных компенсаций.

Ж. Другое.

10. Как в целом Вы оцениваете Государственную программу переселения?

А. Положительно.

Б. Скорее положительно, чем отрицательно (отмечаются некоторые трудности, однако в целом программа действует удовлетворительно).

В. Скорее отрицательно, чем положительно (существуют значительные трудности при переезде, связанные с недоработкой программы).

Г. Отрицательно.

Д. Затрудняюсь ответить.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственная программа по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом: Указ Президента РФ от 22 июня 2006 г. № 637 (в ред. Указов Президента РФ от 14 сентября 2012 г. № 1289, от 04 апреля 2014 г. № 201) // Правовая система «Консультант».

2. Григоричев К.В., Пинигина Ю.Н. Региональная миграционная политика в Иркутской области // Миграционная политика в регионах РФ: законодательство и правоприменительная практика / под ред. А.В. Косса, Л.Л. Емельяновой. Калининград : Изд-во РГУ им. И. Канта, 2009. 227 с.
3. Халиулина В.В., Данько Х.А. Общественное мнение о переселении в Кемеровскую область соотечественников, проживающих за рубежом // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2014. № 1 (119).
4. Мониторинг реализации Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, на территориях вселения субъектов Российской Федерации на 2011, 2012, 2013, 2014 гг. // Официальный сайт Федеральной миграционной службы Российской Федерации.
5. Панкратова Е. История одного переселения // Русский век. 2013. № 5.
6. Мы хотим принести пользу России // Русский век. 2012. № 6.
7. Комаров А. Иногда так хочется дождя! // Русский век. 2009. № 8.
8. Блохина В. Сибирская мечта // Русский век. 2013. № 3.
9. Блохина В. У нас все получится // Русский век. 2011. № 10.
10. Паровоз поехал без тормозов // Русский век. 2009. № 9.
11. Возвращение спустя 16 лет // Русский век. 2015. № 7.
12. Мифы вместо Госпрограммы // Русский век. 2008. № 2.
13. В Сибирь – с любовью // Русский век. 2009. № 9.
14. Мейден И. Меняю Ригу на Иркутск // Русский век. 2011. № 12.
15. Ермолина Л. Здесь мы дома! // Русский век. 2015. № 9.
16. Золотая осень Беллы // Русский век. 2012. № 6.
17. Филиппов В.И. Переселение российских соотечественников из постсоветских государств: политико-правовой анализ : дис. … канд. полит. наук. Бишкек, 2011. 214 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 27 марта 2016 г.

THE STATE PROGRAM TO ASSIST THE VOLUNTARY RESETTLEMENT OF COMPATRIOTS LIVING ABROAD TO THE TERRITORY OF RUSSIA IN THE COMPATRIOTS' EYES IN THE 2000S (THE EXAMPLE OF THE SIBERIAN FEDERAL DISTRICT)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 406, 33–39.
DOI: 10.17223/15617793/406/5
Bezgacheva Veronika V. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: nikabezgacheva@mail.ru
Keywords: compatriots; resettlement; state program to assist the voluntary resettlement of compatriots living abroad to the Russian Federation; migration; regional policy.

After the Soviet Union's collapse, the Russian Federation faced the task of protection and support of Russian and Russian-speaking population of the former Soviet republics that faced the threat of loss of ties with Russia as a homeland in the conditions of the course to build new nation-states, the acquisition of the minority status and the growth of anti-Russian and anti-Russian sentiments. There are two directions of the state policy in this sphere: the assistance to migration to the territory of Russia and the establishment of interaction with compatriots and their organizations residing abroad. Since 2006, Russia implements the state program to assist the voluntary resettlement of compatriots living abroad to the Russian Federation. By the beginning of 2015 55 Russian subjects have become parties to the program, among them the 9 regions of the Siberian Federal District. The aim of the program is the mutually beneficial use of the potential of compatriots and regions to address regional socio-economic and demographic problems. On the basis of the programs of the SFD subjects, it can be concluded that the initial expectations of interest in the resettlement of compatriots in Russia were high, which is reflected in the planned indicators in the following edition of the program. The purpose of this article is to identify the factors of attraction of the state program for compatriots, as well as the difficulties that occur when moving to the territory of the Siberian Federal District. To achieve the goal the author conducted a survey among 100 persons in the regions of the Siberian Federal District and analyzed interviews with settlers in the *Russkiy mir* [Russian World] journal. Based on the data sources it can be concluded that, in spite of the shortcomings in the mechanism of the program implementation, compatriots evaluate it positively as an opportunity to return to Russia and get Russian citizenship in simplified terms. Despite this, settlers note there are serious disadvantages associated with the flaws of the program (especially in the field of information support of both the people and the host country, as well as in registration and housing search). Insufficient is, firstly, the federal government's role in addressing these issues, and, secondly, the use of the experience of other regions (for example, on the establishment of a temporary accommodation center). Even given the fact that the program is not a program of repatriation, but only of facilitating resettlement, its qualitative improvement will help enhance the attractiveness (which is especially important for the SFD regions characterized by migration loss) and overall optimization of its practical implementation.

REFERENCES

1. Konsul'tant. (2014) *Gosudarstvennaya programma po okazaniyu sodeystviya dobrovol'nomu pereseleniyu v Rossiyskuyu Federatsiyu sootechestvennikov, prozhivayushchikh za rubezhom: Ukaz Prezidenta RF ot 22 iyunya 2006 g. № 637 (v red. Ukazov Prezidenta RF ot 14 sentyabrya 2012 g. № 1289, ot 04 aprelya 2014 g. № 201)* [State program to assist the voluntary resettlement to the Russian Federation of compatriots living abroad: Presidential Decree of June 22, 2006 no. 637 (as amended by Presidential Decree of September 14, 2012 no. 1289 of April 4, 2014 no. 201)].
2. Grigorichev, K.V. & Pinigina, Yu.N. (2009) Regional'naya migratsionnaya politika v Irkutskoy oblasti [Regional migration policy in Irkutsk Oblast]. In: Koss, A.V. & Emel'yanova, L.L. (eds) *Migratsionnaya politika v regionakh RF: zakonodatel'stvo i pravoprimenitel'naya praktika* [Migration policy in the regions of the Russian Federation: Law and Practice]. Kaliningrad: Immanuel Kant Russian State University.
3. Khaliulina, V.V. & Dan'ko, Kh.A. (2014) Obshchestvennoe mnenie o pereselenii v Kemerovskuyu oblast' sootechestvennikov, prozhivayushchikh za rubezhom [Public opinion on resettlement in Kemerovo Oblast of compatriots living abroad]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*. 1 (119).
4. Official website of the Federal Migration Service of the Russian Federation. (2014) *Monitoring realizatsii Gosudarstvennoy programmy po okazaniyu sodeystviya dobrovol'nomu pereseleniyu v Rossiyskuyu Federatsiyu sootechestvennikov, prozhivayushchikh za rubezhom, na territoriyakh vseleniya sub"ektov Rossiyskoy Federatsii na 2011, 2012, 2013, 2014 gg.* [Monitoring of the implementation of the State program to assist the

voluntary resettlement to the Russian Federation of compatriots living abroad, on the resettlement territories of the Russian Federation for 2011, 2012, 2013, 2014].
5. Pankratova, E. (2013) Istoriya odnogo pereseleniya [History of a resettlement]. *Russkiy vek*. 5.
6. Russkiy vek. (2012) My khotim prinesti pol'zu Rossii [We want to benefit Russia]. *Russkiy vek*. 6.
7. Komarov, A. (2009) Inogda tak khochetsya dozhdya! [Sometimes you want rain!]. *Russkiy vek*. 8.
8. Blokhina, V. (2013) Sibirskaya mechta [A Siberian dream]. *Russkiy vek*. 3.
9. Blokhina, V. (2011) U nas vse poluchitsya [We will succeed]. *Russkiy vek*. 10.
10. Russkiy vek. (2009) Parovoz poekhal bez tormozov [The locomotive went loose]. *Russkiy vek*. 9.
11. Russkiy vek. (2015) Vozvrashchenie spustya 16 let [Returning after 16 years]. *Russkiy vek*. 7.
12. Russkiy vek. (2008) Mify vmesto Gosprogrammy [Myths instead of the state program]. *Russkiy vek*. 2.
13. Russkiy vek. (2009) V Sibir' – s lyubov'yu [To Siberia with love]. *Russkiy vek*. 9.
14. Meyden, I. (2011) Menyayu Rigu na Irkutsk [I change Riga for Irkutsk]. *Russkiy vek*. 12.
15. Ermolina, L. (2015) Zdes' my doma! [Here we are at home!]. *Russkiy vek*. 9.
16. Russkiy vek. (2012) Zolotaya osen' Belly [The Golden Autumn of Bella]. *Russkiy vek*. 6.
17. Filippov, V.I. (2011) *Pereselenie rossiyskikh sootechestvennikov iz postsovetskikh gosudarstv: politiko-pravovoy analiz* [The resettlement of Russian compatriots of the post-Soviet states: political-legal analysis]. Political Science Cand. Diss. Bishkek.

Received: 27 March 2016

Вестник Томского государственного университета. 2016. № 406. С. 40–44. DOI: 10.17223/15617793/406/6

УДК 930.85

О.В. Богданова

РОЛЬ РОССИЙСКИХ ИНЖЕНЕРНО-ТЕХНИЧЕСКИХ КАДРОВ В ИСТОРИИ ГРАДОСТРОЕНИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Рассматривается деятельность инженерно-технических кадров в формировании архитектурного облика западносибирского города. Выявляются их роль в градостроительном процессе в Западной Сибири в конце XIX – начале XX в., когда в регионе активно шло развитие городов и промышленных предприятий.

Ключевые слова: зодчий; градостроение; инженерно-технические кадры; деятельность; западносибирский город.

В изучении истории градостроения западносибирского города деятельность выпускников учебных заведений архитектурно-строительного профиля не раз рассматривалась в работах таких сибирских исследователей, как С.Н. Баландин, О.В. Богданова, А.Н. Гуменюк, В.Г. Залесов, Н. Лебедева [1–5]. Выпускники таких ведущих учебных заведений архитектурно-строительного профиля, как Академия художеств, Московское дворцовое архитектурное училище и Институт гражданских инженеров всегда активно участвовали в градостроении Западной Сибири. Участие этих специалистов было не всегда одинаково и, тем не менее, они практически всегда были наиболее востребованы в сибирском градостроительном процессе [2]. В конце XIX в. в Западной Сибири появился новый тип специалистов. Это выпускники технических (политехнических и технологических) российских вузов. Именно деятельность выпускников этих учебных заведений в зодчестве западносибирского города никогда не становилась самостоятельным исследованием. Тем не менее этот аспект играет важную роль в изучении истории градостроения западносибирского города.

Активное развитие в конце XIX – начале XX в. в Сибири промышленности, освоение ее природных богатств, строительство Великого Сибирского железнодорожного пути потребовали привлечения инженерно-технических кадров и в строительстве. «Значение инженерного дела и его влияние на все условия жизни растут все более и более, – писали на страницах ведущего российского журнала на рубеже XIX–XX вв., – заслуги техники с течением времени становятся все яснее, и в той же степени растет и потребность в инженерах… Инженерное искусство сделало цивилизацию общедоступной; им совершается работа освобождения из под гнета природных сил и условий в широких размерах… Искусство инженеров поставило нынешнюю цивилизацию в такие условия, что дальнейшее ее преуспевание и движение вперед вполне обеспечено; труды их в особенности за последние пятьдесят лет содействовали освобождению умов и поднятию общего духовного уровня более, нежели все остальные факторы» [6. С. 488–489]. Основными поставщиками инженерно-технических кадров для Западной Сибири были Рижский и Киевский политехнические, Санкт-Петербургский, Харьковский и Томский технологические институты.

Рижский политехнический институт получил свое название в 1896 г. после преобразования его из созданного в 1862 г. Рижского Политехникума, явившегося первым высшим учебным заведением на территории Латвии, входившей тогда в состав Российской империи. Рижский Политехникум стал первой в России подобной многоотраслевой высшей технической школой благодаря наличию разнообразных специальностей, таких как машиностроение, архитектура, земельное дело, агрономия, химия, коммерция. Рижский политехнический институт в градостроении Западной Сибири в конце XIX – начале XX в. был представлен деятельностью следующих его выпускников: А.И. Лангера и Н.А. Образцова в Томской губернии, И.П. Суханова и А.И. Хмары в Омской области, Л.Ю. Андржевского в Тобольской губернии, А.М. Циммермана в Барнауле.

Среди выпускников Рижского политехнического института в формировании архитектурного облика города Томска особо выделяется деятельность А.И. Лангера. В Сибирь зодчий приехал из Петербурга в 1905 г. [7. Л. 71 об.]. В Томске он сначала работал младшим инженером Строительного отделения губернского управления, но уже с 1907 г. неоднократно исполнял обязанности губернского архитектора. В 1908 г. А.И. Лангер в течение месяца замещал губернского инженера, а в 1913 г. был назначен на должность губернского архитектора. В 1914 г. решался вопрос о назначении его на более высокую должность – губернского инженера. В секретном донесении Томского губернатора министру внутренних дел в 1914 г. сообщалось следующее: «Помимо опыта в канцелярском деле инженер Лангер, ведущий многие казенные и частные постройки, имеет большой опыт и как строитель-архитектор, и знаком с местными ценами и условиями» [Там же. Л. 85]. При этом губернатор предполагал, что в этом вопросе могли возникнуть затруднения в связи с образованием А.И. Лангера и, тем не менее, губернатор находил обоснование для назначения Лангера на должность губернского инженера, о чем и писал министру в своем донесении: «…инженер Лангер имеет право на должность губернского инженера и по получении им специальному образованию имеющий звание инженера-архитектора <…> Право инженера Лангера на назначение губернским инженером подтверждается еще и тем, что до учреждения Института гражданских инженеров, законом (Высочайше утвержденным 10 октября 1866 года мнение Государственного Совета. Полное собрание зак. 1866 года ст. 43726 и 1868 г. ст. 456) при назначении на должность губернских инженеров рекомендо-

валось относиться предпочтительнее, кроме инженеров путей сообщения, именно к лицам, имеющим звание инженера-архитектора» [7. Л. 85–85 об.]. И даже в случае невозможности губернатор писал: «…и в противном случае я убедительно прошу Ваше Превосходительство о допущении инженера Лангера к исполнению обязанностей губернского инженера впредь до выяснения прав инженеров-архитекторов на назначение губернскими инженерами» [Там же. Л. 85 об.].

По проектам А.И. Лангера в Томске были пострены здания различного функционального назначения. Это Петропавловская церковь, магометанская (так называемая белая) мечеть, доходный дом А.Ф. Деева, театр-кинематограф «Новый», цирк Ф.Я. Изако и скетинг-ринг, центральные бани, принадлежавшие купцу А.Ф. Громову, и др. Выполнял А.И. Лангер и работы по художественному переоформлению фасадов зданий таких, как доходный дом И.Л. Фуксмана, книжный магазин П.И. Макушина. Изменение фасадов было вызвано приходом в архитектуру Сибири новых стилевых направлений. Так, например, фасадам книжного магазина Макушина, выполненных в «кирпичном» стиле, в результате переоформления была придана неоклассицистическая трактовка. Творчество А.И. Лангера отличалось использованием большого диапазона стилевых направлений, в его постройках присутствовали стили от эклектики до неоклассицизма.

Обширна была и строительная деятельность А.И. Лангера. Он являлся главным строителем (производителем работ) многих мостов, лечебниц, церквей в городах и селах Томской губернии. С 1907 г. он был производителем работ по постройке Томской окружной психиатрической лечебницы, а также шоссейной подъездной дороги к этому комплексу. В 1909–1911 гг. зодчий был строителем по переустройству старых зданий и сооружений для душевнобольных и богадельни Томской губернской больницы Ведомства Общественного призрения. В 1911–1913 гг. он строил (совместно с архитектором Т.Л. Фишелем) здание Народного университета по проекту А.Д. Крячкова[1]. В 1916 г. А.И. Лангер был строителем и проектировщиком каменных зданий тюрем (с центральным отоплением и вентиляцией) в Мариинске [7. Л. 5 об.].

Деятельность А.И Лангера отличалась разноплановостью: он был архитектором, инженером, строителем, общественным деятелем. В 1914 г. губернский архитектор инженер-архитектор Лангер был назначен директором Детского приюта братьев Королевых «с оставлением в занимаемой должности» [8. С. 433]. В 1916 г. он отправился на Кавказ в составе Первой Сибирской инженерно-строительной дружины помощником начальника дружины, сохраняя за собой должность, что было предусмотрено по «Положению инженерно-строительных дружин», где говорилось, что все вступающие в дружину и состоящие на государственной службе имели право на сохранение должности без сохранения содержания [9. Л. 8].

В Омске работали выпускники Рижского политехнического института И.П. Суханов и А.И. Хмара, последний окончил также и Парижскую школу искусств. Выпускник института 1910 г. И.П. Суханов хотя и недолго работал в Омске, но занимал должность городского архитектора (в 1919 г.)[2]. До приезда в Омск он работал в Петербурге и Симбирске. В 1920-х гг. он уже уехал из Омска, сначала в Симбирск, а в 1929 г. – в Москву. А.И. Хмара с 1913 г. состоял в должности Омского областного архитектора. Был он и главным строителем двух особо значительных дореволюционных построек города: с 1914 г. – здания Управления Омской железной дороги, а в 1915–1916 гг. – Дома Судебных установлений. Кроме архитектурно-строительной вел и педагогическую деятельность, в 1925 г. он преподавал начертательную геометрию в Омском механико-строительном училище.

В творчестве инженера Л. Андржевского, работавшего в Тобольской губернии, наиболее интересным является проектирование и строительство в 1915 г. Народного дома в Березово [10. Л. 1–1 об.]. Облик дома стал первым и единственным зданием, построенным в этом отдаленном от крупных городов месте, в стиле модерн. Высокопрофессиональный подход в архитектурно-художественном решении деревянного одноэтажного здания выделяет его от окружающей застройки.

В Барнауле на ответственной должности архитектора Алтайского округа также находился выпускник Рижского политехнического института инженер А.М. Циммерман (1913 г.). Кроме выполнения должностных обязанностей, А.М. Циммерман по собственному проекту построил часовню при Знаменской церкви в Барнауле.

Еще одной технической школой, поставлявшей своих выпускников для Сибири, был Киевский политехнический институт. Он был создан в 1898 г. в составе четырех отделений: механического, инженерного, химического и сельскохозяйственного. Возникновение этого института было вызвано экономическим развитием России, связанным с бурным ростом производства, потребовавшим большего количества инженерно-технических кадров.

Среди выпускников Киевского политехнического института, работавших в Западной Сибири, можно выделить деятельность инженера-строителя П.А. Миняева. После окончания института в 1903 г. и получения диплома инженера-строителя он был оставлен в институте для подготовки к профессорскому званию. Совершенствование своих знаний у столичных профессоров и в годичной заграничной командировке в качестве стипендиата института, а также приобретение практического опыта на объектах Санкт-Петербурга позволили уже в 1909 г. характеризовать П.А. Миняева как «способного инженера, который с успехом может производить самостоятельные научные изыскания» [11. С. 150–152].

В 1910 г. он был утвержден и.д. экстраординарного профессора по строительном искусству и архитектуре Томского технологического института (ТТИ). В 1912 г. он был утвержден секретарем механического отделения сроком на четыре года. В этом же году он получил чин Коллежского советника со старшинством, а через год – чин Статского советника. В инсти-

туте он вел занятия на инженерно-строительном отделении, читал лекции по прикладной механике, статике сооружений, руководил дипломными работами. В 1916 г. он был утвержден экстраординарным, а в 1917 г. – ординарным профессором ТТИ. Кроме преподавательской, П.А. Миняев вел и практическую деятельность, он производил осмотры строившихся мостов в Новониколаевске и Барнауле, участвовал в проектировании здания Закупсбыта. Активно участвовал П.А. Миняев и в работе Общества сибирских инженеров.

Санкт-Петербургский технологический институт был одним из старейших российских центров технического образования. Основанный в 1828 г. как Петербургский практический технологический институт долгие годы поставлял свои кадры в Сибирь. Среди выпускников Санкт-Петербургского технологического института следует выделить творчество А.Г. Сорокина и Н.Е. Доброхотова, работавших в Томске. Хотя выпускник института 1875 г. Н.Е. Доброхотов проработал в городе в 1895 г. всего полгода, но всегда занимал ответственные должности: был архитектором Западно-Сибирского учебного округа и одновременно Императорского Томского университета [12. С. 55–60]. Выпускник Санкт-Петербургского технологического института 1891 г. инженер-технолог А.Г. Сорокин был на должности городского инженера в 1912 г.

При открытии Харьковского технологического института в 1885 г. преследовалась главная цель – подготовка специалистов в условиях подъема и развития промышленности России. Выпускники Харьковского технологического института И.И. Бобарыков и А.Э. Сабек были одними из первых, стоявших у истоков становления технического образования в Сибири. Оба приехали в Томск в 1901 г. для преподавания во вновь открытом Томском технологическом институте.

Выпускник Харьковского технологического института 1890 г. И.И. Бобарыков стал крупным российским специалистом по отоплению и вентиляции. С 1901 г. он был деканом механического отделения, а с 1902 г. – инженерно-строительного отделения ТТИ. И.И. Бобарыков был одним из инициаторов создания в Томске Общества сибирских инженеров и Института исследования Сибири, входил в их руководящий состав. Им были написаны несколько учебных пособий, он часто публиковался в «Вестнике сибирских инженеров». Участвовал И.И. Бобарыков и в строительстве самого института. Как крупный специалист по отоплению и вентиляции, он входил в состав строительного комитета института, проводил экспертизы отопительной системы всего комплекса, составил проект вентиляции химического корпуса. Проработав в ТТИ 22 года, он переехал в Москву, где был председателем секции Томских инженеров при Московском отделении Всероссийской ассоциации инженеров [13].

В 1898 г. А.Э. Сабек был направлен в двухгодичную зарубежную командировку в качестве стипендиата Министерства народного просвещения для подготовки к профессорской деятельности и занятия кафедры в создаваемом в Томске Технологическом институте [11. С. 220–221]. После окончания командировки А.Э. Сабек в 1901 г. был назначен штатным преподавателем черчения и начертательной геометрии ТТИ, а в 1902 г. – и.д. экстраординарного профессора. За время работы в ТТИ он был секретарем, деканом инженерно-строительного отделения, исполнял должность директора института, являлся членом строительной комиссии института. А.Э. Сабек был инициатор подготовки инженеров-строителей в ТТИ, он являлся автором первоначального проекта Бактериологического института в комплексе Императорского университета (проект был составлен и воплощен в жизнь гражданским инженером Ф.Ф. Гутом). Научная работа А.Э. Сабека была посвящена изучению свойств строительных материалов. К сожалению, научная деятельность оборвалась в связи со смертью зодчего в возрасте сорока четырех лет. Уже после его смерти в «Известиях ТТИ» была опубликована его большая работа по изучению физических и химических свойств российских глин.

Значительным событием в инженерной жизни Сибири стало открытие в 1900 г. Томского Технологического института. Сначала в составе института было всего два отделения: механическое и химическое. Но уже в 1901 г. было открыто горное, а через год – инженерно-строительное отделения. Выпускники последнего сразу же стали принимать активное участие в градостроительстве Западной Сибири. После окончания ТТИ в 1909 г. должность городского инженера занял Н.Я. Горшенов. Большое значение в своей деятельности он уделял вопросам очистке сточных вод, исследования по которому печатал в «Известиях ТТИ». В 1909 г. ТТИ окончил А.Б. Бернштейн, и уже с 1913 г. он заведовал кафедрой строительного искусства и архитектуры. Кроме педагогической деятельности, он вел частную строительную практику, а также участвовал в комиссиях в архитектурных конкурсах, проводимых в Томске. Сын горного инженера Н.И. Бересневич, родившийся в Змеиногорске, окончил ТТИ в 1912 г. С 1914 по 1917 г. он занимался строительством зданий и сооружений в Томске, а с 1924 г. стал преподавать в ТТИ. В 1917 г. окончил ТТИ П.И. Земсков, до учебы в институте он работал в Томской городской управе техником на устройстве городского водопровода. Через год после окончания ТТИ, в 1915 г., должность городского архитектора занял П.А. Парамонов. Ведущим российским специалистом в области исследования железобетона стал выпускник ТТИ Н.И. Молотилов. Он работал преподавателем ручного труда в Томском учительском институте и после успешной сдачи экстерном экзаменов в ТТИ в 1912 г. получил диплом инженера-строителя [14]. После окончания ТТИ он остался преподавать в нем, а в 1918 г. работал в промышленном отделе Томской губернской земской управы. Н.И. Молотилов был автором запатентованной конструкции из железобетонных плит, которая активно использовалась в Сибири, его статьи печатали в ведущих столичных изданиях. С каждым годом увеличивалось число выпускников ТТИ, активно участвовавших в градостроительном процессе Западной Сибири. Постепенно их деятельность стала выходить за рамки территории Западной Сибири, они стали работать на Урале, Востоке, в городах европейской части России.

Таким образом, в конце XIX – начале XX в. кадровый состав западносибирских зодчих пополнился специалистами нового типа, а именно выпускниками технических учебных заведений: Рижского и Киевского политехнического институтов, Санкт-Петербургского и Харьковского институтов. В первое десятилетие XX в. в процессе градостроительства Западной Сибири начали участвовать и местные кадры – выпускники инженерно-строительного отделения Томского технологического института. Выпускники этих учебных заведений принимали активное участие в архитектурно-строительной жизни Западной Сибири: занимали ведущие архитектурно-строительные должности, проектировали здания и сооружения, проводили исследования в области использования строительных материалов и технологий. Выпускники этих учебных заведений стояли и у истоков зарождения инженерно-строительного образования в Сибири. Многие из них преподавали во вновь созданном Томском технологическом институте, являвшемся первым высшим техническим учебным заведением Сибири.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] В конкурсный проект, выполненный А.Д. Крячковым, до его реализации были внесены изменения.
[2] И.П. Суханов учился также в Академии Художеств, откуда был мобилизован на строительство Симбирского патронного завода.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баландин С.Н. Крячков А.Д. Сибирский архитектор: Документальный очерк. Новосибирск : Книж. изд-во, 1991.
2. Богданова О.В. К вопросу о кадровом составе западносибирских зодчих в период с 1840-х по 1850-е гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 6 (26). С. 187–192.
3. Гуменюк А.Н. Неоклассицизм в архитектуре Омска 1910-х годов. Омск : ОмГТУ, 2009.
4. Залесов В.Г. Архитекторы Томска (XIX – начала XX века). Томск : Изд-во Том. гос. архит.-строит. ун-та, 2004.
5. Лебедева Н.И. Храмы и молитвенные дома Омского Прииртышья. Омск : Издатель-Полиграфист, 2004.
6. Ридлер А. Высшие учебные заведения в Германии и запросы XX столетия // Строитель. 1900. № 11–14. С. 488–489.
7. Государственный архив Томской области (далее – ГАТО). Ф. 3. Оп. 70. Д. 468.
8. Правительственные распоряжения // Зодчий. 1915. № 43. С. 433.
9. Государственный архив Красноярского края. Ф. 595. Оп. 60. Д. 339.
10. Государственное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске». Ф. 353. Оп. 1. Д. 1038.
11. Профессора Томского политехнического университета: Биографический справочник / авт. и сост. А.В. Гагарин. Томск : Изд-во НТЛ, 2000. Т. 1.
12. Богданова О.В. Гражданские инженеры – строители Томского университета // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 303 (октябрь). С. 55–60.
13. ГАТО. Ф. 126. Оп. 1. Д. 133.
14. ГАТО. Ф. 126. Оп. 4. Д. 425.

Статья представлена научной редакцией «История» 27 марта 2016 г.

THE ROLE OF RUSSIAN ENGINEERS IN THE HISTORY OF URBAN DEVELOPMENT IN WESTERN SIBERIA IN THE LATE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 406, 40–44.
DOI: 10.17223/15617793/406/6
Bogdanova Olga V. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ol-pr2002@mail.ru
Keywords: architect; urban planning; engineering and technical personnel; West Siberian town.

The graduates of the leading educational institutions of architectural profile (Academy of Fine Arts, Moscow Palace Architectonic School and the Institute of Civil Engineers) were actively involved in the urban development of Western Siberia. At the end of the 19th century a new type of specialists appeared in Western Siberia. They were graduates of engineering (polytechnic and technological) Russian universities. The activity of graduates of these institutions in the architecture of the West Siberian town has never been researched. Active development of industry in the late 19th – early 20th centuries in Siberia, the development of its natural resources, the construction of the Great Siberian Railway track required the use of engineering and technical personnel in the construction. The main suppliers of engineering and technical personnel for Western Siberia were Riga and Kiev Polytechnic Universities, St. Petersburg, Kharkov and Tomsk Technological Institutes. In the urban development of Western Siberia in the late 19th – early 20th centuries, Riga Polytechnic Institute was represented by the activities of the following graduates: A. Langer and N. Obraztsov in the Tomsk Province; I. Sukhanov and A. Khmara in Omsk Oblast; L. Andrzhevsky in Tobolsk Province, A. Zimmerman in Barnaul. Among the graduates of Kiev Polytechnic Institute working in Western Siberia was P. Minyaev. The activities of A. Sorokin and N. Dobrokhotov, graduates of St. Petersburg Technological Institute who worked in Tomsk, should be emphasized. Graduates of Kharkov Technological Institute I. Boborykin and A. Sabekov were among the first who stood at the origins of the formation of technical education in Siberia. Both arrived in Tomsk in 1901 to teach in the newly opened Tomsk Technological Institute. A significant event in the life of Siberia engineering was the opening in 1900 of Tomsk Technological Institute. Its graduates N. Gorshenev, A. Bernstein, N. Beresnevich, P. Zemskov, P. Paramonov, N. Molotilov immediately began to take an active part in the urban development in Western Siberia. Thus, in the late 19th – early 20th centuries engineering and technical personnel began to play an increasingly important role in the urban development in Western Siberia. They designed and built civil and public buildings as well as taught in the newly established first Technological Institute in Siberia.

REFERENCES

1. Balandin, S.N. & Kryachkov, A.D. (1991) *Sibirskiy arkhitektor: Dokumental'nyy ocherk* [Siberian architect: a documentary essay]. Novosibirsk: Knizhoe izdatel'stvo.

2. Bogdanova, O.V. (2013) The staff of the West Siberian architects in the period from 1840 to 1850s. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 6 (26). pp. 187–192. (In Russian).
3. Gumenyuk, A.N. (2009) *Neoklassitsizm v arkhitekture Omska 1910-kh godov* [Neoclassicism in the architecture of Omsk in the 1910s]. Omsk: Omsk State Technical University.
4. Zalesov, V.G. (2004) *Arkhitektory Tomska (XIX – nachala XX veka)* [Architects of Tomsk (19th – early 20th centuries)]. Tomsk: Tomsk State University of Architecture and Building.
5. Lebedeva, N.I. (2004) *Khramy i molitvennye doma Omskogo Priirtysh'ya* [Churches and houses of worship of the Omsk Irtysh area]. Omsk: Izdatel'-Poligrafist.
6. Ridler, A. (1900) Vysshie uchebnye zavedeniya v Germanii i zaprosy XX stoletiya [Higher education institutions in Germany and inquiries of the 20th century]. *Stroitel'*. 11–14. pp. 488–489.
7. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 3. List 70. File 468. (In Russian).
8. Zodchiy. (1915) Pravitel'stvennye rasporyazheniya [Government orders]. *Zodchiy*. 43. pp. 433.
9. State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund 595. List 60. File 339. (In Russian).
10. State Archive in Tobolsk. Fund 353. List 1. File 1038. (In Russian).
11. Gagarin, A.V. (2000) *Professora Tomskogo politekhnicheskogo universiteta: Biograficheskiy spravochnik* [Professors of Tomsk Polytechnic University: Biographical Directory]. Vol. 1. Tomsk: NTLYu.
12. Bogdanova, O.V. (2007) Grazhdanskie inzhenery – stroiteli Tomskogo universiteta [Civil engineers – builders of Tomsk University]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 303. pp. 55–60.
13. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 126. List 1. File 133. (In Russian).
14. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 126. List 4. File 425. (In Russian).

Received: 27 March 2016

Вестник Томского государственного университета. 2016. № 406. С. 45–50. DOI: 10.17223/15617793/406/7

УДК 94 (470) «18»

В.П. Бойко

РУССКОЕ КУПЕЧЕСТВО В ИЗОБРАЖЕНИИ Н.С. ЛЕСКОВА

Рассмотрено творчество великого русского писателя Н.С. Лескова, его связь с общественной и художественной жизнью России второй половины XIX в., его отношение к русскому купечеству. Делается попытка выявить причины негативного отношения писателя к новым явлениям социально-экономической жизни страны и той роли, которую играли в ней купцы. Авторы приходят к выводу, что в произведениях Лескова наблюдается все возрастающий интерес к предпринимательству купцов, которые стали новыми хозяевами российской жизни.

Ключевые слова: история; Россия; Н.С. Лесков; купцы, предпринимательство.

Интерес к истории русского и, в особенности, сибирского купечества вызвал у автора данной статьи желание расширить круг источников по этой теме. Совершенно естественно и логично в их состав вошли произведения классиков отечественной художественной литературы – Ф.М. Достоевского, М.Е. Салтыкова-Щедрина, А.П. Чехова. Этих замечательных авторов объединяет интерес к купеческой теме, художественное проникновение в суть процессов накопления капиталов и их функционирования в российской действительности, отражение данных процессов в бытовой повседневности и психологии купечества. Кроме известных каждому культурному человеку сочинений, где, как в капле воды, отражены типичные для эпохи черты, русские писатели были наблюдательными современниками описываемых событий и их труды вызывают не меньшее доверие, чем законодательные, документальные и мемуарные источники. Кроме этого, названные выше авторы по своему происхождению были тесно связаны с купечеством: Чехов напрямую по отцовской линии, а Достоевский и Салтыков-Щедрин косвенно по материнской линии родства. Был близок к русскому провинциальному купечеству и Н.С. Лесков, что нашло отражение в его творчестве. Об этом малоизвестном аспекте и пойдет речь в данной статье.

Знание российской провинциальной жизни было заложено в Н.С. Лескова с раннего детства, как говорится, «впитано вместе с молоком матери». Дед писателя был священником, бабушка – купчихой, отец стал чиновником, а мать по происхождению была дворянкой. Сложные взаимоотношения между предками Лескова детально описаны в книге его сына Андрея, который всю свою долгую жизнь собирал материалы по истории рода Лесковых и написал на эту тему талантливую и богатую фактическим материалом книгу. В своей статье мы коснемся только купеческой линии происхождения писателя и ее влияния на его творчество. Вот, например, как описывает сын Н.С. Лескова свою прабабушку: «Бабка Акилина родилась в 1790 г. в Москве в весьма достаточной купеческой семье Колобовых… Приходский священник, не то в отместку за что-то ее отцу, не то по неодолимому упрямству, невзирая на все мольбы роженицы, “нарек” младенца не Александрой, как было заказано, на случай рождения девочки, отцом, а по “святцам”, – какая святая пришлась в день рождения ребенка. Вернувшийся вскоре Колобов пришел в ярость. Он слышать не мог неблагозвучного имени новорожденной, видя в нем поругание своей купеческой именитости и избыточности. Бросился к архиерею – тщетно! Тогда он строго-настрого приказал всем в доме облагорожено называть девочку Александрой, раз навсегда забыв оскорблявшую его “Акилину”» [1. С. 43].

А вот как образ родной бабушки отложился в памяти у самого писателя и отражен в повести «Несмертельный Голован»: «Два слова о бабушке: она происходила из купеческого рода Колобовых и была взята в замужество в дворянский род “не за богатство, а за красоту”. Но лучшее ее свойство было – душевная красота и светлый разум, в котором всегда сохранялся простонародный склад. Войдя в дворянский круг, она уступила многим его требованиям и даже позволяла звать себя Александрой Васильевной, тогда как ее настоящее имя было Акилина, но думала всегда простонародно и даже без намерения, конечно, удержала некоторую простонародность в речи. Она говорила “ехтот” вместо “этот”, считала слово “мораль” оскорбительным и никак не могла выговорить “бухгалтер”. Зато она не позволила никаким модным давлениям поколебать в себе веру в народный смысл и сама не расставалась с этим смыслом» [2. Т. 3. С. 104].

Повесть о Головане посвящена одному из праведников земли орловской, который совершил много разных подвигов, заслужил уважение всех без исключения горожан, хотя занятие его было вполне прозаическое: он содержал шесть или семь коров и ему же принадлежал «красный бык ермоловской породы». От этого небольшого стада Голован «поставлял на дворянский клуб сливки и молоко, которые славились своими высокими достоинствами, зависевшими, конечно, от хорошей породы его скота и от доброго за ним ухода» [Там же. С. 68]. По сути дела Несмертельный Голован был мелким предпринимателем, который благодаря отменному качеству своей продукции и незапятнанной репутации, не имел в своей деятельности соперников и благополучно обеспечивал необходимыми средствами себя и свою довольно большую семью. Другим праведником в Орле был купец Иван Иванович Андросов, «честный старик, которого уважали и любили за доброту и справедливость, ибо он “близкопомощен” был ко всем народным бедствиям» [Там же. С. 76]. Свою популярность и народное почтение эти два человека получили по всей орловской земле во время эпидемии неведомой болезни, которая началась здесь после очередного

неурожая и захватила сначала скот, а потом и людей. В народе ее звали «пупырых», и спасения бедным людям от нее не было, а помощь умиравшим оказывали только эти два славных праведника – Голован и купец Андросов. Только они безбоязненно входили в зараженные лачуги и поили больных свежею водой, а Голован еще и снятым (обезжиренным) молоком, остававшимся у него после клубных сливок.

Рассказывается в этой повести и о типичных представителях орловского купечества, которые известны были здесь под именем «ссыпщиков», т.е. проще сказать, крупных кулаков, которые ссыпают хлеб с возов у мужиков и потом продают свои «ссыпки» оптовым торговцам в Москву и Ригу. Это прибыльное дело, которым после освобождения крестьян, было, не погнушались и дворяне; но они любили долго спать и скоро горьким опытом осознали, что даже к простому кулачному делу они неспособны. «Купцы С. считались, по своему значению, первыми ссыпщиками, и важность их простиралась до того, что дому их вместо фамилии была дана возвышающая кличка. Дом был, разумеется, строго благочестивый, где утром молились, целый день теснили и обирали народ, а потом вечером опять молились. А ночью псы по канатам гремят, и во всех окнах – “лампад сияние”, громкий храп и чьи-нибудь жгучие слезы. Правил домом, по нынешнему сказали бы, “основатель фирмы”, – а тогда просто говорили “сам”. Был это мякенький старичок, которого, однако, все как огня боялись. Говорили о нем, что он умел мягко стлать, да было жестко спать: обходил всех словом “матинька”, а спускал к черту в зубы. Тип известный и знакомый, тип торгового патриарха» [2. Т. 3. С. 89–90]. Такому типу купцов Н.С. Лесков приписывал, кроме набожности, еще самое примитивное суеверие и страсть к жестоким развлечениям, например, в трактире смотреть, как опустившиеся люди за рюмку водки обещали закусить стеклом этой самой рюмки. Что ж, и такое было в нравах российского купечества, процесс обогащения можно назвать по-разному, но только не идиллией.

Одна из тетушек Н.С. Лескова, Александра Петровна, была выдана замуж за обрусевшего англичанина Александра Яковлевича (Джемсовича) Шкотта, который сам занимался предпринимательством в различных отраслях хозяйства, а также привлек в качестве помощника и ходатая по разным делам своего новоявленного родственника. В результате в течение трех лет будущий писатель разъезжал по России от Черного моря до Белого и от Урала до западной границы. В молодые годы Шкотт влиял на своего несложившегося еще племянника сильнее многих близких и дальних родственников и друзей, что нашло отражение во многих произведениях Лескова: «Мелочи архиерейской жизни», «Железная воля», «Загон», «Продукт природы» и других менее известных произведениях. В них дядя Шкотт выступал как независимый, умный и образованный человек, который не спускал грубости и хамства даже самым высокопоставленным лицам чиновного и духовного звания. Дела он вел с размахом и внедрял в экономику своей новой родины новейшие достижения науки техники. Так, он построил первую в Пензенской губернии паровую мельницу, купив за границей не только паровую машину, но и огромные штучные французские жернова [2. Т. 3. С. 359]. Кроме этого, компания Шкотта занималась распашкой новых земель, выращиванием на ней пшеницы и свекловицы, переработкой этих продуктов на спирт и сахар, заготовкой древесины и переработкой ее на доски, клепку и паркет. Словом, коммерческий проект был с точки зрения экономической науки проработан детально, и технологическая цепочка от заготовки сырья до реализации готовой продукции была продумана и должна была дать эффект, но в российской практике, без учета особенностей отечественного бизнеса, компания обанкротилась. Как писал позднее об этом Н.С. Лесков, компания «давно уже лопнула, и память о ней погибла даже без шума…» [1. С. 119].

В ранних произведениях Лескова постоянно присутствует купеческая тема, но пока в мелких, но метких деталях, которые должны были потом воплотиться в серьезные характеристики в крупных произведениях. Например, в «Соборянах» упомянут городской голова, естественно из купцов, который бражничал с дьяконом Ахиллой и имел привычку постоянно употреблять в разговоре поговорку: «в рот те наплевать» [2. Т. 1. С. 268]. Несколько раз у Лескова упоминаются купцы – большие любители церковного пения, особенно густых и невероятно громких басовых восклицаний дьяконов, которых щедро вознаграждали и переманивали из одного храма в другой. Побывав в Москве и Петербурге, дьякон Ахилла писал на родину на орловщину: «Хорошего здесь много, но дьяконов настоящих, как по-нашему требуется, нет; все тенористые, пристойные по-нашему разве только к кладбищам… Я же, как в этом сведующий, их моде не подражаю, а служу по-своему, и зато хоть и приезжий, но купечество приглашало меня в Гостиный ряд под воротами в шатре молебен служить и, окромя денежного подарения, за ту службу дали мне три фуляровые платка, какие вы любите, и их я привезу вам в гостинец» [Там же].

Позднее, в 60-е гг. XIX в., когда отмена крепостного права освободила народную инициативу и предприимчивость, купцы стали героями своего времени, Лесков более пристально стал всматриваться в их дела, описывать их и давать им свои характеристики. Например, в рассказе «Овцебык» нарисован портрет вполне положительного предпринимателя из народа – Александра Ивановича Свиридова, который «родился в крепостном сословии, обучен грамоте и музыке. Смолоду он играл на скрипке в помещичьем оркестре, а девятнадцать лет откупился за пятьсот рублей на волю и сделался винокуром. Одаренный ясным практическим умом, Александр Иванович отлично повел свои дела. Сначала он сделал себе известность как лучший винокур в околотке; потом стал строить винокуренные заводы и водяные мельницы; собрал рублей тысячу свободных денег, съездил на год в северную Германию и возвратился оттуда таким строителем, что слава его быстро разнеслась на далекое пространство. <...> В трех смежных губерниях знали

Александра Ивановича и наперебой навязывали ему постройки. Дела вел он необыкновенно аккуратно и снисходительно смотрел на дворянские слабости своих заказчиков» [2. Т. 2. С. 51–52]. Надо ли говорить, что свою семью он также выкупил из крепостной зависимости, сестер женил, брата и зятьев принял к себе на службу и платил им жалованье, не обижал понапрасну, но и держал их строго, как, впрочем, и своих рабочих. Женился он на горничной девушке, выкупив ее у своего же помещика, и она стала ему верной и успешной помощницей: «Она и хозяйство по хутору ведет, и приказчиков отсчитывает, и лес или хлеб, если нужно куда на заводы, покупает. Во всем она была Александру Ивановичу правая рука, и зато все относились к ней очень серьезно и с большим уважением, а муж верил ей без меры и с нею не держался своей строгой политики» [Там же. С. 52]. Такая идеальная пара вызывала у окружающих их простых людей зависть и уважение, а молодые дворяне пытались склонить молодую красавицу-купчиху к измене, особенно если она попутно прихватит с собой толстый бумажник мужа, но все это было напрасно. Только вот неудачник, бывший семинарист, прозванный за сходство с этим животным «Овцебыком», вдруг влюбился в нее без памяти и без всякой надежды на взаимность и неожиданно покончил с собой. Это напомнило автору рассказа ситуацию, описанную Виктором Гюго в «Соборе Парижской богоматери», – красавица Эсмеральда и влюбленный в нее уродливый Квазимодо. А вот другой пример, перекликавшийся с классической литературой, стал напоминанием о кровавой трагедии, которая развернулась в Мценском уезде Орловской губернии в благополучном купеческом семействе.

В «Леди Макбет Мценского уезда» Н.С. Лесков использовал мценские впечатления об одном уголовном деле. Писатель тогда еще был юношей, и эти впечатления у него хорошо врезались в память: «Раз одному соседу старику, который “зажился” за семьдесят годов и пошел отдохнуть под куст черной смородины, нетерпеливая невестка влила в ухо кипящий сургуч. Я помню, как его хоронили… Ухо у него отвалилось… Потом ее на Ильинке (на площади) “палач терзал”. Она была молодая, и все удивлялись, какая она белая» [1. С. 71]. На сюжет повести Д.Д. Шостаковичем создана его знаменитая опера «Екатерина Измайлова», а для исследователей истории русского купечества в повести содержится множество верных и глубоких наблюдений, без которых трудно представить образ русского купца и его жены, обстановки в которой они жили и работали. Так вот, Катерину Львовну выдали замуж юной 18-летней девушкой за мценского купца Измайлова «не по любви или какому влечению, а так, потому что Измайлов к ней присватался, а она была девушка бедная, и перебирать женихами ей не приходилось. Дом Измайловых в нашем городе был не последний: торговали они крупчаткою, держали в уезде большую мельницу в аренде, имели доходный сад под городом и в городе дом хороший. Вообще купцы были зажиточные» [2. Т. 2. С. 185]. К тому же семья Измайловых была небольшой: свекор Борис Тимофеевич давно вдовый и старик под 80 лет, сын его Зиновий Борисович, которому было уже за 50 лет, да сама молодая красавица-купчиха, которой шел в ту пору всего двадцать четвертый год. Детей в семье не было, что сильно огорчало всех домашних, но, судя по всему, это была вина мужа, так как и в прежнем браке детей у него не было. А молодая хозяйка, вскоре после того как у нее появился любовник, забеременела. Эта любовь, возникшая на фоне безмерной скуки купеческого дома, от которой весело, говорят, даже удавиться. Читать Катерина Львовна была не охотница, да и книг к тому ж, окромя киевского патерика, в доме их не было. Скучной жизнью жилось Катерине Львовне в богатом свекровом доме в течение целых пяти лет ее жизни за неласковым мужем; но никто, как водится, не обращал на эту скуку ее ни малейшего внимания» [2. Т. 2. С. 186].

Все в корне изменилось, когда в ее жизни появился молодец с дерзким красивым лицом, обрамленным черными, как смоль, кудрями и едва пробивающейся бородкой по имени Сергей, один из хозяйских приказчиков. Сначала он в шутку взвесил хозяйку на весах и удивился ее весу – три пуда семь фунтов, т.е. чуть больше 50 кг, а затем шутливо схватился с ней бороться, что привело их к бурному роману, тем более, что хозяин был в отъезде. Разоблачивший их свекор поплатился за это своей жизнью – был отравлен крысиным ядом, а вернувшийся муж был вообще убит в завязавшейся схватке и захоронен в подвале своего дома. Эти убийства удалось на некоторое время скрыть от соседей и приказчиков, но, как всегда, неожиданно появляется наследник: торговля Измайловых шла на деньги малолетнего племянника хозяина, Феденьки Лямина, и из наследства убитых стариков к Катерине Львовне переходила только часть капитала. В результате у нее возникает план убийства мальчика, которое она с помощью своего любовника с жестокостью и цинизмом совершает, но случайно преступление оказывается раскрытым, и после суда любовники попадают на каторжные работы. Главной причиной этого страшного преступления было нежелание делиться считавшимся уже своим капиталом и имуществом, желание довести начатое дело до конца – стать полными хозяевами купеческого дела и передать его своему еще не родившемуся наследнику. По пути в Сибирь Катерина Измайлова переживает не за себя и своего ребенка, а за любимого Сергея, отдавая ему последние деньги и вещи, который ни в малейшей степени не ценит этого, да вдобавок еще и ей изменяет. Переплывая на пароме одну из широких сибирских рек, она бросается на разлучницу, оскорбившую ее в лучших чувствах, и они вместе с ней гибнут в холодных и мутных волнах реки. Таков краткий пересказ сюжета этой всемирно известной печальной повести, который показал, что и в купеческом сердце могут скрываться сильные страсти, которые попирают мораль и приводят к трагическим развязкам. В таком случае говорят, что лукавый или черт попутал, что нашло какое-то наваждение, которое нужно изгнать из человека, чтобы не доводил до греха. Об этом Н.С. Лесков ведет речь в другом менее

известном рассказе, получившем название «Чертогон», т.е. изгнание черта.

Впервые этот рассказ был помещен в газете «Новое время» за 1879 г. в номере от 25 декабря под заглавием «Рождественский вечер у ипохондрика». Такой вот рождественский фельетон с элементами фантастики, хотя современники угадывали в главном герое, Илье Федосеевиче, представителя московской купеческой семьи Хлудовых – А.И. Хлудова (1818–1882), знаменитого своими похождениями и кутежами, но также известного как основателя нескольких хлопчатобумажных торговых фирм и собирателя древнерусских рукописей и книг. В Иване Степановиче, который попал на кутеж только после своего согласия «бить на литавре», узнавали крупнейшего виноторговца, известного миллионера-откупщика В.А. Кокорева (1817–1889).

Кокорев был известен своими пирами при встрече солдат и офицеров, возвращавшихся с проигранной Россией Крымской войны, и знаменитым проектом выкупа земли у помещиков для освобождавшихся без нее крестьян, названный автором «Миллиард в тумане». Н.С. Лесков несколько раз переделывал рассказ, пока он не приобрел «купеческую окраску», с одной стороны, и обличительную и критическую направленность – с другой. Писатель как бы любуется богатырскими и лихими забавами купцов, которым нужно было добиться хотя бы на тесном пространстве ресторана проявлению своей воли, чтобы не препятствовали их «ндраву» и самым диким их пожеланиям. Начинается рассказ спокойно, автор рассказывает о себе и своем происхождении: «Хотя я с одной бока дворянин, но с другого близок к “народу”: мать моя из купеческого звания. Она выходила замуж из очень богатого дома, но вышла уходом, по любви к моему родителю. Покойник был молодец по женской части и что намечал, того и достигал. Так ему удалось и с мамашей, но только за эту ловкость матушкины старики ничего ей не дали, кроме, разумеется, гардеробу, постелей и божьего милосердия, которые были получены вместе с прощением и родительским благословением, навеки нерушимым. Жили мои старики в Орле, жили нуждно, но гордо, у богатых материных родных ничего не просили, да и сношений с ними не имели. Однако, когда мне пришлось ехать в университет, матушка стала говорить: “Пожалуйста, сходи к дяде Илье Федосеевичу и от меня ему поклонись. Это не унижение, а старших родных уважать должно, – а он мой брат, к тому же благочестив и в Москве большой вес имеет”» [3. Т. 6. С. 302]. После знакомства с дядей, который, на взгляд молодого человека, его племянника, был фигурой простой, русской, но вид имел величественный, поехали они прокатиться в коляске по парку, и дорогой дядя пожаловался: «Совсем жисти нет». После этого они подъехали к ресторану «Яр», дядя приказал всем посетителям из него удалиться и заказал, не глядя в меню, ужин на сто персон. Когда гости прибыли, начался грандиозный пир со многими, мягко говоря, излишествами. О причинах такого безобразного поведения хорошо сказал знаток российского быта, автор «Иллюстрированного энциклопедического историко-бытового словаря русского народа» (М. : Эксмо, 2007) Л.В. Беловинский: «Стремление к наживе превращалось в своего рода спорт, в страсть. Любое дело, если ему отдаваться всей душой, затягивает. Люди, ворочавшие большими капиталами, целые дни проводили в своих конторах и амбарах… Морил себя, морил семейство, крепко прижимая каждую копейку ногтем, жульничал и обсчитывал, недоплачивал жалованье служащим. Это была страшная жизнь, вся посвященная приобретению копейки. Но такая нечеловеческая самодисциплина имеет предел. И рано или поздно происходил взрыв, страшный выброс накопленной нервной энергии. Начинался купеческий “чертогон”» [4. С. 332].

Н.С. Лесков сам признавал слабость и схематичность своего рассказа, долго не мог подобрать заглавие к нему, при подготовке его к прижизненному изданию собрания сочинений снова ввел целый ряд стилистических поправок. В письме к своему издателю А.С. Суворину Лесков писал: «Конечно, это смазано. Как иначе быть? Делано лежа и наскоро. Я только не хотел Вам отказывать и делал как мог. Теперь переделал как хочется Вам. Главное: картина хлудовского кутежа, который был в прошлом году и на нем Кокорев играл. Это живо прочтется. Сказано теперь толковее, – впрочем, делайте сами, что хотите, – я ведь пустого самолюбия не имею и дело ценю выше вздоров» [3. Т. 6. С. 654]. От себя добавим, что схематично, хотя и талантливо, намечен писателем облик московского купечества, где выделены только две основные фигуры, дяди автора повествования и Ивана Степановича, почтенного старца, который был «обликом строг, очи угасли, хребет согбен, а брада комковата и празелень. Хочет шутить и здороваться, но его остепеняют и заставляют стучать в барабан. Старец колотит во всю мочь… и, наконец, цель достигнута: литавра издает отчаянный треск, кожа лопается, все хохочут, шум становится невообразимый, и Ивана Степановича облегчают за прорванные литавры штрафом в пятьсот рублей в пользу музыкантов. Он платит, отирает пот, усаживается, и в то время, как все пьют его здоровье, он, к немалому своему ужасу, замечает между гостями своего зятя» [Там же. С. 308].

Более выпукло и объективно, на наш взгляд, Н.С. Лесков изображал провинциальное, прежде всего, орловское купечество. В рассказе «Грабеж» приводится случай из орловской жизни, когда возникло недоразумение между орловскими и елецкими купцами, которое чуть не закончилось уголовным преступлением. Попутно очерчивается образ жизни купцов в этих двух городах, система воспитания купеческой молодежи, любимые их досуговые занятия, где главными были гусиные и кулачные бои. Предпринимательство у местных купцов было традиционным: скупать хлеб у крестьян и ссыпать его в свои амбары, перевозить его на своих барках на ярмарки или покупателям, «держали артель трепачей, торговали пенькой и вели хлебную ссыпку… Делом всем правила матушка Арина Леонтьевна при старом приказчике, а я тогда только присматривался. Во всем я, по воле родительской, был у матушки в пол-

ном повиновении» [2. Т. 4. С. 270]. Так рассказывал о своих занятиях 19-летний молодой купеческий сын, обладавший богатырским здоровьем, умением мастерски биться на кулачках, но целиком еще находившийся под влиянием своей матушки. Она придерживалась официальной православной веры, в то время как ее сестра, тетушки главного героя рассказа, придерживалась старой веры и хотела женить его на кержачке, которая на офицеров не будет заглядываться, а будет ходить молиться в платочке и креститься старым русским крестом. Многое изменилось в его жизни после приезда из Ельца его дяди, Ивана Леонтьевича, который приехал в Орел подыскивать в свою приходскую церковь, где он был ктитором (церковным старостой) дьякона. Старый дьякон надорвал свой голос во время службы «по случаю освобождения от галлов». В помощники он взял Павла Мироновича Мукомола, который в Ельце имел три огромных дома, свечной завод и мельницу. Получил он такое богатство, женившись на московской купчихе, – «целую неделю свадьбу праздновали». В конце концов, два елецких купца в лучшей орловской гостинице устроили конкурс голосов двух дьяконов, но в номере под кроватью спрятались два местных купца, так же любители церковного пения, которые не хотели отдавать своих талантливых земляков на сторону. Завязалась крупная ссора, грозившая перерасти в драку, и купцы вынуждены были из гостиницы бежать. В полной темноте они стали добираться до своего дома, но путь их лежал через реку Оку, где зимовали вмерзшие в лед барки. Между ними обычно происходили грабежи, и со страха мирные купцы, отбиваясь от случайного попутчика, схватили по ошибке чужую шапку и часы вернулись с ними домой. Дома обнаружилось, что часы чужие, так как свои были на месте, и пришлось обращаться в полицию. Там выяснилось, что дядя с племянником избили и ограбили дьякона, который возвращался с устроенного приезжими купцами конкурса. Только после многих «барашков», т.е. взяток, удалось это дело замять, да на постройку нового дома дьякон запросил тысячу рублей, которые ему купцы обещали выдать, и он остался этим очень доволен. Такова сюжетная линия этого незатейливого рассказа, которая больше напоминает зарисовки быта у провинциального купечества середины XIX в. К литературным шедеврам их отнести трудно, да и сам Н.С. Лесков назвал цикл таких произведений «Рассказы кстати», и печатались они в литературе для народа под названием «Книжки “Недели”». Тем не менее простые народные нравы дореформенного купечества показаны Н.С. Лесковым довольно объективно, характерные черты купцов и их поведение показаны выпукло и документально верно, т.е. находят многие подтверждения в научной литературе о русском купечестве.

Близка к научному изложению купеческой темы публицистика Н.С. Лескова. Как отмечал ведущий специалист в изучении творчества Н.С. Лескова – Лев Аннинский, «и после смерти его статьи остались тлеть в старых подшивках, где они и теперь лежат, покрытые забвеньем, а лучше сказать, запечатанные двумя-тремя итоговыми формулировками, вроде того, что Лесков “постепеновец”, споривший с “нетерпеливцами”, “либерал”, возражавший революционным демократам, сторонник “порядка” и “умеренности”, противостоящий бунтарям…» [5. С. 5]. На самом деле, своей публицистикой, эмоционально окрашенными и резкими статьями Лесков приобрел врагов как в лагере правых – «охранителей», так и в лагере левых – «радикалов». Поэтому он принадлежал к средним течениям общественно политической мысли – «либералам-постепеновцам», сторонникам, как писал позднее М.А. Булгаков, «его величества эволюции». Поэтому Лесков делает ставку на буржуазно-демократические элементы, которые называет «коммерческими».

В статье «Несколько слов об ищущих коммерческих мест в России» Лесков со знанием дела рассуждает, почему так мало людей может работать у коммерсантов: «Значительная и притом самая оборотливая часть наших торговцев – иностранцы, у которых вся корреспонденция и книговедение идут на иностранных языках, с которыми большинство ищущих службы людей оказались или совершенно незнакомыми или знакомыми до такой степени слабо, что знание их никуда не годилось, и потому служба у иностранцев делалась невозможною для русских. Русское же купечество не протянуло руки соотчичам, искавшим работы, и как в один голос отвечало дворянчикам: “нет-с, нам не требуется; у нас своих много-с”. Поводом к таким ответам было не то, чтобы русскому купечеству действительно не требовались люди; напротив, люди ему постоянно нужны, но люди не того разбора, какие являлись с предложением своего труда, вследствие сокращения штатов государственной службы. Нужны были люди малограмотные и стоящие на одинаковой степени образования с хозяевами, к которым они являлись просить работы и платы; люди, прошедшие степени мальчиков и молодцов и за прилавком изучившие необходимость слепого признания хозяйского авторитета и собственного бесправия» [6. С. 33–34]. Отметим, что, в самом деле, поиски мест службы для грамотных людей пореформенного времени были одной из главных проблем, которые приводили к частым драмам и даже трагедиям. Из этой категории выросли босяки и пролетарии умственного труда, ставшие питательной почвой для пропагандистов радикальных направлений и партий, многие опростились и стали рабочими, а некоторые свели счеты с жизнью. Редкими исключениями стали сибирские прииски и откупа, а после отмены откупов, акцизная служба, где грамотному человеку можно было найти хорошо оплачиваемую работу и даже сделать карьеру. Правда, для этого нужно было идти на сделки со своей совестью, но это зато давало верный и крупный доход.

В статье «Торговая кабала» Н.С. Лесков развенчивает систему воспитания детей в торговых и промышленных заведениях русских купцов: «В этой школе ребенок не учится ничему полезному. Торговые соображения по выбытию им пяти лет у хозяина так же чужды его понятий, как неведомы ему понятия о че-

сти, о долге, о нравственности… Мальчик ни у кого не может, т.е. не смеет, спросить объяснения ни одному жизненному явлению, на котором останавливается его детское внимание; он не имеет никогда в руках ни одной книги, доступной его детскому пониманию и способной хоть мало-мальски осветить его разум объяснением самых простых явлений в жизни природы и человека» [6. С. 38]. И дальше Лесков рассказывает о многих издевательствах и мытарствах мальчиков в купеческих домах, которые они испытывали, чтобы через некоторое время стать самим «молодцами» и приказчиками, и на новых поколениях мальчиков реализовывать такую бесчеловечную и жестокую систему воспитания. Без оптимизма смотрит на этот процесс и Н.С. Лесков: «Не знаем мы, когда прорвется этот отвратительный круговорот опошления русского торгового люда, а думаем, что не скоро… Дух религии и слова Христовы – чужды ее понятиям. Люди эти ходят в храмы, но выносят оттуда воспоминания не о слове мира и любви, а об октавистых голосах, в подражание которым ревут дома долголетия и анафематства…» [6. С. 40]. Тем не менее и в такой атмосфере торгового воспитания вырастали умные и деятельные люди, которых сам Лесков немало знал в своей долгой жизни, с которыми водил дружбу и вместе работал над усовершенствованием российской жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лесков А. Жизнь Николая Лескова по его личным, семейным и несемейным записям и памятям. М. : Гос. изд-во худ. лит., 1954. 684 с.
2. Лесков Н.С. Собр. соч. в пяти томах. М. : Правда, 1981.
3. Лесков Н.С. Собр. соч. в шести томах. М. : Гос. изд-во худ. лит., 1957.
4. Беловинский Л.В. Жизнь русского обывателя: от дворца до острога. М. : Кучково поле, 2014. 560 с.
5. Аннинский Л. Почва правды // Лесков Н.С. Собр. соч. в шести томах. М. : АО «ЭКРАН», 1993. С. 5–16.
6. Лесков Н.С. Собр. соч. в шести томах. Т. 3. Публицистика. Переписка Н.С. Лескова с Л.Н. Толстым. М. : АО «ЭКРАН», 1993. 480 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 29 февраля 2016 г.

N.S. LESKOV ABOUT RUSSIAN MERCHANTS

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 406, 45–50.
DOI: 10.17223/15617793/406/7

Boyko Vladimir P. Tomsk State University of Architecture and Building (Tomsk, Russian Federation). E-mail: vpbojko@yandex.ru

Keywords: history; Russia; N.S. Leskov; merchants; entrepreneurial business.

The fiction works and journalism of N. S. Leskov could not hide his antipathy to the newly appeared Russian bourgeoisie, coming from prereform estates, mainly from prosperous peasants. Greed, roughness and lack of elementary cultural skills were the main distinctive features of those businessmen. However, in the author's opinion, such a description belongs mainly to those territories where the manorial economy in the most rigid forms of corvee (rent service) economy dominated. Where the chief-rent was not practiced or where, for example in Siberia, there was no serfdom at all, forms of business were more humane. There is constantly a merchant subject matter in the early works of Leskov, but it is expressed there in small but well-aimed details that were to be embodied later in serious characteristics in his large works. Leskov constantly mentions merchants as big fans of church singing, especially of dense and incredibly loud bass exclamations of deacons who were generously rewarded and enticed from one cathedral to another. Later, in the 1860s, when cancellation of serfdom released the initiative and entrepreneurial spirit of people and merchants became heroes of the time, Leskov began to peer at their affairs in more detail, began to describe them and give them characteristics. For example, in the short novel "Musk-ox" he made a portrait of quite a positive businessman of the people, Alexander Ivanovich Sviridov, who "was born in serf estate, made literate and given instruction in music". From the youth he played the violin in the landowner's orchestra, and at the age of nineteen he bought his freedom for five hundred rubles and became a distiller. Endowed with precise practical mind, Alexander Sviridov ran the business perfectly. At first he became popular as the best distiller in the neighbourhood, then he began to build distilleries and water-mills; he collected one thousand rubles as spare cash, went for a year to northern Germany and came back as such a good builder that his fame quickly reached faraway regions. Alexander Sviridov was known in three adjacent provinces and highly demanded in construction works. He ran business remarkably accurately and looked indulgently at the noble weaknesses of his customers. He also redeemed his family from serfdom, arranged his sisters' marriages, gave employment to his brother and brothers-in-law and paid them a salary, was fair yet disciplined them, as well as all his workers. He married a house parlour maid, having redeemed her from the landlord, and she became his faithful and successful assistant. Such an ideal couple caused envy and respect of ordinary people surrounding them, and young nobles tried to incline the young beautiful wife of a merchant to treason, especially if she took with herself the thick wallet of her husband, but all that was vain. Only the unlucky creature, the former seminarian, nicknamed for similarity to the musk-ox, suddenly fell madly in love with her and committed a suicide without any hope for mutuality. N.S. Leskov continues the merchant subject matter in his journalism, but examines it more thoroughly and critically, which corresponds considerably to the facts of that historical period.

REFERENCES

1. Leskov, A. (1954) *Zhizn' Nikolaya Leskova po ego lichnym, semeynym i nesemeynym zapisyam i pamyatyam* [The life of Nikolai Leskov in his personal, family and non-family records and memories]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury.
2. Leskov, N.S. (1981) *Sobr. soch. v pyati tomakh* [Works in five volumes]. Moscow: Pravda.
3. Leskov, N.S. (1957) *Sobr. soch. v shesti tomakh* [Works in six volumes]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury.
4. Belovinskiy, L.V. (2014) *Zhizn' russkogo obyvatelya: ot dvortsa do ostroga* [The life of an average Russian citizen, from palace to prison]. Moscow: Kuchkovo pole.
5. Anninskiy, L. (1993) Pochva pravdy [The soil of truth]. In: Leskov, N.S. *Sobr. soch. v pyati tomakh* [Works in five volumes]. Moscow: EKRAN.
6. Leskov, N.S. (1993) *Sobr. soch. v pyati tomakh* [Works in five volumes]. Vol. 3. Moscow: EKRAN.

Received: 29 February 2016

Вестник Томского государственного университета. 2016. № 406. С. 51–55. DOI: 10.17223/15617793/406/8

УДК 903.3

Н.Н. Головченко

АНАЛИЗ ОСТАТКОВ ТЕКСТИЛЯ С КИНЖАЛА ИЗ МОГИЛЬНИКА НОВОТРОИЦКОЕ-2

Целью работы является введение в научный оборот результатов предварительного технико-технологического анализа остатков ткани, найденных в третьем погребении пятого кургана некрополя Новотроицкое-2, обнаруженных в ходе экспедиции А.П. Уманского в Тальменском районе Алтайского края в 1986 г. Описываемый фрагмент ткани представляет собой образец текстиля, вероятно, обмотки рукоятки кинжала, который также мог относиться к полам наплечной или гашнику поясной одежды. Анализ находки позволил пролить свет на некоторые особенности оформления погребальной одежды древнего населения Верхнего Приобья.

Ключевые слова: предметный комплекс одежды; ранний железный век; Верхнее Приобье; фрагменты текстиля.

Общеизвестно, что в силу существующих климатических условий органические находки в археологических комплексах Верхнеобского бассейна, как правило, не сохраняются. Находки древних тканей в погребальных памятниках единичны и представлены: остатками тканей (20 экз.), оттисками на керамике (14 экз.) и следами на окислах металлических изделий (37 экз.) [1. С. 59; 2. С. 60, 117; 3. С. 117; 4. С. 24, 26; 5. С. 120; 6. С. 17–115]. К числу последней категории находок относятся два фрагмента текстиля, пригоревшие к навершию и рукояти кинжала, обнаруженного в третьем погребении пятого кургана некрополя Новотроицкое-2 А.П. Уманским в ходе археологической экспедиции Барнаульского педагогического института в 1986 г.

Погребальный комплекс пятого кургана могильника Новотроицкое-2 уже опубликован в специализированном издании [6. С. 81], однако его внутренняя структура и логика изложения не позволили авторам уделить отдельное внимание технико-технологической характеристике фрагментов исследуемой нами ткани. Контекст обнаружения находки следующий: в периферийном (третьем) погребении кургана номер пять на дне могильной ямы был расчищен скелет взрослого мужчины, погребенного на спине, вытянуто, с раскинутыми руками и раздвинутыми ногами, головой ориентированный на запад – юго-запад. Между берцовыми костями левой ноги и обкладкой наклонно стоял бронзовый котёл на поддоне с отломанной в древности ручкой и двумя отверстиями в стенках. Стенки котла изнутри и снаружи были покрыты слоем нагара. Внутри котла находились остатки довольно толстых кожаных ремней шириной около 2 см. Справа, между бедром и кистью, лежал кинжал (рис. 1). Рядом с ним находился оселок из светло-коричневого мелкозернистого песчаника с отверстием для подвешивания, заполированный, с лёгкими поперечными штрихами от заточки. От ножен кинжала, кроме следов ожелезнённого дерева, сохранились железная ворворка и две бронзовые бляшки с перемычками на обороте. На перемычках бляшек остались ремешки. У кольцевидной бляшки конец ремешка был завязан узелком, а у второй захлёстывался таким образом, что при натяжении не соскакивал. А.П. Уманский предположил, что обе бляшки не нашивались на пояс, а являлись своеобразными пуговицами, крепившимися на концах ремешков ножен. Около конца кинжала находились плохо сохранившиеся и скипевшиеся между собой железный костылёк с остатками распавшейся петельки и фрагмент квадратного в сечении чуть изогнутого стержня, обёрнутого кожей. У ступни правой ноги лежало десять наконечников стрел, из них четыре железных черешковых трёхлопастных, один железный втульчатый трёхгранный, два роговых (костяных) черешковых и три роговых (костяных) наконечника с расщеплённым насадом. Под костяком в области пояса обнаружен железный колчанный крючок. В настоящее время описываемые находки хранятся в Историко-краеведческом музее Алтайского государственного педагогического университета. Настоящая работа посвящена анализу текстильных материалов, происходящих из описанного погребения.

Рис. 1. Кинжал с пригоревшими фрагментами ткани из могилы третьего погребения пятого кургана некрополя Новотроицкое-2

Интерес к изучаемому объекту историко-культурного наследия определяется тем, что с его помощью мы можем попытаться охарактеризовать текстуру ткани, плетение и способ оформления рукояти кинжалов обмоткой, пол наплечной или гашника поясной одежды населения Верхнего Приобья скифского времени. (Терминология составляющих элементов одежды приводится по публикации Н.Н. Головченко и А.Н. Телегина [7].) К сожалению, контекст обнаружения кинжала в районе пояса погребенного не позволяет точно определить принадлежность обследованных находок. Методическую основу нашего анализа тканей составляют разработки Т.Н. Глушковой [8–11].

Прежде чем приступить непосредственно к исследованию тканей, позволим себе сделать еще несколько замечаний о кинжале. Кинжал имеет длину примерно 28 см, покоится в деревянных ножнах и обладает рожковидным навершием и узким бабочковидным перекрестием. Как уже отмечалось выше, один фрагмент ткани сохранился на рукояти изделия, а другой – на загибающемся рожке навершия, который в силу более агрессивных условий окисления оказался увеличенным в 1,5–2 раза (рис. 2).

Анализируемый нами фрагмент ткани с рукояти кинжала характеризуется темно-коричневым цветом, полотняным плетением плотными одинарными S-кручения нитями. Судя по выявленным в ходе микроскопического и органолептического обследования находки волокнам, сырьевую основу ткани составляла шерсть. Последнее, в целом, соответствует нашим представлениям о развитии ткачества на территории юга Западной Сибири в эпоху раннего железа [11. С. 286; 12; 13; 14. С. 24–27; 15. С. 67].

Рис. 2. Рукоять и навершие кинжала из могилы третьего погребения пятого кургана некрополя Новотроицкое-2

1 2 3

Рис. 3. Фото и схема плетения фрагментов ткани из могилы третьего погребения пятого кургана некрополя Новотроицкое-2 (фото Н.Н. Головченко): *1* – фрагмент ткани на рукояти; *2* – фрагмент ткани на навершии; *3* – схема плетения ткани

Ткань полотняного плетения обычной структуры имеет относительно неоднородную фактуру вследствие плохой сохранности. Нити предполагаемых «основы» и «утка» (определения даны в кавычках, так как нам не удалось выявить кромки, позволяющие определить систему основных и уточных нитей) имеют одинаковое направление крутки (S-кручение), толщина нитей, насколько об этом можно судить, почти одинакова (рис. 3). Степень натяжения нити установить сложно, в силу того что фрагмент ткани имеет небольшой размер и к тому же пригорел к рукояти кинжала. Изучаемый объект явных ошибок в плетении не имеет. Аналогии таким полотняным тканям выявлены в ряде археологических памятников юга Западной Сибири, Северной Азии [15. С. 10–59; 16. С. 180–187] и Верхнего Приобья [17].

Второй фрагмент ткани, пригоревший к рожку навершия кинжала, тоже имеет темно-коричневый,

коричневый цвет и полотняное плетение нитями S-кручения и по все параметрам аналогичен вышеописанному образцу, что наводит на мысль о том, что оба фрагмента принадлежат одной тканевой основе. Такая основа могла представлять собой обмотку рукояти кинжала, однако тканевой нагар выявлен лишь на одной стороне рукояти. Последнее обстоятельство позволяет отнести выявленные фрагменты ткани к основе одежды, но невозможно установить, какой: наплечной или поясной. Против интерпретации описываемого текстиля как обмотки рукояти кинжала косвенным образом свидетельствует то, что, несмотря на незначительные размеры, фрагменты ткани некогда являли собой цельное полотно. Последнее нерационально и нетипично для технологии изготовления боевого оружия, в том числе и скифского, потому что ткань на металлической рукояти орудия неизбежно скользила и истиралась. Известно, что для обмотки и оплетения рукояти различными народами использовались кожа, плетеные шнурки, но не текстильное полотно. Поэтому, вероятно, верным будет отнесение анализируемых тканей к основе одежды.

Аналогичные нашим материалам ткани были обнаружены в погребальных памятниках Верхнего Приобья, Западной Сибири, Горного Алтая и пустыни Такла-Макан [15–18]. Наиболее близкое сходство прослеживается между описываемыми нами материалами и образцами текстиля, происходящими из могилы девять раскопа восемь могильника Новотроицкое-1. Там была обнаружена ткань полотняного плетения основы ворота, имеющая обычную структуру и неоднородную фактуру (возможно, вследствие плохой сохранности). Нити предполагаемых «основы» и «утка» (определения даны в кавычках, так как нам не удалось выявить кромки, позволяющие определить систему основных и уточных нитей) имеют одинаковое направление крутки (S-кручение), толщина нитей почти одинакова. Общее слабое натяжение нитей в полотне ткани, должно быть, свидетельствует о том, что она была изготовлена на простом приспособлении без жесткого закрепления нитей, возможно, на вертикальном ткацком станке, хотя из-за отсутствия кромок с уверенностью говорить об этом нельзя. Вероятно, последнее суждение можно считать правомерным и для образцов текстиля, происходящих из Новотроицкого-2.

Схожесть текстильных материалов из обоих могильников не только подтверждает наблюдения об их единовременности и культурном единстве, но и позволяет сделать вывод о существовании на территории Верхнего Приобья традиции изготовления одежды из ткани полотняного плетения. В то же время шерсть как сырьевая основа одежды вплетена в верования различных народов мира, в том числе индоиранские, и населения Верхнеобского бассейна эпохи раннего железа в частности. К примеру, в Ригведе не редки сравнения хорошего жертвенного приношения, выполненного по обряду, с качественно выделанной шерстью [19. С. 11]. Обращаясь к Апри (персонифицированное название литургических гимнов, приглашающих богов к жертвоприношению), гимнопевец просит жертву: «*Мягкая, как шерсть, растелись*» [19. С. 11]. Аллегорически ткачество сравнивается с движением Солнца по небосклону, а шерсть (ткань) – с солнечным светом: «*Такова божественная природа Сурьи, таково величие: посреди работы он собирает натянутую ткань*» [20. С. 140]. Деятельность Сурьи (ежедневный восход и заход Солнца) один из авторов гимнов сравнивал с ежедневным пением гимнов: «*Соткан мой труд, и снова ткется все он же*» [Там же. С. 132]. Примечательно, что Сурья – солнечное божество, ткач, имел своим аватаром барана, образ которого часто фигурирует на головных уборах кочевников. Также из бараньей шерсти изготовлялась одежда, таким образом, ношение одежды и процесс ее изготовления становились сокрализованным действом, своего рода обрядами с сопутствующими им ритуалами, вероятно, связанными с приобщением погребаемого носителя к фарну божества [21. С. 135–140; 22. С. 111–116].

Вероятно, что за использованием шерсти в качестве основы для изготовления одежды, в том числе участвующей в погребальном ритуале, стоит комплекс культовых и обрядовых действий, связанных с процессом выделки шерсти, сучением и плетением нитей, изготовлением тканей и одежды и ее ноской. Возможно, обрядами маркировались этапы изготовления одежды. В таком случае последние можно рассматривать как своеобразные обряды перехода, смены состояний материала. Конечной целью всего процесса было получение готового продукта – одежды, наделенной определенными не только материальными и технологическими, но и культовыми характеристиками. Если ритуалы в ходе изготовления одежды были проведены правильно, то одежда, вероятно, считалась культово защищенной, удачливой и т.д.

Проблемой принципиальной важности, с точки зрения семантической интерпретации одежды, является вопрос о ее статусе. Считать ли описанную нами одежду погребальной? Безусловно, ее фрагменты обнаружены в погребении, но наделялась ли одежда ингумируемого человека статусом погребальной? Изготовлялась она специально для погребального обряда, получала ли деструктивные повреждения во время ритуала погребения или же население Верхнего Приобья скифского времени хоронило своих покойников в повседневной одежде? Большинство этих вопросов, к сожалению, остаются без ответа. Однако, исходя из имеющихся в нашем распоряжении представлений о развитии истории костюма, следует, что специальная погребальная одежда появляется на территории Приобья в несколько более позднее время.

Рассмотренные фрагменты ткани позволяют нам говорить о тканевой основе пол наплечной или гашника поясной одежды, о семантической сочетаемости между сырьевой основой и уровнями одежды населения Верхнеобского бассейна эпохи раннего железа. Полученные в ходе анализа обозначенных находок данные позволяют более предметно рассматривать вопросы, связанные с изучением археологического текстиля в рамках предметного комплекса одежды древнего населения Верхнего Приобья.

ЛИТЕРАТУРА

1. Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая речка // Материалы и исследования по археологии СССР. № 48. М. ; Л., 1956. 163 с.
2. Троицкая Т.Н., Бородовский А.П. Большереченская культура лесостепного Приобья. Новосибирск : Наука. Сибирская издательская фирма, 1994. 184 с.
3. Могильников В.А. Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тысячелетия до н.э. М., 1997. 195 с.
4. Шульга П.И. Могильник скифского времени Локоть-4а. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2003. 204 с.
5. Уманский А.П., Шамшин А.Б., Шульга П.И. Могильник скифского времени Рогозиха-1 на левобережье Оби. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2005. 204 с.
6. Шульга П.И., Уманский А.П., Могильников В.А. Новотроицкий некрополь. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2009. 329 с.
7. Головченко Н.Н., Телегин А.Н. Одежда евразийских номадов скифо-сакского времени (опыт разработки типологии и терминологического аппарата) // Вестник Тюменского государственного университета. Тюмень, 2014. № 2. С. 5–13.
8. Глушкова Т.Н. Информативные возможности археологического текстиля Западной Сибири // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2003. Ч. I. С. 320–323.
9. Глушкова Т.Н. Схема технологического описания археологического текстиля // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2003. Ч. II. С. 203–206.
10. Глушкова Т.Н., Сутула А.В. Методология и методика источниковедческого исследования археологических текстильных материалов // Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: проблемы интерпретации и реконструкции. Томск : Аграф-Пресс, 2008. С. 31–34.
11. Глушкова Т.Н. Возможности историко-культурных реконструкций по результатам изучения древнего текстиля как исторического источника // Интеграция археологических и этнографических исследований : сб. тр. Казань : Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2010. Ч. I. С. 285–288.
12. Бородовский А.П. К вопросу об использовании костяных орудий из ветвей нижних челюстей с зубами крупного рогатого скота (по материалам эпохи бронзы и раннего железного века из Новосибирского Приобья) // Археологические исследования в Сибири. Барнаул, 1989. С. 59–60.
13. Бородовский А.П. Предметы примитивного прядения как индикатор этнотерриториальных границ Горного Алтая в эпоху раннего железа // Аборигены Сибири: Проблемы изучения исчезающих языков и культур. Новосибирск, 1995. Т. 2. С. 9–12.
14. Бородовский А.П. Проблемы реконструкции специализации производств по обработке органических материалов на юге Западной Сибири в эпоху палеометалла // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 3 (23).
15. Глушкова Т.Н. Археологические ткани Западной Сибири. Сургут : РИО СурГПИ, 2002. 206 с.
16. Полосьмак Н.В., Баркова Л.Л. Костюм и текстиль пазырыкцев Алтая (IV–III вв. до н.э.). Новосибирск : ИНФОЛИО, 2005. 232 с.
17. Головченко Н.Н. Результаты предварительного технико-технологического анализа образцов ткани из некрополя Новотроицкое-1 (Верхнее Приобье) // Вестник Новосибирского государственного университета. Новосибирск, 2015. Т. 14, № 7. С. 30–38.
18. Binghua Wang, Mair Victor H. Xinjiang Gushi: Gudai Xinjiang Juminji Qi Wenhua (The Ancient Corpses of Xinjiang: The Peoples of Ancient Xinjiang and their Culture). Xinjiang, 2001. 245 p. (на англ. яз.).
19. Ригведа. Мандалы I–IV / отв. ред. П.А. Гринцер. М. : Наука, 1999. 767 с.
20. Ригведа. Мандалы V–VIII / отв. ред. П.А. Гринцер. М. : Наука, 1999. 754 с.
21. Бородовский А.П. Фарн скифского времени в Сибири и особенности изображения рога // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2004. № 4 (20).
22. Головченко Н.Н. Поиск параллелей предметному комплексу одежды населения Верхнего Приобья эпохи раннего железа в гимнах Ригведы // Вестник Томского государственного университета. История. 2015. № 1 (33).

Статья представлена научной редакцией «История» 16 марта 2016 г.

ANALYSIS OF TEXTILE RESIDUES FROM A DAGGER OF THE BURIAL NOVOTROITSKOE-2

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 406, 51–55.
DOI: 10.17223/15617793/406/8

Golowchenko Nikolai N. Altai State Pedagogical University (Barnaul, Russian Federation).
E-mail: nikolai.golowchenko@yandex.ru

Keywords: complex subject of clothing; Early Iron Age; Upper Ob; fragments of textiles.

The aim is to introduce the preliminary technical and technological analysis of tissue samples found in the excavation of grave three burial mound five of the necropolis Novotroitskoye-2; the samples were discovered during the expedition of A. P. Umansky in Tal'menka area of the Altai Territory in 1986. The author describes the materials that have already been published in scientific journals but have not become an object of a focused study yet. The current finding is stored in the Historical Museum of Altai State Pedagogical University under accession code number 61. The described tissue fragment is an example of a textile, probably winding of a dagger which could also be part of clothing covering shoulders or a waist. Analysis of the finding sheds light on some of the features of burial clothes of the ancient population of the Upper Ob, in particular, the fabric of shoulder and waist clothes in the studied region in the Early Iron Age. It was identified that the clothes were made of a plain weave fabric. The analysis of the tissues shows that the raw material used for manufacturing such clothes was wool. The author used a broad source basis to consider the production technology of fabrics and garments for funeral that was typical among the population of northern Asia in the Scythian times. Special attention was paid to the semantics of woolen clothes and hairstyles in the Upper Ob Region basin in the Early Iron Age. Wool as a raw material for basic garments was woven into the beliefs of different peoples of the world, including the Indo-Iranians. For example, in the Rig Veda we often come across a comparison of sacrificial offerings made to the rite with well fabricated wool. The wool-making process itself might well have been a social procedure, a kind of a rite with accompanying rituals, probably related to the initiation of the medium buried to the Khvarenah deity. Similar findings were discovered in the burial sites in Western Siberia, the Altai Mountains and the Taklimakan Desert. There is a notable semantic compatibility between the resource base and the levels of clothing, which expands our understanding of tailoring traditions among the population of the Upper Ob basin in the Early Iron Age. The results obtained allow us to address the issues related to archaeological textiles in the framework of studying clothes of the ancient population of Northern Asia more specifically.

REFERENCES

1. Gryaznov, M.P. (1956) Istoriya drevnikh plemen Verkhney Obi po raskopkam bliz s. Bol'shaya rechka [The history of the ancient tribes of the Upper Ob from excavations near the village Bolshaya rechka]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR*. 48.
2. Troitskaya, T.N. & Borodovskiy, A.P. (1994) *Bol'sherechenskaya kul'tura lesostepnogo Priob'ya* [Bolshaya rechka culture of the forest-steppe Ob]. Novosibirsk: Nauka. Sibirskaya izdatel'skaya firma.
3. Mogil'nikov, V.A. (1997) *Naselenie Verkhnego Priob'ya v seredine – vtoroy polovine I tysyacheletiya do n.e.* [The population of the Upper Ob in the middle – the second half of the I millennium BC]. Moscow: Pushkinskiy nauchnyy tsentr RAN.
4. Shul'ga, P.I. (2003) *Mogil'nik skifskogo vremeni Lokot'-4a* [The cemetery of the Scythian period Lokot'-4a]. Barnaul: Altai State University.
5. Umanskiy, A.P., Shamshin, A.B. & Shul'ga, P.I. (2005) *Mogil'nik skifskogo vremeni Rogozikha-1 na levoberezh'e Obi* [The burial of the Scythian time Rogozikha-1 on the left bank of the Ob River]. Barnaul: Altai State University.
6. Shul'ga, P.I., Umanskiy, A.P. & Mogil'nikov, V.A. (2009) *Novotroitskiy nekropol'* [The Novotroitsk necropolis]. Barnaul: Altai State University.
7. Golovchenko, N.N. & Telegin, A.N. (2014) Clothes of Eurasian nomads at the Scythian and Saxon time (typology and terminology development). *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2. pp. 5–13. (In Russian).
8. Glushkova, T.N. (2003) Informativnye vozmozhnosti arkheologicheskogo tekstilya Zapadnoy Sibiri [Informative potential of archaeological textiles of Western Siberia]. In: Derevyanko, A.P. & Molodin, V.I. (eds) *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy* [Problems of archeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories]. Pt. 1. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS.
9. Glushkova, T.N. (2003) Skhema tekhnologicheskogo opisaniya arkheologicheskogo tekstilya [Chart of technological description of archaeological textiles]. In: Derevyanko, A.P. & Molodin, V.I. (eds) *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy* [Problems of archeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories]. Pt. 2. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS.
10. Glushkova, T.N. & Sutula, A.V. (2008) [Methodology and methods of source study of archaeological textile materials]. *Vremya i kul'tura v arkheologo-etnograficheskikh issledovaniyakh drevnikh i sovremennykh obshchestv Zapadnoy Sibiri i sopredel'nykh territoriy: problemy interpretatsii i rekonstruktsii* [Time and culture in archaeological and ethnographic studies of ancient and modern societies of Western Siberia and adjacent territories: problems of interpretation and reconstruction]. Proceedings of the XIV West Siberian archaeological and ethnographic conference. Tomsk: Agraf-Press. pp. 31–34. (In Russian).
11. Glushkova, T.N. (2010) Vozmozhnosti istoriko-kul'turnykh rekonstruktsiy po rezul'tatam izucheniya drevnego tekstilya kak istoricheskogo istochnika [Features of historical and cultural reconstructions of the results of the study of ancient textiles as a historical source]. In: Tomilov, N.A. (ed.) *Integratsiya arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy* [The integration of archaeological and ethnographic studies]. Pt. 1. Kazan: Institute of History of RT AS.
12. Borodovskiy, A.P. (1989) K voprosu ob ispol'zovanii kostyanykh orudiy iz vetvey nizhnikh chelyustey s zubami krupnogo rogatogo skota (po materialam epokhi bronzy i rannego zheleznogo veka iz Novosibirskogo Priob'ya) [On the use of bone tools of the branches of the lower jaw with teeth of cattle (based on the material of the Bronze Age and Early Iron Age of the Novosibirsk Ob)]. In: Kiryushin, Yu.F. (ed.) *Arkheologicheskie issledovaniya v Sibiri* [Archaeological research in Siberia]. Barnaul: Altai State University.
13. Borodovskiy, A.P. (1995) [Objects of primitive spinning as an indicator of ethno-territorial borders of the Altai Mountains in the early Iron Age]. *Aborigeny Sibiri: Problemy izucheniya ischezayushchikh yazykov i kul'tur* [Aboriginals of Siberia: Problems of study of endangered languages and cultures]. Proc. of the iternational conference. Vol. 2. Novosibirsk. pp. 9–12. (In Russian).
14. Borodovskiy, A.P. (2013) Issues related to reconstruction of specialization of organic materials processing industries in the south part of Western Siberia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 3 (23). pp. 24–27. (In Russian).
15. Glushkova, T.N. (2002) *Arkheologicheskie tkani Zapadnoy Sibiri* [Archaeological textiles of Western Siberia]. Surgut: Surgut State Pedagogical Institute.
16. Polos'mak, N.V. & Barkova, L.L. (2005) *Kostyum i tekstil' pazyryktsev Altaya (IV–III vv. do n.e.)* [Costume and Textiles of Altai Pazyryks (4th–3rd centuries BC)]. Novosibirsk: INFOLIO.
17. Golovchenko, N.N. (2015) Rezul'taty predvaritel'nogo tekhniko-tekhnologicheskogo analiza obraztsov tkani iz nekropolya Novotroitskoe-1 (Verkhnee Priob'e) [The results of the preliminary technical and technological analysis of tissue samples from the necropolis Novotroitskoe-1 (Upper Ob)]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta – Vestnik Novosibirsk State University*. 14:7. pp. 30–38.
18. Binghua Wang, Mair, V.H. & Xinjiang Gushi. (2001) *Gudai Xinjiang Juminji Qi Wenhua* [The Ancient Corpses of Xinjiang: The Peoples of Ancient Xinjiang and their Culture]. Xinjiang. (In English).
19. Grintser, P.A. (ed.) (1999) *Rigveda. Mandaly I–IV* [Rig Veda. Mandala I–IV]. Moscow: Nauka.
20. Grintser, P.A. (ed.) (1999) *Rigveda. Mandaly V–VIII* [Rig Veda. Mandala V–VIII]. Moscow: Nauka.
21. Borodovskiy, A.P. (2004) Farn skifskogo vremeni v Sibiri i osobennosti izobrazheniya roga [Khvarenah of the Scythian time in Siberia and features of the horn image]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*. 4 (20).
22. Golovchenko, N.N. (2015) Search parallels subject complex of clothing population of the Upper Ob Early Iron Age in the hymns of the Rig Veda. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 1 (33). pp. 111–115. (In Russian).

Received: 16 March 2016

Вестник Томского государственного университета. 2016. № 406. С. 56–63. DOI: 10.17223/15617793/406/9

УДК [930.2+314.148](540)

С.А. Горохов, Р.В. Дмитриев

ОСОБЕННОСТИ ДЕМОГРАФИИ РЕЛИГИОЗНЫХ ОБЩИН ИНДИИ В НАЧАЛЕ XXI в.

Дан краткий обзор особенностей трансформации конфессиональной структуры населения Индии за межпереписной период 2001–2011 гг. Детально проанализированы диспропорции в изменении долей представителей крупнейших религий в населении штатов и союзных территорий. Установлено, что для сохранения в краткосрочной перспективе уровня простого воспроизводства населения достаточными являются показатели рождаемости мусульман, индуистов, христиан и буддистов. Показано, что в то же время темпы прироста численности только лишь адептов ислама превышают средний показатель по стране. Это стало причиной сокращения доли представителей всех крупных религий в населении Индии, кроме мусульман. Утверждается, что падение доли индуистов ниже психологически важной отметки в 80% может стать дополнительным фактором дестабилизации межрелигиозных отношений в стране.

Ключевые слова: Индия; конфессиональная структура населения; рождаемость; региональная дифференциация; всеобщая перепись 2011 г.; выборочное обследование 2005–2006 гг.

Последняя, 15-я за историю Индии перепись населения, состоявшаяся более 5 лет назад, зафиксировала все еще относительно высокую скорость увеличения населения страны, которое превысило в 2011 г. планку в 1,2 млрд человек. Значения среднегодовых темпов прироста населения за первое десятилетие XXI в., составлявшие почти 1,7% по Индии в целом [1. С. 12], имеют существенный разброс при рассмотрении по административно-территориальным единицам первого порядка (АТЕ) – штатам и союзным территориям[1]. Это в значительной степени связано с особенностями их конфессиональной структуры, а также с различиями в демографическом поведении населяющих их религиозных общин.

Население современной Индии разнообразно по своему религиозному составу: бок о бок с традиционно доминирующими в стране адептами индуизма проживают последователи ислама, христианства, сикхизма, буддизма и джайнизма. Индия известна как одна из самых религиозных стран мира: в 2012 г. 81% населения страны считали себя верующими людьми (18-е место в мире по уровню религиозности), и лишь 3% индийцев разделяют атеистические убеждения [2].

Статистические данные, характеризующие численность конфессиональных групп и компоненты ее изменения, собираются в рамках проведения переписей населения страны начиная с первой относительно полной переписи 1881 г. Однако характерной чертой опубликования результатов по конфессиональным группам (особенно в последние десятилетия) стало запаздывание выхода из печати тома переписей, посвященного религиозной структуре населения. Временной лаг между датой проведения переписи (каждые десять лет в год, оканчивающийся на «1») и опубликованием соответствующих материалов составляет в среднем 5 лет. Сложившаяся ситуация обусловлена в первую очередь нежеланием политиков «будоражить общественность» в преддверии выборов в нижнюю палату парламента Индии (формирующую в конечном счете Правительство страны), проводящихся раз в пять лет. Действительно, традиционное противоборство между проиндуистской Бхаратия джаната парти (БДП – Индийская народная партия) и придерживающимся секулярной политической традиции Индийским национальным конгрессом (ИНК) на государственном уровне создает для исследователей, занимающихся изучением населения Индии, известные трудности в плане оперативного доступа к результатам переписи.

По состоянию на 1-е марта 2011 г. 79,8% населения Индии исповедовали индуизм, 14,2% были мусульманами, 2,3% – христианами, 1,7% – сикхами, 0,7% – буддистами, 0,4% – джайнами. Седьмая конфессиональная группа – 0,9% в 2011 г. – объединяет адептов всех других религий (родоплеменных, зороастризма, иудаизма и др.) и людей, религиозная принадлежность которых не установлена. За период 2001–2011 гг., в то время как все население Индии выросло на 17,7%, численность мусульман возросла на 24,6%, индуистов – на 16,8%, христиан – на 15,5%, сикхов – на 8,4%, буддистов – на 6,1%, джайнов – на 5,4% (табл. 1).

Таким образом, результаты переписи населения прежде всего подтвердили чрезвычайно болезненный для индийского общества факт дальнейшего уменьшения доли индуистов в населении страны. Темпы прироста их численности значительно отстают от соответствующих показателей мусульманской общины Индии, традиционно считающейся в стране, ввиду своей многочисленности, «вторым большинством». В целом понижательный тренд оказался характерным для всех крупнейших религиозных общин Индии, т.е. за последнее десятилетие в населении страны выросла лишь доля мусульман (табл. 1).

Тем не менее индуисты остаются доминирующей конфессиональной общиной Индии, их численность составляет около 966 млн человек – это самая большая индуистская община мира: более 83% адептов индуизма сконцентрировано именно в Индии.

Необходимо отметить, что за весь период, прошедший с момента получения в 1947 г. Индией независимости, наблюдается постепенное уменьшение относительной численности индуистов в стране. Так, с 1951 г. доля адептов индуизма в населении сократилась на 5 процентных пунктов (с 85,0 до 79,8%), а доля приверженцев ислама, наоборот, фактически выросла на ту же цифру (с 9,9 до 14,2%). Хотя, начиная с 90-х гг. прошлого века, наблюдается общая тенденция сокращения темпов прироста населения Индии, в том числе и мусульман, община адептов ислама по-прежнему остается лидером по данному показателю среди всех религиозных групп страны.

Таблица 1

Динамика численности адептов крупнейших религий и их доли в населении Индии, 1991–2011 гг.

Религия	1991		2001		2011		Прирост			
							1991–2001		2001–2011	
	млн	%	млн	%	млн	%	млн	%	млн	%
Индуизм	687,6	82,0	827,6	80,5	966,3	79,8	139,9	20,3	138,7	16,8
Ислам	101,6	12,1	138,2	13,4	172,3	14,2	36,6	36,0	34,1	24,6
Христианство	19,6	2,3	24,1	2,3	27,8	2,3	4,4	22,6	3,7	15,5
Сикхизм	16,3	1,9	19,2	1,9	20,8	1,7	3,0	18,2	1,6	8,4
Буддизм	6,4	0,8	7,9	0,8	8,4	0,7	1,6	24,5	0,5	6,1
Джайнизм	3,4	0,4	4,2	0,4	4,5	0,4	0,9	26,0	0,2	5,4
Все население	*838,6*	*100,0*	*1028,6*	*100,0*	*1210,9*	*100,0*	*190,0*	*22,7*	*182,2*	*17,7*

Источники[2]: Banthia J.K. The First Report on Religion Data. New Delhi, 2004; Census of India Website. Census 2011 Data on Religion. URL: http://www.censusindia.gov.in/2011census/Religion_PCA.html (дата обращения: 20.12.2015 г.); Vijayanunni M. Census of India 1991. Series-1: Religion. New Delhi, 1996.

Ныне Индия по численности мусульман – более 172 млн человек – занимает второе место в мире, уступая лишь Индонезии [3. P. 10]. По прогнозам, если темпы прироста адептов ислама останутся прежними, к 2050 г. Индия может стать домом уже для 310 млн мусульман (18,4% населения страны), заняв первое место в мире по данному показателю [4]. Увеличение доли мусульманского населения в стране, пережившей в 1947 г. трагедию раздела по конфессиональному признаку, порождает у индийцев страх за территориальную целостность, которым пользуются индуистские националисты в своей политической агитации, навязывая восприятие адептов ислама в качестве «пятой колонны» Пакистана.

Доля адептов христианства, занимающих третье место по численности среди религиозных групп Индии (около 28 млн человек), за период 2001–2011 гг. осталась стабильной – 2,3% населения страны. По другим неофициальным данным, христианская община страны существенно больше, ее размер оценивается в пределах 32–58 млн человек [5, 6], или 3–5% населения Индии, что делает страну 9-м в мире государством по численности христиан. Фактически двукратное разночтение в численности христиан страны объяснимо лишь тем, что при ответе на вопросы переписного листа индуисты, относящиеся к группе далитов (неприкасаемых), но перешедшие в христианство, не хотят афишировать факт конверсии, понимая, что в этом случае они, согласно национальному законодательству, потеряют привилегии, полагающиеся им как представителям наиболее социально приниженной группы индийского общества [7]. То, что численность христиан в Индии может быть занижена, косвенно свидетельствуют и данные о количестве христианских миссионеров, работающих в стране: в 2010 г. их насчитывалось 718 тыс. (1-е место в мире), т.е. один миссионер в Индии приходится примерно на 1,7 тыс. человек. Только в 2010 г., по оценкам христианских миссий, в Индии приняли в христианство около 500 тыс. человек [3. P. 145].

Остальные крупнейшие конфессиональные группы Индии – сикхи, буддисты и джайны – за период 2001–2011 гг. несколько уменьшили свою долю в населении страны, что также обусловлено крайне невысокими темпами прироста численности их адептов (см. табл. 1).

Изменение долей конфессиональных групп в общем случае определяется совокупным вкладом трех компонентов: естественного прироста, миграционного прироста и религиозной конверсии. При этом в настоящее время в Индии именно первый играет ключевую роль в формировании религиозного «портрета» страны (это утверждение справедливо для всех религиозных общин страны, возможно, лишь за исключением христиан) [8].

К сожалению, до настоящего времени отсутствуют официальные данные по уровню рождаемости по конфессиональным группам страны. В этой связи наиболее актуальными источниками сведений для анализа остаются данные третьего по счету Национального обследования благосостояния семьи 2005–2006 гг. Суммарный коэффициент рождаемости (СКР), т.е. среднее количество детей, приходящееся на одну женщину условного поколения в период фертильности (15–49 лет), по всем конфессиональным группам Индии в целом на протяжении последнего времени имеет тенденцию к снижению. Именно этим объясняется то, что значение СКР в 2005–2006 гг. существенно ниже среднего количества детей у женщин возрастной группы 40–49 лет (СКР реальных поколений), которые вступили в период деторождения в 70-х гг. прошлого века (табл. 2).

Таблица 2

Суммарный коэффициент рождаемости условного и реального поколений по конфессиональным группам Индии, 2005–2006 гг.

Конфессиональная группа	Суммарный коэффициент рождаемости (СКР), детей	Разница в значении СКР конфессиональной группы и всего населения Индии, детей	Среднее число детей у женщины возрастной группы 40–49 лет
Мусульмане	3,40	+0,72	5,08
Индуисты	2,59	–0,09	3,91
Христиане	2,34	–0,34	3,06
Буддисты	2,25	–0,43	3,67
Сикхи	1,95	–0,73	3,29
Джайны	1,54	–1,14	2,96
Индия в целом	*2,68*	*0,00*	*4,00*

Источник: National Family Health Survey (NFHS-3), 2005–06: India. Mumbai, 2007. Vol. I.

Таблица 3

Динамика доли адептов ислама в населении некоторых АТЕ Индии, 2001–2011 гг.[3]

Административно-территориальная единица	Доля мусульман в населении, %		
	2001	2011	Разница 2001–2011 гг.
Ассам	30,9	34,2	3,3
Уттаракханд	11,9	13,9	2,0
Керала	24,7	26,6	1,9
Западная Бенгалия	25,2	27,0	1,8
Гоа	6,8	8,3	1,5
Джамму и Кашмир	67,0	68,3	1,3
Харьяна	5,8	7,0	1,2
Дели	11,7	12,8	1,1
Лакшадвип	95,5	96,6	1,1
Махараштра	10,6	11,5	0,9
Чандигарх	3,9	4,8	0,9
Дадра и Нагар Хавели	3,0	3,8	0,8
Индия	*13,4*	*14,2*	*0,8*
Пондичерри	6,1	6,1	–0,0
Манипур[4]	8,8**	8,4	–0,4

Тем не менее значение СКР остается выше уровня, необходимого для обеспечения воспроизводства населения (2,1), для всех конфессиональных групп Индии за исключением сикхов и джайнов. Только для мусульман страны характерен уровень рождаемости выше среднего значения по стране (см. табл. 2); именно с этим связан тот факт, что за прошедшее десятилетие 2001–2011 гг. исламская община была лидером по темпам прироста численности. В результате высокой рождаемости доля мусульман в населении Индии выросла с 13,4 до 14,2% (табл. 3). Из всех АТЕ Индии за 2001–2011 гг. доля мусульман уменьшилась лишь в Пондичерри и Манипуре, в 12 штатах и союзных территориях Индии рост доли мусульман в населении был выше среднего значения по стране.

Главным районом расселения адептов ислама являются долины Ганга и Брахмапутры, на которые приходится более половины (53%) мусульман страны: штаты Уттар-Прадеш (38,5 млн), Западная Бенгалия (24,7 млн), Бихар (17,6 млн) и Ассам (10,7 млн). Хотя в этих штатах мусульмане остаются в меньшинстве по отношению к индуистам, удельный вес первых, особенно в городах, заметно выше, чем в среднем по Индии. На западе Индии мусульмане наиболее многочисленны в штатах Махараштра (13,0 млн) и Гуджарат (5,8 млн), где значительная их часть проживает в крупных городах, таких как Мумбаи, Пуна, Ахмадабад. Крупнейшая община мусульман в южной Индии проживает на Малабарском побережье, в штате Керала, где сосредоточено 8,9 млн адептов ислама (более четверти населения штата).

Причиной рекордных темпов прироста мусульманского населения в Ассаме и Западной Бенгалии, вероятнее всего, стала иммиграция на территорию этих штатов большого числа мусульман из соседней Бангладеш [9]. По данным переписи 2011 г., по доле мусульман в населении Ассам и Западная Бенгалия занимают в Индии 3-е и 4-е места, уступая лишь союзной территории Лакшадвип и штату Джамму и Кашмир – двум АТЕ страны с мусульманским большинством[5]. Ролью иммиграции можно объяснить высокие темпы прироста мусульман в Дели и штате Харьяна: первый притягивает мусульман соседних штатов благодаря активному развитию в городе промышленности и сферы услуг, во втором нужны рабочие руки для наращивания темпов сельскохозяйственного производства.

Значительно выше среднего уровня по стране оказался рост доли мусульманского населения в таких южных штатах страны с низкими показателями рождаемости, как Керала и Гоа (значение СКР – 1,8). Снижение уровня рождаемости, связанное с ростом грамотности и благосостояния населения этих штатов, затронуло, тем не менее, прежде всего индуистское и христианское население Кералы и Гоа, в то время как у адептов ислама показатели рождаемости оказалась в гораздо меньшей степени зависимы от социально-экономических условий жизни и поэтому снизились значительно меньше. Неприятным фактом для индуистской общественности оказался значительный прирост мусульманского населения в Уттаракханде – штате, имеющем в стране образ своеобразной «цитадели индуизма». Дело в том, что этот штат имеет самую высокую в стране долю брахманов в населении (около 20%), в нем располагаются многие важные для адептов индуизма места паломничества (в том числе район истока Ганга); Уттаракханд – единственный штат Индии, официальным языком которого признан священный для индуистов санскрит. Однако в последнее время наблюдается миграция на юг Уттаракханда мусульманского населения из приграничных районов северо-западного Уттар-Прадеша («мусульманский карман» [10. P. 106]), в которых высока доля мусульман, что и послужило причиной роста мусульманского населения в этом традиционно индуистском штате.

Согласно данным переписи населения 2011 г. индуисты образуют большинство в 21 из 28 штатов и в 6 из 7 союзных территорий[6]. Крупнейшие по численности индуистские общины, каждая из которых насчитывает более 50 млн человек, сосредоточены в 10 наиболее населённых штатах страны. Это прежде всего находящиеся на севере страны в долине Ганга штаты Уттар-Прадеш, Бихар и Западная Бенгалия (соответственно 159,3; 86,1 и 64,4 млн); на западе – штаты Махараштра (89,7 млн), Раджастхан (60,7 млн)

и Гуджарат (53,5 млн); на юге – штаты Андхра-Прадеш (74,8 млн), Тамилнад (63,2 млн) и Карнатака (51,3 млн); в Центральной Индии – штат Мадхья-Прадеш (66,0 млн). Всего в «большой десятке» проживают 769,0 млн адептов индуизма, или почти 80% от их общего числа в Индии.

Наиболее высока доля индуистов в пригималайских районах (штат Химачал-Прадеш) и в так называемом раджпутском поясе, протянувшемся от Гуджарата на западе, через север Махараштры, Мадхья-Прадеш, далее на восток – в Чхаттисгарх и Одишу. Причина высокой плотности индуистского населения в этих штатах заключается в том, что в эпоху мусульманского владычества их территория стала «убежищем» для индуистской элиты, спасавшейся от насилия со стороны мусульманских властителей, а затем, в период владычества англичан в этом районе располагалось большинство полуавтономных индуистских княжеств. На юге страны наиболее высока доля индуистского населения в штатах Тамилнад и Андхра-Прадеш, которые почти не знали периода мусульманского завоевания.

Самая низкая доля индуистов наблюдается в горных штатах Северо-Восточной Индии, где индуизм стал распространяться значительно позднее, лишь в колониальную эпоху: Аруначал-Прадеше, Мегхалае, Манипуре, Мизораме и Нагаленде. Невелика доля индуистов в АТЕ с мусульманским большинством; а также на северо-западе страны, в штате Пенджаб (чуть более 1/3 населения) – колыбели сикхизма – и в пограничных районах штатов Западная Бенгалия и Ассам, принимающих основную волну мигрантов из Бангладеш.

Адепты индуизма занимают по уровню рождаемости второе место среди конфессиональных общин Индии. Тем не менее значение СКР индуистов – 2,59 – ниже среднего уровня по стране, что и обусловило снижение доли приверженцев индуизма в населении. В большинстве штатов Индии сокращение доли индуистского населения примерно соответствовало или было выше среднего показателя по стране; это касается прежде всего крупнейших по численности населения штатов Индии: Уттар-Прадеша, Бихара, Махараштры, Раджастхана, Андхра-Прадеша, Гуджарата и др. Самые большие потери адепты индуизма понесли в штатах Северо-Восточной и Восточной Индии, таких как Аруначал-Прадеш, Манипур, Ассам, Сикким, Трипура, Западная Бенгалия, Мегхалая (табл. 4).

Таблица 4

Динамика доли адептов индуизма в населении некоторых АТЕ Индии, 2001–2011 гг.[7]

Административно-территориальная единица	Доля индуистов в населении, %		
	2001	2011	Разница 2001–2011 гг.
Чандигарх	78,6	80,8	2,2
Пенджаб	36,9	38,5	1,6
Нагаленд	7,7	8,7	1,0
Даман и Диу	89,7	90,5	0,8
Пондичерри	86,8	87,3	0,5
Дадра и Нагар Хавели	93,5	93,9	0,4
Гоа	65,8	66,1	0,3
Андаманские и Никобарские острова	69,2	69,4	0,2
Карнатака	83,9	84,0	0,1
Индия	*80,5*	*79,8*	*-0,7*
Мегхалая	13,3	11,5	–1,8
Западная Бенгалия	72,5	70,5	–2,0
Уттаракханд	85,0	83,0	–2,0
Трипура	85,6	83,4	–2,2
Сикким	60,9	57,8	–3,1
Ассам	64,9	61,5	–3,4
Манипур	46,0	41,4	–4,6
Аруначал-Прадеш	34,6	29,0	–5,6

Главными «обидчиками» индуизма в этих штатах выступили ислам и христианство, которые смогли резко нарастить свою долю в населении этих территорий: первый – благодаря активной иммиграции мусульман из соседней Бангладеш, второе – благодаря активной деятельности христианских миссионеров среди местных малых этносов. Единственным исключением из правила на северо-востоке страны стал наиболее христианизированный штат Индии – Нагаленд, в котором индуизм сумел взять «реванш» благодаря более высокой рождаемости своих адептов. Существенно выросла доля индуистов в 2001–2011 гг. лишь в районах с высокой долей сикхского населения – штате Пенджаб – и его столице – союзной территории Чандигарх, что объясняется миграционным притоком и более высоким уровнем рождаемости индуистов.

Христианское население страны сосредоточено прежде всего на юге Индии, где проживают, по официальным данным переписи населения, около 47% адептов христианства страны. Это штаты Керала (6,1 млн), Тамилнад (4,4 млн), Карнатака и Андхра-Прадеш (по 1,1 млн). Однако в связи с низкими темпами рождаемости у местных христиан «вес» южной Индии в христианском населении страны в последние десятилетия постоянно снижается (в 1991 г. – 56%, 2001 г. – 51%).

Другой важный регион распространения христиан в Индии – северо-восточные АТЕ. В настоящее время в штатах Мегхалая (2,2 млн), Нагаленд (1,7 млн), Ма-

нипур (1,2 млн), Ассам (1,2 млн), Мизорам (1,0 млн), Аруначал-Прадеш (0,4 млн) и Трипура (0,2 млн) сосредоточено более 28% христианского населения Индии, причём доля этого региона в христианском населении страны постоянно растёт (1991 г. – 22%, 2001 г. – 26%). Христиане составляют большинство населения штатов Нагаленд, Мизорам, Мегхалая, 2/5 населения Манипура и почти 1/3 населения Аруначал-Прадеша, значительна численность адептов христианства и в горных дистриктах Ассама.

Третий район размещения христианского населения в Индии – «пояс племён» востока страны (юго-западные районы Западной Бенгалии, юг штата Джаркханд и примыкающие к нему дистрикты Одишы и Чхаттисгарха), где проживают в сумме 3,7 млн сторонников христианства, или более 13% от их численности в стране. Остальное христианское население страны рассеяно по другим штатам и союзным территориям Индии, не образуя ни в одной из них значительной доли населения (кроме Гоа и Андаманских и Никобарских островов).

Доля адептов христианства, которые по уровню рождаемости занимают третье место среди конфессиональных групп Индии, сократилась в 2001–2011 гг. в южных штатах страны прежде всего за счёт увеличения в них доли мусульманского (Керала, Гоа) и индуистского (Пондичерри, Гоа, Карнатака) населения, имеющего более высокий естественный прирост (табл. 5).

Таблица 5

Динамика доли адептов христианства в населении некоторых АТЕ Индии, 2001–2011 гг.[8]

Административно-территориальная единица	Доля христиан в населении, %		
	2001	2011	Разница 2001–2011 гг.
Аруначал-Прадеш	18,7	30,3	11,6
Манипур	34,0	41,3	7,3
Мегхалая	70,3	74,6	4,3
Сикким	6,7	9,9	3,2
Трипура	3,2	4,4	1,2
Индия	*2,3*	*2,3*	*–0,0*
Керала	19,0	18,4	–0,6
Пондичерри	6,9	6,3	–0,6
Даман и Диу	2,1	1,2	–0,9
Дадра и Нагар Хавели	2,7	1,5	–1,2
Гоа	26,7	25,1	–1,6
Нагаленд	90,0	87,9	–2,1

С другой стороны, на северо-востоке страны в штатах Аруначал-Прадеш, Манипур, Мегхалая, Сикким и Трипура отставание христиан по уровню рождаемости от других конфессиональных групп Индии компенсировалось конверсией адептов местных этнических религий в христианство, что привело к увеличению доли христианского населения в этом районе. Исключение составляет лишь Нагаленд, в котором христианизация местного населения – народа нага – достигла максимума еще к 2001 г. В дальнейшем доля адептов христианства в Нагаленде стала сокращаться, так как они уступали мусульманам и индуистам по уровню рождаемости, а ресурс дальнейшего роста христианской общины за счет конверсии оказался исчерпанным.

Большинство населения, исповедующего буддизм, сосредоточено в двух районах страны.

Во-первых, это штат Махараштра и соседние дистрикты Мадхья-Прадеша и Карнатаки, где сосредоточен 81% буддистов страны (6,8 млн человек). Доля буддистского населения в этом регионе невелика, хоть и остается значительно выше средней по стране (доля буддистов в Махараштре, например, выше среднего по стране значения более чем в 8 раз).

Во-вторых, это гималайский регион, протянувшийся от области Лех (штат Джамму и Кашмир) на северо-западе через север Химачал-Прадеша до Уттаракханда и от Сиккима через Аруначал-Прадеш и Ассам до Трипуры и Мизорама на северо-востоке, который аккумулирует почти 1/10 буддийской общины Индии (более 0,8 млн). Во втором районе доля буддистов в населении почти всех штатов выше, чем в первом, а в Сиккиме она достигает максимального значения для Индии – более 27%; большинство местных буддистов – представители местных малочисленных этносов тибето-бирманской группы.

Уровень рождаемости буддистов Индии лишь незначительно превышает необходимый для простого воспроизводства данной конфессиональной группы. Подавляющее большинство адептов буддизма в Индии – это так называемые необуддисты, принадлежащие к далитской[9] касте махаров, массово принявшей буддизм относительно недавно, лишь в середине XX в., как протест против приниженного положения неприкасаемых в традиционном индуистском обществе. Необуддисты проживают в штате Махараштра, а также в соседних с ним дистриктах Карнатаки. Национальное обследование благосостояния семьи в 2005–2006 гг. зафиксировало значительные успехи в социально-экономическом развитии общины необуддистов, вследствие которых произошло изменение их репродуктивных установок, обусловивших переход к двухдетной семье. Снижение уровня рождаемости у приверженцев буддизма привело к уменьшению их в доли в населении штатов, концентрирующих большинство буддистского населения Индии – Махараштры и Карнатаки, и, как следствие, всей Индии в целом (табл. 6).

Таблица 6

Динамика доли адептов буддизма в населении некоторых АТЕ Индии, 2001–2011 гг.[10]

Административно-территориальная единица	Доля буддистов в населении, %		
	2001	2011	Разница 2001–2011 гг.
Мизорам	7,9	8,5	0,6
Трипура	3,1	3,4	0,3
Нагаленд	0,0	0,3	0,3
Манипур	0,1	0,2	0,1
Мегхалая	0,2	0,3	0,1
Индия	*0,8*	*0,7*	*–0,1*
Махараштра	6,0	5,8	–0,2
Джамму и Кашмир	1,1	0,9	–0,2
Карнатака	0,8	0,2	–0,6
Сикким	28,1	27,4	–0,7
Аруначал-Прадеш	13,0	11,8	–1,2

Доля буддистов также сократилась в таких традиционно буддистских штатах северо-востока страны, как Сикким и Аруначал-Прадеш, что, однако, компенсировалось ее ростом в других штатах данного района – Мизораме, Нагаленде, Трипуре, Манипуре и Мегхалае. Столь разнонаправленная динамика буддистского населения в штатах северо-восточной Индии, скорее всего, объясняется сложной миграционной обстановкой в районе.

Большинство адептов сикхизма (почти 84%) в Индии сосредоточено в районе возникновения своей религии – исторической провинции Пенджаб, в состав которой входят современные штаты Пенджаб (16,0 млн), Харьяна (1,2 млн) и Химачал-Прадеш (0,1 млн) и союзная территория Чандигарх (0,1 млн). К данному району географически примыкает национальная столичная территория Дели, в которой проживают около 0,6 млн приверженцев сикхизма. Если в пределах своего исторического ареала сикхи в основном проживают в сельских районах (за исключением своего священного центра – города Амритсар), где им принадлежат крупные массивы плодородных земель, то в остальной Индии их общины сосредоточены в основном в крупных городах.

Достаточно высокий уровень жизни, высокая грамотность, широкое распространение информации о методах планирования семьи – вот основа успеха традиционных «городских» репродуктивных установок среди продолжающих оставаться преимущественно сельскими жителями сикхов, в результате реализации которых к началу XXI в. рождаемость в сикхской общине Индии упала ниже уровня простого воспроизводства. Низкий уровень рождаемости стал причиной того, что за период 2001–2011 гг. доля сикхского населения в Индии уменьшилась, а из всех 35 субъектов федерации доля адептов сикхизма возросла сколь-либо существенно лишь в Сиккиме и Аруначал-Прадеше (табл. 7).

Таблица 7

Динамика доли адептов сикхизма в населении некоторых АТЕ Индии, 2001–2011 гг.[11]

Административно-территориальная единица	Доля сикхов в населении, %		
	2001	2011	Разница 2001–2011 гг.
Сикким	0,2	0,3	0,1
Аруначал-Прадеш	0,2	0,3	0,1
Индия	*1,9*	*1,7*	*–0,2*
Дели	4,0	3,4	–0,6
Харьяна	5,5	4,9	–0,6
Пенджаб	59,9	57,7	–2,2
Чандигарх	16,1	13,1	–3,0

Наибольшие потери сикхи понесли именно в своем традиционном ареале – штатах Пенджаб, Харьяна, союзной территории Чандигарх и национальной столичной территории Дели. Таким образом, можно констатировать, что главное завоевание сикхских националистов – образование в 1966 г. в Индии штата Пенджаб с сикхским большинством населения – может быть сведено на нет спустя всего полвека вследствие существенного падения рождаемости в сикхской общине.

Последняя крупная конфессиональная община, отдельно учитываемая в переписи населения Индии, – джайны – характеризуется самым низким уровнем рождаемости, отстающим от среднего уровня по стране почти в два раза. Джайны – наиболее развитая в социально-экономическом плане религиозная община Индии, относительно немногочисленная и расселенная по территории страны весьма дисперсно. Больше всего джайнов проживают в городах западных и центральных штатов страны: Махараштре, Раджастхане, Гуджарате, Мадхья-Прадеше, а также в Национальной столичной территории Дели. За период 2001–2011 гг. доля джайнов, по своим демографическим установкам мало отличающихся от европейцев, незначительно выросла (за счет миграционной составляющей) в населении лишь некоторых АТЕ Индии, расположенных преимущественно на северо-востоке и юге страны.

Таким образом, как показали результаты переписи 2011 г., религиозная структура населения страны претерпевает существенные изменения, которые связаны прежде всего с различиями репродуктивного поведе-

ния представителей конфессиональных групп. Религиозный фактор играет очень важную, если не сказать определяющую, роль в социально-политическом развитии современной Индии. В условиях фактически тотально религиозного общества успехи или неудачи в политической борьбе во многом зависят от умелого лавирования и соблюдения политическими лидерами интересов различных религиозных групп, возможности использовать религиозную риторику для мобилизации своих последователей.

Правившее в Индии в 2004–2014 гг. правительство, возглавляемое партией ИНК, вполне обоснованно опасалось, что данные о современной конфессиональной структуре населения, полученные в результате последней переписи, покажут сокращение доли индуистов в стране. Таким образом, конфессиональная статистика может стать важным пропагандистским козырем, которым воспользуются политические соперники ИНК, прежде всего индуистские националисты из Бхаратия джаната парти, на парламентских выборах 2014 г.

Однако выборы в парламент Индии, состоявшиеся в апреле–мае 2014 г., оказались самыми неудачными для ИНК за всю историю этой партии, насчитывающую более ста лет. Приход к власти в стране правительства БДП, которое возглавил ее лидер Н. Моди, сделало дальнейшее «сокрытие» официальных данных по религиозной структуре населения Индии лишенным всякого смысла, и они, наконец, были опубликованы. В результате стало ясно, что в религиозной структуре населения государства за последнее десятилетие 2001–2011 гг. произошли существенные сдвиги. Прежде всего подтвердились опасения о снижении доли индуистов в населении Индии ниже психологически важного уровня в 80%. «Золотая» чаша «репродуктивных» весов все больше склоняется в сторону мусульман, оставляя индуистов на втором месте, влияя на политическую обстановку в демографической сверхдержаве XXI в. и подогревая без того напряженные со времен еще Британского владычества отношения между этими конфессиональными группами.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] От более чем 4,5% в среднем за год в союзной территории Дадра и Нагар Хавели до почти –0,1% в штате Нагаленд – единственном, где за период 2001–2011 гг. наблюдалась убыль населения.
[2] Далее, если не указано иное, в качестве источников данных для таблиц используются упоминаемые здесь работы.
[3] Представлены все АТЕ, увеличение доли мусульманского населения которых превышало средний показатель по стране, а также в которых наблюдалось снижение доли мусульман.
[4] Здесь и далее данные по штату Манипур за 2001 г. представлены без учета некоторых частей дистрикта (округа) Сенапати, населенного преимущественно христианами.
[5] Однако суммарная численность мусульман в этих АТЕ составляет менее 9 млн человек – около 5% общины страны.
[6] В 2014 г., уже после проведения последней переписи населения, из штата Андхра-Прадеш был выделен новый 29-й штат Индии – Теленгана.
[7] Представлены все АТЕ, доля индуистов в которых снизилась более чем на 1,5%, а также в которых наблюдалось увеличение доли индуистов.
[8] Представлены все АТЕ, доля христиан в которых увеличилась более чем на 1% и снизилась более чем на 0,5%.
[9] Далиты – одно из наименований представителей неприкасаемых (зарегистрированных каст).
[10] Представлены все АТЕ, доля буддистов в которых увеличилась и уменьшилась более чем на 0,1%.
[11] Представлены все АТЕ, доля сикхов в которых увеличилась более чем на 0,05% и уменьшилась более чем на 0,5%.

ЛИТЕРАТУРА

1. Горохов С.А., Дмитриев Р.В. Население Индии растет рекордными темпами // Азия и Африка сегодня. 2011. № 8. С. 11–15.
2. Global Index of Religiosity and Atheism-2012. WIN-Gallup International. URL: http://www.wingia.com/web/files/news/14/file/14.pdf (дата обращения: 28.12.2015).
3. Atlas of Global Christianity: 1910–2010 / ed. by Johnson Todd M., Kenneth R. Ross and Sandra S.K. Lee. Edinburgh : Edinburgh University Press, 2009. 384 p.
4. The Future of World Religions: Population Growth Projections, 2010–2050. Pew Research Center, April 2, 2015. URL: http://www.pewforum.org/files/2015/03/PF_15.04.02_ProjectionsFullReport.pdf (дата обращения: 18.09.2015).
5. Global Christianity: A Report on the Size and Distribution of the World's Christian Population. Pew Research Center, December, 2011. URL: http://www.pewforum.org/files/2011/12/Christianity-fullreport-web.pdf (дата обращения: 20.09.2015).
6. Christianity in its Global Context, 1970-2020: Society, Religion, and Mission. Pew Research Center, June, 2013. URL: http://wwwgordonconwell.com/netcommunity/CSGCResources/ChristianityinitsGlobalContext.pdf (дата обращения: 22.09.2015).
7. Number of Christians in China and India. Lausanne Global Analysis, July 8, 2011. URL: http://conversation.lausanne.org/en/resources/detail/11971#article_page_1 (дата обращения: 10.09.2015).
8. Горохов С.А. Индия. Религия, демография и политика // Азия и Африка сегодня. 2011. № 7. С. 24–32.
9. Bhattacharya R. Political war in Bengal as data reveal rise in Muslim population. Hindustan Times, August 26, 2015. URL: http://www.hindustantimes.com/kolkata/political-war-in-bengal-as-data-reveal-rise-in-muslim-population/story-qqEVZ0dBuwUVwEqPl0Xs0N.html (дата обращения: 18.09.2015).
10. Joshi A.P., Srinivas M.D., Bajaj J.K. Religious Demography of India. Chennai : Centre for Policy Studies, 2003. 380 p.

Статья представлена научной редакцией «История» 29 февраля 2016 г.

DEMOGRAPHIC FEATURES OF INDIAN RELIGIOUS COMMUNITIES AT THE BEGINNING OF THE 21ST CENTURY

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 406, 56–63.
DOI: 10.17223/15617793/406/9

Gorokhov Stanislav A. Institute of Geography, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: stgorohov@yandex.ru

Dmitriev Ruslan V. Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation); Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: dmitrievrv@yandex.ru

Keywords: India; religious structure of population; fertility; regional differences; 2011 population census; 2005–2006 demographic and health survey.

The article contains a brief overview of the religious composition of Indian population within the first decade of the twenty-first century. We experienced a known difficulty when obtaining statistics on the religious composition of the Indian public due to its irregular promulgation. Changing disparities in the proportion of the states and union territories' major religions on the basis of 2001 and 2011 National Censuses and 2005–2006 Demographic and Health Survey data are analyzed in detail. At present Hindus constitute the vast majority of the 21 states and 6 union territories' population. The Muslims are in majority in the state of Jammu and Kashmir and in the union territory of Lakshadweep. Traditionally, North-Eastern India has the highest proportion of Christians: they absolutely prevail in the states of Nagaland, Mizoram and Meghalaya and form a relative majority in the states of Arunachal Pradesh and Manipur. It is revealed that increase in absolute numbers of Hinduism (an increase of 138.7 million people from 2001 until 2011), Islam (34.1 million), Christianity (3.7 million), Sikhism (1.6 million), Buddhism (0.5 million) and Jainism (0.2 million) adherents was accompanied by an increase in the only Muslim share in total population. Currently in India a natural increase – difference between the numbers of births and deaths – makes the largest contribution to the growth of number of the major religions adherents (except perhaps Christianity). It is established that indicators of Muslim, Hindu, Christian and Buddhist fertility are sufficient to save the level of their basic reproduction. It is shown that, at the same time, the growth rate of only Muslim population exceeds the national average level. It is stated that the fall in the proportion of Hindus below the psychologically important mark of 80 % may be an additional factor of destabilization of inter-religious relations in India. That was the reason why the 2011 census data on religious affiliation of India population were published (quite possibly intentionally) only four years after parliamentary elections had been held and the central government had been formed. It is significant that while the proportion of Hindu population to the total population in 2011 had declined, the pro-Hindu Bharatiya Janata Party (Indian People's Party) came to power in 2014 and the Indian National Congress, adhered to the secular political tradition, suffered one of the most crushing defeats in its history after it had been in power for ten years.

REFERENCES

1. Gorokhov, S.A. & Dmitriev, R.V. (2011) The population of India is growing at record rate. *Aziya i Afrika segodnya – Asia and Africa today*. 8. pp. 11–15. (In Russian).
2. WIN-Gallup International. (2012) *Global Index of Religiosity and Atheism-2012*. [Online]. Available from: http://www.wingia.com/web/files/news/14/file/14.pdf. (Accessed: 28th December 2015).
3. Johnson, T.M., Ross, K.R. & Lee, S.S.K. (eds) (2009) *Atlas of Global Christianity: 1910–2010*. Edinburgh: Edinburgh University Press.
4. Pew Research Center. (2015) *The Future of World Religions: Population Growth Projections, 2010–2050.* [Online]. Available from: http://www.pewforum.org/files/2015/03/PF_15.04.02_ProjectionsFullReport.pdf. (Accessed: 18th September 2015).
5. Pew Research Center. (2011) *Global Christianity: A Report on the Size and Distribution of the World's Christian Population*. [Online]. Available from: http://www.pewforum.org/files/2011/12/Christianity-fullreport-web.pdf. (Accessed: 20th September 2015).
6. Pew Research Center. (2013) *Christianity in its Global Context, 1970-2020: Society, Religion, and Mission*. [Online]. Available from: http://wwwgordonconwell.com/netcommunity/CSGCResources/ChristianityinitsGlobalContext.pdf. (Accessed: 22nd September 2015).
7. Lausanne Global Analysis. (2011) *Number of Christians in China and India*. [Online]. Available from: http://conversation.lausanne.org/en/resources/detail/11971#article_page_1. (Accessed: 10th September 2015).
8. Gorokhov, S.A. (2011) India. Religion, demography and the policy. *Aziya i Afrika segodnya – Asia and Africa today*. 7. pp. 24–32. (In Russian).
9. Bhattacharya, R. (2015) Political war in Bengal as data reveal rise in Muslim population. *Hindustan Times.* August 26. [Online]. Available from: http://www.hindustantimes.com/kolkata/political-war-in-bengal-as-data-reveal-rise-in-muslim-population/story-qqEVZ0dBuwUVwEqPl0Xs0N.html. (Accessed: 18th September 2015).
10. Joshi, A.P., Srinivas, M.D. & Bajaj, J.K. (2003) *Religious Demography of India*. Chennai: Centre for Policy Studies.

Received: 29 February 2016

Вестник Томского государственного университета. 2016. № 406. С. 64–71. DOI: 10.17223/15617793/406/10

УДК 947.066(571)

А.В. Дмитриев

ОФИЦЕРЫ «СИБИРСКОГО ГАРНИЗОНА» В СЕРЕДИНЕ 1780-х гг.

Анализируется кадровый состав офицерских чинов гарнизонных батальонов Сибирского корпуса на протяжении 1780-х гг. На основе ранее не изученных архивных материалов восстановлены его показатели по основным параметрам: происхождению, материальному положению, карьерным особенностям, боевому опыту и дисциплинарным показателям. Сделаны выводы о преобладании среди сибирских офицеров выходцев из непривилегированных сословий, низком уровне их материального благосостояния, неблагополучном в целом положении на фоне других частей русской армии к концу правления Екатерины II.

Ключевые слова: Сибирский корпус; гарнизонные части; офицеры; русская армия.

История существования на территории Сибири подразделений русской регулярной армии на протяжении XVIII столетия в последнее время достаточно активно изучается исследователями. В ряде публикаций восстановлена фактическая картина тех организационно-структурных преобразований, которые производились в отношении воинских частей Сибирского корпуса во второй половине XVIII в., особенно в период царствования императрицы Екатерины II [1–3]. Однако персональный состав офицерского корпуса этих частей до сих пор почти не становился предметом специального анализа. Конечно, информация о лицах, носивших штаб- и обер-офицерские чины, содержится в работах, посвященных изучению отдельных сословных групп сибирского населения или аппарата местного управления в Сибири эпохи империи [4–8], но при этом носит, как правило, фрагментарный характер. Наиболее подробно эти аспекты исследуются С.В. Андрейчуком [9, 10], хотя и не на всем протяжении интересующего нас хронологического периода. Мы же считаем необходимым изучить и проанализировать именно персональный состав лиц, несших в Сибири воинскую службу в офицерских чинах к середине 1780-х гг., тем более что аналогичные данные по нескольким предшествующим десятилетиям уже введены нами в научный оборот [11].

Источниковой базой для решения поставленной задачи служат так называемые офицерские сказки, т.е. формулярные списки из фондов Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА. Ф. 490 – «Коллекция офицерских сказок»). В ходе работы нами были использованы данные за 1784 г., относящиеся к офицерскому корпусу девяти гарнизонных пехотных батальонов, дислоцированных в Западной Сибири. Изученные нами формулярные списки содержат сведения о сословном происхождении, этапах карьеры, боевом опыте и дисциплинарных показателях штаб- и обер-офицеров сибирских гарнизонных батальонов (об особенностях данного типа источников см.: [12]). Анализ этих сведений позволяет дать по указанным параметрам обобщающую картину того, что представлял собой офицерский корпус «Сибирского гарнизона» к середине 1780-х гг., какие люди несли службу на восточной окраине Российской империи и насколько велики были отличия кадрового состава сибирских батальонов в сравнении с другими частями русской армии.

На 1784 г. в Западной Сибири располагались девять из 12 гарнизонных батальонов Сибирского корпуса – еще три находились в Забайкалье. 1-, 2- и 3-й Тобольские, а также Томский батальоны были сосредоточены в Тобольске и Томске соответственно, а 1-й и 2-й Омские, Бийский, Петропавловский и Семипалатинский расквартированы по крепостям Пресногорьковской, Иртышской и Колывано-Кузнецкой пограничных укрепленных линий. Первые четыре батальона были сформированы в 1764 г. при раскассировании гарнизонных пехотных полков, а пять линейных выделены в 1771 г. из состава драгунских полевых полков [2. С. 41; 3. С. 23; 13. С. 134, 136, 187–188, 190; 14. С. 33–34]. Всего по спискам в их составе насчитывалось 18 штаб-офицеров в рангах премьер- и секунд-майоров и 150 обер-офицеров, от капитанов до прапорщиков, всего 168 чел., комплектных и состоявших «сверх комплекта» (все данные приводятся нами по: [15. Л. 325–381; 16. Л. 786–850]. Состоящими «сверх комплекта» считались в русской армии XVIII в. те офицеры, которые при зачислении в состав того или иного полка / батальона не могли рассчитывать получить должность согласно своим чинам, поскольку все соответствующие вакансии были уже заняты и поэтому должны были дожидаться, пока для них освободятся места, занимая свободные вакансии в чинах ниже тех, которыми обладали сами). При этом сразу же бросается в глаза то обстоятельство, что картина сословного происхождения этих лиц разительно отличается от ситуации нескольких предшествующих десятилетий и выглядит весьма своеобразно.

Прежде всего, обращает на себя внимание заметное падение доли представителей российского дворянства среди обер-офицеров «Сибирского гарнизона» – на девять батальонов их насчитывалось всего 22 чел. (менее 15%). Еще трое показывали себя сибирскими дворянами и детьми боярскими, а 19 чел. числились сыновьями штаб- и обер-офицеров (здесь и далее подсчет наш. Обер-офицерскими детьми назывались сыновья гражданских чиновников недворянского происхождения, имевших чины «обер-офицерских» классов – от XIV до XI по Табели о рангах, дававшие не потомственное, а только личное дворянство, и сыновья офицеров недворянского происхождения, которые родились до получения их отцами первого офицерского чина, приносившего потомственное дворянство, см.: [17. С. 55]). Однако к дворянам, обладавшим земельными владениями и

крепостными крестьянами, всех их отнести было невозможно. Таким образом, из 44 чел., чьи отцы имели «природное» или выслуженное дворянское достоинство, настоящими представителями «благородного шляхетства», владельцами имений оказывалась ровно половина. Для сравнения: в 1772 г. доля «природных» дворян в гарнизонных батальонах Сибири составляла 23%, штаб- и обер-офицерских детей – 11% (аналогичная картина наблюдалась и в трех гарнизонных батальонах, дислоцированных в Забайкалье. По данным за 1786 г., из 36 обер-офицеров к «природным» дворянам относились лишь 5 чел., еще шестеро показывали себя штаб- и обер-офицерскими детьми, см.: [18. Л. 19–25, 230–251]). Налицо «размывание» дворянского контингента сибирских батальонов выходцами из семей, лишь недавно приобретших «благородный» статус, и сокращение в офицерской среде числа обладателей земель и крепостных душ.

Более того, даже материальное благосостояние этих последних также оставляло желать много лучшего. Если в предыдущие десятилетия мы можем обнаружить на службе в Сибири ряд лиц, относившихся к помещикам среднего достатка, владельцев сотни и более крепостных душ мужского пола (далее м.п.), то теперь единоличным обладателем более сотни душ м. п. оказался только один человек – состоявший на вакансии сержанта во 2-м Тобольском батальоне прапорщик В. Чуфаровский, владелец 120 душ в Воронежской губернии. Впрочем, он и попал сюда не по своей воле: согласно высочайшему указу его, бывшего капрала лейб-гвардии Преображенского полка, 12 лет назад отправили в Сибирь как замешанного в деле о заговоре в пользу возведения на престол великого князя Павла Петровича: «По некоторым важным делам лейб-гвардии Преображенскаго полку по лишении капральскаго чина был наказан розгами и послан в Сибирь, коего без особливаго указа ни в какия чины производить и из Сибири во всю жизнь внутрь России отлучать не велено» [16; Л. 829 об., 830] (об этом деле см.: [19. С. 330]).

Из всех же остальных мог не причислять себя фактически к неимущим дворянам, имея хотя бы более 20 душ м. п., только один человек – поручик Бийского батальона И. Щетнев, владелец 25 душ в Ярославской губернии [15. Л. 374 об., 375]. Прочие либо показывали за собой буквально несколько семейств крепостных, либо утверждали, что душевладельцами являются их отцы, матери или братья. Шестеро же и вовсе не располагали собственными крепостными. Подобная картина наглядно демонстрирует, как низко упал к последним десятилетиям XVIII в. престиж гарнизонной службы в стране в целом и за Уралом в частности. Если еще в середине столетия в сибирских гарнизонных частях еще можно было встретить представителей княжеских (!) фамилий, то к середине 1780-х гг. даже выходцы из росскийских дворянских семейств уже стали здесь редким явлением.

Равным образом служба в «Сибирском гарнизоне» перестала быть привлекательной и для иностранцев. За каких-нибудь 15–20 лет, прошедших с момента расформирования полков Сибирского корпуса и преобладания в его структуре отдельных батальонов, число европейцев и прибалтийских немцев («остзейцев») в гарнизонных частях резко уменьшилось. В изученных нами списках за 1784 г. таковых удалось обнаружить лишь 11 чел. Причем, как правило, оказывалось, что эти люди уже бесповоротно решили связать свою судьбу с Россией до конца жизни. Швед Г. Лилиенгрейн, капитан Петропавловского батальона, «принял веру греческаго исповедания и состоит вечно в российском подданстве»; поляк И. Пршемисский из Семипалатинского батальона заявлял, что «по отставке в свое отечество отъехать не желает, а состоит вечно в российском подданстве» [15. Л. 333 об., 334, 336 об., 337]. Его сослуживец И. Вейкман, австриец, родившийся в г. Гданьске (Данциге), поступил вольноопределяющимся на службу в русской армии и также «по отставке в отечество ехать не желает, а обязался быть в вечном российском подданстве». Только прапорщик Бийского батальона К. Блюм, уроженец Ганновера, оговорил, что «в российскую службу вступил времянно, покамест желание ево будет, а по отставке в свое отечество отъехать желает» [15. Л. 356 об., 357, 362 об., 363]. Отметим, что в списках фигурируют также один из представителей известной впоследствии фамилии военачальников – 25-летний эстляндец Петр Буксгевден, прапорщик Томского батальона, и разжалованный из секунд-майоров в прапорщики Ерофей де Гаррига, сын полковника Ф. де Гарриги, принадлежавший к известному в Сибири клану испанских дворян, каталонских выходцев [15. Л. 369 об., 370; 16. Л. 797 об., 798].

Подавляющее же большинство среди офицеров составляли выходцы из семей рядовых военнослужащих, солдат и драгун. Между прочим, этот факт доказывает, что даже к концу XVIII столетия русская армия сохраняла свое значение как один из каналов вертикальной социальной мобильности: по прошествии более полувека со времен петровских реформ все еще сохранялась возможность выслужить причисление к дворянству по Табели о рангах. В этом смысле, хотя время правления Екатерины II справедливо именуют «дворянским веком», но на офицерском корпусе армии, особенно гарнизонных частей, это обстоятельство не слишком сказывалось. При этом некоторым из этих людей удавалось достигнуть даже высших обер-офицерских званий в сравнительно короткие сроки. Так, Я. Микишенков достиг капитанского чина во 2-м Омском батальоне, когда ему исполнилось только 35 лет, в 1780 г. прапорщик Петропавловского батальона М. Шухов был произведен в первый обер-офицерский чин в 1779 г., будучи в возрасте 31 года [15. Л. 338 об., 339, 360 об., 361]. Впрочем, возраст большинства лиц в чинах прапорщиков и поручиков на момент составления списков колебался в пределах от 40 до 50 лет, поэтому рассчитывать на успешное продолжение карьеры в течение долгого времени им вряд ли приходилось. Указанные случаи выглядели все же скорее исключением, нежели правилом. Лишь в 3-м Тобольском батальоне мы находим еще двоих человек, дослужившихся до прапорщиков перед тем, как им исполни-

лось 30 лет, – Я. Мокринского (сын капрала) и Г. Вавилова (солдатский сын из Тобольска) [16. Л. 835 об., 836].

Наряду со сравнительно молодыми офицерами в составе сибирских батальонов можно было встретить и сверхзаслуженных ветеранов, начинавших карьеру еще в 1730-х гг., помнивших времена императрицы Анны Иоанновны (1730–1740) и фельдмаршала Б.-Х. Миниха. Капитан 1-го Тобольского батальона Д. Недозрелов служил с 1729 г., в 1784 г. ему стукнуло уже 74 года! Подпоручик на вакансии прапорщика в Томском батальоне И. Даев нес службу с 1733 г., ему исполнилось к этому моменту 76 лет. Прапорщику того же батальона А. Вялову, сыну сибирского казака из г. Нарыма, исполнился 71 год, в своем нынешнем чине он состоял уже более 20 лет [16. Л. 789 об. – 791, 807 об. – 809]. Заметим, что таких людей можно было встретить лишь в батальонах, дислоцированных во внутренних городах Сибири. Из состава офицеров – выходцев из непривилегированных сословий, несших службу на пограничных линиях, самыми пожилыми были трое человек в возрасте 57 лет: поручик Бийского батальона Г. Бруцын (из крестьян при демидовских заводах), прапорщик того же батальона С. Глазков и поручик 1-го Омского батальона С. Черноусов (оба – солдатские дети) [15. Л. 350 об., 351, 375 об., 376, 377 об., 378]. Впрочем, это вполне объяснимо, ведь служба на пограничных линиях и в крепостях вряд ли была по силам людям, уже перешагнувшим 60-летний рубеж.

Несколько иначе выглядела картина сословного происхождения штаб-офицеров рассматриваемых 9 батальонов. Из 18 чел. пятеро принадлежали к российскому дворянству, еще один происходил из сибирских дворян, а еще трое относились к штаб- и обер-офицерским детям. Правда, должности батальонных командиров занимали всего трое: секунд-майор И. Зеленой (из дворян Псковской губернии) во 2-м Омском, премьер-майор С. Красноперов в 1-м Омском и секунд-майор Н. Поляков в Семипалатинском (оба из обер-офицерских детей). Остальные шестеро числились «сверх комплекта». Упомянутый майор Зеленой даже указывал за собой «по последней ревизии написанных по городу Омску в подушной оклад мужеска полу 21 душу», а секунд-майор на капитанской вакансии при 3-м Тобольском батальоне А. Матигоров (сибирский дворянин) имел за собой «крестьян 24 души Ялуторовского дистрикта в деревне Коптелях» [15. Л. 328 об., 329; 16. Л. 849 об., 850]. И.В. Зеленой впоследствии был комендантом г. Тары и все еще проживал там в 1806 г., когда его посетил, возвращаясь из своей поездки в Сибирь, известный мемуарист Ф. Вигель, так его охарактеризовавший: «О самой России, где он никогда не бывал, говорил он почти как о чужом государстве; признавался, однако же, что перед смертью хотелось бы ему хотя раз взглянуть на *Питенбурх*» [20. С. 393]. Отметим также, что среди них был и обладатель княжеского титула – «сверх комплекта» секунд-майор Бийского батальона Н. Дивеев. Двое «остзейских» дворян, уроженцев Лифляндии – командир того же батальона секунд-майор И. Клеитин и состоявший на капитанской вакансии в Петропавловском батальоне секунд-майор М. Фишер – завершали список представителей привилегированных сословий [15. Л. 326 об., 327, 343 об., 344].

Двое батальонных командиров были выходцами из семей церковнослужителей. Секунд-майору А. Соколову (Петропавловский батальон) уже исполнилось 70 лет, однако он все еще продолжал свою службу; секунд-майор Ф. Серебряков (1-й Тобольский батальон) был на шесть лет моложе [15. Л. 327 об., 328; 16. Л. 806 об., 807]. 2-м Тобольским батальоном командовал секунд-майор Д. Пушкарев, сын унтер-офицера, командирами 3-го Тобольского и Томского батальонов состояли секунд-майоры И. Журавлев и Ф. Лебедев соответственно, оба из солдатских детей [16. Л. 786 об., 787, 822 об., 823, 847 об., 848]. Все это также были люди весьма преклонного возраста, для которых их нынешние должности являлись пределом карьерных достижений. Словом, хотя и в гарнизонной службе к этому времени еще можно было рассчитывать достигнуть штаб-офицерских чинов и дворянского достоинства, однако пользовались этой возможностью не многие.

При этом заметим, что весьма значительная доля офицеров обладали вполне реальным боевым опытом, участвовали в ряде походов и военных кампаний. Из 168 чел. таковых насчитывалось по спискам 79, т.е. более 45%. Для гарнизонных батальонов Сибирского корпуса, расквартированного вдали от европейского и турецкого театров боевых действий, где и велась большая часть войн XVIII столетия, такая цифра выглядит очень весомой. Впрочем, эта цифра может быть объяснена двумя факторами. Во-первых, именно в правление Екатерины II получила широкое распространение практика перевода на гарнизонную службу в Сибири офицеров из полевых армейских частей, ранее принимавших участие в войнах, которые вела страна на западном и южном направлениях [21. С. 106, 107]; во-вторых, десятилетием ранее, в 1774 г., ряд подразделений из состава Сибирского корпуса были брошены на борьбу с отрядами Е. Пугачева, пытавшимися проникнуть за Урал [22]. Так, у 36 чел. в их формулярах отмечено: «В походах был в Таболской и Оренбургской губерниях во время внутренняго замешательства». Кроме того, 16 чел. участвовали в Семилетней войне (1756–1762), 12 – в Русско-турецкой войне 1768–1774 гг., еще пятеро – в боевых действиях против Барской конфедерации на территории Речи Посполитой в конце 1760-х гг., шестеро – в Русско-шведской войне 1741–1743 гг. Наконец, семеро были задействованы в мелких стычках и боевых столкновениях уже на территории Сибири или на пограничных линиях с кочевыми противниками.

Понятно, что ценность боевого опыта, приобретенного на поле боя против регулярной армии, неорганизованных пугачевских отрядов или кочевников, различалась. Тем не менее в целом ряде случаев офицеры действовали отважно, получали ранения или увечья. Так, прапорщик Петропавловского батальона В. Вяткин в 1774 г. «был возмутителями захвачен и представлен к самому злодею (Пугачеву. – *А.Д.*), от

коего и велено было умертвить его, однако при разбитии под Троицкою крепостью тово злодея со всею толпою господином генерал-поручиком и ковалером Деколонгом от тово освобожден был» [15. Л. 353 об., 354]. Поручик 3-го Тобольского батальона И. Соколов также сражался с пугачевцами: «Будучи в Уковской слободе, в сражении теми злодеями ранен левой ноги в икру копьем, и голова саблею разрублена, где и захвачен в полон, отколь отвезен ими в Челябинскую крепость, где и был в полону недель шесть… взят вооруженною рукою ис полону полевых полков секунд-майором Гагриным» [16. Л. 832 об., 833]. Капитан Бийского батальона И. Бурцов в 1759 г. был в составе партии, направленной «для искоренения отложившихся от протекции и кроющихся в горах зенгорских калмык (джунгар. – *А.Д.*), и во время сражения ранен стрелою в правую ногу» [15. Л. 356 об., 357]. Прапорщик Томского батальона А. Вялов участвовал в отражении казахов от Омской крепости, был ранен стрелой в левую ногу, также служил в составе Анадырской партии, ведшей боевые действия на крайнем северо-востоке Сибири, «где претерпевал голод и несносную стужу» [16. Л. 789 об., 790].

Секунд-майор Ф. Лебедев, командир Томского батальона, за годы службы побывал сразу в нескольких крупных военных конфликтах. Пройдя всю Семилетнюю войну, он участвовал в сражениях при Гросс-Егерсдорфе в 1757 г. и под Цорндорфом в 1758 г., где был ранен в левый висок и захвачен в плен пруссаками. После освобождения путем размена он находился при осаде Кольберга вплоть до падения крепости в конце 1761 г. Затем он действовал на территории Речи Посполитой против повстанцев Барской конфедерации в 1768–1769 гг. Оттуда в 1770 г. в составе резервного корпуса генерал-поручика фон Штофельна Лебедев совершил поход в Молдавию и Валахию, находясь в 1-м гренадерском полку, участвовал в сражениях под Бухарестом и Джурджу против турок («при взятье двух неприятельских ретраншементов (внутренняя оборонительная постройка в виде ограды или вала со рвом, расположенная позади главной позиции. – *А.Д.*) и занятии оарпоста находился в самых действиях»); затем служил на Кавказе и в Крыму, а после аннексии Крыма Российской империей в 1783 г. был переведен из полевых частей на службу в «Сибирский гарнизон» [16. Л. 786 об., 787].

Не менее насыщенной оказалась карьера состоявшего на капитанской вакансии в 1-м Тобольском батальоне секунд-майора Г. Медведкова, пусть и не бывавшего за пределами Сибири: «С начала определения ево в службу находился на пограничных Колыванской и Кузнецкой линиях, и будучи драгуном, во многократных партиях и разъездах за поиском неприятельских воровских людей бывал и сверх того там же на линиях обращался при секретных и несекретных письменных делах, и по секретной экспедицыи с начала принятия в 756 в российское подданство зенгорских калмык, которых по выходе в переписи чрез ево руки было более 4 тысеч человек, даже до отправления их на Волгу, и потом на Кузнецкой линии в крепости Бийской при секретной следственной камисии, да и в протчих разных многотрудных должностях… и атестаты имеет за подписанием бывших в то время на линиях брегадных командиров и протчих штаб- и обер-офицеров» [16. Л. 807 об., 808]. Заметим, что бывали также случаи возвращения на службу в Сибири лиц, ранее покидавших восточную часть империи: так, поручик Иркутского батальона В. Ульянов еще в 1769 г. в составе Селенгинского пехотного полка проделал со своим полком марш-бросок от китайской границы до Крыма, в 1770 г. совершил поход на полуостров, а после завершения Русско-турецкой войны в 1774 г. снова очутился за Уралом, действовал против пугачевских отрядов, впоследствии же вернулся в Забайкалье [18. Л. 22 об., 23]. Словом, боевой опыт, полученный в предшествующие периоды сибирскими офицерами, оказывался достаточно разнообразным и практически значимым.

Вместе с тем необходимо отметить, что с точки зрения дисциплинарных показателей офицерский корпус сибирских батальонов выглядел не слишком благополучно: в разное время побывали под следствием или военным судом, совершали те или иные нарушения дисциплины и воинского порядка 69 чел. (41%), в том числе и четверо штаб-офицеров. Разительный контраст с периодом середины XVIII столетия, когда доля офицеров гарнизонных частей, обвиняемых в каких-либо проступках, не превышала 10% [23]! Даже десятилетием ранее, в 1772 г., этот показатель был меньше, составляя 32,5%. При этом наиболее распространенными случаями оказывались разного рода махинации с деньгами или имуществом, а также всевозможные экзотические поступки, «непорядки, шумства и продерзости», совершенные «в пьяном образе». В случае буквального применения к нарушителям соответствующих норм устава многим грозило бы вечное разжалование, а то и еще более печальная участь. Однако сибирский губернатор Д. И. Чичерин (1763–1781), как правило, ограничивался довольно нестрогими мерами, почти не прибегая к тяжелым наказаниям.

Обратим внимание на некоторые примеры подобного рода. Так, капитаны 2-го Омского батальона П. Иванов и П. Каргаполов поплатились за махинации с запасами хлеба в казенных магазинах Коряковского форпоста. В их следственном деле фигурировали фальшивые рапорты о приеме несуществующего провианта, продаже казенного хлеба, утайке вырученных за него денег и т.д. За это оба были приговорены в декабре 1779 г. к разжалованию и службе в рядовых до тех пор, пока не возместят казне понесенный убыток, поставив от себя недоданные запасы провианта: ржаной муки, круп, ячменя и овса. Однако уже в 1783 г. Иванов и Каргаполов получили обратно свои капитанские звания [15. Л. 339 об. – 341]. Поручик 2-го Тобольского батальона П. Заев, в бытность казначеем при провиантской комиссии в Тобольске, присвоил более 250 руб., полученных в качестве пошлин от купца Назимцова, заключившего с казной контракт на постройку дощаников к перевозке провианта и заготовку для них пеньковых снастей. В результате по

суду было принято решение о взимании с него искомой суммы, «коя за неимением у порутчика Заева собственнаго имения и взыскиваетца вычетом из жалованья» [16. Л. 824 об. – 826]. Капитан Бийского батальона А. Димов в 1782 г. был уличен в целом ряде эпизодов получения взяток от солдат и казаков. Приговор военного суда гласил: «Арестован был неделю и содержан на хлебе и воде с вычетом за месец на гошпиталь жалованья с тем, чтоб ево никуда х командованию не определять, а быть со употреблением должной службы при штабе, взятые ж им с казаков взятки все взысканы, и кому что следовало во удовольствие отданы» [15. Л. 334 об., 335]. Однако это не помешало признать его в 1784 г. достойным к повышению в чине.

Весьма разнообразными оказывались проступки, совершенные офицерами «в пьянстве» или даже попросту в силу скверного и несдержанного характера. Капитан Петропавловского батальона Н. Маврин неоднократно оскорблял своих сослуживцев и избивал подчиненных: в 1768 г. он ругал «поносительными словами» капитана Потресова и называл разбойником капитана Евдокимова; в 1773 г. избил сержанта Чернорядского, будучи «в подгулке» и именуя того «киренским богом», после чего получил последнее предупреждение: «Естли он впредь состояние свое не поправит, то особливой команды не давать, а находитца всегда у командира старше ево, и хотя в малом чем окажется, то предан будет воинскому суду». А в 1779 г., расследуя в Пресногорьковской комендантской канцелярии утрату книг с записями о делах, Маврин истязал «безвинно и бесчеловечно» канонира Зайцева, за что сам «на неделю был арестован, и содержался в гобвахте (на гауптвахте. – *А.Д.*) на хлебе и воде, и взыскано в штраф на гошпиталь за месец» [Там же. Л. 331 об., 332]. Капитан Бийского батальона И. Бурцов еще десятилетием ранее, в 1774 г., оказался под следствием «за неумеренное в ночное время в пьяном образе сечение плетьми женки Катерины Нестеровой, отчево оная вскоре умре». За это непредумышленное убийство он был разжалован в прапорщики, в 1784 г. продолжая службу в этом чине. Более того, комендант Бийской крепости полковник Т. фон дер Рооп (фон Дероп) и командующий Сибирским корпусом генерал-поручик Н. Огарев сочли его достойным к повышению в звании [Там же. Л. 356 об., 357]!

Поручик 2-го Омского батальона П. Томилов много лет вел разгульный образ жизни, неоднократно учинял дебоши. В 1777 г. «за пьянство и необычную на верховой лошади по улицам езду, крик и протчие чести афицерской неприличные поступки» он был посажен под караул, а уже через пару месяцев «за битие бесчеловечно ходящаго от полиции дозором з десятниками казака Кислова по аресте содержался на конюшне». В сентябре 1779 г. Томилов, находясь в Омске, «будучи в пребезмерном пьянстве, за стреляние из ружья в казенной правиантской магазеин, а потом в ночное время в казенной же покой, где квартировал баталионной командир пример-маиор Красноперов, арестован был на две недели и содержан в гобвахте на хлебе и воде». В 1782 г. он бил окна в батальонной канцелярии, ругал сослуживцев-офицеров и их жен «всякими непристойными скверными словами»; наконец, в 1783 г., находясь на Иртышской линии в Подстепном станце, «во оном чинил безмерное пьянство и шумство, в котором и брал башкирских лошадей для привозу из фарпоста Коряковскаго вина, и сам в пьяном же образе на оных ездил, а за недачу ему лошадей тех башкирцов штрафовал тростьми из своих рук и плетью неоднократно». Омский комендант полковник Я. Ханин вынужден был признать, что «от нево к поправлению состояния своего не предвидитца, и всегда находитца в пребезмерном пьянстве, в котором и делает не по чести своей большие озорничества, за которые ево беспорядочные и худые качества» невозможно считать Томилова достойным к повышению в чине [15. Л. 373 об., 374].

Встречались подобные типы и в гарнизонных батальонах Тобольска и Томска. Прапорщик Томского батальона Ф. Остафьев, сын атамана сибирских казаков, неоднократно появлялся на службе, в том числе для несения караула при городском тюремном остроге, в пьяном виде. Не помогали исправить его поведение ни крепкие выговоры, ни содержание на гауптвахте на хлебе и воде. В 1781 г. он явился на квартиру к батальонному командиру «весьма в подгулке, не имев никакого дела и обмарав все ноги в грязи, чем обеспокоил тово баталионнаго командира… на отданной же приказ для некотораго дела чрез правящаго адъютанскую должность и других троекратную повестку к баталионному командиру не пришел и учинил ослушание, а назавтра… пришол и извинился, што был с похмелья, и с тово ево немало ломало, и не мог тово дни идти» [16. Л. 791 об. – 793].

Прапорщик «сверх комплекта» Томского батальона И. Панов отличался неумеренной склонностью к азартным играм, в 1775 г. затеяв в кордергардии тюремного острога игру в карты с прапорщиком Ерохиным, он проиграл весь бывший на нем мундир и шинель, так что ночью прибежал к дому воеводы в одной рубашке и ломился к нему в двери. Несколько раз он избивал своих подчиненных, несших караул вместе с ним, за что в 1781 г. «судим был воинским судом и приговорен был за многия непорятки к смертной казни, точию по конфермации командующаго генералитета от оной избавлен с тем, чтоб он под лишением чина афицерскаго» воздерживался от дальнейших проступков. Это не помогло: уже в 1783 г. Панову предъявили из Томской комендантской канцелярии длинный список обвинений, включавший «изодрание секретнаго приказа… самоволной выезд из города в татарские юрты бес повеления командирскаго и розглашение во оных татарам, якобы он послан от нижняго земскаго суда для выбору в князцы другова, чрез что учинил между таким азиатским народом роздор и возмущение и присудственное место оболгал… приход в коммисию и к баталионному командиру в пьяном образе… уход в ночное время с салдатом Нехорошевым в питейныя домы и пьянство… ограбление у крестьянина Аргунова денег и в получении из оных себе части» [Там же. Л. 793 об. – 796]. За все эти прегрешения он в 1784 г. находился «под арестом и скованной в железах».

Понятно, что столь экзотические примеры многочисленных преступлений, совершенных одними и теми же людьми, встречались нечасто. Однако сам факт того, что более 40% офицеров из состава гарнизонных батальонов Сибири побывали под судом, свидетельствует о весьма неблагополучной ситуации с точки зрения военной дисциплины и соблюдения действующего законодательства. Складывается устойчивое впечатление, что к 80-м гг. XVIII столетия служба в частях «Сибирского гарнизона» превратилась в тяжелую повинность, не сулящую никаких выгод или престижа, так что угодившие сюда люди предпочитали топить свои горести в вине или бросать вызов заведенному порядку разнообразными выпадами и проступками. Эта картина выглядит тем более удивительной, что ряд исследователей оценивают внутренний микроклимат и взаимоотношения между военнослужащими в армии екатерининской эпохи как довольно благоприятные [24. С. 132, 167–168, 173; 25. С. 64, 70–71, 84–85]. Однако и из этого правила, как видим, бывали существенные исключения.

Таким образом, ближе к концу XVIII в. личный состав офицерского корпуса гарнизонных батальонов Сибирского корпуса по ряду параметров заметно отличался от других армейских подразделений данного периода. Значительное преобладание, особенно среди обер-офицеров, выходцев из непривилегированных сословий, низкий уровень материального благосостояния даже представителей дворянства, медленное повышение в чинах – все эти факторы, видимо, делали сибирскую гарнизонную службу малопривлекательной. Правда, немалая доля лиц, обладавших реальным боевым опытом, показывает, что верховная власть не собиралась отступать от взятого уже ранее курса на комплектование гарнизонных частей Сибири офицерами, ранее служившими в полевых войсках, да и участие в подавлении пугачевского восстания не могло пройти даром. Однако удручающе высокие показатели дисциплинарных правонарушений и преступлений свидетельствуют о том, что как при исполнении служебных обязанностей, так и в повседневном быту положение офицеров сибирских батальонов оказывалось в этот период неблагополучным.

Подобная картина позволяет лучше понять, почему через 12 лет преемник Екатерины Павел I сразу после своего вступления на трон занялся наведением порядка в армии и «закручиванием гаек». Необходимость контроля за финансовой и хозяйственной деятельностью офицеров, равно как и удержания их от жестокого обращения с подчиненными и гражданским населением, если судить по изученным нами материалам, не требовала доказательств. Вместе с тем, на наш взгляд, данный сюжет показывает актуальность и ценность разработки проблемы того, какое место занимали и какую роль играли военнослужащие в жизни Российской империи XVIII столетия, уже не на абстрактно-обобщающем, а на конкретно-историческом уровне. Без привлечения содержащихся в источниках сведений о лицах, состоявших на военной службе, характере и деталях последней решение этой проблемы представляется нам практически невозможным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Быконя Г.Ф. Казачество и другое служебное население Восточной Сибири в XVIII – начале XIX века (демографо-сословный аспект). Красноярск : Изд-во Краснояр. гос. пед. ун-та, 2007. 414 с.
2. Андрейчук С.В. Становление Сибирского корпуса : структура, численный состав и принципы дислокации (1745–1771 гг.) // Военно-исторический журнал. 2011. № 3. С. 38–42.
3. Зуев А.С., Дмитриев А.В. Армейские регулярные части в Сибири в XVIII – начале XIX в. : численность, состав, дислокация // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. 2012. Т. 11, вып. 1 : История. С. 17–29.
4. Быконя Г.Ф. Русское неподатное население Восточной Сибири в XVIII – начале XIX в. Формирование военно-бюрократического дворянства. Красноярск : Изд-во Краснояр. гос. ун-та, 1985. 299 с.
5. Исупов С.Ю. Бийск: острог, крепость, город. Бийск : Бийск. гос. пед. ин-т, 1999. 343 с.
6. Акишин М.О. Российский абсолютизм и управление Сибири XVIII в. : организация и состав государственного аппарата. Москва ; Новосибирск : Древлехранилище, 2003. 408 с.
7. Ананьев Д.А. Воеводское управление Сибири в XVIII в. Новосибирск : ИД Сова, 2005. 264 с.
8. Зуев А.С. Присоединение Чукотки к России (вторая половина XVII – XVIII век). Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2009. 444 с.
9. Андрейчук С.В. Сибирский корпус в системе военной безопасности на юге Западной Сибири (1745–1808 гг.) : автореф. дис. … канд. ист. наук. Барнаул, 2010. 24 с.
10. Андрейчук С.В. Источники комплектования и личный состав регулярных полков Сибирского корпуса (вторая половина XVIII – начало XIX в.) // Актуальные проблемы исторических исследований : взгляд молодых ученых : сб. материалов I Всерос. молодеж. науч. конф. Новосибирск, 2011. С. 60–66.
11. Дмитриев А.В. Гарнизонные части русской армии на территории Сибири в 1740-е гг. // Единорогъ : Материалы по военной истории Восточной Европы эпохи Средних веков и раннего Нового времени / гл. ред. А.В. Малов. М., 2011. Вып. 2. С. 132–146.
12. Татарников К.В. Предисловие // Послужные и смотровые списки русской армии 1730–1796 гг. в собрании РГВИА. Межфондовый указатель / сост., вступ. ст., оформл. К.В. Татарникова. М., 2013. Т. 1. С. 3–42.
13. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. СПб. : Тип. II Отд. собств. е. и. в. канцелярии, 1830. Т. 43, ч. 1: Книга штатов. 864 с.
14. Висковатов А.В. Историческое описание одежды и вооружения российских войск. СПб. : Тип. В.С. Балашева, 1899. Ч. 4. 228 с.
15. Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 490. Оп. 5. Д. 494.
16. РГВИА. Ф. 490. Оп. 5. Д. 508.
17. Волков С.В. Русский офицерский корпус. М. : Воениздат, 1993. 368 с.
18. РГВИА. Ф. 490. Оп. 5. Д. 510.
19. Мыльников А.С. Петр III : Повествование в документах и версиях. М. : Молодая гвардия, 2002. 512 с.
20. Вигель Ф.Ф. Записки. М. : Захаров, 2003. Кн. 1. 608 с.
21. Дмитриев А.В. Боевой опыт офицеров гарнизонных батальонов Сибири в начале 1770-х гг. : опыт анализа данных послужных списков // Актуальные проблемы исторических исследований : взгляд молодых ученых : сб. материалов III Всерос. молодеж. науч. конф. (Новосибирск, 21–24 августа 2013 г.). Новосибирск, 2013. С. 100–107.

22. Андрейчук С.В. Особенности укомплектования и снабжения Сибирского корпуса в начале 1770-х гг. : опыт и проблемы // Вестник алтайской науки. 2009. № 3 (6). С. 121–129.
23. Дмитриев А.В. Уровень дисциплины и нарушения закона в русской армии середины XVIII в. : (социально-политическая адаптация военнослужащих в условиях Сибири) // Исторические исследования в Сибири : проблемы и перспективы : сб. материалов IV регион. молодежн. науч. конф. (Новосибирск, 22–24 августа 2010 г.). Новосибирск, 2010. С. 54–62.
24. Леонов О.Г., Ульянов И.Э. Русская пехота, 1698–1801 : Боевая летопись, организация, обмундирование, вооружение, снаряжение. М. : АСТ, 1995. 296 с.
25. Волкова И.В. Русская армия в русской истории. М. : Яуза ; Эксмо, 2005. 640 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 10 февраля 2016 г.

“SIBERIAN GARRISON” OFFICERS IN THE MIDDLE OF THE 1780S

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 406, 64–71.
DOI: 10.17223/15617793/406/10
Dmitriev Andrey V. Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: khaldeus@academ.org
Keywords: Siberian corps; garrison units; officers; Russian army.

The article is devoted to studying the officer corps’ personnel of the Siberian garrison units in the 1780s, which has not been an object for special analysis till nowadays. The author used the so-called “officers’ tales”, records of services from the Russian State Military History Archive funds to achieve his goal. The study is based on the data for year 1784, including the officers’ corps of nine garrison infantry battalions stationed in Western Siberia. These records of services contain information about the social origin, career stages, battle experience and disciplinary indexes of Siberian garrison battalions’ officers. The analysis of this information allowed making some general conclusions on what kind of people had been conducting military service in the eastern regions of the Russian Empire, and what differences could be found in comparison of Siberian battalions with any other units of the Russian Army. After working with archive materials the author came to a conclusion that the officers’ corps of Siberian garrison battalions were clearly different from other army units by the end of the 18th century in the parameters mentioned above. People from non-privileged social groups significantly prevailed among the officers, the material welfare level was quite low even for the nobles, promotion was really slow – all these causes made military service in Siberia unattractive. On the other hand, there was a considerable number of people with battle experience, which proves that the supreme power continued its previous policy of recruiting officers from field units to the Siberian garrison battalions. Some of them took part in the suppression of Pugachev’s rebellion in the past. But painfully high indexes of crimes and violation of laws give evidence that the state of affairs for Siberian battalions’ officers, both in their duty status and in daily routine, turned out to be unfortunate. The need for supervising the officers’ financial and economic activities, as well as holding them back from hard treatment to their subordinates and civilian population, is shown quite clearly from the sources, which the author has been studying. This topic also proves that now it is time to research specifically the place and role of military servicemen in the life of the 18th-century Russian Empire. It is quite obvious that in order to carry out such work particular sources must be used where information about individuals engaged in military service can be found.

REFERENCES

1. Bykonya, G.F. (2007) *Kazachestvo i drugoe sluzhebnoe naselenie Vostochnoy Sibiri v XVIII – nachale XIX veka (demografo-soslovnyy aspekt)* [Cossacks and other official population of Eastern Siberia in the 18th – early 19th centuries (demography-estates aspect)]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Pedagogical University.
2. Andreychuk, S.V. (2011) Stanovlenie Sibirskogo korpusa: struktura, chislennyy sostav i printsipy dislokatsii (1745–1771 gg.) [Formation of the Siberian corps: structure, staffing and deployment principles (1745–1771)]. *Voenno-istoricheskiy zhurnal.* 3. pp. 38–42.
3. Zuev, A.S. & Dmitriev, A.V. (2012) Armeyskie regulyarnye chasti v Sibiri v XVIII – nachale XIX v.: chislennost’, sostav, dislokatsiya [Army regular units in Siberia in the 18th – early 19th centuries: Size, composition, deployment]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya, filologiya – Vestnik Novosibirsk State University. Series: History and Philology*. 11:1. pp. 17–29.
4. Bykonya, G.F. (1985) *Russkoe nepodatnoe naselenie Vostochnoy Sibiri v XVIII – nachale XIX v. Formirovanie voenno-byurokraticheskogo dvoryanstva* [Russian exempt population of Eastern Siberia of the 18th – early 19th centuries. Formation of military-bureaucratic nobility]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State University.
5. Isupov, S.Yu. (1999) *Biysk: ostrog, krepost’, gorod* [Biysk: fort, fortress city]. Biysk: Biysk State Pedagogical Institute.
6. Akishin, M.O. (2003) *Rossiyskiy absolyutizm i upravlenie Sibiri XVIII v.: organizatsiya i sostav gosudarstvennogo apparata* [Russian absolutism and administration of Siberia in the 18th century: Organization and structure of the state apparatus]. Moscow; Novosibirsk: Drevlekhranilishche.
7. Anan’ev, D.A. (2005) *Voevodskoe upravlenie Sibiri v XVIII v.* [Provincial Office of Siberia in the 18th century]. Novosibirsk: ID Sova.
8. Zuev, A.S. (2009) Prisoedinenie Chukotki k Rossii (vtoraya polovina XVII – XVIII vek) [Annexation of Chukotka to Russia (second half of the 17th – 18th centuries)]. Novosibirsk: SB RAS.
9. Andreychuk, S.V. (2010) *Sibirskiy korpus v sisteme voennoy bezopasnosti na yuge Zapadnoy Sibiri (1745–1808 gg.)* [Siberian Corps in the military security in the south of Western Siberia (1745–1808)]. Abstract of History Cand. Diss. Barnaul.
10. Andreychuk, S.V. (2011) [Sources of acquisition and personnel of the regular regiments of the Siberian Corps (second half of the 18th – early 19th centuries)]. *Aktual’nye problemy istoricheskikh issledovaniy: vzglyad molodykh uchenykh* [Topical issues of historical research: a view of young scholars]. Proc. of the I All-Russian youth conference. Novosibirsk. pp. 60–66. (In Russian).
11. Dmitriev, A.V. (2011) Garnizonnye chasti russkoy armii na territorii Sibiri v 1740-e gg. [Garrison of the Russian army in Siberia in the 1740s]. In: Malov, A.V. (ed.) *Edinorog”: Materialy po voennoy istorii Vostochnoy Evropy epokhi Srednikh vekov i rannego Novogo vremeni* [Edinorog: Materials on the military history of Eastern Europe of the Middle Ages and early modern time]. Vol. 2. Moscow: Kvadriga.
12. Tatarnikov, K.V. (2013) Predislovie [Preface]. In: Tatarnikov, K.V. *Posluzhnye i smotrovye spiski russkoy armii 1730–1796 gg. v sobranii RGVIA. Mezhfondovyy ukazatel’* [Records and inspection lists of the Russian army for 1730–1796 in Russian State Military History Archive collection. Inter-fund Index]. Vol. 1. Moscow: Staraya Basmannaya.
13. Russian Empire. (1830) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie 1-e* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 1]. Vol. 43. Pt. 1. St. Petersburg: Tip. II Otd. sobstv. e. i. v. kantselyarii.
14. Viskovatov, A.V. (1899) *Istoricheskoe opisanie odezhdy i vooruzheniya rossiyskikh voysk* [The historical description of clothing and weapons of Russian troops]. Pt. 4. St. Petersburg: Tip. V.S. Balasheva.
15. Russian State Military History Archive (RGVIA). Fund 490. List 5. File 494. (In Russian).
16. Russian State Military History Archive (RGVIA). Fund 490. List 5. File 508. (In Russian).

17. Volkov, S.V. (1993) *Russkiy ofitserskiy korpus* [Russian officer corps]. Moscow: Voenizdat.
18. Russian State Military History Archive (RGVIA). Fund 490. List 5. File 510. (In Russian).
19. Myl'nikov, A.S. (2002) *Petr III: Povestvovanie v dokumentakh i versiyakh* [Peter III: Narration in documents and versions]. Moscow: Molodaya gvardiya.
20. Vigel', F.F. (2003) *Zapiski* [Notes]. Book 1. Moscow: Zakharov.
21. Dmitriev, A.V. (2013) [Combat experience of officers of garrison battalions of Siberia in the early 1770s: Track records data analysis experience]. *Aktual'nye problemy istoricheskikh issledovaniy: vzglyad molodykh uchenykh* [Topical issues of historical research: a view of young scholars]. Proc. of the I All-Russian youth conference. Novosibirsk. pp. 100–107. (In Russian).
22. Andreychuk, S.V. (2009) Osobennosti ukomplektovaniya i snabzheniya Sibirskogo korpusa v nachale 1770-kh gg.: opyt i problemy [Features of staffing and supplying of the Siberian Corps in the early 1770s: Experience and problems]. *Vestnik altayskoy nauki*. 3 (6). pp. 121–129.
23. Dmitriev, A.V. (2010) [The level of discipline and violation of the law in the Russian army in the middle of the 18th century (social and political adaptation of troops in Siberia)]. *Istoricheskie issledovaniya v Sibiri: problemy i perspektivy* [Historical studies in Siberia: problems and prospects]. Proc. of the IV regional youth conference. Novosibirsk. 22–24 August 2010. Novosibirsk. pp. 54–62. (In Russian).
24. Leonov, O.G. & Ul'yanov, I.E. (1995) *Russkaya pekhota, 1698–1801: Boevaya letopis', organizatsiya, obmundirovanie, vooruzhenie, snaryazhenie* [Russian infantry, 1698–1801: The combat record, organization, uniforms, weapons, equipment]. Moscow: AST.
25. Volkova, I.V. (2005) *Russkaya armiya v russkoy istorii* [Russian army in Russian history]. Moscow: Yauza; Eksmo.

Received: 10 February 2016

Вестник Томского государственного университета. 2016. № 406. С. 72–80. DOI: 10.17223/15617793/406/11

УДК 94(571.1):930

Н.М. Дмитриенко

ГРИГОРИЙ НИКОЛАЕВИЧ ПОТАНИН КАК ИСТОРИК СИБИРИ

В статье впервые в научной литературе рассматривается в комплексе вклад Г.Н. Потанина в изучение истории Сибири. Выявляются истоки его интереса к историческому прошлому, начиная с семейного воспитания и личного примера отца, включая школьное обучение и, в наибольшей степени, – влияние трудов выдающихся русских историков Н.М. Карамзина, Н.И. Костомарова, А.П. Щапова. Раскрывается оригинальная научная концепция истории Сибири, разработанная Г.Н. Потаниным, показаны основные направления и результаты ее реализации.

Ключевые слова: Г.Н. Потанин; история Сибири; археография; сибирский город; историография.

Г.Н. Потанин хорошо известен как выдающийся общественный деятель, как путешественник и исследователь Азии. В трудах В.А. Обручева, М.К. Азадовского, А.М. Сагалаева, М.В. Шиловского и других приведены обоснованно высокие оценки его исследований в области географии, этнографии, фольклористики [1–4]. Однако потанинский вклад в изучение исторического прошлого Сибири долгое время не замечался. Так, профессор Императорского Томского университета И.А. Малиновский, в числе первых обратившийся к вопросу об истории изучения Сибири, ни разу даже не назвал Г.Н. Потанина [5. С. 17–18]. Автор фундаментального исследования по историографии Сибири конца XIX – начала XX в. М.Б. Шейнфельд коротко упомянул археографические работы Потанина, его вклад в культурно-просве-тительную и научную деятельность, а затем сосредоточился исключительно на критике его публицистических статей, посвященных областничеству. Придерживаясь идеологизированного подхода к изучению истории, назвал Г.Н. Потанина «вдохновителем контрреволюции» [6. С. 221–253]. В отличие от своего красноярского коллеги кемеровский историк В.Г. Мирзоев справедливо говорил о повороте в изучении исторического прошлого Сибири в сторону массированного использования архивных документов, о роли Сибирского отдела Императорского Русского географического общества в деле собирания и изучения источников сибирской истории. И в ряду тех, кто собирал, публиковал и использовал в своих работах исторические источники, называл, наряду с Н.А. Костровым и П.М. Головачевым, также и Г.Н. Потанина [7. С. 252–260].

Внимательнее других рассматривала историческое творчество Г.Н. Потанина профессор ТГУ Г.И. Пелих. Она привлекла большое число его исследовательских и публицистических выступлений, проанализировала письма и воспоминания, отмечала ум и эрудицию, называла его одним из крупнейших буржуазных ученых [8. С. 129]. В монографии, подготовленной Г.И. Пелих в 1981 г. и увидевшей свет после ее смерти в 1999 г., она говорила о разработанной Г.Н. Потаниным концепции исторического развития Сибири. Верно указывая на немарксистский характер этой концепции, Г.И. Пелих сделала совершенно несправедливый, по нынешним представлениям, вывод: «Потанин не понял, что его концепция отражает давно пройденный этап развития общеевропейской общественной мысли» [9. С. 147].

В последние годы в литературе появились первые научные публикации о работах Г.Н. Потанина в области таких исторических дисциплин, как археография и музееведение [10–14]. Начатое требует продолжения. В данной статье предпринимается первая попытка выявить роль Г.Н. Потанина в формировании научных знаний об историческом прошлом Сибири. Документальную основу исследования составляют исторические и историографические источники, среди которых немаловажное значение принадлежит источникам личного происхождения.

По воспоминаниям Г.Н. Потанина можно проследить, как с раннего возраста в нем проявились способности замечать и сопоставлять подробности повседневной жизни и окружающей природной среды, умение увидеть за отдельным предметом или рассказом взрослых цельную картину. Природные задатки Григория Потанина получили серьезное подкрепление. И хотя в пятилетнем возрасте он потерял мать, а отец был занят на военной службе, маленький Гриша Потанин не испытывал одиночества, его окружали любовь и забота бабушки, других родных и близких. В семье он часто слышал о прошлом, а у деда, бывшего казачьего сотника, хранилось письмо казахского хана Аблая с приложенной к нему закопченой на огне печатью. Много десятилетий спустя Г.Н. Потанин вспоминал: «Мой детский ум был очень заинтригован этим отпечатком копоти. Я инстинктивно сознавал, что за этим отпечатком скрывается сложный мир, во всех подробностях непохожий на русский» [15. С. 23–24]. В Омском кадетском корпусе, в котором юный Потанин учился в продолжение 1846–1852 гг., он получил первые уроки русской истории и географии. В дортуарах размещалась галерея портретов героев Отечественной войны 1812 г. и другие картины, и Потанину особенно запомнилось изображение гибели Ермака в волнах Иртыша [Там же. С. 40]. В корпусной библиотеке он зачитывался записками мореплавателей Ж. Дюмон-Дюрвиля и В.Б. Броневского, читал «Вестник Русского географического общества», а позже брал его в свои служебные поездки по Семиречью. В Омском кадетском корпусе Григорий Потанин подружился с внуком киргизского (казахского) хана Чоканом Валихановым, записывал увлекавшие его рассказы о кочевой жизни казахов и вскоре составил из них «толстую тетрадь» [15. С. 92; 16. С. 125].

В первые годы после окончания учебы, когда Григорий Потанин служил в казачьем полку, участвовал в походах, наблюдал различные природные явления, он определял свои интересы так: «Во мне формировался натуралист. Я любил составлять гербарии и читать

книги по естественной истории. Во мне появлялись коллекторские наклонности…» [15. С. 79]. Ему остро недоставало книг и общения со знающими людьми. Переведенный по службе в Омск, Г.Н. Потанин познакомился с П.П. Семеновым, будущим Тян-Шанским, тогда уже достаточно авторитетным исследователем-путешественником [17. С. 173–175]. Это знакомство определило дальнейшую судьбу Г.Н. Потанина: отставка, отъезд в Петербург, учеба в университете, а много позже – и большие научные экспедиции по Сибири, Монголии, Китаю. Он вполне реализовал свои детские мечты «о натуралисте-путешественнике» [15. С. 86].

Г.Н. Потанин не получил профессионального исторического образования. Но во время службы в Сибирском казачьем войске, а затем в Петербурге, где он несколько семестров в качестве вольнослушателя посещал занятия естественного отделения физико-математического факультета, он ревностно занимался самообразованием. И кроме специальных дисциплин, основательно познакомился с изобразительным искусством, общался с художниками И.И. Шишкиным, К.Е. Маковским, В.И. Якоби, посещал Эрмитаж и картинную галерею Ф.И. Прянишникова. С первых дней пребывания в Петербурге поддерживал отношения с профессором К.Д. Кавелиным [15. С. 89, 108–109, 129; 18. С. 92, 164]. И конечно же, не мог не испытывать на себе влияния этого историка, который, как отмечал Г.В. Вернадский, был «с юности врагом крепостного права». В качестве основных устоев общественного развития России К.Д. Кавелин рассматривал общинное землевладение и самоуправление крестьян. Кроме того, полагал, что для реформирования страны требуется «переработка общественных нравов и выяснение отношений личности к обществу» [19. С. 125]. Одновременно Григорий Потанин посещал лекции другого профессора Петербургского университета Н.И. Костомарова. А ведь именно на этих лекциях профессор Костомаров провозгласил: «Вступая на кафедру, я задался мыслию в своих лекциях выдвинуть на первый план народную жизнь во всех ее частных видах». И продолжал далее: «Русское государство складывалось из частей, которые прежде жили собственною независимою жизнью, и долго после того жизнь частей высказывалась отличными стремлениями в общем государственном строе». Исходя из сказанного, Н.И. Костомаров сформулировал одну из важнейших задач исторического изучения – «найти и уловить эти особенности народной жизни частей Русского государства» [20. С. 527–528]. Общался Потанин и с А.П. Щаповым, сторонником «областной истории», а впоследствии, в 1906 г., подготовил небольшую рецензию на 3-томное издание его сочинений [21].

Из писем 1860–1870-х гг. видно, что Г.Н. Потанина интересовали труды философов, социологов, историков, этнографов и путешественников – Л. Фейербаха, П.Ж. Прудона, Луи Блана, Карла Маркса, Д. Кеннана, В.В. Радлова, А.Х. Востокова [22. С. 51, 73, 88, 166]. Он был хорошо знаком и с работами о Сибири, в частности с «Чертежной книгой» С.У. Ремезова, читал записки Николая Спафария, книги П.С. Палласа, П.А. Словцова, И.И. Завалишина, хотя и относился к ним строго критически.

Называя имена авторов и исследователей, оказавших несомненное влияние на научные представления Г.Н. Потанина, считаю, что определяющим в формировании его исторических взглядов было знакомство с трудами Н.М. Карамзина. По собственному свидетельству, Григорий Потанин не раз перечитывал «Историю государства Российского» и делал длинные выписки из документальных примечаний к книге [15. С. 40–41]. Думается, что неизгладимое впечатление произвел главный «рецепт» Н.М. Карамзина, высказанный им в предисловии к «Истории государства Российского»: «Не дозволяя себе никакого изобретения, я искал выражений в уме своем, а мыслей единственно в памятниках; искал духа и жизни в тлеющих хартиях; желал преданное нам веками соединить в систему, ясную стройным сближением частей; изображал не только бедствия и славу войны, но и все, что входит в состав гражданского бытия людей: успехи разума, искусства, обычаи, законы, промышленность; не боялся с важностью говорить о том, что уважалось предками; хотел, не изменяя своему веку, без гордости и насмешек, описывать веки душевного младенчества, легковерия, баснословия; хотел представить и характер времени, и характер летописцев: ибо одно казалось мне нужным для другого. Чем менее находил я известий, тем более дорожил и пользовался необходимым; тем менее выбирал: ибо не бедные, а богатые избирают. Надлежало или не сказать ничего или сказать все о таком-то князе, дабы он жил в нашей памяти не одним сухим именем, но с некоторою нравственною физиогномиею» [23. Т. 1. С. XIII].

Идеи и мысли великого русского историка определили профессиональный интерес Григория Потанина к исторической науке. Следуя опыту Н.М. Карамзина, он сосредоточивал внимание на исторических деталях, придавал особое значение историческим памятникам, архивным документам, обдумывал природно-географические условия сибирской жизни. Еще в Омском кадетском корпусе, а затем на казачьей службе в Семипалатинске и на Алтае он обнаружил в себе «большую склонность к кропотливой работе, роющейся в мелочах» [15. С. 41]. Записывал рассказы стариков, фиксировал собственные наблюдения над культурой и бытом сибиряков и стал публиковать свои материалы сначала в «Тобольских губернских ведомостях», затем в московских и петербургских журналах [24, 25].

Характерно, что уже первое обращение к изучению природы и исторического прошлого Сибири навело Г.Н. Потанина на размышления о судьбе населявших ее народов. В статье, опубликованной в «Русском слове» в 1860 г., он вопрошал: почему население столь богатой страны, как Сибирь, столь бедно и вымирает? Пытался найти ответ в неведении: «Не сделав никаких исследований, не приняв никаких мер, мы поспешно схватились за мысль о грустном предназначении некоторых племен быть сырым материалом и исчезнуть с лица земли в необработанном виде». Но, не соглашаясь с устоявшимся мнением, полагал возможным предотвратить исчезновение «неразвитых

племен» при столкновении их с цивилизацией [26. С. 203–204]. Чуть позже, в 1865 г., в следственной комиссии по делу «Об отделении Сибири от России» ему был задан вопрос о том, чего не достает в Сибири для ее благоденствия. Г.Н. Потанин ответил так: «Для блага Сибири желательно разрешение следующих вопросов: об улучшении быта рабочих на золотых приисках, на горных заводах и на рыболовных оброчных статьях на низовьях Оби и Иртыша; об улучшении земледелия и вообще условий промышленного движения, о колонизации и просвещении, наконец, об улучшении сибирской администрации и более справедливом установлении финансовых и торговых отношений Сибири к ее метрополии» [27. С. 213].

По сути, в этом ответе была кратко изложена программа культурного реформирования Сибири, получившая впоследствии название сибирского патриотизма или сибирского областничества. В претворении программы Г.Н. Потанин брал на себя задачи изучения и просвещения Сибири. (Правда, в период общественного подъема, в 1860-х гг., он оказался вовлеченным в общественно-политическое движение и подвергся суровому наказанию. Отбыв каторгу и ссылку, занимался только наукой и культурно-просветительной работой, однако в 1900–1910-х гг. вновь оказался в эпицентре политической борьбы, вследствие чего был объявлен посмертно «врагом рабочего класса».) Во время учебы в Петербурге Г.Н. Потанин впервые обдумывал предстоящие работы по истории Сибири, в частности планировал составить каталог статей о Сибири, опубликованных в старых журналах. Кроме того, намеревался перевести с немецкого на русский несколько статей о сибирских инородцах, о звероловных промыслах [22. С. 51]. Позже, едва освободившись от каторжных работ в Свеаборге, переведенный на поселение в Вологодскую губернию, вновь вернулся к мысли об изучении истории Сибири. Свидетельство тому – письмо к Н.М. Ядринцеву, отправленное в августе 1872 г.: «Мне кажется в популярной книге о Сибири недостаток и потребность… Я не буду задаваться целью написать полное описание, но напишу, однако ж, в серьезном роде, чтобы сочинение имело вид ряда любопытных ученых картин» [Там же. С. 116]. А месяца два спустя продолжал: «Я разумею под популярным изложением не легкое описание, а серьезную сводку, которая, впрочем, написана не для ученых по профессии, а для публики. Поэтому мое описание будет строго научное». И далее сообщал, что в будущей книге будет две части – географическая и историко-статистическая. В первой части – особенности сибирской природы, во второй – татарская, а затем русская колонизация, этнографическая карта, поход Ермака, переход к земледелию, развитие золотопромышленности. Предполагал и социальную характеристику Сибири: гулящие люди XVIII в., ссыльные, положение женщин, положение инородцев, интеллигенция и чиновничество. А также вопрос об университете, колонизация, общественные вопросы. При этом все эти темы будущий историк Сибири полагал необходимым изучать и освещать на основе исторических фактов, т.е. документальных источников и статистических данных [22. С. 129].

Нужно сказать, что к изучению сибирского прошлого Григорий Потанин приобщился вскоре после окончания Омского кадетского корпуса. С 1856 г. он служил в войсковом правлении Сибирского казачьего войска в Омске, где ему была поручена работа с документами войскового архива. И он, по собственному признанию, выполнял поручение с большой заинтересованностью и «успел пересмотреть архив от 1645 по 1755 год» [15. С. 77]. В этой работе проявились способности к научной работе и необычайное трудолюбие Г.Н. Потанина. Ведь ему понадобилось прочитать огромный массив рукописных текстов XVIII в. и отобрать нужные. При этом он вручную переписывал документальные тексты в двух экземплярах, один передавал в войсковое правление, другой оставлял себе. Именно эти выписки просмотрел исследователь Азии П.П. Семенов-Тян-Шанский, будучи проездом в Омске, заинтересовался ими и посоветовал архивисту «выбраться в Петербург, в университет» [Там же. С. 95]. О любви Г.Н. Потанина к работе с документами говорит и то, что, переведенный в 1872 г. после Свеаборгской каторги на поселение в Никольск, он получил небольшую работу – переписывать акты о продаже леса. И позже вспоминал: «И, что вы думаете, прямо с удовольствием переписывал, ничего не понимая!» [28. С. 116].

Представляется, что примером архивно-собирательской и публикаторской деятельности служил не только великий Карамзин, но и отец, Николай Иванович Потанин. В 1830 г. казачий офицер Н.И. Потанин выполнял ответственное поручение командующего войсками Западной Сибири. С отрядом казаков он сопровождал следовавшее из Петербурга посольство кокандского хана. Все время своего пути от Семипалатинска до Коканда отец вел маршрутную карту, записал свои впечатления о Коканде, где провел некоторое время. По возвращении в Омск составил особую записку, которая почти сразу же была опубликована в «Военном журнале. А в 1857 г. записки Н.И. Потанина были перепечатаны в «Вестнике Императорского Русского географического общества». При этом публикатор П.С. Савельев, отмечал, что документ «заслуживает известности по многим сообщаемым данным, которых нет в известиях других путешественников…» [29. С. 255–256].

Характерно, что вскоре после переиздания отцовских записок состоялись и первые археографические выступления самого Григория Потанина. Он опубликовал воспоминания казака Максимова о пребывании в Коканде [30]. По всем правилам археографической науки снабдил публикацию комментариями, в которых ссылался и на своего отца, называя его «хорунжим Потаниным». Вслед за первой публикацией, сначала в Омской тюрьме в 1866 г., а затем в вологодской ссылке в начале 1870-х гг., Г.Н. Потанин подготовил еще несколько документальных публикаций, прежде всего, «Материалы для истории Сибири» [31–33]. Кроме того, были изданы «Домовая летопись Андреева по роду их, писанная капитаном Иваном Андреевым в 1789 году» и подборка документов о русско-джунгарских отношениях [34, 35].

Впоследствии Г.Н. Потанин уже не имел возможности продолжать археографические занятия, но его внимание и интерес к сибирским архивам не угасали. В 1904 г., например, он писал в томском «Сибирском вестнике»: «Пожары давно истребили сибирские архивы; остальное прикончили сырость помещений и тление; теперь только кое-где в захолустьях сохранились скудные остатки бывшего архивного богатства. Дневники, частные письма, частные записки, веденные чиновниками, наехавшими в Сибирь из Европейской России, вместе с отставкой и выездом их из Сибири, вывезены в Россию. Та же участь постигла и многие материалы этого рода, написанные уроженцами Сибири, они вывезены из области любителями старины, временно пребывавшими в Сибири. Эти любители вывозили в Россию не только материалы, находившиеся в частных руках, они иногда опустошали и правительственные архивы…». Отмечал, что порой это было благом, так как помогало сохранить архивное достояние. Тем не менее считал необходимым создание в Сибири центрального архива, полагая, что таковой можно было открыть при Томском университете. И тут же сетовал, что единственный в Сибири университет, имея два «утилитарных факультета», не торопится включить в круг своих забот «задачу противодействовать отливу из области письменных памятников областной старины» [36. С. 2]. (Важно отметить, что ответ Г.Н. Потанину тотчас же дал профессор М.Н. Соболев, который сообщил, что в университете поднят вопрос об учреждении в Томске Сибирской археографической комиссии, а также о создании центрального сибирского архива [37. С. 2–3].)

Собранные и опубликованные Г.Н. Потаниным архивные документы использовались в первую очередь им самим, в частности в подготовке статьи о русско-джунгарской торговле, опубликованной в 1868 г. [38]. Позднее потанинские документальные публикации привлекались в других работах по сибирской и казахской истории. Переиздание части документов, названное «Пространство Северного Казахстана и Сибири в исторической ретроспективе XVIII в. (по документальным публикациям Г.Н. Потанина)», позволяет ныне использовать их гораздо шире [39]. Это переиздание обеспечивает исследователей уникальной информацией о Сибири середины XVIII в., о макро- и микросреде обитания сибиряков. Едва ли не первым Г.Н. Потанин обнародовал документы о положении русских женщин на колонизуемой окраине России. (Позже, находясь в ссылке, он разработал программу изучения положения русских женщин в XIX в. и изложил ее в письмах к своим корреспондентам [18. С. 106–111].) Важнейшими чертами документальных публикаций Г.Н. Потанина являются добросовестность и заинтересованность археографа в фиксации самых мелких – вплоть до полушки, цен на жизненные припасы, в выписках самых незначительных утрат имущества сибирских обитателей, в выявлении бесправности и казахов, и русских казаков, и сибирских кочевников, и джунгаров перед захватчиками, грабителями, государственными чиновниками. При этом Г.Н. Потанин соблюдал объективность, не становился ни на чью сторону, но замечал каждого отдельного человека. Интересно, что в одном из документов он обнаружил и опубликовал сведения о своем прадеде, тарском разночинце Иване Потанине [40. С. 299–302].

И в археографических изданиях, и в исследовательских работах Г.Н. Потанин неизменно замечал и характеризовал сибирскую природу. Думается, что тезис А.П. Щапова о том, что «разные племена и народы еще во многих отношениях суть живые отпечатки природных форм и типов тех местностей, где они нарождаются и воспитываются», произвел сильное впечатление на современников [41. С. 105]. Не без его влияния Г.Н. Потанин выступил со статьей в «Томских губернских ведомостях» [42, 43]. При этом он выказывал знакомство с научными публикациями российского академика А.Ф. Миддендорфа и переводами из журнала «Die Natur». В числе первых в Сибири он задался вопросом о воздействии природных условий на физиологию и характер сибиряков, их культуру и хозяйственные занятия. Объяснял особенности первичной колонизации Сибири, которая охватила северные территории, тем, что в Зауралье пришли выходцы из лесных территорий центральной России, носители «лесной культуры», опасавшиеся неизвестных им степей [42. С. 7; 43. С. 7].

Впоследствии в работе над статьями для фундаментального издания «Живописная Россия» Г.Н. Потанин добавил к природному фактору еще и экономический. Писал, что крайне неблагоприятные природно-климатические условия Сибири, отрезанной от цивилизаций Европы и Азии непроходимым лесистым Уралом, холодными водами восточных морей и льдами Северного океана, только тогда были преодолены, когда появился экономический интерес и в погоне за охотничьей добычей, в основном за соболем, «звероловные артели» стали проникать на сибирские просторы. В условиях полного бездорожья русские зверопромышленники и сопровождавшие их «казачьи партии» двигались по рекам, зимой – на лыжах, летом – на лодках и дощаниках. Именно поэтому, передвигаясь вслед за пушными зверьками, русские освоили северную часть Сибири гораздо раньше, чем южную, и в числе первых русских городов были поставлены далеко на севере Березов, Сургут, Мангазея. Их строили, чтобы укрепиться на занимаемых территориях, подчинить русскому влиянию сибирских аборигенов и собирать с них дань-ясак пушниной в пользу Русского государства. Автор оригинальной концепции освоения Сибири русскими с воодушевлением отмечал, что в кратчайшие сроки завершился первый этап этого освоения, когда в течение двадцати лет русские заняли всю систему реки Оби и ее притоков [44. С. 31–37].

Внимание Г.Н. Потанина неизменно привлекали работы, в которых освещались природно-географические особенности Сибири. Так, в рецензии на «Дорожный дневник» Николая Спафария, увидевший свет в 1882 г., он утверждал, что это сочинение «по своей точности и подробности может быть названо первой географией Сибири». Точно так же он высоко оценивал труд С.У. Ремезова, важный «для расшире-

ния знаний русских людей о географии Северной и Средней Азии». И предлагал провести сравнение и выяснить, что в сибирской природе, а также в образе жизни и размещении населения сохранилось, а что изменилось за истекшие столетия со времен Спафария и Ремезова [45. С. 302–305, 319; 46].

Исследователь отслеживал естественно-географические факторы формирования сибирских городов. Писал, к примеру: «Торговое значение Томска определилось его положением в такой точке меридиана, которая является наилучшим пунктом для провоза товаров из западной половины Сибири в восточную, ибо всякое пересечение томского меридиана к югу от Томска встретит скалистые горы, всякое пересечение к северу от города – лесные трущобы, зыбуны и болота» [47. С. 249]. Продумывая влияние природно-климатических условий на облик городов, он утверждал: «Сибиряки привыкли к яркому свету своего солнца и любят солнцепек. Деревянные дома в Иркутске и Томске поражают своим обилием окон; простенки между окнами уже самих окон – типическая черта томских и иркутских деревянных построек» [48. С. 264–265].

В обостренном внимании к природно-географической составляющей общественного развития явственно прослеживается универсализм потанинского дарования, богатый опыт естественнонаучных исследований. Применение знаний географии, геологии, ботаники в исторических работах можно рассматривать как зарождение междисциплинарности, ставшей столь распространенной в конце XX в. Характерно, однако, что, скованные цепью классового подхода, советские историки считали выдвижение Потаниным естественно-географических условий в качестве движущих сил исторического развития устаревшим [6. С. 227].

Разработки методологии местной / областной истории, начатые трудами Н.И. Костомарова и А.П. Щапова, натолкнули Г.Н. Потанина на самостоятельные поиски в этом направлении. В 1874 г., находясь в вологодской ссылке, он заинтересовался новой тогда методикой обучения в начальных школах «на местных образцах» и решил подготовить учебное пособие, назвав его концентрическим родиноведением. Включил в программу сведения о различных явлениях природы в г. Никольске, а затем и о самом городе и городской жизни, об окрестных деревнях и далее обо всем Никольском уезде. При этом Г.Н. Потанин сразу же продумывал способы и средства реализации своей программы, предлагал, например, использовать наглядные пособия и коллекции, составленные учителями и хранившиеся в некоторых музеях [18. С. 87]. И думал, конечно, не только о Никольске. Писал по этому поводу секретарю Нижегородского губернского статистического комитета А.С. Гацисскому: «Похлопочите, чтобы в вашем обществе занялись разработкой местного элемента в школе: во-первых, составлением учителями местных коллекций, во-вторых, составлением местного концентрического учебника» [18. С. 88]. Подготовленное пособие, по сведениям М.В. Шиловского, издать не удалось [4. С. 119]. Но сформулированные Г.Н. Потаниным вопросы родиноведения, или, по-нынешнему, краеведения, позже частично решались им в музейной работе в Сибири.

Одновременно Г.Н. Потанин размышлял о городах. В 1873 г. предлагал, например, Н.М. Ядринцеву «охарактеризовать вообще наши сибирские города: Омск – с его нищими детьми в солдатских тятькиных шинелях с болтающимися рукавами, с военными вестовыми на крыльцах в июньские полдни, с магазинами, наполненными лентами, эполетами и другой мишурой, город с его барабанным боем и парадами, по поводу которого еще Паллас сказал, что Марс не покровительствует музам». И далее также образно характеризовал Томск: «...с гуртовымии лавками кож, железа, с преобладанием цилиндра над каской, оттесненной на второй план, с гостиницами под суздальскими названиями “Золотой якорь”, “Венецианская ночь” и пр.». Барнаул как центр Кабинетских владений, имевший постоянное сообщение с Петербургом, по словам Потанина, был всегда «с гаванскими сигарами, с фортепьяно Вирта или теперь другого [музыкального] корифея, с последними произведениями немецкой крити[ческой] литерат[уры] на столах, с кабинетами аматеров архитектуры, коневодства, аквамаринов, с меценатством искусству и проезжим виртуозам, с изысканным обедом и последн[ей] парижской модой, город, в котором уже во времена Палласа разводили артишоки и варили пиво на пивн[ом] заводе, тогда как в остальной Сибири мужики не умели сеять даже лен» [22. С. 188–189].

Вскоре идею, предложенную Н.М. Ядринцеву, Потанин сам и реализовал в статьях многотомной «Живописной России» и более поздних изданиях. Не без влияния томского историка Д.Л. Кузнецова (ученика А.П. Щапова в Казанской духовной академии) он обратился к типологии сибирских городов, подразделял их на торговые и бюрократические, позже – на буржуазные и бюрократические, или чиновные [47. С. 244; 49. С. 116]. И дал живые, остроумные характеристики городских центров – от Омска до Иркутска. При этом с особой строгостью писал о Томске: «Характер томской жизни плебейский; это город Тит Титычей и задолженных им мещан». Называл Томск «огромным постоялым двором», городом обывателей. Но, противопоставляя Томск «бюрократическому» Омску, каковым он был в 1880-х гг., Потанин писал, что Томск – первый город в Западной Сибири, «как по величине, так и по богатству и торговым оборотам», в нем «казенных домов мало, большие каменные дома – все купеческие, хотя тяжелой, но своеобразной архитектуры» [50. С. 307–309]. Позже отзывался о Томске еще более благожелательно: «Благодаря неровности земной поверхности, на которой стоит город, внутри его виды калейдоскопично разнообразны и местами живописны…». Отмечал, что открытие университета и технологического института «превратило Томск в умственную столицу Сибири и изменило физиономию города». Хотя и сетовал, что влияние вузов на город пока недостаточно, негодовал по поводу ненависти «к просвещению и науке», которая проявилась во время томского погрома в октябре 1905 г. [47. С. 249].

Следует думать, что и в письме к Ядринцеву, и в своих собственных работах Г.Н. Потанин, по сути,

излагал лишь развернутую программу будущего городоведческого исследования. (О том, что такое исследование Потанин планировал и материалы для него собирал, свидетельствовал М.К. Азадовский в своем выступлении на 1-м Сибирском научно-исследовательском съезде в декабре 1926 г. [51. С. 179].) В 1902 г. Г.Н. Потанин вошел в комиссию, созданную по инициативе гласных Томской городской думы для подготовки к 300-летию Томска. Предложенный комиссией план включал разработку документальных изданий, издание большого очерка по истории и современному состоянию Томска [52. С. 2]. Как известно, планировавшаяся работа не была выполнена в назначенные сроки. И все же в 1912 г. большой сборник материалов и статей о Томске вышел в свет, в его подготовке приняли участие около 20 авторов, в их числе и Г.Н. Потанин. Он намечал темы, приглашал авторов для их освещения, делился с ними собственными впечатлениями и знаниями городской истории. И, следует заметить, что коллективное издание «Город Томск» (Томск, 1912) до сих пор не утратило своего научного значения.

Г.Н. Потанин обращался к изучению социально-экономической истории Сибири [53, 54]. Интересовался вопросами общественного развития, связывал их с созданием и деятельностью общественных институтов, способных к сотрудничеству с государственной властью. В публикации 1881 г. он коротко осветил историю создания и проблемы иркутской газеты «Сибирь», высказал свое мнение о том, что именно газета выступает «органом общественной жизни», формирует и удовлетворяет общественные потребности сибиряков. Подчеркивал, что газета «Сибирь», единственное в то время частное периодическое издание за Уралом, информировало начальство об интересах и запросах сибирского населения. И определял в качестве насущных для сибиряков вопросы о неудовлетворительном состоянии учебного дела, о необходимости открытия университета, о негативном влиянии ссылки на сибирскую жизнь, об «абсентеизме сибирской интеллигенции [55. С. 33]. Впоследствии он не раз высказывался о том, что формирование «чувства гражданского долга» сибиряков могло способствовать и способствовало общественному влиянию и на систему управления, и на социально-экономическую ситуацию в Сибири [44. С. 48; 48. С. 268, 275–278].

Поселившись в 1902 г. в Томске, Г.Н. Потанин выступал инициатором, а нередко и руководителем культурно-просветительных обществ в городе [12, 56]. Используя собственные наблюдения, а также некоторые опубликованные документы, он охарактеризовал общественно-культурную жизнь Томска, назвал имена ее организаторов и руководителей, показал реальные результаты их деятельности. Указал и причины неуспеха ряда общественных инициатив в сфере просвещения – недостаток средств, невнимание, а порой и прямое воспрепятствование со стороны органов государственного управления. И следуя своему замыслу, который сформулировал еще в 1860-х гг., Г.Н. Потанин особо подчеркивал: главная заслуга культурно-просветительных обществ в Томске состояла в том, что они приучали томскую интеллигенцию «служить бескорыстно на общее благо» [57. С. 93]. И как важную задачу общественных и образовательных учреждений, в частности томских вузов, обозначал воспитание в населении «освященную наукой любовь к своей родине» [37. С. 3].

Итак, и в научных статьях, и в газетных выступлениях Г.Н. Потанин собирал и фиксировал всевозможные подробности и особенности жизни в Сибири. Недаром еще в 1874 г. он писал Н.М. Ядринцеву: «Я умею везде находить крупицы для своего сибиризма» [18. С. 86]. Выуживая эти «крупицы» и из известных ему документальных собраний, и научных трудов, и из своей памяти, Г.Н. Потанин сформировал комплекс разнообразных знаний по истории Сибири, сохранивших свою актуальность и востребованных и в наши дни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Обручев В.А. Г.Н. Потанин. Жизнь и деятельность. М. ; Л., 1947. 281 с.
2. Азадовский М.К. История русской фольклористики. М., 1963. 362 с.
3. Сагалаев А.М., Крюков В.М. Г.Н. Потанин: опыт осмысления личности. Новосибирск : Наука, 1991. 231 с.
4. Шиловский М.В. «Полнейшая самоотверженность и преданность науке». Г.Н. Потанин: биографический очерк. Новосибирск : Сова, 2004. 244 с.
5. Малиновский И.А. Об изучении мертвой и живой старины в Сибири (доклад, читанный в собрании «Сибирского кружка» студентов Томского университета 19 октября 1910 г.) // Сибирские вопросы. 1910. № 42–43. С. 16–24.
6. Шейнфельд М.Б. Историография Сибири (конец XIX – начало XX в.). Красноярск, 1973. 399 с.
7. Мирзоев В.Г. Историография Сибири: домарксистский период. М. : Мысль, 1970. 391 с.
8. Пелих Г.И. Историческая концепция Г.Н. Потанина // Материалы межвузовской научной конференции, посвященной 50-летию образования СССР. Вып. 4 : Всеобщая история и историография. Томск, 1972. С. 125–132.
9. Пелих Г.И. Историческая концепция Г.Н. Потанина / публ. А.Т. Топчия; ред. Н.В. Серебренников. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2006. 166 с.
10. Родионова Т.В. Г.Н. Потанин и Музей Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества // Вестник Томского государственного университета. История. 2011. № 2. С. 91–93.
11. Родионова Т.В. Участие Г.Н. Потанина в деятельности Музея прикладных знаний // Вестник Томского государственного университета. История. 2011. № 4(16). С. 131–133.
12. Дмитриенко Н.М. Потанин Григорий Николаевич // Энциклопедия Томской области. Т. 2 : Н–Я. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2009. С. 602–603.
13. Дмитриенко Н.М. О неотложных задачах изучения, сохранения и использования научного наследия Г.Н. Потанина // Вестник Томского государственного университета. История. 2011. № 2(14). С. 37–38.
14. Дмитриенко Н.М., Родионова Т.В. О документальной публикации Г.Н. Потанина в «Чтениях в Императорском обществе истории и древностей российских» // Пространство Северного Казахстана и Сибири в исторической ретроспективе XVIII в. (по документальным публикациям Г.Н. Потанина) / сост. Н.М. Дмитриенко, Т.В. Родионова; науч. ред. Э.И. Черняк. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2013. С. 3–22.
15. Потанин Г.Н. Воспоминания // Литературное наследство Сибири / сост. Н.Н. Яновский. Новосибирск : Книж. изд-во, 1983. Т. 6. С. 22–336.
16. Автобиографические беседы с Г.Н. Потаниным. (Записано с его слов в 1905 г. в Москве М.Х. Свентицкой) // Северная Азия : общественно-научный журнал. М., 1927. Кн. 5–6. С. 123–132.

17. Максимов Ю.И. Петр Петрович Семенов-Тян-Шанский // Жизнь Земли: науки о Земле, экология, история науки, музеология : сб. науч. тр. Музея землеведения МГУ / под ред. В.А. Садовничего и А.В. Смурова. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2015. Вып. 37. С. 170–181.
18. Письма Г.Н. Потанина / сост. А.Г. Грумм-Гржимайло, С.Ф. Коваль, Я.Р. Кошелев, Н.Н. Яновский. Иркутск, 1988. Т. 2. 344 с.
19. Вернадский Г.В. Русская историография. М. : Аграф, 1998. 448 с.
20. Костомаров Н.И. Автобиография // Костомаров Н.И. Исторические произведения. Автобиография [переиздание]. Киев : Изд-во Киев. ун-та, 1989. С. 425–651.
21. Потанин Г.Н. Об А.П. Щапове [переиздание] // Литературное наследство Сибири / сост. Н.Н. Яновский. Новосибирск : Книж. изд-во, 1986. Т. 7. С. 254–256.
22. Письма Г.Н. Потанина. / сост. А.Г. Грумм-Гржимайло, С.Ф. Коваль, Я.Р. Кошелев, Н.Н. Яновский. 2-е изд., перераб. и доп. Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1987. Т. 1 280 с.
23. Карамзин Н.М. История государства Российского : в 3 кн. 5-е изд. СПб., 1842. Кн. 1, т. 1–4.
24. Потанин Г.Н. Полгода в Алтае // Русское слово. СПб., 1859. № 9, отдел 1. С. 61–134.
25. Потанин Г.Н. Юго-Западная часть Томской губернии в этнографическом отношении // Этнографический сборник, издаваемый Императорским Русским географическим обществом. СПб., 1864. Вып. 6, отдел 1. С. 1–154.
26. Потанин Гр. Заметки о Западной Сибири // Русское слово. СПб., 1860. № 9, отдел 1. С. 189–214.
27. Дело об отделении Сибири от России / публ. А.Т. Топчия, Р.А. Топчия; сост. Н.В. Серебренников. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2002. 388 с.
28. Свентицкая М. Воспоминания о Г.Н. Потанине // Северная Азия. М., 1927. Кн. 5–6. С. 114–122.
29. Записки о Коканском ханстве хорунжего Потанина (1830 года) с примечаниями П.С. Савельева // Вестник Императорского Русского географического общества за 1856 год. СПб., 1857. Ч. 18, № 6, пагинация 2. С. 255–289.
30. Потанин Гр. Показания сибирского казака Максимова о коканском владении // Вестник Императорского Русского географического общества. СПб., 1860. Ч. 28, № 3, пагинация 2. С. 65–75.
31. Материалы для истории Сибири / сообщил Г.Н. Потанин // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете / под ред. О.М. Бодянского. М., 1866. Кн. 4, пагинация 4. С. 1–128.
32. Материалы для истории Сибири / сообщил Г.Н. Потанин // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете / под ред. О.М. Бодянского. М., 1867. Кн. 1, пагинация 2. С. 129–230.
33. Материалы для истории Сибири / сообщил Г.Н. Потанин // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете / под ред. О.М. Бодянского. М., 1867. Кн. 2, пагинация 2. С. 231–324.
34. Домовая летопись Андреева по роду их, писанная капитаном Иваном Андреевым в 1789 году. Начата в Семипалатинске / сообщил Г. Потанин // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1870. Кн. 4, пагинация 5. С. 63–176.
35. Наши сношения с дзюнгарскими владельцами (сборник подлинных актов, выписанных из местных архивов) // Сборник историко-статистических сведений о Сибири и сопредельных ей странах. СПб., 1875. Т. 2, вып. 1. С. 1–64.
36. Потанин Г. Новое специальное периодическое издание в Сибири // Сибирский вестник. Томск, 1904. 7 нояб. № 242.
37. К университетскому вопросу // Сибирский вестник. Томск, 1904. 28 нояб. № 260.
38. Потанин Г.Н. О караванной торговле с Джунгарской Бухарией в XVIII столетии // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1868. Кн. 2, пагинация 5. С. 21–113.
39. Пространство Северного Казахстана и Сибири в исторической ретроспективе XVIII в. (по документальным публикациям Г.Н. Потанина) / сост. Н.М. Дмитриенко, Т.В. Родионова; науч. ред. Э.И. Черняк. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2013. 312 с.
40. Дмитриенко Н.М. Документальные публикации Г.Н. Потанина как источник изучения сибирской повседневности XVIII в. // Документ: история, теория, практика : материалы V Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием / под ред. О.А. Харусь. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2012. С. 299–302.
41. Щапов А. О влиянии гор и моря на характер поселений // Русское слово. СПб., 1864. Март. С. 105–116.
42. Потанин Г. Климат и люди Сибири // Томские губернские ведомости. Томск, 1865. № 12, 26 марта. Часть неофициальная. С. 1–7.
43. Потанин Г. Климат и люди Сибири // Томские губернские ведомости. Томск, 1865. № 13, 2 апр. Часть неофициальная. С. 4–8.
44. Потанин Г.Н. Завоевание и колонизация Сибири // Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении. Т. 11: Западная Сибирь / под ред. П.П. Семенова. СПб.; М., 1884. С. 31–48.
45. Потанин Г. Рецензия: Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 году. Дорожный дневник Спафария с введением и примечаниями Ю.В. Арсеньева (Записки Императорского Русского географического общества по отделению этнографии. Т. X, вып. 1. СПб., 1882).
46. Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 году. СПб., 1882 // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1883. Ч. 227. С. 300–319.
47. Потанин Г.Н. Города Сибири // Сибирь, ее современное состояние и ее нужды. СПб., 1908. С. 234–259.
48. Потанин Г.Н. Нужды Сибири // Сибирь, ее современное состояние и ее нужды. СПб., 1908. С. 260–294.
49. Потанин Г.Н. Сибирские казаки // Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении. Т. 11: Западная Сибирь / под ред. П.П. Семенова. СПб. ; М., 1884. С. 107–116.
50. Потанин Г.Н. Ближняя тайга // Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении. Т. 11: Западная Сибирь / под ред. П.П. Семенова. СПб. ; М., 1884. С. 303–312.
51. I Сибирский краевой научно-исследовательский съезд. Т. 1: Протоколы и резолюции. Новосибирск, 1927. III, 270, X с.
52. И. М. К 300-летию Томска // Сибирский вестник. Томск, 1902. 8 мая. № 98.
53. Родионова Т.В. Г.Н. Потанин об экономическом освоении Сибири русскими // Вестник Томского государственного университета. История. 2008. № 3(4). С. 33–36.
54. Румянцев П.П. Критический взгляд на замечания Г.Н. Потанина о рабочем вопросе в сибирской золотодобывающей промышленности в XIX в. // Вестник Томского государственного университета. История. 2011. № 4(16). С. 50–52.
55. [Потанин Г.Н.] Из истории провинциальной прессы // Отечественные записки. СПб., 1881. № 3 (март), пагинация 2. С. 30–46.
56. ГАТО. Ф. 193. Оп. 1. Д. 2-а. Л. 1–2.
57. Потанин Г. Культурно-просветительные организации // Город Томск. Томск : Сибирское товарищество печатного дела, 1912. С. 90–100.

Статья представлена научной редакцией «История» 11 февраля 2016 г.

GRIGORY NIKOLAYEVICH POTANIN AS A HISTORIAN OF SIBERIA

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 406, 72–80.
DOI: 10.17223/15617793/406/11
Dmitrienko Nadezhda M. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: vassa.mv@mail.ru
Keywords: G.N. Potanin; history of Siberia; archaeography; Siberian city; historiography.

G.N. Potanin is well known as a prominent public figure and as a traveler and explorer of Asia. However, there is a lack of knowledge about his contribution to the study of the history of Siberia. Potanin's interest in history originated in his family. While

studying at the Omsk Cadet Corps, he received the first lessons of Russian history and geography. After he graduated from the Corps, he was forced to serve in the Cossack Regiment and could not read scientific books. He needed scientific knowledge. Meeting with the researcher P.P. Semenov-Tyan-Shanskiy changed the life of Potanin. He went to Saint Petersburg and entered the University as an unenrolled student. Unfortunately, G.N. Potanin did not receive higher education, but he zealously engaged in self-education. Reflections on the fate of Siberia and its peoples led Potanin to the thoughts of cultural and educational reforms. These ideas formed the basis of the program called Siberian oblastnichestvo [regionalism]. Implementing that program, G.N. Potanin took upon himself the task of the education and study of Siberia. He planned to write a book about Siberia. Nevertheless, he involved in the socio-political struggle, and he was subjected to severe punishment. Later he made four great scientific expeditions to Mongolia and China. He did not have enough time to fulfill his plan to write a book about Siberia. However, he developed an original concept of the history of Siberia. Influenced by Karamzin, Kostomarov, Shchapov, he concentrated on historical details, underlined the importance of documentary sources, he was one of the first to use factors of nature in the historical discourse. G.N. Potanin acquired his first experience of Siberian studies during his service in the Siberian Cossack Army. He classified documents of Cossack Army archives. Some time later he published those documents in the Moscow scientific magazine *Chteniya v Obshchestve istorii i drevnostey rossiyskikh* [Reading Matters in the Imperial Society of History and Russian Antiquities]. Potanin' publication titled "Materials on Siberian History", marked the beginning of Siberian archaeography. That publication is still of great scientific value. After doing hard labor and being in exile, G.N. Potanin wrote some articles, published in the fundamental *Zhivopisnaya Rossiya* [Picturesque Russia]. He studied the history of development of Siberia by Russians in the end of the 16th – early 17th centuries. He identified the natural and economic factors of penetration of Russians into Siberia and explained the building of first Russian cities-fortresses in the northern most unfavourable climate part of the Siberian region. Among the first in Siberia, Potanin addressed the history of Siberian cities. He worked on social urban typology, gave lively and colorful characteristics to Siberian cities. G.N. Potanin also made a significant contribution to the study of social development of Siberia.

REFERENCES

1. Obruchev, V.A. (1947) *G.N. Potanin. Zhizn' i deyatel'nost'* [G.N. Potanin. The life and activities]. Moscow; Leningrad: USSR AS.
2. Azadovskiy, M.K. (1963) *Istoriya russkoy fol'kloristiki* [History of Russian folklore studies]. [Moscow]: Gosudarstvennoe uchebno-pedagogicheskoe izdatel'stvo ministerstva prosveshcheniya RSFSR.
3. Sagalaev, A.M. & Kryukov, V.M. (1991) *G.N. Potanin: opyt osmysleniya lichnosti* [G.N. Potanin: the experience of his personality comprehending]. Novosibirsk: Nauka.
4. Shilovskiy, M.V. (2004) *"Polneyshaya samootverzhennost' i predannost' nauke". G.N. Potanin: biograficheskiy ocherk* ["The most complete dedication and devotion to science". G.N. Potanin: a biographical essay]. Novosibirsk: Sova.
5. Malinovskiy, I.A. (1910) Ob izuchenii mertvoy i zhivoy stariny v Sibiri (doklad, chitannyy v sobranii "Sibirskogo kruzhka" studentov Tomskogo universiteta 19 oktyabrya 1910 g.) [On the study of the dead and living ancient in Siberia (a paper read at the meeting of Tomsk University students' "Sibirskiy kruzhok", October 19, 1910)]. *Sibirskie voprosy*. 42–43. pp. 16–24.
6. Sheynfel'd, M.B. (1973) *Istoriografiya Sibiri (konets XIX – nachalo XX v.)* [Historiography of Siberia (the end of the19th – early 20th centuries)]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Pedagogical university.
7. Mirzoev, V.G. (1970) *Istoriografiya Sibiri: domarksistskiy period* [Historiography of Siberia: the pre-Marxist period]. Moscow: Mysl'.
8. Pelikh, G.I. (1972) [The historical conception of G.N. Potanin]. *Materialy mezhvuzovskoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 50-letiyu obrazovaniya SSSR. Vyp. 4: Vseobshchaya istoriya i istoriografiya* [Materials of intercollege scientific conference, dedicated to the 50th anniversary of USSR. Issue 4: World history and Historiography]. Tomsk. pp. 125–132. (In Russian).
9. Pelikh, G.I. (2006) *Istoricheskaya kontseptsiya G.N. Potanina* [The historical conception of G.N. Potanin]. Tomsk: Tomsk State University.
10. Rodionova, T.V. (2011) G.N. Potanin i Muzey Vostochno-Sibirskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva [G.N. Potanin and the museum of East-Siberian department of the Imperial Russian Geographical society]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 2. pp. 91–93.
11. Rodionova, T.V. (2011) Uchastie G.N. Potanina v deyatel'nosti Muzeya prikladnykh znaniy [Potanin's contribution to the development of Tomsk Museum of applied knowledge]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 4(16). pp. 131–133.
12. Dmitrienko, N.M. (2009) Potanin Grigoriy Nikolaevich. In: Mayer, G.V. et al. (eds) *Entsiklopediya Tomskoy oblasti* [Encyclopedia of Tomsk region]. Vol. 2. Tomsk: Tomsk State University.
13. Dmitrienko, N.M. (2011) O neotlozhnykh zadachakh izucheniya, sokhraneniya i ispol'zovaniya nauchnogo naslediya G.N. Potanina [The most important problems of researching, protecting and managing Potanin's scientific heritage]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 2(14). pp. 37–38.
14. Dmitrienko, N.M. & Rodionova, T.V. (2013) O dokumental'noy publikatsii G.N. Potanina v "Chteniyakh v Imperatorskom obshchestve istorii i drevnostey rossiyskikh" [About G.N. Potanin's documentary publication in "Reading Matters in Imperial society of History and Russian antiquities"]. In: Chernyak, E.I. (ed.) *Prostranstvo Severnogo Kazakhstana i Sibiri v istoricheskoy retrospektive XVIII v. (po dokumental'nym publikatsiyam G.N. Potanina)* [The Territory of North Kazakhstan and Siberia in the historical perspective of the 18th century (by documentary publications of G.N. Potanin)]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 3–22.
15. Potanin, G.N. (1983) Vospominaniya [The Reminiscences]. In: Yanovskiy, N.N. *Literaturnoe nasledstvo Sibiri* [Literary heritage of Siberia]. Vol. 6. Novosibirsk: Knizh. izd-vo.
16. Sventitskaya, M.Kh. (1927) Avtobiograficheskie besedy s G.N. Potaninym. (Zapisano s ego slov v 1905 g. v Moskve M.Kh. Sventitskoy) [Autobiographic talks with G.N. Potanin. (Written from his words by M.Ch. Sventitskaya in 1905 in Moscow)]. *Severnaya Aziya*. 5–6. pp. 123–132.
17. Maksimov, Yu.I. (2015) Petr Petrovich Semenov-Tyan-Shanskiy. In: Sadovnichiy, V.A. & Smurov, A.V. (eds) *Zhizn' Zemli: nauki o Zemle, ekologiya, istoriya nauki, muzeologiya* [Living Earth: Earth Science, environmental research, history of science, museology]. Is. 37. Moscow: Moscow State University.
18. Grumm-Grzhimaylo, A.G. et al. (1988) *Pis'ma G.N. Potanina* [Letters of G.N. Potanin]. Vol. 2. Irkutsk: Irkutsk State University.
19. Vernadskiy, G.V. (1998) *Russkaya istoriografiya* [Russian Historiography]. Moscow: Agraf.
20. Kostomarov, N.I. (1989) Avtobiografiya [Autobiography]. In: Kostomarov, N.I. *Istoricheskie proizvedeniya. Avtobiografiya* [The Historical works. Autobiography] [Reprint]. Kiev: Kiev State University.
21. Potanin, G.N. (1986) Ob A.P. Shchapove [pereizdanie] [About A.P. Shchapov [reprint]]. In: Yanovskiy, N.N. *Literaturnoe nasledstvo Sibiri* [Literary heritage of Siberia]. Vol. 7. Novosibirsk: Knizh. izd-vo.
22. Grumm-Grzhimaylo, A.G. et al. (1987) *Pis'ma G.N. Potanina* [Letters of G.N. Potanin]. 2nd ed. Vol. 1. Irkutsk: Irkutsk State University.
23. Karamzin, N.M. (1842) *Istoriya gosudarstva Rossiyskogo: v 3 kn.* [The History of the State of Russia: in 3 books]. Book 1. Vols 1–4. 5th ed. St. Petersburg: v tipografii Eduarda Pratsa.

24. Potanin, G.N. (1859) Polgoda v Altae [Half a year in the Altai]. *Russkoe slovo*. 9:1. pp. 61–134.
25. Potanin, G.N. (1864) Yugo-Zapadnaya chast' Tomskoy gubernii v etnograficheskom otnoshenii [Southwestern part of Tomsk Region in the ethnography aspect]. *Etnograficheskiy sbornik, izdavaemyy Imperatorskim Russkim geograficheskim obshchestvom*. 6:1. pp. 1–154.
26. Potanin, G. (1860) Zametki o Zapadnoy Sibiri [Notes on Western Siberia]. *Russkoe slovo*. 9:1. pp. 189–214.
27. Serebrennikov, N.V. (2002) *Delo ob otdelenii Sibiri ot Rossii* [The case of separation of Siberia from Russia]. Tomsk: Tomsk State University.
28. Sventitskaya, M. (1927) Vospominaniya o G.N. Potanine [Reminiscence of G.N. Potanin]. *Severnaya Aziya*. 5–6. pp. 114–122.
29. [Potanin, G.] (1857) Zapiski o Kokanskom khanstve khorunzhego Potanina (1830 goda) s primechaniyami P.S. Savel'eva [The Notes on Kokan Khan's state by khorungiy Potanin (1830) with P.S. Saveliev's notes]. *Vestnik Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva za 1856 god*. 18:6. Pagination 2. pp. 255–289.
30. Potanin, G. (1860) Pokazaniya sibirskogo kazaka Maksimova o kokanskom vladenii [Siberian Cossack Maksimov's testimony about Kokan state]. *Vestnik Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva*. 28:3. Pagination 2. pp. 65–75.
31. [Potanin, G.N.] (1866) Materialy dlya istorii Sibiri [Materials on Siberian history]. In: Bodyanskiy, O.M. (ed.) *Chteniya v Imperatorskom obshchestve istorii i drevnostey rossiyskikh pri Moskovskom universitete* [Reading Matters in the Imperial Society of History and Russian Antiquities at Moscow University]. Book 4. Moscow: Universitetskaya tipografiya.
32. [Potanin, G.N.] (1867) Materialy dlya istorii Sibiri [Materials on Siberian history]. In: Bodyanskiy, O.M. (ed.) *Chteniya v Imperatorskom obshchestve istorii i drevnostey rossiyskikh pri Moskovskom universitete* [Reading Matters in the Imperial Society of History and Russian Antiquities at Moscow University]. Book 1. Moscow: Universitetskaya tipografiya.
33. [Potanin, G.N.] (1867) Materialy dlya istorii Sibiri [Materials on Siberian history]. In: Bodyanskiy, O.M. (ed.) *Chteniya v Imperatorskom obshchestve istorii i drevnostey rossiyskikh pri Moskovskom universitete* [Reading Matters in the Imperial Society of History and Russian Antiquities at Moscow University]. Book 2. Moscow: Universitetskaya tipografiya.
34. [Potanin, G.N.] (1870) Domovaya letopis' Andreeva po rodu ikh, pisannaya kapitanom Ivanom Andreevym v 1789 godu. Nachata v Semipalatinske [Andreyev's Home Chronicle on their Family written by Captain Ivan Andreyev in 1789. Begun in Semipalatinsk]. In: Bodyanskiy, O.M. (ed.) *Chteniya v Imperatorskom obshchestve istorii i drevnostey rossiyskikh pri Moskovskom universitete* [Reading Matters in the Imperial Society of History and Russian Antiquities at Moscow University]. Book 4. Moscow: Universitetskaya tipografiya.
35. Anon. (1875) Nashi snosheniya s dzyungarskimi vladel'tsami (sbornik podlinnykh aktov, vypisannykh iz mestnykh arkhivov) [Our Relations with Jyungar possessors (a book of authentic acts, copied from local archives)]. In: *Sbornik istoriko-statisticheskikh svedeniy o Sibiri i sopredel'nykh ey stranakh* [Book of historical-statistical information about Siberia and neighboring countries]. Vol. 2. Is. 1. St. Petersburg.
36. Potanin, G. (1904) Novoe spetsial'noe periodicheskoe izdanie v Sibiri [A new special periodical in Siberia]. *Sibirskiy vestnik*. 7 November. 242.
37. Anon. (1904) K universitetskomu voprosu [To the university question]. *Sibirskiy vestnik*. 28 November. 260.
38. Potanin, G.N. (1868) O karavannoy torgovle s Dzhungarskoy Bukhariey v XVIII stoletii [About caravan trade with Jyungar Bukhara in the 18th century]. In: Bodyanskiy, O.M. (ed.) *Chteniya v Imperatorskom obshchestve istorii i drevnostey rossiyskikh pri Moskovskom universitete* [Reading Matters in the Imperial Society of History and Russian Antiquities at Moscow University]. Book 2. Moscow: Universitetskaya tipografiya.
39. Chernyak, E.I. (ed.) (2013) *Prostranstvo Severnogo Kazakhstana i Sibiri v istoricheskoy retrospektive XVIII v. (po dokumental'nym publikatsiyam G.N. Potanina)* [The Territory of North Kazakhstan and Siberia in historical perspective of 18th century (by documentary publications of G.N. Potanin)]. Tomsk: Tomsk State University.
40. Dmitrienko, N.M. (2012) [G.N. Potanin's documentary publications as a source of Siberian everyday life in the 18th century studies]. *Dokument: istoriya, teoriya, praktika* [Document: history, theory, practice]. Materials of the 5th All-Russian scientific-practical conference with international participation. Tomsk: Tomsk State University. pp. 299–302. (In Russian).
41. Shchapov, A. (1864) O vliyanii gor i morya na kharakter poseleniy [On the influence of mountains and sea on the character of settlements]. *Russkoe slovo*. March. pp. 105–116.
42. Potanin, G. (1865) Klimat i lyudi Sibiri [Climate and People in Siberia]. *Tomskie gubernskie vedomosti*. 12. 26 March. Non-official part. pp. 1–7.
43. Potanin, G. (1865) Klimat i lyudi Sibiri [Climate and People in Siberia]. *Tomskie gubernskie vedomosti*. 13. 2 April. Non-official part. pp. 4–8.
44. Potanin, G.N. (1884) Zavoevanie i kolonizatsiya Sibiri [Conquest and colonization of Siberia]. In: Semenov, P.P. (ed.) *Zhivopisnaya Rossiya. Otechestvo nashe v ego zemel'nom, istoricheskom, plemennom, ekonomicheskom i bytovom znachenii* [Picturesque Russia. Our Homeland in its land, historical, tribal, economic and everyday significance]. Vol. 11. St. Petersburg; Moscow: Izdanie tovarishchestva M.O. Vol'f.
45. Potanin, G. (1882) Retsenziya: Puteshestvie cherez Sibir' ot Tobol'ska do Nerchinska i granits Kitaya russkogo poslannika Nikolaya Spafariya v 1675 godu. Dorozhnyy dnevnik Spafariya s vvedeniem i primechaniyami Yu.V. Arsen'eva [Review: A Journey through Siberia from Tobolsk to Nerchinsk and China borders of Russian envoy Nikolai Spafary in 1675. A travel diary of Spafary with introduction and notes of Yu.V. Arsenyev]. *Zapiski Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva po otdeleniyu etnografii*. 10:1.
46. Anon. (1883) Chertezhnaya kniga Sibiri, sostavlennaya tobol'skim synom boyarskim Semenom Remezovym v 1701 godu. Sankt-Peterburg, 1882 [Drawing Book of Siberia, compiled by Tobolsk boyar son Simeon Remezov in 1701. St. Petersburg, 1882]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 227. pp. 300–319.
47. Potanin, G.N. (1908) Goroda Sibiri [Cities of Siberia]. In: Mel'nik, I.S. (ed.) *Sibir', ee sovremennoe sostoyanie i ee nuzhdy* [Siberia, its modern state and needs]. St. Petersburg: Izdanie A.F. Devriena.
48. Potanin, G.N. (1908) Nuzhdy Sibiri [The needs of Siberia]. In: Mel'nik, I.S. (ed.) *Sibir', ee sovremennoe sostoyanie i ee nuzhdy* [Siberia, its modern state and needs]. St. Petersburg: Izdanie A.F. Devriena.
49. Potanin, G.N. (1884) Sibirskie kazaki [Siberian Cossacks]. In: Semenov, P.P. (ed.) *Zhivopisnaya Rossiya. Otechestvo nashe v ego zemel'nom, istoricheskom, plemennom, ekonomicheskom i bytovom znachenii* [Picturesque Russia. Our Homeland in its land, historical, tribal, economic and everyday significance]. Vol. 11. St. Petersburg; Moscow: Izdanie tovarishchestva M.O. Vol'f.
50. Potanin, G.N. (1884) Blizhnyaya tayga [The near taiga]. In: Semenov, P.P. (ed.) *Zhivopisnaya Rossiya. Otechestvo nashe v ego zemel'nom, istoricheskom, plemennom, ekonomicheskom i bytovom znachenii* [Picturesque Russia. Our Homeland in its land, historical, tribal, economic and everyday significance]. Vol. 11. St. Petersburg; Moscow: Izdanie tovarishchestva M.O. Vol'f.
51. Anon. (1927) *I Sibirskiy kraevoy nauchno-issledovatel'skiy s"ezd* [The First Siberian regional research congress]. Vol. 1. Novosibirsk.
52. I.M. (1902) K 300-letiyu Tomska [To the 300th anniversary of Tomsk]. *Sibirskiy vestnik*. 8 May. 98.
53. Rodionova, T.V. (2008) G.N. Potanin ob ekonomicheskom osvoenii Sibiri russkimi [G.N. Potanin about economic development of Siberia by Russians]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 3(4). pp. 33–36.
54. Rumyantsev, P.P. (2011) Kriticheskiy vzglyad na zamechaniya G.N. Potanina o rabochem voprose v sibirskoy zolotodobyvayushchey promyshlennosti v XIX v. [A critical view on G.N. Potanin's remarks about Siberian gold industry workers in the 19th century]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 4(16). pp. 50–52.
55. [Potanin, G.N.] (1881) Iz istorii provintsial'noy pressy [From the history of provincial press]. *Otechestvennye zapiski*. 3 (March). Paginatin 2. pp. 30–46.
56. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 193. List 1. File 2-a. Pages 1–2. (In Russian).
57. Potanin, G. (1912) Kul'turno-prosvetitel'nye organizatsii [Cultural and educational societies]. In: Malinovskiy, I. et al. *Gorod Tomsk* [The City of Tomsk]. Tomsk: Sibirskoe tovarishchestvo pechatnogo dela.

Received: 11 February 2016

Вестник Томского государственного университета. 2016. № 406. С. 81–85. DOI: 10.17223/15617793/406/12

УДК 929

В.П. Зиновьев, С.Ф. Фоминых

ДОКТОР Е.Н. КОРЕНЕВ

Работа выполнена при поддержке гранта Правительства РФ П 220 в рамках проекта «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности», № 14.B25.31.0009 и в рамках программы повышения конкурентоспособности Томского государственного университета.

Реконструирована биография Коренева Евгения Николаевича, одного из первых выпускников медицинского факультета Императорского Томского университета, который в 1903 г. защитил диссертацию на степень доктора медицины на основании материала по санитарно-гигиеническим условиям жизни и труда рабочих Ленских приисков, собранного во время его работы врачом на приисках Бодайбинской компании. Его диссертация до сих пор остается лучшим по достоверности и полноте исследованием по истории индустриального труда в Сибири в конце XIX – начале XX в. Е.Н. Коренев в советское время был детским врачом, пережил блокаду Ленинграда.

Ключевые слова: Евгений Николаевич Коренев; врач; Томский университет; прииски; Ленские прииски.

Первый набор студентов на единственный в 1888 г. медицинский факультет Томского императорского университета составил, как известно, 73 человека. Среди тех, кто учился, были будущие профессора Томского университета П.В. Бутягин, А.А. Кулябко, И.М. Левашев, С.М. Тимашев, доктора медицины, профессора И.П. Коровин, П.Я. Корольков и др. Учителями студентов-медиков были профессора В.Н. Великий (физиолог), А.С. Догель (гистолог), С.И. Коржинский (ботаник), М.Г. Курлов (терапевт), Н.М. Малиев (анатом), Н.А. Рогович (терапевт), Э.Г. Салищев (хирург), Д.И. Тимофеевский (патофизиолог) и др. Среди первых 30 выпускников 1893 г. был и малоизвестный широкой публике, но хорошо знакомый историкам индустриального труда в Сибири периода капитализма доктор Евгений Николаевич Коренев.

Цель настоящей статьи – восстановить, насколько это позволяют источники, основные вехи жизненного пути Е.Н. Коренева и показать значение его главного труда – докторской диссертации для изучения рабочего вопроса в дореволюционной Сибири.

Из личного дела студента Коренева можно узнать, что Евгений Николаевич Корнев родился 25 мая 1867 г. В свидетельстве, выданном Ярославской духовной консисторией, говорится: «…в метрических книгах церкви Подъяблонного погоста Рыбинского уезда, у не служащего дворянина деревни Милюшиной Николая Александрова Корнева и жены его Ольги Васильевой сын Евгений под № 14 записан родившимся двадцать шестого, крещенным двадцать восьмого мая тысяча восемьсот шестьдесят седьмого года. Восприемником был унтер-офицер, музыкант, проживающий в деревне Милюшине Иосиф Зиновьев» [1. Л. 10]. Его отец, Николай Александрович (1842 г.р.), родом из дворян Тамбовской губернии, обучался в Московской гимназии, но, не закончив ее, выбыл «по желанию» из 6-го класса. В 1870 г. он поступил на службу письмоводителем в Виленское акцизное управление. В последующие годы служил бухгалтером, затем помощником бухгалтера Виленского губернского акцизного управления. В ноябре 1876 г. Н.А. Коренев был перемещен на службу и.д. пристава Речицкого уезда, а в декабре того же года приставом 2-го стана Борисовского уезда Минской губернии. В 1877 г. по предложению Минского губернатора был назначен младшим помощником правителя губернаторской канцелярии, а в апреле 1878 г. и.д. старшего помощника правителя той же канцелярии. Одно время являлся членом Минского губернского попечительства детских приютов и непременным членом Слуцкого уездного по крестьянским делам присутствия. Однако в 1884 г. уволился со службы, а в 1885 г., согласно прошению, был причислен к Томскому общему губернскому управлению и назначен на должность особого заседателя Томского приказа общественного призрения. По новому месту службы получал жалованье в 600 руб. и 300 руб. столовых. Ко времени переезда в Томск имел награды: орден Св. Станислава III ст. (1879) и знак Общества Красного Креста. Мать Евгения, Ольга Васильевна (дев. Федорова), занималась домашним хозяйством и воспитанием 6 детей (2 сыновей и 4 дочерей) [1. Л. 12–13].

Евгений после окончания Томской мужской гимназии (1886 г.) поступил на отделение естественных наук физико-математического факультета Императорского Московского университета. Однако проучился там только первых два курса. В выданном ему свидетельстве за подписью ректора Московского университета Г. Иванова записано, что Евгений Коренев в Московском университете «состоял осеннее полугодие 1887 г. и весеннее полугодие 1888 года и имел зачеты 1 и 2 семестров и незачеты 3 и 4 семестров… Во время пребывания в университете поведения он был отличного и ни в чем предосудительном замечен не был» [Там же. Л. 7].

Однако приехав к родителям в Томск на летние каникулы, Евгений 25 июля 1888 г. подает прошение на имя попечителя Западно-Сибирского учебного округа В.М. Флоринского. В нем он пишет: «Желая поступить в число студентов Томского Императорского университета, я имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство о зачислении меня в число студентов и о сношении с Московским университетом о высылке моих документов» [Там же. Л. 5].

На прошении имеется резолюция попечителя о зачислении Е.Н. Коренева на первый курс медицинского факультета только что открытого Императорского Томского университета. Все годы обучения в универ-

ситете он получал в основном отличные оценки. На 5-м курсе женился [1. Л. 24]. Вот его прошение на имя ректора, датированное 31 октября 1890 г.: «Желая вступить в брак, имею честь покорнейше просить Ваше Высокородие выдать мне удостоверение, что препятствий к этому со стороны университетского начальства не имеется» [Там же. Л. 25].

Венчание прошло 12 ноября 1890 г. в Градо-Томском кафедральном Благовещенском соборе. Его избранницей стала дочь коллежского асессора Петра Александровича Буткеева, Вера, 21 года. Таинства брака совершили священник, профессор богословия Императорского Томского университета Д.Н. Беликов и дьякон И. Павлов [Там же. Л. 28]. В следующем 1893 г. Е.Н. Корнев окончил с отличием университет со степенью лекаря [Там же. Л. 18].

Далее о жизненном пути Е.Н. Коренева сообщает Curriculum Vitae, составленное им и приложенное к диссертации: «По окончании курса со степенью лекаря с отличием в 1893 году был назначен и.д. врача этого университета. С 7 августа 1894 по 18 июля 1898 года служил врачом на частных золотых приисках в Якутской области. В 1898–1899 академическом году закончил испытания на степень доктора медицины в Императорской Военно-Медицинской Академии. С 1899 г. состоит сверхштатным младшим медицинским чиновником при Медицинском Департаменте. В 1900 году Министерством внутренних дел командирован для изучения санитарного состояния золотых приисков в Якутской области» [2].

Работая врачом на приисках Бодайбинской компании, Е.Н. Коренев собрал и переслал на имя профессора П.В. Буржинского 375 руб. в помощь нуждающимся студентам университета. При этом 298 руб. 20 коп. были собраны путем продажи билетов на спектакль, сыгранный служащими – любителями драматического искусства, остальные средства были пожертвованы разными лицами, в том числе 10 руб. Е.Н. Кореневым [3].

В 1903 г. в Военно-медицинской академии Е.Н. Коренев защитил диссертацию «Очерк санитарно-экономического положения рабочих на золотых промыслах Витимско-Олекминской системы Якутской области» на степень доктора медицины [2]. Накануне Первой мировой войны он работал старшим помощником делопроизводителя Управления главного врачебного инспектора в Петербурге. Имел чин статского советника [4. С. 231].

Отдельные отрывочные сведения дали возможность узнать, что Е.Н. Коренев на всю оставшуюся жизнь остался ленинградцем. В 1920-х гг. он работал врачом подотдела охраны материнства и младенчества Ленинградского губздрава [5. С. 457]. По сведениям его праправнучки О. Тапиновой, он оставался в блокадном Ленинграде и умер уже после окончания Великой Отечественной войны [6].

Сын Е.Н. Коренева, Борис, родившийся в Томске 18 августа 1891 г., также был врачом и незаурядным человеком. Он окончил медицинский факультет Юрьевского (Дерптского) университета в 1916 г. Служил в Красной армии в 1919–1936 гг. Был участником Гражданской войны. С 1939 г. вновь был призван на военную службу и работал на разных руководящих должностях до 1950 г. Был до 1941 г. военврачом, затем до августа того же года – помощником начальника военного госпиталя, потом – старшим помощником начальника отдела Военно-санитарного управления Резервного фронта, с января 1942 г. – в должности начальника отделения санитарного отдела 10-й армии Западного фронта, начальником Управления головного полевого эвакуационного пункта 69 и Управления полевого эвакуационного пункта 29 50-й армии в июле–октябре 1944 г. До конца войны затем был начальником Управления местного эвакуационного пункта 113-го Второго Белорусского фронта. Участвовал в организации медицинского обеспечения войск фронта в битве под Москвой, в Ржевско-Сычевской, Орловской, Смоленской, Восточно-Померанской, Берлинской и других военных операциях в боевой обстановке [7]. Борис Евгеньевич ушел в отставку полковником, был награжден в военное время орденом Красной Звезды (09.08.1943 г.), орденами Отечественной войны I и II степени (06.10.1944 г. и 07.03.1945 г.) и орденом Красного Знамени (14.03.1945 г.) [8].

Диссертацию на степень доктора медицины «Санитарно-экономическое положение рабочих на золотых промыслах Витимско-Олекминской системы Якутской области» Е.Н. Коренев защитил в 1903 г. Точную дату защиты установить не удалось, но есть дата разрешения печатать диссертацию – 11 января 1903 г., которое подписал ученый секретарь конференции Военно-медицинской академии профессор А. Дианин. Диссертация была напечатана в типографии Министерства путей сообщения на Фонтанке, 117. Цензорами диссертации (оппонентами) по поручению Конференции академии были профессора С.В. Шидловский[1], М.В. Яновский[2] и приват-доцент В.А. Левашев[3]. Диссертацию Е.Н. Коренев посвятил своему учителю – профессору Томского университета Эрасту Гавриловичу Салищеву. Кроме научного руководителя С.В. Шидловского, диссертант поблагодарил за помощь в работе окружного инженера Ленского горного округа Романа Филипповича Левицкого, управляющего Бодайбинской компании Ивана Михайловича Осокина, управляющего Ленского золотопромышленного товарищества Леопольда Фердинандовича Граумана, а также Эмилия Александровича Абрамовича, Артура Адольфовича Брауна и Бориса Осиповича Школьника, вероятно, коллег и служащих золотопромышленных компаний, и Степана Егоровича Павского, однокурсника по Томскому университету [2. С. 4 (2-я пагинация)].

Диссертация представляет собой развернутый очерк санитарно-гигиенических условий жизни и труда рабочих золотых приисков Ленского горного округа. Ее можно разделить на четыре части. В первой дано описание местности, климата (с. 1–16) и способов разработки золота (с. 16–32). Ко второй части можно отнести два раздела, посвященные найму и составу рабочей команды и служащих (с. 32–68). Третья часть диссертации посвящена ха-

рактеристике условий жизни и труда рабочих и служащих (с. 68–191): жилым помещениям (с. 68–90); приисковой системе обслуживания – хлебопекарням, квасоварням, мастерским, отхожим местам, баням, кабачкам (с. 90–107); пищевому довольствию (с. 107–129); рабочему дню, дню отдыха, заработной плате и штрафам (с. 130–170); старателям (с. 170–181); школам (с. 182–191). Четвертая часть труда – это обширный очерк состояния медицинской помощи на приисках (с. 191–256).

Выводы труда изложены на четырех страницах с отдельной пагинацией. Всего их двадцать пять: 1. На приисках необходим постоянный санитарный надзор. 2. В крупных золотопромышленных компаниях санитарный надзор имеется, на мелких предприятиях его нет. 3. Санитарный надзор на всех приисках недостаточен. 4. Контракты рабочих не соблюдаются и не спасают их от досрочного расчета. 5. Жилые помещения на приисках не удовлетворяют требованиям гигиены. 6. В казармах для рабочих нет сеней и сушилок для одежды и обуви. 7. Казармы для рабочих переполнены. 8. Семейные рабочие живут вместе с холостыми, а их следует селить отдельно. 9. Печи в казармах должны быть не железными, а кирпичными. 10. Сплошные нары в казармах следует заменить одиночными. 11. Стирка одежды в казармах недопустима. 12. Для провизии должны быть кладовые. 13. При казармах должны быть выгребные ямы и бани раз в неделю для рабочих. 14. Следует запретить рабочим селиться на чердаках помещений, в машинных отделениях, в палатках. 15. Рацион питания рабочих и служащих по количеству достаточен. 16. Паек рабочих беден жирами, перевод рабочих с хозяйского питания на свое этого не устранит, так как жиров недостаточно в приисковых магазинах. 17. Следует разрешить на приисках вольную торговлю для устранения монополии хозяйских лавок. 18. Количество спирта, выдаваемого рабочим в винных порциях, слишком велико и вредит их здоровью. 19. Необходимо регулировать выдачу винных порций. 20. Распределение дней отдыха неравномерно зимой и летом 21. Необходимо улучшить подачу медицинской помощи. 22. Норма, установленная обязательным постановлением о медпомощи на приисках, – одна кровать в больницах и приемных покоях на сто рабочих – чрезвычайно мала, необходимо ее повысить в три раза (1 кровать в больницах на 30 рабочих). 23. Необходимо законом учредить попечительство о больных и увечных рабочих на приисках. 24. Медицинскую помощь необходимо на приисках сохранить бесплатной. 25. На приисках нет постоянных кадров рабочих, так как из 23 073 обследованных рабочих 81,97% оставили прииски после трех лет работы на них [2. С. 1–4 (2-я пагинация)].

Выводы Е.Н. Коренева беспристрастны и не содержат прямой критики золотопромышленников, экономивших на условиях труда и быта рабочих и служащих. Опираясь на отчеты приисковых компаний, окружных инженеров, собственные обследования и наблюдения, свои выводы он подкрепляет статистическими расчетами. Если кратко подытожить данные исследования Е.Н. Коренева, то вырисовывается следующая картина. В суровых (даже для Сибири) условиях на открытых и шахтовых работах по добыче золота в Сибири в Ленском округе работали в 1889–1898 гг. ежегодно от 12 до 18 тыс. рабочих в возрасте преимущественно (на 93%) от 20 до 45 лет, в основном сибиряки (на 80%), из крестьян (на 70%), православные (на 75%), неграмотные (на 70%), женатые (на 60%), на приисках 80% их не имели семей. Основная их цель – побочные заработки для поправки хозяйств. Рабочие были неприхотливы в быту, еде, одежде и развлечениях. Они жили в общежитиях (казармах) скученно и без элементарных удобств (76% рабочих жили в номерах с жилой площадью на 1 человека от 2,3 до 4,6 кв. м), довольствовались однообразной, малокалорийной пищей (хлеб, щи, каша, чай), впрочем, достаточной по объему. Рабочие и служащие имели возможность учить детей, получать медицинскую помощь. Тяжелая работа, многочисленные травмы, увечья и болезни, в сочетании с пьянством, приводили к преждевременному старению работников. Условия быта, предоставляемые рабочим хозяевами приисков, размер заработка их в основном удовлетворяли, вследствие временности их пребывания в положении наемных рабочих и низкого уровня потребностей. Вместе с тем Е.Н. Коренев отметил, что хозяева небольших предприятий часто нарушали неписанные законы тайги – «не обижать рабочих едой», дать возможность заработать и отдохнуть, отметил он и стремление хозяев даже крупных компаний всемерно экономить на оплате труда и содержании рабочей силы.

Надо сказать, что оценку санитарно-гигиеническим условиям жизни приискового населения Е.Н. Коренев давал исходя не из субъективных показаний рабочих, служащих, предпринимателей, а из критериев медицинской науки своего времени. Поражает объем работы, проделанной Е.Н. Кореневым за 5 лет работы в Ленском округе: он собрал статистику за 10 лет по составу рабочих, провел измерение почти трехсот жилых помещений на приисках, проводил замеры освещенности, температуры воздуха, количества углекислого газа, собрал информацию о количестве и качестве пищи, о выдаче винных порций, провел сравнительный анализ калорийности питания, собрал статистику о заработках рабочих за 10 лет. Е.Н. Коренев провел анализ статистики болезней на приисках крупнейших компаний – Лензолото, Бодайбинской и промышленности в разных местах Сибири, а также в больницах приисковых приютов, в которые попадали уволенные рабочие в 1897 – первую половину 1900 г. Главными болезнями оказались травмы, кишечно-желудочные, простудные заболевания, цинга, ревматизм. Рабочие серьезно болели более чем один раз в году. При этом они старались не попадать в больницы, не отмечаться больными. На самом деле болели они намного чаще, чем показывает статистика приисковых больниц. Реальный уровень травматизма был в десятки раз выше, чем это регистрировала горная инспекция [2. С. 228–256].

Е.Н. Коренев однозначно делает вывод, что условия жизни приискателей не отвечали требованиям

санитарии, гигиены и медицинского обеспечения, а условия быта и труда пагубно сказывались на здоровье работников.

Диссертация Е.Н. Коренева стала одним из наиболее ценных свидетельств о положении золотопромышленных рабочих Сибири в конце XIX в., наряду с сочинениями историка В.И. Семевского [12], публициста А.А. Колычева [13]. На мнение доктора Е.Н. Коренева как на авторитетного специалиста по рабочему вопросу часто ссылались не только коллеги, но и чиновники горного надзора. Исследование Е.Н. Коренева и сейчас является важнейшим источником по истории рабочего класса Сибири, не утратила оно и своего значения и для медицинской науки как сравнительный материал.

Кроме выводов, диссертация содержит также Положения, которые автор посчитал важными для совершенствования медицинской помощи населению всей Российской империи: «1. В целях оздоровления России необходимо усилить медико-санитарный надзор за фабриками, заводами, отхожими промыслами. 2. Одной из главных причин вымирания инородцев Сибири является неозабоченность их врачебною помощью. 3. Медико-полицейский надзор за проституцией на приисковых резиденциях должен быть усилен. 4. Необходимо подвергнуть изучению причины эпидемического зоба в приленских селениях. 5. Подробное и систематическое исследование всех воспитанников средних и низших учебных заведений должно быть сделано обязательным. 6. До настоящего времени медицина не обладает специфическими средствами против самой подагры. 7. Развитие нефрита при скарлатине не может быть предотвращено молочной диетой» [2. С. 1 (3-я пагинация)]. Некоторые из них хорошо было бы и сейчас соблюдать, другие звучат уже наивно.

Диссертация, видимо, осталась главным научным трудом Е.Н. Коренева, но и ее достаточно, чтобы помнить его автора с благодарностью. Он увидел и описал условия жизни рабочих в 1889–1898 гг. в крупнейшем горнопромышленном районе Сибири – Ленско-Витимском. Эти условия были настолько тяжелы, что привели к забастовкам на крупнейших приисках Витимского округа в 1904 г. [14. С. 297, 299]. Стачка на Андреевском прииске Компании Промышленности тогда едва не закончилась расстрелом рабочих. Через 8 лет – в 1912 г. власти все-таки выполнили свою угрозу. Ленский расстрел стал началом нового революционного подъема во всей Российской империи. Рабочий вопрос был одним из главных в социально-политической жизни России в начале XX в. Он и привел Россию к революционным событиям 1917 г. Доктор Е.Н. Коренев и его коллеги пытались улучшить условия жизни пролетариата, обращали на рабочий вопрос внимание властей и общественности. Однако гуманизм медицинской науки того времени входил в острое противоречие с грубой реальностью нарождавшегося индустриального мира.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Шидловский Сергей Владимирович (1846 – после 1903 г.) – врач-гигиенист, профессор и академик Военно-медицинской академии, научный руководитель Е.Н. Коренева [9], ученик профессора А.П. Доброславина.

[2] Яновский Михаил Владимирович (29.10.1854 – 04.10.1927), врач-терапевт, профессор и академик Военно-медицинской академии, ученик профессора С.П. Боткина [10].

[3] Левашев Виктор Александрович (1864–1916), врач-гигиенист и общественный деятель, приват-доцент, с 1910 г. профессор Военно-медицинской академии, ученик профессора И.М. Сеченова [11].

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив Томской области. Ф. 102. Оп. 2. Д. 2201. Л. 10.
2. Коренев Е.Н. Очерк санитарно-экономического положения рабочих на золотых промыслах Витимско-Олекминской системы Якутской области : дис. ... д-ра медицины. СПб., 1903. 256 с.
3. Сибирская жизнь. 1898. 1 сент.
4. Список медицинских врачей СССР (на 1 января 1924 года). М. : Издание НКЗ РСФСР, 1925.
5. Российский медицинский список на 1914 год. СПб., 1914.
6. URL: http://leningrad-spb-blokada.net/index.php/jungeleutemenu/ueberaelteremenu/2011-01-25-20-18-35?start=54
7. URL: http://refdb.ru/look/2649948-p18.html
8. URL: http://podvignaroda.mil.ru/?#tab=navResult
9. Русский биографический словарь А.А. Половцова. Электронная репринтная версия. URL: http://rulex.ru/01250077.htm
10. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki Яновский Михаил Владимирович.
11. Большая медицинская энциклопедия. URL: http://bigmeden.ru/article/В.А. Левашев
12. Семевский В.И. Рабочие на сибирских золотых промыслах СПб. : Издание И.М. Сибирякова, 1898. Т. 1, 2.
13. Колычев А.А. Рабочие на приисках Сибири. Томская горная область. СПб. : Северное эхо, 1904. VIII. 166 с.
14. Рабочее движение: историография, источники, хроника, статистика в трех томах. Том первый XVII в. – 1904 г. / под ред. Н.В. Блинова и В.П. Зиновьева. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1988. 375 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 19 января 2016 г.

DR. E.N. KORENEV

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 406, 81–85.
DOI: 10.17223/15617793/406/12

Zinoviev Vasiliy P. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: vpz@tsu.ru
Fominykh Sergey F. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: sergey.fominyh1940@mail.ru

Keywords: Evgeny Korenev; doctor; Tomsk State University; mines; Lena mines.

The biography of one of the first graduates of the Faculty of Medicine of the Imperial Tomsk University Evgeny Korenev was reconstructed. In 1903 he defended his doctoral thesis in medicine on the basis of the material on the sanitary living and working conditions of workers of the Lena goldfields which he collected during his work as a doctor at the mines of the Bodaibo company. E.N. Korenev was a pediatrician in the Soviet time, he survived the blockade of Leningrad. His thesis can be divided into four parts. The first one describes the terrain and climate, and the methods of mining gold. The second part includes two sections devoted to employment, the labor team and employees. The third part of the thesis is devoted to the living and working conditions of workers and employees: the living quarters; the service system at the mines: bakeries, a kvass factory, workshops, latrines, baths, taverns, alimentary allowance; the working day, the day of rest, wages and penalties; miners; schools. The fourth part of the work is an extensive essay on the state of health care at the mines. E.N. Korenev gave an evaluation of the hygienic living conditions of the population at the mines not from the subjective indications of the workers, employees and employers, but from the criteria of medical science of his time. For five years of work in the Lena district he collected the statistics for 10 years of the structure of the workers, measured nearly three hundred living quarters at the mines, measured light, temperature, carbon dioxide, collected information on the quantity and quality of food, the issuance of wine servings, conducted a comparative analysis of the calorie content, collected statistics on the earnings of workers. E.N. Korenev analyzed the statistics of diseases in the mines of the largest companies Lenzoloto, Bodaibo and in the industry in different parts of Siberia, in hospitals at the mines where laid-off workers lived in 1897 – the first half of the 1900s. The main illnesses were injuries, gastrointestinal, respiratory diseases, scurvy and rheumatism. The workers tried not to get into hospital. In the reality there were many more sick people than statistics in the mine hospitals shows. The actual level of injury was ten times higher than it was registered by the mining inspectorate [2. Pp. 228–256]. E.N. Korenev unequivocally concludes that the conditions of life at the mines did not meet the requirements of health and medical care, and living conditions and working conditions had a pernicious effect on the health of workers. This dissertation is still the best in its reliability and completeness of work on the history of industrial labor in Siberia at the end of the 19th – early 20th centuries.

REFERENCES

1. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 102. List 2. File 2201. Page 10. (In Russian).
2. Korenev, E.N. (1903) *Ocherk sanitarno-ekonomicheskogo polozheniya rabochikh na zolotykh promyslakh Vitimsko-Olekminskoy sistemy Yakutskoy oblasti* [Outline of the sanitary and economic situation of the workers in the gold fields of the Vitim-Olekma system of Yakutsk Oblast]. Medicine Dr. Diss. St. Petersburg.
3. *Sibirskaya zhizn'*. (1898) 1 September.
4. NKZ RSFSR. (1925) *Spisok meditsinskikh vrachey SSSR (na 1 yanvarya 1924 goda)* [List of medical doctors of the USSR (as on January 1, 1924)]. Moscow: Izdanie NKZ RSFSR.
5. Ministry of Internal Affairs. (1914) *Rossiyskiy meditsinskiy spisok na 1914 god* [The Russian medical list for 1914]. St. Petersburg: Tipografiya Ministerstva vnutrennikh del.
6. Leningrad-spb-blokada.net. (2011). [Online]. Available from: http://leningrad-spb-blokada.net/index.php/jungeleutemenu/ueberaelteremenu/2011-01-25-20-18-35?start=54.
7. Refdb.ru (n.d.) *KOLESOV Panteleymon Viktorovich*. [Online]. Available from: http://refdb.ru/look/2649948-p18.html. (In Russian).
8. Podvignaroda.mil.ru. (n.d.) *Podvig Naroda v Velikoy Otechestvennoy voyne 1941-1945 gg.* [Feat of the people in the Great Patriotic War of 1941–1945]. An electronic document database. [Online]. Available from: http://podvignaroda.mil.ru/?#tab=navResult.
9. Polovtsov, A.A. (n.d.) *Russkiy biograficheskiy slovar' A.A. Polovtsova* [Russian Biographical Dictionary by A.A. Polovtsov]. Electronic reprint version. [Online]. Available from: http://rulex.ru/01250077.htm.
10. Ru.wikipedia.org. (n.d.) *Yanovskiy Mikhail Vladimirovich* [Online]. Available from: https://ru.wikipedia.org/wiki. (In Russian).
11. Bigmeden.ru. (n.d.) *Bol'shaya meditsinskaya entsiklopediya* [The Great Medical Encyclopedia]. [Online]. Available from: http://bigmeden.ru/article/V.A. Levashev.
12. Semevskiy, V.I. (1898) *Rabochie na sibirskikh zolotykh promyslakh* [Workers at Siberian gold fields]. Vols 1, 2. St. Petersburg: Izdanie I.M. Sibiryakova.
13. Kolychev, A.A. (1904) *Rabochie na priiskakh Sibiri. Tomskaya gornaya oblast'* [Workers in the mines of Siberia. Tomsk mountain area]. St. Petersburg: Severnoe ekho.
14. Blinov, N.V. & Zinov'ev, V.P. (eds) (1988) *Rabochee dvizhenie: istoriografiya, istochniki, khronika, statistika v trekh tomakh* [The labor movement: historiography, sources, chronicles, statistics in three volumes]. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University.

Received: 19 January 2016

Вестник Томского государственного университета. 2016. № 406. С. 86–89. DOI: 10.17223/15617793/406/13

УДК 04.41.31

В.И. Зиновьева

ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ СТУДЕНТОВ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ В ВУЗОВСКОЙ СРЕДЕ

Освещаются особенности процесса формирования социальной идентичности молодых людей с инвалидностью в вузовской системе, рассматриваются проблемы отношения к инвалидности, деятельность Центра сопровождения студентов с инвалидностью (ЦеССИ ТУСУР) по формированию положительной идентичности в молодежной среде, а также ресурсы группового проектного обучения студентов в вузе.

Ключевые слова: сопровождение студентов с ограниченными возможностями; высшее образование; идентичность; проектное обучение.

Образование и профессиональная подготовка лиц с ограниченными возможностями могут рассматриваться, с одной стороны, как предпосылка для успешной интеграции инвалида в сферу трудовой деятельности, а с другой – образование является фундаментальной ценностью, определяющей социальный статус, возможности для самореализации личности. Эта сфера формирует идентичности и новые социальные роли, расширяет возможности человека. Чтобы быть успешным, также необходимо иметь такие характеристики личностной идентичности, как активность, самостоятельность, ответственность, коммуникабельность, решительность, уверенность в себе. Реализация прав таких молодых людей на принципах инклюзии требует от общества оказания определенной поддержки в соответствии со степенью ограничения их возможностей. Процесс формирования социальной идентичности у молодых людей с инвалидностью – это осознание ими своей принадлежности и включение на равных основаниях в вузовскую среду, освоение академических и общественных интересов, ценностей и стереотипов поведения.

Тема сопровождения лиц с инвалидностью в университетах стала привлекать внимание отечественных авторов. В книге Е.А. Мартыновой «Социальные и педагогические основы построения и функционирования системы доступности высшего образования для лиц с ограниченными физическими возможностями» отдельная глава посвящена процессу социализации, где уделяется особое внимание факторам процесса формирования личности [1]. В статье С.С. Лебедевой «Актуальные социально-педагогические технологии работы с инвалидами» дается характеристика направлений социального сопровождения инвалидности, применения образовательных технологий работы с инвалидами, участия в реализации конкретных программ в реабилитационных и образовательных учреждениях [2]. Э. Кардорф в статье «Стигматизация, дискриминация и изоляция людей с ограниченными возможностями» обращает внимание на анализ состояния общества, отношение к инвалидности, стигматизацию людей, имеющих ограничения в реализации возможностей в контексте социальных изменений, развития общества и личности [3]. Д.В. Зайцев в статье «В центре внимания – студент-инвалид» характеризует основные направления деятельности вузов в области обучения студентов с ограниченными возможностями здоровья и подчеркивает, что оно осуществляется как по индивидуальным образовательным программам, так и по групповым [4].

Система сопровождения студентов с инвалидностью хорошо разработана в европейских университетах, там существует безбарьерная среда, студентам-инвалидам обеспечиваются равные возможности в освоении программ обучения. В высших учебных заведениях европейских стран существуют два варианта организации помощи таким студентам: 1) службы сопровождения студентов с инвалидностью различных университетов создают специальный координационный орган и согласовывают свои действия (Швеция, Германия). Так, любой вуз в Швеции обязан тратить 0,3% своего бюджета на нужды студентов с инвалидностью (в эти расходы не входят затраты на оборудование и содержание персонала). Если траты университета превышают эту квоту, он может получить дополнительные средства по гранту правительства; 2) учреждение и работа служб сопровождения осуществляется автономно, каждым вузом, без координации (Бельгия, Финляндия). Например, в Свободном университете Брюсселя такая служба сопровождения существует при психологическом факультете и сочетает работу со студентами-инвалидами вуза с сотрудничеством с внешними организациями и другими целевыми группами инвалидов, в том числе с детьми-инвалидами.

Правительство России в последнее время также принимает меры по расширению доступности обучения лиц с инвалидностью в средней и высшей школе. По приказу Министерства образования и науки Российской Федерации (2004 г.) были определены пять учебно-методических центров по обучению инвалидов: Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана (по обучению инвалидов, имеющих нарушение слуха), Московский государственный социальный институт (для инвалидов, имеющих нарушение опорно-двигательного аппарата), Российский государственный педагогический университет, Санкт-Петербург (для обучения инвалидов, имеющих нарушения зрения), Новосибирский государственный технический университет (для обучения инвалидов с нарушениями разной этиологии) и Московский государственный педагогический университет (для обучения инвалидов с нарушениями разной этиологии по педагогическим специальностям). Кроме это-

го, создавались учебно-методические центры на базе университетов во Владимире, Челябинске (Челябинский государственный университет), Санкт-Петербурге (Политехнический университет), Красноярске (Торгово-промышленный институт). Однако в большинстве вузов страны ситуация с обеспечением равных прав инвалидов в образовании остается актуальной.

Работа по организации сопровождения студентов-инвалидов в Томском государственном университете систем управления и радиоэлектроники (ТУСУР) началась в 2007 г. Основным толчком к разработке этой темы стало развитие в вузе группового проектного обучения (ГПО) как формы научно-исследовательской деятельности студентов. Эта технология основывается на самостоятельной разработке студентами под руководством преподавателя проектной темы, в результате чего должны появиться устройство, прибор, социальная технология, направленные на улучшение реальности в каком-либо конкретном направлении, инновационные по своей природе и способные приносить пользу обществу.

Практика показывает, что одним из направлений решения накопившихся проблем по обеспечению прав инвалидов в образовательной сфере может стать поддержка со стороны правительства грантами тех инициатив, которые возникают в самой вузовской среде. С 2009 по 2011 г. тема «Сопровождения социальной адаптации студентов с ограниченными возможностями в техническом вузе (на примере ТУСУРа)» получила бюджетное финансирование и возможность изучить отечественные и зарубежные практики в области социальной работы с инвалидами в образовательных учреждениях. При выполнении данной темы на протяжении ряда лет было сформировано несколько проектных групп из студентов старших курсов гуманитарного факультета, которые приходили работать добровольно, по зову души.

Разработка темы осуществлялась проектным методом, по методике логико-структурного подхода, когда последовательно выполняются четыре этапа: аналитический, исследовательский, апробирования (проведение мероприятий) и презентации. По такой же схеме строилась работа проектных групп студентов, которая была рассчитана на четыре семестра. Каждые два года тема проекта обновлялась с учетом расширения рамок исследований и акцентов в разработке вопросов.

Первоначально было изучено соотношение численности студентов вуза и доли среди них тех, кто имел инвалидность. Так, с 2003 по 2011 г. общая численность студентов вуза сократилась с 15 480 до 12 647 чел., а число студентов с инвалидностью за тот же период выросло с 11 до 50 человек. Это положение сохранилось и в 2014 г. – в университет поступили уже 76 человек с ограниченными возможностями, тогда как общая численность студентов снизилась до 11 418 человек. С учетом этой тенденции разработка данной темы не теряла своей актуальности. Ежегодно на один курс очного и заочно-вечернего отделений поступают 6–8 молодых людей с ограниченными возможностями, среди студентов факультета дистанционного обучения много инвалидов-колясочников.

С самого начала работа в проекте строилась на основе методов практической социальной работы: 1) индивидуальной работы (т.е. работы с конкретным случаем); 2) групповой работы (с академическими группами, в которых обучались студенты с инвалидностью или же с целевыми группами лиц с ограниченными возможностями); 3) работы в микросоциальной среде (т.е. в масштабе всего вуза). При разработке проекта были определены основные проблемы студентов с ограниченными возможностями: отношение их к самим себе, отношение окружающих к ним, формирование безбарьерной среды, а также рассматривались вопросы их адаптации при переходе из школьной системы обучения в вузовскую. Знакомство с опытом сопровождения студентов-инвалидов в европейских университетах позволило адаптировать к специфике вуза отдельные элементы систем сопровождения из Бельгии, Германии, Финляндии, Швеции.

По итогам анкетирования, проведенного среди студентов разных групп университета в 2012 г., выяснилось, что 81,4% студентов положительно относятся к возможности совместного обучения инвалидов со здоровыми студентами и готовы учиться с ними в одной группе; 7,2% положительно отреагировали на идею совместного обучения, но сами не хотели бы, чтобы студенты-инвалиды учились с ними в одной группе; 1,4% респондентов отрицательно отнеслись к совместному обучению и 10% затруднились дать ответ. Таким образом, подавляющее большинство студентов разделяют идеи инклюзивного образования, но от 1,4 до 18,6% студентов проявили разную степень интолерантности по отношению к группе инвалидов, часть, возможно, в силу слабой осведомленности относительно идей инклюзии.

По результатам опроса, проведенного в 2014 г., из 595 человек всего 16% слышали о термине «инклюзивное образование» и только 56% считали, что инвалиды должны обучаться совместно с обычными студентами. Всего 17% имели опыт такого обучения. В качестве одной из главных проблем 20,5% респондентов выделили трудности в общении с такими студентами. В ходе обучения у 26,1% студентов в положительную сторону изменилось отношение к лицам с инвалидностью, у 17,7% исчез страх перед лицами с особыми потребностями. Тем не менее в студенческой среде также существует база для проявления открытой или скрытой дискриминации по отношению к тем, кто имеет ограниченные возможности, что подтверждает необходимость работы в направлении формирования в вузе позитивных стереотипов инвалидности.

Для изучения процесса формирования идентичности у студентов с ограниченными возможностями использовались данные, полученные с помощью авторской методики «СМИ – экспресс» (анкета из 99 вопросов), разработанной преподавателем кафедры истории и социальной работы ТУСУРа, кандидатом психологических наук, инвалидом I группы по зрению М.П. Шульминым. Каждый студент с инвалидностью, поступивший на первый курс, заполнял эту анкету. По результатам анализа было установлено, что пережива-

ние инвалидности в острой форме испытывали единицы респондентов, а большинство не чувствовали своего особого положения отдаленности от здоровых людей. У них прослеживалось желание быть признанными окружающими. Вместе с тем у 20% студентов с инвалидностью прослеживалось стремление ограничить себя в контактах, они использовали техники самооправдания и не желали признаваться даже самим себе в своей ограниченности. В некоторых случаях наблюдалось отношение у этих студентов к самим себе как к «неумным», «отсталым», «безнадежным». Эта самостигматизация свидетельствовала о кризисе идентичности. Такая позиция не позволяла им развивать свои способности, тормозила их адаптацию. Во многом это отношение дополнялось дискриминирующим или, напротив, «жалеющим», отношением окружающих. Это укрепляло неконструктивную позицию инвалида, развивало инфантильность, ожидание, что о нем позаботятся. Такому положению дел способствует неразвитость безбарьерной архитектурной среды: инвалиды редко появляются среди «здоровых» людей, что усиливает их сегрегацию и проблемы в сфере общения. В этом случае со стороны участников проекта разрабатывались меры психологической поддержки (усиление ролевой позиции таких студентов, устранение противоречий в сфере личностной идентичности, налаживание коммуникативных связей и т.п.) с тем, чтобы процесс идентификации шел в положительном направлении. В большинстве случаев студенты с инвалидностью даже в ситуациях беспомощности и неуверенности были настроены на преодоление трудностей, однако не все были готовы изменять себя ради достижения этой цели.

В 2011 гг. в ТУСУРе была учреждена самодеятельная организация студентов и преподавателей гуманитарного факультета – Центр сопровождения студентов с инвалидностью (ЦеССИ ТУСУР). Ректоратом вуза Центру была выделена аудитория для проведения групповых форм работы, специально оборудованная комната общего пользования, были сделаны пандус, поручни в лестничных пролетах. На первом этаже главного корпуса университета была создана безбарьерная среда и возникли новые возможности для оказания разных услуг студентам с ограниченными возможностями, в частности по проведению занятий и дополнительных консультаций с инвалидами-колясочниками. В настоящее время ЦеССИ ТУСУР выполняет координационные задачи, разрабатывает проектную деятельность студентов, служит развитию коммуникаций между студентами-инвалидами и неинвалидами, является центром психолого-педагогической работы, консультаций и тренингов, формирования общественного мнения.

В ходе учебной проектной деятельности меняются студенты, они идентифицируют себя с новым сообществом студентов-инвалидов и неинвалидов, осознают свои ролевые функции, формируют профессиональные идентичности социальных работников. В сопровождении лиц с ограниченными возможностями постепенно сложились основные алгоритмы. Это, во-первых, индивидуальное сопровождение студентами проектных групп молодых людей с инвалидностью в течение первого курса обучения (в отдельных случаях – дольше), во-вторых, организация мероприятий и проведение форм групповой работы (тренингов, клубной деятельности), а также проведение в вузе информационных площадок по пропаганде идей инклюзивного образования и социальной модели инвалидности.

В ТУСУРе сложилась социокультурная работа с еще одной целевой группой, в которую входят абитуриенты, студенты с ограниченными возможностями из других вузов города, молодые люди с инвалидностью, в том числе с отсталостью в умственном развитии, из числа участников некоммерческой организации Томского общественного движения «Доступное для инвалидов высшее образование» (ТРОД «ДИВО»). Часто на мероприятия в ЦеССИ собираются обе целевые группы лиц с ограниченными возможностями, студенты проектных групп, а также приходят все желающие. Тогда все собравшиеся в Центре чувствуют себя общностью, помогают друг другу разобраться с различными заданиями, вместе обсуждают содержание фильмов, обмениваются впечатлениями по текущим событиям, высказывают свои мнения.

Преемственность проектной деятельности, сочетание предоставления социальных услуг с исследовательской и социокультурной деятельностью в одном центре способствуют вовлеченности обычных студентов и молодежи с инвалидностью в совместную деятельность, положительно влияют на формирование социальной идентичности молодежи. Рост самооценки лиц с инвалидностью, уверенности их в себе, развитие личностного потенциала, новых социальных связей приводят также к освоению ими ценностей и социального поведения, соответствующего ожиданиям общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мартынова Е.А. Социальные и педагогическое основы построения и функционирования системы доступности высшего образования для лиц с ограниченными физическими возможностями. Челябинск : ЧелГУ, 2002. 383 с.
2. Лебедева С.С. Актуальные социально-педагогические технологии работы с инвалидами // Ученые записки СПбГИПСР. 2011. Т. 15, вып. 1. С. 7–10.
3. Кардорф Эрнст фон. Стигматизация, дискриминация и изоляция людей с ограниченными возможностями // Социальная работа: образование и практика / под ред. Н.А. Грика. Томск : Изд-во ТУСУРа, 2011. С. 57–88.
4. Зайцев Д.В. В центре внимания – студент-инвалид // Высшее образование в России. 2009. № 5. С. 134–140.

Статья представлена научной редакцией «История» 30 марта 2016 г.

SPECIAL ASPECTS OF DISABLED PEOPLE'S IDENTIFICATION IN A HIGHER EDUCATION INSTITUTION

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 406, 86–89.
DOI: 10.17223/15617793/406/13

Zinovieva Valentina I. Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (Tomsk, Russian Federation). E-mail: vizanefertity@yandex.ru

Keywords: disabled students' support; higher education; identity; learning by development (project studying).

The article tells about the special aspects of the development of the social identity of disabled young people in the university. It also discusses the issues of the attitude towards disability, the activity of the Center for Support of Disabled Students which forms the positive identity among young people and the resources of the Learning by Development in the university. The system of support of disabled students is well-developed in European universities, there is a barrier-free space there, disabled students have equal opportunities with other students in the studying process. This system is just beginning its functioning in Russia. The activities for support of disabled students in Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (TUSUR) started in the 2006/07 academic year. It began because of the development of Learning by Development (LBD) in TUSUR. This is a form of students' scientific activity in which they choose the issue and try to improve the reality in the sphere of this issue, for the benefit of the society. A group of students of the Humanitarian Faculty began to research the issue of disabled students' support in a technical university, and then several other groups researching this issue were created. This issue was elaborated by the methods of logical and structure approach during four academic semesters. The students made articles and presented them at the conferences. Every two years the topic of the project changed due to the widening of the research frames and accents. Today the fifth project team researches the issue of disabled youngsters' support. In 2011, a self-regulating organization of students and teachers, the Center for Support of Disabled Students (CSDS), was established. CSDS gained a room for group work, equipped a toilet, a rampant and hand-rails with the help of the rector. So, the barrier-free area was created on the ground floor of the main building of TUSUR and the new possibilities for different services for disabled students appeared. For example, additional lessons and consultations are held in this room. Nowadays the Center is the coordinator of activities, it develops the project activity of the students, organizes communication between disabled and non-disabled students, it is the center of psychological and pedagogical work, consultations and trainings, it creates public opinion. Disabled students and youngsters are involved into the common activity because of the continuity of the project activity and also the combination of social services, research and cultural activity. This fact has a positive influence on establishing the social identity of the youth. The growth of self-esteem of disabled people, the development of their personal potential lead to adoption of the values and social behavior which correspond to the expectations of society.

REFERENCES

1. Martynova, E.A. (2002) *Sotsial'nye i pedagogicheskoe osnovy postroeniya i funktsionirovaniya sistemy dostupnosti vysshego obrazovaniya dlya lits s ogranichennymi fizicheskimi vozmozhnostyami* [Social and pedagogical bases of construction and operation of the system of higher education accessibility for persons with disabilities]. Chelyabinsk: Chelyabinsk State University.
2. Lebedeva, S.S. (2011) Aktual'nye sotsial'no-pedagogicheskie tekhnologii raboty s invalidami [Recent socio-pedagogical technologies of work with disabled persons]. *Uchenye zapiski SPbGIPSR*. 15:1. pp. 7–10.
3. Kardorf, Ernst von. (2011) Stigmatizatsiya, diskriminatsiya i izolyatsiya lyudey s ogranichennymi vozmozhnostyami [Stigma, discrimination and exclusion of people with disabilities]. In: Grik, N.A. (ed.) *Sotsial'naya rabota: obrazovanie i praktika* [Social work: Education and Practice]. Tomsk: TUSUR.
4. Zaytsev, D.V. (2009) V tsentre vnimaniya – student-invalid [In the spotlight: a student with a disability]. *Vysshee obrazovanie v Rossii*. 5. pp. 134–140.

Received: 30 March 2016

Вестник Томского государственного университета. 2016. № 406. С. 90–97. DOI: 10.17223/15617793/406/14

УДК 378.4(571.16), 027.6

Н.А. Качин

СОБИРАЯ «ХРАНИЛИЩЕ ДУХОВНОЙ ПИЩИ»: ИЗ ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ В.М. ФЛОРИНСКИМ КНИЖНОГО ФОНДА НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Научная библиотека Томского государственного университета – одно из крупнейших книгохранилищ России. Она формировалась в течение двух веков. Рассматривается история появления некоторых частных книжных собраний в фонде Научной библиотеки Томского государственного университета на основе материалов архива В.М. Флоринского.

Ключевые слова: В.М. Флоринский; Научная библиотека Томского университета.

Научная библиотека Томского государственного университета с самого своего основания в 1880 г. стала неотъемлемой его частью, определив на долгие годы научно-исследовательский характер деятельности первого в Сибири высшего учебного заведения. Ключевую роль в формировании первоначального книжного фонда библиотеки сыграл Василий Маркович Флоринский (1834–1899) – разносторонний ученый, попечитель Западно-Сибирского учебного округа, чье имя неразрывно связано с историей создания и открытия Императорского сибирского университета в Томске.

Исследователи в своих работах, посвященных истории создания Томского университета и его учебно-вспомогательных институтов в период 1875–1888 гг., отмечали особые заслуги В.М. Флоринского в формировании основного книжного фонда библиотеки [1–3]. Вместе с тем детали появления некоторых частных книжных собраний остаются зачастую неизвестными.

В данной статье автор ставит перед собой цель на основе материалов из архива В.М. Флоринского установить его роль в становлении книжного фонда библиотеки Томского университета.

Впервые к идеи создания университетской библиотеки В.М. Флоринский обратился в «Проекте предложения к пожертвователям для собрания библиотеки Сибирского университета» [4], где он подробно изложил основные принципы и подходы к формированию книжных фондов библиотеки, признав её неотъемлемой и важной частью университета. В своих воспоминаниях Флоринский писал: «обширная и всесторонняя по содержанию библиотека есть необходимейший и самый прочный фундамент нашего духовного развития… профессор без хорошей книги – это воин без оружия» [5. Март. С. 585].

У основателя первого сибирского университета сложились определенные представления о будущей библиотеке. По его мнению, в силу удаленности Томска от европейских центров науки, где хранятся основные источники по разным научным дисциплинам, «…Томский университет мог разчитывать на литературные пособия только своей собственной библиотеки», по этой причине университетское книжное хранилище должно «…заключать в себе возможно полное собрание литературы по всем отраслям знаний». Библиотека, по идеи ученого, «составляла главнейшую, насущную потребность» для университета [4. С. 86–87; 6. С. 1].

В своем проекте Флоринский обратил внимание на необходимость приобретения не только «новейшей текущей литературы», но и «старых сочинений», которые играют особую роль «для изучения истории литературы предмета» и в целом отражают сложившуюся научную традицию. Собирать «старые сочинения» было достаточно трудно. Флоринский отмечал, что «для приобретения их недостаточно иметь средства – нужно иметь случай…», а ценность подобных книг «…определяется не только достоинством содержания, но и редкостью и трудностью [их] приобретения» [4. С. 87]. Ученый надеялся преодолеть это препятствие, прежде всего, за счет частных книжных собраний и рассчитывал на активное участие «любителей книжной старины», которые захотели бы подарить свои личные библиотеки университету в знак уважения к ученому труду и в целях пожертвования первому в Сибири университету.

Как отмечал Флоринский, по указанию министра народного просвещения Д.А. Толстого, на него как на члена Строительного комитета были возложены следующие обязанности по устройству учебно-вспомогательных учреждений Сибирского университета: «…непосредственное наблюдение за первыми поступившими кладами, а равно изыскание способов и средств для привлечения новых пожертвований, прием, хранение, разборка поступающего учебного имущества» [6. С. 1–2].

Залог успеха в деле формирования фондов университетского книгохранилища Флоринский видел в возможности приобретения личных библиотек, которые, по его мнению, содержали в себе необходимые для университета книги. Так, выбранная стратегия быстро дала свой результат: в Сибирском университете оказалась родовая библиотека Строгановых. В своем дневнике устроитель университета подробно останавливается на истории приобретения этой книжной коллекции.

С 1875 по 1877 г. Флоринский служил в Министерстве народного просвещения, в том числе участвуя в деятельности особой комиссии по пересмотру общего университетского устава, в составе которой в 1875 г. он оказался в Одессе. Здесь же Д.А. Толстой, давний знакомый Флоринского, познакомил его с графом *Александром Григорьевичем Строгановым* (1795–1891). Флоринский отмечал в своих воспоминаниях, что случайным образом, будучи еще в Петербурге летом 1875 г., он узнал о существовании биб-

лиотеки графов Строгановых, «хранившейся с конца пятидесятых годов в кладовых внутри Гостинаго двора в Петербурге» [5. Март. С. 583], владельцем этого книжного собрания был *Григорий Александрович Строганов* (1770–1857) – известный государственный и общественный деятель. После его смерти библиотека перешла по наследству детям, у которых, как замечал Флоринский, имелись свои богатые книжные коллекции.

В своей беседе с А.Г. Строгановым, затронув тему открытия Сибирского университета, Флоринский не мог не поинтересоваться у графа о дальнейшей судьбе этой библиотеки: «Я не упустил случая напомнить… что знаменитый род Строгановых, триста лет тому назад принимавший деятельное участие в снабжении Ермаковой дружины материальными средствами… отнесется также сочувственно и к духовному покорению Сибири, орудием котораго предназначается быть Томскому университету» [Там же. С. 584]. А.Г. Строганов выразил свою готовность передать библиотеку для нужд будущего Сибирского университета, но попросил Флоринского провести переговоры по этому вопросу со своим братом – *Сергеем Григорьевичем Строгановым*. С.Г. Строганов также дал свое согласие на передачу книжного собрания с условием, что архив его отца будет передан в Одессу, а найденные «редкие рукописи» – в Публичную библиотеку. Таким образом, вопрос был решен, в 1879 г. Строгановская библиотека поступила в Министерство народного просвещения, а уже в 1880 г. была доставлена в Томск.

Устроитель Сибирского университета признался, что, «принимая библиотеку графов Строгановых», он еще не знал, что в ней находится, и сами жертвователи, по всей видимости, «имели о ней неясное представление» [Там же]. Уже в 1880 г., приехав в Томск и приступив к разбору поступивших ящиков с книгами, Флоринский писал в дневнике: «О значении Строгановской библиотеки я здесь распространяться не буду. Скажу лишь вкратце, что это оказался неоценимый научный клад, такое сокровище, каким едва ли могут обладать даже самые богатые и старые наши столичные университеты» [Там же. С. 585].

В своих воспоминаниях Флоринский неоднократно обращался к вопросу об исключительной ценности для университета Строгановской библиотеки и давал экспертную оценку некоторым её раритетам: «На днях, в одном из ящиков нашли больше десятка рукописей, почти исключительно духовнаго содержания, на латинском и французском языках, писанных на пергаменте, с художественными виньетками и заставками. Между ними оказалось также одно замечательное русское издание, – это Радищева, Путешествие из Петербурга в Москву. Важность этого экземпляра заключается в том, что он принадлежал А.С. Пушкину… В том же ящике оказалась еще рукопись, принадлежащая Пушкину, – это русский перевод записок Манштейна… Судя по почерку, этот перевод и список, вероятно, принадлежит началу текущаго столетия, следовательно, он был сделан раньше издания перевода Мальгина (Москва, 1823 г.) …Две последния находки вдвойне интересны: как библиографическия редкости, и как дорогия воспоминания о нашем великом поэте. По этим отрывкам его библиотеки… можно судить, какими духовными интересами дорожил Александр Сергеевич» [5. Май. С. 307–308].

Оценивая значимость родовой библиотеки Строгановых, можно отметить, что она стала настоящей книжной жемчужиной Сибирского университета и предметом научного интереса для многих ее читателей и исследователей. Достигнутый успех в получение Строгановской библиотеки мотивировал Флоринского к поискам других книжных собраний.

В 1877 г. по рекомендации Флоринского потомственный почетный гражданин Красноярска и меценат П.И. Кузнецов, будучи в Петербурге, приобрел для университета книги из дублетного фонда Публичной библиотеки и книжное собрание профессора Петербургской духовной академии В.Н. Карпова, преимущественно состоящее из изданий религиозного содержания [6. С. 2].

В поисках книг, необходимых для Сибирского университета, Флоринский использовал все имеющиеся у него личные связи с коллегами и друзьями, просил их информировать его о личных библиотеках, которые могут быть подарены или проданы университету за небольшую сумму.

В Медико-хирургической академии Флоринский подружился с *Иваном Тимофеевичем Глебовым* (1806–1884), известным отечественным физиологом и анатомом. В фондах Национального музея Республики Татарстан (НМРТ) сохранилось два письма Глебова, которые были отправлены Флоринскому, перебравшемуся к этому времени в Казань. В своем письме от 15 декабря 1878 г. Глебов пишет: «Благодарю Вас за память Вашу обо мне. Письмо Ваше я с великим удовольствием читал и перечитал, старый друг лучше новых двух… В письме Вашем кроме много[чего] интересного для меня и Вас, Вы пишите с участием об Академии. Да и я, как и Вы помним ее с любов[ь]ю» [7. Л. 86]. Глебов далее сообщает новости из Медико-хирургической академии и интересуется, как прошел переезд Василия Марковича в Казань, а в самом конце письма отмечает: «О моем обещании поделиться моей библиотекой с будущим Сибирским университетом помню, и, если угодно, готов и сейчас выделить часть ее, но кому передать?» [Там же. Л. 88].

В втором письме от 5 января 1879 г. Глебов подтверждает свое намерение передать часть своей библиотеки и информирует устроителя Сибирского университета о том, что после смерти профессора Санкт-Петербургского университета *Александра Васильевича Никитенко* (1804–1877) осталась его «замечательная» библиотека, которую можно выкупить у вдовы профессора за небольшую сумму: «...для университета это будет драгоценное приобретение <…> Если хотите, можете познакомиться близко и подробно с этой библиотекой. Есть каталог. Если угодно, я похлопочу, его вдова вышлет Вам, только сообщите адрес, куда и как выслать. Во всяком случае напишите мне ответ насчет этого предмета» [8. С. 66–67].

Флоринский, видимо, достаточно быстро ответил на письмо Глебова, изучив каталог библиотеки

А.В. Никитенко, он пожелал приобрести книжное собрание профессора. Деньги на покупку книжного собрания (2 000 руб.) были выделены из специального фонда средств на приобретение книг для университета (5 000 руб.), выделенных Томской городской думой [3. С. 233].

Если возвращаться к судьбе библиотеки И.Т. Глебова, то она по его завещанию в 1885 г. была передана университету. В состав этого книжного собрания в основном входили медицинские издания на немецком, французском и латинском языках XVIII – первой половины XIX в. [6. С. 2].

Устроителю Сибирского университета удалось установить доверительные отношения с директорами Императорской публичной библиотекой – *Иваном Давыдовичем Деляновым* (1818–1897) и сменившим его в 1882 г. *Афанасием Федоровичем Бычковым* (1818–1899). Флоринский, приезжая в Петербург по служебным делам, проводил много времени в дублетном фонде Публичной библиотеки, надеясь найти там необходимые для университета книги. Из этой «книжной сокровищницы» Флоринским было отобрано свыше 3 тыс. томов редких художественных и научных изданий XVII–XVIII вв. [Там же. С. 2]. В своей дневниковой записи, сделанной в декабре 1880 г., Флоринский вспоминает: «Для Сибирскаго университета еще отобрал из дублетов Публичной библиотеки большую партию книг. Иван Давыдович Делянов и Афанасий Федорович Бычков настолько любезны, что не потребуют немедленной уплаты и позволяют оставить отобранные экземпляры на хранение в библиотеке до тех пор, пока Сибирский университет изыщет средства для расплаты и пересылки».

Как знаток книжных редкостей и известный эксперт на отечественном книжном рынке Бычков смог оказать особую помощь Флоринскому в деле формирования университетской библиотеки. Так, в письме от 29 марта 1881 г. он сообщал Флоринскому о продаже библиотеки профессора Петербургской духовной академии Д.И. Ростиславова: «Несколько дней тому назад я отправил Вам каталог библиотеки, принадлежавшей д.с.с. Ростиславову. Библиотека эта хорошая и с пользою могла бы быть приобретена для Томского университета. Владелец ее желает получить за нее 300 рублей, и мне кажется, что цена эта довольно умеренная» [8. С. 55]. Флоринский, ознакомившись с каталогом библиотеки (преимущественно это были книги по богословию, философии и естественнонаучным дисциплинам), решил её приобрести. Сумма в размере 309 рублей была собрана благодаря стараниям И.В. Ефимова, который смог организовать подписку по Сибири [6. С. 3].

В феврале 1882 г. Бычков проинформировал Флоринского о книжной коллекции графа Д.Н. Блудова: «…эта библиотека, как Вы увидите сами, может пополнить библиотеку Сибирского университета сочинениями по части исторических и юридических наук... Графиня Антонина Дмитриевна очень хочет, чтобы библиотека ее отца, одного из видных государственных деятелей в России, сохранилась в какомлибо учебном учреждении» [8. С. 56]. По всей видимости, Флоринский не смог собрать необходимую сумму для её покупки и сейчас книжное собрание Д.Н. Блудова хранится в фондах Российского государственного исторического архива.

Благодаря стараниям Бычкова в библиотеку Сибирского университета попали книги из библиотеки *Александра Даниловича Шумахера* (1820–1898) – сенатора, директора Хозяйственного департамента Министерства внутренних дел. В архиве Флоринского сохранилось письмо от А.Д. Шумахера, отправленное в апреле 1882 г., где он сообщает: «… три ящика с книгами (…с прилагаемым списком)… приносится мною в дар учрежденного в Сибири университета» [9. Л. 1], уже в июне 1882 г. Бычков пишет Флоринскому: «Имею честь препроводить при сем к Вашему превосходительству список книг, пожертвованным сенатором Шумахером Сибирскому университету и, вместе с сим, что как означенные книги, так и книги, пожертвованные… г. министром народного просвещения Н.Д. Деляновым и другими лицами, препровождены, в числе шести ящиков, в департамент народного просвещения для доставления по принадлежности» [8. С. 57–58]. В 1883 г. эти книги были доставлены в Томск вместе с библиотекой Ростиславова, Тютчева и изданиями из Цензурного комитета и Главного управления по делам печати (38 ящиков) [10. Л. 495].

Ценным источником по истории приобретения книжных собраний для университета стал составленный Флоринским «Реестр книжных грузов полученных в г. Томске…» [10], где профессор подробно обозначает следующие сведения: место отправления грузов, число ящиков с книгами и их общий вес, дату получения грузов в Томске и сумму транспортных расходов. Так, первые посылки из Петербурга были доставлены в Томск через контору Российского общества транспортирования клади: в июле 1880 г. в Томск было доставлено 142 ящика Строгановской библиотеки; в августе 1880 г. – 30 ящиков (личные библиотеки А.В. Никитенко, А.И. Артемьева, В.И. Лапшина и 4 ящика из Публичной библиотеки), в октябре 1880 г. – 88 ящиков (В.А. Жуковского, Н.М. Якубовича, из Публичной библиотеки, среди них 36 ящиков – С.М. Голицына). Таким образом, за период 1880–1881 гг. в Томск было транспортировано 245 ящиков весом 2 943 пуда. Все книжные грузы, поступившие до 1885 г., были размещены в Биржевом корпусе купца А.И. Грехова [Там же. Л. 493–494].

В 1883 г., по представлению Флоринского и с разрешения министра народного просвещения И.Д. Делянова, из Томской губернской гимназии в университетскую библиотеку были переданы «…ученые журналы и книги по естествознанию и горной промышленности… Коллекция этих специальных книг, более 1 500 томов, досталась гимназии случайно, после смерти местного золотопромышленника [Ивана Дмитриевича] *Асташева.* В университете эти издания могут принести существенную пользу, как справочный материал по исторической разработке разных научных вопросов из области естествознания и промышленности» [6. С. 3].

17 октября 1877 г. Флоринский переехал в Казань, где был назначен ординарным профессором Казан-

ского университета по кафедре акушерства и гинекологии. При этом Флоринский не забыл о нуждах Сибирского университета и благодаря новым знакомствам он смог организовать приобретения нескольких личных библиотек представителей казанской интеллигенции.

Из библиотеки профессора Казанского университета *Александра Ивановича Артемьева* (1820–1874) Флоринским было отобрана 1 500 томов книг, преимущественно это были издания по истории, этнографии, географии и статистике [3. С. 233]. Сын профессора в письме к Флоринскому от 2 мая 1879 г. отмечает: «…книги из библиотеки моего покойного отца, которые вы отобрали, как пригодные для библиотеки будущего Сибирского университета, мы [могли] бы продать за 1 500 рублей, если Вы эту сумму найдете слишком большой… сообщите сколько вы можете дать за эти книги» [11. Л. 1]. В результате библиотека А.И. Артемьева была приобретена за 900 рублей Министерством народного просвещения из средств Томской думы и уже в 1880 г. была доставлена в Томск [3. С. 233; 10. Л. 493].

29 января 1881 г. в Томск из Казани были доставлены книги, пожертвованные Казанским университетом и Обществом естествоиспытателей, а также 162 тома изданий из библиотеки профессора чистой математики Казанского университета *Александра Васильевича Васильева* (1853–1929) – основателя казанской физико-математической научной школы и автора труда «Жизнь и научное дело Н.И. Лобачевского». Библиотека А.В. Васильева примечательно наличием в ней трудов Парижской академии наук с 1699 по 1790 г., собранных его родственником И.М. Симоновым – почетным членом Парижской Академии наук и профессором астрономии Казанского университета [3. С. 234; 10. Л. 494]. Вероятно, не без участия Флоринского в библиотеке Сибирского университета оказалось книжное собрание Александра Николаевича Орлова – члена Казанской судебной палаты. 21 июня 1883 г. библиотека А.Н. Орлова, в количестве 875 изданий, преимущественно по уголовную праву, поступила в Томск [3. С. 234].

Архив В.М. Флоринского раскрывает также некоторые аспекты появления в стенах Томского университета библиотеки *Василия Александровича Басова* (1812–1879) – известного отечественного хирурга, профессора Московского университета. В июне 1883 г. вице-директор департамента Народного просвещения Г. Узов сообщил Флоринскому: «Действительный статский советник Басов обратился в Министерство Народного Просвещения с докладной запиской в которой предложил принять в дар для Сибирского университета оставшуюся после смерти дяди его, заслуженного профессора Московского университета В.А. Басова медицинскую библиотеку из 1 600 названий. При этом… Басов ходатайствует, чтобы в случае принятия этого дара Министерством, означенная библиотека была помещена, не раздробляясь, в собрании книг под именем библиотеки В.А. Басова и чтобы расходы по упаковке и пересылке этой библиотеки Министерство приняло на свой счет»; далее министерский чиновник поинтересовался у Василия Марковича: «…не имеется ли в виду Вашего Превосходительства каких-либо средств на присылку этой библиотеки, так как в распоряжении Министерства нет никаких свободных средств» [12. Л. 1].

Флоринскому удалось найти деньги на транспортировку библиотеки В.А. Басова. По этому поводу сын профессора в своем письме от 26 июня 1884 г. пишет: «…отправил библиотеку покойного профессора В.А. Басова в количестве свыше 1 630 названий в шести ящиках… на имя Сибирского университета в Томск…», при этом добавил, что им был составлен карточный каталог книг «без всякой систематизации с соблюдением единственно того, чтобы каждая карточка заключала в себе одно только название»; также отправитель письма изъявил беспокойство за сохранность отправленных атласов по хирургии, «так как от сырости рисунки … могут несколько потускнеть» [13. Л. 1–2]. Устроитель Сибирского университета, оценивая библиотеку профессора В.А. Басова, замечал: «1884 году [9 июля] Томский университет получил очень ценный вклад по отделу медицинских наук. При передаче этой библиотеки было поставлено условием, чтобы она не разбивалась по разным шкафам, а была помещена, как отдельное целое, с надписью на шкафах имени жертвователя, что было исполнено… Библиотека… заключала в себе более 3 000 томов книг и атласов, почти исключительно по хирургии и сродным с нею наукам» [6. С. 4–5].

В июле 1883 г. Сибирскому университету свою библиотеку подарил томский доктор *Николай Корнатовский*. В своем письме к Флоринскому он сообщал: «Я и моя жена Екатерина Николаевна имея библиотеку из 650 книг, состоящую из научных сочинений и атласов по разным отраслям медицины… и беллетрических произведений многих знаменитых авторов (Вольтера, Гете, Шиллера, Вольтера, Руссо, Байрона, Гюго и др.), принадлежащих моей жене на латинском, французском, немецком, английских, итальянских языках решились пожертвовать эти книги в библиотеку Сибирского университета» [14. Л. 1]. Кортановский отмечал, что «желание наше пожертвовать книги… именно в библиотеку Сибирского университета происходит от глубокого уважения, которое я и моя жена питают как лично к вам, так и к Вашей полезной деятельности», благодарил Кортановский также устроителя университета за его профессиональные советы и наставления в своей врачебной практике в Томске: «Вы как истинный друг человечества постоянно с охотой откликались на мои просьбы и я, пользуясь Вашим руководством и вниманием, мог оказывать существенную пользу моим больным… История отведет Вам подобающее место на своих скрижалях, как известному ученому и деятелю на пользу просвещения конца XIX столетия» [Там же. Л. 2].

Флоринский в предисловии к первому тому печатного каталога библиотеки посчитал также важным отметить имена дарителей и учреждений, которые пожертвовали университету ценные книжные коллекции или отдельные сочинения. В их числе был известный отечественный изобретатель и инженер

Петр Климентьевич Энгельмейер (1855–1942), который подарил Сибирскому университету коллекцию издания из своей библиотеки. В письме к Флоринскому от 20 марта 1883 г. П.К. Энгельмейер писал: «Я желаю пожертвовать в библиотеку Томского университета следующее: 1) Dictionnaire des sciences Médicales… (60 vols) 1812–1822. 2) Journal supplémentaire des sciences médicales. (37 vols) 1818–1830. Соблаговолите написать на имя Софии Петровны Энгельмейер… куда и как отправить ей эти книги, находящиеся у неё, чтобы это ей ничего не стоило» [15. Л. 1].

В 1885 г. Флоринский стал попечителем Западно-Сибирского учебного округа и переехал вместе с семьей в Томск, к этому времени в результате его плодотворной деятельности в библиотеке Сибирского университета было собрано около 70 тыс. томов книг и журналов, такое больше количество книжных собраний предстояло еще систематизировать и описать. Эту работу 10 августа 1885 г. возглавил библиотекарь Сибирского университета Стефан Кирович Кузнецов (1854–1913) – кандидат истории и филологии, хранитель музея этнографии, древностей и изящных искусств при Казанском университете, приглашенный на эту должность лично Флоринским [1. С. 19].

Получив новые должностные полномочия, Флоринский также использовал их для пополнения фондов университетской библиотеки. В своих служебных поездках по вверенному ему учебному округу Флоринский обратил особое внимание на библиотеки учебных заведений, где могли храниться ценные издания XVIII – первой половины XIX в. Попечитель учебного округа составил список книг и рукописей, хранящихся в библиотеках уездных училищ, которые могли быть полезны для университета. В 1887 г. Флоринский обратился к министру народного просвещения с прошением о передаче их изданий в библиотеку университета [16].

Сам попечитель Западно-Сибирского учебного округа передал в дар университету свыше 3 тыс. томов свой библиотеки, преимущественно по медицине. В составе подаренной им библиотеки, как отмечал Флоринский, была книжная коллекция профессора словесности Казанского университета Фридриха Ивановича Фатера, состоящая из учебных пособий конца XVIII – начала XIX в. по разным предметным дисциплинам. По мнению Василия Марковича, эти издания Ф.И. Фатера «могут быть пригодны для разработки вопроса по истории русского просвещения» [6. С. 5].

В своем проекте предложения к жертвователям библиотеки Флоринский подчеркивал, что будущий университет должен стать не только учебным учреждением, но и центром изучения «по всем царствам природы, по истории и этнографии ее жителей» необъятной территории Сибири [4. С. 88]. Попечитель Западно-Сибирского учебного округа считал, что для этого нужно создать постоянно пополняющуюся «сибирскую книжную коллекцию» («Сибирика»), которая могла бы стать основой для будущей науки всего Азиатского региона России. Флоринский признался, что сам собирает подобную «коллекцию сочинений о Сибири» и уже успел собрать сочинения следующих авторов: С. Гербейштейна, М. Страленберга, Ж. Лаперуза, И. Биллингса, И.Г. Гмелина, П. Палласа, И.И. Лепехина, И. Фалька, С.П. Крашенинникова, Г.А. Сырачева, П.И. Крузенштерна, В.М. Головина, Г. Миллера, Э. Гофмана, К.И. Максимовича, Р. Маака, А.Ф. Миддендорфа, Н.А. Северцова, Н.М. Пржевальского и др. [4. С. 88]. Впоследствии все свою коллекцию книг о Сибири Флоринский планировал передать университету, но, по всей видимости, не успел это сделать, и личная библиотека ученого, найденная в Казани в 1938 г., была передана в Казанский государственный университет.

Для пополнения фондов Сибирской библиотеки Флоринский вел переговоры не только с владельцами личных библиотек и отдельных ценных книжных изданий, но с крупными отечественными и зарубежными книгоиздателями и книготорговцами. В архиве ученого сохранились его переписка с рижским книгопродавцем редких книг Н.Л. Киммелем и отдельные письма от немецкого книгоиздателя Ф.А. Брокгауза. Так, в письме от 15 марта 1881 г. Ф.А. Брокгауз, узнав о предстоящем открытии университета, сообщает: «Я желаю тоже участвовать [в] основании… библиотеки пожертвованием моих собственных изданий» [17. Л. 1]. Возможно, Брокгауз так и не осуществил задуманное, так как устроитель Томского университета в своих документах, касающихся дарителей библиотеки, не упоминал о немецком книгоиздателе.

С владельцем книжного магазина в Риге Флоринский вел достаточно продолжительную переписку, поскольку выписывал книги по каталогом Киммеля для своей домашний библиотеки. Как пишет Киммель, в ноябре 1887 г. Флоринский поручил ему найти книжные собрание по сибирской тематике для нужд университетской библиотеки: «За тем относительно имеющей быть устроенною Вами библиотеки при Сибирском университете, позволяю себе заменить, что поручением мне, собирать для [неё] в возможной [полноте] все эти литературные произведения, которые способствовали изучению… преимущественно Сибири. Ваше Превосходительство поставили мне весьма интересную задачу, которую постараюсь исполнить с особенной охотою и… вниманием» [18. Л. 4]. При этом рижский книгопродавец просит прислать ему уже имеющийся список книг по «Сибирике» и также подсчитал нужным уточнить тематику необходимых для университета изданий: «…предпо-лагается ли Вами включить в состав Вашего собрания лишь сочинения, относящиеся исключительно к северу азиатской и европейской частей нашей Империи, или же могут быть допущены сочинения о полярных странах, и в последнем случай, какие именно предложены Вами географические границы таких стран» [Там же]. Киммель отмечал также некоторые особенности поставленной перед ним задачи: «собрание возможно полной коллекции сочинений по желаемой Вами литературе требует довольно продолжительного времени, и во-вторых, если, как в данном случае, [подбор] книг не к спеху, имеется возможность пользоваться представляющимися удобными случаями и тем приобретать старейшие издания на более выгодных условиях» [Там же].

Представляется важным отметить личные библиотеки, которые как и книжное собрание Д.И. Блудова, в силу разных причин не оказались в библиотеке Томского университета, хотя такие предложения были. Перечислим лишь некоторые: «Собрание древних рукописей» *Андрея Николаевича Попова* (1841–1881), исследователя древней русской письменности, почетного доктора русской словесности Московского университета, сейчас книжное собрание А.Н. Попова хранится в фондах Российской государственной библиотеки [19]; библиотека *Александра Александровича Китера* (1813–1879), учителя Флоринского в медико-хирургической академии, которую предлагала приобрести его вдова «на средства казны», состоящую в основном «из книг ученомедицинского содержания» [20]; книжное собрание статского советника *Густава Ивановича Коппа,* который продает за 6 000 руб. свою библиотеку, состоящую из свыше 4 тыс. томов, содержащую книги на иностранных языках, преимущественно по истории средневековой литературы, скандинавские саги, немецкие, шведские и итальянские сказки, народные пословицы и песни разных стран (в 1883 г. книжная коллекция Г.И. Коппа была приобретена Московским университетом за 3 000 руб.) [21; 22. С. 137].

22 июля 1888 г., в своей приветственной речи на официальном открытии Томского университета, Флоринский отметил роль библиотеки в основании «рассадника высшего образования» в Сибири: «Относительно учебных и научных пособий Томский университет может считать себя особенно счастливым. Люди, близко принимающие к сердцу потребности высшего просвещения, помогли ему подготовить к открытию учебных курсов богатые коллекции по многим отраслям естествознания… Едва ли найдётся другой университет, который ко дню своего открытия обладал бы таким богатым запасом книг по всем отраслям знания, каким в настоящее время обладает Томский университет. Мне особенно приятно указать здесь на эти богатые приобретения, потому что все они составились из добровольных пожертвований частных лиц, и при том не одних сибиряков, но по преимуществу ревнителей просвещения из Европейской России… идея основания университета на восточной окраине Русского государства близка и сочувственна не одним сибирякам, которым университет приносит прямую, осязательную выгоду, но и всем просвещённым людям» [23. С. 7].

Таким образом, Флоринскому удалось решить поставленную перед собой трудную задачу – еще до открытия Сибирского университета создать универсальную по своему составу библиотеку, которая могла стать базисом для успешной научно-педагогической деятельности. Так, уже к открытию университета (1888 г.) в фондах библиотеки хранилось более 96 тыс. томов книг и журналов, а к 1898 г. в ней было накоплено свыше 162 тыс. томов, в этом отношении Сибирский университет выгодно выделялся на фоне других российских университетов: Петербургский университет открылся с библиотекой в 7 784 тома (к 1895 г. – 230 тыс. томов), Казанский университет располагал к своему открытию только несколькими десятками книг (1895 г. – 146 тыс.), Московский университет – 30 тыс. томов к 1812 г. (1895 г. – 240 тыс.) [1. С. 23; 24. С. 162].

Флоринский принял активное участие в создании первоначального книжного фонда университетской библиотеки, лично участвуя в переговорах о приобретении и передаче особо ценных и необходимых университету, по его мнению, книжных собраний. Под личным контролем Флоринского в Сибирском университете появились библиотеки многих известных отечественных ученых и государственных деятелей: А.Г. и С.Г. Строгановых, С.М. Голицына, В.А. Жуковского, В.И. Карпова, Н.М. Якубовича, Д.И. Ростиславова, А.И. Артемьева, А.В. Никитенко, И.Т. Глебова, И.Д. Асташева, А.Д. Шумахера, И.Д. Делянова, Н. Корнатовского, С.Н. Орновского, П.А. Валуева, А.П. Орлова, А.В. Васильева, В.А. Манассена, В.А. Басова, П.А. и А.П. Загорских, а также ценные книжные дары из фондов императорской Публичной библиотеки, Академии наук, Санкт-Петербургского цензурного комитета и Главного управления по делам печати. Все эти книжные коллекции заложили прочный фундамент для научно-исследовательской деятельности Сибирского университета и, по замечаниям современников, выгодно отличали его на российской и мировой карте центров науки и образования.

Устроитель первого в Сибири университета смог не только решить проблему по формированию книжного фонда библиотеки, но и концептуально сформулировал саму важность существования подобного учреждения при университете. Можно утверждать, что ученый определил на самых первых этапах развитие библиотеки её научно-исследовательский характер.

ЛИТЕРАТУРА

1. Филимонов М.Р. Книжные сокровища Сибири: к 100-летию со дня открытия Научной библиотеки Томского университета. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1988. 198 с.
2. Колосова Г.И. Личные библиотеки в отделе редких книг и рукописей Научной библиотеки ТГУ // Русская книга в дореволюционной Сибири: Фонды редких книг и рукописей сибирских библиотек : сб. науч. тр. Новосибирск, 1988. С. 31–46.
3. Милютин А.И. Библиотека // Краткий исторический очерк Томского университета за первые 25 лет его существования (1888–1913 гг.). Томск, 1917. С. 227–260.
4. Флоринский В.М. Проект предложения к пожертвователям для собрания библиотеки Сибирского университета // Из истории книжных фондов библиотеки Томского университета. Томск, 1998. Вып. 3. С. 86–88
5. Флоринский В.М. Заметки и воспоминания // Русская старина. 1906. Янв. С. 75–109; Февр. С. 288–311; Март С. 564–596; Апр. С. 109–156; Май. С. 280–323; Июнь. С. 596–621.
6. Флоринский В.М. Предисловие // Каталог главной библиотеки императорского Томского университета. Томск, 1889. Т. 1. С. 1–8.
7. Письмо И.Т. Глебова к В.М. Флоринскому // Национальный музей Республики Татарстан (НМРТ). Ф. В.М. Флоринский. № 117959-43.
8. Ястребов Е.В. Сто известных писем русских ученых и государственных деятелей к Василию Марковичу Флоринскому. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1996. 221 с.
9. Письмо А.Д. Шумахера к В.М. Флоринскому // НМРТ. Ф. В.М. Флоринский. № 117959-822.

10. Реестр грузов, полученных в г. Томске // НМРТ. Ф. В.М. Флоринский. № 117959-822.
11. Письмо Н. Артемьева к В.М. Флоринскому // НМРТ. Ф. В.М. Флоринский. № 117959-393.
12. Письмо Г. Узова к В.М. Флоринскому // НМРТ. Ф. В.М. Флоринский. № 117959-753.
13. Письмо В.П. Басова к В.М. Флоринскому // НМРТ. Ф. В.М. Флоринский. № 117959-403.
14. Письмо Н.С. Кортановского к В.М. Флоринскому // НМРТ. Ф. В.М. Флоринский. № 117959-550.
15. Письмо П.К. Энгельмейера к В.М. Флоринскому // НМРТ. Ф. В.М. Флоринский. № 117959-807.
16. Ивановская Е.В. К вопросу о формировании фонда Научной библиотеки Томского государственного университета: книги из библиотек уездных училищ Западно-Сибирского учебного округа // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2014. № 2 (14). С. 77–80.
17. Письмо Ф.А. Брокгауза к В.М. Флоринскому // НМРТ. Ф. В.М. Флоринский. № 117959-425.
18. Письмо Н.Л. Киммеля к В.М. Флоринскому // НМРТ. Ф. В.М. Флоринский. № 117959-824.
19. Письмо А.А. Зборжевского к В.М. Флоринскому // НМРТ. Ф. В.М. Флоринский. № 117959-508.
20. Письмо К. Китер к В.М. Флоринскому // НМРТ. Ф. В.М. Флоринский. № 117959-535.
21. Письмо К. Лебедева к В.М. Флоринскому // НМРТ. Ф. В.М. Флоринский. № 117959-580.
22. Сорокин В.В. История библиотеки Московского университета (1800–1917 гг.) М. : Изд-во Моск. ун-та, 1980. 254 с.
23. Флоринский В.М. Речь по поводу открытия Императорского Томского университета, произнесенная 22 июля 1888 г. // Первый университет в Сибири. Томск : Тип. Сибирского вестника, 1889. С. 2–8.
24. Володин Б.Ф. Всемирная история библиотек. СПб. : Профессия, 2004. 432 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 16 февраля 2016 г.

CREATING "SPIRITUAL FOOD STORAGE": FROM THE HISTORY OF COLLECTING THE BOOK FUND OF TOMSK STATE UNIVERSITY RESEARCH LIBRARY BY V.M. FLORINSKY

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 406, 90–97.
DOI: 10.17223/15617793/406/14
Kachin Nikolay A. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: Kachinnikolay@mail.ru
Keywords: V.M. Florinsky; Research Library of the University of Tomsk.

The Research Library of Tomsk State University became an integral part of the first higher educational establishment in Siberia since its foundation in 1880. The key role in the formation of the original book fund of the library belonged to Vasiliy Markovich Florinsky (1834–1899), the scientist of varied attainments, curator of the West Siberian Educational District, whose name was inextricably connected with the history of creation and opening of the Siberian Imperial University in Tomsk. Details of how some private book collections appeared in the library often remain unknown. In this article, the author sets the goal to determine the role of V.M. Florinsky in the establishment of the library book fund of the University of Tomsk on the basis of material from his archive. Florinsky saw the cornerstone of success of the university storage fund formation in the possibility of purchasing private collections which would, in his opinion, contain books the university needed. Thus, the chosen strategy gave a quick result: the family library of the Stroganovs appeared in the University. In the search of books, which were necessary for the University, Florinsky used all his personal relations with colleagues and friends, asking them to inform him about private collections that could be gifted or sold to the university at a low price. After his appointment as a curator of the West Siberian Educational District, he decided that it was important to use his new official powers for the university library fund replenishment. Florinsky took an active part in the creation of the original book fund of the university library, personally participating in negotiations about the purchasing and handing over of highly valuable book collections the university needed. Under the personal control of Florinsky the Siberian University received collections of many famous Russian scholars and statesmen: A.G. Stroganov and S.G. Stroganov, S.M. Golitsyn, V.A. Zhukovsky, V.I. Karpov, N.M. Yakubovich, D.I. Rostislavov, A.I. Artem'yev, A.V. Nikitenko, I.T. Glebov, I.D. Astashev, A.D. *Schumacher*, Delyanov, Kornatovsky, S.N. Ornovsky, P.A. Valuev, A.P. Orlov, A.V. Vasil'yev, V.A. Basov. Valuable books were gifted from the funds of the Imperial Public library, Academy of Sciences, Saint-Petersburg Censorate and the Main Administration for Publishing Affairs. All these book collections made a firm foundation for the research-scientific activity of the Siberian University and made it stand out on the Russian and world maps of centers for science and education. Thus, V.M. Florinsky not only could solve the problem of the library fund formation, but also conceptually determined the significance of a research library existence at the university. It is possible to say that he set the library development on the very first stages, and determined its research character.

REFERENCES

1. Filimonov, M.R. (1988) *Knizhnye sokrovishcha Sibiri: k 100-letiyu so dnya otkrytiya Nauchnoy biblioteki Tomskogo universiteta* [Book treasures of Siberia: the 100th anniversary of the opening of the Tomsk University Research Library]. Tomsk: Tomsk State University.
2. Kolosova, G.I. (1988) Lichnye biblioteki v otdele redkikh knig i rukopisey Nauchnoy biblioteki TGU [Personal libraries in the Department of Rare Books and Manuscripts of the TSU Research Library]. In: Dergacheva-Skop, E.I. (ed.) *Russkaya kniga v dorevolyutsionnoy Sibiri: Fondy redkikh knig i rukopisey sibirskikh bibliotek* [Russian book in pre-revolutionary Siberia: the collection of rare books and manuscripts of Siberian libraries]. Novosibirsk: GPNTB.
3. Milyutin, A.I. (1917) Biblioteka [Library]. In: *Kratkiy istoricheskiy ocherk Tomskogo universiteta za pervye 25 let ego sushchestvovaniya (1888–1913 gg.)* [A brief historical essay of Tomsk University for the first 25 years of its existence (1888–1913)]. Tomsk: Tipo-litogr. Sib. t-va pech. dela.
4. Florinskiy, V.M. (1998) Proekt predlozheniya k pozhertvovatelyam dlya sobraniya biblioteki Sibirskogo universiteta [Draft proposal for a meeting of donators to the Siberian University library]. In: Erokhina, G.S. (ed.) *Iz istorii knizhnykh fondov biblioteki Tomskogo universiteta* [From the history of book collections of Tomsk University Library]. Vol. 3. Tomsk: Tomsk State University.
5. Florinskiy, V.M. (1906) Zametki i vospominaniya [Notes and memories]. *Russkaya starina*. January. pp. 75–109; February. pp. 288–311; March. pp. 564–596; April. pp. 109–156; May. pp. 280–323; June. pp. 596–621.
6. Florinskiy, V.M. (1889) Predislovie [Preface]. In: *Katalog glavnoy biblioteki imperatorskogo Tomskogo universiteta* [Catalog of the main library of Imperial Tomsk University]. Vol. 1. Tomsk.
7. *Pis'mo I.T. Glebova k V.M. Florinskomu* [Letter of I.T. Glebov to V.M. Florinsky]. National Museum of Tatarstan Republic (NMRT). Fund V.M. Florinskiy. No. 117959-43.
8. Yastrebov, E.V. (1996) *Sto izvestnykh pisem russkikh uchenykh i gosudarstvennykh deyateley k Vasiliyu Markovichu Florinskomu* [A hundred known letters of Russian scientists and public figures to Vasily Markovich Florinsky]. Tomsk: Tomsk State University.

9. *Pis'mo A.D. Shumakhera k V.M. Florinskomu* [Letter of A.D. Schumacher to V.M. Florinsky]. National Museum of Tatarstan Republic (NMRT). Fund V.M. Florinskiy. No. 117959-822.
10. *Reestr gruzov, poluchennykh v g. Tomske* [The register of goods received in Tomsk]. National Museum of Tatarstan Republic (NMRT). Fund V.M. Florinskiy. No. 117959-822.
11. *Pis'mo N. Artem'eva k V.M. Florinskomu* [Letter of N. Artemyev to V.M. Florinsky]. National Museum of Tatarstan Republic (NMRT). Fund V.M. Florinskiy. No. 117959-393.
12. *Pis'mo G. Uzova k V.M. Florinskomu* [Letter of G. Uzov to V.M. Florinsky]. National Museum of Tatarstan Republic (NMRT). Fund V.M. Florinskiy. No. 117959-753.
13. *Pis'mo V.P. Basova k V.M. Florinskomu* [Letter of V.P. Basov to V.M. Florinsky]. National Museum of Tatarstan Republic (NMRT). Fund V.M. Florinskiy. No. 117959-403.
14. *Pis'mo N.S. Kortanovskogo k V.M. Florinskomu* [Letter of N.S. Kortanovsky to V.M. Florinsky]. National Museum of Tatarstan Republic (NMRT). Fund V.M. Florinskiy. No. 117959-550.
15. *Pis'mo P.K. Engel'meyera k V.M. Florinskomu* [Letter of P.K. Engelmeyer to V.M. Florinsky]. National Museum of Tatarstan Republic (NMRT). Fund V.M. Florinskiy. No. 117959-807.
16. Ivanovskaya, E.V. (2014) K voprosu o formirovanii fonda Nauchnoy biblioteki Tomskogo gosudarstvennogo universiteta: knigi iz bibliotek uezdnykh uchilishch Zapadno-Sibirskogo uchebnogo okruga [On the formation of the fund of Tomsk State University Library: books from the libraries of district schools of the West Siberian educational district]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*. 2 (14). pp. 77–80.
17. *Pis'mo F.A. Brokgauza k V.M. Florinskomu* [Letter of F.A. Brockhaus to V.M. Florinsky]. National Museum of Tatarstan Republic (NMRT). Fund V.M. Florinskiy. No. 117959-425.
18. *Pis'mo N.L. Kimmelya k V.M. Florinskomu* [Letter of N.L. Kimmel to V.M. Florinsky]. National Museum of Tatarstan Republic (NMRT). Fund V.M. Florinskiy. No. 117959-824.
19. *Pis'mo A.A. Zborzhevskogo k V.M. Florinskomu* [Letter of A.A. Zborzhevsky to to V.M. Florinsky]. National Museum of Tatarstan Republic (NMRT). Fund V.M. Florinskiy. No. 117959-508.
20. *Pis'mo K. Kiter k V.M. Florinskomu* [Letter of K. Kiter to V.M. Florinsky]. National Museum of Tatarstan Republic (NMRT). Fund V.M. Florinskiy. No. 117959-535.
21. *Pis'mo K. Lebedeva k V.M. Florinskomu* [Letter of K. Lebedev to V.M. Florinsky]. National Museum of Tatarstan Republic (NMRT). Fund V.M. Florinskiy. No. 117959-580.
22. Sorokin, V.V. (1980) *Istoriya biblioteki Moskovskogo universiteta (1800–1917 gg.)* [History of Moscow University Library (1800–1917)]. Moscow: Moscow State University.
23. Florinskiy, V.M. (1889) Rech' po povodu otkrytiya Imperatorskogo Tomskogo universiteta, proiznesennaya 22 iyulya 1888 g. [Speech at the opening of the Imperial Tomsk University delivered on July 22, 1888]. In: *Pervyy universitet v Sibiri* [The first university in Siberia]. Tomsk: Tip. Sibirskogo vestnika.
24. Volodin, B.F. (2004) *Vsemirnaya istoriya bibliotek* [World History of Libraries]. St. Petersburg: Professiya.

Received: 16 February 2016

Вестник Томского государственного университета. 2016. № 406. С. 98–102. DOI: 10.17223/15617793/406/15

УДК 930.2: 329.8

А.А. Кононенко

НЕМЕЦКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ПАРТИИ СОЦИАЛИСТОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ

Интерес к истории партии социалистов-революционеров возник в Германии после революции и Гражданской войны в России. Тем не менее наиболее осознанно он проявился в период холодной войны. Социалисты-революционеры интересовали немецких историков как наиболее массовый и значительный противник большевизма и тоталитаризма. Немецким историкам удалось представить свою оригинальную концепцию истории партии эсеров.

Ключевые слова: немецкая историография; партия социалистов-революционеров; партия левых социалистов-революционеров; Манфред Хильдермайер; Лутц Хефнер.

Немецкая историческая наука издавна проявляет интерес к восточноевропейской истории. Стоит напомнить имена И.Г. Байера, А.Л. Шлецера, Г.Ф. Миллера, которые еще в начале XVIII в. заложили основы для действительно научного изучения истории России. В XX в. интерес германских исследователей нашел свое отражение в многочисленных публикациях, среди которых важное место занимает тема российской многопартийности, и в частности истории партии социалистов-революционеров [1].

Начало изучения истории партии социалистов-революционеров (ПСР) в немецкой исторической науке было положено диссертацией H. Rimsha «Русская Гражданская война и русская эмиграция в 1917–1921 гг.» [2]. Используя материалы газет «Дело Народа», «Воля народа», «Общее дело», «Воля России», автор исследовал различные партийные группировки, ориентировавшиеся в разное время на Германию и Францию, Англию и Америку, Чехословакию и Польшу. По его мнению, русская эмиграция после Гражданской войны представляла «чудовищно пеструю картину».

H. Rimsha писал о партийных разногласиях в эмигрантских кругах. Они были слишком велики, «каждая партия с большим пылом говорила о банкротстве и разложении другой» [2. S. 98]. С определенной долей сожаления автор констатировал отсутствие у русской политической эмиграции вождя, который мог бы объединить все эти разрозненные политические группировки в борьбе с советской властью. Впоследствии автор дал «убийственную картину разложения русской политической эмиграции» и был вынужден признать «грандиозность и величие» строительства социализма в России [Ibid. S. 104].

После длительного перерыва интерес немецких историков к ПСР стал возрождаться в 1970-е гг. Во многом он был связан с именем М. Хильдермайера. Совершенно очевидно, что социалисты-революционеры заинтересовали М. Хильдермайера и других специалистов по восточноевропейской истории (среди них мы видим самых авторитетных исследователей H. Altrichter, D. Geyer, D. Bayrau, K.D. Grothusen, B. Bonwetsch) прежде всего как наиболее значимый политический противник большевизма, коммунизма, тоталитаризма. Причем явная фальсификация истории эсеров в СССР обеспечивала немецким ученым бесспорное преимущество перед советскими коллегами, хотя первые достаточно часто привносили в свои работы об эсерах элементы апологетики и идеализации.

Сомнительно, так ли уж прав М. Хильдермайер, когда пишет, что эсеровская партия больше других годилась на роль силы, которая могла бы в 1917 г. вывести страну из кризиса при сохранении демократии [3. С. 133–134]. На мой взгляд, его суждения по этому вопросу спорны. Ни эсеры, ни меньшевики не могли спасти Россию от катастрофы при сохранении демократии. Это могло быть по силам либо генералитету во главе с Л.Г. Корниловым, либо большевикам во главе с В.И. Лениным. Но и те и другие имели свое весьма специфическое представление о демократии.

Источниковая база немецких историков 1970–1980 гг. в основном была представлена документами из богатейших коллекций архива ПСР в Международном институте социальной истории в Амстердаме (Нидерланды), архивного собрания документов по революционно-освободительному движению Гуверовского института войны, революции и мира при Стэнфордском университете (США) и Бахметьевского архива в Нью-Йорке.

В совокупности источниковая база немецкой историографии ПСР представляла брошюры, листовки, газеты, журналы протоколы съездов ПСР, протоколы съездов Советов и других общественных организаций, мемуары и внутрипартийные документы: финансовые отчеты, служебная переписка и т.д. Германские исследователи активно привлекали русскую периодику первой четверти XX в., которая хранится в европейских и американских библиотеках, а также работы советских историков разных лет. Лишь с начала 1990-х гг. немецкие историки получили возможность работать в некоторых российских архивах, в том числе в ГАРФ и РГАСПИ.

В германской историографии сложились определенные традиции изучения истории партии социалистов-революционеров, особенно периода ее борьбы с самодержавием. Проанализированы программные цели партии, средства и методы воплощения их в жизнь, установлены численность организаций, их социальный состав [1. S. 23]. Работ по истории ПСР периода после российской революции 1917–1922 гг. создавалось гораздо меньше. Видимо, интерес к покинувшей авансцену истории партии эсеров находился в плену традиционных западных представлений об элементарном их разгроме большевиками.

Немецкие историки пришли к выводу, что объединение различных народнических групп в партию эсеров произошло после слияния двух направлений революци-

онного движения – старого народнического, представленного вернувшимися со ссылки Е.К. Брешко-Брешковской, М.Р. Гоцем, М.И. Натансоном, и студенческой молодежи – Г.А. Гершуни и В.М. Чернова. Их ближайшей целью было скорейшее достижение политической свободы конституционным путем, в перспективе они мечтали о смене политического и социального режима. Эсеры унаследовали от народников симпатии к крестьянству и приверженность к террору. В то же время, по мнению М. Хильдермайера, эсеры осознавали, что свою поддержку им легче найти в городской среде, среди пролетариата. В этом, безусловно, проявилось влияние марксистской концепции. Немецкий историк пришел к выводу, что эсеры в отличие от предшествующего поколения народников уже не делали ставку исключительно на крестьянство и не рассматривали терроризм как единственное средство борьбы [4. S. 512–535].

М. Хильдермайер пишет, что программа эсеров содержала немало утопичного, многие аспекты оставались в тени, например, что будет с промышленностью? Однако им признается, что программа отвечала чаяниям крестьянства, и этим объяснялась широкая популярность эсеров в деревне. По мнению немецкого историка, возникновение партии социалистов-революционеров тесно связано с «рациональным оптимизмом» П.Л. Лаврова, который пропагандировал знания как мотивацию социального развития, и Н.К. Михайловского, чья пессимистическая концепция развития капитализма в России показывала дифференциацию в обществе и разрушила наивную простоту русского человека [1. S. 17].

Росту сторонников «народнического» социализма также способствовало распространение «научного» социализма, или, как пишет немецкий историк, «постмарксизма» в России. Его последователи отрицали какую-либо значимость интеллигенции и крестьянства в социальном переустройстве общества, поэтому народники поставили себе задачей создать объединенный фронт для свержения всем ненавистной автократии и капитализма. Как полагает М. Хильдермайер, они ввели специальный термин «трудовой народ», чтобы конкретизировать свою социальную базу.

Оценивая особенности ПСР в первые годы ее существования, немецкие историки выявили одну из главных: партия эсеров представляла собой объединение различных мнений и направлений. С одной стороны, это было ее достоинство – признак внутренней партийной демократичности, с другой стороны, ее слабость. ПСР напомнила скорее неоформленное движение, чем организованную партию [5. S. 32–53].

В германской историографии нашли свое освещение ряд вопросов, интерес к которым в российской исторической науке был незначительным. Среди них следует назвать национальный, рабочий, проблемы участия эсеров в антивоенном движении. В целом ряде исследований М. Хильдермайера, задуманных как широкое историко-социологическое полотно, большое внимание уделено теоретическим вопросам соотношений «аграрного социализма» и «модернизации».

Основанные на богатейших фондах архива ЦК ПСР, личных фондах ряда участников революции в России в 1905–1917 гг., труды М. Хильдермайера вызвали к себе неподдельный интерес как со стороны западной, так и российской научной общественности. Главная идея его исследований состоит в том, что единственными и настоящими противниками социал-демократии были не кадеты и октябристы, а социалисты-революционеры. Свой вывод автор аргументировал численностью партии эсеров в 1905–1907 гг.: от 42 до 45 тыс. членов против 40 тыс. у большевиков и столько же у меньшевиков [1. S. 267]. И более того, значительной победой эсеров над социал-демократами на выборах II Государственной Думы по рабочей курии в Санкт-Петербурге.

М. Хильдермайер подсчитал, что на наиболее крупных заводах и фабриках русской столицы пролетарии подали больше голосов за социалистов-революционеров, а на мелких предприятиях с количеством работников менее 100 человек – за большевиков. «Этот выбор подтверждал, что ПСР действительно имела глубокие корни в рабочем классе, а социал-демократы, предварительно полагавшие, что петербургский пролетариат на их стороне, были вынуждены признать свою погрешность» [Ibid. S. 221].

Исследователь показал, что и позднее, в 1917 г., социалисты-революционеры продолжали быть наиболее значимыми и опасными оппонентами большевиков. Он объяснил это тем, что в 1917 г. партии правее кадетов как политически самостоятельная величина сошли со сцены вслед за царизмом. От партии октябристов остался лишь ее лидер А.И. Гучков, быстро «сообразивший», что быть военным министром революционной России более обременительно, чем критиковать царских генералов. Кадеты, безнадежно отставшие от хода революции, на деле представляли не программу мер по спасению страны, а всего лишь идею длительной эволюции России на парламентской основе. Страна должна была сделать выбор между пролетарским социализмом и общенародным (подразумевающим рабочий класс, трудовое крестьянство и демократическую интеллигенцию).

В 1980-х гг. под влиянием англо-американских подходов к изучению политических партий в немецкой историографии наметился поворот в освещении деятельности эсеров не только с точки зрения политической истории и лишь на основании изучения документов центральных партийных структур, но и с точки зрения локальной истории, в ракурсе истории повседневности. Пожалуй, наиболее четко в германской историографии этот подход был реализован в монографии L. Häfner «Die Partei der Linken Sozialrevolutionäre in der Russischen Revolution von 1917 / 1918», опубликованной в 1994 г. [6]

До 1994 г. история ПЛСР рассматривалась лишь в контексте общих советологических исследований, а специальные работы отсутствовали. Зарубежные, в первую очередь англоязычные и переводные авторы, как правило, в своих оценках были близки к основным выводам советской историографии партии левых эсеров. Обращение автора к этой тематике во многом

связано с поиском возможных альтернатив однопартийной тоталитарной диктатуры, установившейся летом 1918 г. в России.

Происхождение ПЛСР Haefner связывал с различной оценкой эсерами характера Первой мировой войны. После свержения самодержавия антивоенная пропаганда левого крыла ПСР резко усиливается. Причинами роста влияния левых эсеров данный исследователь считает политические кризисы 1917 г., неудачи Временного правительства, корниловщину, развернувшееся в стране мощное крестьянское движение против помещиков, причем умеренные социалисты остались в стороне, а левые группы в социалистических партиях стали усиливаться, пытаясь возглавить его. Левые развернули критику руководства ПСР, открыто выражали свои взгляды на страницах печати, на различном уровне партийных и крестьянских съездов. Автор указал, что отсутствие жесткой центристской структуры в эсеровской партии позволяло им это делать успешно [6. S. 623].

Историк пришел к выводу, что в левые группы объединились преимущественно эсеры, не имевшие большого стажа партийной деятельности, радикально настроенное студенчество, рабочие, средняя и мелкая интеллигенция. Нерешительность власти в проведении реформ и усиливавшиеся в связи с этим недовольство народа в условиях продолжавшийся войны сделали политику Временного правительства непопулярной в глазах значительной части рабочих, солдат и крестьян. Он отметил: «Между тем слева от Чернова все громче и мощнее звучали голоса членов фракции левых эсеров, почти превратившихся в самостоятельную партию и твердо отвергавших всякую коалицию с буржуазией» [Ibid. S. 124].

Haefner пишет, что в начале августа 1917 г. на VII партийном совете ПСР 40% делегатов причисляли себя к левому крылу [6. S. 623]. Историк установил, что со второй недели сентября 1917 г. левые эсеры взяли под свой контроль эсеровскую организацию Петрограда, начали компанию за созыв Всероссийского съезда Советов, развернув агитацию за создание однородного социалистического правительства.

В оценке позиции левых эсеров накануне и в период проведения II Всероссийского съезда Советов мнение Haefner совпадает с выводами американского историка А. Рабиновича о левоцентристском, а не леворадикальном, как утверждает Ю.Г. Фельштинский, их характере. Выступая против Временного правительства, левые эсеры в то же время были против установления в России диктатуры пролетариата. В частности это проявилось в их стремлении создать однородную социалистическую власть по решению Всероссийского съезда Советов, а не до него. Тактика большевиков по захвату власти до II Всероссийского съезда Советов казалась левым эсерам опасной и нецелесообразной, потому что могла произвести впечатление политической авантюры, борьбы не за власть Советов, а за установление власти конкретной политической партии. Как отмечает немецкий историк, левые эсеры, получив приглашение войти в правительство, отказались, полагая, что смогут выступить в роли посредников между большевиками и их противниками в интересах формирования социалистического правительства на более широкой основе [Ibid. S. 163].

Коалицией с большевиками левые эсеры, по мнению немецкого историка, стремились упрочить свои позиции, весьма шаткие в условиях нарастающего противоборства политических сил, предотвратить Гражданскую войну, нейтрализовать наиболее одиозные планы большевиков, реализовать в опоре на мировую революцию свою платформу. Haefner пишет: «Левые эсеры, находясь в советском правительстве, стремились сохранить свою самостоятельность, чтобы не дискредитировать себя в глазах более умеренных социалистов [6. S. 182]. Если в аграрном вопросе ПЛСР, по мнению исследователя, продемонстрировала чутье опытного политического игрока в улавливании желаний большинства сельского населения, этого нельзя сказать об их позиции по вопросу о мире. Настаивая на продолжении революционной войны, левые эсеры с поразительным упорством игнорировали усталость крестьянства от войны [Ibid. S. 389].

С чисто немецкой дотошностью и скрупулезностью Haefner рассматривает такие вопросы, как численность организаций ПЛСР, тираж левоэсеровских газет, состав редакций, зарплата сотрудников, стоимость номера газеты. Анализ этих материалов дается по всем регионам. По сравнению с советскими исследователями, выделяющими лишь четыре проблемы истории ПЛСР: блок с большевиками, аграрную, отношение к Брестскому миру и, наконец, «июльский путч», шагом вперед является изучение немецким историком таких вопросов, как генезис левого крыла ПСР во время Первой мировой войны, образовательный уровень членов ПЛСР, их социальное положение, возраст, отношение партии к профсоюзам и студенчеству, молодежное и женское левоэсеровское движение.

Исследователь уточнил бюджет ПЛСР. Так, например, в ноябре 1917 г. он составлял 6 630 руб., из них 5 200 поступили в качестве пожертвований, 1 262 руб. – выручка от продажи газет. По подсчетам L. Haefner, в апреле 1918 г. в партии левых эсеров состояли 62 тыс. членов, а на момент проведения III съезда ПЛРС (июль 1918 г.) – 100 тыс. [Ibid. S. 5].

Анализируя разные стороны левоэсеровских теоретических воззрений, исследователь остановился и выделил такие, как децентрализация государственных институтов, стремление следовать брошенному когда-то Лениным лозунгу «Социализм – это живое творчество масс», увлечение повстанчеством и партизанщиной вместо создания регулярной армии, отрицание смертной казни по суду, своеобразное понимание принципа федерализма. Левые эсеры, как удалось показать немецкому историку, считали основными движущими силами мировой революции крестьянские массы Востока, в отличии от большевиков, сделавших ставку на пролетариат России и Европы. По их мнению, революционные крестьяне России – это глобальная геополитическая категория, способная изменить жизнь на планете. На основании теоретических работ В.Е. Трутовского Haefner сделал вывод, что левые эсеры вопреки ортодоксальному марксизму считали, что революция начнется не в высокоразвитых странах Запада с их слаборазвитым социа-

листическим движением, а благодаря революционному и национально-освободительному движению во всем мире [6. S. 168].

Проанализировав ряд теоретических документов ПЛСР, отчеты комитетов и организаций о социальном составе партии, исследователь сделал и другой вывод: ПЛСР – это обыкновенные средние русские мужики, перепуганные за свое добро, руководимые «лихими» левыми ребятами, у которых кроме страсти к сокрушению и легкости в поступках ничего нет. «Крестьянину, который не видит дальше околицы своего села, эти интеллигенты-радикалы предлагают мировую революцию, но именно они же защищают их от большевистских продотрядов и комбедов [Ibid. S. 169–170].

Весной 1918 г., когда началось разочарование народом итогами большевистской революции, по мнению Haefner, ЦК РКП(б) почувствовал угрозу перехода власти в руки «мелкобуржуазной» ПЛСР. Историк утверждает, что не отношение к Брестскому миру, не введение продовольственной диктатуры, которую левые эсеры поддержали, полагая, что она будет осуществляться через крестьянские Советы, а именно угроза потери власти большевиками в условиях Гражданской войны привела к конфликту 6 июля 1918 г.

Немецкий ученый согласился с мнением Ю.Г. Фельштинского, что «мятежа» в полном смысле не было, так как у «мятежников» отсутствовал какой-либо план или система действий. «Арест фракции левых эсеров на V Всероссийском съезде Советов и попытка ее вызволения была выдана за мятеж» [Ibid. S. 550]. За один день левые эсеры были разгромлены в Москве, и, по мнению немецкого историка «руководство ПЛСР не рассчитывало, очевидно, как жестоко и решительно большевики подавят выступление левых эсеров, хотя они знали, что РКП(б) готова решать проблемы насильственным путем. По мере развития революции, указывает Haefner, большевики все более становились прагматиками, а левые эсеры так и остались романтиками революции. Их трагизм состоял в том, что левоэсеровская альтернатива не дала, и не могла, очевидно, дать в той ситуации мгновенных результатов, которых ожидали. Чрезвычайные меры большевиков получили больше шансов. Однако, по мнению Haefner, было бы неверным обвинять только одну из противоборствующих сторон. И большевики, и левые эсеры стремились к конфликту, но оказались не в состоянии разглядеть историческую перспективу, увидеть за однопартийной диктатурой диктатуру одного человека, похоронившего и тех и других. «Без понимания загадочной славянской души, – делает вывод автор, – любая история российской революции будет отчасти ущербной» [Ibid. S. 390].

В целом германской историографии ПСР удалось представить собственную концепцию истории как партии социалистов-революционеров, так и партии левых социалистов-революционеров-интернационалистов. В многочисленных публикациях нашли свой анализ причины возникновения партий, даны оценки программы эсеров, ее аграрным, национальным, рабочим аспектам. В общих своих чертах программа ПСР характеризуется немецкими историками как синтез идей русского народничества и западноевропейского аграрного реформаторства. Отмечается также, что эсерам не удалось оказать серьезного влияния на крестьянство, хотя лозунги партии, особенно в период российской революции 1917–1922 гг., были, несомненно, привлекательными.

Основная причина поражения ПЛСР, как и ПСР, по мнению немецких историков, заключается в неадекватном восприятии эсерами реалий политической борьбы, крайней неорганизованности социалистов-революционеров, перманентных внутрипартийных расколов и кризисов, отсутствием широкой социальной базы, большевистскими и белогвардейскими репрессиями.

Гораздо меньше работ, специально посвященных истории партии эсеров в период Гражданской войны. Ограничен интерес исследователей к истории народных социалистов, эсерам-максималистам, часть которых в 1920-е гг. эмигрировала в Берлин. Не лучше обстоит дело и с изучением карательной политики Советского государства по отношению к эсерам, хотя положение здесь отчасти «спасает» знакомство немецкой научной общественности с американской историографией ПСР, представленной трудами O. Radkey [7], V.N. Brovkina [8] и других ученых.

В свете изменений взаимоотношений между западным миром и Россией, расширения источниковой базы западных историков, более плотных контактов с российскими коллегами немецкая историография партии социалистов-революционеров сделала значительный шаг в преодолении сложившихся еще с периода первой российской эмиграции стереотипов. Вместе с тем в трудах германских историков наблюдается и усложнение проблематики исследований. Все чаще исследование партии эсеров интерпретируется с позиции не только политической, но и социальной истории. Более того, современную немецкую историографию отличает тенденция рассматривать историю ПСР в качестве объекта истории культуры России – в самом широком смысле слова.

ЛИТЕРАТУРА

1. Hildermeir M. Die Sozialrevolutionare Partei Russlands. Agrarsozialismus und Modernisierung im Zarenreich (1900–1914). Köln, 1978.
2. Rimsha H. Russland jenseits der Grenzen 1921–1925. Ein Beitrag zur russischen Nachkriegsgeschichte. Iena, 1927.
3. Хильдермайер М. Шансы и пределы аграрного социализма в русской революции // Россия в XX веке. Историки мира спорят. М., 1994. С. 133–134.
4. Hildermeir M. Arbeiterschaft und politische Radikalsierung in der Revolution 1905–1907 // Geschichte und Gesellschaft. 1990. Bd.16. S. 512–535.
5. Hildermeir M. Revolution und Revolutiongeschichte // Die Umvertung der sowjetischen Geschichte / Hrsg. von D. Gayer. Gottingen, 1991. S. 32–53.
6. Häfner L. Die Partei der Linken Sozial-revolutionäre in der Russischen Revolution von 1917/1918. Koln : Bohlau Verlag, 1994.
7. Radkey O.H. The Agrarian Foes of Bolshevism. Promise and Default of Russian Socialist Revolutionaries from February to October 1917. N.Y., 1958.
8. Brovkin V.N. Behind the Front Lines of the Civil War. Political Parties and Social Movement in Russia, 1918–1922. Princeton, 1994.

Статья представлена научной редакцией «История» 3 марта 2016 г.

GERMAN HISTORIOGRAPHY OF THE SOCIALIST REVOLUTIONARY PARTY

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 406, 98–102.
DOI: 10.17223/15617793/406/15

Kononenko Anatoly A. Tyumen State University (Tyumen, Russian Federation). E-mail: a-kononenko@yandex.ru

Keywords: German historiography; Socialist Revolutionary Party; Left Socialist Revolutionaries; Manfred Hildermeir; Lutz Häfner.

The paper is devoted to the modern German historiography of the Socialist Revolutionary Party. Its formation began right after the end of the revolution and Civil War in Russia due to the emigration of intelligentsia, including opponents of Bolshevism. In the period of the National Socialist State this topic was not a priority in German historiography. Once again German researchers paid their attention to it due to the "cold war" between the West and the Soviet Union. German historiography of the Socialist Revolutionary Party received its further development in 1970–1990 when the history of the party attracted Western researchers. It is obvious that Socialist Revolutionaries interested M. Hildermeier and other experts on Eastern European history (the most competent scholars, in the author's opinion, such as H. Altrichter, D. Geyer, D. Bayrau, K. D. Grothusen, B. Bonwetsch among them), first of all, as the most significant political opponent of Bolshevism, communism, totalitarianism. Moreover, an obvious falsification of the Socialist Revolutionaries history in the Soviet Union provided German researchers with an indisputable advantage over their Soviet colleagues although the former often brought the elements of apologetics and idealization into their works on Socialist Revolutionaries. The researchers examined the issues related to the party genesis, its attitude to the worker and peasant issues, war and peace, the practice of terror against the leaders of the Bolshevik and autocratic state. Historians tried to understand and explain the reasons for the victory of "proletarian" socialism over the "agrarian" one. In addition, they were interested in the conditions of the Bolshevik-Left Socialist Revolutionary Union, the government coalition, its prospects and collapse. Inadequate perception of the realities of political struggle, an extreme degree of disorderliness, permanent intraparty splits and crises, lack of a broad social basis, Bolshevik and White Guard repressions became the cause of "agrarian" socialism defeat. In the author's opinion, German researchers were able to create their own concept of history both of the Socialist Revolutionary Party and of Left Socialist Revolutionaries. They offered original conclusions and judgements, identified the main areas for further research in the study of history of both Socialist Revolutionaries and neopopulist organizations operating in parallel – Popular Socialists, Socialist Revolutionary maximalists.

REFERENCES

1. Hildermeir, M. (1978) *Die Sozialrevolutionare Partei Russlands. Agrarsozialismus und Modernisierung im Zarenreich (1900–1914)* [The Social Revolutionary Party of Russia. Agrarian socialism and modernization in the Russian Empire (1900–1914)]. Köln: Bohlau Verlag.
2. Rimsha, H. (1927) *Russland jenseits der Grenzen 1921–1925. Ein Beitrag zur russischen Nachkriegsgeschichte* [Russia beyond the borders from 1921 to 1925. A contribution to the Russian post-war history]. Iena.
3. Hildermeir, M. (1994) Shansy i predely agrarnogo sotsializma v russkoy revolyutsii [Chances and limits of agrarian socialism in Russia]. In: Koval'chenko, I.D. (ed.) *Rossiya v XX veke. Istoriki mira sporyat* [Russian revolution in the twentieth century. Historians of the world argue]. Moscow: Nauka.
4. Hildermeir, M. (1990) Arbeiterschaft und politische Radikalsierung in der Revolution 1905–1907 [Workers and political radicalization in the Revolution of 1905–1907]. *Geschichte und Gesellschaft*. 16. pp. 512–535.
5. Hildermeir, M. (1991) Revolution und Revolutiongeschichte [Revolution and Revolution History]. In: Gayer, D. von. (ed.) *Die Umvertung der sowjetischen Geschichte* [The revaluation of Soviet history]. Gottingen.
6. Häfner, L. (1994) *Die Partei der Linken Sozial-revolutionäre in der Russischen Revolution von 1917/1918* [The Party of the Left SRs in the Russian Revolution of 1917/1918]. Köln: Bohlau Verlag.
7. Radkey, O.H. (1958) *The Agrarian Foes of Bolshevism. Promise and Default of Russian Socialist Revolutionaries from February to October 1917*. New York: Columbia University Press.
8. Brovkin, V.N. (1994) *Behind the Front Lines of the Civil War. Political Parties and Social Movement in Russia, 1918–1922*. Princeton: Princeton University Press.

Received: 03 March 2016

Вестник Томского государственного университета. 2016. № 406. С. 103–107. DOI: 10.17223/15617793/406/16

УДК 7203

И.В. Куклинский

КРАСНОЯРСКИЙ ФОТОГРАФ ЛЮДВИГ ВОНАГО

В статье представлены основные вехи творческого и жизненного пути известного красноярского фотографа Людвига Юрьевича Вонаго (1872–1935). Фотографическое наследие Л.Ю. Вонаго хранится в фондах Красноярского краевого краеведческого музея и до настоящего времени остается совершенно не исследованным. В статье впервые вводятся в научный оборот документы Государственного архива Красноярского края, относящиеся к службе Л.Ю. Вонаго лесным кондуктором Енисейского управления земледелия и госимуществ.

Ключевые слова: фотография; фотограф; стеклянный негатив; открытое письмо; открытка; лесной кондуктор; датировка; аннотация; Красноярск; Сибирь.

На протяжении нескольких десятков лет имя красноярского фотографа Людвига Юрьевича Вонаго (1872–1935) оставалось в забвении, а его фотографическое творчество, относящееся к первой трети XX в., было практически недоступно для историков и краеведов. Наследие фотографа хранится в фондах Красноярского краевого краеведческого музея (КККМ) и включает в себя его фотографии и негативы, а также издававшиеся им открытки. До настоящего времени наследие Л.Ю. Вонаго остается совершенно не исследованным; также до сих пор не написана биография фотографа. Предлагаемая статья на материале документов Государственного архива Красноярского края (ГАКК), научного архива КККМ и коллекции фотографа в фондах КККМ представляет основные вехи его творческого и жизненного пути.

Отец Людвига Вонаго Ежи (Юрий) Юрьевич Вонаго (Jerzy Wonago) – поляк римско-католического вероисповедания, лесной кондуктор Ковенской губернии [1. С. 13], сосланный в Сибирь за участие в Польском восстании 1863–1864 гг. [2]. В Сибири Юрий Юрьевич первое время проживал в Томске и, вероятно, именно там и женился. В последующие годы его жена Антонина Казимировна родила сыновей Людвига, Бранислава-Рейнгольда и Болеслава, а также дочерей Марию, Леокадию, Констанцию, Антонину и Ядвигу. В ГАКК сохранились документы о самом Людвиге Вонаго, его отце Ю.Ю. Вонаго, а также о его брате Рейгольде и сестрах Леокадии, Антонине и Ядвиге.

Согласно формулярному списку о службе [3. С. 3] Людвиг Юрьевич Вонаго родился 31 июля 1872 г. по старому стилю, в то время как на его надгробной плите указана другая дата рождения – 25 августа 1872 г. Точные сведения о месте рождения Людвига Юрьевича Вонаго пока что не найдены, но вероятнее всего, он родился в городе Томске, так как именно здесь в 1870-е проживала семья Ю.Ю. Вонаго, а спустя два года после рождения Людвига, там родился его младший брат Бранислав-Рейнгольд. В 1880-е гг. семья Юрия Юрьевича переехала из Томска в село Ужур. А в 1887 г. Ю.Ю. Вонаго, уже будучи в отставке, приобрел собственный каменный дом в городе Минусинске и перебрался туда вместе с семьей.

Людвиг Юльевич Вонаго окончил пять классов Томского ремесленного училища. Затем он пошел по стопам своего отца и стал практикантом при Нелюбинском казенном лесничестве в Томской губернии. Не учась в лесной школе, но занимаясь в течение двух лет практикой лесного дела, он выдержал выпускное испытание для учащихся лесных школ и получил право занимать должность лесного кондуктора. В 1897 г. вместе с братом Рейнгольдом Вонаго принял участие в первой всеобщей переписи населения Российской империи, за что был удостоен медали. В 1898 г. поступил на государственную службу в Томское горное управление и был откомандирован в Курагинскую волость Минусинского уезда для заведывания Ирбинскою горнозаводскою дачею вблизи Ирбинского железоделательного завода. В то время дача еще находилась в ведении Томского горного управления и только в 1901 г. была передана управлению госимуществ Енисейской губернии. Впоследствии он работал канцелярским служителем в Томском горном управлении. Приказом от 30 мая 1902 г. Л.Ю. Вонаго был назначен на должность лесного кондуктора в распоряжении Енисейского управления госимуществ и переехал в Красноярск. За год до этого в 1901 г. глава семейства Юрий Юрьевич скончался в Минусинске. Брат Людвига Рейнгольд также в самом начале XX в. переехал в Красноярск и работал добавочным мировым судьей в Канцелярии Красноярского окружного суда [4. С. 39]. В Красноярске Л.Ю. Вонаго женился на пианистке, учителе музыки Елене Константиновне Покрассо.

Достоверно неизвестно, с какого года Л.Ю. Вонаго начал заниматься фотографией, однако в записях красноярского краеведа Александра Леопольдовича Яворского указывается, что в 1901 г. «красноярский фотограф Л.Ю. Вонаго снимал Столбы» [5. С. 2]. Скорее всего, это неточность, и первые снимки в Красноярске Вонаго мог выполнить после переезда в город, т.е. в 1902 г. Тема красноярского природного заповедника «Столбы» занимала большое место в его фотографическом творчестве. Как и многие красноярцы, Вонаго был увлечен красотой причудливых массивов горных пород, разбросанных среди тайги в окрестностях города Красноярска. Фотографировал он как сами столбы, так и различные способы подъема красноярцев на них и выпускал снимки в виде открыток.

Фотограф имел свое авторское тиснение «L.J. Wonaho» (т.е. Ludwig Jerzy Wonaho – Людвиг Юрьевич Вонаго), которое помещал в нижнем правом углу своих отпечатков, кроме того, на многих стеклянных

негативах Людвига Вонаго можно обнаружить процарапанную по краю негатива дату с указанием дня, месяца и года съемки. Собственноручная датировка части снятых негативов является чрезвычайно важной особенностью его фотографического почерка. Благодаря этому, во-первых, удалось отнести к его наследию ряд негативов, авторство которых был под вопросом; во-вторых, была уточнена датировка отпечатков (фотографий), сделанных с его стеклянных негативов; в-третьих, принимая за исторический факт указанную на его негативах дату, можно аннотировать негативы и фотографии со сходными сюжетами других красноярских фотографов и, например, уточнить годы постройки некоторых зданий в г. Красноярске.

Очевидно, что датировать свои негативы Людвиг Вонаго начинает с определенного времени, и, вероятно, в фондах музея сохранились какие-то его негативы 1900–1905 гг., однако они лишены подписей и в связи с этим не могут быть точно датированы. Самые ранние подписанные негативы фотографа в фондах музея датируются 1906 г. Они имеют подписи «перед народным домом 23 апр 906 г.» и «выбора в первую думу 23 апр 906 г.» и представляют скопление людей около здания Пушкинского городского театра, где проходили выборы в Государственную думу Российской империи I созыва от Енисейской губернии.

Должность лесного кондуктора предполагала регулярные разъезды по окрестностям г. Красноярска и Красноярского уезда с целью осмотра казенных лесных дач, надзора за соблюдением правил лесопользования. Во время разъездов, помимо исполнения обязанностей лесного кондуктора, Людвиг Вонаго занимался видовой фотосъемкой местности, в его объектив попадали заимки рыбаков и избушки лесорубов, речные пороги и осиновые рощи, пещеры и скалы. Отснятый во время экспедиций материал фотограф использовал для издания открыток. В фондах КККМ сохранилось более 50 различных открыток, изданных Л.Ю. Вонаго, причем первые свои открытки он выпустил еще в 1907 г.

В 1907–1908 гг. он выпустил две серии открытых писем с видами окрестностей Красноярска [5] и, вероятно, в это же время совместно с владельцем книжного склада и киоска в г. Красноярске Николаем Николаевичем Трегубовым – альбом «Красноярск и его окрестности», в который вошли 48 фототипий. Бóльшая часть снимков для открыток и альбома была сделана в 1907 г., что представляется возможным установить благодаря датированным подлинным негативам из фондов КККМ, которые и послужили основой для изготовления фототипий.

Помимо выпуска открытых писем, Л.Ю. Вонаго имел и другие способы для дополнительного заработка и реализации себя в качестве фотографа, в частности, с 1907 г. он имел специальную мастерскую для увеличения портретов [6]. Кроме того, установлено, снимки фотографа использовались в качестве иллюстраций при издании городских справочников, к примеру, справочника «Спутник по городу Красноярску» (Издание В.И. Щипанова. Красноярск, 1911).

В связи с альбомом «Красноярск и его окрестности» следует указать, что Л.Ю. Вонаго делал снимки не только окрестностей Красноярска, но также фотографировал улицы и постройки в самом городе. Вероятно, он занимался этим в том числе с той целью, чтобы впоследствии издавать снимки города в виде открыток. Вообще традиция издания открыток с видами Красноярска и его окрестностей была распространена с самого начала XX в. Широкое хождение имели открытки серии «Великий Сибирский путь», изданные в 1905 г. в технике фототипии московской фирмой «Шерер, Набгольц и Ко».

В 1903, 1904 и 1907 гг. книжным магазином Александра Федоровича Комарова издавались серии открыток с видами г. Красноярска и окрестностей. Для открыток использовались фотографии неустановленного красноярского фотографа, а сами открытки печатались в фототипии «Шерер, Набгольц и Ко». Позднее в той же фототипии открытки с видами города и его окрестностей издавали новые владельцы книжного магазина А.Ф. Комарова супруги Григоровские[1], причем последние использовали фотографии нескольких красноярских фотографов, в том числе и Л.Ю. Вонаго. Выпускаемые самим Людвигом Вонаго открытки помимо указания «Изд. Л.Ю. Вонаго» имели анаграмму «G. & D. L.» или «W. G. L.», т.е. предположительно печатались в типографии В.П. Гольдштейн в г. Лодзь [7].

Примечательным эпизодом в биографии Людвига Вонаго стала поездка летом 1908 г. на курорт озеро Шира, расположенный в Минусинской степи, в северо-западной части Минусинского уезда Енисейской губернии, в 340 километрах от Красноярска. Для этой цели он взял двухмесячный отпуск с 24 июня по 24 августа [3. С. 14]. На Шира он фотографировал на пару со своим другом минусинским фотографом Николаем Васильевичем Федоровым[2]. С этой поездки в фондах КККМ сохранилась серия негативов и фотографий Л.Ю. Вонаго, в том числе кадры, на которых присутствует фотограф Н.В. Федоров. В свою очередь в коллекции Минусинского краеведческого музея сохранились стереонегативы Н.В. Федорова, на которых представлен Людвиг Вонаго. Таким образом, фотографы не только снимали виды курорта и типажи отдыхающих на курорте, но также запечатлели друг друга в процессе ведения фотосъемки. Кроме того, Л.Ю. Вонаго сделал весьма ценный составной панорамный снимок (из 5 негативов), представляющий внутренний вид юрты зажиточного инородца, качинца Егора Спирина. Снимок дает возможность подробно рассмотреть все элементы интерьера юрты: сундуки, ковры, посуду и т.д.

Вообще с городом Минусинском Л.Ю. Вонаго связывало многое – прежде всего здесь проживала его овдовевшая мать и оставался фамильный дом. Кроме того, в 1908 г. Людвиг Вонаго значился членом Минусинского фотографического общества, которое было учреждено в конце 1905 г.[3] В 1906–1907 гг. в Минусинске проживал и работал на должности судебного следователя 5-го участка Красноярского окружного суда его брат Рейнгольд. Причем Рейнгольд Вонаго, вероятно, также активно занимался фотографией, так как в 1906 г. был товарищем председателя Минусин-

ского фотографического общества, а в 1907 г. – председателем этого общества. Оба брата указаны в числе жертвователей снимков для фотографического отдела Минусинского музея [8. С. 16]. В июле 1907 г. министр внутренних дел П.А. Столыпин написал письмо члену Правительствующего Сената, товарищу министра юстиций М.Ф. Люце, где в числе других чинов судебного ведомства Р. Вонаго за революционные убеждения и пристрастность при производстве следствий по делам политического характера был признан лицом вредным «для государственного порядка» и не соответствующим занимаемому служебному положению [9]. В связи с этим в сентябре 1907 г. Р. Вонаго был вынужден покинуть Минусинск и уже в 1908 г. проживал на станции Ханьдаохэцзы КВЖД, а впоследствии во Владивостоке.

Несмотря на то что Людвиг Вонаго был поглощен фотографией, он также исправно исполнял свои профессиональные обязанности и Высочайшим приказом от 15 мая 1909 г. за особые труды и заслуги награжден серебряной медалью «За усердие» на Станиславской ленте для ношения на груди. С 30 июня 1910 г. Л.Ю. Вонаго уволился согласно прошению со службы лесным кондуктором [3. С. 33] из-за «невозможности иметь какое-либо движение по службе», оставаясь на этой должности. И уже 27 июля 1910 г. он написал прошение Енисейскому губернатору о получении свидетельства на право произведения съемок. В прошении он писал о своем намерении «специально заняться фотографированием видов и типов в Енисейской губернии для издания таковых в открытых письмах и альбомах, а также кинематографическою съемкою видов», кроме того, он сообщал, что им «уже выпущено несколько изданий открытых писем и альбомов с видами г. Красноярска и его окрестностей». В сентябре 1910 г. Л.Ю. Вонаго получил свидетельство с разрешением «заниматься в пределах Енисейской губернии фотографированием видов и типов для издания таковых в открытых письмах и альбомах, а также кинематографическою съемкою видов» [10]. К сожалению, в настоящее время мы не знаем каких-то подробностей и проведении Л.Ю. Вонаго кинематографических съемок. Известно лишь, что в 1920-е гг. он какое-то время был администратором красноярского кинотеатра «Арс» (бывший «Патеграф») и, кроме того, был знаком с красноярским кинематографистом М.П. Чулковым, который считается пионером киносъемки в г. Красноярске (с 1913 г. демонстрировал свои фильмы в кинотеатрах города)[4].

В июле 1911 г. Вонаго продолжил свою государственную службу и устроился топографом Енисейской землеотводной партии. Фактически образ его жизни в новой должности не изменился, и он все также пребывал в разъездах по окрестностям Красноярска и Енисейской губернии, однако датированных снимков, сделанных во время его рабочих поездок (в частности в августе–сентябре 1911 г. [12]), в фондах музея не обнаружено. Вероятно, в этот период он в большей степени решил посвятить себя съемке в черте г. Красноярска, так как в своей рекламе, выпущенной в 1911 г., он характеризовал себя как «фотограф на выезд», который «производит всевозможные фотографические снимки, не исключая портретов и видов», а также упоминал, что в продаже имеются «открытые письма, альбомы с видами Красноярска и его окрестностей, фотографические снимки выдающихся событий из жизни г. Красноярска» [13. С. 12].

Следует указать, что тема «выдающихся событий» из жизни Красноярска действительно имела большое значение для фотографа в 1900–1910-е гг., вероятно, нередко он занимался такой съемкой по заказу. Можно выделить следующие события, которые он запечатлел в серии снимков:

1. Похороны рабочего ЖД мастерских Михаила Чальникова 13 августа 1905 г. М. Чальников, участник массовой демонстрации, которая была разогнана казаками и жандармами, был убит вместе с еще одним рабочим мастерских Гусенко. Сохранился один стеклянный негатив и один отпечаток, фиксирующие два разных момента движения траурной процессии.

2. Выборы в Государственную думу Российской империи I созыва от Енисейской губернии 23 апреля 1906 г. Сохранились стеклянные негативы, изображающие скопление людей около здания Пушкинского городского театра. Также сохранилась фотография под названием «К выборам в Госдуму в Красноярске», на которой представлена выборная комиссия в помещении, где установлены запечатанные урны для голосования. Также к этой серии относятся негативы и отпечатки с датой 21 мая 1906 г. под названием «Гуляние учеников начальных училищ г. Красноярска в память открытия Государственной Думы». Также Л.Ю. Вонаго был сделан групповой снимок выборщиков и выбранных депутатов от Енисейской губернии.

3. Патриотическая манифестация «Союза русского народа» в Красноярске 20 июля 1907 г. Сохранился один негатив и два отпечатка, представляющие Молебен на Новобазарной площади, а также манифестацию, двигающуюся по Воскресенской улице.

4. Художественно-этнографический вечер, состоявшийся в городском театре 4 апреля 1910 г. Сохранились негативы с портретом одного из участников вечера – качинского шамана Петра Сарлина, а также с видами тематически оформленных интерьеров театра.

5. Парад войск на Новобазарной площади, посвященный 100-летию Бородинского сражения 26 августа 1912 г. Сохранились два негатива.

6. Закладка доходного дома Епархиального ведомства в г. Красноярске 10 мая 1913 г. Сохранились три негатива, представляющие момент закладки, а также два негатива, сделанные в разные периоды строительства дома.

7. Постройка дома Просвещения. Сохранились восемь негативов и десять отпечатков, фиксирующие место будущей постройки дома, моменты освящения места и закладки дома 6 августа 1913 г. и др.

8. Пребывание в г. Красноярске известного норвежского полярного исследователя Фритьофа Нансена 12 сентября – 16 сентября 1913 г. Л.Ю. Вонаго сделал около 20 негативов с моментами пребывания Нансена на Сокольской площадке, где для него был устроен футбольный матч, в доме П.И. Гадалова, где

для него был оборудован рабочий кабинет и в другие моменты. В фондах КККМ сохранились машинописное письмо Л.Ю. Вонаго от 15 ноября 1933 г., адресованное в Норвежскую миссию, с предложением продать 19 негативов о пребывании Ф. Нансена в Красноярске, а также ответ, который он получил в апреле 1934 г. с просьбой назвать сумму, которую он желает получить за свои негативы. К сожалению, нам не известно, чем закончилась переписка с Норвежской миссией и каковы были результаты этой сделки, но, вероятно, она состоялась, так как в 1975 г. Анна Федоровна Вонаго, вторая жена и вдова фотографа, продала в музей лишь 13 стеклянных негативов о пребывании Нансена в Красноярске. Эти негативы, а также отпечатки с них сохранились в фондах КККМ.

В годы Первой мировой и гражданских войн Л.Ю. Вонаго вместе с женой жил в Канске, работал в канцелярии лесничего. В 1919 г. работал помощником делопроизводителя Енисейского губернского по местным делам присутствия в Канском уезде.

Период 1920-х гг. является малоизученным в биографии фотографа. В это время он второй раз женился, судьба его первой жены Е.К. Покрассо неизвестна. Новая жена фотографа Анна Федоровна была значительно моложе и пережила его более чем на 30 лет. В середине 1920-х в летнее время Л.Ю. Вонаго жил на курортах озеро Шира и озеро Учум, где работал фотографом (в фондах КККМ сохранились негативы с видами курортных построек и типажами отдыхающих). Также в это период занимался съемкой первомайских демонстраций в г. Красноярске. С 1928 г. был членом Красноярского географического общества. В январе 1929-го снимал пребывание С.М. Буденного в Красноярске (подлинные негативы в фондах музея не обнаружены, кадры сохранились только в виде пересъемки).

В 1931–1933 гг. Л.Ю. Вонаго работал фотографом Красноярского музея Приенисейского края (ныне КККМ) [14]. Много снимал для нужд музея на темы социалистического строительства, жизни деревни, соцсоревнований и т.д. В конце сентября 1932 г. снимал закладку бараков рабочих Красмашстроя и закладку первого цехового корпуса на Красмаше (Красноярском машиностроительном заводе).

В 1934 г. Л.Ю. Вонаго продал в Красноярский краеведческий музей свою коллекцию стеклянных негативов в количестве более 400 штук. Отпечатки (фотографии) с его негативов поступали в музей начиная с 1910-х гг., причем как лично от него самого, так и от других дарителей (как правило, без указания авторства), таким же образом от новых владельцев в музей поступали и некоторые негативы фотографа. К примеру, в 1921 г. в музей от Марии Ивановны Григоровской, после смерти мужа Н.И. Григоровского (скончался в феврале 1921 г.), поступило несколько негативов, часть из которых относится к наследию Людвига Вонаго, так как на них проставлены даты, что является характерной чертой Л.Ю. Вонаго; также в этом году от неустановленного лица по фамилии Булыгин поступило 16 негативов с видами города Красноярска, и в книге поступлений напрямую указано, что их автором является Вонаго. Процесс аннотирования и уточнения авторства негативов и фотографий в фондах КККМ продолжается. По последним подсчетам, в музее сохранилось более 600 стеклянных негативов и около 100 фотографических отпечатков Л.Ю. Вонаго.

Скончался Л.Ю. Вонаго 14 января 1935 г. в возрасте 63 лет от склероза. Похоронен на Троицком кладбище в г. Красноярске.

Значение наследия Людвига Юльевича Вонаго для истории и культуры города Красноярска и Енисейской губернии неоценимо. В статье рассмотрены только основные темы его фотографического творчества, которое на самом деле еще более обширно и многогранно. Для своего региона Людвиг Вонаго является прежде всего классиком репортажной и жанровой фотографии. По общему количеству снимков и сюжетов, а также по широте охвата исторических периодов (1900–1930-е) его фотографическое наследие стоит особняком среди всех фотографов Енисейской губернии 1860–1930-х гг.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Григоровская (урожд. Парфентьева) Мария Ивановна (годы жизни неизвестны) в 1908–1910-е гг. в Красноярске вместе с мужем Николаем Ивановичем была владелицей книжного магазина, бывшего книжного магазина А.Ф. Комарова.

[2] Федоров Николай Васильевич (1878–1918), известный минусинский фотограф, издатель открыток с видами Минусинска и курорта Шира. Занимался съемкой этнографических типов Южной Сибири. Имел награды всероссийских фотографических выставок. Коллекция его стеклянных негативов сохранилась в фондах Минусинского краеведческого музея им. Н.М. Мартьянова.

[3] Когда в конце 1911 г. в Красноярске учреждалось Красноярское фотографическое общество, Л.Ю. Вонаго не значился среди его учредителей и не был его членом.

[4] Чулков Михаил Прокопьевич (1881–1942) считается первым красноярским кинооператором и режиссером. Снимал видовые фильмы об окрестностях Красноярска, Енисее, Столбах; в советское время снимал фильмы «День красноармейца», «День всеобуча», «Открытие памятника Ленину в Красноярске» и др., всего более 30 сюжетов. С 1923 г. работал управляющим кинотеатра «Арс». Подробнее о нем см. [11. С. 313–315].

ЛИТЕРАТУРА

1. Переселенцы и ссыльные в Томской губернии (1804–1917 гг.). Информация из государственных архивов Новосибирской и Томской областей, Алтайского края. URL: http://forum.vgd.ru/post/17/18198/p444389.htm
2. Lista uczestników powstania 1863–1864 r. zesłanych na Zachodnią Syberię. Список участников восстания 1863–1864 гг., депортированных в Западную Сибирь. URL: http://www.stankiewicze.com/?kat=23&sub=451Portal
3. ГАКК. Ф. 401. Оп. 1. Д. 118. Управление земледелия и государственных имуществ Енисейской губернии. Переписка с красноярским лесничеством о назначении канцелярского служителя Вонаго лесным кондуктором. 1902–1911 гг.
4. Памятная книжка Енисейской губернии на 1903 год. Красноярск, 1903.

5. Яворский А.Л. Из истории красноярских Столбов. Хроника 1901–1931 гг. Машинопись. КККМ в/ф № 4134/89
6. ГАКК. Ф. 595. Оп. 3. Д. 680. О разрешении лесному кондуктору Л.Ю. Вонаго открыть в Красноярске мастерскую для увеличения портретов. 1906–1913 гг.
7. Клуб «Филокартист». Аббревиатуры издательств на открытых письмах. URL: http://www.filokartist.net/library/index.php?par=3&id=467
8. Отчет по Минусинскому Мартьяновскому музею и общественной библиотеке за 1908/9 года. Минусинск, 1910.
9. РГИА. Ф. 1405. Оп. 539. Д. 443. Л. 1–4об. П.А. Столыпин. Письма к М.Ф. Люце. Письмо от 31 июля 1907 г. URL: http://www.hrono.ru/libris/stolypin/stpn_lyuce.html
10. ГАКК. Ф. 595. Оп. 3. Д. 1927. По ходатайству лесного кондуктора Л.Ю. Вонаго об открытии фотографирования видов Енисейской губернии. 1910–11 гг.
11. Аржаных О.П. Что в имени тебе моем. Красноярск, 2008.
12. ГАКК. Ф. 588. Оп. 1. Д. 1036. Абрис полевых работ топографа Вонаго. 1911.
13. Спутник по городу Красноярску. Изд. В.И. Щипанова. Красноярск : Новая типография, 1911.
14. Научный архив КККМ. Оп. 02., д. 88/12. Личные дела сотрудников музея. Удостоверения сотрудника музея Л.Ю. Вонаго. 1932–1933 гг.

Статья представлена научной редакцией «История» 27 февраля 2016 г.

KRASNOYARSK PHOTOGRAPHER LUDWIG WONAGO

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 406, 103–107.
DOI: 10.17223/15617793/406/16

Kuklinski Ilya V. Krasnoyarsk Regional Museum of Local History (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: ikuk@mail.ru

Keywords: Wonago; Krasnoyarsk; Siberia; photographer; photography; glass negative; postcard; museum; collection; heritage.

For several decades, the name of the photographer Ludwig Wonago (1872–1935) was in oblivion, and his photographic work, referring to the first third of the twentieth century, was virtually inaccessible to regional historians. His collections are stored in the Krasnoyarsk Regional Museum of Local History, and up to now remain completely unexplored. The Museum collection includes more than 600 Wonago's glass negatives, about 100 photographic prints and also postcards with his photos. The problem is that among Krasnoyarsk regional historians the identity of Ludwig Yul'evich Wonago is confused with his brother Reinhold Yul'evich Wonago, who also practiced photography. The article is based on the materials of the State Archive of Krasnoyarsk Krai, the scientific archive and collection of the photographer of the Krasnoyarsk Regional Museum of Local History. The article presents the identity of Ludwig Wonago, his profession, place of service and the main milestones of his creative and life path. Wonago's father Yuri Wonago was a forest guard in Kovno Governorate (Government of Kaunas) of the Russian Empire. He was exiled to Siberia for the participation in the Polish uprising (January Uprising) of 1863–1864. Ludwig Wonago born in Tomsk, but spent most of his life in Krasnoyarsk. For several years he worked as a forest guard and a topographer in Yeniseysk Governorate. Photography was his hobby of a lifetime. He published his photographs in booklets and as postcards. Often Wonago photographed significant events in Krasnoyarsk such as parades, manifestations, demonstrations, the processes of construction of new buildings. For example, he photographed the famous Norwegian polar explorer Fridtjof Nansen in Krasnoyarsk in September 1913. At the end of his life he worked as a photographer in the Krasnoyarsk Yenisei Territory Museum (now Krasnoyarsk Regional Museum of Local History). He photographed for the needs of the museum on the themes of socialist construction, the life of village, socialist competition, and so on. The value of the heritage of Ludwig Wonago for the history and culture of the city of Krasnoyarsk and Siberia is priceless. The article discusses only the main themes of his photographic work, which is actually more broad and multifaceted. Probably, Ludwig Wonago is the first big master of reportage and genre photos in Eastern Siberia. His photographic legacy stands out among all the photographers of Krasnoyarsk region of the 1860s–1930s.

REFERENCES

1. *Pereselentsy i ssyl'nye v Tomskoy gubernii (1804–1917 gg.)* [Immigrants and exiles in Tomsk Province (1804–1917)]. State Archives of Novosibirsk and Tomsk Oblasts, Altai Krai. [Online]. Available from: http://forum.vgd.ru/post/17/18198/p444389.htm.
2. *Lista uczestników powstania 1863–1864 r. zesłanych na Zachodnią Syberię* [List of participants in the uprising of 1863-1864. Deported to Western Siberia]. [Online]. Available from: http://www.stankiewicze.com/?kat=23&sub=451Portal. (In Polish).
3. *Upravlenie zemledeliya i gosudarstvennykh imushchestv Eniseyskoy gubernii. Perepiska s krasnoyarskim lesnichestvom o naznachenii kantselyarskogo sluzhitelya Vonago lesnym konduktorom. 1902–1911 gg.* [Administration of Agriculture and State Property of Yenisei Province. Correspondence with the Krasnoyarsk forest office on the appointment of office minister Wonago forest conductor. 1902–1911]. State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund 401. List 1. File 118.
4. Yenisei Provincial Statistics Committee. (1903) *Pamyatnaya knizhka Eniseyskoy gubernii na 1903 god* [The memorial book of Yenisei Province for 1903]. Krasnoyarsk: Enis. gub. tip.
5. Yavorskiy, A.L. (n.d.) *Iz istorii krasnoyarskikh Stolbov. Khronika 1901–1931 gg. Mashinopis'* [From the history of the Krasnoyarsk Pillars. Chronicle of 1901–1931]. Krasnoyarsk Regional Museum of Local Lore (KKKM). 4134/89
6. *O razreshenii lesnomu konduktoru L.Yu. Vonago otkryt' v Krasnoyarske masterskuyu dlya uvelicheniya portretov. 1906–1913 gg.* [On the permission to the forest conductor L. Wonago to open in Krasnoyarsk a workshop for larger portraits. 1906–1913]. State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund 595. List 3. File 680.
7. Klub "Filokartist". (n.d.) *Abbreviatury izdatel'stv na otkrytykh pis'makh* [Abbreviations of publishing houses on open letters]. [Online]. Available from: http://www.filokartist.net/library/index.php?par=3&id=467
8. Anon. (1910) *Otchet po Minusinskomu Mart'yanovskomu muzeyu i obshchestvennoy biblioteke za 1908/9 goda* [Report on Martyanovsk museum and public library in Minusinsk for 1908/9]. Minusinsk: Tipografiya V. V. Fedorova.
9. Stolypin, P.A. (1907) *Pis'ma k M.F. Lyutse. Pis'mo ot 31 iyulya 1907 g.* [Letters to M.F. Lyutse. Letter of July 31, 1907]. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1405. List 539. File 443. Pages 1–4 rev. [Online]. Available from: http://www.hrono.ru/libris/stolypin/stpn_lyuce.html.
10. *Po khodataystvu lesnogo konduktora L.Yu. Vonago ob otkrytii fotografirovaniya vidov Eniseyskoy gubernii. 1910–11 gg.* [At the request of the forest conductor L. Wonago of the opening of photographing species of Yenisei Province. 1910–11].State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund 595. List 3. File 1927.
11. Arzhanykh, O.P. (2008) *Chto v imeni tebe moem* [What's in a name]. Krasnoyarsk: Kul'turno-istoricheskiy muzey "Nekropol'".
12. *Abris polevykh rabot topografa Vonago. 1911* [Outline of the fieldwork of the surveyor Wonago]. State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund 588. List 1. File 1036.
13. Shchipanov, V.I. (1911) *Sputnik po gorodu Krasnoyarsku* [The co-traveller in the city of Krasnoyarsk]. Krasnoyarsk: Novaya tipografiya.
14. *Lichnye dela sotrudnikov muzeya. Udostovereniya sotrudnika muzeya L.Yu. Vonago. 1932–1933 gg.* [Personal files of employees of the museum. Certificates of the museum employee L. Wonago. 1932–1933].Scientific Archive of Krasnoyarsk Regional Museum of Local Lore. List 02. File 88/12.

Received: 27 February 2016

Вестник Томского государственного университета. 2016. № 406. С. 108–112. DOI: 10.17223/15617793/406/17

УДК 9(571.5)

Л.В. Курас, Б.Ц. Жалсанова

РОССИЙСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО О СУДЕ, СУДОПРОИЗВОДСТВЕ В БУРЯТСКОМ ОБЩЕСТВЕ В XIX в. И ОРГАНЫ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ БУРЯТ

Учреждение инородческого самоуправления в Сибири посредством «Устава об управлении инородцев» 1822 г. стало основой не только становления и развития местного самоуправления сибирских народов (бурят, хакасов, якутов и тунгусов), но и создания вертикали власти в Российской империи. В статье рассматривается эволюция проблемы на законодательном уровне. Так, согласно Уставу инородные управы и родовые управления наделялись правом осуществления суда и судопроизводства. Родовое управление представляло собой первую степень суда словесной расправы, инородная управа – вторую степень, а третью степень составляла местная полиция. Степные думы не имели значения словесных судов, а выступали как посредники. В случае неудовлетворенности решением суда родового управления или же при разборе дела между людьми разных улусов, родов, дело передавалось на рассмотрение суда инородной управы.

Ключевые слова: Устав М.М. Сперанского; суд и судопроизводство у бурят; инородческое самоуправление; Свод степных законов.

Возрождение российских традиций местного самоуправления началось с принятия Федерального Закона № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 6 октября 2003 г. Реализация реформы выявила многие проблемы в местном самоуправлении: финансовая несамостоятельность, слабая финансово-экономическая база, вопросы разграничения полномочий в области социальной политики, недостаточное взаимодействие с государственными органами, слабый учет национальных особенностей регионов и т.д.

В связи с этим становится актуальным обращение к историческому опыту прошлого, исследование истории местного самоуправления в Российском государстве, составной частью которого является инородческое самоуправление в Сибири, учрежденное по «Уставу об управлении инородцев» 1822 г. для сибирских народов (бурят, хакасов, якутов, тунгусов). Обобщение исторического опыта местного самоуправления, изучение истории формирования, развития и деятельности органов местного самоуправления бурят в XIX – начале XX в. являются актуальными для современного общества в плане успешной реализации реформы местного самоуправления.

Проблема местного самоуправления бурят получила серьезное воплощение в современном российском источниковедении [1, 2] и историографии [3].

В связи с этим становится актуальным обращение к историческому опыту правовой системы аборигенных народов, в данном случае судебной системы бурят, основанной на нормах обычного права. До присоединения Бурятии к России все виды преступлений и правонарушений у бурят регулировались нормами обычного права. Со времени присоединения Бурятии к России постепенно усиливается влияние российского законодательства, а «Инструкцией пограничным дозорщикам» Фирсову и Михалеву графа С.Л. Владиславича-Рагузинского 1728 г. были изъяты из ведения инородных властей так называемые криминальные дела.

«Устав об управлении инородцев» 1822 г. в этом отношении существенных изменений не внес. «В уголовных только преступлениях, – говорится в Уставе, – кочующие судятся в присутственных местах и по общим государственным установлениям» [4. С. 396]. Местные органы не могли рассматривать такие уголовные дела, как: «1) возмущение; 2) намеренное убийство; 3) грабеж и насилие; 4) изготовление ложной монеты и вообще похищение казенного и общественного имущества» [Там же. С. 396]. Все прочие преступления, включая кражу, считались исковыми и решались инородными властями.

Незначительные изменения в судопроизводство инородцев были внесены Уложением о наказаниях уголовных и исправительных от 15 августа 1845 г. [Там же. С. 401], согласно которому все кочующие и бродячие сибирские инородцы за преступления и проступки менее важные судились по их обычаям и приговаривались к наказаниям по общим законам империи, если преступление или проступок совершены не в местах их кочевья, а в городе, селениях.

Интерес представляет также Положение Сибирского комитета от 4 июня 1853 г. «О порядке избрания Сибирских инородцев Западной и Восточной Сибири в должности, замещаемые по выбору», по которому разрешалось «избирать инородцев не моложе 21 года, имеющих собственное хозяйство и не только не порочных судом и не оглашенных в дурном поведении, но и не состоящих под судом и следствием» [5. С. 297].

После крестьянской реформы 1861 г. были приняты Судебные уставы 1864 г., которые внесли серьезные изменения в систему судоустройства и судопроизводства Российского государства. Они вводили формальную несменяемость судей и независимость суда от администрации, гласность и публичность заседаний суда, состязательный процесс, институты адвокатуры, присяжных заседателей, выборный мировой суд и т.д. Однако на инородческий суд эти реформы влияния не оказали.

В 1885 г. были приняты «Временные правила о некоторых изменениях по судопроизводству в губерниях Тобольской и Томской, Восточной Сибири и Приамурском крае» [6. С. 80–86], согласно которым все жалобы на управы и суды волостные, станичные и инородческие приносились на окружные суды. Иско-

вые дела рассматривались в окружных судах только после рассмотрения во всех степенях суда словесной расправы и производились по правилам, изложенным в Законах гражданского судопроизводства. В порядке судопроизводства инородные управы подчинялись окружному суду, и жалобы в них решались окончательно, с соблюдением годового срока, по истечении которого не принимались.

Таким образом, в судебном законодательстве инородцев в рассматриваемый период существенных изменений не произошло и Устав об управлении инородцев 1822 г., изъявший криминальные дела из ведения инородческих властей и узаконивший степные законы и обычаи, являлся основным документом, на который опирались все инородческие органы в своей судебной деятельности.

«Устав об управлении инородцев» 1822 г. провозгласил, что «все кочующие и бродячие инородцы управляются по их собственным степным законам и обычаям» (§ 68). В связи с тем что законы и обычаи в каждом племени имели некоторые отличия, «притом же сохраняясь поныне через изустные предания, могут быть сбивчивы и неопределенны», местному начальству «предоставлялось от почетных людей собрать полные и подробные о сих законах сведения, рассмотреть оные по губерниям в особых временных комитетах, смягчить все дикое и жестокое, отменить несообразное с другими установлениями и расположив в надлежащем порядке, представить местному Главному управлению на утверждение» [4. С. 398].

В дальнейшем утвержденные степные законы предполагалось напечатать на русском языке, представить их в Правительствующий Сенат, не допускать никаких изменений и руководствоваться ими в делах кочующих и бродячих инородцев, пока не будет надобности изменения их управления.

После принятия Устава начинается длительный процесс кодификации норм обычного права бурят. В 1823 г. во исполнение § 68 Устава 1822 г. были собраны сведения обо всех обычаях и законах инородцев и направлены чиновники на места для их проверки. Так, в марте 1823 г. Иркутское губернское правление предписывает инородческим ведомствам собрать «письменные сведения о законах ваших в каком бы они виде не были, и сверх того описали подробно все обычаи и домашние разбирательства, хотя по преданиям еще у вас известных, сколько при всем вашем усердии собрать можете с тем, однако же, чтобы они основаны были на самой справедливости и точной верности в изложении» [7. Л. 1–2].

В Иркутске в 1823–1824 гг. работает Временный комитет по рассмотрению проекта степных законов, в состав которого вошли почетные родоначальники бурятских ведомств. На заседания Комитета вызывались депутаты от каждого инородческого ведомства, после длительных и подробных консультаций с ними были составлены два проекта степных законов: один для Иркутской губернии, другой – для Енисейской.

В 1824 г. проекты были представлены генерал-губернатором Восточной Сибири А.С. Лавинским в Сибирский комитет. Специально для рассмотрения проекта степных законов летом 1825 г. была собрана особая межведомственная комиссия из четырех членов: от Министерства юстиции, Министерства финансов, Министерства внутренних дел и от Сибирского комитета. В ходе обсуждения комиссия выяснила, что проекты степных законов во многих отношениях не сходятся с теми показаниями о степных законах, которые были сделаны самими инородцами, поэтому не признала нужным составлять новый свод и предложила пополнить их показаниями инородцев.

Член комиссии от Сибирского комитета А.П. Величко не согласился с этим заключением и высказал свое особое мнение о том, что проекты степных законов – это не простой свод законов, а сочинение законов, составленное местным начальством. Он заявил о необходимости отмены всех отступлений от Устава, допущенных в проектах Восточной Сибири, и потребовал от составителей основать свой свод на подлинных показаниях почетнейших родовичей. Он предложил: 1) подлинные показания инородцев привести в правовое расположение; 2) из подлинных сведений определить отличия и особенности права каждого племени инородцев; 3) собрать все сведения об управлении инородцев; 4) определить, в какой мере могут быть приняты к применению китайское уложение, составленное для монголов с письменным уложением бурят; 5) с учетом всех собранных сведений составить Свод степных законов [8. Л. 182–182 об.].

В 1831 г. Сибирский комитет направил подготовленный Свод степных законов генерал-губернатору Восточной Сибири А.С. Лавинскому для передачи Иркутскому губернскому переводчику А.В. Игумнову, чтобы тот сравнил их с инородческими степными законами. В 1832 г. А.В. Игумнов представил свои замечания и пояснения к Своду законов, добавив личное мнение по теме.

В 1837 г. пересоставленный Свод степных законов был внесен А.П. Величко в Сибирский комитет. Свод состоял из 540 статей, расположенных в разделах о правах и обязанностях семейственных, правах на имущество, обязательствах по договорам, судопроизводстве. Текст Свода степных законов сопровождался ссылками на подлинные показания инородцев, постановления, указы и т.д. Свод был напечатан в 20 экземплярах и отправлен по местным начальствам. С учетом их замечаний 5 декабря 1838 г. Свод был представлен во II отделение собственной канцелярии М.М. Сперанскому, так как к этому времени Сибирский комитет закрылся.

В 1841 г. дополненный проект Свода степных законов был внесен на рассмотрение Государственного совета. Проект свода 1841 г. по содержанию имел немного отличий от проекта 1836 г., несмотря на увеличение числа параграфов с 540 до 802. Большинство новых положений свода раскрывали содержание каких-либо понятий или терминов, заимствованных из нормативно-правовых актов. Поскольку свод содержал много общих положений из официальных актов, было решено оставить один документ, включив в него так называемые изъятия или частные правила (для отдельных народов или конкретных племен). Каждая

статья свода степных законов содержала общее правило для всех кочевых народов Восточной Сибири и иногда частное для некоторых племен. Общие правила были основаны преимущественно на нормах Российской империи, реже – на актах зарубежных стран или заимствованы из местных проектов Иркутской и Енисейской губерний. Некоторые общие правила вошли в свод без изменений и переработки.

Свод содержал «изъятия», которые устанавливались для определенных племен. Частные правила изменяли общее правило. Иногда «изъятия» допускали использование племенем или общего правила, или частого по своему усмотрению. При анализе содержания свода «Степных законов кочевых инородцев Восточной Сибири» 1841 г. можно выделить две совершенно противоположные особенности этого источника. С одной стороны, проект был направлен на унификацию норм обычного права народов Сибири, с другой – сохранялся дифференцированный подход по некоторым вопросам [9].

Свод обычаев так и не был принят. Члены совета после многочисленных разногласий по пунктам степных законов пришли к заключению, что их издание в том виде, как предлагал А.П. Величко, следует отложить до лучших времен. 7 октября 1848 г. Министр юстиции сообщил об этом генерал-губернатору Восточной Сибири Н.Н. Муравьеву, который, в свою очередь, согласился с этим заключением, отметив, что обычаи становятся менее востребованными, инородцы все больше обращаются к русскому законодательству [10. Л. 184].

Таким образом, Свод степных законов не был издан и не получил утверждения верховной власти. Причинами стали непоследовательность проводимой работы, отсутствие четких целей и задач, формальный подход к кодификации на местах. На протяжении всей работы разработчики свода пытались учесть существующие нормы российского законодательства, поэтому работа откладывалась до принятия того или иного нормативно-правового акта.

В связи с этим Т. Тобоев, главный тайша Агинской Степной думы, ранее участвовавший в разработке Свода степных законов кочевых инородцев Восточной Сибири, 5 июля 1859 г. пишет письмо военному губернатору Забайкальской области М.С. Корсакову с ходатайством об издании степных законов. По его мнению, издание необходимо, «дабы тем пресечь всякий произвол, нередко допускаемый при разбирательстве дел между инородцами, собственной их расправе представленных, так как изустные предания, на коих должны основываться решения, с течением времени неизбежно получают более и более сбивчивость и неопределенность, служат поводом к произволу судей, заключающим разбирательства по собственным убеждениям, не всегда согласным с преданиями и обычаями племени, через что возникают жалобы и неудовольствия, не менее того затрудняющие по сим причинам справедливое их разрешение» [11. Л. 1–2].

2 апреля 1860 г. с таким же ходатайством об издании свода степных законов обратился Сахар Хамнаев, главный тайша Баргузинской Степной думы. Отсутствие единых законов приводило к затруднениям в решении дел инородцев и частым случаям возникновения решений с «неудовлетворенностью оными» [Там же. Л. 4 об.].

10 ноября 1860 г. агинские буряты приняли общественный приговор, в котором приняли решение просить военного губернатора Забайкальской области Е.О. Жуковского принять на себя труд употребить со стороны своей «ходатайство об издании для руководства инородцам по означенному проекту степных законов, дабы тем пресечь всякий произвол, нередко допускаемый при разбирательстве дел между инородцами» [Там же. Л. 8–14].

На все ходатайства исправляющий должность Иркутского гражданского губернатора 21 января 1862 г. ответил, что «дело об издании Свода степных законов оставлено до особого об нем распоряжения» [Там же. Л. 22].

Вопрос о принятии Свода степных законов был вновь поднят в 1863 г. на Совете ГУВС в связи с обсуждением возможности распространения на инородцев судебной реформы. Было принято важное решение, что в делах маловажных по искам необходимо принять меры к введению у них суда на общих началах. В 1864 г. генерал-губернатор М.Н. Корсаков поручил Председателю Енисейского губернского суда В.Н. Булатову изучить и рассмотреть данный вопрос. После тщательного изучения вопроса он пришел к выводу, что для принятия такого решения необходимо провести статистические и этнографические исследования кочевых народов.

В том же году М.Н. Корсаков поручает старшему чиновнику особых поручений Малахову представить свои заключения по судебной части у инородцев, в связи с чем он вернулся к проекту А.П. Величко. Он решил разослать проект степных законов местным губернаторам с тем, чтобы решить, возможно ли его применение в инородческих ведомствах. Однако Министерство государственных имуществ не предоставило ему проекта Свода степных законов, и на этом переписка закончилась [12. Л. 187 об.–190].

В 1877 г. вопрос о степных законах был вновь поднят, когда голова хоринских инородцев Ринчинов обратился с просьбой тиражировать проект Свода степных законов кочевых инородцев Восточной Сибири. Оказалось, что это единственный сохранившийся экземпляр. Рассмотрев проект, губернаторы пришли к заключению, что данные, послужившие для составления проекта, совершенно утратили свое значение и потому не могут иметь никакого применения. К такому же выводу пришли и сами инородческие ведомства в своих отзывах.

Таким образом, Свод степных законов сибирских инородцев хотя и был составлен и издан, но получил крайне малое распространение и сделался библиографической редкостью [13. С. 151].

«Степные законы» упоминались в ряде законов, затрагивавших проблемы управления в Сибири, и учитывались, хотя и не всегда, государственными учреждениями при решении дел о правах инородцев.

В проект «Свода степных законов кочевых инородцев Восточной Сибири» вошли:

1. «Сведения Иркутского уезда Балаганского ведомства братского общества, учиненные собранием от

всех 17 родов родоначальников о законах и обычаях иноверцев».

2. «Иркутского уезда тункинских братских 12 родов ведения главного тайши Зангея Хамакова об образе суждения инородными начальниками в прежнем времени своих подчиненных в предоставляемых им делах».

3. «Выписка о законах и обычаях, об образе суждения Идинского ведомства в 12 родах родоначальниками своих подчиненных в предоставляемых им делах и словесных разбирательствах марта 23 дня 1823 г.».

4. «Выписка» о судопроизводстве между братскими Кудинского ведомства.

5. «Обычаи братских Верхоленского ведомства», которые представляют собой приговор, подписанный тайшей Александром Ертагаевым, его помощником Хурган Убугуровым, 27 родоначальниками и 42 почетными инородцами [14. С. 20].

Б.Д. Цибиков отмечает, что одним из главных источников «Свода степных законов кочевых инородцев Восточной Сибири» в редакциях 1836, 1841, 1844 г. являлись «Обычаи братских Хоринского ведомства», уложение, принятое 30 марта 1823 г. съездом тайшей, старшин оттоков, зайсанов, шуленг, засулов, «лучших» податных людей в Онинской конторе 11 родов бурят-хоринцев Верхнеудинского округа Иркутской губернии. Обиходное его название – «Хоринское уложение 1823 г.», оно состояло из 12 глав, содержащих 144 статьи. В 1851 г. уложение было обновлено на «полном сейме» Хоринской Степной думы в присутствии почетных лам хоринских дацанов, заседателей думы, голов каждого отока, выборных, старост, доверенных от населения, «лучших» людей и стало состоять из 19 глав (197 статей) [15. С. 11]. В основу «Свода» был положен также «Селенгинский сборник 1823 г.», состоявший из подробного введения и девяти глав, содержавших 180 статей.

Из всех пунктов Свода степных законов официально были приведены в действие только два: § 19 и 485. В первом случае речь шла о предупреждении усилившейся роскоши в свадебных обрядах, а во втором – о прекращении излишних поборов на продовольствие родоначальников, съезжающихся на собрание. Якутское областное правление полагало, что улусным головам, наслежным старостам и старшинам положить из земского сбора приличное жалование на содержание при нахождении на общественных собраниях, разъезды и прочие расходы, для чего необходимо производить сборы по приговорам с общества. Иркутское губернское правление по этому поводу выразило мнение, что такие сборы являются незаконными, поэтому их надо отменить, а инородцам «предоставить удовольствовать себя на сугланах по своей воле, или привозя с собой пищу, или же покупая ее по своему усмотрению на свой счет, а не общественный». Далее правление дало разъяснение, что общественные собрания должны проводиться в три дня, а не в одну-две недели [16. Л. 214–215].

Анализируя характер преступлений и правонарушений, совершенных в инородческих ведомствах, можно их условно сгруппировать по разделам:

1) невыполнение долговых обязательств, исковые дела;

2) воровство скота, имущества;

3) неуплата податей и повинностей;

4) бракоразводные дела и связанный с ними раздел имущества;

5) оскорбление словами и действиями, причинение увечий;

6) захват чужого имущества или земли;

7) нарушения паспортного режима;

8) убийство;

9) преступления, совершенные не на территории управы.

Все вышеперечисленные преступления и правонарушения расследовались инородческими властями, полицией и рассматривались судами 1-, 2- и 3-й степени.

Согласно Уставу инородные управы и родовые управления наделялись правом осуществления суда и судопроизводства. Родовое управление представляло собой первую степень суда словесной расправы, инородная управа – вторую степень, а третью степень составляла местная полиция. Степные думы не имели значения словесных судов, а выступали как посредники. Главная обязанность судов словесной расправы заключалась в прекращении частных разногласий между инородцами и в их примирении на основании «степных законов» и обычаев. Решение суда имело силу, если его участники были удовлетворены им. В случае неудовлетворенности решением суда родового управления или же разбора дела между людьми разных улусов, родов, дело передавалось на рассмотрение суда инородной управы.

Таким образом, все инородческие дела решались в пределах родового управления и инородной управы, при этом инородная управа фактически являлась высшей степенью суда словесной расправы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жалсанова Б.Ц., Курас Л.В. История Баргузинской Степной думы в документах Государственного архива Республики Бурятия. Иркутск : Оттиск, 2012. 352 с.
2. Жалсанова Б.Ц., Курас Л.В. История Аларской Степной думы в документах Государственного архива Республики Бурятия. Иркутск : Оттиск, 2015. 352 с.
3. Дамешек Л.М., Жалсанова Б.Ц., Курас Л.В. История органов местного самоуправления бурят в XIX – начале XX в. / отв. ред. Б.В. Базаров. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2013. 503 с.
4. Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗРИ). Ст. 29126. 1-е собр. Т. 38. СПб., 1830.
5. ПСЗРИ. 2-е собр. Отд-е 1. Т. 27.
6. ПСЗРИ. Ст. 2770. 3-е собр. Т. 5. СПб., 1887.
7. Государственный архив Республики Бурятия (далее – ГАРБ). Ф. 7. Оп. 1. Д. 19.
8. Государственный архив Иркутской области (далее – ГАИО). Ф. 24. Оп. 9. К. 2687. Д. 23.

9. Наумкина В.В. Обычное право кочевых народов Восточной Сибири в правовой системе Российского государства : автореф. … д-ра юрид. наук. М., 2010.
10. ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. К. 2687. Д. 23.
11. Государственный архив Забайкальского края (далее – ГАЗК). Ф. 1. Оп. 1. Д. 446.
12. ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. К. 2687. Д. 23.
13. Дружинин Н.П. Общедоступное руководство к изучению законов. М. : Типо-литогр. Рус. тов-во печ. и изд. деят., 1904. 152 с.
14. Цибиков Б.Д. Обычное право селенгинских бурят. Улан-Удэ : Бурят. книж. изд-во, 1970. 282 с.
15. Обычное право хоринских бурят: памятники старомонгольской письменности : пер. с монг. Новосибирск : Наука, 1992.
16. ГАРБ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 277.

Статья представлена научной редакцией «История» 8 февраля 2016 г.

RUSSIAN LEGISLATION ON THE COURT AND LEGAL PROCEDURE IN THE BURYAT SOCIETY IN THE 19TH CENTURY AND THE BURYAT LOCAL SELF-GOVERNMENT BODIES

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 406, 108–112.
DOI: 10.17223/15617793/406/17

Kuras Leonid V. Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, SB RAS (Ulan-Ude, Russian Federation). E-mail: kuraslv@yandex.ru
Zhalsanova Butit T. State Archive of the Buryat Republic (Ulan-Ude, Russian Federation). E-mail: butit62@mail.ru

Keywords: Charter by Speransky M.M.; court and legal procedure among the Buryats; foreign self-government; the Digest of Steppe laws.

The revival of Russian traditions of local self-government authorities began since the enactment of Federal Law 131-FL “On common principles of organization among the local self-government authorities in the Russian Federation” of October 6, 2003. The implementation of the reform revealed a lot of problems in local self-government, such as financial dependence, imbalanced financial and economic basis, questions in separation of powers in social policy, lack of interaction among the state authorities, weak consideration of the national peculiarities of the regions and others. As a result of it, the appeal to the historical experience of the past has become important nowadays. As a part of history of the local self-government authorities in the Russian State, the investigation of foreign self-government in Siberia has also become relevant. Foreign self-government was established by the Charter on Management of Foreigners (1822) for Siberian peoples (the Buryats, the Khakass, the Yakuts and the Tungus). Generalization of the historical experience of local self-government, studies of the history of formation, development and activities of the local self-government of the Buryats in the 19th – early 20th cc. is of importance for modern society in terms of a successful realization of the reforms related to local self-government. The issue of the local self-government of the Buryats has been covered in contemporary Russian source studies and historiography. The most relevant is the appeal to the historical experience of the legal system among aboriginal peoples, on this occasion it is the court system of the Buryats which is based on the common law standards. Before the annexation of Buryatia to Russia all kinds of crimes and offences among the Buryats were regulated with the common law standards. Since that period the influence of Russian legislation was intensifying gradually. Then, with the help of the *Instruction for the Border Guards* (1728) for Firsov and Mikhalev who were under the rule of Count Vladislavich-Raguzinskiy, so-called “criminal cases” were withdrawn from the jurisdiction of non-Russian authorities. According to the Charter foreign councils and patrimonial administrations had the right to conduct trials and legal procedures. Patrimonial administrations were the first level of the court in verbal punishment, foreign councils the second level, and local police the third level. The Steppe Duma was not a verbal court, it was considered as mediators. The main responsibility of verbal courts was in settling private disputes between foreigners and in their reconciliation on the basis of “the steppe laws” and customs. The decision of the court had the power if all participants were satisfied with it. In case of an unsatisfactory legal decision of patrimonial administrations or of a dispute between people of different uluses and kins, the case went to the court of a foreign council.

REFERENCES

1. Zhalsanova, B.Ts. & Kuras, L.V. (2012) *Istoriya Barguzinskoy Stepnoy dumy v dokumentakh Gaosudarstvennogo arkhiva Respubliki Buryatiya* [History of the Barguzinsk Steppe Duma in the documents of the State Archive of the Republic of Buryatia]. Irkutsk: Ottisk.
2. Zhalsanova, B.Ts. & Kuras, L.V. (2015) *Istoriya Alarskoy Stepnoy dumy v dokumentakh Gosudarstvennogo arkhiva Respubliki Buryatiya* [History of the Alarsk Steppe Duma in the documents of the State Archive of the Republic of Buryatia]. Irkutsk: Ottisk.
3. Dameshek, L.M., Zhalsanova, B.Ts. & Kuras, L.V. (2013) *Istoriya organov mestnogo samoupravleniya buryat v XIX – nachale XX v.* [The history of local governments in the 19th – early 20th centuries]. Irkutsk: Irkutsk State University.
4. Russian Empire. (1830) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection 1. Vol. 38. Art. 29126. St. Petersburg: Tip. 2-go Otd-niya Sobstv. E.I.V. Kantselyarii.
5. Russian Empire. (1830) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection 2. Vol. 27. Pt. 1. St. Petersburg: Tip. 2-go Otd-niya Sobstv. E.I.V. Kantselyarii.
6. Russian Empire. (1887) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection 3. Vol. 5. Art. 2770. St. Petersburg: Gosudarstvennaya tipografiya.
7. State Archive of the Republic of Buryatia (GARB). Fund 7. List 1. File 19. (In Russian).
8. State Archive of Irkutsk Oblast (GAIO). Fund 24. List 9. K. 2687. File 23. (In Russian).
9. Naumkina, V.V. (2010) *Obychnoe pravo kochevykh narodov Vostochnoy Sibiri v pravovoy sisteme Rossiyskogo gosudarstva* [Common law of the nomadic peoples of Eastern Siberia in the legal system of the Russian state]. Law Dr. Diss. Moscow.
10. State Archive of Irkutsk Oblast (GAIO). Fund 24. List 9. K. 2687. File 23. (In Russian).
11. State Archive of Zabaykalsky Krai (GAZK). Fund 1. List 1. File 446. (In Russian).
12. State Archive of Irkutsk Oblast (GAIO). Fund 24. List 9. K. 2687. File 23. (In Russian).
13. Druzhinin, N.P. (1904) *Obshchedostupnoe rukovodstvo k izucheniyu zakonov* [Public Guide to the study of law]. Moscow: Tipo-litografiya Russkoe tovarishchestvo pechatnoy i izdatel’skoy deyatel’nosti.
14. Tsibikov, B.D. (1970) *Obychnoe pravo selenginskikh buryat* [Common law of Selenga Buryats]. Ulan-Ude: Buryatskoe knizhnoe izdatel’stvo.
15. Buryat Institute of Social Sciences. (1992) *Obychnoe pravo khorinskikh buryat: pamyatniki staromongol’skoy pis’mennosti* [Common law of Horinsk Buryats: monuments of the Old Mongolian writings]. Translated from Mongolian by B.D. Tsibikov. Novosibirsk: Nauka.
16. State Archive of the Republic of Buryatia (GARB). Fund 5. List 1. File 277. (In Russian).

Received: 08 February 2016

Вестник Томского государственного университета. 2016. № 406. С. 113–120. DOI: 10.17223/15617793/406/18

УДК 94(571.16)“1920/1925”

А.В. Куренков

ТОМСКИЙ ГУБЕРНСКИЙ КОМИТЕТ РКП(б) (1920–1925 гг.)

Рассмотрена история Томского губернского комитета Российской коммунистической партии большевиков, являвшегося высшей партийной инстанцией на территории Томской губернии в период 1920–1925 гг. Раскрыты создание и функции губкома. Установлен его персональный руководящий состав, обозначены особенности руководящих кадров. Комплексно исследован аппарат партийного комитета, раскрыты происходившие изменения в его структуре. Проанализирована динамика численности сотрудников губкома. Выявлены и оценены основные формы работы губернского партийного комитета.
Ключевые слова: Томская губерния; губком РКП(б); штаты.

Исследование большевистской партийной организации по-прежнему является одним из актуальных направлений в отечественной историографии. В рамках данной проблематики особую роль играет анализ местных партийных структур, на которые возлагалась основная ответственность за грамотное и своевременное проведение в жизнь директив партийного центра.

На территории обширной Томской губернии в конце декабря 1919 г. была восстановлена советская власть. С этого момента и вплоть до середины лета 1920 г. происходило восстановление партийной организации большевиков, завершающим этапом которого стало формирование Томского губернского комитета РКП(б) как основного звена в иерархии партийных органов губернии [1. С. 85].

Вопросы становления и функционирования Томской парторганизации в первой половине 1920-х гг. получили отражение в ряде исследований отечественных ученых. Так, А.Т. Макаевой приведены данные о количестве ответственных губернских партийных работников, их социальном положении, образовании, партийном стаже, освещены мероприятия губернского комитета РКП(б) по улучшению работы нижестоящих партийных структур [2. С. 3–24]. Многочисленные сведения о партийных органах, действовавших в Томской губернии, содержатся в работах В.Н. Гузарова [3. С. 41–50; 4. С. 213–219; 5; 6. С. 74–79; 7. С. 234–239; 8. С. 141–151; 9. С. 43–47]. В частности, в них приведена информация о структуре, кадровом составе, функциях партийных звеньев начиная с губкома РКП(б) и заканчивая сельскими ячейками. Начальный этап партийного строительства в губернии после восстановления советского режима рассмотрен в статьях Н.С. Ларькова [10. С. 30–34] и А.В. Куренкова [1. С. 85–87]. Некоторая информация о Томской парторганизации содержится также в трудах по истории Томской области и г. Томска [11. С. 287; 12. С. 90–92]. Вопросам создания и деятельности непосредственно Томского губкома РКП(б) посвящено на сегодняшний день несколько статей, в том числе энциклопедического характера [13. С. 140–143; 14. С. 37–39; 15. С. 178; 16. С. 95].

Цель данной статьи – при опоре на архивные и опубликованные источники, материалы периодической печати, а также исследовательскую литературу углубить созданное нашими предшественниками представление о создании, структуре, штатном составе, функциях Томского губернского комитета РКП(б) на протяжении всего периода его существования – с лета 1920 г. по осень 1925 г.

Томский губернский комитет РКП(б) был избран на заключительном этапе работы первой Томской губернской партийной конференции 26 июля 1920 г. В состав комитета вошли П.А. Верхотуров (председатель), А.Н. Сафонова, К.М. Молотов, И.Д. Чугурин, А.Д. Никифоров, К.А. Озол, И.И. Воробьев, Е.Ф. Глущенко, В.М. Похлебкин, Н.Я. Скоков, Беликов. Кандидатами в члены стали Елисеев, Алексеевский, М.М. Фуксов [1. С. 86; 12. С. 280]. К функциям губернского комитета относились утверждение уездных и районных партийных организаций губернии с санкции областного комитета партии или ЦК; назначение редакции печатного органа губпарткома; направление деятельности советов, профессиональных союзов, кооперативных объединений [17. С. 205]. Кроме того, разработанная центральным комитетом в марте 1920 г. специальная инструкция предписывала губкомам расширять влияние партийных организаций на массы, проводить широкую агитационную, пропагандистскую, организационно-инструкторскую работу [18. С. 173].

Аппарат, в котором сосредоточивалась текущая работа Томского губкома, включал семь отделов (табл. 1).

Таблица 1

Структура и штаты Томского губкома РКП(б) (август 1920 г.) [19. Л. 51]

Наименование отдела	Количество сотрудников
Общий отдел	25
Агитационно-пропагандистский	5
Организационно-инструкторский	6
Учетно-информационно-статистический	5
Отдел по работе в деревне	5
Отдел по работе среди женщин	7
Отдел по работе среди национальных меньшинств	2
ИТОГО	55

Сотрудники, трудившиеся в губкоме, подразделялись на ответственных и технических. Ответственные сосредоточивались, главным образом, на руководящей работе. Они были наделены правом решающего голоса на пленарных заседаниях комитета, имели право возглавлять его отделы. Технические же обеспечивали канцелярское и хозяйственно-бытовое обслуживание губкома, зачастую не являясь членами партии. Из 55 сотрудников, трудившихся в губкоме в августе 1920 г., всего лишь 11 относились к ответственным. Основную массу составляли технические служащие. Их насчитывалось 44 человека [13. С. 140].

Одним из первых изменений, произошедших в структуре губкома, стала ликвидация в середине ноября 1920 г. отдела по работе в деревне [20. С. 19]. Она была проведена в соответствии с решением Всероссийского совещания представителей губкомов, организованного в сентябре 1920 г. и пришедшего к выводу о нецелесообразности существования самостоятельных деревенских отделов [18. С. 173–174].

По итогам X съезда РКП(б), состоявшегося в марте 1921 г., было принято решение о создании центральной, областных и губернских контрольных комиссий. Их задачами становились «борьба со вкрадывающимися в партию бюрократизмом, карьеризмом, злоупотреблениями членов партиии своим партийным и советским положением, с нарушением товарищеских отношений внутри партии…» [17. С. 340]. Точная дата образования контрольной комиссии в структуре Томского губкома нами не установлена. Предположительно, она была создана в апреле 1921 г. в составе К.А. Озола, Плотникова и Рехлинга [21. Л. 134].

В течение 1921 г. наблюдалась постоянная ротация руководителей губкома. Так, в январе 1921 г. вместо П.А. Верхотурова губком возглавил А.Д. Никифоров, заняв пост ответственного секретаря. В этой должности он находился три месяца. В апреле его сменил В.М. Похлебкин. Однако уже в июле ответственным секретарем губкома стал В.А. Строганов [8. С. 150; 22. Л. 70 об.; 23. Л. 4, 16; 24. Л. 6]. Частая смена партийных руководителей являлась характерной чертой того времени. Она была обусловлена стремлением центра не допустить превращения местных партийных и советских руководящих работников в самостоятельную политическую силу. Стоит также отметить, что, за исключением А.Д. Никифорова, все руководители Томского губкома являлись выходцами из других регионов страны. В Томск они направлялись по решению центрального комитета большевистской партии [7. С. 235; 8. С. 142, 150; 25. С. 290; 26. С. 207].

К осени 1921 г. значительные изменения произошли в постановке учетного и агитационного аппаратов губкома. Учетно-информационно-статистический отдел был упразднен, а все его функции переданы организационно-инструкторскому отделу, в составе которого возникли информационный и учетно-статистический подотделы [27. Л. 1 об.–3 об.]. Это привело к значительному расширению штатного состава оргинструкторского отдела. Подобная мера отражала стремление центрального партийного руководства усовершенствовать механизм учета ответственных партийных работников [5. С. 241, 243–244].

К этому же времени прекратил свою деятельность и отдел по работе среди национальных меньшинств. Вместо него в составе агитационно-пропагандистского отдела был образован подотдел национальных меньшинств, призванный проводить работу среди представителей различных этнических образований, в том числе иностранных граждан, оказавшихся на территории Томской губернии в результате событий Первой мировой войны и последующих революционных катаклизмов. В рамках подотдела были выделены татарская, чувашская, украинская, латышская, эстонская, венгерская секции, состоявшие, как правило, из секретаря и нескольких инструкторов [27. Л. 1 об.–3 об.]. К непосредственным функциям секций относились организация клубов для коммунистов, беспартийных рабочих и крестьян определенной национальности, проведение митингов, лекций, бесед, издание литературы на национальных языках [18. С. 174].

В результате произошедших изменений общее количество сотрудников губернского партийного комитета возросло, по нашим подсчетам, до 89 человек (табл. 2).

Таблица 2

Структура и штаты Томского губкома РКП(б) (сентябрь 1921 г.) [21. Л. 134; 27. Л. 1 об.–3 об.]

Наименование отдела	Количество сотрудников
Общий отдел	23
Организационно-инструкторский отдел	20
Агитационно-пропагандистский отдел	28
Отдел по работе среди женщин	15
Контрольная комиссия	3
ИТОГО	89

Однако в соответствии со штатным расписанием, разработанным для партийных органов в конце декабря 1921 г. на Московском совещании секретарей обкомов и губкомов, Томскому губернскому партийному комитету надлежало иметь в своем составе не более 44 сотрудников [28. С. 50, 52]. В этих условиях руководство губкома вынуждено было корректировать свою штатную численность. К маю 1922 г. штатный состав губкома был сокращен до 46 ответственных и технических сотрудников [29. Л. 81–81 об.]. Такую цифру удалось заполучить, во-первых, благодаря упразднению национальных секций ввиду снижениия их роли среди иностранных коммунистов[1] и, во-вторых, путем сокращения кадрового состава организационно-инструкторского отдела[2] [5. С. 251–252].

Тем не менее в аппарате губкома продолжали возникать новые структурные звенья. Так, в соответствии с изданным 31 января 1922 г. циркулярным письмом ЦК РКП(б) при областных и губернских партийных комитетах на правах отделов образовывались бюро Истпарта со штатом в два человека. Их основной задачей становилась деятельность по сбору, обработке, систематизации и изданию документов и материалов, отражавших историю местной партийной организации. 27 марта 1922 г. Томский губком утвердил собственное бюро Истпарта, которое с 1 апреля приступило к работе [30. С. 6]. Заведующим бюро стал Журавский, членом – А.П. Марцинковский [31. Л. 34].

В сентябре 1922 г. вновь расширился состав организационного отдела губкома. 3 сентября при нем было образовано военное бюро, в задачи которого вошли учет и распределение военных кадров, состоявших в рядах большевистской партии, а также общее руководство партийными ячейками воинских частей и подразделений [32. Л. 3 об.]. Однако просуществовало оно сравнительно недолго. 5 мая 1923 г. согласно указаниям Сиббюро ЦК ввиду неэффективной работы военное бюро было упразднено. Все его функции передавались первому партийному райкому Томска [33. Л. 51 об., 53 об.]. 5 сентября 1922 г. в рамках орготдела было создано студенческое бюро. Основными направлениями его деятельности стали руководство партийными ячейками высших учебных заведений, проведение агитационно-пропагандистской работы среди студенческих масс, мероприятий по втягиванию студентов в коммунистическое строительство [34. Л. 15 об.].

Основными формами работы губкома являлись пленарные заседания и заседания президиума, избираемого на пленуме. Однако анализ источников позволяет утверждать, что работа пленума не носила систематического характера. К примеру, в декабре 1922 г. не состоялось ни одного пленарного заседания. В то же время за этот месяц партийные руководители губернии провели восемь заседаний президиума [35. Л. 13]. В течение 1923 г. пленум губкома собирался лишь в январе, марте, июне, сентябре и ноябре [36. Л. 25–36]. Подобные явления демонстрировали несоблюдение губернскими партийными функционерами устава партии, согласно которому губернскому комитету надлежало созывать пленарные заседания не реже одного раза в месяц [17. С. 579].

Ежемесячно Томский губком обязан был отчитываться о своей деятельности перед Сиббюро ЦК и ЦК РКП(б). Однако отчеты от нижестоящих партийных организаций поступали в губернский комитет с запозданием и далеко не всегда качественные, что отрицательно сказывалось на сроках предоставления и содержании отчетности самого губкома [5. С. 240]. В августе 1921 г. центральный комитет партии потребовал от губернских парткомов вдобавок к уже существовавшей отчетности ежемесячно предоставлять в центр краткие доклады о своей деятельности [Там же. С. 242]. А в январе 1922 г. поручил секретарям губкомов в особых ежемесячных письмах сообщать о политическом положении в губернии и о работе партийной организации в целом [28. С. 79]. Тем не менее в октябре 1922 г. Сибирское бюро ЦК констатировало неэффективность отчетной работы губернских парткомов. Партийный центр Сибири отмечал, что «особенно сильно хромают отчеты, которые составляются казенно, по шаблону <…> похожи один на другой и не дают никакого представления о действительно проделанной работе» [37. Л. 161–161 об.]. Губкомам было предписано направлять в Сиббюро все без исключения материалы, характеризующие текущую работу губернского партийного органа, и в первую очередь протоколы заседаний, циркуляры и планы. Заведующие организационными отделами становились персонально ответственными за качество партийных отчетов [Там же].

23 марта 1923 г. Секретариат ЦК утвердил новое штатное расписание для губернских комитетов. Губкомам первой группы, к которой принадлежал Томский партком, полагалось иметь в своем штате лишь 37 человек [4. С. 217]. Однако к указанному месяцу штат Томского губкома состоял из 65 сотрудников, из которых 23 являлись беспартийными, 12 – студентами, 2 – имели высшее образование, 2 – вовсе не имели образования. По своему социальному положению сотрудники преимущественно являлись рабочими и служащими [38. Л. 25–25 об.]. В апреле 1923 г. наблюдался рост штатной численности губкома. Прежде всего, практически на 10 штатных единиц увеличился состав общего отдела. В итоге к 1 мая в губернском партийном комитете числилось 78 сотрудников (табл. 3).

Таблица 3

Структура и штаты Томского губкома РКП(б) по состоянию на 1 мая 1923 г. [39. Л. 7–8 об.]

Наименование отдела	Количество сотрудников
Общий отдел	36
Организационный отдел	22
Агитационный отдел	8
Отдел по работе среди женщин	6
Бюро Истпарта	3
Контрольная комиссия	3
ИТОГО	78

Разрастание губернского партийного аппарата приводило к заметному увеличению расходов на его содержание. Однако финансовые средства были весьма ограничены. Это служило серьезным побудительным мотивом для сокращения численности сотрудников губкома. В октябре 1923 г. штат губернского партийного комитета, который с сентября 1923 г. вместо В.А. Строганова возглавил уроженец Иваново-

Вознесенска В.С. Калашников[3], был сокращен до 50 человек [5. С. 269; 40. С. 157; 41. Л. 84]. Тем не менее в письме нового ответственного секретаря губкома в Сиббюро ЦК эта цифра справедливо признавалась завышенной [42. Л. 22]. Спустя месяц, в ноябре 1923 г., В.С. Калашников еще раз обратился в высший партийный орган Сибири с просьбой выслать Томскому губкому дополнительную денежную сумму ввиду крайнего дефицита финансовых средств [43. Л. 39]. К концу года общее количество сотрудников губкома удалось привести в соответствие с требованием ЦК, а именно сократить до 37 человек [13. С. 142].

Еще одной причиной сокращения штатной численности губкома стала развернувшаяся дискуссия по проблемам большевистского партийного аппарата. Как известно, 8 октября 1923 г. Л.Д. Троцкий направил в адрес ЦК и ЦКК РКП(б) письмо, в котором подверг весьма серьезной критике сложившийся внутрипартийный режим [44. С. 300]. В частности, он указал на бюрократический стиль партийного руководства, приводивший к значительному сужению внутрипартийной демократии и процветанию назначенства. Спустя неделю в Политбюро ЦК от 46 членов партии, имевших дооктябрьский стаж, поступило «Заявление 46-ти», содержание которого звучало в унисон с письмом Л.Д. Троцкого [45. С. 5; 46. С. 108]. В.Н. Гузаров убежден, что подобные оппозиционные заявления не могли остаться без соответствующей реакции партийной верхушки. Согласно его точке зрения, с целью опровергнуть обвинения в бюрократизме со стороны оппозиции секретариат ЦК пошел по пути сокращения технического аппарата губкомов и укомов на 18% [5. С. 269].

Помимо уменьшения количества служащих, партийные руководители Томской губернии наравне с функционерами парторганов других регионов приняли участие в дискуссии. Однако В.Н. Гузаров считает, что руководство губкома не сразу определило в ней свою позицию [40. С. 157]. К подобному выводу приходит и С.А. Павлюченков, утверждая, что «за исключением новониколаевской, алтайской парторганизаций и секретаря иркутского губкома, сибирские губернии не сразу восприняли линию ЦК, пытались смазывать вопросы и уклоняться от оценки роли Троцкого» [44. С. 312]. Несмотря на определенные колебания и непоследовательность, в конце 1923 г. секретарь Томского губкома В.С. Калашников поддержал центральный комитет, выступив в защиту партийного аппарата [13. С. 142].

К 1924 г. структура Томского губкома в целом стабилизировалась, но численный состав служащих по-прежнему был неустойчивым. В апреле 1924 г. Секретариат ЦК вновь установил 37 ставок для губкомов первой группы [5. С. 274]. Однако, по нашим сведениям, штатный состав Томского губкома в очередной раз превышал норму. В августе 1924 г. штат партийного комитета состоял из 49 человек. А именно: в общем отделе трудилось 16 сотрудников, в орготделе – 14, в агитотделе – 10, в женотделе – 5, в бюро Истпарта – 1, в губернской контрольной комиссии – 3. К сентябрю общее количество сотрудников несколько уменьшилось, составив 42 человека [47. Л. 264–267; 48. Л. 64–64 об.].

Начавшееся районирование Советского государства сопровождалось упразднением губерний и, как следствие, прекращением функционирования губернских партийных структур. 25 мая 1925 г. Президиум ВЦИК утвердил образование Сибирского края с разделением его на округа и районы [49. С. 16]. С 1 октября 1925 г. Томская губерния переходила на окружную систему административно-территориального деления [50. С. 60]. На ее территории расположились Томский и Кузнецкий округа. 31 июля 1925 г. Томским губкомом были утверждены штаты Томского и Кузнецкого окружкомов (табл. 4, 5).

Таблица 4

Структура и штаты Томского окружкома РКП(б) (июль 1925 г.) [51. Л. 318 об.]

Наименование отдела	Количество ответственных сотрудников	Количество технических сотрудников
Общий	4	10
Организационно-инструкторский	8	5
Агитационно-пропагандистский (в том числе бюро Истпарта)	10	1
Отдел работниц	3	–
Окружная контрольная комиссия	2	1
ИТОГО	44	

Таблица 5

Структура и штаты Кузнецкого окружкома РКП(б) (июль 1925 г.) [5. С. 298]

Наименование отдела	Количество ответственных сотрудников	Количество технических сотрудников
Общий	4	8
Организационно-инструкторский	7	4
Агитационно-пропагандистский (в том числе бюро Истпарта)	8	1
Отдел работниц	3	–
Окружная контрольная комиссия	2	1
ИТОГО	38	

В период с 30 октября по 2 ноября 1925 г. состоялась первая Томская окружная партийная конференция. На вечернем заседании 2 ноября 1925 г. был избран Томский окружной партийный комитет в составе 43 членов и 13 кандидатов [52. Л. 3, 90, 98–101]. В этих условиях губком прекращал свою

работу, а все его функции передавались новому органу.

Таким образом, период 1920–1925 гг. был временем организационного становления и укрепления Томского губкома РКП(б) как главного партийного звена на территории губернии. В годы функционирования партийного комитета шел поиск наиболее оптимальной его структуры, что обусловливало периодическую корректировку и образование новых подразделений в аппарате губкома. Количественный состав работников партийного комитета отличался крайней нестабильностью. Превалирующей являлась тенденция к постоянному увеличению числа служащих, что приводило к росту расходов на содержание губкома в условиях ограниченности финансовых средств. Руководителями губкома в большинстве случаев являлись коммунисты, направленные в Томск по решению ЦК РКП(б). Каждый из них возглавлял губком весьма непродолжительное время. Пришедший на смену губкому Томский окружной партийный комитет опирался, в целом, на прежний аппарат, однако в своей деятельности охватывал уже гораздо меньшую по размерам территорию.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Осенью 1923 г. были восстановлены латышская, эстонская, татарская и чувашская национальные секции [5. С. 268].
[2] С весны 1922 г. организационно-инструкторский отдел стал именоваться организационным отделом [29. Л. 81–81 об.].
[3] В.С. Калашников занимал пост руководителя Томского губкома до 2 ноября 1925 г. [40. С. 157].

ЛИТЕРАТУРА

1. Куренков А.В. Томская губернская организация РКП(б) в конце 1919 – июле 1920 г. // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 375.
2. Макаева А.Т. Укрепление партийного аппарата в Томской губернии в 1921–1925 гг. // Сибирь и Дальний Восток в период восстановления народного хозяйства : сб. ст. / под ред. В.С. Флерова. Томск, 1963. Вып. 2.
3. Гузаров В.Н. Роль инструкторского аппарата в организационном укреплении Томской губернской партийной организации (1921–1923 гг.) // Деятельность партийных организаций Сибири по вовлечению масс в революционное движение и повышение их активности в строительстве социализма и коммунизма : сб. ст. / под ред. Ю.В. Куперт. Томск, 1977.
4. Гузаров В.Н. Структура и штаты губернских комитетов РКП(б) в 1920–1925 гг. // Сибирское общество в период социальных трансформаций XX в. : материалы Всерос. науч. конф. / под ред. В.П. Зиновьева. Томск, 2007.
5. Гузаров В.Н. Партийный аппарат Российской коммунистической партии большевиков: 1917–1925 гг. Томск, 2007. 390 с.
6. Гузаров В.Н. Уездные комитеты Российской коммунистической партии: 1920–1925 гг. (на материалах Сибири) // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 316.
7. Гузаров В.Н. Партийные и советские руководители Томской губернии (1920–1923 гг.) // Известия Томского политехнического университета. 2012. Т. 321, № 6.
8. Гузаров В.Н. Политические технологии ЦК РКП(б) руководства провинцией в 1920–1925 гг. (на материалах Томской губернии) // Тоталитаризм и тоталитарное сознание : ст. по материалам 14-й городской ежегод. науч.-практ. конф. / под ред. В.С. Шутова. Томск, 2012.
9. Гузаров В.Н. Зарплата сотрудников партийного аппарата Томской губернской организации РКП(б): 1920–1925 гг. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. Т. 2, № 2 (58).
10. Ларьков Н.С. Томская губернская партийная организация на заключительном этапе Гражданской войны (декабрь 1919–1920 гг.) // Томская областная партийная организация – боевой отряд КПСС : сб. ст. / под ред. М.С. Кузнецова. Томск, 1985.
11. Томская область: исторический очерк / отв. ред. В.П. Зиновьев. Томск, 1994.
12. Дмитриенко Н.М. Сибирский город Томск в XIX – первой трети XX века: управление, экономика, население. Томск, 2000.
13. Гузаров В.Н. Томский губернский комитет Российской коммунистической партии большевиков (1920–1925 гг.) // Судьба регионального центра в России (к 400-летию г. Томска) : Труды Томского государственного университета. Сер. историческая. Томск, 2005.
14. Куренков А.В. Томский губком РКП(б): история создания и основные направления деятельности // Вопросы истории, международных отношений и документоведения : сб. тр. студ. и аспирантов исторического факультета / отв. ред. А.В. Литвинов. Томск, 2010. Вып. 5.
15. Кан Г.И. Томский губернский комитет РКП(б) // Энциклопедия Томской области: в 2 т. / науч. ред. Н.М. Дмитриенко. Томск, 2008. Т. 1: А–М.
16. Кан Г.И. Томский губернский комитет РКП(б) // Томск от А до Я: краткая энциклопедия города / под ред. Н.М. Дмитриенко. Томск, 2004.
17. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). 1917–1922. М., 1983. Т. 2.
18. Андрухов Н.Р. Партийное строительство после Октября (1917–1924 гг.). М., 1973.
19. Схема рабочего аппарата (секретариата) партийных организаций РКП(б) Томской губернии от 25 августа 1920 г. // Центр документации новейшей истории Томской области (далее – ЦДНИ ТО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 16.
20. Известия Томского губкома РКП(б). 1921. № 1.
21. Протокол закрытого заседания президиума Томского губкома РКП(б) с членами контрольной комиссии от 7 мая 1921 г. // ЦДНИ ТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 48.
22. ЦДНИ ТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 250.
23. ЦДНИ ТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 28.
24. Протокол заседания пленума Томского губкома РКП(б) от 20 апреля 1921 г. // ЦДНИ ТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 47.
25. Стоякин И.В. Управляющий трестом «Челябстрой» А.Д. Никифоров // Гороховские чтения : материалы Пятой регион. музейной конф. Челябинск, 2014.
26. Зиновьев В.П. Индустриальные кадры старой Сибири. Томск, 2007.
27. ЦДНИ ТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 766.
28. Справочник партийного работника. М., 1922. Вып. 2.
29. Именной список служащих Томского губкома РКП(б) по состоянию на 1 мая 1922 г. // ЦДНИ ТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 824.
30. Ларьков Н.С. Из истории сибирских Истпартов // Руководство партийных организаций хозяйственным и культурным строительством в Сибири : сб. ст. / под ред. Ю.В. Куперта. Томск, 1986.
31. Отчет о работе Истпарта при Томском губкоме РКП(б) за апрель 1922 г. // ЦДНИ ТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 358.
32. Протокол заседания президиума Томского губкома РКП(б) от 3 сентября 1922 г. // ЦДНИ ТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 75.

33. ЦДНИ ТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 102.
34. Протокол заседания президиума Томского губкома РКП(б) от 5 сентября 1922 г. // ЦДНИ ТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 75.
35. Месячный отчет Томского губкома РКП(б) о работе за декабрь 1922 г. от 6 января 1923 г. // Государственный архив Новосибирской области (далее – ГАНО). Ф. П-1. Оп. 1. Д. 759.
36. ГАНО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 759.
37. [Циркуляр Сиббюро ЦК РКП(б)] от 9 октября 1922 г. // ЦДНИ ТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 64.
38. Список ответственных и технических работников Томского губкома РКП(б). [Март 1923 г.] // ЦДНИ ТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 222.
39. Список личного состава служащих Томского губкома РКП(б) по отделам по состоянию на 1 мая 1923 г. // ЦДНИ ТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 219.
40. Гузаров В.Н. Борьба секретаря Томского губернского комитета РКП(б) В.С. Калашникова против троцкизма (1923–1924 гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2012. № 4 (20).
41. ЦДНИ ТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 155.
42. Личное письмо секретаря Томского губкома РКП(б) В.С. Калашникова секретарю Сиббюро ЦК РКП(б) от 9 октября 1923 г. // ЦДНИ ТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 109.
43. [Письмо секретаря Томского губкома РКП(б) В.С. Калашникова в Сиббюро ЦК РКП(б)] от 10 ноября 1923 г. // ЦДНИ ТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 109.
44. Павлюченков С.А. «Орден меченосцев». Партия и власть после революции. 1917–1929 гг. М., 2008.
45. Зеленов М.В. Рождение партийной номенклатуры // Вопросы истории. 2005. № 2.
46. Роговин В.З. Была ли альтернатива? «Троцкизм»: взгляд через годы. М., 1992.
47. ЦДНИ ТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 300.
48. ЦДНИ ТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 244.
49. Административно-территориальное деление Сибири / ред. А.Н. Козионова. Новосибирск, 1966.
50. Андреев Н.А. Районирование Томской губернии (1917–1925 гг.) // Судьба регионального центра в России (к 400-летию г. Томска) : Труды Томского государственного университета. Сер. историческая. Томск, 2005.
51. Протокол заседания бюро Томского губкома РКП(б) от 31 июля 1925 г. // ЦДНИ ТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 153а.
52. Протокол первой Томской окружной конференции РКП(б), состоявшейся 30 октября – 2 ноября 1925 г. // ЦДНИ ТО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 6.

Статья представлена научной редакцией «История» 2 марта 2016 г.

TOMSK PROVINCIAL COMMITTEE OF THE RUSSIAN COMMUNIST PARTY OF BOLSHEVIKS (1920–1925)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 406, 113–120.
DOI: 10.17223/15617793/406/18

Kurenkov Artyom V. Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (Tomsk, Russian Federation). E-mail: art_1987@inbox.ru

Keywords: Tomsk Province; Provincial Committee; staff.

The Tomsk Provincial Committee of the Russian Communist Party of Bolsheviks was elected at the final stage of the first Tomsk provincial party conference on July 26, 1920. It consisted of 11 members and three candidates. The Provincial Committee was the highest authority of the Party in the territory of the Tomsk Province and had the right to approve the county and district party organizations, to appoint editors of the press, direct the activities of councils, trade unions, cooperative associations. Current work of the provincial committee was concentrated in its staff which included a number of departments. The structure of the staff changed periodically. One of the first changes was the elimination of the Department for Work in the Countryside in November 1920. Around April 1921 the Provincial Control Commission was formed as a department. By the fall of 1921, the Departments of Accounting Information and Statistics and for Work among the National Minorities ceased operations. The functions of the former department were transferred to the Organization and Instruction Department. The Department for Work among the National Minorities became a subdivision of national minorities in the Agitation and Propaganda Department. In March 1922, the Istpart Bureau was formed for collection, processing, systematization and publication of documents reflecting the history of the local party organization. In September 1922, a Military Bureau was formed as part of the Organization Department of the Provincial Committee, it lasted until May 1923, and a student office. By 1924 the Party Committee structure was stabilized. Over the five-year period of functioning of the Provincial Committee, its leaders were P.A. Verkhoturov (July 1920 – January 1921), A.D. Nikiforov (January 1921 – April 1921), V.M. Pokhlebkin (April 1921 – July 1921), V.A. Stroganov (July 1921 – September 1923), V.S. Kalashnikov (September 1923 – November 1925). Frequent changes of the party committee leaders reflected the center's striving to prevent the emergence of local separatism. Except A.D. Nikiforov, all heads of the Tomsk Provincial Committee were from other regions of the country. They were sent to Tomsk by the decision of the Central Committee of the Russian Communist Party of Bolsheviks. The size of the Tomsk Provincial Committee officials was extremely volatile. There was a trend of constant growth in the number of the committee staff. The main forms of work were the Provincial Committee plenary sessions and meetings of the Bureau elected at the Plenum. However, the work of the plenum was not systemic. The Tomsk Provincial Committee was obliged to report monthly on its activities to the Siberian bureau of the Central Committee of the Russian Communist Party of Bolsheviks and the Central Committee of the Russian Communist Party of Bolsheviks. However, the reports were not always on time and their quality was also low. In connection with the division of Siberia and the abolition of the Tomsk province on November 2, 1925, the Tomsk Provincial Committee of the Russian Communist Party of Bolsheviks ceased to exist. Instead, the Tomsk District Party Committee was established.

REFERENCES

1. Kurenkov, A.V. (2013) Tomsk provincial organization of the Russian Communist Party of Bolsheviks at the end of 1919 – July 1920. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 375. pp. 85–87. (In Russian).
2. Makaeva, A.T. (1963) Ukreplenie partiynogo apparata v Tomskoy gubernii v 1921–1925 gg. [Strengthening the Party apparatus in Tomsk Province in 1921–1925]. In: Flerov, V.S. (ed.) *Sibir' i Dal'niy Vostok v period vosstanovleniya narodnogo khozyaystva* [Siberia and Far East in the period of the national economy recovery]. Vol. 2 Tomsk: Tomsk State University.
3. Guzarov, V.N. (1977) Rol' instruktorskogo apparata v organizatsionnom ukreplenii Tomskoy gubernskoy partiynoy organizatsii (1921–1923 gg.) [Role of instructors in the institutional strengthening of Tomsk provincial party organization]. In: Kupert, Yu.V. (ed.) *Deyatel'nost' partiynykh organizatsiy Sibiri po vovlecheniyu mass v revolyutsionnoe dvizhenie i povyshenie ikh aktivnosti v stroitel'stve sotsializma i kommunizma* [Activi-

ties of the party organizations of Siberia on the involvement of the masses in the revolutionary movement and increase in their activity in the construction of socialism and communism (1921–1923)]. Tomsk.
4. Guzarov, V.N. (2007) [The structure and staffing of the provincial committee of the RCP (b) in 1920–1925]. *Sibirskoe obshchestvo v period sotsial'nykh transformatsiy XX v.* [Siberian society in the period of social transformation of the 20th century]. Proc. of the All-Russian conference. Tomsk: Tomsk State University. (In Russian).
5. Guzarov, V.N. (2007) *Partiynyy apparat Rossiyskoy kommunisticheskoy partii bol'shevikov: 1917–1925 gg.* [The party apparatus of the Communist Party of the Russian Bolsheviks in 1917–1925]. Tomsk: Tomsk State University.
6. Guzarov, V.N. (2008) The Uyezd Committees of The Russian Communist Party. 1920–1925 (by the historical sources of Siberia). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 316. pp. 74–79. (In Russian).
7. Guzarov, V.N. (2012) Partiynye i sovetskie rukovoditeli Tomskoy gubernii (1920–1923 gg.) [Party and government leaders of Tomsk province (1920–1923)]. *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta – Bulletin of the Tomsk Polytechnic University*. 321:6. pp. 234–239.
8. Guzarov, V.N. (2012) Politicheskie tekhnologii TsK RKP(b) rukovodstva provintsiey v 1920–1925 gg. (na materialakh Tomskoy gubernii) [Political technologies of the RCP (b) of the province leadership in 1920–1925 (on materials of Tomsk Province)]. In: Shutov, V.S. (ed.) *Totalitarizm i totalitarnoe soznanie* [Totalitarianism and totalitarian mentality]. Tomsk.
9. Guzarov, V.N. (2014) Salary of the party staff in Tomsk Gubernia organization of the Russian Communist Party (of Bolsheviks): 1920 – 1925. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*. 2:2. pp. 43–47. (In Russian). DOI: 10.1234/XXXX-XXXX-2014-2-43-47
10. Lar'kov, N.S. (1985) Tomskaya gubernskaya partiynaya organizatsiya na zaklyuchitel'nom etape Grazhdanskoy voyny (dekabr' 1919–1920 gg.) [Tomsk provincial Party organization at the final stage of the Civil War (December 1919–1920)]. In: Kuznetsov, M.S. (ed.) *Tomskaya oblastnaya partiynaya organizatsiya – boevoy otryad KPSS* [Tomsk regional Party organization: a combat unit of the CPSU]. Tomsk: Tomsk State University.
11. Zinov'ev, V.P. (ed.) (1994) *Tomskaya oblast': istoricheskiy ocherk* [Tomsk Oblast: a historical essay]. Tomsk: Tomsk State University.
12. Dmitrienko, N.M. (2000) *Sibirskiy gorod Tomsk v XIX – pervoy treti XX veka: upravlenie, ekonomika, naselenie* [The Siberian city of Tomsk in the 19th – early 20th centuries: management, economy, population]. Tomsk: Tomsk State University.
13. Guzarov, V.N. (2005) Tomskiy gubernskiy komitet Rossiyskoy kommunisticheskoy partii bol'shevikov (1920–1925 gg.) [Tomsk Provincial Committee of the Russian Communist Party of Bolsheviks (1920–1925)]. In: Zinov'ev, V.P. et al. (eds) *Sud'ba regional'nogo tsentra v Rossii (k 400-letiyu g. Tomska)* [The fate of a regional center in Russia (the 400th anniversary of Tomsk)]. *Trudy Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. istoricheskaya*. Tomsk: Tomsk State University.
14. Kurenkov, A.V. (2010) Tomskiy gubkom RKP(b): istoriya sozdaniya i osnovnye napravleniya deyatel'nosti [Tomsk Provincial Committee of the RCP (b): the history of establishment and the basic activities]. In: Litvinov, A.V. (ed.) *Voprosy istorii, mezhdunarodnykh otnosheniy i dokumentovedeniya* [Issues of history, international relations, and documentation]. Is. 5. Tomsk: Tomsk State University.
15. Kan, G.I. (2008) Tomskiy gubernskiy komitet RKP(b) [Tomsk Provincial Committee of the RCP (b)]. In: Dmitrienko, N.M. (ed.) *Entsiklopediya Tomskoy oblasti: v 2 t.* [Encyclopedia of Tomsk Oblast: in 2 vols]. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University.
16. Kan, G.I. (2004) Tomskiy gubernskiy komitet RKP(b) [Tomsk Provincial Committee of the RCP (b)]. In: Dmitrienko, N.M. (ed.) *Tomsk ot A do Ya: kratkaya entsiklopediya goroda* [Tomsk from A to Z: A Brief Encyclopedia of the city]. Tomsk: NTL.
17. Egorov, A.G. & Bogolyubov, K.M. (eds) (1983) *Kommunisticheskaya partiya Sovetskogo Soyuza v rezolyutsiyakh i resheniyakh s"ezdov, konferentsiy i plenumov TsK (1898–1986)* [The Communist Party of the Soviet Union in the Resolutions and Decisions of Congresses, Conferences and Plenary Meetings of the Central Committee (1898–1986)]. Vol. 2. Moscow: Politizdat.
18. Andrukhov, N.R. (1973) *Partiynoe stroitel'stvo posle Oktyabrya (1917–1924 gg.)* [Party building after the October Revolution (1917–1924)]. Moscow: Politizdat.
19. *Skhema rabochego apparata (sekretariata) partiynykh organizatsiy RKP(b) Tomskoy gubernii ot 25 avgusta 1920 g.* [The scheme of the working unit (secretariat) of the party organizations of the RCP (b) of Tomsk Province of August 25, 1920]. Documentation Center of the Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 1. List 1. File 16.
20. *Izvestiya Tomskogo gubkoma RKP(b)*. (1921) 1.
21. *Protokol zakrytogo zasedaniya prezidiuma Tomskogo gubkoma RKP(b) s chlenami kontrol'noy komissii ot 7 maya 1921 g.* [Minutes of a closed session of the Presidium of the Tomsk Provincial Committee of the RCP (b) with the members of the Control Commission on May 7, 1921]. Documentation Center of the Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 1. List 1. File 48.
22. Documentation Center of the Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 1. List 1. File 250. (In Russian).
23. Documentation Center of the Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 1. List 1. File 28. (In Russian).
24. *Protokol zasedaniya plenuma Tomskogo gubkoma RKP(b) ot 20 aprelya 1921 g.* [Minutes of the meeting of the plenum of the Tomsk Provincial Committee of the RCP (B) on April 20, 1921]. Documentation Center of the Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 1. List 1. File 47.
25. Stoyakin, I.V. (2014) [Chelyabstroy Trust Manager A.D. Nikiforov]. *Gorokhovskie chteniya* [Gorokhovo Readings]. Proc. of the 5th Regional Museum Conference. Chelyabinsk. (In Russian).
26. Zinov'ev, V.P. (2007) *Industrial'nye kadry staroy Sibiri* [Industrial workers of old Siberia]. Tomsk: Tomsk State University.
27. Documentation Center of the Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 1. List 1. File 766. (In Russian).
28. TsK RKP(b). (1922) *Spravochnik partiynogo rabotnika* [A rule book of the party worker]. Is. 2. Moscow: Izd. otd-nie TsK RKP(b).
29. *Imennoy spisok sluzhashchikh Tomskogo gubkoma RKP(b) po sostoyaniyu na 1 maya 1922 g.* [Name list of employees of the Tomsk Provincial Committee of the RCP (b) as of May 1, 1922]. Documentation Center of the Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 1. List 1. File 824.
30. Lar'kov, N.S. (1986) Iz istorii sibirskikh Istpartov [From the history of the Siberian historians of the party]. In: Kupert, Yu.V. (ed.) *Rukovodstvo partiynykh organizatsiy khozyaystvennym i kul'turnym stroitel'stvom v Sibiri* [Party organizations' management of economic and cultural development in Siberia]. Tomsk: Tomsk State University.
31. *Otchet o rabote Istparta pri Tomskom gubkome RKP(b) za aprel' 1922 g.* [Report on the work of historians of the party of the Tomsk Provincial Committee of the RCP (b) for April 1922]. Documentation Center of the Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 1. List 1. File 358.
32. *Protokol zasedaniya prezidiuma Tomskogo gubkoma RKP(b) ot 3 sentyabrya 1922 g.* [Minutes of the meeting of the Presidium of the Tomsk Provincial Committee of the RCP (B) of 3 September 1922]. Documentation Center of the Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 1. List 1. File 75.
33. Documentation Center of the Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 1. List 1. File 102. (In Russian).
34. *Protokol zasedaniya prezidiuma Tomskogo gubkoma RKP(b) ot 5 sentyabrya 1922 g.* [Minutes of the meeting of the Presidium of the Tomsk Provincial Committee of the RCP (B) of 5 September 1922]. Documentation Center of the Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 1. List 1. File 75.
35. *Mesyachnyy otchet Tomskogo gubkoma RKP(b) o rabote za dekabr' 1922 g. ot 6 yanvarya 1923 g.* [Monthly Report of the Tomsk Provincial Committee of the RCP (B) on the work for December 1922 of January 6, 1923]. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund P-1. List 1. File 759.
36. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund P-1. List 1. File 759. (In Russian).

37. *[Tsirkulyar Sibbyuro TsK RKP(b)] ot 9 oktyabrya 1922 g.* [[The Circular of the Siberian Bureau of the RCP (b)] on October 9, 1922]. Documentation Center of the Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 1. List 1. File 64.
38. *Spisok otvetstvennykh i tekhnicheskikh rabotnikov Tomskogo gubkoma RKP(b). [Mart 1923 g.]* [List of responsible and technical personnel of the Tomsk Provincial Committee of the RCP (B). [March 1923]]. Documentation Center of the Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 1. List 1. File 222.
39. *Spisok lichnogo sostava sluzhashchikh Tomskogo gubkoma RKP(b) po otdelam po sostoyaniyu na 1 maya 1923 g.* [List of personnel serving in the Tomsk Provincial Committee of the RCP (B) by departments as of May 1, 1923]. Documentation Center of the Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 1. List 1. File 219.
40. Guzarov, V.N. (2012) The Secretary of Tomsk Province Committee of the RCP (b) V.S. Kalashnikov Fighting against Trotskyism (1923–1924). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 4 (20). pp. 157–160. (In Russian).
41. Documentation Center of the Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 1. List 1. File 155. (In Russian).
42. *Lichnoe pis'mo sekretarya Tomskogo gubkoma RKP(b) V.S. Kalashnikova sekretaryu Sibbyuro TsK RKP(b) ot 9 oktyabrya 1923 g.* [Personal letter from the Secretary of the Tomsk Provincial Committee of the RCP (B) V.S. Kalashnikov to the Secretary of the Siberian Bureau of the Central Committee of the RCP (b) of October 9, 1923]. Documentation Center of the Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 1. List 1. File 109.
43. *[Pis'mo sekretarya Tomskogo gubkoma RKP(b) V.S. Kalashnikova v Sibbyuro TsK RKP(b)] ot 10 noyabrya 1923 g.* [[Letter from the Secretary of the Tomsk Provincial Committee of the RCP (B) V.S. Kalashnikov to the Siberian Bureau of the RCP (b)] of November 10, 1923]. Documentation Center of the Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 1. List 1. File 109.
44. Pavlyuchenkov, S.A. (2008) *"Orden mechenostsev". Partiya i vlast' posle revolyutsii. 1917–1929 gg.* ["The Order of the Sword-Bearers". The Party and the power after the Revolution. 1917–1929]. Moscow: Sobranie.
45. Zelenov, M.V. (2005) Rozhdenie partiynoy nomenklatury [The appearance of the party nomenclature]. *Voprosy istorii.* 2.
46. Rogovin, V.Z. (1992) *Byla li al'ternativa? "Trotskizm": vzglyad cherez gody* [Was there an alternative? "Trotskyism": a look back through the years]. Moscow: Terra.
47. Documentation Center of the Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 1. List 1. File 300. (In Russian).
48. Documentation Center of the Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 1. List 1. File 244. (In Russian).
49. Kozionov, A.N. (ed.) (1966) *Administrativno-territorial'noe delenie Sibiri* [The administrative-territorial division of Siberia]. Novosibirsk: Zapadno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo.
50. Andreev, N.A. (2005) Rayonirovanie Tomskoy gubernii (1917–1925 gg.) [Zoning of Tomsk Province (1917–1925)]. In: Zinov'ev, V.P. et al. (eds) *Sud'ba regional'nogo tsentra v Rossii (k 400-letiyu g. Tomska)* [The fate of a regional center in Russia (the 400th anniversary of Tomsk)]. *Trudy Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. istoricheskaya*. Tomsk: Tomsk State University.
51. *Protokol zasedaniya byuro Tomskogo gubkoma RKP(b) ot 31 iyulya 1925 g.* [Minutes of the meeting of Tomsk Provincial Committee of the RCP Bureau (b) on July 31, 1925]. Documentation Center of the Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 1. List 1. File 153a.
52. *Protokol pervoy Tomskoy okruzhnoy konferentsii RKP(b), sostoyavsheysya 30 oktyabrya – 2 noyabrya 1925 g.* [Minutes of the first Tomsk District Conference of the RCP (b) held on October 30 – November 2, 1925]. Documentation Center of the Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 76. List 1. File 6.

Received: 02 March 2016

Вестник Томского государственного университета. 2016. № 406. С. 121–126. DOI: 10.17223/15617793/406/19

УДК 908

С.В. Меньков

ФОРМИРОВАНИЕ НОВОЙ МОДЕЛИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРАЗДНИКА НА АЛТАЕ В 1920-е гг.

Статья посвящена практике проведения советских государственных праздников на Алтае в 1920-е гг. Анализируются особенности формирования советского праздничного календаря и основные законодательные акты по вопросу развития государственных праздников. Рассматривается процесс организации торжественных мероприятий. Исследуются отчеты о проведении праздничных мероприятий. Праздники рассматриваются как важный элемент пропаганды. Обращение к местному материалу обусловлено тем, что праздничная культура в рассматриваемый период значительно варьировалась в зависимости от региональных условий.

Ключевые слова: государственные праздники; праздничный календарь; торжественные мероприятия.

В истории советского общества 1920-е гг. являются периодом формирования новой государственной идеологии. Важной особенностью данного десятилетия можно считать появление революционного календаря.

В период становления советской власти праздничная культура оценивалась как важное средство идеологического влияния. Создание и утверждение новых государственных праздников и ритуалов рассматривались как дело государственной важности [1. С. 14]. Как отмечают культурологи Л.А. Шумихина и В.Н. Попова, «первые советские праздники были проникнуты революционным настроением, внутренним подъемом и надеждой на перемены» [2. С. 205].

Советский праздничный календарь формировался в высших эшелонах власти, постепенно спускаясь до уровня масс. Внедрение новой социалистической системы праздников, по мнению М.Д. Алексеевского, «можно рассматривать как уникальный социокультурный эксперимент, т.к. на протяжении многих десятилетий власть создавала искусственную систему обрядов и праздников, которые затем насильно внедрялись в жизнь общества» [3. С. 168]. Советские государственные праздники отличались чётким политическим содержанием, а их главной целью стало утверждение идей власти и общественных отношений новой жизни.

Неудивительно, что процесс формирования и становления новой культуры был далеко не простой и к тому же длительный. Изменить общественный строй оказалось легче, чем традиционный ритм и уклад жизни. Об этом свидетельствует тот факт, что после 1917 г. прошло ещё немало лет, пока удалось фактически исключить из календаря религиозные праздники. Новая праздничная обрядность, так энергично внедряемая в первые годы существования Советского государства, не смогла сразу пустить глубокие корни, привиться и органически войти в жизнь населения.

В 1920-е гг. старые обычаи и новые культурные веяния сталкивались в повседневной жизни особенно ярко, сочетая в себе причудливые формы старых традиций и революционных новшеств [4. С. 280]. Привычка к давно сложившимся формам жизни могла быть преодолена лишь упорной работой по переделке сознания миллионов людей. А такая работа требовала огромного времени.

Новые праздники одновременно воздействовали на познавательную, эмоциональную и волевую сферы деятельности человека, тем самым способствуя объединению людей для решения важных для государства задач. К задачам советской праздничной системы следует отнести и стремление государства к контролю над общественной жизнью городского и сельского населения.

Советская власть осознавала, что внедрить новую систему праздников в уже сложившийся уклад жизни будет не просто. Но праздник, как известно, «явление коллективистское, требующее присутствия и непосредственного участия группы людей» [5. С. 9]. Именно это обстоятельство умело использовалось новой властью, которая понимала, что управлять коллективом проще, чем отдельно взятыми людьми. К тому же политический режим, порвавший с традицией, но окружённый людьми, воспитанными на прошлом и потому опасными для него, сделал решающую ставку на молодое поколение.

Для того чтобы праздник в советском обществе стал мощным орудием политического воздействия, был необходим профессиональный подход к его организации. Как писал А.В. Луначарский, для праздника нужны следующие элементы: во-первых, действительный подъем масс и их желание откликнуться на событие, которое празднуется; во-вторых, известный минимум праздничного настроения; в-третьих, талантливые организаторы, способные внедриться в массы и руководить ими [6. С. 203]. Именно поэтому проведение праздников стало неотъемлемой частью государственной политики, вплоть до того, что основная идея празднования той или иной даты излагалась в инструкциях ЦК РКП (б). Новые празднества и обряды были созданы в рамках «социального заказа, который идет от власти, управляется властью и подчиняется только ей» [7. С. 80].

Поскольку в 1920-е гг. большая часть населения страны была безграмотна, то праздничные мероприятия, наряду с другими визуальными видами искусства (театром, кино, монументальным искусством, живописью), играли роль мощного агитационно-просветительского инструмента. Именно в первое десятилетие после Октябрьской революции наиболее четко выделяются основные тенденции ведения пропагандистской и агитационной работы и формируется устойчивый праздничный календарь Советского государства. Это были годы поисков новых названий,

форм, содержания, символики, которые могли бы пропагандировать новые принципы жизни, поддерживать власть и её политику.

В «Правилах об условиях найма и оплаты труда рабочих и служащих всех предприятий, учреждений и хозяйств в РСФСР» (1920 г.) указываются шесть праздничных дней, в которые не должна производиться работа (за исключением предприятий, деятельность которых является непрерывной): 1 января – Новый год; 22 января – день памяти погибших 9 января 1905 г.; 12 марта – низвержение самодержавия; 18 марта – день Парижской Коммуны; 1 мая – день Интернационала; 7 ноября – день Пролетарской Революции [8]. Введенный в действие «Кодекс законов о труде РСФСР», изданный в 1922 г., также запрещал работу в вышеперечисленные праздники.

Организацией праздников занимались специально создаваемые комиссии. В их состав чаще всего входили административные, партийные, комсомольские и профсоюзные работники. Комиссии формировались на разных уровнях (центральная всероссийская, губернская, областная, городская, районная, сельская, на предприятиях, учреждениях). При комиссиях создавали подкомиссии (хозяйственная, агитационная, клубно-художественная, спортивно-организационная) [9. Л. 28].

Подготовка к праздникам на Алтае в 1920-е гг. начиналась минимум за неделю. Так, 28 апреля 1921 г. в газете «Красный Алтай» указывалось на необходимость незамедлительной подготовке населения к первомайскому празднику: «Заводы, фабрики, профсоюзы, клубы, студии, кружки – все организации, где дышит и бьется пролетарское сердце, – все должны немедленно обсудить, как встретить, как отпраздновать этот великий день» [10]. Отдел агитации и пропаганды выпускал специальные положения о декорировании помещений и частных домов [11. Л. 15]. Граждан призывали вывешивать на домах красные флаги.

Часто к государственным праздникам приурочивали закладку или открытие различных объектов строительства или памятников. Так, 7 ноября 1921 г. в г. Барнауле после окончания праздничного митинга был заложен памятник на могиле жертв революции [12. Л. 2]. К 1 мая 1926 г. в с. Троицком с помощью местных кооперативных организаций была открыта детская площадка [13].

Основными формами празднования на Алтае были парады с участием вооруженных сил, демонстрации или шествия, которые собирали людей в одном общественном центре. Маршруты подробным образом описывались в периодической печати [13].

Отметим, что в 1920-е гг. власти делали особый акцент на активное участие детей в мероприятиях, посвященных государственным праздникам [14. Л. 91; 15. Л. 2]. По мнению исследователя Н.В. Шалаевой, психология старшего поколения во многом была связана с «предреволюционной историей и религиозными праздниками. Психология же молодого человека с его стремлением к переменам соответствовала в большей степени социокультурным установкам власти» [16. С. 45]. Развивая данную мысль, А.И. Щербинин пишет, что «младший дошкольник переживает праздник, наблюдая демонстрации, слушая марши и песни, неся в руке маленький флажок – копию революционного знамени; старшие дошкольники уже понимают, что праздник Октября – это “день рождения” Страны Советов, 1 мая – праздник нерушимой дружбы трудящихся всех народов» [17. С. 87].

После завершения официальных торжественных мероприятий устраивались гуляния или спортивные состязания. Так, первомайские тожества 1923 г. в г. Рубцовске включали в себя не только политические, но и спортивные, игровые развлекательные мероприятия. Инструктор Алтайского Губкома ВКП(б) так описывает данный праздник: «В 4 часа дня на площади гремит музыка. Игра в футбол, группа мальчиков и девочек использовали несколько гимнастических номеров, а также и допризывниками был дан ряд номеров из гимнастики, как то постройка, пирамиды, турник, кольца и пр. Вечером в клубах спектакли, здания украшены, в фойе выставка диаграмм по сельскохозяйственной кооперации, транспорта и пр.» [18. Л. 178].

По окончании праздничных мероприятий в обязательном порядке уездные партийные организации составляли отчеты, в которых указывали на достоинства и недостатки работы. В отчетах подчеркивалось, что важными задачами праздников является «…смычка рабочих и крестьян с красной армией, экскурсии рабочих и крестьян подшефных деревень в казармы» [19. Л. 3]. Работники культуры организовывали художественное обслуживание не только в городских клубах, но и подшефных колхозах. Предприятия брали на себя обязательства по оказанию помощи какой-либо деревне, присылая материальные средства и культурно-просветительские бригады. Крестьяне посещали рабочие и красноармейские клубы, знакомились с производством, затем присутствовали на митингах.

Непосредственно в сельской местности праздники проходили менее торжественно, чем в городе. Формируя в деревне советскую праздничную культуру, власть навязывала формы праздничных мероприятий, что были характерны для города (митинги, демонстрации, заседания). Так, в соответствии с планом Алтгубкома «О проведении праздника Октябрьской революции в деревне» в 1924 г., местным властям предписывалось 7 ноября «утром провести митинги на площадях сел. Вечером устроить торжественные заседания, на которых должны были выступить представители всех общественных организаций в селе» [20. Л. 115]. Но в обращениях к власти крестьян в большей степени интересовали не вопросы революционной тематики, а насущные для них проблемы – голод, налоги. В отчетах Алтгубкома о проведении октябрьских торжеств в 1920 г. отмечалось, что организация годовщины Октября в целом находилась на высоком уровне. Но несмотря на это, главным для сельского населения оставался продовольственный вопрос. В архивных документах зафиксировано, что жители жаловались присутствовавшим на праздничных мероприятиях инструкторам – агитаторам

Алтгубкома на нехватку хлеба, который был съеден кобылкой [21].

Отметим, что в начале 1920-х гг. советские государственные праздники были явлением новым, еще не нашедшим своего места в сельском праздничном календаре. Они не были закреплены ежегодными повторениями и поэтому нуждались в регулярном анонсировании властями, без подобного указания свыше о празднике могли просто забыть [22. С. 22–23]. В силу этого некоторые торжества в сельской местности в начале 1920-х гг. не проводились совсем. Так, в газете «Звезда Алтая» отмечалось, что 7 ноября 1921 г. в с. Верхний Ай Айской волости 6-я годовщина революции не праздновалась, так как «сельсовет не постарался объявить гражданам, что 7 ноября праздник трудящихся. Так проспал совет октябрьские торжества» [23]. В с. Березово Сибирячихинской волости, согласно данным периодической печати, до октябрьских торжеств была создана комиссия, которая подготовила порядок празднования и назначила руководителя. 7 ноября «...члены ячейки собрались на площади, решив устроить манифестацию. Но, как выяснилось, руководитель на площадь не явился. Было предложено разойтись по домам. Праздник так и не состоялся» [24].

Важным общественно-политическим событием в рассматриваемый период стала смерть В.И. Ленина 21 января 1924 г. На Алтае траурные мероприятия проводились в течение нескольких дней. Они включали в себя собрания и митинги в городах, селах и на предприятиях. 23 января на собрании барнаульской уездной партийной организации было принято решение об «открытии пожертвований на сооружение памятника В.И. Ленину» [25. Л. 119].

В соответствии с Постановлением Президиума ЦИК от 19 сентября 1924 г. «О днях, посвященных памяти В.И. Ленина» 22 января был объявлен нерабочим днем. В постановлении отмечалось, что «день кончины В.И. Ульянова-Ленина (21 января), объявленный II Съездом Советов Союза ССР днем траура, – является рабочим днем. Нерабочий день 22 января, посвященный памяти 9 января 1905 г., одновременно посвящается памяти В.И. Ульянова-Ленина» [26]. Во второй половине 1920-х гг. складывается комплекс мероприятий, посвященных Дню памяти Ленина, который включал в себя заседания горсоветов, лекции и беседы и жизнедеятельности Ленина.

В 1927 г. Президиум ЦИК издал постановление «О праздничных днях, посвященных годовщине Октябрьской революции, и об особых днях отдыха». В нем отмечалось, что, «учитывая потребность трудящихся Союза ССР в наиболее полном ознаменовании дней годовщины октябрьской революции», законодательно была увеличена продолжительность октябрьских торжеств с одного до двух дней – 7 и 8 ноября [27]. Эти праздничные дни объявлялись выходными на всей территории СССР (за исключением предприятий и учреждений, в которых работа должна производиться беспрерывно). В 1928 г. была увеличена продолжительность первомайского праздника. В соответствии с Постановлением ЦИК «О праздничных днях, посвященных дню Интернационала, и об особых днях отдыха» ежегодно, начиная с 1928 г., этот праздник отмечался в течение двух дней – 1 и 2 мая.

Как отмечает немецкий исследователь М. Рольф, в 1920-е гг. образцово-показательным мероприятием стала подготовка к празднованию 10-й годовщины Октября [28. С. 117]. Планирование, организация и проведение юбилейных мероприятий должны были осуществляться на всей территории страны по единому образцу. Подготовка к торжеству началась за год до праздника с создания на всесоюзном уровне центральной праздничной комиссии при Президиуме ЦИК СССР, которая устанавливала нормы и следила за их исполнением на региональном уровне.

Центральная праздничная комиссия издавала Бюллетень юбилейной комиссии, в котором публиковались указания регионам. Одновременно большим тиражом выходили сопроводительные брошюры с разъяснением содержания праздничных речей и агитационных мероприятий, намечавшихся в провинции. В специальном пособии прописывались задачи и характер празднования, отмечалось, что революцию 1917 г. нельзя рассматривать только как победу русского пролетариата, так как она имеет международный характер, что должно найти отражение в различных мероприятиях. Подчеркивалось, что «празднование должно охватить не только клуб, улицу и другие общественные места, но и глубоко проникнуть в квартиру рабочего и крестьянина, в сам быт и семью» [29. С. 9].

В преддверии 10-й годовщины Октября на Алтае проводились лекции и беседы по следующим темам: трудности и успехи социалистического строительства; рабоче-крестьянские массы в строительстве советского государства и хозяйства; партия в деле руководства социалистическим правительством. Необходимо было показать, что политика, проводимая партией, должна обеспечить «победу в деле разрешения трудностей социалистического строительства» [30].

Особое внимание отводилось оформлению праздника. Показательным является приказ барнаульского городского Совета от 2 ноября 1927 г., в соответствии с которым всем государственным учреждениям и предприятиям, находящимся на территории г. Барнаула, предписывалось украсить свои здания флагами и портретами вождей, поднять в дни празднования государственный флаг [31]. Власти призывали население наводить порядок на улице, производить побелку и чистку усадеб, надевать праздничные наряды.

Подробный план проведения 10-й годовщины революции в г. Барнауле описан в газете «Красный Алтай» [32]. Сбор организаций-участников назначался у Дворца Труда в 11 часов утра. Каждая из них должна была выделить руководителя колонной. Полагалось, что демонстранты пойдут по 8 человек в ряду. Первую колонну должны были образовать металлисты, пищевики мельницы № 20 и водники; вторую – пищевики дрожжевинокуренного и пивоваренного заводов, работники предприятий питания, транспортники; третью – печатники и строители; четвертую – работники сельского хозяйства и деревообработчики; пятую – медики, работники просвещения и искусства;

шестую – коммунальщики, текстильщики, кустари, учащиеся школ и пионерской организации; седьмую (с гостями-крестьянами во главе) – кожевники, овчинники, железнодорожники. В 11 часов после сбора у Дворца Труда демонстранты двигались на Базарную площадь.

Согласно плану в 11.30 из Дома Крестьянина через площадь маршем должен пройти отряд партизанских войск, за которым следовал карнавал, изображающий исторические события – от ликвидации царского правительства до установления большевистской власти. Далее демонстрацию планировалось направить к братским могилам, где устраивался митинг. Отметим, что обряд поминовения погибших был важным элементом революционных мероприятий. Обязательными были торжественные речи, воспевавшие подвиг героев, минута молчания и исполнение «Похоронного марша» и «Интернационала».

От братских могил шествию предписывалось двигаться по Ленинскому проспекту к красным казармам на Полковой площади (ныне Никольская церковь на пр. Ленина, 36), пропуская перед собой 63-й полк, который из казарм по ул. 1-й Алтайской (ныне ул. Чернышевского) выходил на Соборный переулок. Следом за полком участники демонстрации продолжали движение к 5-й алтайской улице (Папанинцев), где по плану происходила инсценировка боя между «красногвардейцами» и «белобандитами». Включение с середины 1920-х гг. в торжественные мероприятия карнавальных моментов и инсценировок на революционные темы, как отмечают О.Р. Будина и М.Н. Шмелёва, «было рассчитано на прямое агитационное воздействие на массы, на их соучастие в происходящем и создание определенной эмоциональной обстановки» [33. С. 6]. После окончания инсценировки колонны направлялись к Центральному железнодорожному клубу, где в час дня открывался Октябрьский митинг.

В местной периодической печати отмечалось, что в день юбилея на Алтае города и села приняли праздничный вид. На демонстрациях было много крестьян, которые выходили целыми семьями [34]. Но так было не везде. Например, в с. Власиха «...октябрьские торжества прошли вяло. Почти половина деревни пьянствовала, только передовые крестьяне и крестьянки приняли участие в празднике» [35].

Таким образом, в рассматриваемый период монополия большевиков на власть в стране определяла, в том числе, и монополию на праздничную культуру. Формировалось необходимое идеологизированное пространство, воздействовавшее на широкие массы населения в нужном для правящей власти русле. Кроме того, решалась задача подготовки профессиональных кадров, выстраивавших регламент новых торжеств.

При организации праздников большевики стремились к активному вовлечению населения как на этапе подготовки, так и во время их проведения. Это проявлялось в создании специальных комиссий по организации праздников, в активном освещении в периодической печати процесса подготовки торжеств и массовом характере праздничных мероприятий.

Важно отметить, что в процессе своего становления новая праздничная культура совершенствовалась, с каждым годом в празднествах принимало участие всё большее количество людей и организаций. Организация торжества поднималась на более высокий уровень, внешнее оформление приобрело унифицированный и идеологически выраженный характер.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мордасова М.А. Праздничная культура Южного Урала в 1917–1941 гг. : автореф. … дис. канд. ист. наук. Челябинск, 2005. 26 с.
2. Шумихина Л.А., Попова В.Н. Эстетика парадов и демонстраций как праздничных ритуалов советской культуры // Теория и практика общественного развития. 2012. № 5. С. 203–208.
3. Алексеевский М.Д. Советские праздники в русской деревне: к постановке проблемы // Комплексное собирание, систематика, экспериментальная текстология : материалы VI Междунар. школы молодого фольклориста. Архангельск, 2004. С. 162–169.
4. Бондаренко С.И. Организация «нового» досуга в повседневной жизни западносибирской деревни в 1920-е гг. // История Алтайского края, XVII–XX вв. : науч. и док. материалы. Барнаул, 2004. С. 279–292.
5. Жигульский К. Праздник и культура. Праздники старые и новые. Размышления социолога. М. : Прогресс, 1985. 336 с.
6. Луначарский А.В. Религия и просвещение. М. : Сов. Россия, 1985. 544 с.
7. Макаревич Э.Ф. Массовая культура: влияние на человека // Диалог. 1997. № 11–12. С. 77–83.
8. Общее положение о тарифе. Правила об условиях найма и оплаты труда рабочих и служащих всех предприятий, учреждений и хозяйств в РСФСР: декрет от 17 июня 1920 г. // КонсультантПлюс. URL: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=4013
9. Государственный архив Алтайского края (далее – ГААК). ФП. 14. Оп. 1. Д. 164.
10. Приготовьтесь к 1 мая // Красный Алтай. 1921. 28 апр.
11. ГААК. ФП. 2. Оп. 4. Д. 353.
12. ГААК. ФП. 2. Оп. 2. Д. 230.
13. Масюк М. 1 Мая в с. Троицком // Степная правда. 1926. 9 мая.
14. ГААК. ФП. 2. Оп. 3. Д. 319.
15. ГААК. ФП. 2. Оп. 1. Д. 234.
16. Шалаева Н.В. Становление советской праздничной культуры и особенности ее восприятия в общественном сознании в 1917–1920-х гг. // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: История. Международные отношения. 2013. Т. 13, вып. 4. С. 44–48.
17. Щербинин А.И. Тоталитарная индоктринация: у истоков системы. Политические праздники и игры // Полис. 1998. № 5. С. 79–96.
18. ГААК. ФП. 2. Оп. 4. Д. 97.
19. ГААК. ФП. 2 . Оп. 4. Д. 334.
20. ГААК. ФП. 2. Оп. 3. Д. 111.
21. ГААК. ФП. 2. Оп. 1. Д. 233.
22. Деканова М.К. Формирование советской праздничной культуры в деревне в 1920-е гг. // Вестник СамГУ. 2008. № 1 (60). С. 21–27.
23. Наш засоня // Звезда Алтая. 1923. 22 нояб.
24. Праздник сорвали // Звезда Алтая. 1923. 23 нояб.
25. ГААК. ФП. 2. Оп. 6. Д. 185.

26. Постановление «О днях, посвященных памяти В.И. Ленина» от 19 сентября 1924 г. // Библиотека нормативно-правовых актов СССР. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_2171.htm
27. Постановление «О праздничных днях, посвященных годовщине Октябрьской революции, и об особых днях отдыха» от 26 октября 1927 г. // КонсультантПлюс. URL: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=ESU&n=26474&req=doc
28. Рольф М. Советские массовые праздники / пер. с нем. В.Т. Алтухова. М. : РОССПЭН, 2009. 439 с.
29. К десятой годовщине Октября. М. : АХРР, 1927. 48 с.
30. Политшколы и кружки проводите беседы о 10-й годовщине Октября // Красный Алтай. 1927. 28 окт.
31. Приказ Барнаульского Городского Совета 7-го созыва № 30 // Красный Алтай. 1927. 3 нояб.
32. Барнаул в праздник // Красный Алтай. 1927. 3 нояб.
33. Будина О.Р., Шмелёва М.Н. Общественные праздники в современном быту русского городского населения // Советская этнография. 1979. № б. С. 3–17.
34. Новое побеждает // Красный Алтай. 1927. 13 нояб.
35. Власиха пьянствовала // Красный Алтай. 1927. 13 нояб.

Статья представлена научной редакцией «История» 25 февраля 2016 г.

THE FORMATION OF A NEW MODEL OF THE STATE HOLIDAY IN THE ALTAI IN THE 1920S

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 406, 121–126.
DOI: 10.17223/15617793/406/19
Menkov Sergey V. Altai State Pedagogical University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: menkovs@bk.ru
Keywords: state holidays; holiday calendar; celebrations.

In the history of soviet society the 1920s is the period of formation of the new state ideology. The emergence of the revolutionary calendar can be considered as an important feature of this decade. New holidays influenced the cognitive, emotional and volitional spheres of human activity, brought people together to solve important problems of the state. Specially created commissions worked to organize holidays. They included administrative, party, komsomol and trade union officials. Commissions were formed at different levels (all-Russian central, provincial, regional, municipal, district, village, company, institution). The main forms of celebration, both in the center and in the regions, were parades, demonstrations or processions, that gathered people in a community center. The route was described in detail in the periodical press. In rural areas, holidays were less solemn than in the city. Forming Soviet festive culture in the village, the government imposed the same forms of festive events that were typical for cities (rallies, demonstrations, meetings). Soviet state holidays were a new phenomenon, they had not yet found their place in the rural festive calendar. They were not fixed by annual repetitions. They needed regular advertising by the government, otherwise they could simply be forgotten. An exemplary event was the preparation for the celebration of the 10th anniversary of the revolution. Planning, organization and holding of anniversary events were carried out throughout the country following a uniform pattern. Preparations for the celebration began a year before the holiday by forming a central holiday committee at the all-union level. It established the rules and enforced them at the regional level. In the period under review the bolshevik monopoly of power in the country determined, among other things, the monopoly on the festive culture. A necessary ideologically space was made which influenced the broad masses of the population in the way the power needed. The problem of training of professionals engaged in the organization of new celebrations was also solved. When organizing events, the bolsheviks sought active involvement of the population, both in their preparation and implementation. In the process of its formation, the new holiday culture improved; every year more and more people and organizations took part in the festivities. Organization of celebrations rose to a higher level, the external design became unified and ideologically marked.

REFERENCES

1. Mordasova, M.A. (2005) *Prazdnichnaya kul'tura Yuzhnogo Urala v 1917–1941 gg.* [Festive culture of the Southern Urals in 1917-1941]. Abstract of History Cand. Diss. Chelyabinsk.
2. Shumikhina, L.A. & Popova, V.N. (2012) Aesthetics of parades and demonstrations as festive rituals of the Soviet culture. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya – Theory and Practice of Social Development*. 5. pp. 203–208. (In Russian).
3. Alekseevskiy, M.D. (2004) [Soviet holidays in the Russian village: to the problem]. *Kompleksnoe sobiranie, sistematika, eksperimental'naya tekstologiya* [Comprehensive collection, systematization, experimental textual criticism]. Proc. of the VI International School of Young Folklorist. Arkhangelsk. pp. 162–169. (In Russian).
4. Bondarenko, S.I. (2004) Organizatsiya "novogo" dosuga v povsednevnoy zhizni zapadnosibirskoy derevni v 1920-e gg. [Organization of the "new" leisure in the daily life of the West Siberian village in the 1920s]. In: *Istoriya Altayskogo kraya, XVII–XX vv.: nauch. i dok. materialy* [Organization of the "new" leisure in the daily life of the West Siberian village in the 1920s. // History of the Altai Territory, 17th–20th centuries: research and documentary materials]. Barnaul.
5. Zhigul'skiy, K. (1985) *Prazdnik i kul'tura. Prazdniki starye i novye. Razmyshleniya sotsiologa* [Holiday and culture. Old and new holidays. Reflections of a sociologist]. Moscow: Progress.
6. Lunacharskiy, A.V. (1985) *Religiya i prosveshchenie* [Religion and education]. Moscow: Sovetskaya Rossiya.
7. Makarevich, E.F. (1997) Massovaya kul'tura: vliyanie na cheloveka [Popular culture: impact on the human]. *Dialog*. 11–12. pp. 77–83.
8. Konsul'tantPlyus. (n.d.) *Obshchee polozhenie o tarife. Pravila ob usloviyakh nayma i oplaty truda rabochikh i sluzhashchikh vsekh predpriyatiy, uchrezhdeniy i khozyaystv v RSFSR: dekret ot 17 iyunya 1920 g.* [The general regulation of the tariff. The rules on conditions of employment and payment of workers and employees of companies, institutions and enterprises in the RSFSR: the decree of June 17, 1920]. [Online]. Available from: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=4013.
9. State Archive of Altai Krai (GAAK). Fund 14. List 1. File 164. (In Russian).
10. Krasnyy Altay. (1921) Prigotov'tes' k 1 maya [Prepare for May 1]. *Krasnyy Altay*. 28 April.
11. State Archive of Altai Krai (GAAK). Fund 2. List 4. File 353. (In Russian).
12. State Archive of Altai Krai (GAAK). Fund 2. List 2. File 230. (In Russian).
13. Masyuk, M. (1926) 1 Maya v s. Troitskom [May 1 in v. Troitskoe]. *Stepnaya pravda*. 9 May.
14. State Archive of Altai Krai (GAAK). Fund 2. List 3. File 319. (In Russian).
15. State Archive of Altai Krai (GAAK). Fund 2. List 1. File 234. (In Russian).
16. Shalaeva, N.V. (2013) The Formation of the Soviet Festive Culture and Perculiarities of its Perception in the Public Mind in 1917 – 1920s. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Ser.: Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya – Izvestiya of Saratov University. New series. Series History. International Relations*. 13:4. pp. 44–48. (In Russian).

17. Shcherbinin, A.I. (1998) Totalitarnaya indoktrinatsiya: u istokov sistemy. Politicheskie prazdniki i igry [Totalitarian indoctrination: at the origins of the system. Political holidays and games]. *Polis*. 5. pp. 79–96.
18. State Archive of Altai Krai (GAAK). Fund 2. List 4. File 97. (In Russian).
19. State Archive of Altai Krai (GAAK). Fund 2. List 4. File 334. (In Russian).
20. State Archive of Altai Krai (GAAK). Fund 2. List 3. File 111. (In Russian).
21. State Archive of Altai Krai (GAAK). Fund 2. List 1. File 233. (In Russian).
22. Dekanova, M.K. (2008) Formirovanie sovetskoy prazdnichnoy kul'tury v derevne v 1920-e gg. [Formation of the Soviet festive culture in the village in the 1920s]. *Vestnik SamGU – Vestnik of Samara State University*. 1 (60). pp. 21–27.
23. Zvezda Altaya. (1923) Nash zasonya [Our sleepyhead]. *Zvezda Altaya*. 22 November.
24. Zvezda Altaya. (1923) Prazdnik sorvali [Holiday thwarted]. *Zvezda Altaya*. 23 November.
25. State Archive of Altai Krai (GAAK). Fund 2. List 6. File 185. (In Russian).
26. Biblioteka normativno-pravovykh aktov SSSR. (1924) *Postanovlenie "O dnyakh, posvyashchennykh pamyati V.I. Lenina" ot 19 sentyabrya 1924 g.* [Resolution "On the days dedicated to the memory of V.I. Lenin" of September 19, 1924]. [Online]. Available from: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_2171.htm.
27. Konsul'tantPlyus. (n.d.) *Postanovlenie "O prazdnichnykh dnyakh, posvyashchennykh godovshchine Oktyabr'skoy revolyutsii, i ob osobykh dnyakh otdykha" ot 26 oktyabrya 1927 g.* [Resolution "On holidays for the anniversary of the October Revolution, and on special days of rest" of October 26, 1927]. [Online]. Available from: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=ESU&n=26474&req=doc.
28. Rolf, M. (2009) *Sovetskie massovye prazdniki* [Soviet mass holidays]. Translated from German by V.T. Altukhov. Moscow: ROSSPEN.
29. Mal'tsev, K. (ed.) (1927) *K desyatoy godovshchine Oktyabrya* [The tenth anniversary of the October Revolution]. Moscow: AKhRR.
30. Krasnyy Altay. (1927) Politshkoly i kruzhki provodite besedy o 10-y godovshchine Oktyabrya [Political schools and circles were interviewed on the 10th anniversary of the October Revolution]. *Krasnyy Altay*. 28 October.
31. Krasnyy Altay. (1927) Prikaz Barnaul'skogo Gorodskogo Soveta 7-go sozyva № 30 [Order of Barnaul of the 7th convocation of the City Council No. 30]. *Krasnyy Altay*. 3 November.
32. Krasnyy Altay. (1927) Barnaul v prazdnik [Barnaul during the feast]. *Krasnyy Altay*. 3 November
33. Budina, O.R. & Shmeleva, M.N. (1979) Obshchestvennye prazdniki v sovremennom bytu russkogo gorodskogo naseleniya [Public holidays in the modern Russian life of the urban population]. *Sovetskaya etnografiya*. 6. pp. 3–17.
34. Krasnyy Altay. (1927) Novoe pobezhdaet [The new wins]. *Krasnyy Altay*. 13 November.
35. Krasnyy Altay. (1927) Vlasikha p'yanstvovala [Vlasikha got drunk]. *Krasnyy Altay*. 13 November.

Received: 25 February 2016

Вестник Томского государственного университета. 2016. № 406. С. 127–130. DOI: 10.17223/15617793/406/20

УДК 94(47)

Э.А. Никифорова

ИСТОРИЯ СТУДЕНЧЕСКИХ ОТРЯДОВ: К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА

Рассматриваются начало движения студенческих отрядов в СССР и их развитие с 1924 г. по сегодняшний день. Дается краткий обзор проделанной работы студенческими строительными отрядами. Автор считает, что необходимо воссоздать историю студенческих строительных отрядов и сохранить сложившиеся в них традиции активного отношения к проблемам своей страны.

Ключевые слова: комсомол; студенческие строительные отряды; индустриализация, целина.

В настоящее время наша страна вновь переживает период экономической и социальной модернизации, которая осуществляется в условиях жесткого противостояния со странами Запада. Вновь требуется мобилизация всех сил страны, чтобы сохранить её суверенитет и безопасность. Сейчас активно поддерживаются различные студенческие движения и молодежные лагеря, направленные на воспитание патриотизма. Актуальным является изучение опыта организаций студенческих объединений, который был накоплен в высших учебных заведениях России. Одним из интереснейших опытов мобилизации усилий молодежи страны является формирование студенческих строительных отрядов (ССО) в советское время. Необходимо отметить, что их история слабо изучена. Цель статьи – привлечь внимание общественности к истории студенческих строительных отрядов.

Началом истории студенческих отрядов в СССР можно считать 1924 г., когда ВЦСПС, Наркомат труда и просвещения разработали специальную инструкцию о практике студентов вузов. В ней был определен порядок прохождения практики и использования труда студентов в летнее время на промышленных предприятиях и в сельском хозяйстве. Оргбюро ЦК РКП(б) 12 января 1925 г. приняло специальное постановление о ближайших задачах вузов, где указало, что практика должна, прежде всего, «ввести студентов в понимание той среды и тех условий, в которых ему придется работать» [1].

В апреле 1925 г. ЦК РКСМ обратился с письмом к комсомольским организациям вузов об организации труда студентов-комсомольцев во время летних каникул [2. С. 30–32]. В ответ на этот призыв студенты МГТУ им. Н.Э. Баумана участвовали в строительстве Волховской ГЭС, студенты Московского химико-технологического института (МХТИ) и рабфака им. Я.М. Свердлова работали в Коломенском уезде. В составе ударных бригад студенты заготавливали лес в Архангельской области, помогали товариществам по совместной обработке земли, в строительстве железной дороги Москва – Омск, формировали отряды комбайнеров в Харьковской области, собирали средства для создания эскадрильи им. Пролетарского студенчества, строили различные объекты в Коломенском уезде, политико-просветительском институте им. Н.К. Крупской в Куйбышевской области [2. С. 30–32].

Студенты высших учебных заведений участвовали в сооружении сельских электростанций, возводили народнохозяйственные объекты, работали в различных отраслях промышленности, выполняли сельскохозяйственные работы, участвовали в укреплении материально-технической базы своих учебных заведений. После Великой Отечественной войны студенты участвовали в восстановлении Ленинграда и Сталинграда, Донбасса и Днепрогэса. Однако в эти годы еще не было студенческого строительного отряда в современном понимании этого слова как самостоятельной организации со своим уставом и принципами управления.

Начало собственно движения студенческих строительных отрядов связывают с работой студенческого отряда МГУ им. М.В. Ломоносова в Казахстане в 1959 г., когда 339 студентов-физиков поехали на Целину в Северо-Казахстанскую область (Булаевский район), где построили 16 объектов [3]. За лето им удалось построить 12 жилых домов, телятник, два птичника и крольчатник. Вскоре на целину стали прибывать студенты из других вузов.

В январе 1960 г. газета «Комсомольская правда» опубликовала письмо-обращение секретарей комитетов комсомола четырех вузов, в том числе МГУ и строительного техникума Москвы с рассказом об опыте формирования студенческих строительных отрядов [2. С. 30–32]. Они призвали студентов страны создавать строительные отряды для работы на целине. Поэтому говорить о приоритете в патриотическом начинании какого-либо вуза неправомерно. Хотя сам по себе опыт деятельности комсомольской организации Московского университета, конечно, представляет несомненный интерес.

В 1963 г. появляются первые профильные отряды (педагогические) и начинает действовать инженерная служба, основными задачами которой являлись профессиональная подготовка студентов к летним работам обучение правилам техники служба, призванная обеспечить охрану здоровья не только членов отряда, но и местного населения [4. Л. 2].

В середине 60-х гг. более 2,5 тыс. студентов Москвы, Иркутска, Харькова трудились на строительстве железной дороги Абакан – Тайшет. А в 1966 г. в связи с выездом большого количества студентов на объекты транспортного строительства и электрификации ЦК ВЛКСМ совместно с заинтересованными министерствами был создан постоянно действующий (круглогодичный) Центральный штаб ССО при Министерстве транспортного строительства СССР и Центральный штаб отряда «Энергия» при Министерстве энергетики и электрификации СССР. Постепенно шел

процесс выработки организационной структуры и методов управления и руководства отрядами [4. Л. 3].

В 1966 г. общая численность бойцов была уже более 100 тыс. человек. Две тысячи из них занимались ликвидацией последствий землетрясений в г. Ташкенте. Этот год стал знаменательным для всего движения – в Кремлевском дворце съездов состоялся первый Всесоюзный слет студенческих отрядов [5]. Резкое увеличение численности студенческих отрядов произошло к середине 1970-х гг.: в семь раз возрос объем работы, расширилась сфера приложения труда отрядов в народном хозяйстве страны, появились отряды не строительного направления.

В Томской области расцвет движения ССО пришелся на 1970-е гг. Тогда численность ССО доходила до 10 тыс. человек. Руководил Томским отрядом Областной штаб ССО во главе с командиром. Ему подчинялся городской штаб ССО и 19 районных и зональных отрядов, в том числе и из других городов и республик Советского Союза. Главные свершения Томских ССО – те объекты и населенные пункты, где студенческие отряды появились первыми вместе с семьями строителей, лесников, геологов, нефтяников. Это город Стрежевой, поселок Катальга и некоторые другие. В составе Томского областного ССО начиная с 1967 г. работали студенческие отряды различных городов России – Москвы, Казани, Уфы, Ленинграда, Орла, Челябинска, Магнитогорска, Новосибирска, Куйбышева (ныне Самары), Тулы; Белоруссии, Эстонии, Таджикистана и Азербайджана. Студенты советских республик и городов России работали бок о бок со студентами вузов города Томска [6].

В 1970-х гг. на территории Томской области появились новые комсомольские объекты – ударные комсомольские стройки. Набор рабочей силы на стройки шел через комсомольские органы. Три из них имели статус Всесоюзных ударных комсомольских строек: 1) мелиорация земель в пойме р. Оби; 2) строительство предприятий ТНХК; 3) строительство дороги Асино – Белый Яр. Две комсомольские стройки имели статус областных: 1) обустройство нефтяных месторождений Александровского района; 2) строительство и реконструкция животноводческих комплексов. Две комсомольские стройки имели статус городских: 1) строительство завода комбикормов в Томске; 2) строительство Дворца пионеров в Томске. Статус районных комсомольских строек имело строительство районных ПТУ и школ [5].

В 1978 г. объявлена очередная Всесоюзная ударно-комсомольская стройка – Саяно-Шушенская ГЭС, в этом же году бойцы Всесоюзного студенческого отряда имени 60-летия ВЛКСМ освоили капиталовложений и выработали продукции на сумму свыше 1,4 млрд руб., 1 300 объектам из числа сданных в эксплуатацию был присвоен «студенческий Знак качества».

В 1979 г. отряды студентов работали на БАМе, в Приморье, нефтяных месторождениях Тюмени. Был проведен Всесоюзный слёт участников студенческих отрядов в Алма-Ате (Казахская АССР). Всего около 80 тыс. студентов трудились на стройках Сибири и Дальнего Востока, Крайнего Севера; 27 тыс. бойцов сооружали такие объекты, как Волжский и Камский автозаводы, газопровод Север – Центр, железные дороги Асино – Белый Яр, Тюмень – Тобольск – Сургут, Красноярская ГЭС. На этот же год приходится пик развития студенческих отрядов в СССР: от министерств и ведомств было поданы заявки на привлечение 2 млн студентов, численность Всесоюзного студенческого отряда составила 830 тыс. человек. К середине 1980-х гг. через ССО прошли 12 758 тыс. студентов.

К 1980 г. в рядах студенческих отрядов насчитывалось уже более 800 тыс. человек. Также впервые был сформирован студенческий отряд для работы в морских и речных портах. Высокую оценку получил труд студентов на сооружении объектов «Олимпиады-80». Не меньших похвал заслужил их труд по обслуживанию Олимпийских игр в Москве. Начался эксперимент по организации труда студентов и учащихся, желающих временно совмещать учебу с общественно полезным трудом [3].

Летом 1986 г. бойцы ССО участвовали в ударных стройках СССР – Саяно-Шушенская ГЭС, БАМ, КАТЭК, Экибастуз, газовые месторождения Тюмени. Сотни добровольцев отправились в Киевскую область, чтобы строить жильё чернобыльцам. В Таджикистане бойцы студенческих отрядов помогли в ликвидации последствий землетрясения. Благодаря студенческим отрядам пополнились новостройками Усть-Илимск и Братск [6].

Движение студенческих отрядов получало понимание и поддержку студентов. Именно поэтому оно развивалось максимально массово и быстро. Число студентов, выезжающих в составе студенческих отрядов, ежегодно увеличивалось. В 1959 г. – 339 чел., 1965 г. – 40 тыс. чел., 1970 г. – 309 тыс., 1980 г. – 822 тыс., 1985 г. – 830 тыс. чел. [5]. В студенческих отрядах молодые люди не только получали хорошую трудовую практику по своей специальности, но и нарабатывали опыт, учились ценить чужой труд, а также адаптироваться в обществе.

В сентябре 1991 г. XXII чрезвычайный съезд ВЛКСМ посчитал исчерпанной политическую роль ВЛКСМ как федерации коммунистических союзов молодежи и заявил о самороспуске организации. В связи с самороспуском ВЛКСМ движение студенческих отрядов практически распалось и деятельность Центрального штаба студенческих отрядов прекратилась.

1993 г. стал переломным для студенческих отрядов. Практически все существующие студенческие отряды в России распались. Свердловский областной студенческий отряд остался в полном одиночестве на территории бывшего СССР. Но несмотря на сложившиеся трудности, отряды Свердловска торжественно отмечают 30-летие. И именно в этот, 1993 г. на целинных значках свердловских отрядов вместо надписи «Всесоюзный студенческий отряд» появилась надпись «Свердловский областной студенческий отряд». Отряды Свердловской области продолжат работать на целине, но при этом их количество сократилось со 180 в конце 1980-х гг. до 60 [7].

В 2004 г. в студенческие стройотряды вдохнули новую жизнь, образовав молодёжное общероссийское общественное движение «Российские студенческие отряды» (РСО). Организовано три Всероссийских студенческих отряда: посвященных 30-летию БАМ, ВДЦ «Орленок», «Соловецкие острова». Во многих субъектах Российской Федерации разработаны и утверждены постановления глав администраций по комплексной поддержке деятельности студенческих отрядов [7].

В августе 2009 г. президент России Д.А. Медведев поднял вопрос о правовом статусе стройотрядов (так как студенческие отряды существовали в разных формах) и рекомендовал Госдуме принять поправки в законодательство, чтобы унифицировать статус ССО. Этот год стал юбилейным для движения студенческих отрядов в России и бывших республиках СССР – движению студенческих отрядов исполнилось 50 лет.

Сейчас идея студенческих стройотрядов энергично возрождается, становясь всё более популярной. Сегодня в России действуют несколько тысяч таких отрядов, в них трудятся около 230 тыс. юношей и девушек. Самые крупные действуют в Центральном, Южном и Поволжском федеральных округах. В Москве создано несколько студотрядов на базе МГУ, МАИ, МАТИ, МГТУ и др. ССО принимают участие в реализации национальных проектов «Доступное жилье», «Развитие АПК», в программах «Росатома», ОАО «Российские железные дороги». Молодежь задействована на объектах Олимпиады в Сочи и во Владивостоке на работах по подготовке к саммиту АТЭС [3].

Продолжает развиваться деятельность студенческих отрядов и в нашей области. В этом отношении Томский университет как один из старейших российских вузов и первый университет в азиатской части России имеет богатую и насыщенную историю.

Приведенная информация свидетельствует о серьезных масштабах движения студенческих строительных отрядов, о востребованности активного образа жизни у советской и современной молодежи. Движение ССО заслуживает внимания историков как важный общественный феномен, доказывающий патриотизм и здоровый оптимизм российской молодежи, взявшей на вооружение опыт организации коллективного труда своих отцов и дедов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Известия. 1924. 4 мая.
2. Комсомол и высшая школа: документы и материалы съездов, конференций ЦК ВЛКСМ по работе вузовского комсомола (1918–1968). М., 1968.
3. История студенческих отрядов с 1959 до 1991 г. URL: http://www.shtabso.ru/13.html (дата обращения: 12.10.2015).
4. Российский государственный архив социально-политической истории). Ф. М-17. Оп. 8. Д. 660.
5. URL: http://cdnito.tomsk.ru/sso-2/ (дата обращения: 13.10.2015).
6. Никифорова Э.А. Начало движения студенческих строительных отрядов в Томске // Вопросы истории, международных отношений и документоведения : сб. материалов X Междунар. молодежной науч. конф. Томск : Издательский Дом Томского государственного университета, 2014. Вып. 10, т. 1. С. 75–78.
7. Дружба. Газета РУДН. 2009. № 21 (1373). 26 нояб. С. 7.

Статья представлена научной редакцией «История» 2 марта 2016 г.

THE HISTORY OF STUDENT GROUPS: TO THE QUESTION

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 406, 127–130.
DOI: 10.17223/15617793/406/20

Nikiforova Elina A. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: elina.nikiforova@gmail.com

Keywords: Young Communist League; student construction brigades (SCB); industrialization; virgin soil.

The main problem that the author highlights is the need to reconstruct the history and preserve traditions. The main purpose of the present article is to draw public attention to the history of student construction brigades, which is one of the methods of mobilizing the youth of the USSR in the period of socialist construction. On 12 January 1925, the Organising Bureau of the RCP (b) adopted a special resolution on the immediate tasks of the university, which indicated that the practice should be, above all, “to introduce students to the understanding of the environment and the conditions in which they would have to work.” The movement of construction student teams received the greatest development during the period of cultivation of virgin lands, large-Union buildings. By 1985, the number of students in such teams increased to 830 thousand people. Students not only got good labor practices in their field, but also gained experience, learned to appreciate the work of others and adapt to society. The heyday of the movement of student construction teams in Tomsk Oblast came in 1970, their number reached 10 thousand then. The regional headquarters of construction student teams headed the Tomsk team that consisted of the city headquarters and 19 district and area teams, including those from other cities of the republics of the Soviet Union. In the 1990s, the movement of student construction brigades lost its organizational structure due to the fact that the extraordinary congress of the Young Communist League XXII told to disband the organization. Activities of the Central Headquarters of student brigades stopped. But in the beginning of the 21st century, the movement has again been claimed by young people and the government. In August 2009, Russian President Dmitry Medvedev raised the issue of the legal status of construction brigades (because student groups existed in the region in various forms) and recommended that the State Duma adopted amendments to the legislation to harmonize the status of the brigades. This year was the 50th anniversary for the movement of student teams in Russia and the former Soviet republics. The activities of student groups continue to develop in our area. In this respect, Tomsk State University, one of the oldest Russian universities and the first university in the Asian part of Russia, has a rich and eventful history.

REFERENCES

1. *Izvestiya*. (1924) 4 May.
2. Molodaya gvardiya. (1968) *Komsomol i vysshaya shkola: dokumenty i materialy s"ezdov, konferentsiy TsK VLKSM po rabote vuzovskogo komsomola (1918–1968)* [The Young Communist League and higher school: documents and materials of congresses and conferences of the Central Committee of Komsomol on the university Komsomol (1918–1968)]. Moscow: Molodaya gvardiya.
3. Shtabso.ru. (c. 1991) *Istoriya studencheskikh otryadov s 1959 do 1991 g.* [The history of student teams from 1959 until 1991]. [Online]. Available from: http://www.shtabso.ru/13.html. (Accessed: 12th October 2015).
4. Russian State Archive of Socio-Political History. Fund M-17. List 8. File 660. (In Russian).
5. Documentation Center of the Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). [Online]. Available from: http://cdnito.tomsk.ru/sso-2/. (Accessed: 13th October 2015). (In Russian).
6. Nikiforova, E.A. (2014) [Start of the student construction brigades movement in Tomsk]. *Voprosy istorii, mezhdunarodnykh otnosheniy i dokumentovedeniya* [Issues of history, international relations, and documentation]. Proc. of the X International Youth Conference. Vol. 10:1. Tomsk: Tomsk State University. pp. 75–78. (In Russian).
7. *Druzhba*. (2009) 21 (1373). 26 November. pp. 7.

Received: 02 March 2016

Вестник Томского государственного университета. 2016. № 406. С. 131–135. DOI: 10.17223/15617793/406/21

УДК 929(470.23-25)

С.А. Пономарёва

ФИНАНСОВО-ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Г.И. СПАССКОГО ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИЗДАНИЯ «СИБИРСКОГО (АЗИЯТСКОГО) ВЕСТНИКА» В 1817–1827 гг.

Рассматривается финансово-хозяйственная сторона издательской деятельности Г.И. Спасского в 1818–1827 гг. Исследование имеет целью выяснение вопроса, были ли финансовые затруднения издателя причиной прекращения издания. Также рассматривается сотрудничество Г.И. Спасского с В.В. Дмитриевым, который считается его соиздателем (по крайней мере, при издании первой части «Сибирского Вестника»).

Ключевые слова: Г.И. Спасский; В.В. Дмитриев; «Сибирский Вестник»; «Азиятский Вестник»; издательское дело.

С января 1818 по июнь 1827 г. в Санкт-Петербурге выходило первое в России периодическое издание, посвященное исследованию Сибири и «прилежащих к ней стран», – «Сибирский Вестник», переименованное в 1825 г. в «Азиятский Вестник». Его издатель Г.И. Спасский посвятил 14-летнее свое пребывание на сибирской службе собиранию материалов о древнем и современном состоянии Сибири, проводя археологические, этнографические и лингвистические исследования, сделав десятки географических, статистических и исторических описаний различных уездов Томской губернии и Алтая. Материалы для публикации в «Сибирском Вестнике» доставляли также томские губернаторы В.С. Хвостов и П.К. Фролов, государственный деятель и реформатор М.М. Сперанский, сообщавший чрез своего секретаря К.Г. Репинскаго документы из архива Сибирского комитета и своего личного архива, члены Русской духовной миссии в Пекине Е.Ф. Тимковский, С.В. Липовцов и М.Д. Сипаков, историк В.Н. Берх и многие другие. Общий объем номеров журнала, изданных за неполные 10 лет, превысил 440 печатных листов[1]. Но издание было внезапно прервано в середине 1827 г., а о причинах прекращения не известно ничего. Однако известно, что после прекращения издания «Сибирского (Азиятского) Вестника» Г.И. Спасский продолжал публикацию статей «сибирской» тематики в сторонних журналах. В Государственном архиве Красноярского края, в фонде № 805 [1], содержится большое количество документов, которые также подтверждают, что «коллекция» собранных сибирских материалов не была исчерпана Спасским, а прекращение издания было вызвано внешними причинами. Существует мнение, что одной из этих причин были финансовые затруднения, испытываемые издателем журнала. «Больше всего затруднений представлял... денежный вопрос»: такая точка зрения была высказана первым биографом Г.И. Спасского – Б. Смирновым [2. С. 114]. Данное исследование имеет целью выяснить вопрос, были ли финансовые затруднения издателя причиной прекращения издания.

Тираж и расход «Северного (Азиятского) Вестника». В сентябре–ноябре 1817 г. В.В. Дмитриев и Г.И. Спасский, сочлены по Вольному обществу любителей словесности, наук и художеств, задумали и осуществили подготовку издания периодического издания, посвященного исследованиям Сибири.

Билетъ
на Получеп
Восточнаго Вѣстника
въ четырехъ Частяхъ.
Цѣна за всѣ 4. частиъ 4=
тетрадьки Рисунковъ 35=
за одинъ Книгеи безъ Рисунковъ 20=
за одинъ Рисунки безъ Книгъ 15=
1.2.3.4.
№ 357
В. Дмитриев

Рис. 1. Билет на получение «Восточного Вестника» № 357 за подписью В.В. Дмитриева

Изначально предполагалось дать журналу название «Восточного Вестника». Г.И. Спасский занимался более литературными трудами, а организационными вопросами – преимущественно В.В. Дмитриев, имевший уже опыт издательской деятельности[2]. Дмитриевым был составлен план издания[3], предполагавший:

1) величину тиража в 1 200 экземпляров (обычный размер тиража – так называемый завод);

2) объем 1-й книги в 15 печатных листов, т.е. примерно в 240 страниц формата «в осьмую долю»[4];

3) отдельное издание тетради из 12 гравированных рисунков: «*как у Лаперуза, Шатобриана, Кука и других путешественников, для того что тетрадь рисунков сама по себе составит уже редкость*» [1. Д. 293. Л. 29], в количестве, равном основному тиражу;

4) печатать «Восточный Вестник» в 3 частях, «*из коих первая выдет в генваре, вторая в мае, а третья в сентябре будущаго 1818 года*» [Там же. Л. 30];

5) «*...для того, чтобы не понести убытка от переплета*», журнал выходил в так называемой печатной обложке. Переплетались особо только подарочные экземпляры и те, которые следовало представить в казенные учреждения.

Затем в план были внесены коррективы: тираж совместным решением уменьшили до 600 экземпляров (сохранились расчеты В.В. Дмитриева по затратам на издание именно 600 экз.), причем эта величина тиража оставалась неизменной во все время издания; по крайней мере в апреле 1824 г., после шести лет из-

дания, Г.И. Спасский сообщал М.М. Сперанскому именно о таком количестве печатаемых экземпляров. Прочие изменения были внесены решением одного только Г.И. Спасского: изменено название журнала на «Сибирский Вестник», объем номера уменьшен (1-я книга была печатана в 9 листов, а полный объем издания за 1818 г. составил 35 листов); в год стало выходить не три, а четыре части.

Изначальная договоренность соиздателей заключалась в равном несении расходов, оттого и предполагаемую от реализации первого номера журнала прибыль в 30–48 тыс. руб. планировали делить «средним числом», из которого надлежало «иметь ввиду на печатание» дальнейших частей. Однако «расход» (т.е. реализация) тиража был невелик и не достигал половины напечатанного. В конце 1821 г. Г.И. Спасский сообщал, что расход этого издания простирался *«...круглым числом в течении четырех лет немного более 200 екземпл. на каждый год...»* [1. Д. 214. Л. 2 об.–3], а в 1824 г. Спасский пишет, что у него остаются «*...екземпляры книг (числом до 400)*» [Там же. Л. 10]. Не все «разошедшиеся» экземпляры были проданы. Из числа изданного должны были предоставляться в Цензурный комитет 6 экз., в Императорскую публичную библиотеку – 2, в Особенную канцелярию – 1 экз. [Там же. Д. 293. Л. 33], кроме того, около дюжины или немногим более экземпляров Г.И. Спасский дарил приятелям и научным обществам.

В первый год выхода журнала Г.И. Спасский столкнулся с непорядочностью соиздателя: В.В. Дмитриев в начале 1818 г. без предупреждения покинул Санкт-Петербург и не вернул компаньону уговоренной половины денег за 69 розданных им подписных билетов (см. рис. 1), а еще в 18 билетах и вовсе не дал никакого отчета [Там же. Д. 9. Л. 3–3 об.]. Поэтому при подсчете прибыли, полученной Г.И. Спасским, будет разумно принять за величину реализации в первый год числа в 120 экз., в последующие – не более 200 экз., а 1827 г. из-за прервавшегося издания – вполовину меньшее количество.

Стоимость подписки. Согласно первоначальному плану стоимость подписки на «Восточный Вестник» должна была составить «*без фигур и рисунков 25 руб., с фигурами и рисунками 40 руб., тетрадь фигур и рисунков особенно 15 руб. Каждый в особенности Сибирский вид или костюм из тетради сей по $^1/_2$ руб. серебром*[5]» [Там же. Д. 293. Л. 30]. Открывалась годовая и полугодовая подписка. Впоследствии было решено сократить стоимость годовой подписки до 20–35 руб. в зависимости от комплектации номера тетрадкой рисунков. В дальнейшем цена подписки менялась следующим образом: в 1819 г. – от 22,5 до 30 руб. для жителей столицы и от 25 до 35 – для иногородних [5. 1818. Ч. III]; в 1820 г. издание стало ежемесячным, годовая подписка составила сумму в 25 руб. для Санкт-Петербурга и 30 для иногородних, полугодовая – вполовину меньше [Там же. 1819. Ч. VIII]; с 1822 г. при сохранении стоимости годовой подписки увеличилась стоимость полугодовой до 15 и 18 руб. – для петербуржцев и иногородних соответственно. В этом же году было объявлено, что желающие могут приобрести «Сибирский Вестник» за 1818–1821 гг.,: все четыре выпуска за 80 руб., а порознь за 25 руб. В 1823 г. были внесены изменения в план журнала, он стал выходить 2 раза в месяц – объем издания увеличился более, чем вдвое по сравнению с первым годом. Увеличилась и стоимость годовой подписки: для петербуржцев она составила 30 руб., а для иногородних – 37 руб. ассигнациями. Читатели также уведомлялись, что выход в свет «Сибирского вестника» в 1823 г. будет зависеть от числа подписавшихся на журнал: если количество таковых будет невелико, то выпуск журнала стал бы невозможен, и Спасский обязывался вернуть уплаченные деньги.

Летом 1824 г. Спасский объявил о начале продажи «Географического и Статистического описания Сибири и ея островов», печатаемого помимо журнала «Сибирский Вестник». Цена его в двух частях объявлялась в 15 руб. для жителей столицы и в 20 руб. с пересылкою в прочие города. Ранее напечатанные при номерах «Сибирского Вестника» части «Описания Сибири» продавались по 5 и 7 руб. соответственно. Переименовав в 1825 г. «Сибирский Вестник» в «Азиятский», Г.И. Спасский вернулся к ежемесячным выпускам, сохранив стоимость 1824 г. – 30 руб. для жителей столицы, а с пересылкой – 35 руб. Всем полным подписчикам «Азиятского Вестника» издатель обещал с каждым номером доставить 1–2 листа продолжения «Географического и Статистического описания Сибири» бесплатно, приложением в виде «особливых листов» [5. 1824. Ч. III. Кн. 13–14]. Эти же условия подписки сохранились и в 1826 г. [6. 1825. Кн. 7]; необходимо заметить, что последние 6 номеров «Азиятского Вестника» за этот год допечатывались в следующем 1827 г.; эта задержка последовала, по-видимому, от введения в действие в июне 1826 г. нового Цензурного устава («Чугунного устава»). Г.И. Спасский, уведомив своих читателей в июньской книжке «Азиятского Вестника» об этой задержке, сообщил и цену подписке на 1827 г.: она оставалась неизменной, равно как и план самого издания. Единственным изменением было прекращение печатания «Описания Сибири» [Там же. 1826. Кн. 6]. Однако в 1827 г. после выхода первых шести книг издание вообще было остановлено и более не возобновлялось.

Расходы на издание[6]**.** О них известно из упомянутого выше «плана» В.В. Дмитриева, который писал в октябре 1817 г. Спасскому: «*Вы желаете знать, чего будет стоить печатание 1-й части в 600 екземпляров, вот оно: за набор каждого листа в 8-ю долю 6 р. 50 к., печатание 600 лист. 9 р. 38 к., каждый лист без бумаги 15 р. 88 к., на каждый лист бумаги 1 стопа 6 дестей*[7] *и 6 листов – 15 руб. 9 коп. Итого лист в 600 екземпляров будет стоить 30 р. 97 коп. Билеты 600 стоят за доску 10 рублей за напечатание и бумагу по 2 коп. 12 руб., [итого] 22 руб. Публикация... будет стоить 36 руб. 3 коп.*» [1. Д. 293. Л. 35 об. – 36].

Отдельный расчет должно осуществлять для гравированных изображений. До появления литографического способа, значительной удешевившего печатание рисунков, иллюстрации создавались граверами и их услуги стоили недешево и скорость работ была

невысока. Рисунки для первого номера (12 видов) выполнял сам В.В. Дмитриев, придававший иллюстрациям особенное значение: «*Хотя глаза мои чуть смотрят, но к завтрашнему и тетрадь рисунков готова будет...*», «...*рисунки более всего меня заботят, а там за настоящее дело – ибо книги зависят от нашего ума, а механизм от ума других. Однако же механизм сей весьма значителен, а более с французским языком*[8]*, и чуть ли мы не прославим себя, а особливо перед дамскою публикою, да и вообще перед народом непрестанно лепечущим соблазнительным языком сим здесь и в Москве*» [Там же. Л. 32, 48 об.]; поэтому стоимость изготовления 12 гравюр была относительно невелика – 1 000 руб. (по расчетам В.В. Дмитриева). Полная цена выполнения гравированного рисунка, без «скидок» также известна: она составляла в зависимости от сложности и размера от 100 до 250 руб. [1. Д. 257. Л. 3; 9. С. 414].

Стоимость переплета книг достигала 1 руб. за один экземпляр [9. С. 414], но издателю приходилось переплетать за свой счет лишь одну-две дюжины подарочных и казенных экземпляров. В число прочих мелких расходов следует отнести также траты на чистовую переписку рукописей для типографии, гужевой транспорт, рассылку номеров журнала подписчикам. Общий расход компаньонов на печатанье тиража первой части должен был составить не менее 1 380 руб., но надо полагать, что со всеми неучтенными расходами мог достигать 1 500 руб. ассигнациями. Последующие журнальные выпуски 1818 г. были существенно дешевле, так как не приходилось нести затраты на печатание рисунков и билетов; оставшиеся три книги этого года содержали 26 листов, а себестоимость их печатания достигала круглым числом 850 руб. В последующий год Г.И. Спасский продолжил печатание отдельных тетрадок с «видами и фигурами», а начиная с 1820 г. начал комплектовать рисунками книжки журналов. Всего было напечатано около 40 иллюстраций: две тетрадки с 23 гравюрами с «сибирскими видами» и «древностями Сибири», 4 вида Алтайских «местоположений», 5 гравюр – с изображением киргизской юрты и национальных костюмов, 2 вида монгольских «ламайских капищ», 2 портрета завоевателя Сибири – Ермака, а также прочие рисунки, карты и схемы [1. Д. 1. Л. 5–6]. Обилие рисунков на начальном этапе привело предприятие Г.И. Спасского на грань финансового краха; издатель вошел «...*особливо по причине помещенных в первые два года гравированных изображений, в необходимый долг, составляющий до 3 т.[ысяч] рублей, который крайне затрудняет продолжение дальнейшего его издания*» [1. Д. 214. Л. 2 об. – 3].

Немалый убыток Г.И. Спасский понес от действий своего компаньона. В.В. Дмитриев из-за ведения какой-то посторонней тяжбы испытывал постоянную нужду в деньгах и, вместо внесения своего пая, то и дело «по дружески» одалживал мелкие суммы у Спасского: 17 октября 1817 – «*все посланное от вас... исправно получил – денег 15 руб. и прочее*»; 9 ноября – «...*объявление естли не вышло сегодня, то во вторник выдет непременно. Причиною тому единственно то, что не могу достать необходимо нужных для того денег... Естли у вас есть сколько-нибудь, пришлите завтра часу около 2-го. Я, получа по обещанному, возвращу, а не получа, употреблю в пользу*»; 3 января 1818 – «*Прикажите заплатить за извозчика, да ежели есть что нибудь за лишком, то пришлите мне, хотя безделицу и 10 руб. много значут. Завтра пошлю и получа возвращу – пожалуйте, действуйте по дружески, и ради Бога с человеком что-нибудь пришлите, ибо завтра еду я к граверу – и он будет у меня просить*»; 4 января – «*пришлите сколько-нибудь мне денег. У меня право до случая нет ничего. Поделитесь хоть малостью сегодня, а завтра увидимся*» [1. Д. 293. Л. 21, 41–41 об.; 28; 38]. Из-за денежных затруднений соиздателя на Спасского легла вся тяжесть финансирования предприятия. После побега В.В. Дмитриева из столицы (в конце января 1818 г.), Г.И. Спасский с укоризной писал ему в село Петрищево: «*Отъезд ваш отсюда не видевшись и не простясь со мною довольно странный, удивил меня, особенно судя по той приязни вашей ко мне, в которой никогда не преставали меня уверять. Скоро появится в свет и Сибирский Вестник. Чтобы выполнить данные обещания и сохранить доверенность к себе публики, сколько надобно было мне преодолеть затруднений и сделать сколько пожертвований для сего издания; а за всем тем, сколько еще впереди подлежит мне оных... По выходе первой части снабжу оною и взнесших вам подписныя деньги, хотя нисколько из сих денег*[9] *и ваших собственных не поступало ко мне на сие издание*» [Там же. Д. 293. Л. 39, 40 об.]. Дмитриев обещал Спасскому найти «потерянные» билеты, а долг выплатить, но тяжелая болезнь и смерть, настигшая его в январе 1820 г., помешали ему выполнить финансовые обязательства.

Случались убытки и по непредвиденным обстоятельствам. Так, в ноябре 1824 г. в Санкт-Петербурге случилось крупнейшее наводнение, погубившее большое количество людей и животных, разрушившее здания. Погиб очередной тираж «Сибирского Вестника», а работа в типографиях была приостановлена; издатель был вынужден в экстренном порядке заново печатать сдвоенные номера, переместив выпуск последней 4-й части на начало 1825 г.

Общая сумма, потраченная Спасским на 10-летнее издание, поддается лишь приблизительной калькуляции: исходя из того что общий объем издания превысил четыре сотни листов[10]; с учетом изготовления гравюр, погубленного полугодового тиража в 1824 г. и неполного тиража 1827 г. себестоимость отпечатанного приближалась к **20 тысячам рублей**, возможно, была несколько большей. Г.И. Спасский неоднократно обращался к правительству с просьбой о воспомоществовании – в 1821 г. он просил «*пособия как на выплату... долга, так и для дальнейшего продолжения Сибирского Вестника*» [1. Д. 214. Л. 3], а в апреле 1824 г. ходатайствовал о следующем: «...*из числа печатаемых мною 600 екземпляров Сибирского Вестника более половины остается на моих руках... Чтобы сии екземпляры не лежали без всякого употребления и вместе не делали мне весьма чувствительного убытка, я почел бы за особенную милость, если бы из них*

до 225 приняты были в казну для учебных заведений с выдачею мне по 16 рублей за екземпляр, то есть почти по половинной цене против объявленной для вольных покупателей; что составит за пять лет сего издания, а именно с 1818 по 1823 год 18 т[ысяч] рублей» [Там же. Д. 382. Л. 7 об. – 8]. Эти просьбы, по всей видимости, не были удовлетворены. Нельзя, однако, сказать, что труды Г.И. Спасского «для пользы соотечественников» остались незамеченными. Они были вознаграждены дважды: в 1824 г. – пожалованием бриллиантового перстня[11] (обычная стоимость награды от 200 до 400 руб.), а также пожалованием Спасского «*...по всеподданнейшему докладу Министра Народнаго Просвещения в награду ученых трудов, на пользу общую окружающих орденом Святого равноапостольного князя Владимира 4 степени 1825 марта 29-го*» [1. Д. 2. Л. 4 об. – 5]. Эти скромные в финансовом смысле поощрения, разумеется, не могли компенсировать всех затрат, но к чести Г.И. Спасского надо заметить, что он был готов к материальным пожертвованиям: «*Движимый ... старанием к пользе общей, которая не может быть никогда ни излишнею, ни предосудительною, я решился бороться со всеми препятствиями, и в течении сряду шести лет неутомимо продолжал Сибирский Вестник...*» [1. Д. 375. Л. 3 об.]

Общая прибыль от издания, так же как и затраты, может быть рассчитана только приблизительно; в первые годы издание было убыточным, но думается, что начиная с 1822 г. положение выправилось и издание начало приносить небольшой доход. Принимая величину реализации номеров журнала за 1820–1826 гг. по 200 экземпляров в год, можно вычислить минимальную сумму доходов от реализации журнала в 35–40 тыс. руб. Не ручаясь за точность абсолютных цифр, можно все же с достаточной степенью уверенности предположить, что мнение о денежных затруднениях Г.И. Спасского, связанных с издательской деятельностью, не является верным, и, во всяком случае, отнюдь не финансовые потери издателя стали причиной прекращения «Сибирского (Азиятского) Вестника».

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Без учета объема «Географического и Статистического описания Сибири и ея островов».

[2] В 1809 г. вышел первый и единственный номер журнала «Ореады», издателем которого был В.В. Дмитриев.

[3] Этот «бизнес-план» частично опубликован, без его финансового отделения, К.В. Анисимовым [3. С. 131–132].

[4] Размеры «физического» бумажного листа составляли около 50×70 см, но никогда не соблюдались точно: например, использовалась бумага 42×68, 44×71, 46×72 см и т.п. с соотношением сторон, приближенным к так называемому золотому сечению; «Сибирский Вестник» и «Азиятский Вестник» печатался «ин октаво» или в 8° – это формат, получаемый фальцовкой листа в три сгиба, говоря проще, из одного «листа» получалась тетрадка в 16 страниц. Высота книжного блока составляла 21–22 см, ширина 14–15 см.

[5] 2 рубля ассигнациями (по курсу 1817 г.) [4. С. 29].

[6] Суммы указаны в ассигнациях, иное оговаривается отдельно; курс серебряного рубля в 1817–1827 гг. изменялся от 4 до 3,58 руб. ассигнациями [4. С. 27–29].

[7] В 1 стопе, как и в 1 дести, количество листов не было точно определено, считалось, что в 1 стопе бумаги столько же, сколько в 20 дестях; в начале XX в. Брокгауз и Ефрон определяют величину «стопы» в 480 листов [7. С. 708], хотя в конце XIX в. в этой же энциклопедии «десть» определяется в 24 листа, а «стопа» – в 24 дести [8. С. 488]; очевидно, что В.В. Дмитриев считал стопу бумаги в 450 листов, а десть – в 24 листа, цену же бумаге определял в 2,5 коп. за лист.

[8] Подписи к рисункам на французском языке делал Г.И. Спасский.

[9] Речь может идти о довольно крупной сумме денег; учитывая не внесенный пай за издание и утаенные от компаньона деньги за 87 билетов – от 2 500 до 3 800 руб.; однако в записках В.В. Дмитриева значилось поступление к нему от реализации билетов только 175 руб., а остальные были розданы в долг.

[10] В 1818 г. объем «Сибирского Вестника» составил 35 листов, в 1819 г. – 25, в 1820 г. – 41, в 1821 г. – 41, в 1822 г. – 56, в 1823 г. – 72 (!), в 1824 г. – 59 листов; объем «Азиятского Вестника» в 1825 г. – 57 листов, в 1826 г. – 43; за 6 месяцев 1827 г. – 20 листов.

[11] Об этом пожаловании Г.И. Спасский упоминает в 1825 г. в письме к Н.А. Полевому, издателю «Московского телеграфа» : «*Августейшая покровительница полезных трудов, Им. Ек. Ал. удостоила своим благоволением, пожаловав мне богатый бриллиантовый перстень*» [1. Д. 255. Л. 2 об.].

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив Красноярского края. Ф. 805 (Г.И. Спасского).
2. Смирнов Б. «Григорий Иванович Спасский: Материалы к биографии» // Сибирские огни. 1927. № 1. С. 110–122.
3. Анисимов К.В. «Поэтика литературы Сибири 10–30 годов XIX столетия». Томск : Изд-во Том. ун-та, 2004. С. 100.
4. Малышев А.И., Таранков В.И., Смиренный И.Н. Бумажные денежные знаки России и СССР. М., 1991. С. 496.
5. Сибирский Вестник, издаваемый Григорием Спасским. СПб. : Тип. Иоаннесова, 1818–1824.
6. Азиятский Вестник, содержащий в себе избранныя сочинения и переводы по части наук, искусств и словесности стран восточных, равно путешествия по сим странам и разные новейшия сведения / Издаваемый Григорием Спасским. СПб. : Тип. Мед. Департ. м-ва внут. дел, 1825–1827.
7. Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. Т. XXXI-а : Статика – Судоустройство. СПб., 1901.
8. Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. Т. X-а : Десмургия – Домициан. СПб., 1893.
9. Смирнов-Сокольский Н. Рассказы о прижизненных изданиях Пушкина. М., 1962. С. 632.

Статья представлена научной редакцией «История»1 марта 2016 г.

FINANCIAL AND ECONOMIC ACTIVITY OF GRIGORY I. SPASSKY IN ORDER TO SUPPORT THE PUBLICATION OF *SIBIRSKIY VESTNIK* AND *AZIATSKIY VESTNIK*

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 406, 131–135.
DOI: 10.17223/15617793/406/21

Ponomareva Svetlana A. Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: vadjima72@gmail.com

Keywords: Grigory I. Spassky; Vasily V. Dmitriev; *Sibirskiy vestnik*; *Aziatskiy vestnik*; publishing business.

In the period from January, 1818 to June, 1827, there was the first periodical in Russia published in Saint Petersburg, which was dedicated to the investigation of Siberia and "some countries adjacent to it" – *Sibirskiy Vestnik* [Siberian Herald], which was renamed into *Aziatskiy vestnik* [Asian Herald] in 1825. Its publisher Grigory I. Spassky devoted his 14 years of being on Siberian service to the collection of materials on the ancient and modern state of Siberia, conducting archaeological, ethnographic and linguistic studies, having made dozens of geographical, statistical and historical descriptions of different counties of Tomsk Province and the Altai and the peoples inhabiting them. The total number of publications for 10 years was more than 440 printed pages. But the publication was suddenly interrupted in the middle of 1827, and the reasons of the cease of this publication remain unknown. However, it is known that after the cease of *Sibirsky (Aziatskiy) vestnik* publication, Grigory I. Spassky continued the publication of the articles on the "Siberian" topic in external magazines. There are a large number of documents in the State archive of Krasnoyarsk Krai, fund 805, which also confirm that Spassky did not exhaust the "collection" of gathered Siberian materials, and the cease of the publication was caused by external reasons. The subject of the article is the financial and economic side of the publishing activity of Grigory I. Spassky in 1818–1827. The aim of the investigation is to clear up the question as to whether financial difficulties were the reason for the cease of the publication. A rough calculation of expenses on the publication, made by Grigory I. Spassky, and the amount of profits he earned on the realization of *Sibirsky (Aziatskiy) vestnik* ("Siberian (Asian) Herald") became possible in the result of the analysis of correspondence between Grigory I. Spassky and Vasily V. Dmitriev, who is considered to be his co-publisher (at least of the first part). The correspondence came around in the period from October, 1817 to March, 1818, at the opening stage of the magazine publication organization, and contains unique details of relationships between the co-publishers; particularly, it imparts the understanding of the reasons of the break between the partners. Generally, the investigation disproves the popular opinion that the publication of *Sibirsky (Aziatskiy) vestnik* was attended with a financial loss for Grigory I. Spassky, and suggests that this business was at least run without a loss.

REFERENCES

1. State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund 805 (G.I. Spassky). (In Russian).
2. Smirnov, B. (1927) Grigoriy Ivanovich Spasskiy: Materialy k biografii [Grigory Spassky: Materials for the biography]. *Sibirskie ogni*. 1. pp. 110–122.
3. Anisimov, K.V. (2004) *Poetika literatury Sibiri 10–30 godov XIX stoletiya* [Poetics of Siberian Literature in the 1810s–1830s]. Tomsk: Tomsk State University.
4. Malyshev, A.I., Tarankov, V.I. & Smirennyy, I.N. (1991) *Bumazhnye denezhnye znaki Rossii i SSSR* [Paper banknotes of Russia and the USSR]. Moscow: Finansy i statistika.
5. *Sibirskiy Vestnik*. (1818–1824). Published by Grigory Spassky. St. Petersburg: Tipografiya Ioannesova.
6. *Aziyatskiy Vestnik*. (1825–1827). Published by Grigory Spassky. St. Petersburg: Tipografiya Med. Depart. ministerstva vnutrennikh del.
7. Brockhaus, F.A. & Efron, I.A. (1901) *Entsiklopedicheskiy slovar'* [Encyclopedic Dictionary]. Vol. XXXI-a. St. Petersburg: F.A. Brockhaus, I.A. Efron.
8. Brockhaus, F.A. & Efron, I.A. (1893) *Entsiklopedicheskiy slovar'* [Encyclopedic Dictionary]. Vol. X-a. St. Petersburg: Tipo-Litografiya I.A. Efrona.
9. Smirnov-Sokol'skiy, N. (1962) *Rasskazy o prizhiznennykh izdaniyakh Pushkina* [Stories of the lifetime editions of Pushkin]. Moscow: Izdatel'stvo Vsesoyuznoy knizhnoy palaty.

Received: 01 March 2016

Вестник Томского государственного университета. 2016. № 406. С. 136–140. DOI: 10.17223/15617793/406/22

УДК 323.15 (510) (161.2)

М.С. Рябова

ПРОЦЕСС ПРИЗНАНИЯ РУССКОЙ ЭТНИЧЕСКОЙ ГРУППЫ КАК ОДНОГО ИЗ НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ КИТАЯ

В статье ставится задача рассмотрения времени и причин появления на территории Китая русских переселенцев. История русских в Китае насчитывает столетия. В начале XX в. их потомки были признаны как этническая группа смешанного происхождения. В результате анализа статистических данных, исторических материалов, обзора исследований китайских ученых по данному вопросу автором дана полноценная характеристика трансформации разновременных русских поселенцев в особую этническая группу и исследован процесс ее официального признания в качестве одного из 55 национальных меньшинств КНР.

Ключевые слова: этническая группа; национальное меньшинство; русские; ханьцы; ассимиляция; Китай.

На сегодняшний день русская этническая группа является одной из 56 национальных меньшинств Китайской Народной Республики. Согласно классификации китайских этнографов с момента официального признания по сегодняшний день русские относятся к этническим группам смешанного происхождения – так называемые 混血民族 – «хуньсюэ миньцзу», так как большинство представителей этой этнической группы имеют как русские, так и китайские корни. В отдельных регионах проживания русского национального меньшинства существуют и другие названия данной этнической группы – в городском уезде Аргунь на северо-западе городского округа Хулун-Буир, который находится на северо-востоке автономного района Внутренняя Монголия, власти дали официальное название китайским русским – 华俄后裔 – «хуаэхоушань», что в переводе означает китайско-русские потомки [1. С. 4].

Процесс признания русской этнической группы и ее изменения начался в XIX в., однако первые русские поселенцы появились еще за долго до этого времени. Появление первых русских в Китае было связано с монголо-татарским игом на Руси, которое продлилось с 1243–1480 гг. В ходе завоевания Руси, а затем и в последующие годы было захвачено множество русских пленных, в основном молодых людей, которые вошли в состав войск монгольского хана Хубилая. В 1247 г. было сформирован русский полк [2. С. 8]. К 1271 г. Хубилай овладел большей частью Китая и решил основать свою династию, дав ей имя «Юань». В 1279 г. погиб последний император династии Сун и Китай был окончательно присоединен к Монголии. Русский полк в составе ханьской гвардии был поселен к северу от Пекина, пленным дали землю и сельхозорудия, позволили охотиться, так как армия в Китае не всегда была в постоянном строю, а несла службу непостоянно, по необходимости. В истории династии Юань упоминается, что в 1332 г. в Пекин трижды доставлялись русские по 170, 2 500 и 30 человек, включая 103 подростка [3. С. 22]. Дальнейшая судьба русских воинов не известна, но после падения династии Юань в 1368 г. они, очевидно, вместе с монголами ушли на север и запад. Следующими русскими поселенцами, являющимися основателями русской миссии в Пекине, были албазинцы, захваченные китайскими войсками при взятии крепости Албазин на реке Амур в 1685 г. Албазинцы были переселены в Пекин, во Внутренний город, и наделены теми же правами, как и китайские военнослужащие. Русским во владение был передан буддийский храм для православных богослужений, который был освещен первым русским священником на китайской земле – Максимом Леонтьевым. С этого времени постоянно присутствовало небольшое русское поселение на территории Китая.

Русские, потомки которых в дальнейшем были признаны русским национальным меньшинством, т.е. этнической группой смешанного типа – «хуньсюэ миньцзу», в основном проживали на территории нынешнего Синьцзяно-Уйгурского автономного округа и Внутренней Монголии. Заселение русскими этого приграничного района происходило постепенно и по разным причинам. Самыми ранними поселенцами в данных районах были старообрядцы, преследуемые на Руси с XVII в., когда была проведена церковная реформа. Староверы жили в Синьцзяне вплоть до окончания Второй мировой войны. С окончанием войны, когда Советский Союз ступил в войну против Японии на территории Китая, советскими войсками были найдены деревни старообрядцев на северо-западе Китая. Часть старообрядцев была депортирована в СССР, другая часть покинула Китай и, при помощи организаций Красного Креста и Всемирного Совета церквей, переехала в Гонконг, откуда уже дальше расселялась по миру – в Бразилию, Аргентину, Австралию, США, небольшая часть осталась в КНР.

Кроме старообрядцев территорию заселяли русские крестьяне со времен выхода Российской империи на берега Амура – образовались постоянные русские крестьянские поселения в Маньчжурии. Они занимались земледелием, применяли новые для этих мест способы обработки земли. На протяжении XVII–XIX вв. активно развивалась нелегальная торговля между русскими купцами и местным населением. Со временем власти пришли к выводу, что торговлю необходимо легализовать – в 1853 г. был подписан Кульджинский договор с целью урегулирования приграничной торговли между двумя государствами. В дальнейшем все больше русских стало приезжать в приграничные районы Китая и осваи-

ваться там. В Кульдже и Чугучаке, где была разрешена официальная торговля, были открыты русские консульства, занимавшиеся вопросами русско-китайской торговли.

В конце XIX – начале XX в. миграция русских в Поднебесную шла по различным направлениям. Была активная миграция русских в Северную Маньчжурию, что было связано с проектом строительства КВЖД. Русские, приезжавшие в Шанхай, Гонконг и Гуаньчжоу, были моряками, купцами, торговцами. В Пекине приезжие из России были представителями духовной миссии, дипломатического корпуса, политики, исследователи и т.д. Количество русского населения значительно возросло после распада Российской империи, с приездом русских эмигрантов и солдат Белой армии. В это время значительно выросло русское население крупных городов Китая, в основном Шанхая и Харбина. В периоды японской оккупации и последующие годы русское население в Китае снизилось в разы из-за миграции в страны Европы, Америки, Австралию и т.д. Однако были и те, кто остался в Китае и затем были признаны одним из 56 национальных меньшинств. К этой категории относятся не только этнические русские, но и потомки смешанных семей.

Процесс признания русской этнической группы в Китае начался в Синьцзяне. Во время правления Ян Цзэнсиня, губернатора, а затем и независимого правителя Синьцзяна до 1928 г. русские поселенцы были подразделены на три категории: первая категория – подвергающиеся процессу натурализации – так называемые 规划人 «гуихуажэнь» – они заполняли специальные бланки и писали волонтерские заявления. Согласно этим документам русские добровольно присоединялись к китайской нации. Вторая часть русских вступала в советское гражданство, третья часть не присоединялась ни к одной из сторон и оставалась без гражданства. В 1928 г. на смену Ян Цзэнсиня был назначен Цзинь Шужэнь, который являлся главой Синьцзяна вплоть до 1933 г. В период его управления был усилен контроль над русскими – им были запрещены свобода передвижения и право на свободную торговлю. Все русские, оставшиеся на территории Синьцзяна, должны были подвергнуться процедуре «гуихуа», т.е. натурализации – они получали китайское гражданство и уравнивались в правах с китайцами. Согласно данным доклада правительства Синьцзяна в 1930–1931 гг. 207 русских прошли через процедуру «гуихуа» в Урумчи, 288 – в Тачэне и в Или около 500 человек. На втором народном конгрессе в 1935 г. «гуихуажэнь» были официально признаны как одно из национальных меньшинств Синцзяна [4. С. 20].

В политическом и социально-экономическом плане русские были полностью приравнены к местному населению. Так, во время Кумульского восстания в 1931–1934 гг. в Синьцзяне, в ответ на политику китаизации Цзинь Шужэня, русские поселенцы были вовлечены в вооруженную борьбу между восставшими мусульманами и властями Синьцзяна. Армия Цзинь Шужэня была небоеспособной, и усилить боеспособность армейских частей можно было только мобилизацией русских эмигрантов. Мобилизации подлежали не только те русские, которые проживал в Синьцзяне, но и те, кто бежал от коллективизации и голода в СССР. Три сотни человек, сформированные в Илийском крае, были включены в торгоутскую кавалерийскую бригаду, перешедшую под управление русских офицеров. В 1937 г. армия была расформирована.

В ноябре 1945 г. Президиумом Верховного Совета СССР был опубликован приказ «Об восстановлении советского гражданство русских граждан, находящихся (потерянных) на территории Синьцзяна и Шанхая» [5. С. 163]. 20 января 1946 г. был опубликован повторный указ, согласно которому работа по восстановлению гражданства была продлена вплоть до конца 1946. Согласно двум этим указам ответственным за восстановление гражданства назначался генеральный консул СССР в Урумчи. Всем «гуихуажэнь» давалась советское гражданство. Часть русских, проживающих в Синьцзяне, приняли советское гражданство, однако некоторые семьи отказались от советского гражданства в пользу китайского. Начиная с 1953 г. правительство нового Китая, дабы осуществить политику равенства народностей в КНР, стало утверждать национальные меньшинства. Сначала выделили 38 национальных меньшинств, среди которых были и русские. Утверждалось, что до образования нового Китая русские подверглись унизительной процедуре «натурализации» – новое правительство обеспечивало политику равенства и запрещало всякую дискриминацию по отношению к русским. После 1953 г. из «гуихуажэнь» русские переименовались в 俄罗斯族 «элуосицзу» и официально стали проживать на территории образовавшегося в 1955 г. Синьцзяно-Уйгурского автономного округа, в провинции Хейлунцзян и во внутренней Монголии.

Во времена культурной революции и вследствие ухудшения советско-китайских отношений ассимиляция русского национального меньшинства усилилась и процент этнических русских понизился в разы. Некоторые представители сознательно меняли свою национальную принадлежность с русской на китайскую, дабы избежать гонений и возникающих проблем. Доходило до того, что даже скрывали свои национальные признаки во внешнем облике, так как всех русских приписывали к советским ревизионистам. Культурная революция привела к тому, что не только во внешнем облике, но и в эстетике русских произошли изменения. Во время культурной революции не велась перепись населения, известно, что при Всекитайской переписи 1964 г. численность русского национального меньшинства составила 1 640 чел., в то время как в 1953 г. их насчитывалось 22 650 чел. [6. С. 148].

С началом реформ открытости, изменением внутренней политики КНР и нормализацией отношений с СССР, с целью защиты прав национальных меньшинств, в 1982 г. группа руководителей Государственного Совета по переписи населения, Министерство общественной безопасности и Государственный

комитет по вопросам национальностей совместно опубликовали извещение «О восстановлении и решении основных проблем национальных меньшинств» [7. С. 93]. В 1985 г. во Внутренней Монголии был опубликован доклад «О проблемах рождаемости и проживания русских в Монголии». В докладе подчеркивалось, что национальная идентичность русских была потеряна, и считалось необходимым приложить все усилия по ее восстановлению и улучшению положения русских в Китае. Согласно докладу потомкам русских можно было ходатайствовать о возвращении принадлежности к русской этнической группе и менять свою национальность с китайской на русскую. Начиная с 1985 г. местные власти стали принимать заявления по изменению этнической принадлежности.

Однако уже в 1989 г. Комитет по вопросам национальностей, Госсовет КНР и Министерство общественной безопасности совместно издали документ «О приостановлении изменения статуса этнической принадлежности». В 1990 г. вышеуказанными органами было издано постановление № 217 «О твердо установленной этнической принадлежности граждан КНР» [8. С. 94]. В 8-й статье 3-го параграфа было прописано, что если даже один из родителей китаец или один из родителей принял китайское гражданство, то гражданин может ходатайствовать на изменение этнической принадлежности в паспорте с китайского на другое. Согласно переписи населения 1990 г. многие ханьцы по паспорту написали ходатайство и вступили в русское национальное меньшинство. Если сравнивать статистические данные переписи населения 1982 и 1990 гг., то при переписи 1982 г. численность русского нацменьшинства официально составляла 2 910 чел. [8], а в 1990 г. – уже 13 500 чел. [9]. Такой резкий рост численности русских в Китае за восемь лет обусловливался не только новой внутренней политикой государства, но и выгодными условиями для национальных меньшинств – представителям этнических групп можно было иметь более двух детей в семье и предоставлялись другие льготы, например льготные поступление в высшие учебные заведения и т.д. В дальнейшем китайское правительство больше не делало таких заявлений.

До образования нового Китая и во времена Культурной революции русские записывались как ханьцы и отдельно не учитывались в переписи населения. Китайцы и их русские жены, этнические русские, дети от смешанных браков – никто не учитывался как отдельная этническая группа и приравнивалась к ханьцам как к титульной нации Китая. Русское нацменьшинство в Китае имеет принадлежность и к китайцам и к русским, но в зависимости от места и времени меняет этническую принадлежность.

Согласно последний переписи населения 2010 г. в КНР численность русского национального меньшинства составляет 15 393 чел. [10]. В Китае русское население присутствует в Синьцзяно-Уйгурском автономном районе – в городах Чугучак, Кульджа, Урумчи, на севере провинции Хэйлунцзян, в автономном районе Внутренняя Монголия – в городском округе Хулун-Буир – в городском уезде Аргунь и в волости Эньхэ – единственной волости в Китае, где титульным этносом является русское национальное меньшинство. В большинстве случаев это этническая группа смешанного происхождения, внешне схожая с ханьцами, но сохранившая некоторые черты европейской внешности.

Все представители русской этнической группы в Китае билингвы. В основном в жизни используется китайский язык (русский мало). Китайские русские в своих промыслах, средствах существования, пище, одежде, проживании, образовании придерживаются национальной специфики. Во внутренней Монголии в Аргуне русские до сих пор придерживаются традиционного образа жизни. Они повсеместно выращивают крупный рогатый скот, в летней сезон выгоняя его на пастбища. На осень заготавливают корм; для покоса травы используют традиционный русский инструментарий; питание включает в себя такие типичные для русской кухни продукты, как молоко, хлеб, варенья, повидло, черный чай и другие блюда русской кухни. В одежде пожилые люди до сих пор предпочитают традиционные костюмы.

В Аргуне русские проживают сообща, их село находится на правом берегу одноименной реки. Русские в этом селе живут в традиционных деревянных домах, построенных в русском стиле. В окрестностях их деревни у подножья горы находиться изолированное кладбище. Культурная революция нанесла большой ущерб православной вере, и многие русские, родившиеся в ее период, либо не крещены, либо неофициально исповедуют православие. Однако после начала реформ открытости, особенно в начале XXI в., православие в Китае стало стремительно возрождаться.

На протяжении последнего столетия русская этническая группа в Китае прошла через непростой процесс этнических изменений и признания как одного из национальных меньшинств. Китайскими этнологами данная группа изначально квалифицировалась как группа смешанного типа. Однако в ней были и представители восточнославянского этноса. Во второй половине XX в. процесс ассимиляции усилился, что привело к значительному сокращению представителей «чистых» русских. Начиная с 1980-х гг. властями Китая стало больше уделяться внимания национальным меньшинствам, стал развиваться этнический туризм, что привело к возрождению традиционной культуры среди русского меньшинства, укреплению социально-экономического положения русских внутри Китая. Так, в июле 1994 г. была образована единственная национальная волость русских в Китае «Эньхэ» (恩和俄罗斯族民族乡). В настоящее время продолжается политика по укреплению положения русского национального меньшинства Китайской Народной Республики.

ЛИТЕРАТУРА

1. 时春丽.俄罗斯民族认同研究-以室韦俄罗斯民族乡为例.北京:中央民族大学. 2009. 170 页 [Шичхунь Ли. Исследование по признанию русской этнической группы на примере русской национальной волости Шивэй. Пекин : Центральный университет национальностей, 2009. 170 с.]
2. 邓波. 俄罗斯族. 北京:民族出版社. 1994. 94 页Дэн Бо. Русское национальное меньшинство. Пекин : Народное издательство, 1994. 94 с.]
3. Иванов А.И., Веселовский Н.И. Походы монголов на Россию по официальной китайской истории Юань Ши // Записки разряда военной археологии и археографии имп. Русского военно-исторического общества. СПб., 1914. Т. 3. 218 с.
4. 李德洙. 俄罗斯族简史"俄罗斯族简史"编写组编写. – 修订本. 北京:民族出版社. 2008. 152 页 [Лидэ Чжу. Исторический очерк – русское национальное меньшинство. Испр. изд. Пекин : Народное издательство, 2009. 152 с.]
5. 薛衔天. 民国时期中苏关系史(1917-1949)(下). 北京: 中共党史出版社. 2009. 320 页. [Сюэ Сияньтянь. История советско-китайских отношений в период республики. Пекин : Издательство коммунистической партии Китая, 2009. 320 с.]
6. Ставров И.В. Тенденции демографического развития неханьских национальностей Северо-Восточного Китая (начало XXI века) // Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук, 2013. № 4 (170). С. 146–151.
7. 唐戈. 中国俄罗斯族的族群认同及其变迁//《延边大学学报: 社会科学版》. 2015. № 1. 92–97 页 [Тан Гэ. История развития русской этнической группы в Китае // Вестник Яньбяньского университета. 2015. № 1. С. 92–97].
8. China Academic Journal Electronic Publishing House: 中华人民共和国国家统计局—关于1982年人口普查主要数字的公报 [Доклад Национального бюро статистики КНР о переписи населения 1982 г.]. URL: http://www.cnki.com.cn/Article/CJFDTOTAL-ZGTJ198206000.htm (дата обращения: 27.01.2015 г.).
9. China Academic Journal Electronic Publishing House: 中华人民共和国国家统计局关于1990年人口普查主要数据的公报 [Доклад Национального бюро статистики КНР о переписи населения 1990 г.]. URL: http://www.cnki.com.cn/Article/CJFDTotal-ZGTJ199102001.htm (дата обращения: 27.01.2015 г.).
10. National Bureau of Statistics of People's Republic of China: 2010年第六次全国人口普查主要数据公报 [Доклад Национального бюро статистики КНР о переписи населения 2010 г.]. URL:http://www.stats.gov.cn/tjsj/tjgb/rkpcgb/qgrkpcgb/201104/t20110429_30328.html (дата обращения: 30.01.2015 г.).

Статья представлена научной редакцией «История» 15 марта 2016 г.

THE PROCESS OF RECOGNITION OF THE RUSSIAN ETHNIC GROUP AS A NATIONAL MINORITY IN CHINA

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 406, 136–140.
DOI: 10.17223/15617793/406/22

Riabova Margarita S. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: margarita_sr@mail.ru

Keywords: ethnic group; national minority; Russian; Han Chinese; assimilation; China.

This article discusses the process of recognition of the Russian ethnic group as one of the 56 national minorities in China. In connection with the development of political and economic relations between Russia and China in recent years, which conduced to a steady growth of the number of Russians in China, the study of problems of intercultural contacts and the presence of Russians in China became more needful. This work is devoted to Russians who have taken root in China, have citizenship of the People's Republic of China. They live compactly in certain areas and have features of a national minority. This group does not include Russians who have moved to China in recent decades for business. Also this group does not include immigrants who settled China in the early 20th century, and lived in Harbin, Shanghai, Beijing, etc. Today the Russian Diaspora abroad is the subject of many studies by Russian and foreign authors, however, research works with regards to the Russian ethnic group in China are few. The main content of this research is an analysis of the processes of origin, formation and changes of the Russian national minority. According to the classification of Chinese ethnographers, since the official recognition to the present days, Russians refer to ethnic groups of mixed origin – so-called 混血民族 – "xunhun mingzu", most of this group are descendants of the Chinese and Russians. Over the last century, the Russian ethnic group in China went through a difficult change process and recognition as a national minority. The history of the Russian presence in China dates back to several centuries ago and begins at the time of the Mongol and Tatar raids against Rus during the 13th – 15th centuries, when in the process of the conquest many Russians were captured and transported to China after its occupation by the Mongols and the founding of the Yuan dynasty. During the 17th – 20th centuries, a number of Russians began to settle on the border with China territories, especially after the Russian Empire reached the shores of the Amur river. From the end of the 19th to the beginning of the 20th centuries there was an active migration of Russians to other parts of China: Northern Manchuria, Shanghai, Beijing, Hong Kong. In the period of the Republic of China in 1917–1949 there was the first attempt of recognition of the Russian ethnic group as a separate national minority, but in fact the process of recognition was the process of "naturalization" – Russians got Chinese citizenship and equal rights with the Chinese. After the founding of the People's Republic of China in 1949, Russians were officially recognized as a national minority. The author describes the current status of the Russian ethnic group in China, attention is paid to the process of the change and strengthening of the status of Russians after the start of the policy "Reform and Opening up" in China, and changes in policy regarding national minorities since the 1980s after the Cultural revolution (1966–1976), when representatives of ethnic minorities faced the worsening of living standards.

REFERENCES

1. Shichhun Lee. (2009) *Issledovanie po priznaniyu russkoy etnicheskoy gruppy na primere russkoy natsional'noy volosti Shivey* [Study on recognition of the Russian ethnic group as an example of Russian national district Shiwei]. Beijing: Central University for Nationalities. (In Chinese).
2. Dan Bo. (1994) *Russkoe natsional'noe men'shinstvo* [The Russian national minority]. Beijing: People's Publishing House. (In Chinese).
3. Ivanov, A.I. & Veselovskiy, N.I. (1914) Pokhody mongolov na Rossiyu po ofitsial'noy kitayskoy istorii Yuan' Shi [Mongol raids in Russia according to the official history of the Chinese Yuan]. In: Veselovskiy, N.I. (ed.) *Zapiski razryada voennoy arkheologii i arkheografii imp. Russkogo voenno-istoricheskogo obshchestva* [Notes of military archeology and archeography office of the Imperial Russian Military-Historical Society]. Vol. 3. St. Petersburg: Russkoe voenno-istoricheskoe obshchestvo.
4. Lide Zhu. (2009) *Istoricheskiy ocherk – russkoe natsional'noe men'shinstvo* [Historical essay: the Russian national minority]. Corr. ed. Beijing: People's Publishing House. (In Chinese).
5. Xue Siyantyan. (2009) *Istoriya sovetsko-kitayskikh otnosheniy v period respubliki* [The history of Sino-Soviet relations during the period of the republic]. Beijing: Publishing House of the Chinese Communist Party. (In Chinese).
6. Stavrov, I.V. (2013) The main tendencies of non-han nationalities demographic development in the North-East China (the

beginning of XXI century). *Vestnik Dal'nevostochnogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk – Bulletin of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences*. 4 (170). pp. 146–151. (In Russian).
7. Tan Ge. (2015) Istoriya razvitiya russkoy etnicheskoy gruppy v Kitae [The history of the Russian ethnic group in China]. *Vestnik Yan'byan'skogo universiteta*. 1. pp. 92–97. (In Chinese).
8. China Academic Journal Electronic Publishing House. (1982) *Doklad Natsional'nogo byuro statistiki KNR o perepisi naseleniya 1982 g.* [Report of the National Bureau of Statistics of China on the Census of 1982]. [Online]. Available from: http://www.cnki.com.cn/Article/CJFDTOTAL-ZGTJ198206000.htm. (Accessed: 27th January 2015). (In Chinese).
9. China Academic Journal Electronic Publishing House. (1990) *Doklad Natsional'nogo byuro statistiki KNR o perepisi naseleniya 1990 g.* [Report of the National Bureau of Statistics of China on the Census of 1990]. [Online]. Available from: http://www.cnki.com.cn/Article/CJFDTotal-ZGTJ199102001.htm. (Accessed: 27th January 2015). (In Chinese).
10. National Bureau of Statistics of People's Republic of China. (2010) *Doklad Natsional'nogo byuro statistiki KNR o perepisi naseleniya 2010 g.* [Report of the National Bureau of Statistics of China on the Census of 2010]. [Online]. Available from: http://www.stats.gov.cn/tjsj/tjgb/rkpcgb/qgrkpcgb/201104/t20110429_30328.html. (Accessed: 30th January 2015). (In Chinese).

Received: 15 March 2016

Вестник Томского государственного университета. 2016. № 406. С. 141–151. DOI: 10.17223/15617793/406/23

УДК 903.26

С.В. Сотникова

ОБРАЗ МИФИЧЕСКОЙ ПТИЦЫ НА ГРАВИРОВКАХ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА: ОПЫТ СОПОСТАВЛЕНИЯ ОБСКО-УГОРСКОЙ И ИРАНСКОЙ ТРАДИЦИЙ

Рассматриваются гравированные изображения мифической птицы на металлических бляхах и зеркалах раннего железного века из коллекции Ханты-Мансийского музея и Истяцкого клада, а также обско-угорские мифы о гигантской птице Карс. Автор приходит к выводу, что образ обско-угорской птицы Карс обнаруживает значительное сходство с иранской мифической птицей Саэна/Сенмурв/Симург, а не с индийским Гарудой. Достаточно отчетливо сходство проявляется в таких чертах, как связь мифической птицы с мировым деревом, целительством, священным напитком, шаманским культом.

Ключевые слова: Западная Сибирь; ранний железный век; обско-угорская мифология; иранская мифология; образ мифической птицы.

Образ мифической птицы представлен в виде гравировок на дисковидных бронзовых бляхах и зеркалах раннего железного века, которые происходят из так называемых кладов, известных на территории таежной зоны Западной Сибири. Появление гравировок относят ко времени около II в. до н.э. [1. С. 91]. Практически все находки граффити раннего железного века входят в границы кулайской культурно-исторической общности либо, по мнению исследователей, отражают ее влияние [2. С. 265]. Зеркала в среде кулайского населения являлись предметом импорта. Кулайцы не использовали эти изделия по их основному назначению. На поверхность зеркал и блях они наносили гравированные изображения мифоритуального характера и в таком виде применяли их в культовой практике. Данные зеркала изготавливались населением степной сарматской культуры. Наиболее вероятным посредником передачи степного и лесостепного импорта населению таежной зоны Западной Сибири считаются носители саргатской культуры, которые занимали северный ареал степных культур и непосредственно контактировали с населением кулайской общности [3. С. 7, 13].

Для интерпретации образа мифической птицы, представленной на гравировках, немаловажное значение имеет вопрос об этнической принадлежности населения кулайской культурно-исторической общности и населения саргатской культуры, которое являлось посредником в передаче зеркал и блях, а возможно, и некоторых идей, жителям тайги.

Время существования кулайской культурно-исторической общности определяется в рамках VI в. до н.э. – V в. н.э. [4. С. 78]. Л.А. Чиндина считает, что кулайская культура сформировалась в Среднем Приобье и пережила два этапа: васюганский (конец VI–II вв. до н.э.) и саровский (II–I вв. до н.э. – V в. н.э.). Границы кулайской общности постоянно расширялись в связи с активными миграциями на юг, где они достигли Саяно-Алтая, и на север, где они проникли в Нижнее Приобье и Тазовский бассейн. В определении этнической принадлежности населения этой общности нет единства. Высказываются мнения о самодийской, угорской, кетской принадлежности [Там же. С. 78–81]. М.Ф. Косарев считает кулайскую культуру многокомпонентной и допускает, что в разных частях ее ареала могли употребляться угорский, самодийский и кетский языки [5. С. 147–160]. Близкой позиции придерживается В.А. Могильников, который отмечает, что «наиболее вероятным принято считать рассмотрение ареала кулайской культуры областью расселения самодийцев и угро-самоедов, не отрицая полностью присутствия здесь также и кетского этноса» [6. С. 83]. Л.А. Чиндина в монографической работе, посвященной кулайской культуре (общности), ее генезису и трансформации, признает многокомпонентность кулайской культуры (общности), но определяет самодийский компонент как основной в ее сложении [7. С. 172].

На современном этапе изучения кулайской культурно-исторической общности ставятся под сомнение вывод о миграциях «кулайцев» с территории Нарымского Приобья в Сургутское и Нижнее Приобье, а также вопрос о преимущественной моноэтничности этого культурного образования. Открытие ранних кулайских памятников в Сургутском Приобье, Нижнем Приобье, в бассейне Конды позволили Ю.П. Чемякину сделать вывод о местном генезисе древностей кулайского облика. На материалах Сургутского и Нижнего Приобья удалось проследить переход от кулайских памятников к карымским и далее, вплоть до XVI в. Последние в литературе трактуются как угорские, прахантыйские. Опираясь на эти материалы, Ю.П. Чемякин высказал мнение, что, по крайней мере, в западной части ареала кулайское население являлось угорским или, точнее, было «одним из компонентов (основным?), на основе которых формировался обско-угорский или прахантыйский этнос». Поэтому в одних кулайских ареалах могли обитать угры, а в других – самодийцы. Соответственно, «вопрос об этнической принадлежности племен кулайской общности следует заменить на вопросы об этнической принадлежности создателей ее локальных вариантов» [8. С. 212–213; 9. С. 81–83].

Наибольшее число гравировок выявлено в Среднем и Нижнем Приобье. Памятники, на которых найдены рисунки на металле, соотносят с древними уграми или угро-самодийцами [2. С. 264–265]. В данной работе рассматриваются бляхи и зеркала, происходящие из Истяцкого клада и из коллекции Ханты-Мансийского музея. Вещи из коллекции Ханты-Мансийского музея В.Н. Чернецовым были отнесены к усть-полуйской культуре [10. С. 150], формирование

которой он связывал с приходом на север угорских групп [11. С. 238]. Сейчас хантымансийские зеркала чаще рассматриваются в рамках нижнеобского (усть-полуйского) варианта кулайской культурно-исторической общности [2. С. 264]. Точка зрения о самостоятельной усть-полуйской культуре (общности) поддерживается М.Ф. Косаревым, который признает безусловную родственность усть-полуйской и кулайской культурных общностей, что проявляется в значительной близости керамической посуды, производственного и культового инвентаря, орнаментации. Однако, по его мнению, «не следует преувеличивать роль кулайцев в сложении усть-полуйской культуры <…> сходство усть-полуйской и кулайской культур (общностей) в большей мере предопределено не их взаимодействиями, а общим этнокультурным генофондом, сложившимся на поздних этапах бронзового века» [12. С. 172–173].

Истяцкий клад (культовое место) расположен у северной границы Среднего Прииртышья. Он был обнаружен в 180 км от Тобольска «по почтовой дороге из Тобольска в Омск». В.Н. Чернецов отнес его к тем памятникам, которые располагались за пределами распространения усть-полуйской культуры, но находились в какой-то связи с ней. Он считает, что Истяцкий клад дает ценнейший материал для изучения истории религиозных представлений угров [10. С. 150, 162–171]. Этот клад до сих пор вызывает дискуссии по поводу датировки и культурной принадлежности. При всем разбросе в предлагаемых датах время его создания не выходит за пределы существования кулайской общности. Гравировки на бляхах сопоставимы с кулайскими гравировками на металле из Сургутского и Нижнего Приобья (исключая изображение всадников) [13. С. 384].

Саргатская культура, которая являлась наиболее вероятным посредником в передаче зеркал и блях кулайскому населению, в настоящее время датируется временем от VII–VI вв. до н.э. до IV–V вв. н.э. [14. С. 90]. В определении этнической принадлежности населения, оставившего саргатскую культуру, также нет единства. Часть авторов (В.Ф. Генинг, Л.Н. Корякова, В.А. Могильников) разделяют точку зрения В.Н. Чернецова об угорской принадлежности, отмечая в то же время присутствие в этносе определенных иранских элементов [15. С. 293]. Формирование саргатской культуры происходит VII–VI вв. до н.э. на основе двух компонентов периода поздней бронзы – южного степного, представленного памятниками саргаринской культуры, и северного лесостепного, характеризуемого памятниками розановского типа на Иртыше и карьковского на Ишиме. В Барабинской лесостепи в качестве субстратного элемента участвовало население ирменской культуры, а саргаринская выступала в качестве суперстрата [Там же. С. 308].

В свою очередь, следует особо отметить, что в формировании как саргаринской, так и ирменской культуры активно участвовало андроновское население, индоиранская принадлежность которого признается практически всеми исследователями. В связи с этим представляет интерес точка зрения Н.П. Матвеевой на происхождение полиэтничности саргатской культуры. Истоки полиэтничности, по ее мнению, обусловлены сочетанием оседлого и кочевого укладов жизни саргатского населения. Элементы кочевого уклада она связывает с восточноиранским сако-сарматским миром степей и культурой знати. Признаки оседлости, по ее мнению, восходят к предшествующим культурам скотоводов и земледельцев эпохи бронзы и начала эпохи раннего железа. Именно этот компонент являлся субстратным для данной общности и отражал более глубокое древнеиранское происхождение основного культурного компонента. Появление угорских и самодийских черт в саргатской культуре она связывает с включением в состав саргатской общности новых территорий, подчинением других – угорских и самодийских – народов, взаимобрачными контактами [16. С. 223–224].

В.А. Могильников полагает, что отношения северной группы саргатцев с кулайцами носили в основном характер брачных и обменных контактов. «С другой стороны, в южных районах тайги и на севере лесостепи археологические материалы свидетельствуют о некотором продвижении в III–II вв. до н.э. лесного населения к югу и соответственно – о сдвиге в южном направлении северных границ саргатсткого ареала. Примечательно, что наиболее северные памятники саргатской культуры в районе Тобольска – Тюковской и Подчевашские курганы – относятся к III–II вв. до н.э. Более поздние памятники саргатской культуры здесь неизвестны. В этом районе появляются памятники кулайской культуры» [17. С. 27]. Вероятно, в этот период имели место заимствования и взаимообмен не только вещами, но и идеями. Представляет интерес тот факт, что появление гравировок в среде кулайского населения относят ко времени около II в. до н.э.

Н.П. Матвеева отмечает, что эпоха раннего железа была последним периодом непосредственных контактов угров с иранским миром, в силу этого она считает доказанным заимствование многих культурных и идеологических стереотипов первыми от вторых в скифо-сарматское время [16. С. 237].

М.Ф. Косарев полагает, что в формировании мировоззренческого комплекса древних урало-западносибирских народов, особенно обских угров, приняли участие проникавшие сюда элементы ведийско-авестийских верований. Он выделяет шесть волн мощного культурного воздействия, двигавшегося с юга на север. Исследователь отмечает, что согласно археологическим материалам наиболее значимыми в мировоззренческом отношении были четвертая и пятая волна. Пятая волна совпала с периодом раннего железа и импульсировалась в основном ираноязычным населением. Она связана с интенсивным влиянием на западносибирский север культур савромато-сармато-сакского степного мира, что выражается в «скифоидности» ряда черт материальной культуры таежного кулайского и усть-полуйского населения. Западная Сибирь в это время следует преимущественно савромато-сармато-сакским «модам», что проявилось не только в страсти к дорогим иноземным предметам роскоши, но также в облике оружия и в

культово-изобразительном искусстве. Лингвистически иранские воздействия на Западную Сибирь подтверждаются большим числом иранизмов в языке хантов и манси, о чем в разное время писали Б. Мункачи, В.Н. Чернецов и др. В мифологии обских угров присутствуют ведийско-авестийские мотивы (внешнее и семантическое сходство мансийской мифической птицы Карс с индийским Гарудой и авестийской Саэной, Мир-сусне-хум, как трансформация образа иранского Митры и т.д.) [18. С. 303–305].

По-видимому, в ходе взаимодействия саргатского и кулайского населения в западной части кулайского ареала происходит формирование сложного мировоззренческого комплекса, угорского в своей основе, но включающего элементы древнеиранских мифологических представлений, что, в частности, нашло отражение в гравировках на бронзовых зеркалах и бляхах.

В данной работе сделана попытка рассмотрения образа мифической птицы на гравировках в плане сопоставления обско-угорской и иранской традиций, так как наличие иранских черт и их устойчивое сохранение в культуре обских угров неоднократно отмечались многими исследователями.

«Клады» Западной Сибири и их интерпретация. Подобные «клады» характерны как для периода раннего железного века, так и Средневековья. В состав «клада», как правило, входили следующие категории инвентаря: личины, оружие, зооморфное или антропоморфное литье, дисковидные зеркала и бляхи с гравированными изображениями. Многие исследователи считают, что «клады» в действительности являлись культовыми или жертвенными местами. В.Н. Чернецов, один из первых исследователей западносибирских «кладов», уже в работе 1953 г. говорит об Истяцком кладе как о святилище [10. С. 165]. В более поздней работе он писал, имея в виду «клады», что «все известные нам гравированные изображения происходят из святилищ как древних (с территории нижнего Обь-Иртышья), так и современных мансийских и хантыйских» [19. С. 91]. Л.А. Чиндина также полагает, что «клады», известные еще с кулайского времени, являются культовыми местами различного характера. Одни из них могли быть домашними культовыми хранилищами, другие – местами поклонения больших общественных групп [7. С. 22–23]. В.А. Могильников, рассматривая материалы Елыкаевского клада, приходит к выводу, что он представлял собой жертвенное место: «Концентрация вещей в земле на одном небольшом месте, которая на первый взгляд говорит за отнесение коллекции к кладу, объясняется устройством жертвенных мест сибирских народов. У угров и селькупов они представляли собой небольшие амбарчики, в которых находились деревянные идолы (тонгхи и лозы), которым в качестве жертвы приносились различные изделия, в том числе и особо чтимые древние вещи. Когда святилища оказывались заброшенными, деревянные части их разрушались, а металлические вещи компактной массой попадали в землю» [20. С. 268].

А.И. Соловьев также считает, что такие «клады», как Елыкаевский, Ишимский и Парабельский, являются, скорее всего, остатками этнографически хорошо известных культовых амбарчиков и имеют отношение к «танцам с оружием», известным по материалам обских угров [21. С. 113]. Ю.А. Плотников, проанализировав материалы трех «кладов» (Елыкаевского, Ишимского и Парабельского), приходит к выводу, что эти «оружейные клады» являлись материальными остатками святилищ, где практиковался обряд воинственных плясок, «посвященных одному из наиболее популярных персонажей угорского пантеона – Мир-Сусне-Хуму или вообще божеству такого ранга» [22. С. 130–131].

Ю.В. Ширин ставит под сомнение реконструкции, предложенные В.А. Могильниковым и Ю.А. Плотниковым, и высказывает мнение, что «на «культовых местах» производилось захоронение определенных групп предметов, исключающее возможность их употребления в дальнейшем» [23. С. 153–154]. Он рассматривает в основном позднекулайские культовые места («клады») и в качестве их своеобразной черты называет захоронение в них лучших образцов оружия. Ю.В. Ширин считает оправданным предположение Л.А. Чиндиной о связи подобных приношений с потлачевидной обрядностью, в которой выразилось стремление общины противостоять возможности скапливания ценностей в личном пользовании. Он считает, что в структуре «кладов» позднекулайской общности нашли также отражение сложные процессы формирования новых мировоззренческих явлений. По его мнению, в позднекулайском обществе сложились социальные предпосылки для усвоения образов и символов развитых религиозных культов. Одним из возможных образов он называет восточноиранского Митру. Причем «митраизм, несомненно, был воспринят именно как религиозная система» [Там же. С. 161], но обоснование этого положения автором не приводится. Ю.В. Ширин полагает, что «проникновению образа Митры могла способствовать многоплановость его канонизированных функций, отвечающая реальным потребностям позднекулайского общества…». Вместе с тем им отмечается, что «хотя образ Митры этнографически зафиксирован в наиболее развитом виде в угорской среде (Мир-сусне-хум) <…>, тем не менее не следует ограничивать сибирский митраизм этническими рамками. Об этом говорит не только широта распространения культовых мест, которые можно связать с образами Митры <…>, но и выявление следов митраизма в мировоззрении других сибирских народов» [Там же. С. 162].

А.П. Зыков, анализируя материалы Холмогорского «клада» и условия его обнаружения, также приходит к выводу, что это были не остатки длительно функционировавшего святилища, а одноразовое ритуальное захоронение нескольких посмертных изображений умерших, наподобие угорских иттарма. Бронзовые антропоморфные личины были нашиты на основу кукол. Бронзовые зооморфные, орнитоморфные, антропоморфные изделия, бляшки и зеркала являлись украшениями кукол и также прикреплялись к ним. Оружие, пояс с накладками из бронзовых пластин, бронзовый котел выступали в качестве сопровождающего инвентаря [24. С. 38–39].

По-видимому, следует согласиться с выводом Ю.А. Плотникова, что «в каждом конкретном случае требуется специальная работа по выяснению истинного назначения того или иного “клада”» [22. С. 121].

Образ мифической птицы в «кладах» периода раннего железного века присутствует не только на гравированных дисковидных зеркалах, но и в виде литых металлических фигурок. В данной статье рассматриваются только гравировки, так как они намного реже привлекают внимание исследователей. Обращение именно к гравировкам обусловлено также тем, что на них, в отличие от литых орнитоморфных фигурок, образ передан не одиночным изображением, а включен в общую сцену мифоритального характера, что является несомненным преимуществом при решении вопросов, связанных с семантикой.

В.Н. Чернецов, обращаясь к вопросу о семантике образа мифической птицы на гравировках, использовал для его интерпретации данные по обско-угорскому, селькупскому фольклору, обрядовой практике и проводил аналогии с иранской и индийской традициями [25. С. 116–120]. Однако в последнее время высказываются сомнения в возможности подобного изучения гравировок [1. С. 92]. Представляется, что подобный вывод звучит излишне осторожно и категорично. Ю.В. Балакин, рассматривая культовое литье, отмечает, что «приближение к пониманию смысла древнего искусства… должно быть понято как междисциплинарная проблема, в которой центральное место принадлежит, безусловно, археологии и этнографии, но существенно важное значение имеют исследования, в свою очередь опирающиеся на данные многих наук, касающиеся области древнего сознания вообще» [26. С. 258–259].

Образ мифической птицы в обско-угорской мифологии. В обско-угорской мифологии имеется чрезвычайно интересный образ гигантской хищной птицы, именуемой *Kārs* у манси и *Kārəs* у хантов. Она известна по фольклорным материалам как «крылатый Карс», или «небесный Карс». Однако, как было отмечено В.Н. Чернецовым, «образ ее не всегда вполне четок и варьирует как по местностям, так и у отдельных рассказчиков» [25. С. 15]. У вогулов (манси) это птица, во всем напоминающая орла, только во много раз больше него. Б. Мункачи, комментируя свои тексты, поясняет облик Карса как «птица, подобная грифу». Такой же перевод дает К. Карьялайнен. Но он указывает также, что у остяков (хантов) Карс рисуется в виде орла, только больше размерами. У васюганских остяков есть эпитет «Карес с крыльями в семь сажень» [Там же]. Наиболее полное и отличное от остальных определение Карса зафиксировано С.К. Патканов у иртышских остяков: «Эта птица огромна и имеет человекоподобную голову с большим клювом. Сразу за руками у нее на плечах выросли два сильных крыла, а на кистях – длинные и острые когти. *Tôxtiŋ-Kâris* обладает необыкновенной силой: ей не стоит никаких усилий нести человека на спине. Кроме того, эта птица отличается разумом и может говорить как человек. Родиной ее являются теплые моря и водоемы южных местностей, откуда она периодически отправляется на Север» [27. С. 167–168]. Таким образом, в фольклоре обских угров Карс – птица огромных размеров, напоминающая орла, однако Б. Мункачи и К. Карьялайнен допускают ее сходство с грифом.

В мансийском фольклоре образ мифической птицы Карс связан со сказками об Эква-пырище (Эква-пырищ – это сказочное имя Мир-сусне-хума). На озере или на море, иногда на море с горячей водой, растет гигантская лиственница. На ее вершине находится гнездо четырех крылатых Карсов. В основании гнезда живет «Не Имеющая Сердца и Печени Железная Лягушка». Когда оба Карса улетают за пищей для детей, лягушка взбирается в гнездо и грызет крылья птенцов, поэтому они не могут научиться летать. В воде, окружающей дерево, живут водяные существа *liliŋ sossəl* – «живые *sossəl*». В.Н. Чернецов полагает, что *sossəl* – «водяные чудовища, представляющиеся не то в виде змей, не то в виде ящеров». Б. Мункачи переводит это слово как «ящеро- или драконоподобное животное». *Sossəl* враждебны Карсу и если он попадает в воду, они пожирают его. Карсы питаются тем, что уносят людей из близлежащего городка. Эква-пырищ взбирается на лиственницу и убивает железную лягушку. В благодарность за спасение птенцов Карс становится помощником героя [25. С. 117, 131–134].

Гравированные изображения мифической птицы на зеркалах и бляхах раннего железного века и их интерпретация. В.Н. Чернецов отмечает, что мифы о Карсе нашли свое отображение также в изобразительном искусстве обско-угорского населения. Он считает, что на металлических зеркалах, одно из которых происходит из Истяцкого «клада», а другое – из коллекции Ханты-Мансийского музея, запечатлен образ этой мифической птицы: «Карс изображен в виде хищной птицы, выполненной достаточно реалистично. Выделяет его необычайная форма головы, увенчанной тремя остроконечными зубцами, обозначавшими, по А. Спицыну, особое дарование или силу». По мнению В.Н. Чернецова, на истяцком зеркале Карс изображен нападающим на змее- или ящероподобное существо [Там же. С. 119. Рис. 1]. Следует отметить, что сцена с хищной птицей, выгравированная на зеркале из Истяцкого клада (рис. 1, *а*), у современных исследователей допускает не столь однозначное прочтение. Так, В.Д. Викторова пишет: «Хищная птица с трезубым навершием на голове изображена профильно в агрессивной позе. В таких же позах запечатлены бобр по одну сторону птицы и фантастическое существо с телом змеи, коротенькими ножками и стрелой, торчащей из пасти, с другой. Не совсем понятно, кто на кого нападает, потому что разворот фигур передан в одну сторону, но важен сам смысл намерения хищной птицы – нападение, сражение» [28. С. 85].

Второе зеркало, на которое ссылается В.Н. Чернецов, происходит из Ханты-Мансийского музея. Это зеркало имеет еще более сложную композицию, состоящую из четырех ярусов и насчитывающую тринадцать разнообразных фигур (рис. 1, *б*). Наиболее насыщен сюжетно и семантически верхний ярус, где в шеренгу располагается шесть антропоморфных и ан-

тропозооморфных фигур. Справа шеренгу замыкает изображение птицы в фас с человеческой фигурой на груди. Голова птицы увенчана тремя (может быть, двумя – непонятно из-за повреждения поверхности зеркала) остроконечными зубцами [3. С. 80–81]. По мнению В.Н. Чернецова, в этом изображении можно видеть «Карса в роли переносчика героя» [25. С. 119. Рис. 2]. В более поздней работе эта орнитоморфная фигура определяется им как «орел с тройным теменем, что указывает на его силу», а шеренги фигур, выгравированные на зеркалах из Ханты-Мансийского музея, по мнению исследователя, «отображают танцы, которые предки исполняют, появляясь во время периодических и спорадических празднеств» [19. С. 92].

Рис. 1. Бронзовые бляхи и зеркала с гравировками: *а* – Истяцкий клад [Чернецов, 1947, рис. 1]; *б*, *в* – из коллекции Государственного музея природы и человека, г. Ханты-Мансийск [Приступа, Стародумов, Яковлев, 2002. С. 80; Федорова, 2014, рис. 3] (*а*, *б* – без масштаба)

В работах современных исследователей присутствует совершенно иная трактовка рассматриваемого образа. Н.В. Федорова определяет фигуру птицы на зеркале из Ханты-Мансийского музея как изображение

филина [29. С. 203]. Вероятно, под влиянием этого мнения О.П. Приступа, Д.О. Стародумов, Я.А. Яковлев также относят данную птицу к разряду совиных, причем приводят уже дополнительные аргументы: «Большие глаза с выделенными зрачками, широкий хищный клюв и мощные когтистые лапы выдают пернатого отряда сов» [3. С. 81].

Помимо охарактеризованных выше двух гравированных изображений мифической птицы, приведенных в статье В.Н. Чернецова [25. С. 118–119], можно добавить еще одно. Оно выгравировано на другом зеркале из коллекции Ханты-Мансийского музея, где в верхнем ярусе представлена шеренга из семи антропозооморфных фигур (рис. 1, *в*). Как и на рассмотренном выше зеркале из этой коллекции, справа шеренгу замыкает изображение птицы с человеческой личиной на груди, голова которой увенчана тремя остроконечными зубцами [3. С. 54–55]. Изображение этой птицы на рисунках в статьях В.Н. Чернецова не имеет человеческой личины на груди [10. Табл. XIII–2; 5. Рис. 55–1]. Возможно, именно поэтому он определяет данную фигуру как филина [19. С. 92], с чем сложно согласиться. Иконография этого образа (три остроконечных зубца, антропоморфная фигура / личина на груди) и место в шеренге фигур (крайняя справа) позволяют предполагать, что здесь представлен тот же самый персонаж, что и на первом зеркале из Ханты-Мансийского музея.

В данной работе мы ограничимся рассмотрением только этих трех бронзовых дисков с гравировками. Представленные на них образы мифической птицы объединяет одна иконографическая особенность – три остроконечных зубца, венчающие ее голову. Для идентификации изображения мифической птицы данная черта, как представляется, имеет решающее значение, что будет показано в ходе дальнейшего изложения. Безусловно, этими тремя изображениями не ограничивается весь набор птицевидных образов на гравировках, но каждый из этих образов требует самостоятельного рассмотрения с учетом иконографических особенностей.

В.Н. Чернецов считает, что образ Карса в фольклоре обских угров возник не конвергентно, а в тесной связи с соответствующим циклом индоиранских мифов, и сопоставляет его с индийским Гарудой и иранским Сенмурвом. С Гарудой сходство проявляется в том, что Карс имеет человеческую голову и руки, а с Сенмурвом – роль помощника героя [25. С. 118].

Образ мифической птицы в индоиранской мифологии. Рассмотрим индийский и иранский образы мифических птиц более подробно. С индийской традицией связан образ гигантской птицы Гаруды, причем устойчивым мотивом является ее борьба со змеями [30. С. 95]. В фольклорной традиции обских угров отсутствует мотив борьбы Карсов с хтоническими противниками. Более того, гигантские птицы бессильны перед железной лягушкой, которая грызет крылья их птенцов.

Мотив связи мифической птицы с мировым деревом (мировой горой) характерен, прежде всего для иранской птицы Саэна/Сенмурва/Симурга. Самые ранние упоминания этой птицы встречаются в Авесте – в Яштах и Вендидаде, где имеется словосочетание *saēnō mərəγo* (например, Яшт 14, 41). А.Е. Бертельс отмечает, что это словосочетание можно приблизительно перевести, опираясь на словарь Х. Бартоломе, как «название какой-то большой хищной птицы, очевидно орла». В среднеперсидском это словосочетание получает форму *sēnmurv,* в новоперсидском – *Симург.* Авестийская форма *saēnō* сопоставляется у Х. Бартоломе с древнеиндийским *śyena-* «орел, сокол» [31. С. 123–124].

Наиболее характерной чертой иранской птицы Саэна/Сенмурва/Симурга является ее связь с целительством. Птица Саэна «Авесты» сидит на вершине «всеисцеляющего» дерева (Яшт 12, 17; Вендидад I, 19–20). Более подробная картина окружения птицы Саэна–Сенмурва содержится в среднеперсидском тексте «Менок и храт», датируемом концом VI в. н.э. [32. С. 11] или IX в. н.э. А.Е. Бертельс считает, что данное описание основано на не дошедших до нас более ранних текстах [31. С. 167]. Причем в среднеперсидском тексте присутствует не одно дерево, а два – Хом (Хаома Авесты), которое рыба Кара охраняет от жабы и прочих гадов, и «дерево всех семян, исцеляющее от зла», на котором сидит Сенмурв. К.В. Тревер считает, что на более ранней стадии существовали представления об едином священном дереве, однако в процессе развития мифа происходит расщепление космического образа. Хом отделился от священного дерева и стал выступать как самостоятельный элемент. Охранительные функции бдительной рыбы Кара в более ранний период были обращены не на Хом, а на изначальное священное дерево, против его врага – жабы или вообще гада [32. С. 12–13]. Следует отметить, что в этом тексте Сенмурв обитает «на дереве всех семян, исцеляющем от зла», вероятно, в первую очередь от болезней.

О Симурге говорится в поэме Фердоуси «Шахнамэ». Несмотря на то что многие мотивы древних преданий в этой поэме уже приобрели более реальную окраску, образ Симурга сохранил характерные черты мифической птицы древних ариев. Он обитает на высокой горе, недоступной ни для зверя, ни для человека. Эта огромная птица сравнивается с «крылатой горой». Симург считался вещей птицей, которой «открыто» будущее. Он знал человеческий язык [30. С. 97–98]. Симурге связан с судьбами богатырей Сама, Заля и Рустама. Симург упоминается прежде всего в связи с его чудесной способностью к исцелению. Целительные способности Симурга во многом связаны с чудодейственными свойствами его перьев. Если в лечебную смесь добавить истолченное перо Симурга, то сень его *фарра* сотворит чудо. Как отмечает А.Е. Бертельс, «Симург в “Шах-наме” – носитель *фарра,* счастья и божественной помощи, сияния над головой, духовного пламени (его перья, сгорая, спасают), изображенного на десятках миниатюр не в виде нимба христианских икон, а в виде устремленных ввысь языков огня…» [31. С. 239].

Обско-угорский Карс, Мир-сусне-хум и представления о *фарре.* В обско-угорском фольклоре связь птицы Карс с целительством практически не прослеживается, но к излечению болезней причастен

сам Эква-пырищ, которому она покровительствует, выступая в роли духа-помощника. Эква-пырищ, пройдя испытания, становится Мир-сусне-хумом – «наблюдающим за миром человеком», и выполняет роль посредника между людьми и богами. Он помогает излечению болезней и является подателем счастья, успеха и здоровья [33. С. 145; 34. С. 411–412]. Принося жертвы Мир-сусне-хуму, манси были уверены, что он обязан защищать человека от болезней. К нему обращались со следующим призывом: «Для того тебя произвел твой отец золотой Кворыс, чтобы ты защищал душу моей дочери, моего сына. Ночью умоляем тебя со слезами, днем умоляем тебя со слезами: защити нас от болезни. Если заболеет женщина, вылечи ее, если заболеет мужчина, вылечи его! Золотой князь, золотой человек, об этом тебя просим, об этом тебя умоляем» [35. С. 184].

В мансийском сказании сохранились следы представлений о чудодейственных свойствах перьев мифической птицы. После того, как Карс помог Эква-пырищу справиться с трудными поручениями и получить в жены дочь старика-богатыря, птица просит героя забрать у мамонта-старика три своих маховых пера: «…те мои (перья) если бы при мне были, таким сильным стал бы, эта священная земля при моем передвижении на другую сторону перевернулась бы!» [25. С. 133–134].

Изображения на бронзовых зеркалах раннего железного века интересны тем, что достаточно отчетливо передают те важные свойства мифической птицы, которые весьма смутно отразились в сказаниях о Карсе. Речь идет о трех остроконечных зубцах на голове птицы, которые, по-видимому, следует трактовать как изображение *фарра* – счастья и божественной помощи, сияния над головой, которое на иранских миниатюрах было представлено в виде устремленных ввысь языков огня и носителем которого выступала иранская птица Симург.

Вероятно, далеко не случайно, что птица, изображенная на бронзовых зеркалах, очень напоминает петуха (см. рис. 1, *а*). В Авесте второй элемент в названии мифической птицы Саэны – *mərəγa-,* взятый отдельно, значит «птица, особенно большая, петух, курица» [31. С. 124]. О почитании петуха, «птицы, коей имя Пародарш» (мĕрĕгō йō Парōдарш нãма) красочно повествуется в «Вендидаде» (XVIII, 15–16, 20–21, 26). К этому следует добавить, что зороастрийцы по принципу «благое–злое» разделяют все вещи и существа. В том числе к «благим» существам относятся собака и петух, которые созданы ради противодействия демонам и колдунам [36. С. 202]. У таджиков, в культуре которых присутствует значительный пласт иранских верований, с культом петуха связаны обряды лечения бесплодия искупительной жертвой (мурғ чоллаҳ кардан) [37. С. 58].

У обских угров образ петуха также присутствует в ритуале излечения от болезни. Согласно сведениям К.Ф. Карьялайнена, когда душа *is* покидала человека, он заболевал и даже мог умереть, если она не будет своевременно возвращена на место. В этом случае изготавливали литейную форму в виде петуха, куда заливали свинец. Если отливка удалась, душа возвращалась и человек выздоравливал [38. С. 37].

Кроме того, петух у обских угров был одной из наиболее предпочтительных жертв богам и духам, причем сами угры не занимались птицеводством. Так, этнограф В.Н. Майнов в статье, вышедшей в конце XIX в. и посвященной угорским народам, сообщает следующее: «Раза два в год пред особенно почитаемыми богами приносятся как бы общественные жертвоприношения, где убиваются олени, лошади, но чаще всего петухи. И лошади и петухи, считающиеся самою приятною для богов жертвою, покупаются у русских, так как сами остяки и вогулы не водят ни тех, ни других. Непривычный путешественник будет очень удивлен, когда в приобской русской деревне спросят с него рубль за курицу и два рубля за петуха; но в том-то и дело, что птицы эти разводятся со специальною целью быть проданными потом остякам; зачастую и местные священники не брезгают разводить сию выгодную для них статью» [39. С. 174].

Современные исследователи традиций обских угров также отмечают, что как у хантов, так и у манси петух считался лучшим приношением духу-покровителю семьи. Е.Г. Федорова сообщает о представлениях северных манси следующее: «Любимой жертвой домашних богов считался петух. По некоторым данным, он был вообще наиболее предпочтительной жертвой: громко поет, находится ближе всего к богу, рано просыпается и будит бога. “Петух – самая высокая жертва” <…> Есть сведения, что петух мог заменить семь голов жертвенного скота» [40. С. 131]. И.Н. Гемуев отмечает, что у манси при заклании петуха, которое совершалось непосредственно в «жилище духов», на чердаке дома, жертвенную птицу били в голову, т.е. поступали с ней так же, как в аналогичных случаях с лошадью или оленем. Кровью жертвы орошали стену, у которой размещались пубы. Если же действо происходило около амбара, то кровью кропили наружные углы стены, у которой обычно «сидели» изображения духов. Снятая с петуха шкура с головой подвешивалась к стропилу на чердаке. Вареное мясо жертвы устанавливали перед пубы, которые «насыщались» восходящим от пищи паром [35. С. 173–174].

Трудно сказать, когда именно у обских угров появились сведения о петухе и его сакрализация. Вероятно, изначально существовали лишь мифические представления о птице с тремя зубцами над головой, позже перенесенные на реальную птицу – петуха.

В текстах «Авесты» Хварно (среднеперсидское *Фарр*, *Фарн*) связан с образом Митры, а формой воплощения Хварно является огонь. В «Михр-яште» говорится (10. 127): «А спереди от Митры / Летит Огонь горящий / Который Хварно Кавьев» [41. С. 304]. Как отмечает В.Н. Топоров, Хварно здесь выступает спутником победы, являющимся в виде сияющего огня [42. С. 557].

Однако в авестийских текстах Фарн не появляется в образе петуха. В «Авесте», «Михр-яште», есть упоминание о божестве Сраоше, которое тесно связано с Митрой (10. 127): «И Сраоша, друг Аши, / Летит от Митры спра-

ва…» [41. С. 297]. Сраоша – посланец Ахура-Мазды, он передает божественное откровение, его священная птица – петух [43. С. 467]. В связи с этим представляет интерес замечание К.В. Тревер, что в число обычных спутников Митры, «без которых не обходится ни один из рельефов» в посвященных ему храмах, входит петух [44. С. 246]. По мнению Б.А. Литвинского, далеко не все формы воплощения Фарна нашли отражение в «Авесте», так как до нас дошло не более четверти текста «Авесты» [45. С. 56–57].

В плане сопоставления образов Мир-сусне-хума и Митры заслуживает внимания следующая деталь, на которую уже обращали внимание исследователи. Петух в среде обско-угорского населения был популярен в качестве жертвы Мир-сусне-хуму, хотя лучшей жертвой ему считался белый конь. По этому поводу И.Н. Гемуев замечает: «Петух при жертвоприношении соответствовал коню, поэтому выгода, надо сказать, была обоюдной. Конечно, социальная престижность жертвоприношения петуха и коня была неодинакова, но это не меняет сути дела» [35. С. 192]. Можно предполагать, что почитание обскими уграми петуха и связь этой птицы с Мир-сусне-хумом является иранской чертой. Поэтому нельзя отрицать и такого предположения, что на далекой периферии иранского мира, в среде обскоугорского населения, мифическая птица, как носитель Фарра, могла представляться в образе петуха.

О связи образа мифической птицы с мировым деревом и шаманской практикой. Обско-угорский фольклор интересен тем, что позволяет провести сравнение Саэны/Сенмурва/Симурга с обско-угорским Карсом. В обеих традициях мифическая птица связана с мировым деревом и маркирует Верхний мир. Дерево растет посреди озера или моря, которое кишит вредоносными существами, опасными как для птицы, так и для людей. Несомненный интерес представляет тот факт, что нижний слой мироздания маркируется, прежде всего, не змеями, как в случае с Гарудой, а вредоносной жабой (в авестийской традиции) и «Не Имеющей Сердца и Печени Железной Лягушкой» (в угорской традиции).

Вместе с тем в обско-угорской мифологии более определенно прослеживается связь птицы Карс с шаманским культом. Огромная лиственница, которая «сучьев не имеет, глазков (неровностей на коре) не имеет», растущая посреди горячего моря или озера, представляет собой мировое дерево, которое у народов Сибири выступает как место получения шаманами своей силы и приобщения к высшим божествам. Восхождение по мировому дереву обско-угорский Эква-Пырищ совершает чисто шаманским способом, поочередно надевая на себя шкурки горностая и носатой мыши, которые получает в ходе своего путешествия. Таким образом, взбираясь на дерево, он, по-существу, получает шаманское посвящение и обретает своего духа-помощника и учителя – Карса [25. С. 124–125]. В дальнейшем герой, выступая уже в образе Мир-сусне-хума, покровительствует шаманам. Он выслушивает просьбы камлающих в темных чумах шаманов [34. С. 411]. Более того, шаманский дар, по представлениям манси, человек получал непосредственно от Мир-сусне-хума [35. С. 192–193]. С шаманами Мир-сусне-хума сближает к тому же врачебная функция.

Иранский Симург также имеет отношение к шаманской практике. В «Шах-наме» рассказывается как Симург нашел в пустыне младенца Заля, обучил языку людей и тайнам чародейства, а затем принес его на себе обратно на землю [30. С. 97–98]. Для исцеления героев «волшебник» Заль призывает на помощь Симурга, сжигая перо этой птицы, т.е. действуя магическими (шаманскими) средствами.

По-видимому, связь мифической птицы с целительством следует рассматривать как отголосок древнего сюжета о похищении птицей с неба священного напитка, типа индийского сомы, иранского хаомы или амриты. Этот мотив достаточно устойчив как в индийской, так и в иранской традиции и восходит, вероятно, ко времени индоиранского единства. В ведийской «Ригведе» он связан с птицей *шьена (śyena)*, тогда как в иранской «Авесте» – с фантастической птицей Саэной [Там же. С. 94–95]. Комментаторы и современные исследователи «Ригведы» пишут о *шьене* как об орле или соколе [46. С. 739–740]. Но некоторые исследователи считают, что авторы ведийских гимнов имели в виду не реальную птицу, а мифическую [30. С. 95]. Иранская птица Саена/Сенмурв также имеет некоторое отношение к священному растению хаоме (иранский аналог сомы). Высказывается мнение, что, по крайней мере, часть скифов и сарматов почитала хаому. Возможно, от этого названия происходит русское слово «хмель» [47. С. 578]. Кроме того, священный напиток хаома использовался в обряде почитания Митры («Михр-Яшт», 10. 120) [41. С. 302].

В обско-угорском фольклоре связь мифической птицы Карс со священным напитком не прослеживается. Однако в образе Мир-сусне-хума, духом-помощником которого выступает эта птица, можно распознать следы культа священного напитка, на что уже обращали внимание некоторые исследователи [48. С. 46]. По сведениям Н.Л. Гондатти, у манси бытует представление о том, что «Мир-сусне-хум всегда имеет в правой руке бутылку водки <…> поэтому когда начинают пить, то, откупоривши бутылку, обязательно наливают стакан и ставят его временно на священную шкатулку; эту водку впоследствии выпивает хозяин жилья; иногда часть водки выплескивают и в огонь, как дар покровителям огня…» [34. С. 416]. Как отмечает И.Н. Гемуев, в качестве подарков-приношений Мир-сусне-хуму имелась стопка из посеребренной латуни [35. С. 76].

Таким образом, обско-угорская мифическая птица Карс обнаруживает наиболее значимые черты сходства именно с иранской мифической птицей Саэной / Сенмурвом / Симургом, а не с индийским Гарудой. Гравированные изображения мифической птицы на бронзовых зеркалах и бляхах раннего железного века интересны тем, что достаточно отчетливо передают ту важную характеристику ее образа, которая весьма смутно отразилась в сказаниях о Карсе. Речь идет о трех остроконечных зубцах на голове птицы, что, по-

видимому, следует трактовать как изображение *фарра* – счастья и божественной помощи, сияния над головой, которое на иранских миниатюрах было представлено в виде устремленных ввысь языков огня и носителем которого выступала иранская птица Симург. В иранской и обско-угорской фольклорных традициях прослеживается также связь мифической птицы с мировым деревом. Обе птицы имеют отношение к целительству, священному напитку, шаманскому культу, воспитанию и обучению будущего шамана. Однако в культуре обско-угорского населения эта связь в значительной степени опосредована образом Мир-суснехума.

Традиция изготовления гравированных изображений у обских угров не сохранилась и, вероятно, оборвалась достаточно давно. Однако привлекая угорский фольклор и данные из этнографии обских угров, можно, в какой-то степени, понять изображенные на гравировках фигуры, но еще сложнее расшифровать целые композиции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федорова Н.В. Рисунки на металле: графическое искусство населения севера Западной Сибири и Предуралья // Археология, этнография и антропология Евразии. 2014. № 1. С. 90–99.
2. Чемякин Ю.П. Гравировки на металлических изделиях эпохи раннего железа Западной Сибири // Обские Угры : материалы II Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск ; Омск, 1999. С. 264–265.
3. Приступа О.В., Стародумов Д.О., Яковлев Я.А. Окно в бесконечность. Бронзовые зеркала раннего железного века. Томск, 2002. 88 с.
4. Чиндина Л.А. Кулайская культура // Народы и культуры Томско-Нарымского Приобья : материалы к энциклопедии Томской области. Томск, 2001. С. 78–81.
5. Косарев М.Ф. Древние культуры Томско-Нарымского Приобья. М., 1974. 220 с.
6. Могильников В.А. Об этническом составе культур Западной Сибири в эпоху железа // Этнокультурные процессы в Западной Сибири. Томск, 1983. С. 77–89.
7. Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Кулайская культура. Томск, 1984. 256 с.
8. Чемякин Ю.П. К вопросу о миграциях населения кулайской культуры // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории : материалы XII Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции. Томск, 2001. С. 212–213.
9. Чемякин Ю.П. «Кулайцы» – обские угры или самодийцы? // Самодийцы : материалы IV Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск ; Омск, 2001. С. 81–85.
10. Чернецов В.Н. Бронза Усть-Полуйского времени // Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1953. № 35. С. 121–178.
11. Чернецов В.Н. Усть-Полуйское время в Приобье // Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1953. № 35. С. 221–241.
12. Косарев М.Ф. Из древней истории Западной Сибири: общая историко-культурная концепция. М., 1993. 283 с.
13. Чемякин Ю.П. Культовая металлопластика раннего железного венка Сургутского Приобья // Культуры и народы Северной и Центральной Азии в контексте междисциплинарного изучения. Томск, 2013. Вып. 3. С. 372–386.
14. Троицкая Т.Н., Новиков А.В. Скифо-сибирский мир. Новосибирск, 2007. 142 с.
15. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992. 494 с.
16. Матвеева Н.П. Социально-экономические структуры населения Западной Сибири в раннем железном веке. Новосибирск, 2000. 395 с.
17. Могильников В.А. Взаимоотношение кулайской и саргатской культур // Краткие сообщения института археологии. М., 1986. Вып. 186. С. 25–29.
18. Косарев М.Ф. Основы языческого миропонимания. М., 2003. 352 с.
19. Чернецов В.Н. Наскальные изображения Урала // Свод археологических источников. М., 1971. Вып. В 4–12. 120 с.
20. Могильников В.А. Елыкаевская коллекция Томского университета // Советская археология. 1968. № 1. С. 263–268.
21. Соловьев А.И. Военное дело коренного населения Западной Сибири: Эпоха Средневековья. Новосибирск, 1987. 193 с.
22. Плотников Ю.А. «Клады» Приобья как исторический источник // Военное дело древнего населения Северной Азии. Новосибирск, 1987. С. 120–135.
23. Ширин Ю.В. К истории «культовых мест» Западной Сибири // Археологические исследования в Среднем Приобье. Томск, 1993. С. 152–162.
24. Зыков А.П. Холмогорский «клад»: проблемы интерпретации // Самодийцы : материалы IV Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск ; Омск, 2001. С. 37–40.
25. Чернецов В.Н. К вопросу о проникновении восточного серебра в Приобье // Труды Института этнографии. Новая серия. М. ; Л., 1947. Т. 1. С. 113–134.
26. Балакин Ю.В. Урало-сибирское культовое литье в мифе и ритуале. Новосибирск, 1998. 288 с.
27. Патканов С.К. Иртышские остяки и их народная поэзия // Патканов С.К. Сочинения : в 2 т. Тюмень, 1999. Т. 1. С. 25–381.
28. Викторова В.Д. Почему на птицевидных изображениях появились личины // Уральский исторический вестник. Екатеринбург, 2002. № 8. С. 74–92.
29. Федорова Н.В. «Филин с человеческим лицом», или Забытый сюжет в культуре обских угров // Обские Угры : материалы II Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск ; Омск, 1999. С. 202–204.
30. Бонгард-Левин Г.М., Грантовский Э.А. Древние арии: мифы и история. От Скифии до Индии. СПб., 2014. 224 с.
31. Бертельс А.Е. Художественный образ в искусстве Ирана IX–XV веков (Слово, изображение). М., 1997. 422 с.
32. Тревер К.В. Сэнмурв-Паскудж, собака-птица. Л., 1937. 74 с.
33. Карьялайнен К.Ф. Религия угорских народов. Томск, 1995. Т. 2. 284 с.
34. Гондатти Н.Л. Следы язычества у инородцев Северо-Западной Сибири // Выдающиеся губернаторы Тобольские и Сибирские. Тюмень, 2000. С. 404–443.
35. Гемуев И.Н. Мировоззрение манси: Дом и Космос. Новосибирск, 1990. 232 с.
36. Крюкова В.Ю. Зороастризм. СПб., 2005. 288 с.
37. Брагинский И.С. Из истории таджикской народной поэзии. М., 1956. 496 с.
38. Карьялайнен К.Ф. Религия угорских народов. Томск, 1994. Т. 1. 152 с.
39. Майнов В.Н. Угорские народы // Исторический вестник. СПб., 1884. Т. XVI. С. 168–182.
40. Федорова Е.Г. Жертвоприношения у северных манси: о роли жреца, шамана, «знающего» // Жертвоприношение в архаике: атрибуция, назначение, цель. СПб., 2012. С. 129–142.
41. Михр-Яшт // Авеста в русских переводах (1861–1996). СПб., 1998. С. 269–321.
42. Топоров В.Н. Фарн // Мифы народов мира. М., 1997. Т. 2. С. 557–558.
43. Лелеков Л.А. Сраоша // Мифы народов мира. М., 1997. Т. 2. С. 467.

44. Тревер К.В. Отражение в искусстве дуалистической концепции зороастризма // Государственный Эрмитаж. Труды отдела истории культуры и искусства Востока. Л., 1939. Т. 1. С. 243–254.
45. Литвинский Б.А. Кангюйско-сарматский фарн (к историко-культурным связям племен южной России и Средней Азии). Душанбе, 1968. 120 с.
46. Ригведа. Мандала IV // Ригведа. Мандалы I–IV. М., 1999. 768 с.
47. Топоров В.Н. Хаома // Мифы народов мира. М., 1997. Т. 2. С. 578–579.
48. Яшин В.Б. Еще раз об митраических истоках культа Мир-сусне-хума у обских угров // Народы Сибири: история и культура. Новосибирск, 1997. С. 44–52.

Статья представлена научной редакцией «История» 7 мая 2015 г.

THE IMAGE OF THE MYTHICAL BIRD ON THE ENGRAVINGS OF THE EARLY IRON AGE: THE EXPERIENCE OF COMPARISON OF OB-UGRIC AND IRANIAN TRADITIONS

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 406, 141–151.
DOI: 10.17223/15617793/406/23
Sotnikova Svetlana V. Tyumen State University (Tyumen, Russian Federation). E-mail: svetlanasotnik@mail.ru
Keywords: Western Siberia; Early Iron Age; Ob-Ugric mythology; Iranian mythology; image of mythical bird.

The image of the mythical bird is presented in the form of engravings on disk-shaped bronze plaques and mirrors of the Early Iron Age. They originate from the so-called “hoards”, known in the territory of the taiga zone of Western Siberia. The appearance of the engravings belongs to the time around the 2nd century BC. These things functioned among the population of the Kulay culture. Kulay population did not use mirrors, which were subjects of import, according to their main function. On the surface of mirrors depictions of mythoritual character were engraved, and they were used as objects of cult practices. In Ob-Ugric mythology, there is an extremely interesting image of a giant predatory bird called Kars. V.N. Chernetsov believes that metal mirrors, one of which comes from Istyatsky “hoard” and the other from the collection of the Museum of Khanty-Mansiysk, had the image of this mythical bird. The researcher addressed the question of the semantics of the image of the mythical bird on the engravings. He made analogies with the Iranian bird Simurg and the Indian Garuda. In this article, the author pays attention to the comparison of the image of the mythical bird in Ob-Ugric and Iranian traditions. The presence of Iranian traits and their sustainable conservation in the culture of the Ob-Ugric peoples have been repeatedly pointed out by many researchers. The Ob-Ugric mythical bird Kars detects the most significant similarities with the Iranian mythical bird Saena/Senmurv/Simurg, but not with the Indian Garuda. The engraved image of the mythical bird on bronze mirrors and plaques of the Early Iron Age is interesting because it quite clearly conveys the important properties of the mythical bird which are very dimly reflected in the legends about Kars.Three pointed prongs on the head of the bird, apparently, should be interpreted as a picture of Farrah – happiness and divine help, the effulgence over the head which in Iranian miniatures was presented in the form of tongues of fire. Farr was connected with the Iranian bird Simurg. It is probably no coincidence that the mythical bird depicted on the bronze mirrors is very reminiscent of a rooster. Iranian and Ob-Ugric traditions quite clearly show the worship of this bird. In both traditions there is a link of the mythical bird with the world tree, where the bird marks the Upper world, while the Lower world is represented by the malicious toad or frog. Both birds are related to healing, sacred drink, shaman cult, upbringing and training of a future shaman. However, in the culture of the Ob-Ugric population, this relationship is largely mediated by the image of Mir-Susne-Hum.

REFERENCES

1. Fedorova, N.V. (2014) Images on Metal Ware: The Graphic Art of Northwestern Siberia and the Cis-Urals. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii – Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia.* 42(1). pp. 90–99. (In Russian).
2. Chemyakin, Yu.P. (1999) [Engravings on metal products of the Early Iron Age in Western Siberia]. *Obskie Ugry* [Ob Ugric people]. Proc. of II Siberian symposium “Cultural heritage of the peoples of Western Siberia”. Tobolsk; Omsk. pp. 264–265. (In Russian).
3. Pristupa, O.V., Starodumov, D.O. & Yakovlev, Ya.A. (2002) *Okno v beskonechnost’. Bronzovye zerkala rannego zheleznogo veka* [Window to infinity. Bronze mirrors of the Early Iron Age]. Tomsk: GalaPress.
4. Chindina, L.A. (2001) Kulayskaya kul’tura [The Kulay Culture]. In: Chernyak, E.I. (ed.) *Narody i kul’tury Tomsko-Narymskogo Priob’ya: materialy k entsiklopedii Tomskoy oblasti* [Peoples and Cultures the Tomsk-Narym Ob: materials for the Encyclopedia of Tomsk Oblast]. Tomsk: Tomsk State University.
5. Kosarev, M.F. (1974) *Drevnie kul’tury Tomsko-Narymskogo Priob’ya* [Ancient cultures of the Tomsk-Narym Ob]. Moscow: Nauka.
6. Mogil’nikov, V.A. (1983) Ob etnicheskom sostave kul’tur Zapadnoy Sibiri v epokhu zheleza [Ethnic composition of cultures in Western Siberia in the Iron Age]. In: Matyushchenko, V.N. (ed.) *Etnokul’turnye protsessy v Zapadnoy Sibiri* [Ethno-cultural processes in Western Siberia]. Tomsk: Tomsk State University.
7. Chindina, L.A. (1984) *Drevnyaya istoriya Srednego Priob’ya v epokhu zheleza. Kulayskaya kul’tura* [The ancient history of the Middle Ob in the Iron Age. The Kulay culture]. Tomsk: Tomsk State University.
8. Chemyakin, Yu.P. (2001) [On the migration of the Kulay Culture population]. *Prostranstvo kul’tury v arkheologo-etnograficheskom izmerenii. Zapadnaya Sibir’ i sopredel’nye territorii* [Culture Space in archaeological and ethnographic dimension. Western Siberia and adjacent territories]. Proc. of the XII West Siberian archaeological and ethnographic conference. Tomsk. pp. 212–213. (In Russian).
9. Chemyakin, Yu.P. (2001) [“Kulay people” – Ob Ugrians or Samoyeds?]. *Samodiytsy* [Samoyeds]. Proc. of the IV Siberian symposium “Cultural heritage of the peoples of Western Siberia”. Tobolsk; Omsk. pp. 81–85. (In Russian).
10. Chernetsov, V.N. (1953) Bronza Ust’-Poluyskogo vremeni [Bronze of the Ust-Poluy time]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR.* 35. pp. 121–178.
11. Chernetsov, V.N. (1953) Ust’-Poluyskoe vremya v Priob’e [Ust-Poluy time in the Ob area]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR.* 35. pp. 221–241.
12. Kosarev, M.F. (1993) *Iz drevney istorii Zapadnoy Sibiri: obshchaya istoriko-kul’turnaya kontseptsiya* [From the ancient history of Western Siberia: the general historical and cultural concept]. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology RAS.
13. Chemyakin, Yu.P. (2013) Kul’tovaya metalloplastika rannego zheleznogo venka Surgutskogo Priob’ya [Cult metal plastic of the Early Iron Age wreath from the Surgut Ob]. In: *Kul’tury i narody Severnoy i Tsentral’noy Azii v kontekste mezhdistsiplinarnogo izucheniya* [Cultures and peoples of North and Central Asia in the context of interdisciplinary studies]. Is. 3. Tomsk: Tomsk State University.
14. Troitskaya, T.N. & Novikov, A.V. (2007) *Skifo-sibirskiy mir* [The Scythian-Siberian world]. Novosibirsk: Geo.

15. Institute of Archaeology RAS. (1992) *Stepnaya polosa Aziatskoy chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremya* [The steppe zone of the Asian part of the USSR in the Scythian-Sarmatian time]. Moscow: Nauka.
16. Matveeva, N.P. (2000) *Sotsial'no-ekonomicheskie struktury naseleniya Zapadnoy Sibiri v rannem zheleznom veke* [Socio-economic structure of the population of Western Siberia in the Early Iron Age]. Novosibirsk: Nauka.
17. Mogil'nikov, V.A. (1986) Vzaimootnoshenie kulayskoy i sargatskoy kul'tur [The relationship of the Kulay and Sargatka cultures]. *Kratkie soobshcheniya instituta arkheologii*. 186. pp. 25–29.
18. Kosarev, M.F. (2003) *Osnovy yazycheskogo miroponimaniya* [Fundamentals of pagan worldview]. Moscow: Ladoga-100.
19. Chernetsov, V.N. (1971) Naskal'nye izobrazheniya Urala [Rock carvings in the Urals]. In: *Svod arkheologicheskikh istochnikov* [Code of archaeological sources]. Vol. V 4–12. Moscow: Nauka.
20. Mogil'nikov, V.A. (1968) Elykaevskaya kollektsiya Tomskogo universiteta [Elykaevo collection of Tomsk University]. *Sovetskaya arkheologiya*. 1. pp. 263–268.
21. Solov'ev, A.I. (1987) *Voennoe delo korennogo naseleniya Zapadnoy Sibiri: Epokha Srednevekov'ya* [Military Science of the indigenous population of Western Siberia: the Middle Ages]. Novosibirsk: Nauka.
22. Plotnikov, Yu.A. (1987) "Klady" Priob'ya kak istoricheskiy istochnik ["Treasures" of the Ob area as a historical source]. In: Medvedev, V.E. & Khudyakov, Yu.S. (eds) *Voennoe delo drevnego naseleniya Severnoy Azii* [Military Science of the ancient population of North Asia]. Novosibirsk: Nauka.
23. Shirin, Yu.V. (1993) K istorii "kul'tovykh mest" Zapadnoy Sibiri [On the history of "places of worship" of Western Siberia]. In: Chindina, L.A. (ed.) *Arkheologicheskie issledovaniya v Srednem Priob'e* [Archaeological research in the Middle Ob]. Tomsk: Tomsk State University.
24. Zykov, A.P. (2001) [The Kholmogory "treasure": problems of interpretation]. *Samodiytsy* [Samoyeds]. Proc. of the IV Siberian symposium "Cultural heritage of the peoples of Western Siberia". Tobolsk; Omsk. pp. 37–40. (In Russian).
25. Chernetsov, V.N. (1947) K voprosu o proniknovenii vostochnogo serebra v Priob'e [On the penetration of the eastern silver in the Ob area]. *Trudy Instituta etnografii. Novaya seriya*. 1. pp. 113–134.
26. Balakin, Yu.V. (1998) *Uralo-sibirskoe kul'tovoe lit'e v mife i rituale* [Ural-Siberian cult casting in myth and ritual]. Novosibirsk: Nauka.
27. Patkanov, S.K. (1999) Irtyshskie ostyaki i ikh narodnaya poeziya [Irtysh Ostiaks and folk poetry]. In: Parkhimovich, S.G. (ed.) *Sochineniya: v 2 t.* [Works: in 2 vols]. Vol. 1. Tyumen: Izd-vo Yu. Mandriki.
28. Viktorova, V.D. (2002) Pochemu na ptitsevidnykh izobrazheniyakh poyavilis' lichiny [Why faces appeared on bird-shaped images]. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik*. 8. pp. 74–92.
29. Fedorova, N.V. (1999) ["An owl with a human face", or a forgotten story in the culture of the Ob Ugrians]. *Obskie Ugry* [Ob Ugric people]. Proc. of II Siberian symposium "Cultural heritage of the peoples of Western Siberia". Tobolsk; Omsk. pp. 202–204. (In Russian).
30. Bongard-Levin, G.M. & Grantovskiy, E.A. (2014) *Drevnie arii: mify i istoriya. Ot Skifii do Indii* [The ancient Aryans: myths and history. From Scythia to India]. St. Petersburg: Aleteyya.
31. Bertel's, A.E. (1997) *Khudozhestvennyy obraz v iskusstve Irana IX–XV vekov (Slovo, izobrazhenie)* [The artistic image in the art of Iran of the 9th–15th centuries (word, image)]. Moscow: Vostochnaya literatura RAN.
32. Trever, K.V. (1937) *Senmurv-Paskudzh, sobaka-ptitsa* [Senmurv Paskudzh, a dog-bird]. Leningrad: Gosudarstvennyy Ermitazh.
33. Karjalainen, K.F. (1995) *Religiya ugorskikh narodov* [Religion of Ugric peoples]. Translated from German by N.V. Lukina. Vol. 2. Tomsk: Tomsk State University.
34. Gondatti, N.L. (2000) Sledy yazychestva u inorodtsev Severo-Zapadnoy Sibiri [Traces of paganism among foreigners of North-Western Siberia]. In: Parkhimovich, S. & Turov, S. (eds) *Vydayushchiesya gubernatory Tobol'skie i Sibirskie* [Outstanding governors of Tobolsk and Siberia]. Tyumen: Yu. Mandriki.
35. Gemuev, I.N. (1990) *Mirovozzrenie mansi: Dom i Kosmos* [Worldview of Mansi: Home and Space]. Novosibirsk: Nauka.
36. Kryukova, V.Yu. (2005) *Zoroastrizm* [Zoroastrianism]. St. Petersburg: Azbuka.
37. Braginskiy, I.S. (1956) *Iz istorii tadzhikskoy narodnoy poezii* [From the history of the Tajik folk poetry]. Moscow: USSR AS.
38. Karjalainen, K.F. (1994) *Religiya ugorskikh narodov* [Religion of Ugric peoples]. Translated from German by N.V. Lukina. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University.
39. Maynov, V.N. (1884) Ugorskie narody [Ugric peoples]. *Istoricheskiy vestnik*. XVI. pp. 168–182.
40. Fedorova, E.G. (2012) Zhertvoprinosheniya u severnykh mansi: o roli zhretsa, shamana, "znayushchego" [Sacrifice of the northern Mansi: the role of the priest, shaman, "the one who knows"]. In: Al'bedil', M.E. & Savinov, D.G. (eds) *Zhertvoprinoshenie v arkhaike: atributsiya, naznachenie, tsel'* [Sacrifice in the Archaic time: attribution, purpose, goal]. St. Petersburg: MAE RAN.
41. Rak, I.V. (ed.) (1997) *Mihr-Yasht. Avesta v russkikh perevodakh (1861–1996)* [Mihr-Yasht. Avesta in Russian translation (1861–1996)]. St. Petersburg: Zhurnal "Neva" – RKhGI.
42. Toporov, V.N. (1997) Farn [Khvarenah]. In: Tokarev, S. (ed.) *Mify narodov mira* [Myths of nations of the world]. Vol. 2. Moscow: Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya, Olimp.
43. Lelekov, L.A. (1997) Sraosha [Sraosha]. In: Tokarev, S. (ed.) *Mify narodov mira* [Myths of nations of the world]. Vol. 2. Moscow: Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya, Olimp.
44. Trever, K.V. (1939) Otrazhenie v iskusstve dualisticheskoy kontseptsii zoroastrizma [Reflection in art of the dualistic conception of Zoroastrianism]. *Gosudarstvennyy Ermitazh. Trudy otdela istorii kul'tury i iskusstva Vostoka*. 1. pp. 243–254.
45. Litvinskiy, B.A. (1968) *Kangyuysko-sarmatskiy farn (k istoriko-kul'turnym svyazyam plemen yuzhnoy Rossii i Sredney Azii)* [Kangui-Sarmatian Khvarenah (to the historical and cultural ties of tribes of southern Russia and Central Asia)]. Dushanbe: Donish.
46. Grintser, P.A. (ed.) (1999) Rigveda. Mandala IV [Rig Veda. Mandala IV]. In: *Rigveda. Mandaly I–IV* [Rig Veda. Mandala I–IV]. Moscow: Nauka.
47. Toporov, V.N. (1997) Khaoma [Haoma]. In: Tokarev, S. (ed.) *Mify narodov mira* [Myths of nations of the world]. Vol. 2. Moscow: Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya, Olimp.
48. Yashin, V.B. (1997) Eshche raz ob mitraicheskikh istokakh kul'ta Mir-susne-khuma u obskikh ugrov [Once more about the Mithraic roots of the Mir susne-hum cult of the Ob Ugrians]. In: *Narody Sibiri: istoriya i kul'tura. K 75-letiyu vydayushchegosya etnografa professora G.I. Pelikh* [The peoples of Siberia: history and culture. On the 75th anniversary of the famous ethnographer Professor G.I. Pelikh]. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography, SB RAS.

Received: 07 May 2015

Вестник Томского государственного университета. 2016. № 406. С. 152–157. DOI: 10.17223/15617793/406/24

УДК 394.014/159.954

В.И. Терентьев

ОБРАЗЫ КИТАЯ И КИТАЙЦЕВ В НАЦИОНАЛЬНОМ САМОСОЗНАНИИ МОНГОЛОВ

Анализируются образы Китая и китайцев, используемые как средства консолидации монголов в гражданскую нацию. Рассматриваются исторические корни стабильно негативных чувств и страхов, испытываемых монголами по отношению к южному соседу. Большинство причин системных проблем монгольской экономики и социальной сферы связывается в обыденном представлении с подрывной деятельностью китайцев. Демонстрируются примеры китайских интервенций в культурное наследие монголов и типичные китайские фобии монголов. Анализируется положительный образ Китая, транслируемый через институты «мягкой силы». Показывается, как желание Монголии выйти из-под влияния России и Китая вылилось в концепцию «третьего соседа».

Ключевые слова: Монголия; Китай; монголы; синофобия; самосознание; нация; образ Другого.

Монголия на всём протяжении новейшей истории находится под влиянием двух своих соседей – России и Китая. В условиях соцлагеря КНР виделась как угроза безопасности и независимости МНР. Суть такого понимания не только обусловлена исторически, но и лежит в традиционной ориентации монголов по сторонам света, согласно которой впереди находится юг, а север – позади. Таким путём «старший брат» (СССР) надёжно защищал тылы, фронтально же монголы были обращены в сторону идеологического противника – сначала гоминьдановского Китая, а затем маоистской КНР. Внешнеполитические амбиции соседей страны степей уготовили ей роль буфера, которую она играла на протяжении большей части XX в., хотя известный китаевед, профессор Ю.М. Галенович считает, что термин «буфер» не может быть применим в данной ситуации, поскольку Монголия проводила самостоятельную и не зависимую от России политику. Скорее, наша страна выступала в этой роли, защищая МНР «от наскоков японцев да и определённых сил в Китае» [1. С. 298]. Современная Монголия пытается избавиться от «комплекса буфера», но географические реалии не благоприятствуют этому.

Пограничной китайской провинцией для МНР стал Автономный район Внутренняя Монголия (АВРМ), а её население – внутренние монголы, бывшие соплеменники внешних – стали ближайшими соседями последних. Целенаправленная политика правительств МНР и КНР на социокультурное разделение двух групп монголов разрушила у населения обеих сторон чувство гомогенности и родственности, прежде подпитывавшее панмонголистские настроения. Так, в глазах монголов МНР внутренние монголы стали китайцами, что было унаследовано современными постсоциалистическими потомками первых.

Образы КНР, Российской Федерации и населения данных стран занимают своё место в национальном самосознании монголов. На рубеже XX–XXI вв. руководством Монголии начали выстраиваться активные внешнеполитические отношения с «третьим соседом». Под этим словосочетанием обычно понимается совокупность государств Западной Европы, Северной Америки, Южная Корея и Япония. Причём «США являются важнейшим “третьим соседом” Монголии», – как недавно выразился Б. Алтангэрэл, чрезвычайный и полномочный посол Монголии в этой стране [2. С. 2].

С начала 1990-х гг. образ нового игрока и демократические ценности в специфической западной интерпретации также становятся частью национального самосознания монголов, особенно молодёжи, либерально настроенной общественности и политической элиты. Стабильно положительные эмоции по отношению к СССР-России испытывают представители социалистического поколения. Так мы называем монголов, получивших образование в СССР, владеющих русским языком и разочаровавшихся в «монгольской демократии». Это последняя неофициальная нить, связывающая наши страны. Но сегодня в Монголии – стране с высокой долей рождаемости и значительным процентом молодёжи в структуре населения – выросло целое поколение, не имеющее никакого представления о СССР и крайне слабое – о роли Советского Союза в истории их страны.

Политика «третьего соседа» считается попыткой выйти из-под влияния Китая и России, но с началом проведения в Монголии демократических преобразований, в русле которых осуществлялся обозначенный курс внешней политики, не все граждане были за такую расстановку приоритетов. Вероятнее всего, главная причина этого заключается в культуртрегерской деятельности «социалистического поколения», исторической памяти о благополучном социалистическом прошлом (по сравнению с настоящим переходного периода) и активизации националистических и ксенофобских настроений. На заре новой Монголии националисты обвиняли правительство в том, что отдельные его члены являются не монголами, а предателями из-за их прозападных настроений. Более радикально настроенные критиковали ряд законов страны как базирующиеся на западноевропейских и американских моделях. В противовес этому предлагалось брать за основу законотворчества идеальное кочевое наследие Монголии. Продолжающаяся зависимость Монголии от иностранной финансовой помощи напоминает некоторым исследователям советские дотации периода социализма, что также даёт почву для рассуждений о новом колониальном положении страны [3. P. 360].

Исторические предпосылки. Широко распространённое среди населения Монголии восприятие Китая и китайцев как «чужого» (или как врага) имеет свои исторические корни. Китайцы всегда воспринимали кочевников как иных – варваров. Следователь-

но, и у последних не было никаких оснований питать тёплые чувства к цивилизованным ханьцам.

Военное противостояние между кочевым и оседлым миром продолжалось вплоть до окончательного присоединения монголов к империи Цин, которое произошло после уничтожения Джунгарского ханства в середине XVIII в. С этого времени монголы стали частью маньчжурского государства. Расселение ханьцев на территории современной Монголии было ограничено. Право сезонно проживать «за стеной» имели торговцы, которые своим поведением формировали портрет китайца в глазах монголов. Одни из самых ранних источников, фиксирующих факт ксенофобии монголов по отношению к китайским торговцам, датируются серединой XIX в. [4. P. 38], но, очевидно, это было свойственно и более раннему времени. Примером видения в китайцах причины массового заражения монголов венерическими заболеваниями служит этимология слова «сифилис», в одном из вариантов переводимого как *хятад яр* (досл. «китайская язва»). Здесь есть и реальные основания, и элемент представления китайцев врагами.

Колонизация цинской властью Внешней Монголии через увеличение численности войск, расширение торговых сетей и переселение китайцев усилилась в начале XX в., что в результате привело к освободительному движению монголов и провозглашению автономии страны в 1911 г. Негативное отношение к китайским торговцам как сплачивающий всех монголов фактор постепенно стал условно-традиционным механизмом сохранения идентичности и прошёл сквозь века вплоть до наших дней.

Образ Китая как фактор национальной консолидации монголов. Ничто так не сплачивает нацию, как наличие внешней угрозы или общего врага. В 1990-е гг. агрессивная риторика национальных идеологов Монголии была направлена в сторону СССР. Именно он считался главным виновником утраты монголами своей культурной самобытности. Некоторые авторы винили Советский Союз в массовом переводе монголов на оседлость, что лишало их традиционных корней. В то же время среди модернистов в 1990-х – начале 2000-х гг. выделялись мнения полагавших, что нужно идти в ногу со временем и со всем миром, отказавшись от архаического кочевого образа жизни и, вероятно, мышления.

Китайская угроза – стабильный страх современных монголов. Это обстоятельство, по мнению французского антополога Ф. Бийе, умело использовалось советскими идеологами и было постоянной темой в эпоху социализма, оправдывая введение советских войск в МНР в конце 1960-х гг. [5. P. 187–203] Ф. Бийе в книге «Синофобия: тревога, насилие и формирование монгольской идентичности» рассуждает о советских корнях феномена нелюбви и боязни китайцев и Китая. По мнению автора, синофобия сформировалась в 1960–1990 гг. в условиях политики интернационализации. Так Монголия хотела уйти от своей азиатскости. Данная точка зрения крайне спорная, но исследователь в своих выводах основывается на многочисленных интервью и широком круге источников. Улан-Удэнский политолог В.А. Родионов, проанализировав монгольские СМИ, отмечает наличие «стабильно негативного образа Китая и китайцев в Монголии», а Россия – правопреемник СССР (последний являлся «гарантом независимости МНР») – видится как «противовес китайскому вызову» [6. С. 89–96].

Согласно концепции монгольского дипломата Б. Баясгалана, спланированная политика КНР и России заключается в том, чтобы держать Монголию на определённом экономическом уровне, не давая развиваться самостоятельно [7]. В своей монографии он констатирует, что социалистическая зависимость сменилась китайской. Это проявляется во всех сферах монгольской экономики. Наряду с критикой российской «эксплуатационной» политики в Монголии автор пишет: «На деле большинство монголов по достоинству оценивают и уважают Россию, считая, что она сыграла решающую роль в завоевании и достижении международного признания независимости Монголии, в подъёме культуры, оздоровлении, просвещении, развитии промышленности и градостроительства для народа, которому помогла избавиться от средневековой отсталости… Россия является …крупнейшей гарантией независимости Монголии» [Там же. С. 16]. Такое мнение свойственно образованным, сведущим в истории людям, обычно взрослого поколения.

Сегодня бедность, имеющая издержки система здравоохранения, коррупция, как правило, ассоциируются с Китаем, причины всего негативного видятся в его влиянии, но, очевидно, не всё население именно таким представляет себе южного соседа [5. P. 188–190]. Для некоторых монголов Китай выступает как пространство, открытое для реализации возможностей и идей, которые трудно осуществить внутри своей родины [8. P. 8], особенно это актуально для монголов, имеющих опыт продолжительного проживания в современных развитых китайских городах [9. P. 54].

Китай является ключевым источником розничных товаров на монгольском рынке. Кроме «профессионалов», множество семей различного социального статуса занимается по совместительству челночной торговлей, имеющей значительный вес в их бюджете. Поскольку само слово «Китай» (монг. *Хятад*) несёт в себе негативные коннотации, вместо «Товары из Китая» на многочисленных магазинах Улан-Батора размещают вывеску «Пекинские товары» (монг. *Бээжин бараа*). Стоит отметить, что ситуация повсеместной торговли стала характерной чертой современного монгольского общества. Помимо одиночных бродячих продавцов, разнообразия мелких уличных лавок в столице нам не раз приходилось сталкиваться с навязчивым желанием что-либо реализовать в не связанных с коммерцией местах. К примеру, в Союзе художников Монголии во время моей работы с информантом одна из деятелей искусств предложила приобрести немецкую шубу. На кафедре негосударственного Монгольского национального университета мы не раз сталкивались с рыночной атмосферой, когда преподаватели покупали одежду, косметику и т.п., у кочующими по кабинетам продавцами.

Считается, что основную тяжесть синофобии несут монгольские женщины. Некоторые монголки выстраивают более позитивные отношения с китайцами, чем со своими соотечественниками, и образуют семьи [8]. При небольшом населении Монголии в 3 млн человек гражданами страны это переживается особенно остро. Известны распространённые до последнего времени случаи нападения ксенофобов-националистов на женщин, замеченных в компании китайцев. Как реально обстоят дела в монголо-китайских семьях, считаются ли китайские мужья трудолюбивее монгольских – сказать трудно, поскольку в монгольских СМИ рисуют картину подобных браков далеко не яркими красками и крайне субъективно [7. С. 85].

Китайские интервенции в культурное наследие монголов. По мнению монгольских авторов, китайцы хотят подчинить себе Монголию также через формы культуры и искусства, пытаясь зарегистрировать в ЮНЕСКО как свои такие оригинальные предметы материальной и духовной культуры монголов, как горловое пение, протяжные песни и смычковый музыкальный инструмент *морин хуур* [10].

Известно «культурное противостояние» между двумя странами и обществами в отношении этнической идентификации великих монгольских ханов Чингисхана и Хубилая. Интерпретация Чингисхана как китайского национального героя встречает у монголов ожесточённый отпор [7. С. 99, 100–101]. Международный аэропорт Улан-Батора был в срочном порядке переименован в честь Чингисхана, когда монгольское руководство выяснило, что имя великого хана хотят дать одному из аэропортов в КНР.

В январе 2015 г., узнав, что правительство КНР планирует грандиозно отмечать 800-летие Хубилая, монгольская научная общественность во главе с президентом АН Монголии Б. Энхтувшином направила письмо президенту страны Ц. Элбэгдоржу «Об обосновании празднования 800-летнего юбилея со дня рождения великого монгольского правителя Хубилай-хана» [11]. По состоянию на конец года широкое празднование этого события в Монголии так и не состоялось из-за отсутствия финансовых средств, если не считать проведение концерта на главной площади страны – площади имени Чингисхана и научной конференции в столице. Официальных мероприятий в КНР по этому поводу также не состоялось. Стоит полагать, что боязнь «приватизации» имени Хубилая китайцами есть ещё одно проявление монгольской синофобии.

Тогда же, в январе 2015 г., СМИ ярко освещали «сенсационное открытие» на территории современной Монголии северного ответвления Великой китайской стены, сделанное британским исследователем У. Линдсеем. Монгольский археолог А. Энхтур высказался категорически против подобной интерпретации находки, полагая, что британский учёный за часть стены принял знаменитый «вал Чингисхана» [12]. Подобные китайские интервенции в пространство культурного наследия Монголии встречают противодействия, словно это действительно нападки на «тело монгольской нации». Уже цитированные Ф. Бийе и Б. Баясгалан приводят в своих работах множество примеров повседневной синофобии. В обвинениях Китая во всех мыслимых и немыслимых неурядицах Монголии мы сталкиваемся с ситуацией, именуемой в социальной психологии «социальной казуальной атрибуцией» – «объяснением собственных бед внешними причинами» [13. С. 219].

Истерия, подобная синофобской, всколыхнула монголоязычный сегмент Интернета и СМИ после вступления 14 октября 2014 г. в силу Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Монголии об условиях взаимных поездок граждан двух стран, вводящее безвизовый 30-дневный период. Многие авторы полагали, что в результате этого акта в Монголию нахлынет множество русских, большинство из которых приедет с криминальными целями. Это говорит об особенностях собирательного портрета россиянина в Монголии.

Тем не менее в результате неблагоприятных экономических реформ 1990-х гг. и пресыщения «демократическими преобразованиями» в монгольском обществе появились устойчиво положительные образы-воспоминания о социалистических временах, «более стабильных и благополучных». По результатам массовых опросов монгольского фонда изучения общественного мнения «Сант Марал», Россия положительно воспринимается населением и ставится на первое место в перечне желаемых иностранных партнёров Монголии [14. С. 130–131]. При ответе на вопрос, «с какими странами нужно поддерживать дружеские отношения и развивать экономическое сотрудничество» свыше 80% наших западномонгольских респондентов выбрали северного соседа. За первый год безвизового режима Россию посетило 500 тыс. монголов, в основном, с торговыми целями.

Образы «двух Китаев». Среди населения столицы крайне популярны китайские места общественного питания. Одновременно с этим «монголы жалуются на засилье китайских и корейских ресторанов в Улан-Баторе», что говорит о некотором нелогичном восприятии реальности [9. P. 47]. Несмотря на всю нелюбовь, многие монгольские студенты едут учиться в КНР по причине предоставления бесплатного качественного образования. Молодёжь считает, что, зная язык, работать в Китае перспективно из-за возможности найти высокооплачиваемую должность. Согласно распространённому мнению китайцы думают, что через 20 лет в Монголии им понадобятся знающие китайский язык. Как высказался в беседе один из наших знакомых, «где-то 10 лет назад это было горячей темой, а сейчас китайцы работают дерзко, монголы уже всё поняли. Монголия – это такая территория, где живёт 3 млн – население одной деревни».

Сейчас в КНР ежегодно по государственным квотам отправляются на обучение 1 000 студентов, 500 военнослужащих и 250 работников СМИ, а также 1 000 граждан для повышения квалификации. В Монголии опасаются, что в КНР у этих людей могут сформировать мнение, «что внешние монголы и китайцы – одного происхождения... подавляя нацио-

нальное самосознание» [7. С. 71–72]. Угроза китайского доминирования видна и в горнодобывающей деятельности Монголии. В среде синофобски настроенных монголов бытует мнение, что китайцы производят незаконную добычу полезных ископаемых, иногда сводимую к беспорядочным нелегальным разработкам земли, которая в традиционном мировоззрении монголов считается матерью.

Действительность демонстрирует иное положение дел. Без активных инвестиций Китая в экономику Монголии (около 45% в 2012 г.) и последующей скупки КНР основного количества монгольского сырья (около 80%) взлёт добывающей промышленности в стране был бы невозможен [15. С. 182]. По разным подсчётам, в Монголии функционирует около 7 000 китайских компаний [7. С. 47]. Может быть, цифра завышенная, но чтобы убедиться в относительной правоте сказанного, необходимо понаблюдать в столице у здания Иммиграционной службы Монголии за группами прибывающих автобусов с китайскими рабочими, ожидающими, пока их руководитель оформит кипы паспортов. Граждан прочих стран здесь единицы. Согласно сведениям Столичного статуправления в 2010 г. в городе проживало 88 граждан КНР, по результатам переписи населения и жилья Монголии того же года данный показатель составлял 8 688 чел.

Примерами совмещения административных ограничений деятельности иностранного бизнеса и коллективного народного негодования по отношению к иностранцам, прикрытого отвлечёнными рассуждениями о нападках на девственную монгольскую природу, являются случай преследования владельца российской золотодобывающей компании «Золотой Восток – Монголия» и обстрел трактора, принадлежавшего иностранной горнодобывающей компании «Пурам» [16. С. 202].

Нелегальные старатели (так называемые *ниндзя*) «совершают захваты техники и золотоносных участков легальных компаний (зачастую иностранных)» [15. С. 178]. Такое отношение к природе вчерашних скотоводов-экофилов считается нормой и не встречает порицания в обществе. Скорее, наоборот, среди монголов распространён миф о перспективе мгновенного обогащения, если стать *ниндзя*.

Вместе с тем в монгольском обществе есть положительный образ КНР. Большую роль в его формировании играют механизмы «мягкой силы», к которым относятся Институт Конфуция, учреждённый в 2007 г. при Монгольском государственном университете, и открытый в Улан-Баторе «Центр культуры Китая». В некоторых частных вузах на договорной основе преподают учителя из КНР. Более чем в 60 столичных школах организуется углубленное изучение китайского языка. Указанные учреждения проводят широкую культурно-образовательную деятельность: организуют курсы по преподаванию китайского языка и различные научные мероприятия и стажировки на территории КНР, проводят консультации для желающих учиться в КНР, сдачу квалификационного экзамена на знание китайского языка HSK и т.п. [17. С. 192]. Складывается впечатление, что современные монголы имеют представление о «двух Китаях»: культурном, транслируемом Институтом Конфуция и прочими аналогичными центрами, и враждебном / бескультурном, подпитываемом бытовыми страхами.

Боязнь потерять национальную независимость страны иллюстрируется известными примерами китайских географических карт с изображением территории Монголии в составе Китая и околонаучными публикациями на эту тему, изданными в КНР и объясняющими исторические претензии. Помимо уличных граффити, угроз в отношении женщин, состоящих в интимных связях с китайцами, и призыва радикальных националистов к расправе с китайцами, имевших широкое хождение в монгольском обществе в 1990-е – начале 2000-х гг., одним из способов избежания китаизации была борьба с условно называемым монгольскими китаефобами «лингвистическим засилием» путём замены вывесок на китайском и других азиатских языках на монгольские. Интересно, что западные и русский языки были проигнорированы [18. P. 241–242]. Таким способом родному монгольскому языку должен отдаваться приоритет. Английский язык сегодня считается языком не какой-то отдельной страны или культурно-исторической общности, но языком международного общения, языком мира, заменив собой у монголов в этом значении русский язык.

Третий путь. Сегодня монголы, вышедшие из «социалистических пут», ощущают культурную близость к западному миру. Как бы то ни было, на деле все выливается в американизацию. Английский язык современной монгольской молодежью ассоциируется «с представлениями о богатстве, успехе и современности» [Ibid. 245]. В этом выводе французский антрополог отталкивается от факта использования латиницы в смс-сообщениях и интернет-переписке. По нашим наблюдениям, причины довлеющей латиницы состоят в банальном отсутствии кириллического алфавита, который принят в монгольском языке, в телефонах корейского и китайского производства, бытующих в стране. Собственно, и весь софт компьютеров, эксплуатируемых в Монголии, установлен на английском языке. Когда люди начинают использовать монголоязычный софт, то, по их собственным выражениям, они «не понимают перевода на родной язык компьютерной терминологии».

В результате насаждения среди молодёжи западных ценностей (в американском прочтении) трансформируются традиционные базисы монгольской культуры: «религиозность, скромность, стремление к стабильности, единение с природой, традиционализм, коллективизм, уважение корней» [19. С. 16–17]. Под влиянием англицизмов изменяется монгольский язык. В сумме с латинизацией монголоязычных смс и интернет-общения это ведёт к слабому владению молодёжью грамматикой и правописанием родного языка. С этим обстоятельством мы неоднократно сталкивались во время преподавания русского языка студентам Монгольского национального университета в 2013–2015 гг.

В обществе становится популярным изучение английского языка. Многие бывшие учителя русского

языка, когда основная работа стала ненужной, выучили английский и переквалифицировались на преподавателей этого языка. Здесь сработал традиционный монгольский принцип, воплощённый в словосочетании *хос морь* (‘парная, сменная лошадь’): человеку желательно иметь две специальности – одну основную и вторую «запасную». Итак, традиционное видение в китайцах угрозы национальной самобытности обусловлено исторически и является одним из важных факторов, сплачивающих монголов как нацию. Это обстоятельство нивелирует прочие идентичности у разных групп монголов, замещая всё гражданской. Видение во всём комплексе внутренних монгольских проблем китайской вины подпитывает ксенофобию, в большей степени, среди малообразованной части населения.

Положительный образ Китая формируется в результате работы институтов «мягкой силы». И, несмотря на стабильное наличие в обществе «китайских страхов», многие монголы мечтают учиться в КНР и остаться в дальнейшем там работать. Когда важнее личная выгода или ставится вопрос о выживании человека и его семьи в непростых социально-экономических реалиях Монголии, повседневная неприязнь к южному соседу в национальном самосознании монголов откатывается на второй план. Желание выйти на арену мировых политических процессов и избавиться от ярма страны, географически зажатой между двумя державами, вывело Монголию на третий путь – выстраивание отношений с США, Японией, Южной Кореей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Галенович Ю.М. Китайские претензии: Шесть крупных проблем в истории взаимоотношений России и Китая. М. : СПСЛ ; Русская панорама, 2015. 1136 с.
2. Хэрлэн Д. «США являются важнейшим “третьим соседом” Монголии» // Монголия сегодня. 2015. 11 окт. № 41 (694).
3. Kaplonski C. Reconstructing Mongolian nationalism: the view ten years on // Mongolian political and economic development during the past ten years and future prospect. International Conference Hall Taipei, Taiwan (Aug 23–24, 2000). Taipei, 2001. P. 328–365.
4. Birtalan A. Religion and Mongol Identity in the mid-19th Century Urga. On the Basis of a Mongolian Monk’s Oral Narratives Recorded by Gabor Balint of Szentkatolna in 1873 // Quaestiones Mongolorum Disputatae. № 8. Tokyo : International Association for the Study of Mongolian Cultures, 2012. P. 25–54.
5. Bille F. Different Shades of Blue: Gay Men and Nationalist Discourse in Mongolia // Studies in Ethnicity and Nationalism. 2010. Vol. 10, is. 2. P. 187–203.
6. Родионов В.А. Политические образы России в дискурсивных практиках СМИ Монголии (2000–2013 гг.) // Актуальные вопросы современных российско-монгольских отношений. Улан-Удэ : БГУ, 2014. С. 89–96.
7. Баясгалан Б. Монголия в тисках её соседей. Суровые испытания и благоприятные возможности. Берлин : LAP, 2014. 174 с.
8. Bille F. Indirect interpellations: hate speech and «bad subjects» in Mongolia // Asian Anthropology. 2013. Vol. 12, № 1. P. 3–19.
9. Bille F. Faced with extinction: myths and urban legends in contemporary Mongolia // Cambridge Anthropology. 2008. Vol. 28, № 1. P. 34–60.
10. Tsetsentsolmon B. *T*he ‘gong beat’ against the ‘uncultured’: contested notions of culture and civilization in Mongolia // Asian Ethnicity. 2014. Vol. 15, № 4. P. 422–438.
11. Содбилэг С. Ж. Болдбаатар: Хубилай-хан был великим и мудрым правителем, защищавшим интересы Монголии // Монголия сегодня. 2015. 18 янв. № 3 (656).
12. Гандол С. «Невозможно считать, что Великая китайская стена продолжается по территории Гоби в Монголии» // Монголия сегодня. 2015. 25 янв. № 4 (657).
13. Чернявская Ю.В. Идентичность на фоне мифа // Антропологический форум. 2008. № 8. С. 198–226.
14. Родионов В.А. Россия и Монголия: новая модель отношений в начале XXI века. Улан-Удэ : БНЦ СО РАН, 2009. 228 с.
15. Михалёв А.В. Повседневность экономического национализма, или Кому принадлежит золото Монголии? // Журнал социологии и социальной антропологии. 2014. Том. XVII, № 5 (76). С. 177–191.
16. Михалёв А.В. «Золотая лихорадка в Монголии» и проблема трансформации кочевого общества // Вестник Бурятского государственного университета. 2012. № 8. С. 196–204.
17. Михалёв А.В. Институты публичной дипломатии КНР в современной Монголии // Мир Центральной Азии – 3. Улан-Удэ; Иркутск : Оттиск, 2012. С. 190–194.
18. Bille F. Sounds and Scripts of Modernity: Language Ideologies and Practices in Contemporary Mongolia // Inner Asia. 2010. № 12 (2). P. 231–252.
19. Цэдэв Н.Х. К вопросу о базисных ценностях монгольской молодёжи // Ценности и культурные константы народов Западной Монголии (Евразийские этюды). Улан-Батор : Б.и., 2009. С. 15–17.

Статья представлена научной редакцией «История» 15 марта 2016 г.

IMAGES OF CHINA AND THE CHINESE IN MONGOLIAN NATIONAL MENTALITY

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 406, 152–157.
DOI: 10.17223/15617793/406/24

Terentyev Vladislav I. Gorno-Altaisk State University (Gorno-Altaisk, Russian Federation). E-mail: vlad33@bk.ru

Keywords: Mongolia; China; Mongols; sinophobia; national mentality; nation; alien’s image.

Mongolia borders only two countries, Russia and China. Images of the northern and southern neighbors take an important place in Mongolian national mentality. After the collapse of the soviet block, Mongolian authorities became to develop new kinds of external relationships with the “third neighbor” (set of West European states, USA, Southern Korea and Japan). The image of the new player and democratic values in their western interpretation successfully integrated in Mongol national mentality. The new foreign policy of the “third neighbor” is interpreted as an attempt to secede from Russian and Chinese influence. The idea that China and the Chinese are “alien” for Mongols has real historical roots. Military confrontation between nomadic and civilized worlds continued up to the 18th century when Mongols were totally incorporated in the Qin Empire. Qin colonial policy in Outer Mongolia was enforced in the beginning of the 20th century by increasing military contingent and Chinese migration. This policy inspired the resistance movement and proclamation of independence of Mongolia in 1911. Negative attitude to Chinese merchants gradually became the factor of solidarity of all Mongols through the ages up to our times. In some sense it became one of the core factors that constituted

Mongolian national identity. The Chinese threat is a stable fear of contemporary Mongols. In fact poverty, problems with national medicine, corruption and other negative trends are associated with China in common. However, not all the population sees the southern neighbor in such a way. According to Mongolian authors, China has an intention to subordinate Mongolia through culture policy. They insist that China tries to register original objects of material and spiritual Mongolian culture in UNESCO as their own. At the same time the positive image of China exists in the Mongolian society. China's "soft power" policy plays a great role in the formation of this positive image. Some of the main instruments of this policy are the Confucius Institute opened in Mongolian National University in 2007 and the Centre for Chinese Culture in Ulan Bator. Today Mongols have an image of "two Chinas": civilized and uncivilized. The traditional negative attitude to the Chinese reduces subethnical identities of Mongolian people. The common premise to construe internal problems as a result of China's influence inspire xenophobia especially through undereducated citizens. Despite the popular "Chinese fears" many Mongols wish to study and work in the PRC. Personal interests to survive in the difficult socioeconomic environment have power to displace the ordinary negative attitude to the southern neighbor to the background of national mentality.

REFERENCES

1. Galenovich, Yu.M. (2015) *Kitayskie pretenzii: Shest' krupnykh problem v istorii vzaimootnosheniy Rossii i Kitaya* [The Chinese claim: Six major problems in the history of relations between Russia and China]. Moscow: SPSL; Russkaya panorama.
2. Kherlen, D. (2015) SShA yavlyayutsya vazhneyshim "tret'im sosedom" Mongolii [The USA is the most important "third neighbor" of Mongolia]. *Mongoliya segodnya*. 11 October. 41 (694).
3. Kaplonski, C. (2001) Reconstructing Mongolian nationalism: the view ten years on. *Mongolian political and economic development during the past ten years and future prospect*. International Conference Hall Taipei, Taiwan. Aug 23–24, 2000. Taipei. pp. 328–365.
4. Birtalan, A. (2012) Religion and Mongol Identity in the mid-19th Century Urga. On the Basis of a Mongolian Monk's Oral Narratives Recorded by Gabor Balint of Szentkatolna in 1873. *Quaestiones Mongolorum Disputatae.* 8. pp. 25–54.
5. Billie, F. (2010) Different Shades of Blue: Gay Men and Nationalist Discourse in Mongolia. *Studies in Ethnicity and Nationalism*. 10:2. pp. 187–203.
6. Rodionov, V.A. (2014) Politicheskie obrazy Rossii v diskursivnykh praktikakh SMI Mongolii (2000–2013 gg.) [Political images of Russia in the discursive practices of the media in Mongolia (2000–2013)]. In: Rodionov, V.A. (ed.) *Aktual'nye voprosy sovremennykh rossiysko-mongol'skikh otnosheniy* [Topical issues of modern Russian-Mongolian relations]. Ulan-Ude: Buryat State University.
7. Bayasgalan, B. (2014) *Mongoliya v tiskakh ee sosedey. Surovye ispytaniya i blagopriyatnye vozmozhnosti* [Mongolia in the grip of its neighbors. Severe tests and opportunities]. Berlin: LAP.
8. Billie, F. (2013) Indirect interpellations: hate speech and "bad subjects" in Mongolia. *Asian Anthropology*. 12:1. pp. 3–19.
9. Billie, F. (2008) Faced with extinction: myths and urban legends in contemporary Mongolia. *Cambridge Anthropology*. 28:1. pp. 34–60.
10. Tsetsentsolmon, B. (2014) The 'gong beat' against the 'uncultured': contested notions of culture and civilization in Mongolia. *Asian Ethnicity*. 15:4. pp. 422–438.
11. Sodbileg, S. (2015) Zh. Boldbaatar: Khubilay-khan byl velikim i mudrym pravitelem, zashchishchavshim interesy Mongolii [J. Boldbaatar: Kublai Khan was a great and wise ruler who defended the interests of Mongolia]. *Mongoliya segodnya*. 18 January. 3 (656).
12. Gandol, S. (2015) Nevozmozhno schitat', chto Velikaya kitayskaya stena prodolzhaetsya po territorii Gobi v Mongolii [It is impossible to believe that the Great Wall continues in the Gobi area of Mongolia]. *Mongoliya segodnya*. 25 January. 4 (657).
13. Chernyavskaya, Yu.V. (2008) Identichnost' na fone mifa [Identity on the background of the myth]. *Antropologicheskiy forum*. 8. pp. 198–226.
14. Rodionov, V.A. (2009) *Rossiya i Mongoliya: novaya model' otnosheniy v nachale XXI veka* [Russia and Mongolia: a new model of relations in the beginning of the 21st century]. Ulan-Ude: BNTs SO RAN.
15. Mikhalev, A.V. (2014) Povsednevnost' ekonomicheskogo natsionalizma, ili Komu prinadlezhit zoloto Mongolii? [Routine of economic nationalism, or Who owns the gold of Mongolia?]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii*. XVII:5 (76). pp. 177–191.
16. Mikhalev, A.V. (2012) "Zolotaya likhoradka v Mongolii" i problema transformatsii kochevogo obshchestva ["Gold Rush in Mongolia" and the problem of the transformation of a nomadic society]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta – Buryat State University Bulletin*. 8. pp. 196–204.
17. Mikhalev, A.V. (2012) Instituty publichnoy diplomatii KNR v sovremennoy Mongolii [PRC Institutes of public diplomacy in modern Mongolia]. In: Bazarov, B.V. (ed.) *Mir Tsentral'noy Azii – 3* [The World of Central Asia – 3]. Ulan-Ude; Irkutsk: Ottisk.
18. Billie, F. (2010) Sounds and Scripts of Modernity: Language Ideologies and Practices in Contemporary Mongolia. *Inner Asia*. 12 (2). pp. 231–252.
19. Tsedev, N.Kh. (2009) K voprosu o bazisnykh tsennostyakh mongol'skoy molodezhi [On the basic values of the Mongolian Youth]. In: Ivanov, A.V. (ed.) *Tsennosti i kul'turnye konstanty narodov Zapadnoy Mongolii (Evraziyskie etyudy)* [Values and cultural constants of the peoples of Western Mongolia (Eurasian Studies)]. Ulan-Bator.

Received: 15 March 2016

Вестник Томского государственного университета. 2016. № 406. С. 158–163. DOI: 10.17223/15617793/406/25

УДК 930

М.К. Чуркин

КОЛОНИЗАЦИЯ СТЕПНОГО КРАЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ И ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ПРАКТИКИ

Имперские практики освоения степных областей Западной Сибири в течение длительного временного отрезка вызывали устойчивый интерес у профессионального сообщества историков. Оценки «степного» сегмента колонизационного опыта империи оказались запечатлены в историографической традиции, специфика которой обусловлена оформленной национальной составляющей. В данной связи предпринимается попытка выявления факторов и условий, при которых происходило становление историографии вопроса в России и Республике Казахстан, определения сходства и оппозиций в интерпретации имперских мероприятий в степных областях.

Ключевые слова: колонизация; историографическая традиция; империя; дискурс; исследовательские практики.

Российские опыт и практики колонизации Сибири, а также отдельных её территориальных ареалов, традиционно располагались в эпицентре научной рефлексии исследователей активно осваиваемого во второй половине XIX – начале XX в. региона. В отечественной историографии сложилось достаточно ясное понимание того факта, что процесс вовлечения ближайших к европейской части страны пространств Сибири в ткань Российского государства, начавшийся в конце XVI столетия, стал продолжением исторического опыта отечественной колонизации, стартовавшей в эпоху раннего расселения славян в границах восточно-европейской равнины, «последним продуктом колонизационных усилий России» [1. С. 488]. Симптоматично, что согласно логике многих авторов, в частности П.А. Словцова, «…Урал не являлся границей между государством и колонией… а вся ширина и длина хребта входила в состав Сибири…» [2. С. 383]. Данная логика проявлялась не только в формировании механизма «присвоения» территорий – от военных акций к градостроительству, усмирению «инородцев», мероприятиям промыслового и аграрного характера, но и в относительной однородности оценок колонизационного процесса, иллюстрировавших изначально собственническую позицию государства и общества в означенном вопросе.

Историографический опыт оценки процесса государственной инкорпорации Степного края Западной Сибири изначально строился в ином ключе, что было обусловлено спецификой исторического контекста, в котором осуществлялись колонизационные мероприятия. Географическая отдалённость не только от России, но и административных центров Сибири, многочисленность, полиэтничность и поликонфессиональность коренного населения, мозаичность локальных сообществ края – вот лишь некоторые из многочисленных факторов, оказавших влияние на государственно-административную политику властей в регионе, в которой имперские доминанты, а также имперские стратегии и практики стали играть решающую роль. Существенным можно назвать и тот факт, что вопросы присоединения и имперского охвата территорий степных областей Западной Сибири рефлексировались в более широком дискурсивном плане, в формате которого действовали не только российские общественно-политические и научные деятели, но и представители местных национальных элит. Процесс институционализации национальной историографии Республики Казахстан, в отношении проблемы колонизации степных пространств Западной Сибири, окончательно вошедших в юрисдикцию Российской империи, выразился в резком росте этнического самосознания и патриотизма казахской интеллигенции во второй половине XIX в. и был связан с идеей возрождения традиционной модели казахской государственности.

В данной статье речь пойдёт о становлении, развитии и эволюции историографической традиции в осмыслении имперского опыта российской колонизации в отношении Степного края Западной Сибири. Необходимо отметить, что, во-первых, в фокусе авторского внимания будет находиться период второй половины XIX – начала XX в., поскольку именно в это время происходит смена вектора колонизации степных областей Западной Сибири, выразившаяся в постепенном отказе от признания главенства военно-политических задач в пользу обсуждения аграрных перспектив региона, что рельефно актуализировало государственные формулы империостроительства на востоке. Во-вторых, историографическая традиция, в нашем понимании, позиционируется как концептуальная преемственность подходов и оценочных суждений в связи с инкорпорацией Степного края в имперское пространство, сформулированных в процессе историографического дискурса как российского, так и репрезентируемого в национальной историографии Республики Казахстан. При этом существует убеждение в наличие общего интеллектуального ландшафта, в границах которого оппозиции во мнениях сторон определяются в большей степени расхождениями в исторической политике государств или национальных элит, но в целом эти несоответствия и расхождения в точках зрения – продукт разномасштабных горизонтов ожиданий.

Российская историография колонизации Степного края, в связи с включением региона в общеимперское пространство, изначально конституировалась в системе координат публицистической полемики, что являлось естественной реакцией образованного общества на стихийность переселений, отсутствие чёткой

программы работ колонизационного характера. Кроме того, период становления историографической традиции в осмыслении имперских проектов и практик относительно колонизуемых степных областей Западной Сибири совпал по времени с процессами эскалации аграрно-экологического кризиса в центрально-черноземных регионах страны, что «запустило» волну массовых аграрных переселений за Урал. В результате реакция исследователей на происходящие события мгновенно приобрела эмоционально-полемический оттенок, а трибуной для историков, экономистов, этнографов стали «толстые» журналы различной общественно-политической направленности, репрезентировавшие наиболее волнующие российский социум сегменты дискурса. Тематический спектр обсуждаемых вопросов в полной мере отражал опасения и надежды отечественных интеллектуалов, связанных с ростом миграционной подвижности населения, обновив, а в отдельных случаях «воскресив» многие положения колонизационного дискурса.

Аргументы о подвижности и бродяжничестве, как имманентных свойствах характера русского крестьянства, опровергались доводами в пользу склонности земледельцев Европейской России к элементарному поиску мест, которые могли бы обеспечить эффективные условия для постоянной оседлости [3]. Либеральные рассуждения о переселениях, как «бегстве крестьянина от культуры», отвергались национал-консервативными теориями о продуктивности аграрных миграций как способе трансляции имперских практик в условиях восточных окраин [4] и т.д. Показательно, что публицистическая активность развивалась в рамках позитивистской методологической модели, сообразно с которой во главу угла была поставлена идея установления фактов, обнаружения типологически сходных явлений в истории и разработки законов, поверяемых исторической практикой. Реакция непосредственных участников переселенческого дела носила, по преимуществу, сиюминутный характер, без учёта мирового и европейского колонизационного опыта и, собственно, имперского контекста российской колонизации.

Таким образом, факты переселенческого движения рассматривались сквозь призму количественных показателей, когда на первый план выводилось механистическое понимание миграционных процессов, в масштабах которых обезличенная масса земледельцев искала спасения от голодной смерти во вновь колонизуемых районах Российской империи. В заданном методологическом формате специалисты, погружаясь в проблему и формируя источниковую базу исследования, ориентировались, прежде всего, на подбор доказательного материала, отражавшего в документах делопроизводственного характера содержание властного дискурса, с соответствующим ему прагматическим подходом к организации переселенческого дела, при общей негативной оценке крестьянских миграций.

Плотность «рецептурной» публицистики во второй половине XIX – начале XX в. была настолько велика, что за ней с невероятным трудом усматривается другая тенденция в отношении к переселенческому вопросу, в семантических границах которой происходило формирование колониального дискурса, поднимавшего проблему определения места Сибири в составе России, факторов формирования сибирской региональной идентичности, а также отношения к ней в идеологически неоднородном обществе, специфики выбора имперской колонизационной стратегии и способов её практической реализации.

Следует отметить, что в так называемой дореволюционной отечественной историографии, в отношении аграрной колонизации Степного края, исследовательская традиция на короткий период обрела собственный, отличный от общего магистрального направления ракурс, что, несомненно, было определено спецификой государственной имперской политики в этом регионе. В отличие от «внутренних губерний» (Тобольской и Томской), территории южной степной полосы Западной Сибири долгосрочно находились в локусе геополитических интересов империи. Со второй половины 1870-х гг. в отношении степных Акмолинской и Семипалатинской областей рельефно обозначился курс на аграрное освоение, в контексте которого крестьянство становилось не только основным субъектом регионального земледелия, но и проводником и транслятором имперских интересов в крае. Подобное изменение правительственного курса способствовало снижению полемического накала страстей вокруг аграрно-переселенческой тематики и, что существенно, мобилизации интеллектуальных сил, погружённых волею обстоятельств в серьёзную практическую работу по научной экспертизе тех территорий, которые рассматривались имперскими властями в качестве зоны распространения русской крестьянской оседлости и организации стабильных земледельческих практик. Не менее важным стал и способ организации научного сообщества в регионе, собранного под эгидой Западно-Сибирского отдела Императорского русского географического общества (ЗСОИРГО), учреждённого в 1877 г. и квартировавшего в Омске – городе, имевшем статус столицы Западно-Сибирского генерал-губернаторства.

Членами общества, не только в процессе экспедиций, но и в ходе выполнения правительственных поручений в качестве чиновников различных ведомств были проведены обстоятельные исследования естественно-географических характеристик районов предстоящей аграрной колонизации, осуществлены активные попытки выявления хозяйственно-экономического статуса и колонизационного потенциала локальных сообществ Степного края: представителей коренного населения, казачества и переселенцев из Европейской России.

В результате в имперский историографический дискурс был включён «инородческий вопрос», получивший детальные оценки в работах широкого круга исследователей, вовлечённых в работу по научной экспертизе перспективного, с экономической точки зрения, пространства (Н.Н. Балакшин [5], Т.И. Седельников [6], Н.М. Ядринцев [7] и др.). В частности, была озвучена мысль о сомнительности верноподдан-

нических чувств кочевников, сформулирована идея о необходимости водворения в киргизских степях русского земледельческого населения, что способствовало бы развитию начал гражданственности среди кочевников, разработаны программы исследования коренного населения Западной Сибири, с оценкой возможности их перехода к оседлому состоянию и вариантов устройства переселенцев в границах инородческих общин.

К числу наиболее полемичных, в ряду обсуждаемых сотрудниками ЗСОИРГО, являлся вопрос о судьбе казачества в условиях курса на аграрную колонизацию Степного края. В работах, увидевших свет во второй половине XIX – начала XX в., в локусе внимания исследователей оказалась проблема культуртрегерского потенциала военно-служилого сословия, в обстоятельствах смены вектора колонизации и утверждения крестьянства в качестве главного субъекта аграрного освоения региона.

Накопление информации о населении и колонизационной ёмкости территорий Степного края способствовало тщательной его рефлексии и выработке двух диаметрально противоположных позиций в оценке роли имперского сегмента колонизации, ставших не только предметом публицистической риторики, но и историографическим сюжетом. Более того, «запуск» российского колониального дискурса, в центре которого располагались областнические идеи культурной автономии (Н.М. Ядринцев, Г.Н. Потанин, С.С. Шашков и др.) и теории создания «большой русской нации» (М.Н. Катков, В.В. Грикорьев, М.И. Венюков), пришёлся именно на 1870-е гг. – период ускоренного имперского проникновения в Степной край. Очевидный конфликт мнений по вопросу цели и задач имперской политики в Степном крае уравновешивался общей позицией противоборствующих сторон в признании сложной системы социокультурных отношений и взаимодействия локальных групп региона: «инородцев», казачества и крестьянства. При этом идеи сибирского областничества, предполагавшие по западным лекалам постепенное освобождения колоний от контроля со стороны метрополий, учёт интересов сибирского общества, невмешательство в традиционные культуры, образ жизни и бытовой уклад коренных народов, оказались созвучны интересам формировавшейся казахской интеллигенции.

Не случайно, что именно в этот период закладывается фундамент антиколониального направления в национальной историографии. Первым её глашатаем стал Ч.Ч. Валиханов, который ещё в середине XIX столетия, принимая участие в экспедиционной работе, собрал обширный этнографический материал о казахах Среднего жуза, землепользовании коренных жителей и их взаимоотношениях с ранними поселенцами Степного края – казачеством. В ближайшей перспективе проблема колонизации, в связи с имперским присутствием и процессом аграрного освоения степных областей, оказалась отражена в работах А.Н. Букейханова [8. С. 45–65], утверждавшего, что решение аграрного вопроса, в плане изъятия части земель у коренного населения, первоначально осуществлялось предельно осторожно, однако с ростом переселенческого движения интересы кочевого хозяйства стали грубо попираться. Наконец, в начале XX в. антиколониальный спектр казахской национальной историографии был заполнен трудами Т. Шонанулы [9], Т.Р. Рыскулова [10], М. Шокая [11] и др.

Взаимопроникновение оценок роли имперского фактора в аграрной колонизации Степного края Западной Сибири становится общим местом историографической традиции в советский период, когда в силу идеологических обстоятельств произошёл синтез российских и казахстанских исследовательских практик. Общим знаменателем в новом формате историографии становится резко критический подход к дореволюционной истории колониальных народов и имперской политике самодержавия. В казахстанской историографии советского периода, в рамках существовавшей идеологической доктрины, в центре внимания исследователей оказался круг вопросов, связанный с широким спектром правительственных мероприятий, регулировавших процесс аграрных отношений в регионе, влияния аграрной и переселенческой политики на социально-экономические процессы жизнедеятельности казахского аула в Степном крае, генезиса капиталистических отношений и роли локальных сообществ в колониальной политике империи, факторов модернизации экономики края вследствие влияния железнодорожного строительства. К числу наиболее знаковых исследований в этих областях следует отнести работы С.Д. Асфендиярова [12], Б.С. Сулейменова [13], П.Г. Галузо [14] и др.

В то же время в национальном и интернациональном сегментах советской историографии наблюдались и продуктивные процессы: прирастала источниковая база материалов по истории казачества, рассматриваемого в качестве проводника имперской политики в степных областях Западной Сибири; актуализировался среднеазиатский аспект административных мероприятий царизма; в контексте аграрного освоения региона выстраивались коммуникативные каналы взаимодействия российских и казахстанских исследователей.

В рамках постсоветской историографической традиции происходит стремительное «расщепление» позиций в отношении имперской составляющей аграрной колонизации Степного края. На начальном этапе, в период «парада суверенитетов», проблемы колонизации степных областей Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. становятся важным и действующим элементом исторической политики Российской Федерации и Республики Казахстан. Более того, исторические аспекты колонизации превращаются в узловой проблемный блок российско-казахстанских отношений.

Характерно, что в научном отношении историографические школы двух суверенных держав в 1990-е гг. как бы попадают в разные «галактики», во всяком случае, разные системы координат, когда в условиях роста национального самосознания и региональных идентичностей взоры исследователей оказались направлены в максимально болевые точки национальных историй.

При этом в постсоветской историографической традиции резко снизился градус активности при обсуждении всего спектра колонизационных проблем. Методологический кризис позитивизма в лице марксистских подходов не только приостановил научную работу в означенной области, но и продемонстрировал «тупиковость» действий традиционных исследовательских школ и направлений.

Важно отметить и то обстоятельство, что «смена вех» в общественной системе и науке происходит в различных «скоростных режимах», что вылилось в российских условиях в новый публицистический бум, происходивший на фоне крайне медленной методологической «перезагрузки» исторической науки. Возникший в обществе интерес к вопросам аграрного характера был по большей части развёрнут в сторону популистских политических сюжетов.

В национальной историографии Республики Казахстан происходили аналогичные процессы, единственным отличием которых стало то, что вопросы имперской колониальной политики России попрежнему являлись своеобразной «болевой точкой» и, соответственно, местом наиболее оживлённой научной полемики. В частности, уже с начала 1990-х гг. наблюдается смещение акцентов в оценке российской колонизации в сторону доминирования негативного в исторической публицистике новых независимых республик, в том числе и Казахстана. На волне правительственных деклараций, воспринятых как руководство к действию, в Республике Казахстан складывается «официальное направление» в историографии имперской темы колонизации степных областей Зауралья. В основе данного направления была закреплена новая концепция национальной истории Казахстана, за авторством академика Национальной академии наук, профессора М.К. Козыбаева [15]. В центре внимания исследований представителей данного направления оказался традиционный вопрос о феномене и природе российской колонизации. Сторонники «официального направления» вполне естественно обратили свой взор к историографической традиции, сформировавшейся ещё в советский период, в эпицентре которой располагался тезис о добровольности вхождения народов Казахстана и Средней Азии в состав России, подвергнув его жёсткой критике. В результате в рамках официального направления возобладала тенденция к однозначному определению политики царизма в Казахстане в XIX–XX вв. как колониальной со всем спектром отрицательных последствий для его населения. Таким образом, произошёл возврат к концепции «абсолютного зла», с той лишь разницей, что имперская тема была хронологически пролонгирована, охватив и советский период.

Новый поворот в историографической традиции имперской составляющей колонизации обозначился с обращением российских историков к научно-исследовательским практикам «новой истории империи». В фокус внимания профессиональных историков было помещено имперское измерение российской истории, в связи с полиэтничным составом её населения, сложными системами взаимоотношений между центром и окраинами, локальными сообществами и имперским центром, акторами имперской политики в лице центральной и региональной бюрократии. По констатации А.В. Ремнёва, «расширение империи на восток не ограничивалось только военно-политической экспансией и административным закреплением новых территорий и народов в империи – это ещё и сложный процесс превращения Сибири в Россию...» [16. С. 102]. Продуктивность данного исследовательского вектора определяется обращением к «инородческому», крестьянскому и казачьему дискурсам, что открывает дополнительные возможности в осмыслении имперских проектов и практик в обстоятельствах колонизации Степного края.

Смещение акцентов в исследовании опыта и практик Российского государства в степных районах Западной Сибири в сторону рефлексии «имперской ситуации», а также признания равнозначного включения в колонизационный процесс как акторов власти, так и локальных сообществ региона, находящихся в активном взаимодействии, содействовало частичному переформатированию исследовательских подходов в историографии Республики Казахстан. Имперская политика начиная с 2000-х гг. получила широкое толкование в диссертационных исследованиях Р.М. Таштемхановой [17], Р.Х. Сариевой [18], Г. Жумашевой [19], О.Х. Мухатовой [20] и др. Отмеченные авторы, размышляя об имперском «шлейфе» российской национальной политики, традиционно говорят о решающей роли социально-политических факторов, обеспечивших посредством аграрной экспансии отрицательное влияние культуры российских переселенцев на духовную жизнь казахов. Вместе с тем в рамках официального направления историографии Республики Казахстан прослеживается весьма существенная тенденция. Авторы, настаивая на принципе, сообразно с которым «переселенческая политика не способствовала прогрессивному развитию казахского общества и нанесла огромный ущерб развитию…» локальных групп автохтонного населения Степного края, тем не менее, признают, что русские поселения и казахский аул, в условиях сосуществования, перенимали взаимно методы хозяйства, причем хозяйственные контакты и культурно-бытовые связи носили не только негативный, но и позитивный характер. Тем самым происходит своеобразное разделение двух акторов колонизационного процесса: властных структур и непосредственных субъектов переселенческого дела.

Сторонники «умеренных» позиций в казахстанской историографии, солидаризируясь с мнением российских коллег, настаивают на необходимости преодоления мифологизма и романтизма в характеристике имперского сегмента государственной политики в отношении колонизации Степного края. В частности, И.В. Ерофеева, в статье «События и люди казахских степей (эпоха позднего Средневековья и Нового времени) как объект исторической релистификации» отмечает, что неправильное и догматичное понимание истории колонизации империи с присущим ему псевдопатриотизмом может привести к негативным последствиям для исторической науки Казахстана: «Со-

здавая мифический образ всесильной, монолитной и бесконечно могущественной в разных сферах Российской империи, т.е. того своеобразного державного “исполина” XVIII–первой половины XIX в., которого К. Маркс образно называл “колоссом на глиняных ногах”, подобные псевдоисторики, независимо от своих благих патриотических побуждений, фактически питают имперские настроения простых обывателей внутри самой современной России и за ее пределами» [21. С. 17].

Критикуя сложившиеся в условиях новой государственности подходы к оценке имперского фактора в аграрной колонизации Степного края, Д.Я. Фризен видит причину исключительно негативных характеристик роли российского правительства в «отсутствии объективных методов и подходов в исследовании истории аграрных отношений в Казахстане XIX–XX века» [22. С. 181]. По мнению представителя умеренного направления, следует искать позитивные и негативные последствия аграрных преобразований царизма не только лишь в те годы, но и с глубоким научным анализом возможных последствий, проводимых преобразований с точки зрения развития производительных сил. Кроме того, исследователь предлагает отойти от пресловутой практики видеть в большинстве аграрных реформ российских властей в основном только негатив, поскольку нельзя не учитывать того, что с момента аграрной колонизации в казахскую степь приезжали зачастую опытные специалисты, труженики, агрономы, ветеринары и т.д. [22. С. 181–182].

Резюмируя, отметим, что тема колонизации Степного края Западной Сибири, будучи интегрированной в общий контекст историографии инкорпорации Сибири в состав России, осваивалась в масштабах имперского ракурса видения проблемы. Периферийность региона, его мозаичный этнический состав, в условиях смены вектора колонизации с признанием доминирующей роли аграрного производства способствовали расширению спектра участников историографического дискурса, пополнявшегося представителями казахской национальной интеллигенции, а также большим числом практико-ориентированных исследователей с высоким образовательным цензом, задействованных в научной экспертизе колонизуемых земель. В силу перечисленных обстоятельств сибирская проблематика, в «степном» её варианте, во все эпохи «перебарывала» публицистичность, стабильно трансформируясь в историографическую традицию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры : в 3 т. М. : Прогресс, 1993. Т. 1. 528 с.
2. Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири. Новосибирск : Вен-Мер, 1995. 668 с.
3. Ленский Б. Крестьянские переселения // Дело. 1881. № 12.
4. Кауфман А.А. Переселение и колонизация. СПб. : Тип. т-ва «Общественная польза», 1905. Ч. 2: Переселения, их причины и значение для народного хозяйства. 349 с.
5. Балакшин Н.Н. О киргизах и вообще о подвластных России мусульманах. СПб. : Тип. МВД, 1887. 56 с.
6. Седельников Т.И. Борьба за землю в киргизской степи (Киргизский земельный вопрос и колонизационная политика правительства). СПб. : Изд. С. Дороватовского и А. Чарушникова, 1907. 79 с.
7. Ядринцев Н.М. Программа исследования инородцев Западной Сибири. Вып. 1880 г. 16 с. Отд. изд-е.
8. Букейханов А.Н. Исторические судьбы киргизского края и его культурные успехи. Алма-Ата : Казак энциклопедиясы, 1995. 260 с.
9. Шонанулы Т. Жер тагдыры – ел тагдыры. Алматы : Санат, 1995. 224 б.
10. Рыскулов Т.Р. Избранные труды. Алма-Ата : Казахстан, 1984. 260 с.
11. Шокай М. Тандамалы. Избранное. Алматы : Кайнар, 1999–2004. Т. 1–2. 341 б.
12. Асфендияров С.Д. История Казахстана (С древнейших времен). 2-е изд-е : учеб. пособие. Алма-Ата : Казак университеті, 1993. 304 с.
13. Сулейменов Б.С. Аграрный вопрос в Казахстане последней трети XIX – начале XX века (1867–1904 гг.). Алма-Ата : АН КазССР, 1963. 411 с.
14. Галузо П.Г. Аграрные отношения на Юге Казахстана в 1869–1914 гг. Алма-Ата : Наука, 1965. 345 с.
15. Козыбаев М.К. История России есть история страны, которая колонизуется // Столичное обозрение. 1998. 2 мая.
16. Ремнёв А.В. Ещё раз о месте Сибири в составе Российской империи // Сибирь на этапе становления индустриального общества в России (XIX – начало XX в.). Новосибирск, 2002.
17. Таштемханова Р.М. Переселенческая деревня и ее взаимосвязи с казахским аулом во второй половине XIX – начале XX века (на материалах Семиреченской области) : автореф. дис. … канд. ист. наук. Алматы, 1994. 28 с.
18. Сариева Р.Х. Колониальная политика царизма в Казахстане: на примере Тургайской области (1868–1914 гг.) : автореф. дис. … канд. ист. наук. Алматы, 2002. 33 с.
19. Жумашева Г. Колониальная политика царизма в Мангышлаке (XIX – начало XX в.) : автореф. дис. … канд. ист. наук. Алматы, 1998. 25 с.
20. Мұхатова О.Х. Қазақстандағы аграрлық өзгерістер тарихнамасы (XIX ғасырдың соңы – XX ғасыр) : тарих ғыл. докт. ... дис. автореферaты. Алматы, 1999. 50 с.
21. Ерофеева И.В. События и люди казахских степей (эпоха позднего Средневековья и Нового времени) как объект исторической ремистификации // Научное знание и мифотворчество в современной историографии Казахстана. Алматы, 2007.
22. Фризен Д.Я. Актуальные проблемы исследования аграрных отношений в Западном Казахстане XIX – начала XX века в историографии Республики Казахстан // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики : в 2 ч. Тамбов : Грамота, 2012. № 9 (23). Ч. I.

Статья представлена научной редакцией «История» 16 марта 2016 г.

COLONIZATION OF THE STEPPE REGIONS OF WESTERN SIBERIA IN THE SECOND HALF OF THE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES: HISTORIOGRAPHICAL TRADITION AND RESEARCH PRACTICES

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 406, 158–163.
DOI: 10.17223/15617793/406/25

Churkin Mikhail K. Omsk State Pedagogical University (Omsk, Russian Federation). E-mail: proffchurkin@yandex.ru

Keywords: colonization; historiographical tradition; Empire; discourse; and research practices.

In this paper, the author attempts to disclose the factors and circumstances of formation, development and evolution of the historiographical tradition in the light of Imperial experience of the colonization of the steppe regions of Western Siberia in the second half of the 19th – early 20th centuries. The choice of the chronological parameters of the study fully corresponds to the historical context formed the basic research practices of the Russian and Kazakh national historiography aimed at understanding the logic and results of the incorporation of the steppe regions of Western Siberia into the Governor-Generalship of the Steppes. It was during this period when the new challenges of colonization of peripheral areas of the Siberian region appeared, so the process of agrarian colonization, and scientific examination of territories in the sphere of geopolitical and economic interests of the Russian Empire were initiated. The characteristic feature of the historiographical tradition is supposed to be a regular extension of the range of actors included in the discussion of Imperial policy regarding areas of the Steppe, content of interaction patterns, and relationships of local communities in the studied area. Involving the officials, leaders of the Western Siberia branch of the Russian Geographical Society, representatives of resettlement agencies contributed to the "route" of the colonization theme of the steppe regions beyond journalistic polemics research work and gave the reasoning about the Imperial aspect of the development of the region, the character of research reflection. Participation of representatives of national intelligence in discussions of colonization of the Steppe outlined the broad perspectives and opportunities for scientific debates, thereby increasing the degree of representativeness of research practices. Thus, in spite of the strong influence of positivist (descriptive-narrative) schemes, there was a lot of flexibility, receptivity to new approaches and research practices in the study of substantive aspects of Imperial colonization of the Governor-Generalship of the Steppes. The appeal of Russian historians to the theoretical developments of the followers of "the new history of the Empire", the recognition of the complexities of the colonizing process, taking into account the mosaic structure of populations and complex patterns of interrelations between the Central and regional authorities, imply combining structural formulas of communications of historiographical schools of Russia and Kazakhstan, which creates preconditions for taking the research problem to a fundamentally different level of quality.

REFERENCES

1. Milyukov, P.N. (1993) *Ocherki po istorii russkoy kul'tury: v 3 t.* [Essays on the history of Russian culture: in 3 vols]. Vol. 1. Moscow: Progress.
2. Slovtsov, P.A. (1995) *Istoricheskoe obozrenie Sibiri* [Historical review of Siberia]. Novosibirsk: Ven-Mer.
3. Lenskiy, B. (1881) Krest'yanskie pereseleniya [Peasant resettlement]. *Delo*. 12.
4. Kaufmann, A.A. (1905) *Pereselenie i kolonizatsiya* [Resettlement and colonization]. Pt. 2. St. Petersburg: Tip. t-va "Obshchestvennaya pol'za".
5. Balakshin, N.N. (1887) *O kirgizakh i voobshche o podvlastnykh Rossii musul'manakh* [About Kyrgyz people and in general about Muslims subservient Russia]. St. Petersburg: Tipografiya MVD.
6. Sedel'nikov, T.I. (1907) *Bor'ba za zemlyu v kirgizskoy stepi (Kirgizskiy zemel'nyy vopros i kolonizatsionnaya politika pravitel'stva)* [The struggle for land in the Kyrgyz steppes (Kyrgyz land issue and the colonization policy of the government)]. St. Petersburg: Izd. S. Dorovatovskogo i A. Charushnikova.
7. Yadrintsev, N.M. (1880) *Programma issledovaniya inorodtsev Zapadnoy Sibiri* [Exploration of foreigners of Western Siberia].
8. Bukeykhanov, A.N. (1995) *Istoricheskie sud'by kirgizskogo kraya i ego kul'turnye uspekhi* [The historical fate of the Kyrgyz land and its cultural achievements]. Alma-Ata: Kazak entsiklopediyasy.
9. Shonanuly, T. (1995) *Zher tagdyry – el tagdyry* [The fate of the land – the fate of the country]. Almaty: Sanat. (In Kyrgyz).
10. Ryskulov, T.R. (1984) *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Alma-Ata: Kazakhstan.
11. Shokay, M. (1999–2004) *Tandamaly. Izbrannoe* [1999–2004]. Vols 1–2. Almaty: Kaynar.
12. Asfendiyarov, S.D. (1993) *Istoriya Kazakhstana (S drevneyshikh vremen)* [History of Kazakhstan (since ancient times)]. 2nd ed. Alma-Ata: Kazak universiteti.
13. Suleymenov, B.S. (1963) *Agrarnyy vopros v Kazakhstane posledney treti XIX – nachale XX veka (1867–1904 gg.)* [The Agrarian issue in Kazakhstan in the last third of the 19th – early 20th centuries (1867–1904)]. Alma-Ata: KazSSR AS.
14. Galuzo, P.G. (1965) *Agrarnye otnosheniya na Yuge Kazakhstana v 1869–1914 gg.* [Agrarian relations in South Kazakhstan in 1869–1914]. Alma-Ata: Nauka.
15. Kozybaev, M.K. (1998) Istoriya Rossii est' istoriya strany, kotoraya kolonizuetsya [The history of Russia is the history of a country that is colonized]. *Stolichnoe obozrenie*. 2 May.
16. Remnev, A.V. (2002) Eshche raz o meste Sibiri v sostave Rossiyskoy imperii [Once again on the place of Siberia in the Russian Empire]. In: *Sibir' na etape stanovleniya industrial'nogo obshchestva v Rossii (XIX – nachalo XX v.)* [Siberia at the stage of industrial society in Russia (19th – early 20th centuries)]. Novosibirsk.
17. Tashtemkhanova, R.M. (1994) *Pereselencheskaya derevnya i ee vzaimosvyazi s kazakhskim aulom vo vtoroy polovine XIX – nachale XX veka (na materialakh Semirechenskoy oblasti)* [Resettlement village and its relationship with the Kazakh aul in the second half of the 19th – early 20th centuries (on materials of the Semirechensk area)]. Abstract of History Cand. Diss. Almaty.
18. Sarieva, R.Kh. (2002) *Kolonial'naya politika tsarizma v Kazakhstane: na primere Turgayskoy oblasti (1868–1914 gg.)* [The colonial policy of Tsarism in Kazakhstan: the case of Turgay region (1868–1914)]. Abstract of History Cand. Diss. Almaty.
19. Zhumasheva, G. (1998) *Kolonial'naya politika tsarizma v Mangyshlake (XIX – nachalo XX v.)* [The colonial policy of Tsarism in Mangyshlak (19th – early 20th centuries)]. Abstract of History Cand. Diss. Almaty.
20. Mykhatova, O.Kh. (1999) *Qazaqstandağı agrarlıq özgerister tarïxnaması (XIX ğasırdıñ soñı – XX ğasır)* [Kazakhstan's agricultural history of changes (19th century – the end of the twentieth century)]. Abstract of History Dr. Diss. Almaty. (In Kazakh).
21. Erofeeva, I.V. (2007) Sobytiya i lyudi kazakhskikh stepey (epokha pozdnego Srednevekov'ya i Novogo vremeni) kak ob"ekt istoricheskoy remistifikatsii [Events and people of the Kazakh steppes (the late Middle Ages and Modern Times) as an object of historical remystification]. In: Masanov, N.E. et al. *Nauchnoe znanie i mifotvorchestvo v sovremennoy istoriografii Kazakhstana* [Scientific knowledge and myth-making in modern historiography of Kazakhstan]. Almaty: Dayk-Press.
22. Frizen, D.Ya. (2012) Aktual'nye problemy issledovaniya agrarnykh otnosheniy v Zapadnom Kazakhstane XIX – nachala XX veka v istoriografii Respubliki Kazakhstan [Topical problems of the study of agrarian relations in the Western Kazakhstan in the 19th – early 20th centuries in the historiography of the Republic of Kazakhstan]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki.* 9 (23):I.

Received: 16 March 2016

Вестник Томского государственного университета. 2016. № 406. С. 164–168. DOI: 10.17223/15617793/406/26

УДК 94(571.1)“1941/1945”:621.31

А.С. Шевляков, О.А. Черемных

ЭЛЕКТРОСНАБЖЕНИЕ ГОРОДОВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (НА ПРИМЕРЕ НОВОСИБИРСКА, КЕМЕРОВО, ТОМСКА)

Рассматривается электроснабжение городов Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны. В условиях военного времени этот вопрос имел большое значение, так как потребности предприятий, деятельность которых была подчинена нуждам фронта, находились в прямой зависимости от энергетической отрасли. Особое внимание уделено проблемам, возникшим в области электроэнергетики, анализируются пути их решения.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; Западная Сибирь; электроснабжение.

В годы Великой Отечественной войны значение Западной Сибири как тылового региона резко возросло. Сюда были эвакуированы предприятия и производственные кадры с оккупированных территорий, производился перевод экономики с мирной на военную. Наращивание производственных мощностей в Западной Сибири требовало бесперебойного снабжения электроэнергией. Она была необходима, в первую очередь, для функционирования большого количества эвакуированных промышленных предприятий. Помимо этого, в городах региона произошел резкий рост населения. Существующие электростанции просто не были рассчитаны на выработку необходимого количества электроэнергии. Отсюда и возникли проблемы с электроснабжением западносибирских городов.

Томская электростанция была основана еще в 1895 г. В последующем она несколько раз перестраивалась и расширялась. До 1941 г. на станции было установлено 3 котла производительностью 14/16 тонн пара в час каждый и три турбогенератора общей мощностью 8 000 кВт [1. Л. 69]. Основным источником снабжения предприятий Томска на начало 1942 г. была Томская ТЭЦ. Она располагала следующими мощностями: по котлам (с учетом двух паровозов) в 7 500 кВт и по турбинам 10 500 кВт. Фактически же станция давала заводам всего лишь 4–5 кВт, хотя потребность на год составляла 22 200 кВт [2. Л. 29].

Для того чтобы покрыть потребность в электроэнергии, был принят ряд решений: осуществить капитальный ремонт котлов Томской ТЭЦ, провести ее реконструкцию и расширение, построить несколько мелких блок-станций [Там же. Л. 31–32]. Эти меры должны были дать в сумме 18 000 кВт, остальной дефицит в электроэнергии предполагалось возместить форсированием строительства новой электростанции мощностью в 12 000 кВт.

В Новосибирске накануне Великой Отечественной войны имелись две электростанции. Правобережная ТЭЦ № 1, расположенная в правобережной части города, была построена в 1924–1926 гг. с мощностью в 1 500 кВт. В 1927–1933 гг. ее мощность была доведена до 11 000 кВт. ТЭЦ № 2 располагалась в Кировском районе. Первая очередь станции – два котла производительностью 90/110 тонн пара в час каждый и один конденсационный турбогенератор мощностью 24 000 кВт – была введена в действие в 1935 г. В 1941 г. был смонтирован котел № 3 [1. Л. 68].

В письме секретаря Новосибирского обкома ВКП(б) М.В. Кулагина в ЦК ВКП(б) констатировалось, что в связи с вводом в действие новых производственных мощностей на вновь строящихся и эвакуированных предприятиях дефицит в электроэнергии по Новосибирску, предположительно, составит во 2-м квартале 1942 г. 32 тыс. кВт, в 3-м квартале – 52 тыс. кВт. Обком партии принимал меры к тому, чтобы сократить этот дефицит [3. Л. 188]. Уже в октябре 1942 г. в Кировском районе была введена в действие первая очередь ТЭЦ 3 – один котел производительностью 160/200 тонн пара в час и один турбогенератор с отбором пара на теплофикацию давлением 1,2 атмосфер мощностью 25 000 кВт [1. Л. 68].

Мощность Кемеровской ТЭЦ в 1941 г. составляла 6 МВт, фактическое производство электроэнергии составило в этом же году 31 163,5 тыс. кВт·ч. В 1942 г. ситуация изменилась, так как установленная мощность выросла до 18 МВт, а фактическое производство электроэнергии до 41 612,4 тыс. кВт·ч [4. Л. 2]. Однако этой энергии не хватало даже на нужды промышленности, а в быту она и вовсе не играла какой-либо серьезной роли. Электроснабжение жилых домов осуществлялось по два – три часа в сутки [5. С. 18].

Из краткого обзора работы коммунальных предприятий Новосибирской области за 1942 г. следовало, что коммунальных электростанций на 1 января 1943 г. в области было 6, электросетей – 3. Общая мощность установленных электрогенераторов по их маркам всех электростанций области фактически на 1 января 1942 г. была 531 кВт. План выработки электроэнергии по станциям был выполнен за 1942 г. только на 64,9%. Невыполнение объяснялось простоями электростанций из-за отсутствия топлива, главным образом нефти, и простоями станций в ремонте. Электросети план области по получению электроэнергии со стороны и отпуска ее потребителям выполнили на 103,6%. Перевыполнение плана произошло за счет Кемеровской электросети, которая план перевыполнила на 36,3% за счет новых потребителей электроэнергии [6. Л. 10].

Работа Кемеровского энергокомбината в 1942 г. характеризовалась следующим образом: по Кузбассетям в 1942 г. были введены в эксплуатацию ЛЭП Кемерово – Ленинск протяжением 82,5 км, Ленинск – Белово протяжением 28 км и отпайка на СТАЗ – 18 км. На 1 января 1943 г. общая протяженность ЛЭП достигла 541 км. Изменения мощности трансформаторов на подстанциях Кузбассети в 1942 г. не было.

Помимо ЛЭП, в 1942 г. был введен в эксплуатацию синхронный компенсатор на Прокопьевской подстанции мощностью 7,5 МВт. В 1942 г. введен в эксплуатацию турбогенератор № 2 на ТЭЦ комбината № 392 мощностью 6 МВт, а также один котел паропроизводительностью 70/85 тонн в час [7. Л. 20].

В связи с увеличением количества энергопотребителей принимались меры по сокращению энергопотребления. Например, в Томске в сентябре 1941 г. в целях обеспечения развивающейся промышленности электроэнергией и предотвращения выключения бытовой нагрузки в часы вечернего максимума в осенне-зимний период бюро Томского горкома ВКП(б) и горисполком утвердили предоставленные ТЭЦ нормы расходования электроэнергии на 1 кв. м производственной, служебной, жилой и прочей площадей. Так, в зрелищных предприятиях, клубах, театральных помещениях, библиотеках, музеях, выставках – не более 8 Вт; в учреждениях, торговых помещениях, ресторанах, кафе, столовых, банях и прачечных – не более 6 Вт; в жилых домах, общежитиях и гостиницах – не боле 4 Вт. На лестничных клетках, в коридорах и уборных предписывалось пользоваться электролампами напряжением не выше 15 Вт. Помимо этого, постановлялось снять со снабжения электроэнергией от Томской ТЭЦ в часы вечернего максимума с 10 октября 1941 г. организации, имеющие свои силовые установки: трудколонию № 1 «Чекист», ликерно-водочный завод, фармзавод № 4, завод «Республика», махорочную фабрику, артель им. «8 марта» [8. Л. 28].

В ноябре 1942 г. на заседании бюро Томского горкома ВКП(б) были введены нормы электроосвещения жилых домов, учреждений и предприятий на осенне-зимний период 1941–1942 гг. в г. Томске. Так, нормы освещения на 1 кв. м площади в зрелищных предприятиях, клубах, театральных помещениях, библиотеках, музеях, выставках устанавливались 6 Вт. В учреждениях всех ведомств, конторах промышленных предприятий, торговых помещениях, ресторанах, кафе, столовых, банях и прачечных – 4 Вт; в жилых домах, общежитиях и гостиницах – 3 Вт; в складских помещениях – 2 Вт. Дежурное освещение в торговых помещениях, учреждениях, промышленных предприятиях должно было составлять не более 0,25 Вт. Освещение витрин в магазинах в часы торговли на одну витрину – 15–25 Вт. Освещение световой нумерации на один фонарь – 15 Вт, наружное освещение улиц, территорий заводов, фабрик, стройплощадок и пр. на один фонарь – 200 Вт. Было запрещено пользоваться бытовыми электрическими приборами в часы вечернего и утреннего максимума. Категорически запрещалось использование электронагревательных приборов в целях отопления [9. Л. 31].

Аналогичные меры принимались и в других городах Западной Сибири. Так, в Кемерово 21 октября 1942 г. исполнительным комитетом Кемеровского городского совета депутатов трудящихся было принято решение № 418 «Об экономии в расходовании электроэнергии», согласно которому устанавливались нормы расходования электроэнергии [10. Л. 215].

Нормы расхода электроэнергии для предприятий, учреждений, торговых организаций, учебных заведений, зрелищных предприятий были введены и в Новосибирске решением исполнительного комитета Новосибирского городского совета депутатов трудящихся от 20 октября 1943 г. «О порядке и нормах расходования электроэнергии» [11]. В целом нормы расхода по городам были схожи и отличались лишь незначительно по некоторым пунктам.

Ограничения в потреблении электроэнергии вводились и на предприятиях. Решением № 240 Кемеровского горисполкома от 15 августа 1944 г. «О введении ограничения в потреблении электроэнергии по центрально-распределительной подстанции горэлектросети» с 15 августа 1944 г. по 25 августа 1944 г. вводилось ограничение потребления электроэнергии по следующим предприятиям, учреждениям и жилому сектору: завод 652–190 кВт, завод 606–100 кВт, ОСМЧ № 30–150 кВт, конные дворы учреждений – 40 кВт, учебные заведения города – 30 кВт, жилищно-коммунальный отдел завода 510–30 кВт. Трансформаторные киоски, питающие квартиры трудящихся города (жилой сектор) в период ограничения предписывалось отключать в 8 часов утра и включать в 23 часа [12. Л. 89]. Однако только за счет экономии решить эту проблему было невозможно. Электроэнергии катастрофически не хватало.

Так, в письме эвакогоспиталя № 3615 в феврале 1942 г. председателю горсовета говорилось, что на протяжении недели в первом корпусе эвакогоспиталя ежедневно выключался свет электростанцией, чем нарушалось физиотерапевтическое лечение ранбольных. Кроме того, костыльные больные неоднократно в темноте падали [9. Л. 13]. Недостаточным снабжением электроэнергии объяснялось и невыполнение плана томским Госпивзаводом, где за 10 месяцев 1942 г. было потеряно 8 823 человеко-часа (как указано в документах того времени) [13. Л. 242].

Чтобы решить проблему дефицита электроэнергии, на протяжении военного времени принимались активные меры для увеличения мощностей электростанций.

В мае 1943 г. мощность Кемеровской ГРЭС увеличилась за счет ввода в эксплуатацию котла № 7 производительностью 120/150 тонн в час. Фактическая производительность этого котла, из-за неудовлетворительной конструкции сепарации, составляла 125 тонн в час. В мае 1943 г. был введен в эксплуатацию турбогенератор № 5 мощностью 50 МВт. Фактическая мощность турбогенератора, из-за отсутствия второй нити главного паровода, составила 45 МВт [14. Л. 21].

В 1943 г. на территории Новосибирской области имелось пять городских коммунальных электростанций с общей фактической мощностью электрогенераторов по их маркам в 412 кВт. Годовой план по выработке электроэнергии в 1943 г. был выполнен по области только на 49,6%, а по полезному отпуску электроэнергии потребителям – на 52,2% [6. Л. 33].

В 1943 г. электростанции Новосибирской области выработали 452 млн кВт·ч электроэнергии, т.е. в 2,7 раза больше, чем в 1940 г., и отпустили тепловой энергии 246 тыс. мегакалорий, почти в 5 раз больше, чем в 1940 г. В Новосибирске в октябре 1943 г. был закончен монтаж и пущен в эксплуатацию турбогене-

ратор № 2 мощностью 25 000 кВт. В Томске в апреле 1943 г. было начато строительство ГРЭС 2 мощностью 12 500 кВт [1. Л. 68–70].

В 1944 г. общая мощность трансформаторов по Кемерово составила 4 200 кВт, что было недостаточно, так как максимальная городская нагрузка доходила до 6 000 кВт. В связи с этим были начаты работы по установке трансформатора мощностью 2 800 кВт [15. Л. 58].

Годовой план подачи и получения электроэнергии по Кемеровской области (54 580 тыс. кВт·ч) был выполнен на 109% (59 621,3 тыс. кВт·ч). Годовой план реализации электроэнергии (51 870 тыс. кВт·ч) – на 106% (54 879,7 тыс. кВт·ч) [Там же].

В Новосибирской области в 1944 г. городские коммунальные электростанции свою программу по выработке электроэнергии выполнили в первом полугодии текущего года на 81,3%, а годового – на 33,3%. По полезному отпуску электроэнергии потребителям план полугодия выполнен на 93,1% и годовой – на 37,5% [16. Л. 70].

Несмотря на всю проводимую работу по развитию электроэнергетики городов Западной Сибири, планы по выработке и подаче электроэнергии не выполнялись. Причины были довольно типичными для военного времени: нехватка трудовых ресурсов, отсутствие материалов и необходимых деталей.

Большой проблемой в годы войны стало обеспечение топливом электростанций. Так, в справке о капитальном ремонте и подготовке к зиме электростанций за 1942 г. говорилось, что Кемеровская ГРЭС имеет запас топлива на 10 дней. На Кузнецкой ТЭЦ из-за отсутствия топливного склада запас угля максимально достигал 1–2 дня. На Томской ГРЭС запас угля отсутствовал – станция находилась под угрозой остановки. Тяжелое положение с углем было и на станциях Запсибэнерго. На станции № 1 уголь совершенно отсутствовал, на станции № 3 был лишь десятидневный запас угля [17. Л. 89]. В 1944 г. электростанции Новосибирска и Томска не были обеспечены к зиме запасом топлива, так как только за 8 месяцев 1943 г. было недогружено 45 000 тонн [1. Л. 111].

Недостаток топлива на электростанциях приводил к большому количеству простоев промышленных предприятий. Проблему усугубляли довольно частые аварии, которые помимо простоев приводили к снижению мощности.

На Кемеровской ГРЭС в 1941 г. произошло 5 аварий, в 1942 г. – 8; в Кузбассети в 1941 г. – 10, в 1942 г. – 10 [7. Л. 30]. На Томской ТЭЦ только за 5 месяцев 1942 г. было допущено 1 850 отключений, чем был вызван простой рабочих в 115 000 человекодней (как говорилось в документах того времени) [2. Л. 29]. На Ленинской блокстанции Наркомугля располагаемая мощность в 1943 г. снизилась на 2 МВт за счет аварийного выхода из строя турбины (повреждение лопаточного аппарата) [14. Л. 22]. В Новосибирске в первом полугодии 1943 г. на электростанциях произошло 4 аварии, а уже в июле и августе положение резко ухудшилось: на ТЭЦ 2 за это время произошло 4 аварии, на ТЭЦ 1 – 2 и на ТЭЦ 3 – 1 [1. Л. 22].

Следует отметить, что причинами многочисленных аварий были не только перегрузка оборудования и его изношенность, но и ошибки персонала, о чем свидетельствуют архивные документы.

В Постановлении Главвостокэнерго НКЭС СССР о работе Кемеровского энергокомплекса по данным годового отчета за 1942 г. № 7 от 10 марта 1943 г. отмечалось, что число аварий возросло по сравнению с 1941 г. на 20% (18 против 15), из них 10 аварий произошли по вине персонала [7. Л. 3]. Аварийность на Новосибирских ТЭЦ составила за 10 месяцев 1942 г. 21 аварию, в том числе станционных – 12, сетевых – 9. По вине персонала произошло 13 аварий [17. Л. 58].

Итак, несмотря на большое количество аварий и простоев, нельзя не отметить, что энергетика претерпела значительные изменения. За годы войны резко возросли мощности станций, производство электроэнергии. Это обеспечивалось тремя путями: размещением эвакуированных электростанций (Каширская, Сталиногородская ГРЭС, Ленинградская ТЭЦ и др.), расширением мощностей действующих, строительством новых объектов (блокстанции, Томская ГРЭС и др.). В результате к концу Отечественной войны производство электроэнергии в Сибири (в том числе в Западной Сибири) возросло. Производство электроэнергии в Западной Сибири составило (в млн кВт·ч): 1940 г. – 1 863, 1943 г. – 3 250, 1944 г. – 3 868, 1945 г. – 4 075 [18. С. 233]. Такие изменения вполне объяснимы. От электроэнергии напрямую зависела производительность всех предприятий региона, которые работали на оборону страны.

Все эти изменения отразились на повседневной жизни горожан. Во-первых, большое количество населения работало на предприятиях энергокомплекса. Например, количество персонала предприятий Кемеровоэнерго в 1944 г. характеризовалось следующим образом: рабочих – 1 178 чел., ИТР – 199, служащих – 61, МОП – 156, учеников – 46, пожарная охрана – 1 чел. [19. Л. 32].

Во-вторых, электроэнергии для нужд населения, конечно, не хватало. Однако нельзя утверждать, что она вовсе отсутствовала. За потребление электроэнергии граждане должны были платить деньги. В газете «Советская Сибирь» в годы Великой Отечественной войны периодически размещались объявления для потребителей электроэнергии. Так, в целях улучшения обслуживания потребителей электроэнергии начисление и прием денег за электроэнергию для абонентов, не имеющих счетчиков, с 1 апреля 1942 г. производились всеми приписными кассами Коммунбанка. Для начисления оплаты было необходимо, не дожидаясь контролера Энергосбыта, предъявить в кассу абонентную книжку образца 1942 г. Оплата должна была производиться не позже каждого пятого числа последующего месяца, после чего взымалась установленная пеня. Абоненты, не внесшие своевременно оплату за электроэнергию, подлежали отключению [20].

Абонентам, имеющим счетчики, Энергосбыт предлагал ежемесячно между 1-м и 5-м числами один раз записывать показания электросчетчика на отдель-

ный листок и представлять запись на следующий день вместе со своей абонентской книжкой в приходную кассу Комбанка для оплаты за электроэнергию. Все домоуправления, госучреждения, артели, торговые и зрелищные предприятия, не имеющие своих подстанций, пользующиеся электроэнергией через счетчики были обязаны в эти же сроки представлять показания своих электросчетчиков в Энергосбыт в письменном виде, с подписью и печатью. Абоненты, не представившие записей показаний и не уплатившие денег за пользование электроэнергией в установленный срок, подлежали отключению без дополнительного предупреждения [21].

Таким образом, электроэнергетика – одна из отраслей, которая характеризовалась поступательным развитием в городах Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны. Так же как и другие отрасли, она была направлена на выполнение задач, связанных с обеспечением нужд фронта.

Развитие электроэнергетики в меньшей степени коснулось повседневной жизни горожан: ограничения в потреблении электричества, отключение света на длительное время в жилых домах на протяжении всей войны и т.д. Керосиновые лампы, свечи, самодельные светильники были неотъемлемой частью городской повседневности в военные годы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив Новосибирской области (далее – ГАНО). Ф. П-4. Оп. 8. Д. 483.
2. Центр документации новейшей истории Томской области (далее – ЦДНИ ТО). Ф. 80. Оп. 3. Д. 173.
3. ГАНО. П–4. Оп. 6. Д. 3.
4. Государственный архив Кемеровской области (далее – ГАКО). Ф. Р–787. Оп. 1. Д. 34.
5. Жилищно-коммунальное хозяйство Кемеровской области: 60 лет истории (сборник). Томск : ГалаПресс, 2002. 237 с.
6. ГАНО. Ф. Р–1365. Оп. 1. Д. 24а.
7. ГАКО. Ф. Р–919. Оп. 1. Д. 9.
8. ЦДНИ ТО. Ф. 80. Оп. 3. Д. 5.
9. ЦДНИ ТО. Ф. 80. Оп. 3. Д. 6.
10. ГАКО. Ф. Р–18. Оп. 5. Д. 15.
11. Советская Сибирь. 1943. 23 окт.
12. ГАКО. Ф. Р–18. Оп. 5. Д. 20.
13. ГАНО. Ф. П–4. Оп. 6. Д. 547.
14. ГАКО. Ф. Р–919. Оп. 1. Д. 10.
15. ГАКО. Ф. Р-277. Оп. 1. Д. 1.
16. ГАНО. Ф. Р–1365. Оп. 1. Д. 30а.
17. ГАНО. Ф. П–4. Оп. 6. Д. 453.
18. *Докучаев Г.А.* Рабочий класс Сибири и Дальнего Востока в годы Великой Отечественной войны. М. : Наука, 1973. 422 с.
19. ГАКО. Ф. Р–919. Оп. 1. Д. 13.
20. Советская Сибирь. 1942. 15 марта.
21. Советская Сибирь. 1942. 28 мая.

Статья представлена научной редакцией «История» 15 марта 2016 г.

ELECTRIC POWER SUPPLY IN WESTERN SIBERIA DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR (BY THE EXAMPLE OF NOVOSIBIRSK, KEMEROVO, TOMSK)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 406, 164–168.
DOI: 10.17223/15617793/406/26

Shevlyakov Aleksandr S. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: Shevlyakov54@rambler.ru
Cheremnykh Olga A. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: olqga375@sibmail.com

Keywords: Great Patriotic War; West Siberia; electric power supply.

During the War Western Siberia took on enormous significance as a rear area. There were evacuations of factories and personnel. The peace-time economy changed over to the defense economy. The manufacturing capacities expansion in Western Siberia required uninterrupted power supply. Firstly, it was necessary to run a big number of evacuated factories. Further, there was a swell in population in the towns of the region. Existing electric power plants were not geared to produce electricity as needed. It raised problems with the electric power supply in Western Siberia. The electric power plant in Tomsk was founded in 1895. There were two electric power plants ahead of the Great Patriotic War in Novosibirsk. The capacity of the heat electric generation plant in Kemerovo also could not produce electricity in the city as needed. Along with this per capita energy consumption grew day by day. It lead to shortage of generated electric power. In this regard it was decided to save electricity. In Tomsk, Novosibirsk and Kemerovo standards on electricity consumption by households, factories, trade organizations, educational institutions, places of entertainment were set to ensure the developing industry with electricity supply. Power consumption restrictions were also set in factories. But the problem could not be solved only due to economizing. Electric power was in short supply. The result was business interruption, power failure. To solve the problem of electricity shortage many active measures were taken for power plant expansion in time of the War: new electric power lines were installed, equipment was repaired and replaced, capacities expansion and repair were provided with extra resources. A big problem in time of the War was the fuel supply of power plants. Shortage caused downtime. Frequent breakdowns of service exacerbated the problem and also lead to power reductions. Taken as a whole, the electric power industry underwent significant changes. During the War stations capacity and generation of electric power increased. Three ways lead to this: placement of evacuated power plants, increase in the capacity of the plants, building of new objects. The result was a power generation scale-up in Western Siberia by the end of the War. Such changes were easy to explain. The productivity of all factories in the region which supplied the whole country directly depended on electric power. Development of electrical energy industry touched the daily living of urban residents in a smaller degree. Power consumption restrictions, long-term power cutoff in houses during the whole War, etc., petroleum lamps, candles, home-made lamps were an integral part of urban everyday life during the War.

REFERENCES

1. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund P-4. List 8. File 483. (In Russian).
2. Documentation Center of the Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 80. List 3. File 173. (In Russian).
3. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund P–4. List 6. File 3. (In Russian).
4. State Archive of Kemerovo Oblast (GAKO). Fund R–787. List 1. File 34. (In Russian).
5. Kalitskaya, T.I. & Nemirovich-Danchenko, P.M. (eds) (2002) *Zhilishhno-kommunal'noe khozyaystvo Kemerovskoy oblasti: 60 let istorii*. [Housing and communal services in Kemerovo Oblast: 60 years of history]. Tomsk: Galapress.
6. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund R–1365. List 1. File. 24a. (In Russian).
7. State Archive of Kemerovo Oblast (GAKO). Fund R–919. List 1. File 9. (In Russian).
8. Documentation Center of the Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 80. List 3. File. 5. (In Russian).
9. Documentation Center of the Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 80. List 3. File 6. (In Russian).
10. State Archive of Kemerovo Oblast (GAKO). Fund R–18. List 5. File. 15. (In Russian).
11. *Sovetskaya Sibir'*. (1943) 3 October.
12. State Archive of Kemerovo Oblast (GAKO). Fund R–18. List 5. File 20. (In Russian).
13. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund P–4. List 6. File 547. (In Russian).
14. State Archive of Kemerovo Oblast (GAKO). Fund R–919. List 1. File 10. (In Russian).
15. State Archive of Kemerovo Oblast (GAKO). Fund R–277. List 1. File 1. (In Russian).
16. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund R–1365. List 1. File 30a. (In Russian).
17. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund P–4. List 6. File 453. (In Russian).
18. Dokuchaev, G.A. (1973) *Rabochiy klass Sibiri i Dal'nego Vostoka v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [The labour class of Siberia and the Russian Far East during the Great Patriotic War]. Moscow: Nauka.
19. State Archive of Kemerovo Oblast (GAKO). Fund R–919. List 1. File 13. (In Russian).
20. *Sovetskaya Sibir'*. (1942) 15 March.
21. *Sovetskaya Sibir*'. (1942) 28 May.

Received: 15 March 2016

Вестник Томского государственного университета. 2016. № 406. С. 169–181. DOI: 10.17223/15617793/406/27

УДК: 94(47).083

М.В. Шиловский, А.К. Кириллов, А.Г. Караваева

НЕ НА ЖИЗНЬ, А НА СМЕРТЬ: САРТАКОВСКИЙ СПОР О ПРАВЕ НА ПРИЧИСЛЕНИЕ КАК ОБРАЗЕЦ ВНУТРИКРЕСТЬЯНСКОГО КОНФЛИКТА СТОЛЫПИНСКОЙ ПОРЫ

Авторы предпринимают ситуационный анализ одного из наиболее драматических случаев документированных столкновений между переселенцами и старожилами в Сибири начала XX в. Камнем преткновения стал вопрос о праве переселенцев на причисление к сельскому обществу против воли последнего. Источниковую основу составляют документы, исходящие от обеих противоборствующих сторон, а также от чиновников различных ведомств (имевших разные взгляды на методы решения конфликта). Документы позволяют изучать события, тянувшиеся с 1910 по 1916 г. За эти годы конфликт прошёл три стадии, из которых последняя ознаменовалась двойным убийством. Но наиболее важны первые две стадии, в ходе которых устанавливается хрупкое равновесие – не столько баланс интересов, сколько «баланс недовольства». Эта картина позволяет понять механизм разрешения конфликтов в тех случаях, которые не попали в полицейские сводки.

Ключевые слова: столыпинское переселение; новосёлы и старожилы; крестьянские конфликты; причисление к сельскому обществу; волостное самоуправление.

В июне 1916 г. в небольшом западносибирском селении поблизости от Транссиба произошла кровавая развязка спора между крестьянами, тянувшегося несколько лет. Происхождение этого спора обусловлено знаменитым столыпинским переселением, но не само переселение является предметом изучения. Суть событий – борьба группы крестьян за право стать частью сельского общества, которое их к себе принимать не захотело. В дело включается и обычный механизм крестьянского самоуправления (сельский сход, волостной старшина и волостной суд), и государственная власть (до губернатора включительно), но вся эта система не предотвращает двойного убийства.

Известно, какое впечатление произвело российское самодержавие конца XIX в. на американского журналиста Джорджа Кеннана: государство в России – повсюду, без него нельзя и шагу ступить. Образ этот, хотя и подвергнутый сомнению сто лет спустя Стивеном Фрэнком [1], сохраняется и поныне. Сартаковский случай отлично показывает ограниченность действительного воздействия власти не в случае «политических преступлений» (раскрытие которых важно для самой власти), а при нарушении собственно крестьянских интересов. Не только в борьбе с природой, но и с нарушителями порядка крестьянам приходилось полагаться, прежде всего, на себя. Осознание этого явления важно для понимания того общества, с которым Россия встречала новый век и которое большевикам пришлось долго перестраивать в 1930–1940-е гг.

Социальные конфликты в деревне – одна из важных тем для советских историков. Преимущественное внимание при этом уделялось борьбе крестьян против государства, но в качестве «второй социальной войны» отмечались и противоречия внутри крестьянства. Планомерная работа увенчалась составлением хроник крестьянского движения, в том числе отдельных – для Сибири [2, 3]. Авторы ставили задачей описать столкновения возможно более полно, используя даже краткие упоминания о событиях.

Конфликты между старожилами и новоселами как элемент массовых переселений в Сибирь в конце XIX – начале XX в. отмечались и современниками, и исследователями аграрной сферы региона. Иногда они принимали массовый характер, как это имело место в Енисейской губернии в 1912 г., Барнаульском и Змеиногорском уездах Томской губернии в конце 1912 – начале 1913 г. [3. С. 166, 169–170]. В конце 1960-х гг. Л.М. Горюшкин определил эти выступления как проявления второй социальной войны против кулачества: «Работая в первые годы по найму, переселенцы стремились завести собственное хозяйство, и их субъективные интересы во многом были направлены на борьбу за хозяйственную самостоятельность. В частности, это проявилось в форме борьбы новоселов и старожилов. Но за этой формой скрывалась объективная антикапиталистическая направленность. Дело не в противоречиях новоселов и старожилов как таковых, а в классовых разногласиях, которые возникали между беднейшей и зажиточной частью тех и других. Не все переселенцы боролись против старожилов, как и не все старожилы являлись эксплуататорами новоселов» [4. С. 333].

В хронике крестьянского движения, подготовленной под руководством Л.М. Горюшкина, столкновения старожилов и новоселов квалифицируются применительно к 1907–1914 гг. как переходная форма второй социальной войны с уточнением, что «при сопротивлении землеустройству переплетение черт двух социальных войн нашло отражение в отказах старожилов принимать переселенцев на излишние земли» [3. С. 68].

В обобщающем исследовании сибирского крестьянства периода капитализма В.Г. Тюкавкин отмечал массовые выступления переселенцев, «...недовольных переселенческой политикой царизма и произволом чиновников. Новоселы требовали увеличения ссуд, отвода лучших наделов из пустовавших казенно-оброчных статей, лесных дач и запасных участков». Но, с другой стороны, автор фиксировал стремление старожилов использовать безвыходное положение неприписанных новоселов, что выразилось в увеличении платы за аренду земли, выпас скота» [5. С. 247, 235].

Одному из авторов настоящей статьи уже доводилось высказывать свой взгляд на противоречия между старожилами и переселенцами рубежа XIX–XX вв: «Первоначально, пока маховик переселений только набирал обороты, старожилы были заинтересованы в причислении новоселов к своим сельским обществам,

поскольку это создавало рынок дешевой рабочей силы», но по мере нарастания миграционного потока «старожилы начинают воспринимать переселенцев как захребетников и требовать их водворения на свободные земли» [6. С. 95, 96]. Противоречия эти столь значительны, что можно констатировать наличие своеобразного старожильческо-переселенческого фронтира в этот период.

Продолжением дореволюционного (идущего от чиновников) подхода к конфликтам старожилов и переселенцев, с отказом квалифицировать их как проявление второй социальной войны, стала позиция барнаульских историков-аграрников. Ссылаясь на источники, они отмечают многочисленные факты «притеснений, осуществлявшихся старожилами по отношению к новоселам». К тому же «массовый приток мигрантов из внутренних губерний страны приводил к ломке привычного уклада старожилов» [7. С. 145–146; 8. С. 179–194]. С иных позиций пытаются рассматривать это явление некоторые омские историки. По их мнению, оно связано с проблемами ментальности и адаптации основных социальных групп региона к изменяющимся условиям природной и социальной среды. Поэтому «важнейшим условием формирования моделей территориального поведения является неповторимое сочетание на данной территории природных, климатических, экономических, геополитических, социокультурных и иных факторов, имеющих долговременной характер» [9; 10. С. 66].

Классик советской историографии дореволюционного периода Б.Г. Литвак, подводя итоги этой работы, указывал, что именно наличие массовой статистики позволяет делать доказательные суждения [11]. В то же время среди историков крепло представление о том, что «вся история крестьянства – это история местная» (но служащая объяснению крупных явлений) [12. P. 944]. В начале XXI в. российские и зарубежные историки работают на уровне не только отдельных регионов, но даже отдельных волостей и селений [13–16].

Работа такого рода затруднена скудостью документов, подробно отражающих жизнь простых людей. В упомянутой выше хронике с июня 1907 по июль 1914 г. зафиксировано 31 столкновение; из них некоторые были разрешены мирно, с использованием правовых процедур. Так, в 1909 г. в д. Оселки Кузнецкого уезда 6 семей переселенцев самовольно поселились на кабинетские земли. Они были выселены по постановлению мирового судьи. В 1910 г. в с. Битковском Барнаульского уезда старожилы отказались допринять на лишние земли своего надела 10 переселенческих хозяйств. В ответ на это администрация отобрала излишки надельной земли. Зачастую конфликты перерастали в открытые вооруженные столкновения, как это произошло в 1909 г. в пос. Константиновском Каинского уезда, где на почве размежевания земель между старожилами и переселенцами произошли кровавые столкновения. Несколько человек получили ранения.

Лишь в виде исключения наличные документы позволяют составить исчерпывающую картину произошедшего. Сартаковский случай – один из таких редких примеров. В обширном фонде Томского губернского управления нам удалось обнаружить целое дело, посвящённое Сартаковскому противостоянию [1]. Эта подборка достаточно подробна, чтобы мы могли использовать столь популярный среди экономистов метод ситуационного анализа (case study) и досконально изучить все стороны Сартаковского дела, выяснить не только события, но и побуждения всех участвующих в деле сторон. Большинство споров, подобных Сартаковскому, кануло в лету, и лишь самые острые случаи отразились в документах, сохранившихся в фондах учреждений. Эти единичные случаи позволяют понять целый класс явлений, который не учитывался статистикой и может быть выявлен только изучением отдельных случаев.

Столкновение в Сартаково служит отличным материалом для применения источниковедческих навыков. Каждая сторона представляет своё положение так, что вызывает острое сочувствие. Тем не менее описания эти – взаимоисключающие. Невозможно, чтобы каждое из них содержало «правду, всю правду, и только правду». Задача здесь не столько в том, чтобы отмерить «середину» между двумя истинами, сколько в том, чтобы учесть всё разнообразие обстоятельств и доводов, которые влияют на действия каждой из сторон (старожилы, переселенцы, власть, притом что каждая из этих групп неоднородна).

Переселенцы или старожилы? Прежде всего, обратим внимание на место действия. Выяснение географических подробностей в данном случае позволяет сделать немаловажные выводы общественного свойства. Согласно «Списку населённых мест Томской губернии на 1911 год» (с. 258–261) в Федосовской волости есть только одно селение с названием, близким к искомому. Оно названо «заимка Сартакова» и помещено в раздел «переселенческие посёлки». Селение не бедное: есть маслодельный завод и две мелочные лавки. В Сартаковой значится 80 дворов, 178 наличных душ мужского и 196 женского пола, на них приходится 1345 дес. земли. При 15-десятинной норме такой надел предназначался бы примерно для 90 душ, что совпадает с числом членов сартаковского общества, имеющих право голоса на сходах 1915 г.

Иначе изображает положение дел подробная (на 14 листах) переселенческая карта 1911 г. (рис. 1). Согласно раскраске карты д. Сартакова отнесена к числу старожильческих; переселенческие участки начинаются сразу за сартаковскими владениями.

Такое противоречивое сочетание картографических и списочных данных можно объяснить следующим образом: Сартакова – деревня «новых старожилов» из числа бывших переселенцев. Проверить это предположение позволяют две карты 1900 г. и Список населённых мест Томской губернии на 1899 г. На карте Томской губернии 1900 г. из коллекции В.И. Анучина (рис. 2) Федосовское селение находится легко, деревни же Сартаковой нет.

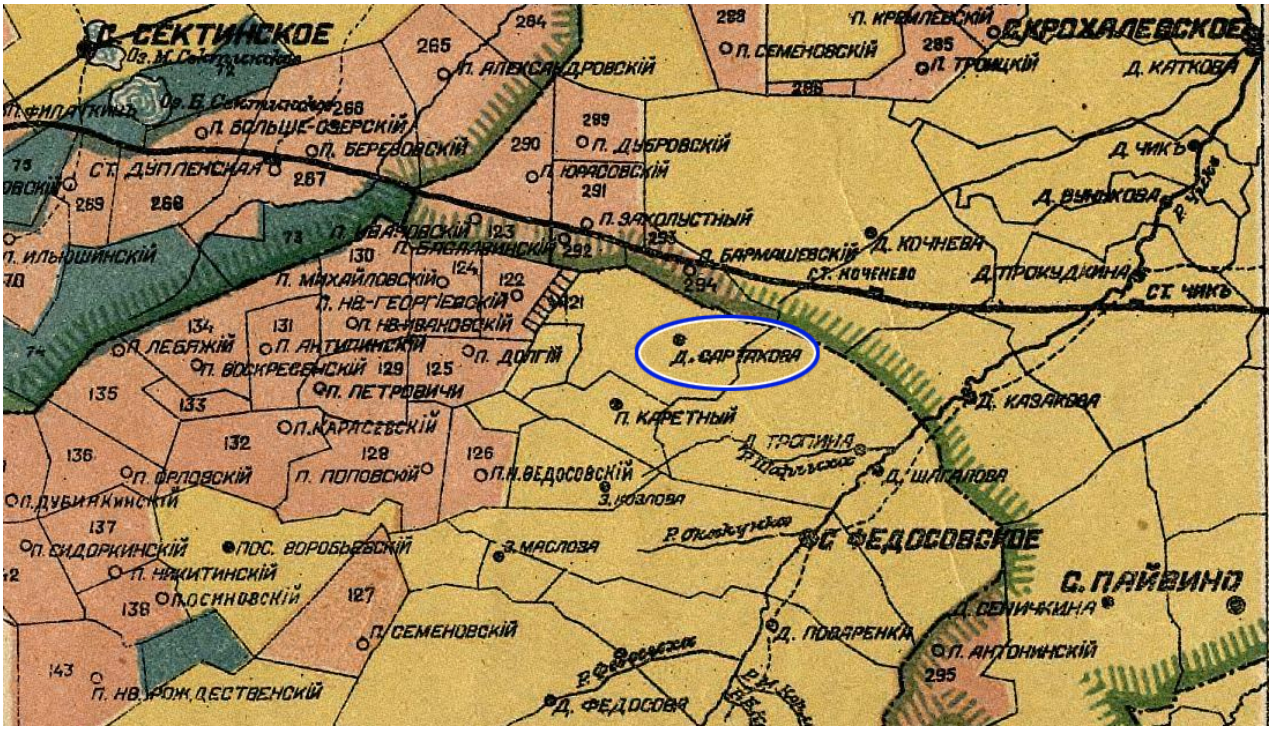

Рис. 1. Фрагмент карты Томской губернии, составленной Томской переселенческой районной организацией в 1911 г. (Библиотека Томского краевого музея, № 392), с показом д. Сартаковой

Рис. 2. Фрагмент карты Томской губернии, составленной в Томской губернской чертёжной в 1900 г. (из коллекции В.И. Анучина; Библиотека Томского краевого музея, № 815), с показом с. Федосовского

Рис. 3. Карта Алтайского округа ведомства Кабинета Е.И.В., составленная в чертёжной Главного управления округа в 1900 г. (Библиотека Томского краевого музея, № 587), с показом с. Федосова и д. Сартаковой

Что ещё важнее – не названо Сартаковское поселение и в списке населённых мест Томской губернии 1899 г. Село Федосовское (будущий волостной центр, которому подчиняется Сартаково) относится к Екате-

рининской волости (с. 448–453). Ни в этой ни в других близлежащих волостях Сартаково не упомянуто. Но на карте Алтайского округа за тот же 1900 г. (см. рис. 3) неподалёку от Федосова мы находим и деревню или заимку Сартакову. Существование её в этом году несомненно. Нестыковка между двумя картами 1900 г. вполне логична: Алтайский округ был официально закрыт для переселений; поселение на его землях было покушением на имущественные права государя-императора, поэтому окружное руководство имело основания более пристально следить за вновь возникающими поселениями.

Карты ясно показывают, что расстояние от Сартаковой до железнодорожной ст. Кочнево (Коченёво – нынешний райцентр Новосибирской области) в любом случае меньше, чем до волостного центра (последняя цифра известна из Списка населённых мест: 18 вёрст). Сартаково – первое поселение по пути от ст. Кочнево на юго-запад.

Таким образом, ясно, что д. Сартакова обязана своим появлением Транссибу. Поселение возникло в 1899 или 1900 г. К 1909–1910 гг. основатели селения уже успели обжиться и потерять 10-летнюю податную льготу, т.е. и в хозяйственном смысле, и в юридическом сравняться со старожилами. Показательно, однако, что понятие «старожилы» не используется сартаковскими крестьянами и почти не используется чиновниками. Захватчики сартаковских земель многократно в разных документах названы переселенцами. Те же, кто им противостоит, обозначают себя обтекаемо: «общество», «общественные». И в памяти чиновников, и в их собственном восприятии они ещё оставались переселенцами, а Сартакова – переселенческим селением.

Незаконное приселение и неправильное причисление. Как раз на исходе 1910 г. до д. Сартаковой добралось межевание. Землеустроители впервые устанавливали на сибирских просторах точные границы земельных владений каждого сельского общества. Известно, что право на земельный надел в составе общества могли получить не только полноправные члены этого общества, но и неприписанные – при условии, что у них есть собственное хозяйство. При отсутствии хозяйства достаточно было приёмного приговора от общества. Из разъяснений Переселенческого управления, данных в 1912 г. (л. 15–16), мы знаем, что не за всеми жителями д. Сартаковой землеустроители признали право на надел.

Гавриил Бакулин, Фрол Васильев и ещё «86 душ» (значит, два десятка семейств) в надельный список зачислены не были. Следовательно, приёмного приговора они не имели и самостоятельного хозяйства не вели. В то же время дальнейшая их страстная борьба за землю показывает, что они не были ни ремесленниками, ни торговцами. Остаётся предположить, что переселенцы жили в батраках у сартаковских хозяев. Возможность поработать первые годы в чужом хозяйстве, обустроить дом и только потом приступать к работам на собственном наделе была важным доводом в пользу приселения к уже существующим обществам. Правительство рекламировало российским крестьянам отдельные участки, отмежёванные специально для переселенческих посёлков. Но крестьяне понимали, что за компанию со старожилами устроиться проще.

Как показывал в 1915 г. Виктор Рыбаков (к тому времени уже бывший сартаковский староста), самовольцы вместе с семьями поселились в Сартаково в 1908 г. (л. 53) [2]. То был год высокого всплеска переселенческого движения. Усиленная реклама сибирских просторов дала результат, превзошедший ожидания самого правительства и возможности межевых партий. Крестьяне из малоземельных губерний стремились в Сибирь, зачастую игнорируя систему организации ходаческих и переселенческих партий; Западная Сибирь была наводнена самовольными переселенцами, отчаянно пытающимися устроиться хоть куда-нибудь. Только что отмежёванные переселенческие участки распределялись по квотам между конкурирующими губерниями и уездами Европейской России. В этих условиях возможность пристроиться хотя бы в батраки к старожилам означала не самую злую долю.

Более того, есть основания полагать, что непричисленные переселенцы происходили из тех же мест, что прибывшее ранее. Во всяком случае, фамилия Мосолов[3] встречается по обе стороны сартаковской баррикады. Михаил Мосолов – один из непричисленных переселенцев, учтённых в Сартаковой на исходе 1910 г. Он же – один из активистов переселенческой борьбы в 1915–1916 гг. С другой стороны, среди тех, кто 14 сентября 1915 г. перечислял становому приставу обиды со стороны переселенцев, оказались Никанор Григорьевич Мосолов (сартаковский пастух) и Емельян Мосолов (л. 56 об., 57 об.) [4]; в числе подписавших один из общественных приговоров встречается Григорий Мосолов (л. 51–52). С высокой степенью вероятности можно предположить если не близкое родство, то общие корни Михаила и его противников. Переселение «по наводке» прибывших ранее – обычное дело в сибирских переселениях конца XIX – начала XX в. Из Сартаково тянулись нити в разные уголки Европейской России: Михаил Мосолов происходил из Самарской губернии, Ченские – из Тульской, Васильевы – из Казанской, Бакулины и Кутенковы (односельчане) – из Орловской губернии (л. 6–6 об.). Но если не все, то некоторые из связей действовали, по-видимому, на протяжении многих лет.

В таких-то условиях к сартаковцам и прибыли межёвщики. Одновременно с размежеванием под новые посёлки нетронутых полей и лесов межевые партии проводили землеустройство старожильческих селений в поисках «излишков» против 15-десятинной нормы. Такое землеустройство и состоялось в Сартаковой на исходе 1910 г., излишки были обнаружены [5]. Обычно в таких случаях обществу предлагали сохранить надел, но с обязательством допринять новых членов соответственно площади «излишка». В данном случае кандидаты в новые члены общества уже были налицо (Гавриил Бакулин и его товарищи), поэтому чины поземельно-устроительной партии предложили «на излишние земли, включённые в надел, не причислять

новых членов по приемным приговорам (т.е. по воле общества. – *Авт.*), а причислить недостающее число по протоколам крестьянского начальника (т.е. независимо от воли общества. – *Авт.*); в этих целях был составлен список непричисленных переселенцев, имеющих право быть причисленными» (л. 17–17 об.). Томская казённая палата, воплощая предложение землеустроителей, постановлением от 7 января 1911 г. причислила Бакулина и его товарищей к Сартаковскому обществу.

Однако это решение не было утверждено поземельно-устроительной комиссией, которая «решила поддержать перед общим присутствием губернского управления ходатайство общества о сохранении в границах надела земельного излишка, но с обязательством допринять на него по приемным приговорам». Значит, сартаковцы согласились считать свой надел «излишним» и принять новых членов – каких-нибудь, только не тех, что уже живут. Как вариант можно было бы допустить, что они собираются допринять своих подросших детей, но этот логичный и законный довод нигде в дальнейших документах не упоминается. Ясно, значит, что конфликт уже был налицо на исходе 1910 г. Сартаковцы-общественники были очень недовольны своими новыми соседями. И на первых порах они, казалось, победили. Раньше, чем в Сибири сходит снег, 15 марта 1911 г., Томская казённая палата отменила своё постановление от 7 января. Но январское постановление – хотя бы и отменённое вскоре – дало переселенцам точку опоры для борьбы за свои интересы.

Противостояние 1911 года: юридические доводы и практические соображения. Противостояние 1911 г. – это, в конце концов, одна многоходовая попытка непричисленных переселенцев доискаться правды, найти у властей управу на сартаковское общество. Они быстро прошли местные инстанции и уже 8 июля (как явствует из разъяснения губернского управления на л. 12 об.) получили отказ от самого губернатора. Тогда переселенцы обратились за помощью к сенатору О.Л. Медему, ревизовавшему управление Сибири (л. 13–14). Прошение направлено от имени 86 доверителей Бакулина и Фролова, однако между делом сообщается, что в большинстве своём они «разбрелись» по Сибири. Осталось лишь 24 души, причём в основном это жёны и дети, объединяемые вокруг шести глав семейств.

Обращает на себя внимание сочетание доводов в обращении к Медему. Ходатаи вроде бы доказывают свою юридическую правоту: говорят о «путанице с умышленной целью» (в землеотводных документах), намекают на решающее значение умышленно скрываемого от них загадочного «списка Быкова», требуют рассмотреть все относящиеся к делу документы. С другой стороны, «самым важным» они называют свою бедность, жалуются на «несчастное положение» и «умоляют» «не оставить несчастных отцов и их семейств, полуголодных и оборванных». Переселенцы, таким образом, понимают слабость своих юридических доводов, но всё-таки представляют юридическую часть дела как свой козырь. Они понимают, что для представителей государства вопрос о законности – первостепенный.

Мастерски составлен абзац о проблемах с припиской. В начале его упоминается «некто» Илья Потапов (вероятно, переселенец из другого места выхода, не являющийся близким знакомым авторов текста). Его история не излагается в подробности, и лишь даётся намёк на то, что сибирские власти отказывались выдать ему паспорт с местной припиской. Независимо от того, правда это или нет, сюда явно не подходит случай Александра Васильева, которому Федосовское волостное правление паспорт выдало (л. 63), и сами жалобщики об этом сообщают. Тем не менее эти два случая сводятся воедино и ненавязчиво, но определённо выводятся на рассуждения о том, что вероятные претензии к Васильеву за неявку на призывной участок будут безосновательны. Эти рассуждения не остались в теории. Сыновья переселенцев не пошли служить не только в 1911 г., но даже в 1915, даже после получения повесток.

Заслуживает внимания и стиль обращения. В исходящих от крестьян документах начала XX в. обычное дело – косноязычие и падежные нестыковки; между тем ходатайство Бакулина и Васильева даёт образец первосортной риторики. Здесь и патетические восклицания: «Мы не можем допустить даже той мысли, чтобы в нашей матушке России ложь и обман взяли верх», и риторические вопросы: «Куда деваться и что делать: суму на спину?», и «государственный взгляд» на дело: «И без нас едет сюда немало с голодных губерний», и дискредитация противника (как чиновников-«взяточников», так и старожилов, которые «поговаривают принимать новых, как только удастся им выгнать нас»). Мы не знаем, сам ли Фрол Бакулин сочинял подписанный им документ [6]. Но точно, что автор ходатайства к О.Л. Медему обладал отличными адвокатскими навыками.

Наконец, стоит обратить внимание на отличную осведомлённость переселенцев об устройстве системы властных органов. После неудачи жалобы крестьянскому начальнику они вышли на уровень губернии, причём добились личной встречи с губернатором [7]; не добившись успеха здесь, нашли сенатора-ревизора (к которому специально ездили за 250 вёрст в Томск!). Не получив удовлетворения и от него, стали действовать по линии ГУЗиЗ: обратились к заведующему Томским районом, потом – и в столицу, в Переселенческое управление. Одновременно с этим они обращались с запросами в губернские органы по месту прежней своей приписки.

Сенатор О.Л. Медем, пересылая переселенческую жалобу томскому губернатору, ходатайствовал об устройстве просителей, а не о рассмотрении их жалобы, таким образом однозначно высказываясь в их пользу. Использованное сенатором выражение «не обязательно» означает ущемление старожилов: устроить переселенцев можно было бы и на другой земле. Но «обязательно» означает нечто большее, чем тот приём, который переселенцы встречали прежде: «идите куда знаете, а где вы возьмёте на это деньги, нас не касается».

Однако губернское правление, которому губернатор передал этот текст, ограничилось сухим отказом со ссылкой на разъяснение губернатора при июльской встрече (л. 12 об.). На рубеже ноября–декабря 1911 г. этот ответ был доставлен подателям жалобы, а уже в начале июня следующего (1912) года свой ответ в Сартаково отправило Переселенческое управление (л. 15–16). Прежде чем отвечать на телеграмму из Федосовской волости, переселенческие чиновники запросили мнение заведующего землеустройством и переселением в Томской губернии. Если судить по срокам обработки жалобы Медему, обмен между двумя инстанциями должен был занять не меньше месяца. Жалоба была отправлена по телеграфу – значит, она воспринималась переселенцами как срочная. Можно предположить, что она была подана с обострением земельного вопроса в начале земледельческого сезона, и переселенцы надеялись, что им удастся отстоять право запашки в текущем году.

Ответ Переселенческого управления обрывал последнюю нить надежды переселенцев получить поддержку властей. Ни местные власти, ни центральные не признали законность их претензий. До этого времени вся их практическая борьба на месте (запашка, угрозы) была лишь средством продержаться до получения «правильного» решения от «справедливых начальников». Тяжбы с обращением к столичному начальству – явление нередкое для эпохи железной дороги и телеграфа. Теперь же борьба переселенцев превратилась в борьбу против всех. Средь бескрайнего враждебного окружения они создали свой остров, на котором решили держаться до конца – вопреки соседям и невзирая на постановления чиновников.

1912–1914 гг.: сила закона и право сильного. Земля, поскольку она связана с полевыми работами, – имущество особое: его можно передавать из рук в руки только раз в год. Кто распахал пашню по весне, тот и снимет с неё урожай. Весной 1912 г. сартаковские переселенцы, подавшие жалобу в Переселенческое управление, не стали ждать ответа из столицы и распахали часть угодий д. Сартаково. Вот как об этом говорилось в приговоре сартаковского общества от 11 мая 1915 г.: переселенцы «со второй половины апреля месяца сего года начали проявлять свои скандальные дела, как это они делали года три назад, т.е. самовольно начали пахать и засевать земли» (л. 18). Судя по этому выражению, в 1911 г. переселенцы своей запашки ещё не имели (и были заняты постройкой подворья). В 1912 г. экспансия переселенцев вышла на новый уровень – они захватили землю, на тот момент, вероятно, никем не паханную. Требовать от переселенцев покинуть уже засеянный участок, оставив будущий урожай, общество не стало, вероятно, полагая такое требование несправедливым. Но и совсем сдаваться сартаковцы не хотели. Переселенцев было решено выдавить более мягко: общество потребовало с них «полетки». Сумма, которую общество требовало в качестве полетков с Фрола Васильева, составляла 55 руб. – цифра, заведомо превосходящая налоговый платеж каждого из членов общества (не говоря уже о налоговой льготе, которую имели бы переселенцы, заселившись на переселенческом участке). Таким образом, «полетки», которых требовало общество, были не просто, но запретительной платой. Это была уступка со стороны общества – признание права переселенцев временно пользоваться захваченной землёй. Но уступка временная, подразумевающая скорейший уход переселенцев.

Однако переселенцы не собирались уходить. Они просто-напросто отказались выполнять требование о полетках. Подати, «которые причтутся на нашу долю как крестьян причисленных, мы платить согласны, а полетки, хотя бы и [по] принужденью судом, добровольно платить не будем» (л. 60 об.) – так будет передавать их слова пристав в сентябре 1915 г.

Притязания переселенцев не ограничивались пашней. Обиды сартаковских общественников, накопившиеся с 1912 г., излагает протокол дознания от 14 сентября 1915 г., составленный приставом 9 стана Барнаульского уезда. Терентий Павлов привёл случай 1913 г.: по приказанию сельского старосты он отделил скот непричисленных от мирского стада, но Ф. Васильев пригрозил ему убийством, если это ещё раз будет сделано. Василий Королев сообщил, что в 1911 г. Бакулин и Васильев не давали ему строиться на участке, отведённом рядом с тем местом, на которое претендовали они. В итоге он принуждён был бросить уже поставленный сруб и убежать; брошенное было переселенцами разрушено (л. 53–59 об.). Переселенцы, таким образом, не пытались оторвать от общества кусок земли; они пытались стать частью общества вопреки его воле. Это был, используя понятие XXI в., не столько грабёж, сколько рейдерский захват.

Для разрешения споров между крестьянами существовало волостное и сельское управление, обеспеченное судебными и полицейскими полномочиями. Действие этой системы в сартаковском случае описывает целый ворох отношений, протоколов и актов, пересылавшихся между сельским старостой, волостным старшиной, полицейским урядником и уездным съездом крестьянских начальников (л. 25–50). Кратко перечислим шаги, пройденные сартаковскими общественниками в борьбе за свою правду.

26 мая 1912 г. Федосовский волостной суд по иску Сартаковского сельского общества к Фролу Васильеву принял решение о взыскании 55 руб. с Ф. Васильева за полетки. Васильев принёс апелляционную жалобу на это решение. 19 декабря 1912 г. уездный съезд крестьянских начальников отклонил жалобу Васильева. 6 февраля 1913 г. сообщение об этом было послано в Федосовское волостное правление.

27 февраля 1913 г. волостное правление предписало Сартаковскому старосте воплотить вступившее в силу решение от 26 мая. Для этого требовалось произвести опись имущества и назначить торги. Но когда староста 1 марта пришёл производить опись, Ф. Васильев и его сыновья угрозой оружия заставили старосту, десятского и понятых отступить. Сообщая об этом в волость, староста просил помощи в описи имущества Васильева.

5 марта 1913 г. волостное правление препроводило отношение старосты полицейскому уряднику Федо-

совской волости с просьбой помочь при описи имущества Васильева. На документе есть надпись урядника от 12 апреля 1913 г. о том, что он возвращает эту переписку в волостное правление «по исполнении» (л. 32 об.). И действительно, в деле сохранилась опись имущества Ф. Васильева, предназначенного к продаже за неплатеж полеточного сбора за 1911 г. В перечне этом, как требовал закон, волостной старшина особо отметил имущество, которое можно продать «без разорения хозяйства» (л. 27). Сюда не вошли ни дом, ни три лошади, ни корова. Продать предполагалось жеребёнка, шесть овец, кур, самовар, кошёвку, дровни и кадушки – общим счётом на 16 руб. (при долге в 55 руб.). 18 апреля волостной старшина отправил старосте предписание немедленно произвести продажу имущества.

Следующий ход в этой борьбе был сделан уже после сбора урожая. 3 ноября 1913 г. Федосовский старшина вместе с полицейским урядником и понятыми явился для продажи имущества Ф. Васильева. Но Васильев «вооружился литовками» и не допустил продажи. Теперь все возможные в рамках волости средства были использованы, результат получен не был. Документы о безуспешных взысканиях по решению волостного суда сохранились не только для Ф. Васильева, но и для Ф. Ченского, У. Кутенкова, Г. Бакулина.

В 1914 г. попытки воплотить прежние и новые судебные решения продолжались, но качественных перемен не происходило. Использование карательного аппарата сельского и волостного уровня зашло в тупик. Сартаковское общество собрало целую коллекцию судебных решений в свою пользу. Но воплотить их не удавалось: не хватало грубой физической силы.

Нельзя сказать, что переселенцы в своей борьбе игнорировали юридическую сторону дела. Они бережно хранили несколько документов, позволявших им претендовать на юридическую обоснованность своих притязаний. Самые весомые из них – это два отношения самарских губернских органов власти по поводу Михаила Мосолова. Отношение Самарской казённой палаты Баклановскому волостному правлению Бузулукского уезда Самарской губернии сообщало о том, что М. Мосолов с 1-й половины 1911 г. причислен к д. Сартаковой (л. 61а – 61а об.). Документ датирован 19 марта 1912 г., причём содержит отсылку на то самое, быстро отменённое, постановление Томской казённой палаты от 7 января 1911 г.

Его дополняет отношение Самарского губернского присутствия от 3 сентября 1913 г. самому Михаилу Мосолову, живущему в Томске (по Кондратьевской улице, дом Степанова, № 17, кв. 3). В ответ на поданное губернатору прошение о выдаче паспорта ему сообщали, что он предписанием Самарской казённой палаты от 19 марта 1912 г. причислен к д. Сартаковой Екатерининской волости Барнаульского уезда Томской губернии, куда ему и надо обратиться с ходатайством на получение вида на жительство (л. 61–61 об.).

Оба этих документа особенно важны потому, что составлены уже после того, как Томская казённая палата 15 марта 1911 г. отменила январское решение о причислении сартаковских самовольцев. И в марте 1912 г., и в сентябре 1913 г. авторитетные губернские власти сообщали живущему в Томске крестьянину, что он причислен к деревне Сартаковой. Была ли то ошибка Томской казённой палаты, забывшей переслать в Самару сообщение об отмене своего январского (1911 г.) решения, или ошибка самарских чиновников, подшивших важную бумагу не к тому делу, но только у Михаила Мосолова появился важный козырь. Неясно, знали ли о нём Гавриил Бакулин с товарищами в 1912–1913 гг., но точно, что по возвращении Михаила Мосолова в Сартаково эти документы поступили в «общий котёл» переселенцев.

При этом они игнорировали документы, противоречащие их интересам. Сохранилось датированное 11 июля 1913 г. «объяснение» Тульского губернского присутствия крестьянину Фёдору Ченскому (в ответ на его прошение тульскому губернатору) о том, что он причислен к Тульской губернии. Тульские чиновники уточнили, что Ченский был сначала исключён из крестьян Тульской губернии «вследствие отношения Томской казённой палаты от 7 января 1911 г.», но «согласно отношению той же палаты от 15 марта 1912 г.» причислен обратно (л. 24а–24а об.).

Следовательно, нельзя считать, что переселенцы искренне заблуждались насчёт своего статуса. Дело обстояло иначе: для них существовало только одно решение проблемы, и они использовали всякое лыко в свою строку. Но независимо от степени своей юридической правоты они готовы были стоять насмерть.

Со своей стороны, общество д. Сартаковой не проявляло равной решительности. Для общественников необходимость поделиться жизненным пространством с самовольцами выступала досадным обстоятельством, но не вопросом жизни и смерти. Судя по тому, что в 1912–1914 гг. не упоминаются фамилии пострадавших от самовольной запашки, самовольцам удалось распахать земли, не входящие ни в один из крестьянских наделов. Недееспособность в данном случае волостных механизмов власти была очевидна уже в ноябре 1913 г., но полтора года после этого ни общество, ни волостные власти не пытались добиться защиты ни у крестьянского начальника, ни у губернатора.

На протяжении 1912–1914 гг. сложилось хрупкое равновесие. «Промежуточной точки», которую готовы были бы признать обе стороны, не существовало, но фактически сосуществование имело место. Если бы такое положение продлилось ещё несколько лет, то оно имело бы шансы так или иначе закрепиться. Однако в дело вмешались внешние обстоятельства. Военный призыв физически ослабил сартаковское общество и подтолкнул переселенцев к тому, чтобы перейти в наступление.

Обострение 1915 г.: губернатор умывает руки. Весной 1915 г. сартаковские переселенцы вновь распахали общественные земли. Но теперь они расширили запашку, ведь их стало больше. К четвёрке семейств, боровшихся на протяжении 1911–1914 гг. (Васильевы, Бакулины, Кутенковы, Ченские)[8], в 1915 г. добавляется Михаил Мосолов. Он был в числе самовольцев, ошибочно причисленных к Сартаковой

в январе 1911 г., затем прожил несколько лет в Томске; после начала мировой войны, ставшей тяжким бременем для экономики, вернулся в Сартаково. Одним из главных предметов возмущения сартаковских общественников в 1916 г. будет то, что Мосолов, прежде не имевший дома, купил сруб и поставил в д. Сартаково на общественном усадебном месте (л. 77а–77а об.). О нём же в 1915 г. сообщали, что он в начале сева присматривал среди уже поделенных (между членами общества) угодий землю под посев, утверждая, что «земля принадлежит всем тем, кто ее обрабатывает, и что отдельных владельцев нет и быть не может, а если кто-либо будет ему препятствовать пахать облюбованную землю, то он того непременно убьёт» (л. 56). М. Мосолов в 1915–1916 гг. обзаводился хозяйством, которого не успел создать ранее.

Делал он это в союзе с прочими переселенцами. Совместное действие переселенцев – одно из важных условий их успеха. Перечисляя обиды с их стороны, старожилы не раз называют несколько имён кряду: переселенцы оказываются то вдвоём, то втроём. При попытке взыскания судебных долгов переселенцы тоже собрались все вместе (в доме Бакулиных) и прогнали старосту с понятыми. Описывая в майском 1915 г. акте запашку общественной земли, волостной старшина уточнял, что «временно проживающие», по их заявлению, распахали землю «на вопщем между ими не определено по домохозяевам» (л. 23 об.). Общий фонд переселенцев составляли и документы, подкрепляющие их права: как видно из штампа на обороте документа, копия справки Самарской казённой палаты о причислении Михаила Мосолова была выдана в июне 1915 г. Гавриилу Бакулину (л. 61а – 61а об.).

Расширяя запашку в 1915 г., переселенцы не ограничились землями, закреплёнными за обществом в целом, и вторглись в наделы определённых крестьян. Вот как описывал произошедшее Ф. Белавин, полдесятины которого запахали отец и сын Васильевы: «Когда я сказал им, что хлеб с этой земли соберу и свезу, Васильевы ответили: “Попробуй – не рад будешь; ты у нас увезешь хлеб с 1/2 десятины, а мы у тебя уничтожим с 20 десятин”. В угрозе этой я усмотрел поджог, а потому и поступился своей землёй» (л. 55 об.). В таком же положении оказались ещё, по крайней мере, Ефрем Огиенко, Нестер Калягин и Николай Самохин.

Вторжение переселенцев в чужие наделы резко обострило положение. В отличие от прошлых лет, общество начало активную борьбу за свои права. Агрессивные действия самовольцев относятся ко второй половине апреля 1915 г. 1 мая 1915 г. крестьянскому начальнику в с. Берское (будущий г. Бердск) была отправлена телеграмма о том, что «самовольно проживающие», «...угрожая оружием, засевают землю призванных мобилизацией Старшина содействия не дает просим Вашего распоряжения. Сартаковское общество» (л. 22–22 об.). Срочное (телеграммой) и прямое (через голову волостного правления) обращение к высокому начальству показывает выход конфликта на новый уровень.

Волостное правление, получив запрос крестьянского начальника, попыталось вернуть дело в русло судебных тяжб. Отношением от 18 мая оно заверило крестьянского начальника, что «земли принадлежащей семействам призванных на военную службу означенные крестьяне не запахивали», а запахали только землю, отведённую под сбор денег на строительство церкви, о чём помощником волостного старшины ещё 21 апреля был составлен акт, выданный обществу для предъявления судебного иска (л. 21–21 об.).

Однако эта попытка не сработала. Не видя ответа от крестьянского начальника, Сартаковское общество уже 11 мая составило приговор, которым поручало члену общества Матвею Барышову ходатайствовать об ограждении общества от насильственных действий «самовольно проживающих» перед самим губернатором (л. 18–19 об.). Обращаясь к высокому представителю власти, получающему назначение лично от государя-императора, общество сделало акцент на патриотической стороне дела. Пятеро переселенцев, «пользуясь тем, что из среды нашего общества до настоящего времени выбыло и поступило в ряды защитников родины 68 человек, с наступлением весенних полевых работ то есть со второй половины Апреля месяца сего года <...> самовольно начали пахать и засевать земли как призванных в Армию, так и равно остальных общественников, угрожая вооруженным сопротивлением тем, кто будет им в этом препятствовать». «Притом у Васильева и Мосолова имеются взрослые сыновья, которые давно должны отбывать воинскую повинность, но таковые почему-то не являются куда следует» (л. 18). Прося защиты, общество предупреждало: «У нас у общественников с самовольно проживающими Васильевым и другими может произойти скандальный случай и даже убийство, так как они угрожают оружием и открыто заявляют в скором времени начнут пахать чью попало землю под посев 1916 год» (л. 18 об.).

20 мая Матвей Барышов, добравшись до Томска, лично вручил этот приговор губернатору (л. 4 об.). Губернатор медлил с решением, обстановка по-прежнему накалялась. Форма 3 июня следующего ходатайства с прежним содержанием отражает высокую степень напряжения: телеграмма с оплаченным ответом. Васильев и Масалов, сообщалось в телеграмме, «опять самовольно зачали распахивать общественную землю вызывая этим сильное возбуждение общества» (л. 8). Телеграмма подписана в качестве уполномоченного от общества д. Сартаковой Нестером Калягиным – одним из тех, кто непосредственно пострадал от самовольной запашки.

Пять дней спустя, 9 июня Калягин же телеграфировал крестьянскому начальнику: «Губернатор телеграммой приказал обратиться Вашему содействию просим скорейшего распоряжения может произойти убийство» (л. 9). 19 июня 1915 г. крестьянский начальник Кондратенко наконец прибыл в Сартакову. Он составил протокол, в котором записал и жалобы общественников на постоянные угрозы убийства и поджога, и ответ переселенцев: «На предложение крестьянского начальника оставить д. Сартакову <...> мы не согласны, так как здесь мы уже обзавелись хозяй-

ством, и выехать отсюда для нас значит разориться. От подписи отказались» (л. 10).

При составлении протокола крестьянский начальник старался быть подчёркнуто беспристрастным. Он не только даёт слово на сходе переселенцам и записывает в протокол их позицию, но и после того, как они отказываются от подписи и, по всей видимости, уходят, старается сохранить позицию «над схваткой». Показательна реплика Нестера Калягина, записанная в протоколе так: «Когда я шел в обход, то Мосолов на улице замахнулся на меня ножом и сказал: “Вот тебе и душа вон”. Возможно, что это он и шутя сказал» (л. 10). Первой части реплики, где выдвигается обвинение, противостоит вторая часть, которая это обвинение уничтожает. Ясно, что между ними – вопрос крестьянского начальника, который, видимо, заботился о том, чтобы протокол нельзя было упрекнуть в пристрастности.

Неделю спустя он переслал этот протокол томскому губернатору вместе с документами минувших лет (о безуспешных попытках воплотить решения суда) и своим отзывом. Как выяснилось, он был не первый год знаком с сартаковскими переселенцами и уже не раз слышал от них, что они «никогда не уйдут из деревни Сартаковой и не подчинятся даже силе» (л. 4). В ходе недавней поездки «выяснилось, что отношения между общественниками и переселенцами страшно обострились». «Предупредить нежелательное столкновение» чиновнику удалось только обещанием, что в близком будущем переселенцы будут выдворены. Решение казалось крестьянскому чиновнику очевидным: высылка из пределов губернии «в порядке охраны». «Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия», притча во языцех эпохи Александра III, принималось для борьбы с революционерами и позволяло губернатору высылать опасных для порядка в губернии людей по личному усмотрению. Томская губерния находилась на положении чрезвычайной охраны почти с самого начала мировой войны.

Особого внимания заслуживает позиция общества. Крестьяне-общественники перечисляют беды, подчёркивают угрозу убийства со стороны переселенцев и просят о помощи, но они выступают не с позиции слабого и предупреждают про возможность «скандального случая, и даже убийства». Общественники, следовательно, отлично осознают своё превосходство в грубой физической силе (даже после ухода мобилизованных остаётся 90 хозяев, имеющих право голоса на сходе, из которых 74 собираются на сход, принявший ходатайство 11 мая 1915 г.). Осознают и юридическую свою правоту. Они могли бы смести самовольцев силой, но это грозит вылиться в кровопролитие, за которое придётся нести ответственность. Поэтому переселенцы пытаются действовать законным способом. Но они не просят у властей милости. Они предлагают выбор: или вы добьётесь соблюдения закона, или мы поступим, как сами умеем.

После того как требование сартаковского общества о выселении переселенцев поддержал крестьянский начальник, настало время подключать полицию. 31 июля губернское управление запросило заключение по этому делу барнаульского исправника (л. 73). Исправник отправил на разведку пристава 9 стана, который 14 сентября провёл дознание на месте и полностью принял сторону сартаковского общества. Составленный им протокол дознания включает показания 19 общественников, в которых ключевое внимание уделяется угрозам со стороны переселенцев (убить тех, кто противится, и сжечь посевы общества). Включает он и показания переселенцев, настаивающих на своём праве быть членами сартаковского общества.

В протоколе дознания явно прослеживается лейтмотив непризнания начальства. Вот типичные примеры высказываний, вложенных авторами показаний в уста переселенцев: «Мы никакого начальства не признаем и признавать не будем», «губернией у нас правит не губернатор, а какой-то мошенник», «дознание производил в Сартаковой не крестьянский начальник, а какая-то шпана и сволочь» (л. 53–59 об.). Была ли то заранее согласованная линия поведения сартаковцев или личная инициатива пристава, смысл её очевиден: вызвать раздражение начальства против самовольцев. Последние, впрочем, от этих обвинений открестились, заявив в том же протоколе, что «поносить и ругать правительство в лице г. Начальника губернии и крестьянского начальника никогда себе не позволяли и не позволим» (л. 60).

Поначалу пристав не обратил внимания на проблему призыва, однако во второй день составил отдельный протокол на эту тему. Дело кончилось тем, что трое крестьян (включая и Никанора Васильева, младшего брата Александра) дали подписку с обязательством «немедленно выехать в место своей приписки для отбытия воинской повинности в Россию» (л. 67). Из документов следующего года мы узнаем, что «немедленный» выезд так и не состоялся. Как видно, пристав представлял в глазах крестьян слишком грозную силу, открыто противиться которой было невозможно. Но как только он уехал, переселенцы вернулись к обычной тактике.

Пересылая все собранные материалы исправнику, пристав указал на необходимость высылки переселенцев «в порядке охраны» и вновь обратил внимание начальства на возможные последствия: «Сартаковцы от самосуда если и воздерживаются, то только потому, что среди их есть несколько человек разумных крестьян, которые удерживают их от этого» (л. 71 об.).

Дело шло, таким образом, к применению карательного закона. В этот момент произошёл крутой поворот: на основе собранных приставом материалов исправник пришёл к выводу, что «выдворение переселенцев в порядке охраны в данном случае не имеет оснований» (л. 1 об.). Об этом он сообщил губернатору отношением 28 сентября 1915 г.

У нас нет достаточных оснований для определённого решения о побуждениях полицейского руководителя. Действительно ли исправник считал выселение переселенцев несправедливым? Выражения, в которых он описывает поведение переселенцев, выдают скорее его враждебность: «…означенные пере-

селенцы действительно являются вредными и опасными для Сартаковского общества, производя у него самовольную запашку усадебных мест, пользуясь общественными выгонами и землей и вырубая общественные леса, при упорном нежелании уплачивать какие-либо сборы и постоянных угрозах населению» (л. 1).

Исправник упрекает общество в «инертности»: против переселенцев оно выступало долгое время «в лице лишь некоторых своих членов»; возможность «решительными мерами пресечь <...> в корне» действия самовольцев не была использована. Упрёк выглядит надуманным: ведь переселенцы прогоняли не только старосту и старшину, но и урядника – полицейского служащего.

С другой стороны, трудно представить, что начальник всей уездной полиции боится пятерых крестьян, хотя бы и вооружённых. Ключ надо искать в предложении выселять самовольцев судебным порядком, которое в отзыве исправника изложено даже дважды. Как видно, сама по себе идея выселения не кажется исправнику кощунственной, но он ищет авторитетного её подкрепления. Возможно, исправник учитывал уже имевшийся к тому времени опыт обсуждения подобных дел в прессе и хотел обеспечить себе алиби в глазах общества, избавиться от лишней ответственности.

Этот путь снимал ответственность не только с исправника, но и с губернатора, он и был использован начальником губернии. Отношением 18 ноября В.Н. Дудинский сообщил крестьянскому начальнику, что к высылке в порядке охраны «достаточных оснований не усмотрено» и вопрос о выселении «должен быть разрешён в судебном порядке по возбуждении Сартаковским сельским обществом соответствующего по сему предмету ходатайства» (л. 74–74 об.). Учитывая уже известную нам результативность судебных решений по сартаковскому делу, это означало, что вопрос должен быть закрыт. Так завершилась «кампания 1915 г.» в деревне Сартаковой.

1916 год: запоздалая попытка сдержать стихию. В следующем году переселенцы, как и следовало ожидать, вновь распахали захваченную ранее землю. Общество 9 мая 1916 г. вновь составило приговор; уполномоченным от общества на сей раз стал Р. Башаев. В вину непричисленным вменялось то, что они в наступившем году «изволили выехать и распахать выгон поскотину и посеять пшеницей где у нас у местных крестьян выпуск лошадей и выход табунов», причём «производя посевы на крестьянских надельных паях с вооружением в руках угрожают местных крестьян» (л. 77–77 об.). Особым пунктом ставилась в счёт уже упоминавшаяся установка дома М. Мосоловым. Надежды авторы приговора возлагали на крестьянского начальника, к которому и посылали своего ходатая.

История 1915 г. пошла, таким образом, по второму кругу. Так же, как и в прошлом году, в первой половине июня дело дошло до телеграммы губернатору. Сохранившаяся в деле копия этой телеграммы не датирована, но, учитывая быстроту обработки телеграмм чиновниками в предыдущем году, можно утверждать, что она отправлена незадолго до вызванных этой телеграммой отношений губернатора исправнику и крестьянскому начальнику, т.е. 10 или 11 июня.

Текст телеграммы не кажется необычным: самовольцы распахали общественную землю, уклоняются от службы в армии, угрожают убийством. Разве что добавляется указание на возможное расширение конфликта: нарушители не только уже распахали чужие участки, но и «начинают опять распахивать землю, собираются для сего все вместе». Концовка вновь типична: просим «усмирить самовольцев, дабы не было скандала до убийство кого-либо» (л. 79–79 об.).

Эта, в общем-то, прогнозируемая телеграмма вызвала, однако, совсем иную реакцию губернатора, чем в прошлом году. Он предписал исправнику «немедленно принять меры к прекращению самоуправных действий со стороны вышеуказанных крестьян и к привлечению их за таковые к законной ответственности, а также к привлечению к воинской повинности сыновей Васильева и Ченского, если только они действительно подлежат к отбыванию таковой» (л. 80–80 об.). Более того, он переслал копию этого предписания крестьянскому начальнику и «предложил» ему «принять и со своей стороны меры к недопущению самоуправных действий со стороны означенных в телеграмме крестьян» (л. 78). Казалось бы, речь идёт о полицейских мерах, зависящих от исправника. Возможности крестьянского начальника в такой обстановке скудны; посылая ему «предложение», губернатор хватался за соломинку. Он наконец ощутил опасность.

Раньше, чем адресаты успели получить отношения губернатора, в Сартаковском деле произошла развязка. 13 июня Федосовский волостной старшина отправил начальству рапорт о том, что «временно проживающие в д. Сартаковой кр-не Александр и Никанор Васильевы с прочими сего 13 июня, распахивая самовольно общественный выгон возбудили вооруженное буйство и литовкою убили крестьянина дер. Сартаковой Нестера Петрова Калягина, последний же обороняясь убил Никанора Васильева» (л. 81а).

Исправник, прибывший в Сартаково 22 июня, уточнил в своём рапорте, что вооружённое столкновение началось с попытки старосты и понятых остановить братьев Васильевых, пахавших общественную поскотину. Никанор Васильев замахнулся ножом на Нестера Калягина и получил от него ружейную пулю. Сам Калягин побежал в сторону успевших отъехать односельчан, но не смог уйти от Александра Васильева, который зарубил его косой. Последний вместе с отцом в тот же день уехал в Новониколаевск. Рапорт завершается сдержанной припиской: «...считаю нужным доложить Вашему превосходительству, в дополнение представления своего от 28 сентября 1915 года <...> что отношения между крестьянами дер. Сартаковой и упомянутыми Васильевыми обострились до невозможности, крестьяне озлоблены на непричисленных за то, что они, проживая в этой деревне оседло, невзирая ни на какие распоряжения, пашут не принадлежащую им землю, рубят лес, в общественном выгоне пасут скот, и не платят и не несут бук-

вально никаких повинностей» (л. 82–83). Как видно, теперь исправник уже не возражал против использования положения об усиленной охране.

Этот путь, как ни удивительно, и был использован губернатором. 8 июля 1916 г. он постановил: сартаковским переселенцам «ввиду вредного направления и опасной, для общественного порядка, деятельности, воспретить, на время продолжения Положения чрезвычайной и усиленной охраны, пребывание в пределах Томской губернии, выслав их, с установленными проходными свидетельствами, в избранные ими самими места жительства» (л. 84–84 об.). Итак, за убийство переселенцы поплатились переменой места жительства на любое другое, удобное им. Строго говоря, у нас нет документов, подтверждающих, что постановление губернатора было исполнено. Но в пользу этого предположения говорит ходатайство М. Мосолова с просьбой лишь об отсрочке выезда (до сбора урожая).

Подведём итоги. На протяжении 1910–1916 гг. Сартаковское противостояние прошло три стадии. С конца 1910 г. (когда произошло межевание) до лета 1912 г. центр тяжести лежал на юридической борьбе переселенцев за право причисления к обществу. При этом они самовольно строились и даже пахали землю, но всё это имело второстепенное значение по сравнению с ходатайствами в различные инстанции, которые могли бы узаконить уже произведённый переселенцами захват. Именно переселенцы выступали здесь обиженной, слабой стороной; они просили защитить их от притеснений старожилов (и местных властей). После того, как их притязания были отвергнуты на всех уровнях, стало ясно, что переселенцы могут рассчитывать только на себя.

С лета 1912 до весны 1915 г. переселенцы существовали на положении осаждённой крепости. Невзирая ни на какие приказания выборных крестьянских властей и судебные решения (из волостного и даже мирового суда), они брали силой то, что было им необходимо – усадебное место, долю в пахотных землях, право выпаса скота в общем стаде, право пользования лесом. Общество пыталось добиться от них арендной платы за захваченные земли, но отступало перед ожесточёнными угрозами.

Весной 1915 г. переселенцы, используя ослабление противника (призыв на фронт) и собственное усиление (возвращение из города Михаила Мосолова), попытались расширить запашку. Поскольку свободных земель уже не оставалось, они «экспроприировали» часть земель из чужих наделов. Это вызвало бурную реакцию сартаковского общества. Теперь уже старожилы почувствовали себя обиженными и стали жаловаться властям. Чиновники, непосредственно взаимодействующие с крестьянами (крестьянский начальник и становой пристав), выразили переселенцам полную поддержку, однако исправник и губернатор в 1915 г. недооценили реалистичность угрозы кровопролития, а в 1916 г. уже не успели вмешаться. После кровавой развязки переселенцам пришлось всё же покинуть облюбованное ими место.

Сартаковская история позволяет сделать несколько наблюдений, касающихся крестьянского общества в Сибири начала XX в. В качестве попутного замечания стоит сказать о быстрой утрате крестьянами европейских губерний переселенческого статуса. Юридически закреплённая податная льгота переселенцев свидетельствует, что государство давало переселенцам 10 лет на превращение в старожилов. Этих 10 лет, как видно из Сартаковского дела, действительно было вполне достаточно. Стоило вчерашнему переселенцу обзавестись хозяйством, он чувствовал себя полноправным хозяином. При этом он с удовольствием пользовался как материальными, так и юридическими выгодами своего положения – нанимая новых переселенцев в батраки, требуя с них денег за приёмный приговор.

Ещё один попутный штрих к портрету обновлённого российского общества начала XX в. – умение крестьян работать в правовом поле. Они, не сходя с места, собирают необходимые им справки со всей страны и запасаются нотариально заверенными копиями. Они знают, кому можно пожаловаться на волостное правление и даже на местных чиновников. Они не стесняются теребить губернатора телеграммами и ходоками. Они видят, что власть состоит из разных ведомств (не преуспев у губернатора, жалуются сенатору-ревизору, затем – в Переселенческое управление). Их обращения к властям риторически оформлены так, чтобы выдвигать на первый план то, что важно для государственных служащих («государственные соображения», «патриотизм», «оскорбление государственной власти»). Крестьяне не боятся власти, и высокие чиновники, даже будучи несогласны с ними, обращаются к ним «на вы»; и крестьянский начальник, будучи убеждён в необходимости скорейшей высылки переселенцев, при составлении протокола старается быть нарочито объективным. Всё это довольно далеко от образа патриархальной российской глубинки и заскорузлых мужиков, который до сих пор ещё встречается в представлениях о дореволюционной России.

Главное, о чём позволяет судить Сартаковское дело, – это методы решения спорных случаев. Обращает на себя внимание поведение начальника уездной полиции и губернатора. Оно составляет решительный контраст с представлениями о беспощадной карательной системе. Сами чиновники объясняли такое решение желанием учесть интересы обеих спорящих сторон. При этом использовалась презумпция широкой ответственности за трудовой договор (хотя бы и неписаный). Раз старожилы в первый год нанимали переселенцев в батраки, значит, теперь старожилы не могут покинуть переселенцев один на один с их проблемами. Такая логика напоминает политику государства применительно к отношениям фабрикантов и рабочих – политику, отмеченную внедрением фабричного законодательства в пользу рабочих.

Неясно, насколько сам губернатор осознавал такую постановку вопроса. Судя по всему, главную роль в таком поведении чиновников играло желание снять с себя ответственность за силовое решение, чреватое в случае его огласки обвинениями в ущемлении интересов переселенцев. Вот почему крестьянский чиновник, от которого требуется лишь мнение, настойчиво требует высылки переселенцев, а губер-

натор, в компетенции которого входит использование положения об усиленной охране, «не находит оснований» для его применения. Вот почему исправник (которому предстоит непосредственно устраивать высылку, если такое решение примет губернатор), будучи враждебно настроен к переселенцам и не возражая, в общем-то, против их удаления, советует губернатору отправить старожилов искать правды в суде.

Власть, таким образом, пустила дело на самотёк. Столкновения между старожилами и подселившимися к ним выходцами из Европейской России были часты, и отступление от буквы закона в пользу примирительной линии – обычная линия поведения высших властей начиная уже с 1880-х гг. Можно было надеяться, что в этом случае, как и во многих других, дело так или иначе уладится. Либо переселенцы уйдут на новые места (именно так поступило большинство товарищей Г. Бакулина и Ф. Васильева), либо старожилы скрепя сердце согласятся причислить их к своему обществу.

Казалось, что именно к этому и идёт дело. Сложившееся равновесие опиралось на то, что угроза для одной стороны была жизненно важна (потерять нажитое и начинать всё с начала), а для другой – лишь существенна (потерять возможность расширения хозяйства). Сартаковские общественники, не так давно переселившиеся в Сибирь, легко могли примерить на себя испытание повторным переселением. Они понимали, что угрозы переселенцев – не пустые слова: если требовать их переезда, они пойдут и на поджог, и на убийство.

Однако как только переселенцы перешли от использования «ничейных» общественных земель к запашке чужих наделов (хотя бы и малыми частями), положение резко изменилось. Старожилы тоже ощутили угрозу жизненно важным интересам. С этих пор у обеих сторон появился стимул использовать крайние меры. Убедившись в невозможности добиться справедливости от властей, крестьяне начали действовать силой, и это немедленно привело к пролитию крови.

То, что противостояние в Сартаково окончилось убийством, – исключение из правила, обусловленное личными особенностями переселенцев. При всей драматичности концовки главное для понимания массовых явлений эпохи переселения – это 1-я и 2-я стадии конфликта, в ходе которых устанавливается и поддерживается хрупкое, но имеющее перспективы к закреплению равновесие. Сартаковская история показывает нам роль низовых, независимых от государственной власти процессов в жизни крестьянского общества России начала XX в.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Государственный архив Томской области. Ф. Ф-3. Оп. 12. Д. 1382. Далее номера листов из этого дела указываются по тексту в круглых скобках.

[2] Эта же дата в качестве точки отсчёта указана в общественном приговоре, составленном сартаковцами в тот же день по просьбе пристава (л. 51–52). Не исключено что дата верна: значит, переселенцы жили в батраках не один год, а три. С другой стороны, сами переселенцы на это не указывают, хотя для них это было бы выгодно; можно допустить и ошибку документов 1915 г. В любом случае переселенцы появились не позже 1910 г.

[3] Фамилия эта пишется по-разному; Масалов, Масолов, Мосалов. Очевидно, первые две гласные были безударными.

[4] При этом и Емельян, и Никанор Мосоловы жалуются на переселенцев Петра Ченского, Фрола Васильева, но не на Михаила Мосолова. У других свидетелей, записанных в том же протоколе, упрёки в адрес Михаила Мосолова неоднократны.

[5] Мы можем оценить и объём этого превышения: согласно уже приводившимся данным Списка населенных мест 1911 года на девяносто 15-десятинных наделов в Сартаковой приходилось 80 дворов.

[6] Фамилию свою он подписывал с трудом, но это ещё не доказательство косноязычия.

[7] Переселенцы и чиновники по-разному описывают её результат: то ли губернатор разъяснил неприемлемость требований, то ли обещал разобраться, но сам факт встречи указывают обе стороны (см.: л. 12 об., 14).

[8] В ходатайстве Медему 1911 г. упоминались также Максим Харин и Панкратий Зубарев. Ни в каких позднейших документах они уже не упоминаются – очевидно, они уехали уже в 1911 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Frank Stephen. Crime, cultural conflict and justice in rural Russia, 1856–1914. Berkeley : University of California Press, 1999.
2. Крестьянское движение в Сибири 1861–1907 гг. Хроника и историография / Л.М. Горюшкин, В.В. Кучер, Г.А. Ноздрин и др. Новосибирск, 1985.
3. Горюшкин Л.М., Ноздрин Г.А., Сагайдачный А.Н. Крестьянское движение в Сибири. 1907–1914 гг. Хроника и историография. Новосибирск, 1986.
4. Горюшкин Л.М. Сибирское крестьянство на рубеже двух веков. Конец XIX – начало XX. Новосибирск, 1967.
5. Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. Новосибирск, 1983.
6. Резун Д.Я., Шиловский М.В. Сибирь, конец XVI – начало XX века: фронтир в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. Новосибирск, 2005.
7. Разгон В.Н., Храмков А.А., Пожарская К.А. Столыпинская аграрная реформа и Алтай. Барнаул, 2010.
8. Разгон В.Н., Храмков А.А., Пожарская К.А. Столыпинские переселенцы в Алтайском округе: переселение, землеобеспечение, хозяйственная и соицокультурная адаптация. Барнаул, 2013.
9. Чуркин М.К. Переселенцы и старожилы Западной Сибири: природно-географические, социально-психологические, этнопсихологические аспекты взаимоотношений (в конце XIX – начале XX в.). Омск, 2001.
10. Кротт И.И. Сельскохозяйственное предпринимательство: поведенческие стратегии и практики в условиях трансформации сибирского общества (1914–1920 годы). Омск, 2010.
11. Литвак Б.Г. Крестьянское движение в России в 1775–1904 гг. История и методика изучения источников. М., 1989.
12. Ben Eklof. [Review of:] Guadin Corinne. Ruling peasants: village and state in late imperial Russia // American historical review. 2008, June.
13. Мамсик Т.С. Чаусское Приобье: население и хозяйство: Опыт ретроспекций по материалам XVII–XIX вв. Новосибирск, 2009.
14. Мамсик Т.С. Первопоселенцы Новосибирского Приобья: По материалам XVII–XIX вв. Новосибирск, 2012.
15. Dennison Tracy. Institutional Framework of Russian Serfdom. Cambridge : Cambridge University Press, 2011.
16. Ильиных В.А., Ноздрин Г.А. Очерки истории сибирской деревни. Новосибирск, 1995.

Статья представлена научной редакцией «История» 24 ноября 2015 г.

A CUTTHROAT COMPETITION: THE SARTAKOVO ARGUMENT OVER THE RIGHT FOR ATTACHMENT AS A CASE OF THE PEASANTS' CONFLICT OF THE STOLYPIN TIME

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 406, 169–181.
DOI: 10.17223/15617793/406/27

Shilovsky Mikhail V. Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation); Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: kapital@history.nsc.ru
Kirillov Alexey K. Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation); Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: kapital@history.nsc.ru
Karavaeva Anastasiya G. State Archive of Tomsk Oblast (Tomsk, Russian Federation). E-mail: anast@post.tomica.ru

Keywords: Stolypin's migration; newcomers and old residents, peasants' conflicts; attachment to rural society; volost' self-government.

The article represents the first results of a case-study project to explore conflicts between Siberian migrants and old residents during the late imperial period. The peasants' movement from the land-hungry regions of European Russia to Siberia inspired Donald Treadgold to call it "The Great Siberian Migration". While continuing the long tradition of studying this milestone of Siberian history, the current publication brings it into a new discourse. Migration is investigated not as a means of developing Siberia but as a source of contradictions which initiate the start of conflict-solving mechanisms existing in the Russian peasant society of the early 20th c. The immediate object of study is a conflict concerning attachment (*prichisleniye*) of several unauthorized migrants to the Sartakovo rural commune (Barnaul *uyezd*, Tomsk Province). This case is especially precious for Sartakovo was a village of the "new old residents" who themselves arrived from the European Russia not long ago. Thus we may be sure that the Sartakovo conflict is a clash of discordant material interests, not of different cultures. The Sartakovo conflict followed three stages during 1910–1916. It was a legal struggle of the migrants for the right of attachment to the commune that prevailed until the summer of 1912. After all of their appeals had been declined, from the summer of 1912 up to the spring of 1915, newcomers would take by force all they needed for running their husbandries, plowlands to be mentioned fist of all. The Sartakovo commune would try to get a reimbursement for the occupied lands judicially but stepped back against threats of arson and death. There emerged a kind of equilibrium: the authority of law that weighed to the side of the old residents was balanced by the newcomers' readiness for desperate resistance for the sake of their vital interests. But in 1915 the newcomers undertook to expand their tilth and went further from using commune's reserve lands to intruding into other peasants' parcels. The old residents' vital interests being now endangered, they too appeared ready to use extreme measures. State and police officials dealing directly with peasants (*krest'yanskiy nachal'nik* and *stanovoy pristav*) supported the old residents without hesitation but the head of *uyezd* (district) police (*ispravnik*) and the governor underestimated the danger of bloodshed. In 1916, when the old residents attempted to stop the newcomers' plowing by force, both the sides used weapons and each of the parties lost one man killed. Only after that the authorities forced the migrants out of the province. The mortal outcome of the Sartakovo conflict is an exception determined by personal qualities of the migrants who acted unusually vigorously in their struggle for the land. However dramatic is the finale of the conflict, its first and second stages are more important for understanding phenomena of the migration epoch since they depict the process of establishing the fragile balance with perspectives of its prolongation. The story of the Sartakovo conflict reveals the role of base processes (independent of the state authorities) in the life of the peasant society of Russia at the dawn of the 20th century.

REFERENCES

1. Frank, S. (1999) *Crime, cultural conflict and justice in rural Russia, 1856–1914*. Berkeley: University of California Press.
2. Goryushkin, L.M. et al. (1985) *Krest'yanskoe dvizhenie v Sibiri 1861–1907 gg. Khronika i istoriografiya* [Peasant Movement in Siberia 1861–1907. Chronicle and historiography]. Novosibirsk: Nauka.
3. Goryushkin, L.M., Nozdrin, G.A. & Sagaydachnyy, A.N. (1986) *Krest'yanskoe dvizhenie v Sibiri. 1907–1914 gg. Khronika i istoriografiya* [Peasant Movement in Siberia. 1907–1914]. Novosibirsk: Nauka.
4. Goryushkin, L.M. (1967) *Sibirskoe krest'yanstvo na rubezhe dvukh vekov. Konets XIX – nachalo XX* [Siberian peasants at the turn of the century. Late 19th – early 20th cc.]. Novosibirsk: Nauka.
5. Okladnikov, A.P. (ed.) (1983) *Krest'yanstvo Sibiri v epokhu kapitalizma* [The peasantry of Siberia in the era of capitalism]. Novosibirsk: Nauka.
6. Rezun, D.Ya. & Shilovskiy, M.V. (2005) *Sibir', konets XVI – nachalo XX veka: frontir v kontekste etnosotsial'nykh i etnokul'turnykh protsessov* [Siberia, late 16th – early 20th cc.: the frontier in the context of ethno-social and ethno-cultural processes]. Novosibirsk: ID "Sova".
7. Razgon, V.N., Khramkov, A.A. & Pozharskaya, K.A. (2010) *Stolypinskaya agrarnaya reforma i Altay* [Stolypin agrarian reform and Altai]. Barnaul: Altai State University.
8. Razgon, V.N., Khramkov, A.A. & Pozharskaya, K.A. (2013) *Stolypinskie migranty v Altayskom okruge: pereselenie, zemleobespechenie, khozyaystvennaya i soitsokul'turnaya adaptatsiya* [Stolypin migrants in the Altai District: relocation, land provision, economic and socio-cultural adaptation]. Barnaul: AZBUKA.
9. Churkin, M.K. (2001) *Pereselentsy i starozhily Zapadnoy Sibiri: prirodno-geograficheskie, sotsial'no-psikhologicheskie, etnopsikhologicheskie aspekty vzaimootnosheniy (v kontse XIX – nachale XX v.)* [The settlers and the old-timers of Western Siberia: the natural-geographic, socio-psychological and ethno-psychological aspects of the relations (late 19th – early 20th cc.)]. Omsk: Omsk State Pedagogical University.
10. Krott, I.I. (2010) *Sel'skokhozyaystvennoe predprinimatel'stvo: povedencheskie strategii i praktiki v usloviyakh transformatsii sibirskogo obshchestva (1914–1920 gody)* [Agricultural entrepreneurship: behavioral strategies and practices in the transformation of the Siberian society (1914–1920)]. Omsk: Omsk State Pedagogical University.
11. Litvak, B.G. (1989) *Krest'yanskoe dvizhenie v Rossii v 1775–1904 gg. Istoriya i metodika izucheniya istochnikov* [The peasant movement in Russia in 1775–1904. History and methodology of the study of sources]. Moscow: Nauka.
12. Ben Eklof. (2008) [Review of:] Guadin Corinne. Ruling peasants: village and state in late imperial Russia. *American historical review*. June.
13. Mamsik, T.S. (2009) *Chausskoe Priob'e: naselenie i khozyaystvo: Opyt retrospektsiy po materialam XVII–XIX vv.* [Chausy Ob: Population and Economy: Experience of retrospectives on materials of the 17th–19th centuries]. Novosibirsk: SB RAS.
14. Mamsik, T.S. (2012) *Pervoposelentsy Novosibirskogo Priob'ya: Po materialam XVII–XIX vv.* [Settlers of the Novosibirsk Ob region: On materials of the 17th–19th centuries]. Novosibirsk: SB RAS.
15. Dennison, T. (2011) *Institutional Framework of Russian Serfdom*. Cambridge: Cambridge University Press.
16. Il'inykh, V.A. & Nozdrin, G.A. (1995) *Ocherki istorii sibirskoy derevni* [Essays on the history of the Siberian village]. Novosibirsk: Institute of History, SB RAS.

Received: 24 November 2015

Вестник Томского государственного университета. 2016. № 406. С. 182–193. DOI: 10.17223/15617793/406/28

УДК 94 (571.651): 339.177

А.А. Ярзуткина

РАЗЪЕЗДНАЯ ТОРГОВЛЯ РУССКИХ КУПЦОВ КРАЙНЕГО СЕВЕРО-ВОСТОКА РОССИИ: ЭТНОИСТОРИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 11-31-00325а2.

Рассматривается разъездная торговля, практикуемая русскими купцами на крайнем северо-востоке России в середине XIX – начале XX в., как социокультурный феномен, способствовавший сближению различных по своим экономическим ориентирам сообществ. Используется этноисторический подход, предполагающий восприятие исторического текста как этнографического источника. В связи с этим основной акцент в статье сделан на описании повседневной жизни, мировоззрения и культуры разъездных торговцев и их покупателей.

Ключевые слова: этноистория; разъездная торговля; торговые взаимоотношения; русские купцы; крайний северо-восток России.

На крайнем северо-востоке России торговля являлась важным способом коммуникации абсолютно разных в экономическом и культурном отношении групп населения. В конце XIX – начале XX в. русские купцы практиковали здесь несколько способов торговли: стационарную – через магазины и лавки, организованные в поселениях; торговлю на ярмарках и в местах, куда в определенное время массово съезжались (прикочевывали) коренные жители, и разъездную торговлю по стойбищам и поселениям. Разъездная торговля была наиболее распространенной формой коммерческой деятельности в этой местности, так как «покупатели» были «рассеяны» по практически неосвоенной территории, ограниченной на северо-востоке рекой Анадырь, на юго-западе – рекой Пенжина, на западе – реками Гижига, Омолон и Колыма[1].

Технологический процесс развозной торговли на крайнем северо-востоке России отчасти описан в работах отечественных авторов [1]. В обобщенном виде он представлял собой следующую схему: торговец закупал либо брал в кредит промышленный товар (чай, табак, изделия из железа, ткань и др.) и в течение нескольких месяцев развозил на собачьей или оленьей упряжке либо на лошадях по стойбищам оленеводов и временным поселениям охотников и рыболовов. Там он обменивал свой товар на пушнину, мамонтовую кость, меховую одежду и возвращался в свой населенный пункт, чтобы продать или обменять полученные продукты. Если детализировать процесс разъездной торговли и представить его как акт межличностной коммуникации и социокультурное явление, существующее в рамках взаимодействий различных по уровню экономического развития разнонациональных обществ, то это историческое явление может быть понято совершенно по-иному. Соответственно, исследование разъездной торговли русских купцов крайнего северо-востока России именно в этом ракурсе с использованием этноисторического подхода к организации и анализу материалов, а также в свете новых тенденций в изучении экономической истории, является, на наш взгляд, вполне актуальным.

Антропологизация истории отдельных экономических явлений, исследование их на микроуровне с учетом ментальности и моделей поведения людей, подразумевало более пристальное внимание к источникам, поиск в текстах символических форм и анализ даже незначительных фактов. Основные сведения, используемые в исследовании, были получены из отчетов, воспоминаний, путевых записок российских чиновников, ссыльных, путешественников, посетивших либо некоторое время проживавших на крайнем северо-востоке России в середине XIX – начале XX в. и имевших возможность непосредственно наблюдать за торговыми операциями или даже принимать в них участие. Этноисторический ракурс предлагаемого исследования позволил рассматривать описания современников в качестве этнографического источника, полученного методом включенного или непосредственного наблюдения.

Репрезентативность источников обеспечивалась сравнительным анализом материалов, а также их сопоставлением со сведениями, содержащимися в архивных документах, специальных работах по истории и этнографии Северо-Востока России и полевым этнографическим материалом, полученным у предпринимателей, ведущих торговлю в конце XX в. в с. Омолон Билибинского района Чукотского автономного округа[2]. Так как главным в данном исследовании было объяснение действий торгующих, то на фоне недостатка информации в источниках часть ее компенсировалась «живой» историей – рассказами современных бизнесменов об организации бизнеса и деталях взаимодействия с покупателями – чукчами, юкагирами и эвенами. Информанты-предприниматели из 90-х гг. XX в., так же как и торговцы начала XX в., не слишком обремененные институциональными ограничениями при осуществлении своей деятельности, действовали в одинаковых природно-климатических и инфраструктурных условиях, в схожих по культурным и поведенческим ориентациям обществах. Опыт современных предпринимателей оказался уникальным источников для проведения параллелей с прошлым и позволил понять некоторые детали ведения бизнеса в иноэтничной среде.

Учитывая, что в науке в настоящее время имеет место методологический плюрализм в применении антропологического подхода к анализу истории экономических явлений [3], считаем необходимым обо-

значить положения, на которые мы ориентировались в процессе исследования и которые повлияли на оценку изучаемых явлений. Первое – экономические отношения традиционного (примитивного, архаичного, доиндустриального) общества принципиально отличаются от экономических отношений общества капиталистического (цивилизованного, рыночного, индустриального). Второе – экономическая сторона жизнедеятельности общества должна рассматриваться в контексте культуры и социальных связей. Третье – при изучении экономических явлений во всех без исключения обществах рациональность не должна приниматься как некая данность. Четвертое – экономические, в том числе торгово-обменные и дарообменные взаимоотношения между представителями рыночного и нерыночного обществ представляют собой феномен, образованный в процессе взаимного приспособления (синтеза) культурных традиций.

Вопросы торговых отношений на крайнем северо-востоке России, происходивших в середине XIX – начале XX в., затрагивались в работах отечественных исследователей, изучающих историю этой местности и культуру проживающих здесь народов [4–8]. Торговля в этих работах рассматривалась в общем контексте изучения истории социально-экономического развития территории. Более детально торговые отношения исследованы в специальных работах, посвященных истории пушного промысла и пушной торговли на Северо-Востоке России [1, 9–12].

В отечественных исследованиях истории торговли на крайнем северо-востоке России внимание ученых было сосредоточено на ее экономической составляющей и выявлении роли крупного и мелкого капитала в развитии территории. При этом роль человеческих ценностей, мотивационных факторов и культурных стереотипов в торговле оставалась обычно «за кадром». Они, однако, не в меньшей степени, чем капитал, влияли на координацию спроса и предложения, товарный ассортимент и в конечном счете на исход торговли.

В зарубежной науке опыт изучения «ментальной» стороны торговли принадлежит антропологам, а инструментарий, применяемый для таких исследований, разрабатывался в рамках экономической антропологии. В ряде работ по истории торговли между европейцами и коренным населением Северной Америки и Канады отношения обмена товарно-материальными ценностями между пришлым и аборигенным населением рассматривались с позиции социокультурных взаимодействий [13–16]. Опыт изучения повседневной жизни коммивояжеров северо-запада Америки XVIII в. принадлежит американскому историку К. Подручной. Используя этноисторические методы и детально изучив биографии отдельных личностей и историю сообществ разъездных торговцев, она описала поведение, привычки, ценности, быт и ритуалы людей, которые проводили свою жизнь на границе европейской и аборигенной культуры. Ее работа ценна в методическом плане как пример подхода к изучению истории социально-профессиональных групп коммивояжеров [17]. История повседневной жизни и культуры разъездных торговцев крайнего северо-востока России, а также их взаимоотношения с коренным населением в настоящее время слабо изучены и данная работа призвана на основе имеющихся источников представить социокультурный портрет разъездного торговца конца XIX – начала XX в.

Участники торговли. Этапы торгового процесса представляли собой не только хозяйственную трансакцию, осуществляемую с целью удовлетворения потребности в товарах или получения прибыли, но также социальное и культурное взаимодействие участников торговли. Взаимодействие осуществляли две стороны: торговцы – непосредственные организаторы и инициаторы обмена, и коренные жители – поставщики пушнины и потребители индустриальных товаров. Категорию торговцев мы обозначили как «русские купцы». Однако термин «русские» для крайнего северо-востока России являлся весьма условным. «Русские» здесь представляли собой местнорусских, смешанные группы – промежуточное звено между пришедшими сюда русскими и коренным населением [2].

Важнейшими факторами идентификации этих «русских» была местность, где они проживали, и целая серия культурных маркеров. Для «русских», проживающих в Марково, Гижигинске, Нижнеколымске и Среднеколымске, более важным, чем национальность, была общность территории [2. С. 154–155], а потому в источниках русское старожильческое население этих поселений именуется «марковцы», «гижигинцы», «анадырцы», «колымчане». Подобная поселенческая идентичность перенеслась и на социально-профессиональные группы.

Разделение русских торговцев крайнего северо-востока России на «марковских купцов», «гижигинских купцов», «колымских купцов» и «якутских купцов» указывает не только на принадлежность к определенному поселению или местности, но и на соотнесенность с определенной локальной культурой того или иного поселения. Кроме того, территориальная идентичность купца указывала на возможности применения определенных форм торговли, территорию охвата потребителей, используемые средства передвижения, путь и время торговых сообщений.

Термин «купец» применительно для указанной местности также оказывается весьма условным. Представления населения крайнего северо-востока России о социальном устройстве были намного меньше подчинены сословным принципам. Здесь каждый занимался той деятельностью, которая могла его прокормить в суровых условиях, а потому признаком купца было осуществление непосредственной экономической деятельности. Количество разновидностей торгующего населения, различие в терминологии и большое количество вариаций посреднической роли населения в торговле, встречаемых в архивных документах и свидетельствах очевидцев, не позволяют свести в систему все упоминаемые категории торговцев. Так, кроме непосредственно «купцов» из числа торгующих выделяли также «приказчиков», «агентов», «скупщиков», «доверенных», «кулаков», «под-

водчиков», «кладьевщиков» и др. В целом к сообществу «русских купцов» крайнего северо-востока России можно отнести местнорусских людей, относительно регулярно занимающихся торговлей, имеющих намерение получить прибыль от сбыта пушнины и для этого установивших контакт с коренным населением, а также связанных с определенным поселением – отправной точкой развозного торга.

Вторым участником торговых отношений были коренные жители. Во второй половине XIX – начале XX в. в районах разъездов купцов, в частности по р. Колыма и ее притокам (М. Анюй, Омолон), проживали в основном эвены, юкагиры, якуты и чукчи. Юкагиров в данной местности в 1859 г. насчитывалось 639 человек, в 1897 г. – 351 [6. С. 144; 18. С. 98–106]. В Анадырском округе основное инородческое население составляли чукчи, эвены и чуванцы. Чуванцев, которые были расселены в основном на р. Анадырь в районе с. Марково, насчитывалось 262 человека. Юкагиры и чуванцы вели полукочевой образ жизни: зиму они проводили в селениях, осенью и в начале весны охотились на диких оленей и пушных зверей, в летний период занимались рыболовством [6. С. 148].

Численность эвенов в Анадырском округе в конце XIX в. достигала 600 человек, в Колымском округе их проживало около тысячи. Основой их хозяйства было оленеводство, а в качестве подсобных выступали пушной промысел и рыболовство [6. С. 159–163; 19. С. 27].

Чукчи были преобладающим населением, проживающим по р. Анадырь: в Анадырской округе их насчитывалось около 6 500 человек [6. С. 189, 191]. Основная масса чукчей этого района занималась кочевым оленеводством. Часть обедневших чукчей-оленеводов расселилась по р. Анадырь. Они занимались рыболовством, охотой на нерп и пушного зверя, вели обмен с оленеводами [20. С. 82–110; 21. С. 193]. С середины XIX в. чукчи стали активно продвигаться в западную часть Чукотки – около 1500 человек кочевали по р. Омолон и в низовьях Колымы [6. С. 189, 191]. Наиболее плотно чукчи-оленеводы были расселены по Малому Анюю и его притокам [22. С. 518]. Разъездной торговлей колымских купцов также были охвачены прибрежные чукчи, расселенные в районе Чаунской губы.

Пути разъездной торговли. Разъездная торговля находилась в непосредственной зависимости от традиционной хозяйственной деятельности коренных жителей. Пути разъездов, а также их количество были индивидуальными у каждого торговца. В доступных нам источниках мы обнаружили только одно описание территории разъезда и количество охваченных обменом коренных жителей, сделанное Б.В. Зоновым в 1928 г. Учитывая, что агенты Якутгосторга в большинстве были бывшими купцами, приведенные ниже примеры вполне могут служить иллюстрацией организации развозной торговли колымскими купцами в начале XX в. Например, вариант пути разъездного агента к жителям, расселенным по р. Омолон, был следующим: от р. Колыма (заимка Банская) к р. Березовка в месте ее разделения на два рукава: Орловских и Сиха. Оттуда по правой стороне бассейна Березовки, пересекая ее притоки до перевала через водораздел между Колымой и Омолоном в вершине р. Мангазейки. Далее спуск к р. Омолон и, перейдя на его правый берег, в долину р. Олоя до устья р. Нендыни. Все расстояние составляло 430 км [23. С. 82]. При этом разъезде, начинающемся в начале декабря, торговый агент охватывал преимущественно эвенское и чукотское население с общей численностью 300–350 человек. Транспортный обоз при таком пути состоял из 16 оленьих нарт с впряженными и запасными оленями общим количеством 40 животных, сопровождаемыми тремя ямщиками [23. С. 83, 84].

Марковские купцы, по описаниям А.В. Олсуфьева и Н.Л. Гондатти, с середины декабря осуществляли разъездной торг на собачьих упряжках на юг от селения Марково на расстояние около 200 км в район р. Алган (правый приток р. Майн), где, благодаря обилию мха, сосредоточивались прикочевавшие с востока чукчи. Объехав их, торговцы направляли свою деятельность в стойбища оленеводов, расположенных в горах к северу и востоку от селения, на расстояние около 300 км [20. С. 155; 24. С. 155, 156].

Устьянские купцы, по сведениям В.М. Зензинова, совершали разъезды по кочевьям в районе рек Индигирка и Абыя (в радиусе 700–900 км), булунские купцы ездили за р. Анабару на границу Туруханского края, т.е. за тысячу километров от Булуна [25. С. 10]. Гижигинские купцы вели разъездную торговлю в Охотском округе в период объезда его окружным начальником и духовенством, когда для сдачи ясака кочевые эвены (всего 577 семейств) собирались в шести стойбищах. В Гижигинском округе такие места определены не были, поэтому там развозная торговля не совпадала по времени со сбором ясака [26. С. 669].

Разъездная торговля по стойбищам практиковалась частными предпринимателями и в 90-х гг. XX в. Так, по сведениям наших информантов, в с. Омолон с 1992 по 1995 г. разъездами занималось около пяти человек.

«У нас были в селе люди, которые брали товар и ехали в стойбище… это поначалу еще, когда олени в бригадах были. Можно было набрать продуктов, поехать в бригаду и поменять на мясо. Мясо в село привозили и продавали… потом оленей не стало и перестали ездить. Это были такие… у кого были “Бураны”[3]… Я не ездил, это уже считалось мелким бизнесом» (м-46/1989-2002/10.02.2012).

«Мы зарабатывали так, – а что, – зарплату не платили, совхозы развалились – выживай как хочешь. Кто пил, мне семью кормить надо было, вот и ездил. Это риск определенный – “Буран” сломается и что?.. километров за 70–100 от поселка ездили. Ну, это только в близкие бригады. На “пену”[4] продукты уложишь, обычно килограмм 200[5], больше не стоит, обмотаешь хорошо, и пару канистр топлива тоже на обратную дорогу… Бригады обычно в хороших местах стояли, мы знали где, да они и на связь выходят по рации, ну и дороги есть старые вездеходные» (м-56/1992-1995/04.03.2012).

Для осуществления разъездной торговли купцу необходимо было хорошо знать местность, по кото-

рой проходят кочевки коренных жителей, а также места, где будут располагаться стойбища. Обычно торговцы имели постоянные связи с хозяевами стойбищ, поддерживали их из года в год и заранее интересовались местами и временем кочевок на будущий год. В омолонской тундре коренные жители, для того чтобы указать торговцу, что в стороне от дороги, по определенному направлению имеется стойбище и его жители имеют запас пушнины, подлежащий обмену, делали своеобразные «знаки тайги» – три срубленных деревца, установленных конусом, в виде яранги [23. С. 86].

Ритуал торговой сделки. Социальное и культурное взаимодействие русских купцов и коренных жителей в процессе разъездной торговли происходило на этапе приезда купца на стойбище и непосредственного обмена товаров на пушнину. Последовательность и содержание действий при торговой сделке включали элементы церемониальности. В целом можно выделить три этапа: комплекс действий, предваряющих торг, непосредственный обмен товаров и проводы разъездного торговца.

Н.И. Спиридонов описывал процесс, предваряющий торговую сделку между колымскими купцами и юкагирами, следующим образом: «Купец… по приезде в стойбище… раскладывал на нартах разные товары… Туземцы обходили их вокруг, трогали их руками, осматривали, но брать пока нельзя было. Надо было купцу сначала погреться, поесть, отдохнуть. На следующий день он созывал людей стойбища (2–3 семьи) и угощал их водкой» [27. С. 28].

Б.В. Зонов писал, что чукчи после приезда к ним в стойбище торгового агента поили его чаем и вели беседу, только после проведения «традиционного обычая гостеприимства» агент возвращался в свое становище, и после уже начинался торг [23. С. 86]. Н. Нейман свидетельствовала, что когда они вместе с торговцами приехали в стойбище к эвенам, перед тем как начать торг эвены напоили их чаем, предложили просушить вещи и накормили [28. С. 79–80].

В источниках также имеется информация, что торговец обязательно сразу же по приезде в стойбище дарил жителям небольшие подарки – чай, сахар, хлеб, табак или же давал выпить немного спиртного [23. С. 39–41]. Набор действий, связанный с приездом торговца в стойбище, сохранился, согласно сведениям наших информантов, до настоящего времени. Приведем отрывки из интервью:

«Я обычно утром выезжал из поселка и к вечеру добирался до бригады. Ну, если за мясом ехал, уже потемну приезжал. За мясом зимой потому что. Приехал – первым делом отдых, разговоры, на ночлег устраиваешься… Кто [из торговцев] что тащит [в качестве подарков], обычно чай, сигареты, конфеты, галеты. То же самое на обмен, но в более крупном объеме. Это утром» (м-56/1992-1995/04.03.2012).

«Сразу торговать не начинают. Чай попили, поговорили. Это же, как подготовительный период, чтобы присмотреться друг к другу – кто, чего, как будет говорить. Ну, то есть это нужно, чтобы изучить друг друга… Сразу о деле – это нарушение традиции. Ну и сразу как ты начнешь – замерзший, руки-ноги замороженные. Надо отогреться, да с людьми пообщаться» (м-51/1990-1997/20.08.2012).

«Они [оленеводы] обычно уже знают что ты едешь… Сразу приглашают чай пить, не спрашивают: “Что приехал?”. Вначале чаю горячего… Если торговать допустим привезли, ну обычно в обмен, там на панты, мясо, то этот разговор оставляется аж на потом, сначала надо поговорить кого знают, новости, допустим там в поселке как или там если проезжал какие-то бригады. А уже потом спустя какое-то время уже можно переходить ближе к теме. Но обычно это утром… Спиртное – первым делом, потому что первое, что ждут… Ждут, что их угостят… Ну, чтобы не выглядело, что там коренных спаиваешь или еще что, бутылку достают когда попили чай, согрелись, когда можно разговаривать и бульон с мясом подают. Это [спиртное] вроде как угощение, презент. Потому что, если ты не угостишь, то тебя не поймут – что приехал? Приехал – и ничего не привез!» (м-46/1989-2002/10.03.2012).

Маркерами предварительного этапа торговли было соблюдение обычая гостеприимства, включающего обязательную совместную трапезу купца и жителей стойбища; одаривание либо угощение купцом всех участников трапезы; обмен новостями и беседа, как правило, не касающаяся вопросов предстоящей торговли. Основой этих маркеров были традиции коренного населения, которые учитывались торговцами при организации торгово-технологического процесса.

Перед совершением непосредственной торговой сделки купцу необходимо было соблюсти церемониал, без прохождения которого сделка могла не состояться. Например, врач Нигголь в своем отчете о деятельности в Анадырском уезде в 1912–1913 гг. жаловался, что среди чукчей очень сложно собрать статистические сведения: чтобы осуществить общение «должно быть выпито чаю и приобретено [у чукчи] расположение каким-нибудь подарком… пока у него не развяжется язык» [29].

Совместная трапеза, как известно, является формой социального общения, фундаментальным объединяющим ритуалом, совершая который, ее участники устанавливают и укрепляют связь между собой [30. С. 5]. Застолье также представляет собой своеобразную паузу в течение обыденной жизни [31]. Совместное принятие пищи было у коренного населения крайнего северо-востока России важной составляющей частью обычаев гостеприимства и обязательным элементом любого обряда и праздника [22].

Разговор на предварительном этапе сделки также играл определенную роль. Один из наших информантов-предпринимателей, например, рассказывал следующее:

«Был у нас такой предприниматель – С., панты оленьи заготавливал. Он меня учил: “С чукчами надо уметь разговаривать”. Вот он говорит: “если, например мы сейчас с тобой поедем в бригаду за пантами, сядем разговаривать, ну, ты скажешь бригадиру: “Вот я плачу по 200 долларов за килограмм пантов”. А я скажу: “Семеныч, ну, вот надо мне два мешка пантов. Есть только мука, да сахар немного”. И, думаешь,

кого он выберет? Да он даже с тобой разговаривать не будет. У них там, потому что отношение к богатству не такое как у нас. По-другому» (м-51/1990-1997/20.08.2012).

В.М. Зензинов, описывая начало торговой сделки между русским купцом и якутами Колымского округа, также отмечал важность предварительной беседы: «…купец расспрашивает хозяина об его домашних делах, его промыслах за истекший год, об его оленях. В свою очередь, хозяин расспрашивает приезжего о городе… о всех новостях и общих знакомых… Хороший тон требует приступить к [торговле] лишь тогда, когда обмен новостями закончен до последних деталей и разговор исчерпан» [25. С. 39, 41].

Дарение подарков купцом и угощение «покупателей» на первом этапе торгового процесса было тесно связано с завершающим этапом торговли, когда коренные жители отдаривали купца. «…Кочевник всегда очень точно учтет обходительность купца, его угощенье и мелкие подарки – при отъезде последнего он обязательно сделает ему подарок: ездового оленя, связку копченых оленьих языков, ворох песцовых лапок или пару песцов купчихе. И что для купца важнее всего – царски отдарив купца за оказанную ему честь, он при прощании будет чувствовать себя его должником» [25. С. 40]. Отдаривание – возмещение подарков, привезенных купцом, – происходило, как правило, после завершения торговой сделки, перед отъездом торговца. Практиковались и другие варианты: «...русские торговцы из Нижне и Средне-Колымска… выезжая к [чукчам и юкагирам] раскладывали на нартах (санях) по нескольку десятков мешков в каждый из них клали по небольшому гостинцу. И туземцы, вынимая из мешков гостиницы, должны были класть туда и свои отдарки… туземцы клали в каждый из мешков цельные части оленей или песцовые шкуры» [27. Л. 42–43].

Наличие элементов дарообмена, сопровождающих торговый процесс, вполне соответствовали традиционным обычаям гостеприимства и в целом экономическому поведению, свойственному чукчам, юкагирам и эвенам. Дарообменные традиции, основным принципом которых было давать, брать и возмещать [32] и тем самым поддерживать социальные связи, являлись неотъемлемой частью культуры коренного населения, проживающего на крайнем северо-востоке [4, 18, 33, 34]. По словам Н.И. Спиридонова, автора работы «Торговая эксплуатация юкагиров в дореволюционное время», купцы «использовали пережитки обычаев в целях торгово-ростовщической эксплуатации». Одним из таких обычаев был, по его мнению, обычай дарения: «Этот обычай заключается в том, что юкагир, когда он приходит к своему соседу в гости, обязательно приносит ему, его жене, детям и родственникам подарки. Подарки бывают самые простые… а когда гость уходит, хозяева посылают для его жены, детей и родственников, живущих с ним такие же подарки» [27. Л. 40–41].

Русские купцы органично включили обычаи дарообмена коренного населения крайнего северо-востока России в процесс торговли. Потому отдельным аспектом торгово-технологического процесса, кроме закупки индустриальных товаров, была подготовка подарков. Этому уделялось достаточно большое внимание. Так, булунские купцы специально нанимали «стряпух» для выпекания «печенья» – хлеба, который использовался в качестве подарков коренным жителям [25. С. 31]. Гижигинские торговцы делали маленькие деревянные ящички, раскрашивали их или обтягивали красной материей, чтобы использовать затем при торговле с коряками [35. С. 207].

Центральный этап торговой сделки – непосредственный торг, включал презентацию – представление купцом товара, выбор коренными жителями товара, непосредственно обмен и оценку торговцем пушнины и продуктов промысла. В экономическом отношении для торговца это был центральный момент всего процесса разъездной торговли.

Последовательность и формы торга различались: в одних случаях обмен происходил в жилище коренного жителя – торговец оценивал имеющуюся пушнину и давал за нее товар и продукты; в других случаях меновая торговля происходила в палатке купца, которую он ставил на некотором расстоянии от стойбища: «…кочевник переходит в поставленную купеческую палатку и там начинается торг… Обычно купец спрашивает покупателя – “сколько у тебя есть песцов и какой товар тебе нужен?”. Тот приносит десяток песцов, купец отпускает нужный покупателю товар – “вот тебе товар на 15 песцов – пять за тобой до следующего года”… Купец может поступить и иначе: покупатель набирает нужный ему товар – купец называет его общую стоимость – “столько-то песцов”…» [25. С. 41] или: «...в походной палатке [торгового] агента… при непременном чаепитии, происходит прием пушнины, а выдача товаров производится прямо с нарт. Многие туземцы сдают пушнину не сразу, а отдельными партиями, требуя каждый раз полного расчета чуть ли не за каждую сданную шкуру лисицы или другого зверя. По насыщении основных потребностей туземцы считают себя вправе лично осматривать и выбирать из запасов фактории, понравившиеся им предметы...» [23. С. 86].

Многие современники отмечали ряд особенностей в поведении коренных жителей во время торговой сделки. Так, эвены и якуты, специализирующиеся на охоте, окружали процесс обмена таинственностью, старались обменять пушнину без присутствия посторонних, один на один с купцом, «тайком из-под полы» [25. С. 20, 36; 36. С. 157–158]. На наш взгляд, причины подобного поведения могут быть связаны с отношением к процессу торга как к промысловой или иной хозяйственной деятельности, при которой необходимо сохранить «удачу» и важна поддержка сверхъестественных сил. Таинственно-молчаливое поведение человека до, во время и после охоты, как один из аспектов промыслового культа, могло перенестись и на процесс обмена. Таинственность могла быть также связана с особым отношением к материальным объектам, передаваемым во время обмена, а до этого полученным в процессе промысла, боязнью оскорбить зверя или духов местности продажей «даров природы» или передачей их чужакам.

Чукчи при обмене с купцами ориентировались на определенный товар, и в случае его отсутствия у торговца сделка могла не состояться. А.В. Олсуфьев приводил цитату из разговора с русским торговцем: «чукче надо дать при мене ту вещь, на которую он обзарится, иначе он не согласится на мену». Например, чукчи могли попросить в обмен на пушнину вещь стоимостью гораздо дешевле или наоборот, гораздо дороже: «...увещевания и объяснения никогда не помогают, и торговцы нередко уступают товар в убыток, чтобы в другой раз с лихвой вознаградить себя в этой потере» [24. С. 107]. В книге Г.Я. Седова приведен рассказ Якутского губернатора И.И. Крафта, характеризующий подобное поведение чукчей: «...по-надобилось мне на ярмарке купить у чукчи шкурку нерпы; по оценке на деньги шкурка стоила 2–3 рубля, я давал ему 5, но потом, видя, что чукча не соглашается, предложил десять рублей. Чукча упорно стоял на своем, прося за шкуру чайник. Через переводчика ему объяснили, что он за 10 рублей может тут же купить целых два или три чайника, но он все-таки не соглашался. Тогда я купил у купцов за 2 рубля 50 копеек чайник и вручил его чукче, который сейчас же охотно отдал мне шкурку» [37. С. 32].

Последний пример явственно, на наш взгляд, показывает, что для коренных жителей торговля не воспринималась свободным рынком, где главными выступают поиск и возможность выбора более выгодного предложения товара. Принцип – при наименьших затратах максимум экономической выгоды – требует от участника торговли поиска новых решений, быстрого реагирования и изменения поведения в случае необходимости. Традиционной же культуре импровизация не свойственна, а потому для коренного жителя процесс торговой сделки – это четкая последовательность действий, имеющих как экономическое, так и символическое значение.

В торговой сделке, как и в любом ритуале, используются предметы, набор которых определен традицией или правилами. Товары выступают предметной областью ритуала-сделки, а потому их набор не может быть изменен, как не может быть изменена и последовательность действий. Для традиционного мышления чукчи замена одного товара на другой – это отклонение от порядка, ведущее к хаосу. Для коренных жителей были важны упорядоченность и последовательность действий при торговой сделке. Купцы, желающие иметь успех в пушной торговле, подчинялись этой последовательности и старались соблюдать весь комплекс элементов ритуала-сделки, вплоть до использования определенных жестов и слов.

Психологический контекст торговой сделки. Процесс торговой сделки при развозной торговле предполагал использование метода так называемых личных или прямых продаж. В экономике этот метод относится к наименее затратным в плане организации торгового бизнеса и, соответственно, менее рискованным. Этот метод предполагает прямой контакт продавца с покупателем, осуществляемый на дому или на территории покупателя. Продавец сам находит покупателя, общается с ним напрямую и реализует свой товар [38, 39].

Присутствие продавца помогает быстрее убедить покупателя в необходимости покупки, вместе с тем издержкой этого способа торговли является риск чрезмерного давления на покупателя. Теоретики маркетинга сделали вывод, что когда продавец приходит к кому-либо домой, то именно он стимулирует потребность в покупке и может с большей настойчивостью, чем в магазине, убеждать клиента в необходимости покупки, прибегая даже к необъективным доводам. Именно эта сторона личных продаж вызывала критику современников, описывающих торговые отношения русских купцов с коренным населением крайнего северо-востока во второй половине XIX – начале XX в.

Поскольку при «личных» продажах работа ведется с конечным потребителем товара, продавец должен обладать техникой ведения переговоров, умением правильно ставить цели и влиять на клиента. Это дает ряд неоспоримых преимуществ перед конкурентами: кроме возможности держать очень высокие цены, прямое качественное общение с клиентом позволяет удовлетворить многие из его запросов, влияющих на принятие решения, тогда как конкуренты не будут даже знать о них [40, 41].

Согласно выводам, которые сделал Б.В. Зонов на основе своих наблюдений за торговыми операциями в омолонской тундре агентов Якутгосторга и Акционерного Камчатского общества в 1928 г., успех торговли зависел от индивидуальных качеств агента: «...приемы торговли с туземцами обуславливаются в каждом отдельном случае индивидуальными особенностями личности того или иного агента… личные особенности и, если так можно выразиться, манеры лиц, ведущих торговлю с туземцами, играют особо значительную роль в успехе подобных операций». Для ведения торговли с коренным населением, по его мнению, нужны были «особое умение, такт, основанные на глубоком знакомстве и подражании обычаям [коренных жителей]» [23. С. 85, 86].

В.М. Зензинов указывал на важную роль в торговле между русскими купцами и инородцами «психологического момента»: «...купец знает все слабости своего покупателя и умно играет на них, он умеет польстить ему и “оказать уважение”, что одно принесет ему больше барыша, чем выгодная торговая сделка» [25. С. 23]. В.П. Хабаров отмечал, что купцы умело использовали честолюбие коренного жителя в торговле, оказывая ему при сделке особое уважение и почет [42]. Показательно, что в рекомендациях доктору Л.Ф. Гриневецкому указывалось, что для установления дружеских отношений с чукчами необходимо «ласковое обращение… чем легче всего можно рассчитывать привлечь симпатию на нашу сторону» [43].

В документах периода становления на крайнем северо-востоке России кооперативов и советской торговли также встречаются указания на особое поведение торговца при обмене с коренным населением. В докладе Сибдальгосторга 1923 г. отмечалось, что «несмотря на то, что давно уже развозный торг признан как зло, без него пока совершенно обойтись не представляется возможным…», и далее давались ре-

комендации: «кроме тщательного подбора товара в каждом отдельном случае при развозном торге необходимо умение торговца обмануть покупателя, знать его нужды, запросы, и слабости, или как обычно говорят на Камчатке “уметь потрафлять[6] покупателю”» [44].

В рекомендациях, изложенных Комитетом Севера при Президиуме ВЦИК в 1928 г., в отношении снабжения туземцев Анадырского района указывалось: «...тут надо обратить внимание на то, что грубое отношение очень влияет на доверие приехавшего за продуктами тунгуса, и он охотнее идет к частнику, который “с ласковым” видом его принимает и даст даже в кредит». Согласно выводам этого Комитета торговая кооперация в Анадырском районе не имела успеха именно из-за отсутствия развозного торга и хороших работников, способных правильно общаться с местным населением [45].

Ряд авторов отмечали другую особенность поведения русских купцов в процессе торговой сделки. Ссыльный поселенец В. Ногин писал: «...часто купец, продавая какой-либо товар, подчеркивает, что он делает одолжение, продавая его Вам, и иногда приходится вести долгие разговоры, чтобы купец сделал милость – продал товар» [46. С. 141]. В.М. Зензинов называл подобные отношения между купечеством и местным населением «патриархальными»: «...купец чувствует себя господином положения… он не столько продает, сколько “уступает”. Ему надо, чтобы за ним, как за человеком, от которого зависят, ухаживали, чтобы он был окружен почетом. В такой торговле ему дорог не столько барыш, но и удовольствие, сознание своей силы, а продать, не покуражившись, хоть немного не поломавшись перед “просителем” – покупателем, ему половина удовольствия. Вот почему каждому он уступает “из уважения” – надо попросить, надо покланяться» [25. С. 46].

Колымские и марковские купцы нередко в ущерб себе берегли дефицитные товары до времени разъездной торговли к чукчам. Так, С.А. Бутурлин писал, что в период, когда в поселении полностью заканчивались продукты и промышленные товары, «...имеющие небольшие запасы [чая и табака] торговцы не выпускают вовсе в продажу оседлому населению, приберегая его главным образом для чукчей. Действительно, спросить теперь, после 2-рублевой цены, рублей 5–6 и больше за кирпич с местного русского человека – совестно, и наживешь худую славу, но, уступая под большим секретом, ввиду особого дружеского одолжения, изголодавшемуся по наркотикам чукче осьмушку чаю или один листик махорки за выпоротка (шкурка новорожденного оленя, стоит обычно по местной оценке – 1–1,5 рубля) – наживешь себе друга и верного покупателя» [47. С. 104].

Как справедливо заметил М. Салинз, «любой обмен, поскольку он воплощает некий коэффициент дружественности, не может быть понят лишь в материальном аспекте, отделенном от социального» [48. С. 169]. Именно поэтому в вышеприведенных описаниях торговых сделок очень сложно оценить мотив купца. «Психология северной торговли много богаче и сложнее обычной – барыш не является в ней единственным стимулом, а самая торговля не представляет из себя лишь средство к существованию – она заполняет все поры жизни купца, и вместе с тем в погоне за удовлетворением психологических моментов (уважение, почет, влияние, честолюбие) северный купец не терпит никакого ущерба и в материальном отношении» [25. С. 39].

В процессе торговой сделки торговец следовал определенным правилам и в каком-то смысле играл роль. Так, он не должен был показывать истинных целей приезда и свою заинтересованность в получении прибыли. При приезде на стойбище купец должен вести себя как друг, который привез подарки, угощение и необходимые в быту и хозяйстве вещи. Восприятие торговли как промысла переносило на купца роль удачливого охотника, который приехал поделиться добычей. Таким образом, торговая сделка в данном случае выступает как игра, где каждый из участников старается скрыть мотивы встречи и материальная выгода умалчивается и отступает на второй план. Цель игры-торговли – обеспечить дальнейшую связь, символически поддержать достаток и сохранить хорошие отношения даже при условии экономического ущерба.

Для купца подобное поведение – перевоплощение из бизнесмена, стремящегося к увеличению прибыли, в доброго друга – являлось результатом приспособления к иному ценностному миру.

Поведение и культура разъездного торговца в контексте теории лиминальности. При развозной форме торговли, которая была основной для русских купцов крайнего северо-востока России, торговец находился за территорией своего поселения, т.е. «вне дома», от 4 до 10 месяцев в году. Разъезды колымских купцов длились в среднем около 5 месяцев; марковские торговцы проводили в дороге около 9 месяцев, из которых разъезды к коренным жителям составляли 3–5 месяцев; устьянские и булунские купцы разъезжали по стойбищам до 10 месяцев в году.

Состояние пространственного отделения купца от своего сообщества в течение длительного времени можно обозначить как состояние лиминальности[7]. В последнее время использование термина «лиминальность» расширилось относительно первоначальной концепции, трактующей его как временный период жизненных перемен, в течение которого происходит обряд перехода [49, 50]. Поэтому мы считаем вполне справедливым, по примеру американского антрополога К. Подручной, применить его для характеристики состояния и поведения разъездных торговцев крайнего северо-востока России, пребывающих ни «там», ни «тут», а «между» как в пространственном, так и в культурном и ценностном смыслах.

В ходе работы разъездных торговцев их образ жизни характеризовался «переходами». Когда они приезжали из своих поселений в окружение коренных жителей, то подвергались постоянным изменениям своей идентичности и культурного статуса. Таким образом, термин «лиминальность» относительно разъездных торговцев может быть использован не

только строго по отношению к самому акту перехода, но и для описания всего культурного спектра их деятельности [16. С. 14].

В процессе разъезда торговец оказывается отделенным от своей культурной общности, но еще не принят в другую. Для осуществления выгодной для себя в материальном плане сделки, для получения прибыли, ему необходимо было исключиться из своей культурной общности, отказавшись от ценностных установок, принятых в ней, и «включиться» в культурное сообщество своих покупателей-клиентов, принять на время иное отношение к экономическим действиям. Происходил переход купца в новое культуральное состояние. Для этого торговец «перевоплощался» – менял тон, поведение, манеру общения. От того, насколько успешно он это делал, зависел экономический успех. Торговые посредники из числа чукчей и эскимосов замечали подобное «перевоплощение» и перенимали это особое поведение у русских торговцев для осуществления торговых операций. Например, Г. Майдель писал: «они (чукчи. – *Авт.*) давным-давно были посвящены в ходячие торговые уловки и плутни, чувствовали себя очень опытными на этой почве…» [51. С. 103].

Согласно понимаю лиминальности В. Тернером, временное обособление индивида от устойчивой общественной структуры не только наделяет его амбивалентным социальным статусом, но и освобождает от любых законов, поведенческих норм и правил [52. С. 196]. Интересно в этом отношении в качестве примера привести наблюдения И.В. Шкловского и В.М. Зензинова за поведением купцов. Один из торговцев, известный в низовьях Колымы под именем «Слепая Комуха», для получения большей прибыли за дефицитный среди инородцев товар использовал один из торговых приемов разъездных купцов – разыгрывание товара в карты. «…Слепая Комуха… спокойно курил трубку у огня, в то время, как беспрерывно забегали нетерпеливые обыватели справиться, скоро ли станут “козлить”[8]. А Комуха, как бы ничего не замечая, вел какой-то дипломатичный разговор об омулях и муксунах, в то же время небрежно качая в руках деревянную баклажку, в которой хлюпала божественная жидкость (водка. – *А.Я.*). Наконец, когда истома обывателей достигла крайней степени, он поднялся и как бы нехотя сказал: “Аль козлить?” Да подымете ли? У меня бутылка идет в 240 омулей» [53. С. 132]. Другой пример: «Приехав в знакомое кочевье, купец угощает за чаем всех присутствующих водкой… на виду у всех бутылку купец прячет, но глаза всех уже прикованы к ней и, хотя, разговор идет на посторонние темы, все помыслы дикаря сосредоточены на том, чтобы еще и еще хлебнуть волшебной влаги…» [25. С. 85].

Лиминальность стимулировала стремление к жульничеству [54]. Потому сторонним наблюдателям могло показаться, что торговец в процессе сделки «обманывает», «играет на слабостях» своих клиентов-инородцев. Так, Б.В. Зонов описывал вполне типичный случай: «Один купец в период заминки в доставке грузов из Владивостока (1918–20 гг.) поехал торговать из Гижиги с одними иголками, случайно залежавшимися у него на складе. Посещая стойбища туземцев, он везде сообщал им в качестве последней новости, что де тот русский мастер, который делал иголки, внезапно умер и теперь, дескать, иголок делать больше некому. Но чтобы сильно не огорчать своего собеседника, находчивый торгаш, в знак особого дружеского расположения к нему, давал, как бы из своих личных запасов одну-две пачки иголок. Польщенный таким вниманием доверчивый туземец “отдаривал” купца соответственным по “щедрости” подарком – шкурками пушнины» [23. С. 85]. Именно хитрость, актерство вызывали у современников негативное отношение к разъездным купцам.

Вместе с тем «пограничность» торговца несла в себе «потенциал победительности и успеха» [55]. В.М. Зензинов, наблюдавший торговлю разъездных купцов на севере Якутии в 1914 г., сделал следующий вывод: «...умение и знание местных условий, местного быта нужны для того, чтобы купец и кочевник вполне остались довольны друг другом. От “обходительности” купца часто зависит успех торговли. Свести ее к сухой купле-продаже здесь невозможно – с таким купцом местное население будет иметь дело лишь очень неохотно» [25. С. 40]. Результатом лиминальности в процессе работы торговца была гибкость в поведении, изобретательность и открытость в отношении другой культуры.

Разъездным торговцам приходилось работать в лиминальных (пограничных) пространствах (территориях) – в неосвоенных районах на границе между пришлым и аборигенным сообществом. Путешествуя по самым разным местам, торговцы пушниной встречали большое количество людей, которые сильно отличались от них по космологии, восприятию Вселенной, мировоззрению, языку и культуре. В этих странствиях им приходилось преодолевать как географические, так и социальные пропасти – и все ради того, чтобы перевозить товары и торговать. Поскольку торговцы пушниной никогда не оставались подолгу в одном месте или с одной группой людей, они были вынуждены носить свой мир с собой [16. С. 302–303].

Постоянное передвижение, риск и преодоление трудностей во время путешествий накладывали отпечаток на поведение и жизнь разъездного торговца. Г. Майдель писал о якутских и колымских купцах: «…путешествия и странствования успели сделаться уже второю натурой… очень трудно прекратить дело, так что его продолжают обыкновенно до тех пор, пока надломленное здоровье наконец не выдержит и человек не умрет в дороге… большинство их заканчивает свое земное существование в путешествии…» [51. С. 395, 396].

Занятие разъездной торговлей предполагало длительную разлуку с родными и близкими, практически постоянное нахождение вне помещения в климатически неблагоприятных условиях, часто меняющийся круг общения. Все это отражалось на поведении разъездного торговца. Ученые, изучавшие психологию людей, чья профессиональная деятельность характеризуется частыми передвижениями и связана с работой на Крайнем Севере вне места постоянного проживания, смогли выявить их личностные, психоэмоциональные

и мотивационные особенности [56]. Согласно их выводам эти люди, как правило, движимы такими жизненными потребностями, как удовлетворение тщеславия, авантюризм, неосознаваемая жажда славы и популярности. Вместе с тем основной вектор их жизненной позиции и целей базируется на таких качествах, как самоограничение и самопожертвование [57].

Заключение. Разъездная торговля становилась образом жизни: прежде оседлый житель, практикуя разъездную торговлю, находился в постоянном движении и под это движение подстраивался его быт, в котором главное место начинали занимать средства передвижения. Они становились необходимым условием торговли, а сама торговля для разъездного купца начинала приобретать черты гостевания.

Для осуществления разъездной торговли купцу необходимо было, кроме знакомства с местностью, знать особенности традиционной хозяйственной деятельности и образа жизни коренного населения, в частности время начала и окончания промысла, кочевок, обычаи и привычки. Взаимоотношения русских купцов с коренным населением в процессе торговли представляли сложный комплекс коммуникаций, затрагивающий различные области жизнедеятельности тех и других. В основном эти взаимоотношения касались всего комплекса торгового процесса от доставки товара до его непосредственного обмена. Торговая сделка как один из центральных этапов организованного купцом торгового процесса являлась на крайнем северо-востоке, не просто обменом ценностей, а представляла собой последовательный набор церемониальных действий, являющихся результатом культурной диффузии. Эти действия были направлены не только на достижение экономической выгоды ее участниками, но также на поддержание дружеских связей и символическое укрепление достатка.

Система организации разъездной торговли русскими купцами, принятые ими правила и приемы, адаптация техники ведения торга к культурным особенностям коренных жителей, а также личностные и мотивационные факторы, свойственные разъездным торговцам, позволили различным по своему социальному и экономическому развитию группам, пространственно удаленным друг от друга, поддерживать длительные устойчивые связи.

Детальное рассмотрение разъездной торговли позволило сделать вывод, что она не была примером подчинения одной экономической культуры другой – более развитой в рыночном отношении. Цикличность разъездной торговли, экстремальные условия работы разъездного торговца, стремление продавцов и покупателей сохранить установившиеся социальные связи и восприятие важности не только результата, но и самого процесса торговли примирили различные представления о выгоде, материальных ценностях и прибыли.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Территория, лежащая в треугольнике Среднеколымск – Гижигинск – Марково, по мнению авторов монографии «Русские старожилы Сибири», представляла в прошлом единство, и между разными точками этой местности существовали устойчивые связи [2. С. 28–32].

[2] Были опрошены четыре предпринимателя из с. Омолон Билибинского района Чукотского АО, двое из которых имели в селе собственные магазины (лавки), двое других совершали в 90-х гг. разъездную торговлю по стойбищам оленеводов. Учитывая тот факт, что полученная информация представляет для наших информантов коммерческую тайну, а также из этических соображений мы не приводим ссылки на фамилию, имя и отчество информанта, а указываем только его пол, возраст, годы его работы и дату записи информации. Например: м-46/1989-2002/10.03.2012. Село Омолон является смешанным национальным селом с населением около тысячи человек (примерно 57% населения составляют эвены, 26% – чукчи, юкагиры, якуты и др., 17% – русские). Трое из опрошенных предпринимателей считают себя русскими, один – украинцем.

[3] «БУРАН» – название снегохода, выпускаемого в СССР на Рыбинском моторном заводе с 70-х гг. XX в. Предназначался для работы в условиях низких температур. Его классическая конструкция состояла из двух гусениц и одной поворотной лыжи. Такая конструкция создавала большую площадь опорной поверхности, поэтому снегоход использовался для движения по лесу, снегу и в труднопроходимых районах. Снегоход «БУРАН» приспособлен для перевозки людей и грузов, обычно комплектовался тягово-сцепным устройством и был способен тянуть прицеп массой до 500 кг. Максимальная скорость движения – 60 км/ч.

[4] Местное название металлического прицепа к снегоходу «БУРАН».

[5] Оленья упряжка из двух оленей, используемая колымскими купцами для разъездной торговли, могла перемещать до 180 кг груза.

[6] Угодить, угождать, ублажать кого-то.

[7] Термин «лиминальный» происходит от латинского *limin* – порог, граница, некий проходной коридор, расположенный между двумя различными местами.

[8] «Козлить» – разыграть в карты. «Козел» является карточной игрой, ориентированной на набор очков во взятках; имеет множество подвариантов правил. Вариант игры «в козла» в Колымском округе, был, по словам И.В. Шкловского, своеобразным изобретением полярных торговцев. Если торговец желал продать какой-нибудь предмет в 2–3 раза дороже, он «козлил» его: ставил на кон, например кирпич чаю, и приглашал несколько играющих, из которых каждый вносил определенную сумму, а чаще всего продукт промысла. Чай получал тот, кто раньше всех брал 21 взятку в карты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кушнарева М.Д. Пушная торговля как фактор организации пушного промысла коренного населения Северо-Восточной Сибири во II половине XIX – начале XX века : дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2005. 257 с.
2. Вахтин Н.Б., Головко Е.В., Швайтцер П. Русские старожилы Сибири: Социальные и символические аспекты самосознания. М. : Новое издательство, 2004. 292 с.
3. Семенов Ю.И. Экономическая антропология // Социокультурная антропология: История, теория и методология: Энциклопедический словарь. М. : Академический проект, 2012. С. 569–579.
4. Башарин Г.П. Социально-экономические отношения в Якутии второй половины XIX – начала XX века. Якутск : Книж. изд-во, 1974. 216 с.
5. Богораз В.Г. Чукчи: Социальная организация. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. 216 с.
6. Вдовин И.С. Очерки истории и этнографии чукчей. М. ; Л. : Наука, 1965. 403 с.

7. Гурвич И.С. Этническая история северо-востока Сибири. М. : Наука, 1966. 275 с.
8. Куликов М.И. Чукотка. Зигзаги истории малых народов Севера. Великий Новгород : НовГУ, 2002. 496 с.
9. Исаков А.Н. История торговли на Северо-Востоке России (XVII–XX вв.). Магадан : Магад. книж. изд-во, 1994. 260 с.
10. Йохельсон В.И. Очерк зверопромышленности и торговли мехами в Колымском округе. СПб. : Типография М. Меркушева, 1898.
11. Захаров В.П. Пушной промысел и торговля в Якутии (конец XIX – начало XX в.). Новосибирск : Наука, 1995. 136 с.
12. Сафронов Ф.Г. Русские промыслы и торги на северо-востоке Азии в XVII – середине XIX в. М. : Наука, 1980. 145 с.
13. Rethinking the Fur Trade. Cultures of Exchange in an Atlantic World. Lincoln&London : University of Nebraska Press, 2009. 638 p.
14. Holland Braund K.E. Deerskins and duffels. Creek Indian trade with anglo-america, 1685–1815. Lincoln&London : University of Nebraska Press, 1996. 306 p.
15. White R. The middle ground. Indians, empires, and republics in the Great Lakes region, 1650–1815. Cambridge University Press, 1991. 544 p.
16. Ray A.J., Freeman D.B. «Give Us Good Measure»: An Economic Analysis of Relations between the Indians and the Hudson's Bay Company Before 1763. Toronto : University of Toronto Press, 1978. 298 p.
17. Podruchny C. Travelers and traders in the North American Fur trade. Lincoln and London : University of Nebraska Press, 2006. 414 c.
18. Йохельсон В.И. Юкагиры и юкагиризированные тунгусы. Новосибирск : Наука, 2005. 675 с.
19. Спиридонов Н.И. Одулы (юкагиры) Колымского округа. Якутск : Институт проблем малочисленных народов Севера СО РАН, 1996.
20. Гондатти Н.Л. Сведения о поселениях по Анадырю // Записки Приамурского отдела Императорского Русского географического общества. Т. III, вып. I. Хабаровск, 1893. С. 82–110.
21. Дьячков А.Е. Анадырский край. Магадан : Книж. изд-во, 1992. 267 с.
22. Народы Северо-Востока Сибири / отв. ред. Е.П. Батьянова, В.А. Тураев. М. : Наука, 2010. 773 с.
23. Зонов Б.В. Описание бассейна реки Омолона. Иркутск : Народный комиссариат водного транспорта, 1931. 161 с.
24. Олсуфьев А.В. Общий очерк Анадырской округи, ея экономическое состояние и быта населения. СПб., 1896.
25. Зензинов В.М. Очерки торговли на севере Якутской области. М. : Наука, 1916. 97 с.
26. Слюнин Н.В. Охотско-Камчатский край. Естественно-историческое описание. СПб., 1900. Т. I. 684 с.
27. Санкт-Петербургский филиал архива Российской академии наук (далее – СПб АРАН). Ф. 250. Оп. 5. Д. 76. Л. 28.
28. Нейман Н. На далекой Камчатке. Шведская экспедиция в 1921–23 гг. М. : Работник Просвещения, 1929. 95 с.
29. СПб АРАН. Ф. 250. Оп. 5. Д. 114. Л. 23.
30. Токарев С.А. К методике этнографического изучения материальной культуры // Советская этнография. 1970. № 4. С. 3–17.
31. Байбурин А.К., Топорков А.Д. У истоков этикета: Этнографические очерки. Л. : Наука, 1990. 166 с.
32. Мосс М. Общество. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии. М. : Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 1996. 359 с.
33. Богораз В.Г. Чукчи: Религия. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. 208 с.
34. История и культура эвенов: историко-этнографические очерки / отв. ред. В.А. Тураев. СПб. : Наука, 1997.
35. Йохельсон В.И. Коряки. Материальная культура и социальная организация. СПб., 1997.
36. Беликов С. Чукотские ярмарки. (с. Усть-Белая Анадырского уезда) // Экономическая жизнь Дальнего Востока. Хабаровск, 1928. № 4–5. С. 157–158.
37. Седов Г.Я. Путешествие в Колыму и на Новую Землю в 1909–1910 гг. Петроград : Типография Морского Министерства, 1917.
38. Наумова А.В. Интегрированные маркетинговые коммуникации в местах продажи. Личные продажи. Новосибирск : СибУПК, 2005. 126 с.
39. Хисрик Р.Д., Джексон Р.Д. Торговля и менеджмент продаж. М. : Филинъ, 1996.
40. Бернет Дж., Мориарти С. Маркетинговые коммуникации: интегрированный подход. СПб. : Питер, 2001. 864 с.
41. Толкачев А.Н. Личные продажи: российская практика и новые подходы. М. : Эксмо, 2010. 390 с.
42. Архив Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Архив МАЭ). Ф. К-II. Оп. 1. Д. 272. Л. 17.
43. Государственный архив Чукотского автономного округа (ГА ЧАО). Ф. Д.-9. Оп. 1. Д. 1. Л. 18
44. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ) Ф. 2485. Оп. 1. Д. 7. Л. 16.
45. СПб АРАН. Ф. 250. Оп. 3. Д. 201. Л. 171, 185.
46. Ногин В. На полюсе холода. Москва ; Петроград : Коммунист, 1919. 196 с.
47. Бутурлин С.А. Отчет по снабжению продовольствием в 1905 году Колымского и Охотского края. СПб. : Типография Министерства внутренних дел, 1907.
48. Салинз М. Экономика каменного века. М. : ОГИ, 1999. 293 с.
49. Геннеп Арнольд ван. Обряды перехода. М. : Восточная литература РАН, 2002.
50. Тернер В. Символ и Ритуал. М. : Наука, 1983.
51. Майдель Г. Путешествие по северо-восточной части Якутской области в 1868–1870 гг. СПб., 1894.
52. Ратиани И. Теория лиминальности. Проблема антропологии и современного литературоведения // Литература в диалоге культур : материалы Междунар. науч. конф. Ростов н/Д : НМЦ «Логос», 2008. С. 195–199.
53. Дионео [И.В. Шкловский]. На крайнем Северо-Востоке Сибири. СПб. : Издание Л.Ф. Пантелеева, 1895. 282 с.
54. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М. : Искусство, 1979. 424 с.
55. Тульчинский Г.Л. Лиминальность // Проективный философский словарь: Новые термины и понятия / под ред. Г.Л. Тульчинского и М.Н. Эпштейна. СПб. : Алетейя, 2003.
56. Симонова Н.Н. Психология вахтового труда на Севере. Архангельск : Поморский университет, 2010. 359 с.
57. Попова Т.Л., Буганов А.А., Лобова В.А. Психологические аспекты вахтового труда в условиях крайнего севера // Крайний Север: особенности труда и социализации человека – Биография, вахтовый труд и социализация человека в северном индустриальном городе / под ред. Ф. Штаммлер, Г. Эйльмштейнер-Саксинге. URL: http://www.arcticcentre.org/anthropology (дата обращения: 10.03.2015).

Статья представлена научной редакцией «История» 11 февраля 2016 г.

THE MOBILE TRADE OF RUSSIAN MERCHANTS IN THE EXTREME NORTHEAST OF RUSSIA: AN ETHNOHISTORICAL VIEW

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 406, 182–193.
DOI: 10.17223/15617793/406/28

Yarzutkina Anastasia A. Chukotka Branch of North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov (Anadyr, Russian Federation). E-mail: jarzut@yandex.ru

Keywords: ethnohistory; mobile trade; trade relationships; Russian merchants; extreme Northeast of Russia.

The mobile trade practiced by Russian merchants in the extreme Northeast of Russia between the middle of the 19th and the beginning of the 20th centuries with the aim of obtaining furs from the natives is viewed as a socio-cultural phenomenon. This phenomenon enabled two communities which differed in their economic points to approach each other. The ethnohistorical approach

that was used in the paper has influenced the organisation and analysis of historical materials. The descriptive materials of the contemporaries between the middle of the 19th and the beginning of the 20th centuries were viewed as an ethnographic resource, which was obtained using the methods of participant or direct observations. In the function of parallel-fields ethnographic material that was gathered from merchants carrying out their trade in the extreme Northeast in the end of the 20th century was used. The structure of the article includes the characteristics of the mobile trade participants and the description of the mobile trader's routes. The aim of presenting those routes is demonstration of the spacial aspect of the trading process and conditions of trader's everyday life. Also the structure of the article includes the detailed analysis of bargaining and its psychological context, as well as observing the mobile trader's behaviour and culture in terms of the theory of liminality: the existing of the mobile trader within the conditions of a spacial, economic and cultural "changeover". The key stage of mobile trade is bargaining. A bargain is presented as a successive set of ceremonial actions. Actions in their turn are a result of cultural diffusion. These actions were not only fulfilled with the aim of getting economic profit by the participants, but also with the aim of maintaining friendly connections and symbolic strengthening of prosperity. The detailed reviewing of mobile trade has allowed to make a conclusion that it was not the example of a situation when one economic culture being more developed in the context of the market subjugates the other culture. The cyclical nature of mobile trade, the severe conditions of mobile trader's work, traders and purchasers' determination to keep settled social connections and also the perception not only of importance of the result but also of the trade process have brought together different perceptions of benefits, material assets and profit.

REFERENCES

1. Kushnareva, M.D. (2005) *Pushnaya torgovlya kak faktor organizatsii pushnogo promysla korennogo naseleniya Severo-Vostochnoy Sibiri vo II polovine XIX – nachale XX veka* [The fur trade as a factor in the organization of the fur industry of the North-Eastern Siberia's indigenous population in the second half of the 19th – early 20th centuries]. History Cand. Diss. Irkutsk.
2. Vakhtin, N.B., Golovko, E.V. & Shvayttser, P. (2004) *Russkie starozhily Sibiri: Sotsial'nye i simvolicheskie aspekty samosoznaniya* [Russian old residents of Siberia: the social and symbolic aspects of self-consciousness]. Moscow: Novoe izdatel'stvo.
3. Semenov, Yu.I. (2012) Ekonomicheskaya antropologiya [Economic anthropology]. In: Reznik, Yu. (ed.) S*otsiokul'turnaya antropologiya: Istoriya, teoriya i metodologiya: Entsiklopedicheskiy slovar'* [Sociocultural Anthropology: History, Theory and Methodology: Collegiate Dictionary]. Moscow: Akademicheskiy proekt, Kul'tura; Kirov: Konstanta.
4. Basharin, G.P. (1974) *Sotsial'no-ekonomicheskie otnosheniya v Yakutii vtoroy poloviny XIX – nachala XX veka* [The socio-economic relations in Yakutia in the second half of the 19th – early 20th centuries]. Yakutsk: Knizhnoe izdatel'stvo.
5. Bogoraz, V.G. (2011) *Chukchi: Sotsial'naya organizatsiya* [The Chukchi: The social structure]. Moscow: Knizhnyy dom "LIBROKOM".
6. Vdovin, I.S. (1965) *Ocherki istorii i etnografii chukchey* [Essays on the history and ethnography of the Chukchi]. Moscow; Leningrad: Nauka.
7. Gurvich, I.S. (1966) *Etnicheskaya istoriya severo-vostoka Sibiri* [Ethnic history of the northeastern Siberia]. Moscow: Nauka.
8. Kulikov, M.I. (2002) *Chukotka. Zigzagi istorii malykh narodov Severa* [Chukotka. Zigzags of thehistory of the small peoples of the North]. Veliky Novgorod: Novgorod State University.
9. Isakov, A.N. (1994) *Istoriya torgovli na Severo-Vostoke Rossii (XVII–XX vv.)* [History of trade in the North-East of Russia (17th–20th centuries)]. Magadan: Magadanskoe knizhnoe izdatel'stvo.
10. Yokhel'son, V.I. (1898) *Ocherk zveropromyshlennosti i torgovli mekhami v Kolymskom okruge* [Essay on animal industry and fur trade in the Kolyma district]. St. Petersburg: Tipografiya M. Merkusheva.
11. Zakharov, V.P. (1995) *Pushnoy promysel i torgovlya v Yakutii (konets XIX – nachalo XX v.)* [Fur industry and trade in Yakutia (late 19th – early 20th centuries)]. Novosibirsk: Nauka.
12. Safronov, F.G. (1980) *Russkie promysly i torgi na severo-vostoke Azii v XVII – seredine XIX v.* [Russian crafts and trades in northeastern Asia in the 17th – middle of the 19th century]. Moscow: Nauka.
13. Sleeper-Smith, S. (ed.) (2009) *Rethinking the Fur Trade. Cultures of Exchange in an Atlantic World*. Lincoln&London: University of Nebraska Press.
14. Holland, B.K.E. (1996) *Deerskins and duffels. Creek Indian trade with Anglo-America, 1685–1815*. Lincoln&London: University of Nebraska Press.
15. White, R. (1991) *The middle ground. Indians, empires, and republics in the Great Lakes region, 1650–1815*. Cambridge University Press.
16. Ray, A.J. & Freeman, D.B. (1978) *"Give Us Good Measure": An Economic Analysis of Relations between the Indians and the Hudson's Bay Company Before 1763*. Toronto: University of Toronto Press.
17. Podruchny, C. (2006) *Travelers and traders in the North American Fur trade*. Lincoln&London: University of Nebraska Press.
18. Yokhel'son, V.I. (2005) *Yukagiry i yukagirizirovannye tungusy* [Yukaghir and Yukaghirized Tungus peoples]. Novosibirsk: Nauka.
19. Spiridonov, N.I. (1996) *Oduly (yukagiry) Kolymskogo okruga* [Yukaghirs of the Kolyma district]. Yakutsk: Institute of Indigenous Peoples of the North, SB RAS.
20. Gondatti, N.L. (1897) Svedeniya o poseleniyakh po Anadyryu [Information about the settlements on the Anadyr]. *Zapiski Priamurskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva*. III:I. pp. 82–110.
21. D'yachkov, A.E. (1992) *Anadyrskiy kray* [The Anadyr region]. Magadan: Knizhnoe izdatel'stvo.
22. Bat'yanova, E.P. & Turaev, V.A. (eds) (2010) *Narody Severo-Vostoka Sibiri* [Peoples of northeastern Siberia]. Moscow: Nauka.
23. Zonov, B.V. (1931) *Opisanie basseyna reki Omolona* [Description of the Omolon Basin]. Irkutsk: Narodnyy komissariat vodnogo transporta.
24. Olsuf'ev, A.V. (1896) *Obshchiy ocherk Anadyrskoy okrugi, eya ee ekonomicheskoe sostoyanie i byta naseleniy*a [A general outline of the Anadyr region, its economic status and living conditions of the population]. St. Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy Akademii Nauk 12-ya Gosudarstvennaya Tipografiya.
25. Zenzinov, V.M. (1916) *Ocherki torgovli na severe Yakutskoy oblasti* [Essays on trade in northern Yakutsk Oblast]. Moscow: Nauka.
26. Slyunin, N.V. (1900) *Okhotsko-Kamchatskiy kray. Estestvenno-istoricheskoe opisanie* [Okhotsk-Kamchatka region. Natural-historical description]. Vol. 1. St. Petersburg: tip. A.S. Suvorina.
27. St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences (SPb ARAN). Fund 250. List 5. File 76. Page 28. (In Russian).
28. Neyman, N. (1929) *Na dalekoy Kamchatke. Shvedskaya ekspeditsiya v 1921–23 gg.* [In the distant Kamchatka. A Swedish expedition in 1921–23]. Moscow: Rabotnik Prosveshcheniya.
29. St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences (SPb ARAN). Fund 250. List 5. File 114. Page 23. (In Russian).
30. Tokarev, S.A. (1970) K metodike etnograficheskogo izucheniya material'noy kul'tury [On the method of an ethnographic study of material culture]. *Sovetskaya etnografiya*. 4. pp. 3–17.
31. Bayburin, A.K. & Toporkov, A.D. (1990) *U istokov etiketa: Etnograficheskie ocherki* [At the root of etiquette: ethnographic essays]. Leningrad: Nauka.
32. Moss, M. (1996) *Obshchestvo. Obmen. Lichnost'. Trudy po sotsial'noy antropologii* [Society. Exchange. Personality. Works in social anthropology]. Moscow: Vostochnaya literatura RAN.

33. Bogoraz, V.G. (2011) *Chukchi: Religiya* [The Chukchi: Religion]. Moscow: Knizhnyy dom “LIBROKOM”.
34. Turaev, V.A. (ed.) (1997) *Istoriya i kul’tura evenov: istoriko-etnograficheskie ocherki* [The history and culture of the Evens: historical and ethnographic essays]. St. Petersburg: Nauka.
35. Yokhel’son, V.I. (1997) *Koryaki. Material’naya kul’tura i sotsial’naya organizatsiya* [The Koryaks. The material culture and social structure]. St. Petersburg: Nauka.
36. Belikov, S. (1928) Chukotskie yarmarki. (s. Ust’-Belaya Anadyrskogo uezda) [Chukchi fairs. (v. Ust’-Belaya of the Anadyr district)]. *Ekonomicheskaya zhizn’ Dal’nego Vostoka*. 4–5. pp. 157–158.
37. Sedov, G.Ya. (1917) *Puteshestvie v Kolymu i na Novuyu Zemlyu v 1909–1910 gg.* [Journey to Kolyma and Novaya Zemlya in 1909–1910]. Petrograd: Tipografiya Morskogo Ministerstva.
38. Naumova, A.V. (2005) *Integrirovannye marketingovye kommunikatsii v mestakh prodazhi. Lichnye prodazhi* [Integrated marketing communication at points of sale. Personal selling]. Novosibirsk: SibUPK.
39. Hisrik, R.D. & Jackson, R.D. (1996) *Torgovlya i menedzhment prodazh* [Trade and sales management]. Translated from English. Moscow: Filin”.
40. Burnett, J. & Moriarty, S. (2001) Marketingovye kommunikatsii: integrirovannyy podkhod [An Introduction to Marketing Communications: An integrated approach]. Translated from English. St. Petersburg: Piter.
41. Tolkachev, A.N. (2010) *Lichnye prodazhi: rossiyskaya praktika i novye podkhody* [Personal selling: Russian practice and new approaches]. Moscow: Eksmo.
42. Archive of the Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Arkhiv MAE). Fund K-II. List 1. File 272. Page 17. (In Russian).
43. State Archive of the Chukotka Autonomous District (GA ChAO). Fund D.-9. List 1. File 1. Page 18. (In Russian).
44. Russian State Historical Archive of the Far East (RGIA DV) Fund 2485. List 1. File 7. Page 16. (In Russian).
45. St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences (SPb ARAN). Fund 250. List 3. File 201. Page 171, 185.
46. Nogin, V. (1919) *Na polyuse kholoda* [In the cold pole]. Moscow; Petrograd: Kommunist.
47. Buturlin, S.A. (1907) *Otchet po snabzheniyu prodovol’stviem v 1905 godu Kolymskogo i Okhotskogo kraya* [Report on food supply in 1905 of the Kolyma and the Okhotsk region]. St. Petersburg: Tipografiya Ministerstva vnutrennikh del.
48. Salinz, M. (1999) *Ekonomika kamennogo veka* [The Stone Age Economy]. Moscow: OGI.
49. Gennep, A. van. (2002) *Obryady perekhoda* [Rites of passage]. Moscow: Vostochnaya literatura RAN.
50. Terner, V. (1983) *Simvol i Ritual* [Symbol and Ritual]. Moscow: Nauka.
51. Meidel, G. (1894) *Puteshestvie po severo-vostochnoy chasti Yakutskoy oblasti v 1868–1870 gg.* [Travel in the northeastern part of the Yakutsk region in 1868–1870]. Translated from German by V.L. Bianki. St. Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk (SPb).
52. Ratiani, I. (2008) [The theory of liminality. The problem of modern literary criticism and anthropology]. *Literatura v dialoge kul’tur* [Literature in the Dialogue of Cultures]. Proc. Of the international conference. Rostov-on-Don: NMTs “Logos”. pp. 195–199. (In Russian).
53. Dioneo [Shklovskiy, I.V.]. (1895) *Na kraynem Severo-Vostoke Sibiri* [In the extreme northeast of Siberia]. St. Petersburg: Izdanie L.F. Panteleeva.
54. Bakhtin, M.M. (1979) *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow: Iskusstvo.
55. Tul’chinskiy, G.L. (2003) Liminal’nost’ [Liminality]. In: Tul’chinskiy, G.L. & Epshteyn, M.N. (eds) *Proektivnyy filosofskiy slovar’: Novye terminy i ponyatiya* [Projective Philosophical Dictionary: New terms and concepts]. St. Petersburg: Aleteyya.
56. Simonova, N.N. (2010) *Psikhologiya vakhtovogo truda na Severe* [Psychology of shift work in the North]. Arkhangelsk: Pomor University.
57. Popova, T.L., Buganov, A.A. & Lobova, V.A. (2008) Psikhologicheskie aspekty vakhtovogo truda v usloviyakh kraynego severa [Psychological aspects of shift labor in the Far North]. In: Stammler, F. & Eylmshteyner-Saksinge, G. (eds) *Krayniy Sever: osobennosti truda i sotsializatsii cheloveka – Biografiya, vakhtovyy trud i sotsializatsiya cheloveka v severnom industrial’nom gorode* [Far North: features of labor and human socialization – biography, shift work and human socialization in a northern industrial city]. [Online]. Available from: http://www.arcticcentre.org/anthropology. (Accessed: 10 March 2015).

Received: 11 February 2016

Вестник Томского государственного университета. 2016. № 406. С. 194–196. DOI: 10.17223/15617793/406/29

ПРАВО

УДК 343.985.7

Д.К. Брагер, А.А. Татауров

ФАКТ ИСЧЕЗНОВЕНИЯ ПОТЕРПЕВШЕГО В СИСТЕМЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ О СЕКСУАЛЬНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Авторы исследуют теоретические и практические проблемы расследования насилия в отношении несовершеннолетних лиц. Исчезновение потерпевшего выступает как предельно значимая информация при расследовании сексуальных преступлений в отношении несовершеннолетних. Анализ способа действия преступника, включающего алгоритм похищения жертвы, часто предопределяет успешность всего расследования. Актуальность борьбы с сексуальными преступлениями в отношении несовершеннолетних предопределил интерес авторов к исследуемой проблеме.

Ключевые слова: исчезновение; несовершеннолетний; малолетний; информация.

Совершение уголовных деяний в отношении несовершеннолетних и малолетних граждан Российской Федерации, в силу ряда характерных причин и особенностей, всегда вызывало и вызывает у правоохранительных органов сложность при их расследовании. Это положение основывается на том, что насильственным действиям в Российской Федерации подвергаются ежегодно до 2 млн детей и подростков [1. С. 11], при этом формы насилия чрезвычайно разнообразны: торговля живым товаром, рабский труд, жестокое обращение, действия сексуального характера и т.д. При этом в особую категорию следует выделить деяния против половой неприкосновенности несовершеннолетних и малолетних детей.

Насильственные преступления в отношении несовершеннолетних и малолетних лиц характеризуются рядом специфических особенностей, которые следует учитывать при проведении поисковых мероприятий и доследственной проверки. Такой особенностью является факт исчезновения этих лиц [1. С. 8–9].

Само слово «исчезновение», согласно словарю Даля, обозначает действие «исчезать, исчезнуть, пропадать без вести, теряться, мгновенно скрываться, не быть видимым; обращаться в ничто или в вещество незримое, недоступное чувствам» [2].

Понятие «исчезновение» как юридический термин в уголовном законодательстве отсутствует. Вместе с тем употребляемые в этой связи словосочетания «без вести пропавший» [3] и «безвестно отсутствующий» (ст. 42 ГК РФ) не отражают сути исследуемых обстоятельств по различным причинам.

Проведенный анализ уголовных дел и наличие в них имеющейся информации о насильственных преступлениях в отношении несовершеннолетних и малолетних позволяют сделать вывод о том, что факт исчезновения этих лиц не учитывается: следователями при проведении доследственной проверки и в стадии возбуждении уголовного дела; оперативными работниками при проведении оперативно-розыскных мероприятий; иными лицами (например, сотрудниками МЧС), осуществляющими поиск. Более того, исчезновение малолетнего лица (до 14 лет) не является для должностных лиц правоохранительных органов чрезвычайной ситуацией, они не спешат исполнять установленные законом обязанности. Это приводит к отсутствию возможности своевременно предотвратить насилие в отношении исчезнувшего лица.

Следует подчеркнуть, что исчезновение детей является одной из особенностей, характеризующей латентные насильственные преступления. Вместе с тем анализ современного состояния криминалистических характеристик этих видов преступлений позволяет сделать вывод о том, что данному элементу информации не уделяется должного внимания.

Следует понимать, что в большинстве случаев факт исчезновения ребенка говорит о совершении в отношении него насильственных действий сексуального характера вне зависимости от того, кем они совершены – родителями (опекунами) либо посторонними лицами.

Сексуальные злоупотребления в отношении детей и подростков характеризуются откровенным насилием над ними либо понуждением их к совершению действий сексуального характера путем обмана или злоупотребления любопытством несовершеннолетних. Иногда их делают объектом сексуальной эксплуатации, обычно связанной с извлечением выгоды для «эксплуататора» (чаще материального характера), что может происходить и при добровольном согласии несовершеннолетнего на такую эксплуатацию. Однако все указанные формы сексуального злоупотребления детьми и подростками не только нарушают законодательно охраняемые морально-нравственные нормы общества, но и в любом случае травматичны для их психики, оказывают на него разлагающее, а иногда и криминализирующее влияние. Дальнейшая жизнь таких жертв, скорее всего, бывает разрушена [4. С. 5; 5. С. 87].

Изучение уголовных дел о сексуальных преступлениях против детей предоставляет возможность говорить об исчезновении как об элементе криминалистической информации, необходимом для расследования данного вида преступлений и дальнейшего направления поиска малолетней и несовершеннолетней жертвы.

Анализ уголовных дел позволяет выявить следующую закономерность: сексуальные преступления

против детей совершались в 94% случаев лицами мужского пола и лишь в 6% случаев – лицами женского пола [6].

Кроме того, значительная часть сексуальных преступлений против несовершеннолетних совершается лицами, имеющими непосредственное отношение к несовершеннолетним:

– 68% детей, ставших жертвами педофилов, подвергаются сексуальному злоупотреблению в собственной семье;

– 40% злоупотребляют детьми из семей своего социального круга. Таким образом, растлителями часто выступают взрослые друзья семьи, приятели сестёр и братьев, знакомые и т.д. [7].

При внесемейном типе сексуального насилия в большинстве случаев речь идет об однократном эпизоде сексуального насилия и ситуации конфликтно-стрессового (грубом и агрессивном повелении посягателя) взаимодействия, оказывающего на потерпевших выраженное психотравмирующее влияние [8. С. 343]. При этом насильник может быть как давно знаком потерпевшему, так и являться случайным знакомым либо совершенно посторонним для него человеком, не членом его семьи.

Обвиняемые с разнообразными формами аномального сексуального поведения, привлеченные к уголовной ответственности за совершение половых преступлений против детей и подростков, по существу являются педофилами. Другое дело, что одни их них лишь недавно обнаружили педофильские влечения, а другие – давно и уже привлекались за это к уголовной ответственности.

Ряд криминалистов и психиатров придерживается мнения, что педофил – это личность, имеющая различные психические заболевания.

Проявления педофилии вовне могут выражаться как преступлениями: изнасилованиями, убийствами, сексуальными играми с малолетними, так и просто эмоциональной привязанностью, желанием наблюдать за ребёнком, оказывать влияние на его взросление и воспитание [9. С. 339].

При ненасильственном совершении педофил налаживает отношения с жертвой. В своем поведении он стремится быть на одном уровне с ребенком, стать ему другом. Педофил пытается уговорить ребенка рассказать о себе, об отношениях с семьей, друзьями, о знаниях, которыми обладает ребенок в сфере интимной жизни, при отсутствии такого опыта осуществляет в какой-то мере просвещение ребенка. Отношения предлагает держать в тайне. Сам сексуальный контакт сводится к «игре».

Насильственный способ осуществляется как с установлением контакта с ребенком, так и без такового. Целью является лишь удовлетворение сексуального интереса.

Наиболее опасный с этой точки зрения является возраст до 12 лет. Преступники пользуются тем, что в этом возрасте ребенок еще не понимает происходящего, его легче запугать, он склонен к тому, чтобы никому ничего не рассказывать о произошедшем (т.е. с ним легче заключить «договор молчания»). Так, 93% подвергшихся сексуальным злоупотреблениям в детстве долго заблуждались относительно поведения взрослых, полагая, что случившееся неизбежно, и даже, что это нормальная часть детства. Также совершивший насилие взрослый надеется, что в этом возрасте ребенок не сможет словами описать произошедшее. Поскольку фантазии ребенка зачастую смешаны с реальностью, то, вероятно, рассказу не поверят, даже если он что-то об этом и расскажет [10].

Необходимо упомянуть иную категорию детей, связанную с возможными исчезновениями ненасильственного характера: патологические бродяги, имеющие психические отклонения; «юные романтики», покидающие родной дом в поисках приключений. У последней категории это состояние со временем проходит, а вот для первой – это характерный признак неблагополучной обстановки в семье, равнодушие родителей к психическому здоровью ребенка и его безопасности.

Получив информацию об исчезновении малолетнего либо несовершеннолетнего лица, следователи и оперативные работники должны прежде всего обратить на внимание на признаки, характеризующие семейную, домашнюю обстановку и психологическую атмосферу, в которой жил потерпевший. В этом корни преступного насилия, совершаемого не только родителями, но посторонними лицами.

Следует предположить, что посторонние лица, склонные к насилию над детьми, выбирают свой объект не только исходя из личностных особенностей преступника [11. С. 197–203] и из определенных внешних и возрастных признаков жертвы, но и учитывая её психологическое состояние в момент выбора. Вероятно, что на бессознательном уровне они воспринимают сигналы от будущей жертвы, которая в данный момент находится, условно говоря, в некомфортном психологическом состоянии (отсутствие контакта с близкими в семье, ссора с приятелями в школе и т.д.). Такие сигналы, посылаемые жертвами во внешнюю среду, могут быть как вербальными, так и невербальными.

Затронув отдельные криминалистические аспекты исчезновения, следует прийти к выводу, что необходимо определиться с данным термином. По нашему мнению, исчезновение малолетнего (несовершеннолетнего) лица – это элемент первоначальной криминалистической информации, позволяющий в совокупности с иными данными предположить совершение преступления насильственного характера в отношении данного лица.

В работе не нашли отражения многие элементы и их взаимосвязь первоначальной криминалистической информации насильственных преступлений в отношении рассматриваемой категории лиц, имеющей место быть на момент проведения доследственной проверки. Несомненно, что в столь кратком изучении этого сделать невозможно. Вместе с тем, по нашему мнению, факт исчезновения детей следует рассматривать не только с точки зрения определения новых подходов в совершенствовании методики и тактики расследования отдельных видов насильственных преступлений, в том числе и педофилии, а также как дополнительное основание возбуждения уголовного дела.

ЛИТЕРАТУРА

1. Педофилы объявили войну России // Российская газета. 2008. № 78.
2. Словарь В.И. Даля. URL: http://dahl.org.ua
3. Договор государств-участников Содружества Независимых Государств о межгосударственном розыске лиц. URL: http://www.conventions.ru
4. Педофилия: основные криминальные черты / под ред. Ю.М. Антоняна. М. : Проспект, 2012.
5. Ахмедшина Н.В. Криминологическая виктимология. Томск : ТУСУР, 2011.
6. Snyder Howard N. Sexual Assault of Young Children As Reported To Law Enforcement: Victim, Incident, and Offender Characteristics. Washington, DC : US Department of Justice, Bureau of Justice Statistics. NCJ-182990. July. 2000.
7. Абель Дж., Харлоу Н. Исследование по предотвращению детского растления // Ресурс для всех, переживших сексуальное злоупотребление. URL: http://www.survivorsresource.com
8. Гурьева В.А., Дмитриева Т.Б., Макушкин Е.В., Гиндикин В.Я., Бадмаева В.Д. Клиническая и судебная подростковая психиатрия / под ред. проф. В.А. Гурьевой. М., 2007.
9. Клейн Л.С. Другая любовь. Природа человека и гомосексуальность. СПб. : Фолио-Пресс, 2000.
10. Соловей Т.И. Криминологическая характеристика личности потерпевших от сексуальных посягательств на малолетних и несовершеннолетних // Вопросы ювенальной юстиции. 2007. № 2.
11. Алексеева Т.А., Ахмедшин Р.Л., Юань В.Л. Полноструктурная модель механизма отражения личности в следах преступления // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 397. С. 197–203.

Статья представлена научной редакцией «Право» 25 марта 2016 г.

DISAPPEARANCE OF THE VICTIM IN THE SYSTEM OF CRIMINAL INFORMATION ON SEXUAL CRIMES AGAINST JUVENILES

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 406, 194–196.
DOI: 10.17223/15617793/406/29

Brager Dmitriy K. Sakhalin Railway Institute, Branch of Far Eastern State Transport University (Yuzhno-Sakhalinsk, Russian Federation). E-mail: brager-4@mail.ru

Tataurov Andrei A. Sakhalin Railway Institute, Branch of Far Eastern State Transport University (Yuzhno-Sakhalinsk, Russian Federation). E-mail: kafedra-ugolpravo@yandex.ru

Keywords: extinction; juvenile; minor; information.

Commission of criminal acts against minors and young Russian citizens, due to some specific causes and characteristics, has always caused complexity in their investigation by law enforcement agencies. This situation is based on the fact that in the Russian Federation up to two million children and adolescents are subjected to violent acts annually, and the forms of violence are extremely varied: slave trade, slave labor, ill-treatment, sexual assault, etc. In this case, actions against sexual immunity of minors and young children should make up a special category. Violent crimes against minors and young people are characterized by a number of specific features that should be considered when carrying out search operations and pre-investigation checks. One of the features is disappearance of these persons. The concept of disappearance as a legal term does not exist in the criminal law. At the same time, phrases “missing person” and “untraceable person” (Article 42 of the RF Civil Code) used in this context do not reflect the essence of the case under study for various reasons. It should be emphasized that disappearance of children is one of the features characterizing latent violent crimes. However, analysis of the current state of criminological characteristics of these types of crime leads to a conclusion that researchers and law theory neglect this element of information. It should be understood that in most cases a child’s disappearance testifies to the fact of committing sexual assault against them, regardless of who committed it: parents (guardians) or unauthorized persons. Sexual abuse of children and adolescents is characterized by frank violence against them or compulsion them to commit sexual acts by deception or abuse of minors’ curiosity. Sometimes they become objects of sexual exploitation, usually associated with financial benefits for the “exploiter”, which may occur with the minor’s voluntary consent to it. However, all of these forms of sexual abuse of children and adolescents violate the moral standards of society protected by law, and are traumatic for minors’ psyche, causing corrupting and sometimes criminalizing influence. Further life of such victims is likely to be destroyed. The study of criminal cases involving sexual crimes against children provides an opportunity to talk about disappearance as a forensic data element essential for investigating this type of crime, and further search of the juvenile and underage victim.

REFERENCES

1. Rossiyskaya gazeta. (2008) Pedofily ob”yavili voynu Rossii [Pedophiles declared war on Russia]. *Rossiyskaya gazeta*. 78.
2. Dahl.org. (n.d.) *Slovar’ V.I. Dalya* [V.I. Dahl’s Dictionary]. [Online]. Available from: http://dahl.org.ua.
3. Conventions.ru. (2010) *Dogovor gosudarstv-uchastnikov Sodruzhestva Nezavisimykh Gosudarstv o mezhgosudarstvennom rozyske lits* [The contract of the Commonwealth of Independent States on the international wanted persons]. [Online]. Available from: http://www.conventions.ru/view_base.php?id=2143.
4. Antonyan, Yu.M. (ed.) *Pedofiliya: osnovnye kriminal’nye cherty* [Pedophilia: the main criminal features]. Moscow: Prospekt.
5. Akhmedshina, N.V. (2011) *Kriminologicheskaya viktimologiya* [Criminological victimology]. Tomsk: TUSUR.
6. Snyder, H.N. (2000) *Sexual Assault of Young Children As Reported To Law Enforcement: Victim, Incident, and Offender Characteristics*. NCJ-182990, July. Washington, DC: US Department of Justice, Bureau of Justice Statistics.
7. Abel, J. & Harlow, N. (2001) *Issledovanie po predotvrashcheniyu detskogo rastleniya* [Child Molestation Prevention Study]. [Online]. Available from: http://www.survivorsresource.com/joomla/index.php/2009-08-23-15-47-26/2009-08-22-08-52-24/17–q-.html.
8. Gur’eva, V.A. et al. (2007) *Klinicheskaya i sudebnaya podrostkovaya psikhiatriya* [Clinical and forensic adolescent psychiatry]. Moscow: Meditsinskoe informatsionnoe agentstvo.
9. Kleyn, L.S. (2000) *Drugaya lyubov’. Priroda cheloveka i gomoseksual’nost’* [Another love. Human nature and homosexuality]. St. Petersburg: Folio-Press.
10. Solovey, T.I. (2007) Kriminologicheskaya kharakteristika lichnosti poterpevshikh ot seksual’nykh posyagatel’stv na maloletnikh i nesovershennoletnikh [Criminological characteristics of victims of sexual abuse of minors and juveniles]. *Voprosy yuvenal’noy yustitsii*. 2.
11. Alekseeva, T.A., Akhmedshin, R.L. & Yuan’, V.L. (2015) A full-structured model of the personality reflection mechanism in the traces of a crime. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 397. pp. 197–203. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/397/30

Received: 25 March 2016

Вестник Томского государственного университета. 2016. № 406. С. 197–201. DOI: 10.17223/15617793/406/30

УДК 343.236

О.В. Ермакова

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ МОШЕННИЧЕСТВА В СФЕРЕ КРЕДИТОВАНИЯ

Рассматриваются проблемы квалификации мошенничества в сфере кредитования (ст. 159.1 УК РФ). На основе анализа судебной практики, а также научной литературы автором предлагается толкование объективных и субъективных признаков мошенничества в сфере кредитования. Кроме того, проводится отграничение мошенничества в сфере кредитования от общего состава мошенничества, незаконного получения кредита (ст. 176 УК РФ), а также от административного правонарушения, предусмотренного ст. 7.27 КоАП РФ.

Ключевые слова: мошенничество в сфере кредитования; хищение; мошенничество; специальные виды мошенничества; проблемы квалификации специальных видов мошенничества.

В результате принятия Федерального закона от 29.11.2012 г. № 207-ФЗ в Уголовном кодексе произошла дифференциация видов мошенничества с выделением, помимо общего состава мошенничества (ст. 159 УК РФ), еще шести новых разновидностей, в том числе и мошенничества в сфере кредитования (ст. 159.1 УК РФ). Нововведения уголовного закона породили множество проблем квалификации специальных видов мошенничества, связанные с толкованием объективных и субъективных признаков, а также с отграничением данных составов от общей нормы, закрепленной в ст. 159 УК РФ.

Исходя из законодательной формулировки ч. 1 ст. 159.1 УК РФ, под мошенничеством в сфере кредитования понимается хищение денежных средств заемщиком путем представления банку или иному кредитору заведомо ложных и (или) недостоверных сведений.

Анализ судебной и следственной практики показывает, что сложности в квалификации мошенничества в сфере кредитования связаны с толкованием следующих признаков состава преступления:

I. Сложности в определении предмета преступления.

В судебной практике имеют место случаи, когда виновное лицо заключает кредитный договор не с целью получения денежных средств, а для приобретения какого-либо имущества. Так, например, К. пришел в магазин «5 Элемент», где путем предоставления банку заведомо ложных и недостоверных сведений (сотруднику ОАО «Лето Банк» указал заведомо ложные сведения относительно места своей работы и суммы ежемесячного дохода), заключил с ОАО «Лето Банк» кредитный договор. После этого, не останавливаясь на достигнутом, продолжая реализовывать свой преступный умысел, К. приобрел в магазине «5 Элемент» на условиях кредитного договора бытовую технику на общую сумму 42 786 руб., незаконно обратив ее в свое пользование, тем самым доведя свой преступный умысел до конца [1].

Оценивая подобные ситуации, следует отметить, что предметом преступления выступает не то имущество, которое приобретается на денежные средства, полученные после заключения кредитного договора, а сами денежные средства, обозначенные в договоре. Иначе говоря, банковская организация предоставляет виновному на условиях кредитного договора не имущество (например, бытовую технику, телефон и т.д.), а денежные средства на его приобретение.

Таким образом, предметом преступления могут выступать только денежные средства, которые получены в процессе кредитования. Если денежные средства были переданы без оформления кредитных обязательств (например, в долг при устном обещании возврата), содеянное не может квалифицироваться по ст. 159.1 УК РФ и при наличии обмана или злоупотребления доверием может подпадать под действие общей нормы о мошенничестве (ст. 159 УК РФ).

II. Проблемы установления объективной стороны преступления.

Объективная сторона представляет собой хищение, т.е. совершенное с корыстной целью противоправное, безвозмездное изъятие и (или) обращение денежных средств, причинившее имущественный ущерб.

Двуактность действий при совершении хищения, предполагающая не только изъятие имущества, но и последующее его обращение, предопределяет момент окончания преступления. Так, мошенничество в сфере кредитования следует считать оконченным с момента, когда сумма кредита поступила в незаконное владение виновного или других лиц и они получили реальную возможность пользоваться ей или распорядиться средствами по своему усмотрению.

По общему правилу поступление денежных средств на расчетный счет уже свидетельствует о наличии такой возможности.

Однако если представить ситуацию, что по прошествии определенного времени (это могут быть минуты, часы, месяцы и т.д.), при выяснении обстоятельств, счет будет заблокирован, сможем ли мы говорить об оконченном хищении? Думается, нет, поскольку виновное лицо не имеет возможности снятия денежных средств со счета [2. С. 134–136].

Обязательным признаком состава преступления, предусмотренного ст. 159.1 УК РФ, выступают преступные последствия в виде причинения имущественного ущерба.

В научной литературе указывается, что размер ущерба складывается непосредственно из размера полученных кредитных средств и начисленных процентов [3. С. 18–21].

Аналогичного подхода придерживается судебная практика. Так, в обвинительном акте по уголовному

делу в отношении Ф. указано: «Ф., находясь в операционном офисе “Барнаульский” ОАО банк “Открытие”, обратился к специалисту Ч. для оформления ему кредита на сумму 800 000 руб. При этом Ф. ввел в заблуждение Ч. относительно своей платежеспособности, сообщив заведомо ложную и недостоверную информацию о месте работы и сумме основного дохода. Ч., будучи введенной в заблуждение относительно преступных намерений Ф., на основании ложных сведений, предоставляемых им, оформила кредитный договор на получение кредита в ОАО банк “Открытие” на сумму 934 000 руб., *из которых – 799 829 руб. сумма основного кредита и 134 171 руб. – проценты»* (выделено мною. – *О.Е.*) [4].

В отдельных уголовных делах сумма ущерба включает в себя и стоимость услуги по добровольному страхованию жизни и здоровья [5].

По нашему мнению, подобная практику нельзя признать верной, поскольку при совершении хищения имеет место только реальный имущественный ущерб, соответствующий стоимости изъятого имущества. Полученное при совершении мошенничества в сфере кредитования имущество не включает в себя начисленные проценты за пользование кредитом, соответственно, данные денежные средства не должны учитываться при установлении имущественного ущерба.

Обязательным признаком мошенничества в сфере кредитования выступает способ совершения преступления – представление банку или иному кредитору заведомо ложных и (или) недостоверных сведений.

Подобное законодательное описание способа совершения преступления порождает ряд вопросов: каких обстоятельств должно касаться содержание предоставляемых сведений? В чем отличие ложных и недостоверных сведений?

При определении содержания сведений отдельные авторы используют способ перечисления: это сведения о месте работы, об уровне заработной платы и иные сведения, на основании которых кредитор принимает решение о выдаче займа [6. С. 54–61].

Однако, учитывая разнообразие документации, которая требуется для получения кредита, составление перечня сведений представляется весьма проблемным, поэтому достаточно указания на то, что виновным могут предоставляться любые сведения, которые имеют значение для принятия решения о выдаче кредита.

П.С. Яни верно указывает, что «они могут содержаться в представляемых кредитору документах, а также в иной информации, в том числе устной. В последнем случае заведомо ложные сведения могут быть представлены кредитору, в частности, в процессе интервью с потенциальным заемщиком банка» [7. С. 47–52].

Заведомо ложная информация должна касаться только самого заемщика, желающего получить кредит, если им подается ложная информация о поручителях, то это не образует данного состава преступления.

Предоставляемые заемщиком сведения должны быть ложными и (или) недостоверными.

В научной литературе существуют предложения различать данные термины по следующим признакам: ложная информация – это информация, изначально содержащая не соответствующие действительности сведения. Недостоверные сведения могут изначально не быть ложными, но при определенных условиях (о которых, несомненно, знает заемщик) приводить кредитора к ошибочным представлениям о фактическом финансовом положении будущего должника. Например, потенциальный заемщик представляет банку реальную справку 2-НДФЛ и другие документы, которые требует банк, однако умалчивает о своих существенных финансовых обязательствах по договору найма, залога и т.п. [8. С. 70–73].

Однако, по нашему мнению, используемые законодателем понятия «ложные» и «недостоверные сведения» по своей сути являются синонимами и означают такую информацию, которая не соответствует действительности.

Представленное толкование также используется и судебной практикой. Так, анализ 28 уголовных дел, квалифицированных по ст. 159.1 УК РФ, показывает, что судебные и следственные органы, также описывая способ совершения мошенничества, ограничиваются формулировкой «путем предоставления банку заведомо ложных и недостоверных сведений» [9, 10].

Следует отметить, что в отличие от общего состава, закрепленного в ст. 159 УК РФ, мошенничество в сфере кредитования не содержит такого способа, как злоупотребление доверием. Это означает, что если по уголовному делу виновное лицо не сообщает ложных или недостоверных сведений, а лишь получает кредит, используя доверительные отношения с кредитором, то квалификация проводится по ст. 159 УК РФ.

Таким образом, при возбуждении уголовного дела по ст. 159.1 УК РФ нет необходимости указывать на общие способы мошенничества в виде обмана или злоупотребления доверием, поскольку в указанном составе способ совершения преступления конкретизирован и ограничен исключительно представлением банку или иному кредитору заведомо ложных и (или) недостоверных сведений. Отсутствие данного способа влечет невозможность применения ст. 159.1 УК РФ и при наличии иных признаков позволяет проводить квалификацию по общей норме о мошенничестве.

III. Проблемы определения субъекта преступления.

Согласно диспозиции ст. 159.1 УК РФ субъект преступления – только заемщик, т.е. лицо, которое выступает стороной в кредитных отношениях.

Соответственно, в том случае, если факт мошеннических действий становится известным правоохранительным органам до получения лицом статуса заемщика (например, на момент рассмотрения представленного пакета документов), то содеянное необходимо квалифицировать по ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 159.1 УК РФ.

От определения фигуры заемщика при совершении мошенничества в сфере кредитования зависит решение вопроса о возможности квалификации по ст. 159.1 УК РФ.

При этом следует выделить следующие ситуации, возникающие в судебной практике:

1. В роли заемщика при заключении кредитного договора выступает не виновное физическое лицо, а

лицо юридическое, которое возглавляется указанным физическим лицом, соответственно представляющим данную организацию в отношениях с контрагентами.

В указанном случае судебная практика распространяет понятие заемщика и на юридическое лицо, которое в отношениях с кредитором представлял виновный как руководитель названной организации либо как уполномоченное данной организацией лицо [7. С. 47–52]. Соответственно, применение ст. 159.1 УК РФ не вызывает сомнений.

2. Юридическое лицо отсутствовало (не зарегистрировано либо ликвидировано), а виновный лишь использовал при представлении кредитору заведомо поддельные документы, содержащие реквизиты несуществующей организации.

Думается, в представленном варианте также должна применяться ст. 159.1 УК РФ, поскольку виновный для получения кредита предоставляет заведомо ложные сведения в виде реквизитов несуществующей организации.

3. В роли заемщика выступает лицо, которое по просьбе другого лица принимает на себя кредитные обязательства в пользу последнего. При этом лицо, фактически в пользу которого заключается кредитный договор, не имеет намерения исполнять обязательства.

В этой ситуации применение ст. 159.1 УК РФ не представляется возможным, так как лицо, выступающее заемщиком, не имеет умысла на хищение и намерения не исполнять обязательства. В свою очередь, лицо, которому заемщик передает кредитные денежные средства, имея умысел на хищение путем обмана, не является специальным субъектом – заемщиком. Соответственно, квалификация должна проводиться по общей норме о мошенничестве (ст. 159 УК РФ).

Так, например, А. обратился к ранее знакомому Р. с просьбой взять кредит на сумму 1 млн руб., при этом сообщил заведомо ложные сведения о невозможности принятия кредитных обязательств на себя в силу отсутствия заработной платы. Р., не зная о преступных намерениях А. не выплачивать кредит, заключил кредитный договор с банком и передал полученную сумму А. Органы следствия верно квалифицировали данные действия по ст. 159 УК РФ как мошенничество, т.е. хищение чужого имущества, совершенное путем обмана и злоупотребления доверием [11].

4. Заемщиком выступает лицо, которое получило свой статус по подложным документам от имени другого лица.

Так, в постановлении Московского городского суда от 31 марта 2014 г. указано: «...мошенничество следует считать совершенным в сфере кредитования, если оно совершено непосредственно заемщиком, т.е. лицом, которое на законных основаниях обратилось в кредитную организацию за получением кредитных средств. В судебном заседании установлено, что К. согласно выполняемой им преступной роли обращался в банк по поддельным документам, представляясь иным лицом, а потому заемщиком не являлся. Таким образом, содеянные К. преступления не могут расцениваться как преступления, совершенные в сфере кредитования» [12. С. 65–72].

Думается, подобные разъяснения нельзя признать обоснованными, поскольку факт предоставления подложных документов, удостоверяющих личность, выступает в качестве проявления обмана в виде предоставления ложных сведений, что соответствует способу совершения мошенничества в сфере кредитования.

Следует отметить, что мошенничество в сфере кредитования является специальной нормой по отношению к общей норме ст. 159 УК РФ, предусматривающей ответственность за мошенничество. Соответственно, при отсутствии одного из указанных специальных признаков мошенничества в сфере кредитования деяние должно квалифицироваться по общей норме.

Однако, помимо конкуренции между общей и специальной нормами, существует проблема конкуренции между специальными нормами, предусматривающими ответственность за действия в кредитной сфере. В частности, необходимо разграничивать составы мошенничества в сфере кредитования (ст. 159.1 УК РФ) и незаконного получения кредита (ст. 176 УК РФ).

В отличие от мошенничества в сфере кредитования состав незаконного получения кредита имеет следующие особенности:

– субъектом ст. 176 УК РФ является не любой заемщик (как в ст. 159.1 УК РФ), а только индивидуальный предприниматель или руководитель организации;

– предметом состава незаконного получения кредита, в сравнении со ст. 159.1 УК РФ, являются не только денежные средства, но и льготные условия кредитования;

– при мошенничестве умысел преступника существует уже в момент введения кредитора в заблуждение и направлен на противоправное и безвозмездное с корыстной целью изъятие и обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц. При незаконном получении кредита умысел преступника направлен на временное получение кредита с последующим, пусть и несвоевременным, возвращением денежных средств, взятых в кредит [8. С. 70–73].

Основная проблема правоприменителей – доказать направленность умысла. Абсолютное большинство преступников отрицают намерение похитить кредитные ресурсы, невозврат которых объясняют ухудшением финансового состояния под влиянием различных внешних и внутренних факторов предпринимательского риска (кризисные явления в экономике, недобросовестные контрагенты, неэффективный менеджмент и т.п.).

Как следствие, недоказанность умысла часто является поводом для переквалификации мошенничества на незаконное получение кредита.

В правоприменительной деятельности имеет место ситуация, когда виновные, пытаясь избежать уголовной ответственности, ссылаются на факт частичного погашения кредита как на обстоятельство, доказывающее отсутствие умысла на хищение.

Поэтому правоприменительным органам в каждом конкретном случае необходимо с учетом всех обстоятельств дела установить, что лицо заведомо не намеревалось исполнять свои обязательства.

Согласно п. 5 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2007 г. № 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» о наличии умысла, направленного на хищение, может свидетельствовать следующее:

1) заведомое отсутствие у лица реальной финансовой возможности исполнить обязательство или необходимой лицензии на осуществление деятельности;

2) использование лицом фиктивных уставных документов или фальшивых гарантийных писем;

3) сокрытие информации о наличии задолженностей и залогов имущества;

4) создание лжепредприятий, выступающих в качестве одной из сторон в сделке [13].

Состав незаконного получения кредита имеет место только при наличии крупного ущерба, т.е. ущерба свыше 1,5 млн руб. В свою очередь, уголовная ответственность за мошенничество в сфере кредитования (исходя из грани уголовного наказуемого хищения и мелкого хищения, закрепленного в ст. 7.27 КоАП РФ) наступает, если сумма кредита свыше 1 000 руб.

Таким образом, решая вопрос о квалификации действий виновного при конкуренции специальных составов преступлений, предусмотренных ст. 159.1 и 176 УК РФ), необходимо применять ту норму, которая наиболее полно отражает признаки совершенного преступления.

Кроме указанных вопросов разграничения преступлений, предусматривающих ответственность за незаконные действия в сфере кредитования, в правоприменительной деятельности существует проблема отграничения уголовно наказуемых деяний и административных правонарушений.

Административная ответственность за незаконное получение кредита либо льготных условий кредитования путем предоставления банку или иному кредитору заведомо ложных сведений о своем хозяйственном положении либо финансовом состоянии предусмотрена ст. 14.11 КоАП РФ.

Данная статья распространяется только на те ситуации, когда виновное лицо, не имея умысла на хищение и невозвращения незаконно получаемых денежных средств, путем предоставления ложной информации, получает кредит. Соответственно, указанное правонарушение, в первую очередь, является смежным со ст. 176 УК РФ.

Единственным признаком, разграничивающим аналогичные по характеру действий преступление и административное правонарушение, является наличие или отсутствие крупного ущерба как последствия этих действий. В случае если ущерб крупный, т.е. превышает 1,5 млн руб., заемщик может быть привлечен к ответственности за незаконное получение кредита по ст. 176 УК РФ. Если ущерб меньше указанной суммы, лицо может быть привлечено к административной ответственности по ст. 14.11 КоАП РФ.

Если же установлено, что лицо, незаконно получившее кредит, намеревалось его присвоить, имея умысел на хищение, то такие действия должны квалифицироваться как мошенничество в сфере кредитования (ст. 159.1 УК РФ).

Проведенное исследование показало, что отграничение мошенничества в сфере кредитования от общего состава мошенничества, состава незаконного получения кредита в своей основе должно осуществляться на основе субъективной стороны. В частности, по каждому уголовному делу необходимо выяснить, имело ли лицо умысел на хищение и непогашение кредита до получения денежных средств. При этом направленность умысла в первую очередь устанавливается путем анализа объективных признаков совершенного деяния.

ЛИТЕРАТУРА

1. Обвинительный акт по уголовному делу № 327116. ОД ОМВД России по г. Новоалтайску.
2. Ермакова О.В. Специальные виды мошенничества (ст. 159.1–159.6 УК РФ): вопросы квалификации законодательных новелл // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2014. № 3 (35). С. 134–136.
3. Нудель С.Л. Особенности квалификации мошенничества в сфере кредитования // Российский следователь. 2013. № 13. С. 18–21.
4. Обвинительный акт по уголовному делу № 253178. ОД ОП №1 УМВД России по г. Барнаулу.
5. Приговор № 1-10/2016. URL: https://rospravosudie.com/court-sudebnyj-uchastok-4-g-arzamas-nizhegorodskoj-oblasti-s/act-226538997
6. Тютюнникова Е.С. Незаконное получение кредита // Юридическая работа в кредитной организации. 2014. № 3. С. 54–61.
7. Яни П.С. Специальные виды мошенничества // Законность. 2015. № 3. С. 47–52.
8. Урда М., Шевелева С. Проблемы применения ст. 159.1 УК РФ // Уголовное право. 2013. № 6. С. 70–73.
9. Приговор №1-254 Ленинского районного суда г. Барнаула, № 1-408 Октябрьского районного суда г. Барнаула; приговор № 1-12/2016. URL: https://rospravosudie.com/court-sudebnyj-uchastok-107-samarskoj-oblasti-s/act-226543376.
10. Приговор № 1-27/2016. URL: https://rospravosudie.com/ court-mirovoj-sudya-sudebnogo-uchastka-1-g-kotovska-s/act-226543695
11. Уголовное дело №106026. ОП № 2 по г. Барнаулу.
12. Смолин С.В. Актуальные вопросы квалификации мошенничества в кредитной сфере // Уголовное право. 2014. № 6. С. 65–72.
13. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2007 г. № 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2008. № 2.

Статья представлена научной редакцией «Право» 31 марта 2016 г.

PROBLEMS OF FRAUD CLASSIFICATION IN LENDING

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 406, 197–201.
DOI: 10.17223/15617793/406/30

Ermakova Olga V. Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Barnaul, Russian Federation). E-mail: ermakova_alt@mail.ru

Keywords: fraud in lending; theft; fraud; special types of fraud; problems of classification of special types of fraud.

This article considers the issues of fraud classification in lending. Analyzing court practices the author identifies those characteristics of crime under Article 159.1 of the Criminal Code of the Russian Federation which cause most difficulties in enforcement. Among these features the subject of crime is very important. Only funds received in the lending process can act as a crime subject. In this case it is a mistake to believe that if the perpetrator enters into a loan agreement for the acquisition of property, s/he is the subject of fraud in lending, since the lending organization only provides the guilty person with money on the terms and conditions of the loan agreement, but not with property. Given that the elements of fraud in lending (as well as all other special types of fraud) are formulated as material, there is no unified approach to determine property damage in judicial practice. In particular, separate court decisions show that the amount of damage is determined directly from the amount of credit disbursed and interest accrued. The author comes to a conclusion that these practices cannot be considered valid as the case of theft includes only real property damage appropriate to the value of the seized property. Determination of a fraud method in lending causes many problems. Analyzing the legislative language of method from Article 159.1 of the Criminal Code of the Russian Federation and judicial practice, the author believes that the legislator's concepts of false and inaccurate information are essentially synonymous and shall mean "information which is not true". The establishment of a special entity – the borrower – is required for the application of Article 159.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. In the author's opinion, the borrower is a person who is a party in credit relations. Accordingly, in case when a fraud becomes known to law enforcement authorities prior to the person's obtaining the status of the borrower (for example, at the time of examination of the submitted documents), the deed must be classified under Part 3 of Article 30, Part 1 of Article 159.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. Most difficulties in the judicial practice are connected with the delineation of fraud in lending from related offences. For the application of Article 159.1 of the Criminal Code of the Russian Federation law enforcement authorities, taking into account all circumstances of the case, should establish that the individual obviously did not intend to fulfill their obligations.

REFERENCES

1. The indictment in criminal case no. 327116 of the Department of the Russian Ministry of Internal Affairs for the city of Novoaltaysku. (In Russian).
2. Ermakova, O.V. (2014) Spetsial'nye vidy moshennichestva (st. 159.1–159.6 UK RF): voprosy kvalifikatsii zakonodatel'nykh novell [Special types of fraud (Article 159.1-159.6 of the RF Criminal Code.): Questions of qualification of legal novellas]. *Vestnik Altayskoy akademii ekonomiki i prava – Journal of Altai Academy of Economics and Law.* 3 (35). pp. 134–136.
3. Nudel', S.L. (2013) Osobennosti kvalifikatsii moshennichestva v sfere kreditovaniya [Features of qualification of fraud in lending]. *Rossiyskiy sledovatel' – Russian Investigator*. 13. pp. 18–21.
4. The indictment in criminal case no. 253178 of the Department of the Russian Ministry of Internal Affairs for the city of Barnaul. (In Russian).
5. Rospravosudie.com. (2016) *Prigovor № 1-10/2016* [Sentence no. 1-10 / 2016]. [Online]. Available from: https://rospravosudie.com/court-sudebnyj-uchastok-4-g-arzamas-nizhegorodskoj-oblasti-s/act-226538997.
6. Tyutyunnikova, E.S. (2014) Nezakonnoe poluchenie kredita [Illegal loan]. *Yuridicheskaya rabota v kreditnoy organizatsii*. 3. pp. 54–61.
7. Yani, P.S. (2015) Spetsial'nye vidy moshennichestva [Special types of fraud]. *Zakonnost'*. 3. pp. 47–52.
8. Urda, M. & Sheveleva, S. (2013) Problemy primeneniya st. 159.1 UK RF [Problems of application of Art. 159.1 of the Criminal Code of the Russian Federation]. *Ugolovnoe pravo*. 6. pp. 70–73.
9. Rospravosudie.com. (2016) *Prigovor №1-254 Leninskogo rayonnogo suda g. Barnaula, № 1-408 Oktyabr'skogo rayonnogo suda g. Barnaula; prigovor № 1-12/2016* [Sentence no. 1-254 of Leninsky District Court of Barnaul, no. 1-408 of Oktyabrsky District Court of Barnaul; sentence no. 1-12/2016]. [Online]. Available from: https://rospravosudie.com/court-sudebnyj-uchastok-107-samarskoj-oblasti-s/act-226543376.
10. Rospravosudie.com. (2016) *Prigovor № 1-27/2016* [Sentence no. 1-27/2016]. [Online]. Available from: https://rospravosudie.com/ court-mirovoj-sudya-sudebnogo-uchastka-1-g-kotovska-s/act-226543695
11. Criminal case no. 106026. OP no. 2 in the city of Barnaul. (In Russian).
12. Smolin, S.V. (2014) Aktual'nye voprosy kvalifikatsii moshennichestva v kreditnoy sfere [Topical issues of qualification of fraud in lending]. *Ugolovnoe pravo*. 6. pp. 65–72.
13. Byulleten' Verkhovnogo Suda RF. (2008) Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 27.12.2007 g. № 51 "O sudebnoy praktike po delam o moshennichestve, prisvoenii i rastrate" [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 27.12.2007 no. 51 "On judicial practice in cases of fraud, embezzlement and misappropriation"]. *Byulleten' Verkhovnogo Suda RF*. 2.

Received: 31 March 2016

Вестник Томского государственного университета. 2016. № 406. С. 202–209. DOI: 10.17223/15617793/406/31

УДК 349.2

Л.В. Зайцева

ОСОБЕННОСТИ РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРУДА РАБОТНИКОВ ОРГАНИЗАЦИЙ, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИХ УСЛУГИ СУПЕРВАЙЗИНГА В НЕФТЕГАЗОДОБЫВАЮЩЕЙ ОТРАСЛИ

Рассматриваются проблемы организации и управления трудом лиц, занятых обеспечением исполнения сервисными компаниями услуг супервайзинга по договорам, заключенным с нефтегазовыми организациями. Предлагаются рекомендации относительно выбора той или иной модели организации их труда с учетом особенностей производственной деятельности сервисных компаний. Обозначается круг основных проблем регулирования труда работников с разъездным характером труда, в том числе в районах Крайнего Севера.

Ключевые слова: организация труда супервайзеров; вахтовый метод; разъездной характер труда; северные гарантии и компенсации.

Введение

Развитие специализированного сервиса в нефтегазодобывающей отрасли, внедрение эффективных технологий и оптимизация управления производственными проектами актуализируют проблемы применения супервайзинга как вида предпринимательской деятельности [1]. Об интересе профессионального сообщества к проблемам супервайзинга в нефтегазовой сфере свидетельствуют научные публикации и проводимые научно-практические конференции [2]. Исследования проводятся в основном в области управления процессами, связанными с супервайзингом [3]. Не меньший интерес, на наш взгляд, вызывают процессы, складывающиеся внутри компаний, представляющих услуги супервайзинга, по организации и управлению трудом соответствующих специалистов.

Материалы, позволившие обобщить проблемы правового регулирования труда лиц, обеспечивающих оказание сервисными компаниями супервайзинговых услуг в нефтегазовом секторе, были получены автором при непосредственном юридическом консультировании подобных компаний и выполнения ряда НИР по соответствующей тематике.

Влияние профессионального стандарта супервайзера на затраты сервисных компаний, оказывающих услуги супервайзинга

В ноябре 2014 г. был утвержден профессиональный стандарт бурового супервайзера [4], который предусматривает достаточно высокие требования к профессиональным компетенциям работника. Помимо требований к высшему образованию, повышению квалификации и стажу работы в должности инженерно-технического работника, профессиональный стандарт устанавливает особые условия допуска к работе:

– прохождение обязательных предварительных (при поступлении на работу) и периодических медицинских осмотров (обследований), а также внеочередных медицинских осмотров (обследований) в порядке, установленном законодательством Российской Федерации;

– аттестация по охране труда, промышленной и экологической безопасности;

– проверка знаний по курсу «Контроль скважины. Управление скважиной при газонефтеводопроявлениях (ГНВП) и открытых фонтанах»;

– прохождение профессиональной переподготовки на курсах повышения квалификации буровых супервайзеров – один раз в три года.

Поскольку обеспечение надлежащих условий для допуска к работам является обязанностью работодателя, то на сервисные компании, предоставляющие услуги супервайзинга, ложатся существенные затраты, связанные с профессиональной переподготовкой, аттестацией и проверкой знаний, а также контролем за состоянием здоровья работников соответствующей категории. Этот вывод проистекает из следующих норм российского трудового законодательства.

Часть 13 ст. 212 Трудового кодекса РФ [5] (далее – ТК РФ) устанавливает обязанность работодателя в случаях, предусмотренных трудовым законодательством, организовывать проведение за счет собственных средств обязательных предварительных (при поступлении на работу) и периодических (в течение трудовой деятельности) медицинских осмотров, других обязательных медицинских осмотров, обязательных психиатрических освидетельствований работников, внеочередных медицинских осмотров, обязательных психиатрических освидетельствований работников по их просьбам в соответствии с медицинскими рекомендациями с сохранением за ними места работы (должности) и среднего заработка на время прохождения указанных медицинских осмотров, обязательных психиатрических освидетельствований.

В Перечень работ, при выполнении которых проводятся обязательные предварительные и периодические медицинские осмотры (обследования) работников [6], входят работы в нефтяной и газовой промышленности, выполняемые в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, пустынных и других отдаленных и недостаточно обжитых районах, а также при морском бурении (периодичность 1 раз в год). В Перечень вредных и (или) опасных производственных факторов, при наличии которых проводятся обязательные предварительные и периодические медицинские осмотры (обследования) [Там же], включен целый ряд химических и физических факторов, которые могут присутствовать в рабочей зоне супервайзерных работ.

При этом наличие тех или иных вредных факторов на разных месторождениях и при разной организации технологических процессов может существенно различаться. Это влечет за собой не только выявление различных вредных производственных факторов при специальной оценке условий труда на каждом отдельно взятом конкретном производственном объекте, но и дифференцирует основания, условия и периодичность прохождения работниками первичных и периодических медицинских осмотров. Поскольку супервайзеры сервисных компаний осуществляют свою деятельность на различных объектах разных нефтегазовых компаний, то возникает проблема соответствия проведенного в их отношении медицинского осмотра конкретным условиям труда, для работы в которых они привлекаются. Представляется, что в этом случае в связи с наличием пробела в правовом регулировании следует по аналогии применять норму ч. 3 ст. 341.1 ТК РФ, устанавливающую, что компенсации за работу с вредными и (или) опасными условиями труда, если работник направляется на работу в соответствующих условиях, устанавливаются на основании информации о характеристике условий труда на рабочем месте, предоставляемой принимающей стороной. Следовательно, и направление на медосмотр должно учитывать условия труда по месту фактического выполнения работ.

Однако здесь возникает другая сложность. В течение года супервайзер может направляться на работу к разным заказчикам – нефтегазодобывающим компаниям, условия труда на рабочих местах которых могут существенно различаться, а значит, могут различаться и требования к периодичности медосмотра и перечню врачей-специалистов, участвующих в обследовании, лабораторных и функциональных исследований и возможных дополнительных медицинских противопоказаний для занятия той или иной деятельностью в тех или иных условиях труда. Сервисной компании или придется в направлении на медосмотр указывать совокупность вредных производственных факторов, имеющихся на соответствующих рабочих местах всех своих заказчиков на текущий момент, или направлять супервайзера на новый медосмотр, если по результатам специальной оценки условий труда в организации – заказчике супервайзерных услуг, выявлены «новые» вредные факторы производственного процесса, которые ранее не учитывались при прохождении работником первичного или периодического медосмотра, срок которого к началу работ на новом для него объекте не истек. И тот и другой случай чреваты для сервисной компании дополнительными издержками на прохождение супервайзерами медосмотра (освидетельствования). Особую актуальность данный вопрос приобретает при представлении сервисных услуг крупным компаниям, которые в договорах об оказании услуг супервайзинга предусматривают не только обязанность исполнителя допускать к работам персонал, прошедший необходимый медосмотр и не имеющий медицинских противопоказаний, но и право заказчика не допускать (отстранять) персонал исполнителя при отсутствии у него должного медицинского заключения об отсутствии медицинских противопоказаний.

Аттестация по охране труда, промышленной и экологической безопасности, а также проверка знаний по курсу «Контроль скважины. Управление скважиной при ГНВП и открытых фонтанах» являются обязанностью работодателя – сервисной организации – в силу ст. 212 ТК РФ.

Прохождение профессиональной переподготовки на курсах повышения квалификации буровых супервайзеров – один раз в три года – также организационно и финансово обеспечивается их работодателями, поскольку ч. 4 ст. 196 ТК РФ устанавливает, что «в случаях, предусмотренных федеральными законами, иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, работодатель обязан проводить профессиональное обучение или дополнительное профессиональное образование работников, если это является условием выполнения работниками определенных видов деятельности».

Особые методы организации труда супервайзеров сервисных компаний

Организация труда супервайзеров сервисных компаний в нефтегазовой отрасли, прежде всего, определяется следующими обстоятельствами. Во-первых, сервисная компания может и, как правило, располагается вне территории нахождения нефтегазовых месторождений. Как минимум место фактического оказания услуг супервайзинга удалено от места расположения компании, их оказывающих. Сервисная компания, например, расположена в г. Тюмени, а обслуживает буровые в ХМАО, ЯНАО или других субъектах РФ, в том числе отнесенных к территориям Крайнего Севера. Получается, что фактическая работа конкретного работника осуществляется на Севере и он вправе рассчитывать на «северные» гарантии и компенсации, при этом его работодатель расположен на территории, где отсутствуют экстремальные природно-климатические условия, там же заключен и трудовой договор, который не учитывает возможного выполнения работ на Севере, поскольку на момент его заключения договоры об оказании услуг супервайзинга нефтегазодобывающим компаниям таких районах отсутствовали.

Во-вторых, супервайзер при отсутствии в месте расположения организации – работодателя объектов нефтегазодобывающей отрасли – не будет иметь фактического стационарного рабочего места. Причем не только по месту нахождения своего работодателя, но и по факту выполнения работ, поскольку велика вероятность выполнения им трудовой функции в рамках выполнения обязательств работодателя на разных объектах одного или разных заказчиков.

По вышеобозначенным причинам у сервисной компании при выборе модели организации труда супервайзеров возникнет ряд вопросов.

1. При рассмотрении услуг по супервайзингу как аутсорсинга со стороны компании – заказчика, следует ли применять к нему правила о временном предоставлении персонала?

2. Можно ли применить вахтовый метод организации труда супервайзеров сервисной компании?

3. Следует ли считать направление супервайзера на объект для оказания услуг служебной командировкой? Или следует обеспечить организацию его труда с разъездным характером работы?

4. Нужно ли предоставлять трудовые гарантии и компенсации в связи с выполнением работы в районах Крайнего Севера и приравненных к нему местностях?

Почему не заемный труд и не временное предоставление персонала?

В последнее время в литературе [7. С. 286; 8. С. 98] заемный труд часто рассматривали через призму гражданско-правового регулирования и относили его к аутсорсингу в этом широком его понимании, в ряду таких договоров, как оказание услуг или выполнение строительных работ на объекте заказчика с привлечением подрядчика [9. С. 108] и т.п.

С 1 января 2015 г. в Российской Федерации вступил в силу Федеральный закон от 05.05.2014 № 116-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», который внес изменения в Закон РФ «О занятости населения в РФ» [10] (далее – Закон о занятости) и ТК РФ. Сегодня ст. 56.1 ТК РФ запрещает заемный труд. Вместе с тем в ТК РФ внесена отдельная глава 53.1 «Особенности регулирования труда работников, направляемых временно работодателем к другим физическим лицам или юридическим лицам по договору о предоставлении труда работников (персонала)». Статья 18.1 Закона о занятости позволяет осуществлять деятельность по предоставлению труда работников:

1) аккредитованным частным агентствам занятости (ЧАЗ);

2) другим юридическим лицам, в том числе иностранным и их аффилированным лицам (за исключением физических лиц), на условиях и в порядке, которые установлены федеральным законом, в случаях, если работники с их согласия направляются временно:

– юридическому лицу, являющемуся аффилированным лицом по отношению к направляющей стороне;

– юридическому лицу, являющемуся акционерным обществом, если направляющая сторона является стороной акционерного соглашения об осуществлении прав, удостоверенных акциями такого акционерного общества;

– юридическому лицу, являющемуся стороной акционерного соглашения с направляющей стороной.

Как видим, сервисные компании, предоставляющие услуги супервайзинга, не являются ЧАЗ. Будучи «иными юридическими лицами» (не ЧАЗ), сервисная компания могла бы осуществлять временное представление труда работников, если являлась бы частью холдинга и передача осуществлялась в случаях, указанных выше и обозначенных в п. 2 ч. 3 ст. 18.1 Закона о занятости. Но на день написания настоящей статьи в России не принято отдельного закона, который в соответствии с процитированными нормами Закона о занятости определял бы правила временного предоставления труда персонала иными юридическими лицами, не являющимися ЧАЗ. Поэтому у отдельных сервисных компаний, которые являются частью холдингов, появятся ограниченные законом возможности по временному предоставлению труда своих работников только после издания соответствующего специального федерального закона. Следует отметить, что существуют проблемы согласования норм трудового и гражданского законодательства в части отнесения юридических лиц к числу аффилированных, а также другие не решенные концептуальные вопросы, начиная от универсального нормативного закрепления понятия аффилированности, заканчивая закрепления принципиального подхода недопущения аутстаффинга как наихудшей формы заемного труда [9. С. 111].

Причины, которые могут сделать невозможным применение вахтового метода организации работ к супервайзерам сервисных компаний

Казалось бы, вахтовый метод, признаки которого, как особого способа организации труда работников и режима труда, определены ст. 297 ТК РФ, наиболее оптимальным образом подходят для организации труда супервайзеров, трудовая деятельность которых осуществляется вне места их проживания при невозможности обеспечить их ежедневное возвращение домой. Но есть ряд причин, которые могут поставить под сомнение оптимальность такой организации их труда, да и саму возможность.

Во-первых, согласно ч. 3 ст. 297 ТК РФ работники, привлекаемые к работам вахтовым методом, в период нахождения на объекте производства работ проживают в специально создаваемых работодателем вахтовых поселках, представляющих собой комплекс зданий и сооружений, предназначенных для обеспечения жизнедеятельности указанных работников во время выполнения ими работ и междусменного отдыха, либо в приспособленных для этих целей и оплачиваемых за счет работодателя общежитиях, иных жилых помещениях [11. С. 219].

Конечно, сервисная компания может, заключив соответствующий договор с заказчиком своих услуг, компенсировать проживание своего сотрудника в вахтовом поселке заказчика. Но это возможно только в случае, когда услуги супервайзера осуществляются непрерывно и на одном и том же производственном объекте. Чаще соответствующие работники сервисных компаний в рамках производственных заданий посещают несколько разных объектов одного или нескольких заказчиков. Поэтому их междусменный отдых организуется или в гостиницах, находящихся между обслуживаемыми объектами, или в арендованном жилье, находящемся в населенном пункте, расположенном в максимальной близости от нескольких обслуживаемых объектах.

Во-вторых, при принятии сервисной компанией решения о введении для отдельных категорий своих работников вахтового метода возникают стационарные рабочие места вне территории расположения

юридического лица, что влечет за собой необходимость регистрации в качестве налогоплательщика и страхователя в государственных внебюджетных фондах по месту расположения стационарных рабочих мест с дальнейшей уплатой налогов и взносов, а также соответствующей отчетностью.

Конечно, с точки зрения полноты правового регулирования и уровня гарантированности прав работников предпочтительным представляется вахтовый метод. Но при организации производственного процесса на разных месторождениях, у разных заказчиков, при выполнении служебных заданий в рамках одного периода на различных объектах, отстоящих на значительном расстоянии друг от друга, применение вахтового метода невозможно.

Командировка или разъездной характер труда?

В случае, если сервисная компания, оказывающая услуги супервайзинга, не применяет вахтовый метод для организации труда своих работников, находясь при этом в значительном удалении от объектов оказания услуг, то возникает вопрос о порядке и размере компенсаций работников в связи со служебными поездками.

Командировка как служебная поездка по распоряжению работодателя на определенный срок для выполнения служебного поручения вне места постоянной работы могла бы рассматриваться как основание для соответствующих решений о компенсациях, если бы не словосочетание «вне места постоянной работы». В классическом понимании у командированного работника есть постоянное (стационарное) рабочее место в месте расположения работодателя, куда он возвращается после выполнения служебного поручения. У работников, которые осуществляют услуги супервайзинга, а также обеспечивающих их труд лиц, такого рабочего места нет. Им некуда возвращаться после такой «командировки». Они всегда выполняют свою трудовую функцию вне места расположения работодателя и потому применение к ним, например, ст. 167 ТК РФ о гарантированном сохранении на период командировки места работы (должности) и среднего заработка выглядит абсурдным.

Представляется наиболее удачным и соответствующим логике организации труда работников, оказывающих услуги супервайзинга от сервисных компаний, установление для них разъездного характера труда. К сожалению, ТК РФ не содержит определение разъездного характера труда, но упоминает его в ст. 57, 166, 168.1. В п. 2 Постановления Госкомтруда СССР, Секретариата ВЦСПС от 01.06.1989 № 169/10-87 «Об утверждении Положения о выплате надбавок, связанных с подвижным и разъездным характером работ в строительстве» [12] разъездной характер труда определен как выполнение работы на объектах, расположенных на значительном расстоянии от места размещения организации, в связи с поездками в нерабочее время от места нахождения организации (сборного пункта) до места работы на объекте и обратно. Под сборным пунктом в нашем случае можно понимать арендованное для работников помещение (жилье) в населенном пункте, расположенном на минимально возможном расстоянии от объектов оказания услуг супервайзинга.

В отличие от командировок, носящих временный характер и ограниченных определенным сроком, работа, связанная с разъездами, должна носить постоянный характер [13].

Гарантии и компенсации лицам, работающим с разъездным характером труда

Перечень работ, профессий, должностей работников, постоянная работа которых имеет разъездной характер, устанавливается коллективным договором, соглашениями, локальными нормативными актами работодателя (например, правилами внутреннего трудового распорядка).

Согласно ст. 57 ТК РФ условие, определяющее в необходимых случаях характер работы (в том числе разъездной характер работы), является обязательным для включения в трудовой договор.

В соответствии со ст. 168.1 ТК РФ работодатель в связи с разъездным характером труда возмещает работнику расходы по проезду; расходы по найму жилого помещения; дополнительные расходы, связанные с проживанием вне места постоянного жительства (суточные); иные расходы, произведенные работниками с разрешения или ведома работодателя.

Порядок возмещения работнику расходов в связи с разъездным характером работы и размеры такого возмещения определяются коллективным договором или локальным нормативным правовым актом работодателя (положением о разъездном характере труда, положением об оплате труда и т.п.). Издание соответствующих локальных нормативных правовых актов осуществляется с учетом мнения выборного органа первичной профсоюзной организации в соответствии с требованиями ст. 8 и 372 ТК РФ.

Размеры и порядок возмещения указанных расходов могут также устанавливаться трудовым договором.

Проблемы с установлением соответствующих компенсаций связаны с тем, что ТК РФ фактически предусматривает два вида компенсационных выплат. Первый вид – составная часть зарплаты, связанная с особыми условиями труда (ст. 129 ТК РФ), второй – денежные выплаты, установленные в целях возмещения работникам затрат, связанных с исполнением ими трудовых обязанностей (164 ТК РФ) [10, 14]. В первом случае выплата (например, надбавка за разъездной характер труда) установлена коллективным договором, локальным нормативным актом и (или) трудовым договором. Для её начисления не требуется никаких документальных подтверждений фактического исполнения работником трудовых обязанностей, сопряженных со служебными поездками. Размер таких выплат определен фиксированно в рублевом исчислении или, чаще, в процентном отношении к окладу. Компенсации, определенные в ст. 164 ТК РФ, не входят в состав зарплаты работника, их цель – возместить дополнительные расходы, возникающие в связи с исполнением трудовых обязанностей [15]. Эти ком-

пенсации выплачиваются исключительно на основании документов, подтверждающих соответствующие расходы, понесенные работником. К ним относятся: документы, подтверждающие факт служебной поездки (маршрутный лист, путевой лист, служебное задание, разъездная ведомость, журнал учета поездок и т.п.); документы, подтверждающие оплату расходов (билеты, квитанции, чеки на бензин и т.п.). Если такие документы отсутствуют, то суммы выплат в пользу работников не могут признаваться компенсационными в связи с разъездным характером работы работников [16] и подлежат обложению страховыми взносами в государственные фонды обязательного социального страхования. Этот вывод Минтруда России представляется сформулированным не вполне корректно. Его следует понимать в общем контексте всего разъяснения. Надбавка за разъездной характер труда не считается компенсацией в связи с работой в этих условиях лишь с точки зрения применения ст. 164 и 168.1 ТК РФ. Её выплата не компенсирует фактических расходов, хотя и компенсирует неудобства от самого характера работы, риски, связанные с постоянной или периодической необходимостью совершать служебные поездки.

Можно и иначе определить различия между двумя видами компенсаций, что актуально для понимания логики налогового законодательства и законодательства о тарифах на обязательное социальное страхование. Если надбавки или доплаты определяются в процентном отношении от фиксированной части зарплаты или дифференцированы иным образом в зависимости от занимаемой должности, выполняемой работы, то они считаются частью зарплаты работника со всеми вытекающими отсюда последствиями для налогообложения и начисления страховых взносов. Компенсации же, признаваемые для целей налогообложения по налогу на прибыль, не учитываемые при исчислении НДФЛ [17] и взносов в ПФР, ФСС и ФФОМС [18], направлены на возмещение фактических, документально подтвержденных затрат работника и их размер никак не связан с размером их заработной платы и не производен от неё.

Основания для предоставления «северных» гарантий и компенсаций

Гарантии и компенсации в связи с работой в районах Крайнего Севера и приравненных к нему местностях устанавливаются гл. 50 ТК РФ, другими федеральными законами, подзаконными нормативными правовыми актами РФ, коллективными договорами и соглашениями.

В отношении командированных на Север работников по данному поводу вопросов, как правило, не возникает, поскольку за период командировки за работником сохраняется средняя заработная плата (ст. 167 ТК РФ), исчисленная исходя из фактически начисленной ему заработной платы и фактически отработанного им времени за 12 календарных месяцев, предшествующих направлению в командировку. И поскольку командировка носит временный характер, не предполагает долговременных последствий для здоровья работника в связи с пребыванием в неблагоприятных природно-климатических условиях, то максимально, что на этот случай может устанавливаться коллективным договором или локальным нормативным актом конкретного работодателя, – увеличенный размер суточных за пребывание в командировке на соответствующих территориях.

Вопрос о предоставлении гарантий и компенсаций в связи с работой в районах Крайнего Севера и приравненных к нему местностях вахтовикам регулируется ст. 302 ТК РФ.

Для работников с разъездным характером труда законодательство отдельно не регулирует порядок предоставления «северных» гарантий и компенсаций. Но, как было отмечено, работник с разъездным характером труда может постоянно работать на Севере даже если его работодатель находится в более благоприятных южных широтах. За выполнение обязанностей в разъездах по объектам заказчиков работнику начисляется заработная плата, а не сохраняется «место работы (должность) и средний заработок», потому что другого места работы попросту нет.

В разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ от 17.03.2004 г. № 2 указано, что если в трудовом договоре, заключенном с работником, либо локальном нормативном акте работодателя (приказе, графике и т.п.) не оговорено конкретное рабочее место этого работника, то в случае возникновения спора по вопросу о том, где работник обязан находиться при исполнении своих трудовых обязанностей, следует исходить из того, что в силу части шестой ст. 209 ТК РФ рабочим местом является место, где работник должен находиться или куда ему необходимо прибыть в связи с его работой и которое прямо или косвенно находится под контролем работодателя [19].

Сегодня, основываясь на таком аргументе, суды выносят решения об удовлетворении требований работников с разъездным характером работы о выплатах районного коэффициента и северной надбавки в случае фактического выполнения работ в районах Крайнего Севера и приравненных к нему местностях [20, 21].

Работникам с разъездным характером труда соответствующие гарантии и компенсации начисляются пропорционально отработанному в таких районах времени [22]. Поэтому у работодателя возникает обязанность по раздельному учету дней, отработанных на территориях с разными районными коэффициентами. Для этого приказом работодателя в форму табеля учета рабочего времени вносят дополнительные графы.

Выводы

Организация и регулирование труда работников, занимающихся супервайзингом в сервисных компаниях, обслуживающих нефтегазовый сектор, имеют ряд особенностей, которые обязан учитывать работодатель. В зависимости от особенностей производственной деятельности их труд может быть организован вахтовым методом или их работа может иметь

разъездной характер. Сервисные компании, предоставляющие услуги супервайзинга, несут дополнительные затраты в связи с необходимостью выполнять требования законодательства о медицинском освидетельствовании и обучении супервайзеров, а также о гарантиях и компенсациях в связи с их фактической работой на Севере. В отсутствии закона, устанавливающего правила временного предоставления труда персонала не частными агентствами занятости, аутсорсинг персонала от сервисной компании к нефтегазовой компании сегодня находится вне закона. После принятия соответствующего федерального закона возможности временного предоставления персонала будут доступны очень немногим сервисным компаниям, при этом вероятны существенные ограничения по такому виду деятельности.

Трудовое законодательство имеет ряд пробелов и противоречий, которые создают условия для нарушений прав работников сервисных компаний, предоставляющих услуги супервайзинга.

Во-первых, это недостаточное правовое регулирование труда с разъездным характером. В законе не только отсутствует легальное определение такого особого характера труда, но и нормы о гарантиях и компенсациях в связи с фактической работой с разъездным характером в районах Крайнего Севера и приравненных к нему местностях.

Во-вторых, бессистемное применение в трудовом законодательстве категории «компенсации» создает правовую неопределенность и провоцирует нарушения в области налогообложения и уплаты обязательных страховых платежей на цели обязательного социального страхования.

В-третьих, трудовое законодательство недостаточно регулирует нетипичные трудовые отношения в тех случаях, когда работник выполняет работу вне непосредственного управления и контроля работодателя (исключения составляют дистанционные работники и работники, направленные временно работодателем по договору о временном предоставлении труда персонала).

Представляется, что дальнейшее усовершенствование законодательства позволило бы упорядочить трудовые отношения в сервисных компаниях, предоставляющих услуги супервайзинга, обеспечило бы усиление уровня правовой защиты трудовых прав и законных интересов работников и работодателей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сизов А.В., Третьяков К.Н. Предмет договора супервайзинга. URL: http://www.lib.tpu.ru/fulltext/c/2014/C94/055.pdf (Загл. с экрана) (дата обращения: 25.01.2016).
2. Конференция «Супервайзинг бурения и нефтегазодобычи» // Современные технологии автоматизации. URL: http://www.cta.ru/news/479182.htm (Загл. с экрана) (дата обращения: 25.01.2016).
3. Гаврилов А.А. ГеоИнТЭК: применение услуг супервайзинга позволяет оптимизировать затраты и снизить риски при проведении буровых работ // Бурение & нефть. 2011. № 6. С. 56–57.
4. Приказ Минтруда России от 27.11.2014 № 942н «Об утверждении профессионального стандарта “Буровой супервайзер в нефтегазовой отрасли”» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2015. № 29.
5. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 № 197-ФЗ (ред. от 30.12.2015) // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3.
6. Приказ Минздравсоцразвития России от 12.04.2011 № 302н (ред. от 05.12.2014) «Об утверждении перечней вредных и (или) опасных производственных факторов и работ, при выполнении которых проводятся обязательные предварительные и периодические медицинские осмотры (обследования), и Порядка проведения обязательных предварительных и периодических медицинских осмотров (обследований) работников, занятых на тяжелых работах и на работах с вредными и (или) опасными условиями труда» // Российская газета. 2011. № 243; 2012. № 73.
7. Аникин Б.А., Рудая И.Л. Аутсорсинг и аутстаффинг: высокие технологии менеджмента. М. : ИНФРА-М, 2009. 320 с.
8. Шиткина И. Договор предоставления персонала: что это такое? // Хозяйство и право. 2004. № 1. С. 98–103.
9. Чукреев А.А. Совершенствование правового регулирования заемного труда в России // Вестник Пермского университета. 2015. № 2. С. 108.
10. Закон РФ от 19 апреля 1991 № 1032-1 «О занятости населения в Российской Федерации» (ред. от 29.12.2015) // СЗ РФ. 1996. № 17. Ст. 1915.
11. Пучков А.Л. Организация труда вахтовым методом на нефтегазодобывающих предприятиях западной Сибири // Вестник Томского университета. 2007. № 296. С. 219–222.
12. Постановление Госкомтруда СССР, Секретариата ВЦСПС от 01.06.1989 № 169/10-87 «Об утверждении Положения о выплате надбавок, связанных с подвижным и разъездным характером работ в строительстве» // Бюллетень Госкомтруда СССР. 1989. № 9.
13. Письмо Федеральной службы по труду и занятости от 12 декабря 2013 г. № 4209-ТЗ // Официальные документы (приложение к «Учет. Налоги. Право»). 2013. № 48.
14. Колинько А. Разъездной сотрудник // ЭЖ-Юрист. 2015. № 34. С. 10.
15. Письмо Минфина России от 14.07.2014 № 03-03-06/4/34093 // Оплата труда: акты и комментарии для бухгалтера. 2014. № 10.
16. Письмо Минтруда России в письме от 30.09.2014 № 17-4/В-462 // Бюджетные организации: акты и комментарии для бухгалтера. 2015. № 2.
17. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 29.12.2015) // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3824.
18. Федеральный закон от 24 июля 2009 №212-ФЗ «О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования» // СЗ РФ. 2009. № 30. Ст. 3738.
19. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.03.2004 № 2 (ред. от 24.11.2015) «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2007. № 3.
20. Апелляционное определение Новосибирского областного суда от 24.11.2015 по делу № 33-9570/2015 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.02.2016).
21. Апелляционное определение Новосибирского областного суда от 27.08.2015 по делу № 33-7184/2015 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.02.2016).
22. Определение Верховного Суда от 06.05.2011 № 78-В11-16 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.02.2016).

Статья представлена научной редакцией «Право» 31 марта 2016 г.

SOME ASPECTS OF LEGAL LABOR REGULATION IN ORGANIZATIONS ENGAGED IN SUPERVISING SERVICES FOR THE OIL AND GAS INDUSTRY

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 406, 202–209.
DOI: 10.17223/15617793/406/31

Zaitseva Larisa V. Tyumen State University (Tyumen, Russian Federation). E-mail: larisa_zaiceva72@mail.ru

Keywords: organization of supervisor's work; traveling method of work; remote work; guarantees and compensations for work in northern conditions.

Development of specialized services in the oil and gas industry, introduction of effective technologies and optimization of industrial project management update the problem of supervising as a form of entrepreneurial activity. The problems of organization and management of work of service companies' employees engaged in supervising activities in the oil and gas industry are discussed in the article. The reasons causing the increase of labor costs of employees engaged in supervising activities are substantiated. The influence of the new professional standard of a supervisor on the maintenance of labor relations in the part of medical examinations and mandatory training is discussed. Specific methods of supervisor's labor process organization were examined. Some arguments explaining the inability to use outsourcing as a practice for temporary representation of their staff by service companies today are mentioned. Several possible ways of supervisor's work organization in the areas remote from the employer's location are suggested. Remote or roving methods of work are considered the most appropriate for the oil and gas industry. Guarantees and compensations related to the traveling nature of the work and actual work in the regions of Far North provided in the current labor law are analyzed. In conclusion, the findings on the legal ways possible for the organization of supervisor's labor process in service companies are summarized and the main directions for improvement of labor legislation in this field are determined and considered. The materials that allowed generalizing the problems of legal regulation of employment in companies providing supervising services in the oil and gas sector were obtained by the author as a result of providing legal advice to similar companies and performing some research projects on relevant topics. The author concludes that the labor legislation has a number of gaps and contradictions that create conditions for violations of the rights of employees of service companies providing supervising services. This is lack of legal regulation of labor activities with a traveling nature, the absence of rules on guarantees and compensations in connection with the work with a traveling nature in the Far North and similar regions, unsystematic use of labor legislation "compensation" category, lack of resolution of atypical labor relations in cases where the employee performs work outside the direct control and supervision of the employer. A further improvement of the legislation in the following area would help to streamline labor relations in companies providing supervising services, and enhance the level of legal protection of labor rights and interests of workers and employers.

REFERENCES

1. Sizov, A.V. & Tret'yakov, K.N. (2014) *Predmet dogovora supervayzinga* [Subject of the supervision contract]. [Online]. Available from: http://www.lib.tpu.ru/fulltext/c/2014/C94/055.pdf. (Accessed: 25th January 2016).
2. Sovremennye tekhnologii avtomatizatsii. (2013) *Konferentsiya "Supervayzing bureniya i neftegazodobychi"* [Conference "Supervising Drilling and Oil and Gas Production"]. [Online]. Available from: http://www.cta.ru/news/479182.htm. (Accessed: 25th January 2016).
3. Gavrilov, A.A. (2011) GeoInTEK: primenenie uslug supervayzinga pozvolyaet optimizirovat' zatraty i snizit' riski pri provedenii burovykh rabot [GeoInTEK: Supervising services allow to optimize costs and reduce risks during drilling operations]. *Burenie & neft'*. 6. pp. 56–57.
4. Byulleten' normativnykh aktov federal'nykh organov ispolnitel'noy vlasti. (2015) Prikaz Mintruda Rossii ot 27.11.2014 № 942n "Ob utverzhdenii professional'nogo standarta "Burovoy supervayzer v neftegazovoy otrasli"" [Order of the Russian Ministry of Labor on 27.11.2014 no. 942n On Approval of the Professional Standard "Drilling Supervisor in the Oil and Gas Industry"]. *Byulleten' normativnykh aktov federal'nykh organov ispolnitel'noy vlasti*. 29.
5. Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii. (2002) Trudovoy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 30 dekabrya 2001 № 197-FZ (red. ot 30.12.2015) [The Labour Code of the Russian Federation of December 30, 2001 no. 197-FZ (ed. on 30.12.2015)]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. 1 (Pt. 1). Art. 3.
6. Rossiyskaya gazeta. (2011, 2012) Prikaz Minzdravsotsrazvitiya Rossii ot 12.04.2011 № 302n (red. ot 05.12.2014) "Ob utverzhdenii perechney vrednykh i (ili) opasnykh proizvodstvennykh faktorov i rabot, pri vypolnenii kotorykh provodyatsya obyazatel'nye predvaritel'nye i periodicheskie meditsinskie osmotry (obsledovaniya), i Poryadka provedeniya obyazatel'nykh predvaritel'nykh i periodicheskikh meditsinskikh osmotrov (obsledovaniy) rabotnikov, zanyatykh na tyazhelykh rabotakh i na rabotakh s vrednymi i (ili) opasnymi usloviyami truda" [Order of the Health Ministry of Russia of 12.04.2011 no. 302n (ed. on 05.12.2014) "On approval of lists of harmful and (or) hazardous production factors and works, under which compulsory preliminary and periodic medical examinations are to be held, and the Order of mandatory preliminary and periodic medical examinations of workers engaged in heavy work or work in harmful and (or) dangerous working conditions"]. *Rossiyskaya gazeta*. 243; 73.
7. Anikin, B.A. & Rudaya, I.L. (2009) *Autsorsing i autstaffing: vysokie tekhnologii menedzhmenta* [Outsourcing and outstaffing: high technology management]. Moscow: INFRA-M.
8. Shitkina, I. (2004) Dogovor predostavleniya personala: chto eto takoe? [The staffing contract: what is it?]. *Khozyaystvo i pravo*. 1. pp. 98–103.
9. Chukreev, A.A. (2015) Improvement of Legal Regulation of Contingent Labour in Russia. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki – Perm University Bulletin. Juridical Sciences*. 2. pp. 108. (In Russian). DOI: 10.17072/1995-4190-2015-2-106-118
10. Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii. (1996) Zakon RF ot 19 aprelya 1991 № 1032-1 "O zanyatosti naseleniya v Rossiyskoy Federatsii" (red. ot 29.12.2015) [RF Law of April 19, 1991 no. 1032-1 "On employment in the Russian Federation" (ed. on 29.12.2015)]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii.* 17. Art. 1915.
11. Puchkov, A.L. (2007) Organizatsiya truda vakhtovym metodom na neftegazodobyvayushchikh predpriyatiyakh zapadnoy Sibiri [Organization of labor on a rotational basis at oil and gas enterprises of Western Siberia]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 296. pp. 219–222.
12. Byulleten' Goskomtruda SSSR. (1989) Postanovlenie Goskomtruda SSSR, Sekretariata VTsSPS ot 01.06.1989 № 169/10-87 "Ob utverzhdenii Polozheniya o vyplate nadbavok, svyazannykh s podvizhnym i raz"ezdnym kharakterom rabot v stroitel'stve" [Resolution of the USSR State Committee, the Secretariat of the All-Union Central Soviet of Trade Unions of 01.06.1989 no. 169 / 10-87 "On approval of the payment of allowances associated with moving and traveling nature of work in the construction"]. *Byulleten' Goskomtruda SSSR*. 9.
13. Ofitsial'nye dokumenty. (2013) Pis'mo Federal'noy sluzhby po trudu i zanyatosti ot 12 dekabrya 2013 g. № 4209-TZ [Letter of the Federal Service for Labour and Employment of December 12, 2013 no. 4209-TK]. *Ofitsial'nye dokumenty. Pprilozhenie k "Uchet. Nalogi. Pravo"*. 48.
14. Kolin'ko, A. (2015) Raz"ezdnoy sotrudnik [A mobile employee]. *EZh-Yurist*. 34. pp. 10.
15. Oplata truda: akty i kommentarii dlya bukhgaltera. (2014) Pis'mo Minfina Rossii ot 14.07.2014 № 03-03-06/4/34093 [Letter to the Russian Finance Ministry of 14.07.2014 no. 03-03-06/4/34093]. *Oplata truda: akty i kommentarii dlya bukhgaltera*. 10.

16. Byudzhetnye organizatsii: akty i kommentarii dlya bukhgaltera. (2015) Pis'mo Mintruda Rossii v pis'me ot 30.09.2014 № 17-4/V-462 [Letter of the Russian Ministry of Labour in a letter of 30.09.2014 № 17-4/B-462]. *Byudzhetnye organizatsii: akty i kommentarii dlya bukhgaltera*. 2.
17. Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii. (1998) Nalogovyy kodeks Rossiyskoy Federatsii (chast' pervaya) ot 31.07.1998 № 146-FZ (red. ot 29.12.2015) [The Tax Code of the Russian Federation (Part One) of 31.07.1998 no. 146-FZ (ed. on 29.12.2015)]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. 31. Art. 3824.
18. Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii. (2009) Federal'nyy zakon ot 24 iyulya 2009 №212-FZ "O strakhovykh vznosakh v Pensionnyy fond Rossiyskoy Federatsii, Fond sotsial'nogo strakhovaniya Rossiyskoy Federatsii, Federal'nyy fond obyazatel'nogo meditsinskogo strakhovaniya" [Federal Law of July 24, 2009 no. 212-FZ "On Insurance payments to the Pension Fund of the Russian Federation, the Social Insurance Fund of the Russian Federation, the Federal Compulsory Medical Insurance Fund"]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. 30. Art. 3738.
19. Byulleten' Verkhovnogo Suda RF. (2007) Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 17.03.2004 № 2 (red. ot 24.11.2015) "O primenenii sudami Rossiyskoy Federatsii Trudovogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii" [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of 17.03.2004 no. 2 (ed. on 24.11.2015) "On application by the courts of the Russian Federation of the Labor Code of the Russian Federation"]. *Byulleten' Verkhovnogo Suda RF*. 3.
20. Konsul'tantPlyus. (2015) Apellyatsionnoe opredelenie Novosibirskogo oblastnogo suda ot 24.11.2015 po delu № 33-9570/2015 [Appellate decision of the Novosibirsk Regional Court on 24.11.2015, case 33-9570/2015]. [Online]. Available from: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=SOJ;n=1390788. (Accessed: 05th February 2016).
21. Konsul'tantPlyus. (2015) Apellyatsionnoe opredelenie Novosibirskogo oblastnogo suda ot 27.08.2015 po delu № 33-7184/2015 [Appellate decision of the Novosibirsk Regional Court on 27.08.2015, case 33-7184/2015]. [Online]. Available from: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOJ&n=1299143&rnd=208987.8334966161196921&SEARCHPLUS=%C0%EF%E5%EB%EB%FF%F6%E8%EE%ED%ED%EE%E5%20%EE%EF%F0%E5%E4%E5%EB%E5%ED%E8%E5%20%CD%EE%E2%EE%F1%E8%E1%E8%F0%F1%EA%EE%E3%EE%20%EE%E1%EB%E0%F1%F2%ED%EE%E3%EE%20%F1%F3%E4%E0%20%EE%F2%2027.08.2015%20%EF%EE%20%E4%E5%EB%F3%20%B9%2033-7184/2015&EXCL=PBUN%2CQSBO%2CKRBO%2CPKBO&SRD=true&SRDSMODE=QSP_GENERAL. (Accessed: 05th February 2016).
22. Konsul'tantPlyus. (2015) Opredelenie Verkhovnogo Suda ot 06.05.2011 № 78-V11-16 [Decision of the Supreme Court of 06.05.2011 no. 78-V11-16]. [Online]. Available from: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB;n=196177. (Accessed: 05th February 2016).

Received: 31 March 2016

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

БАКШТ Дмитрий Алексеевич – канд. ист. наук, ст. преподаватель кафедры музеологии и культурного наследия Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. E-mail: baksht@mail.ru

БАРКОВИЧ Александр Аркадьевич – канд. филол. наук, доцент кафедры прикладной лингвистики Белорусского государственного университета (г. Минск, Белоруссия). E-mail: albark@tut.by

БЕЗГАЧЕВА Вероника Викторовна – магистрант кафедры современной отечественной истории Томского государственного университета. E-mail: nikabezgacheva@mail.ru

БОГДАНОВА Ольга Владимировна – канд. ист. наук, доцент кафедры археологии и исторического краеведения Томского государственного университета. E-mail: ol-pr2002@mail.ru

БОЙКО Владимир Петрович – д-р ист. наук, профессор кафедры истории России и политологии Томского государственного архитектурно-строительного университета. E-mail: vpbojko@yandex.ru

БРАГЕР Дмитрий Константинович – канд. юрид. наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Сахалинского института железнодорожного транспорта – филиала Дальневосточного государственного университета путей сообщения в г. Южно-Сахалинске. E-mail: brager-4@mail.ru

ВОРОНОВА Евгения Сергеевна – аспирант кафедры русского языка Томского государственного университета. E-mail: ves1989@mail.ru

ГОЛОВЧЕНКО Николай Николаевич – зав. кабинетом археологии им. А.П. Уманского Алтайского государственного педагогического университета (г. Барнаул). E-mail: nikolai.golowchenko@yandex.ru

ГОРОХОВ Станислав Анатольевич – канд. геогр. наук, ст. науч. сотр. лаборатории географии мирового развития Института географии Российской академии наук (г. Москва). E-mail: stgorohov@yandex.ru

ДМИТРИЕВ Андрей Владимирович – канд. ист. наук, доцент кафедры отечественной истории Новосибирского государственного университета. E-mail: khaldeus@academ.org

ДМИТРИЕВ Руслан Васильевич – канд. геогр. наук, ст. науч. сотр. Центра глобальных и стратегических исследований Института Африки Российской академии наук (г. Москва); ст. науч. сотр. лаборатории экономики народонаселения и демографии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. E-mail: dmitrievrv@yandex.ru

ДМИТРИЕНКО Надежда Михайловна – д-р ист. наук, профессор кафедры музеологии, культурного и природного наследия Томского государственного университета. E-mail: vassa.mv@mail.ru

ЕРМАКОВА Ольга Владимировна – канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии Барнаульского юридического института МВД России (г. Барнаул). E-mail: ermakova_alt@mail.ru

ЖАЛСАНОВА Бутит Цыдыпмункуевна – д-р ист. наук, директор Государственного архива Республики Бурятия (г. Улан-Удэ). E-mail: butit62@mail.ru

ЗАЙЦЕВА Лариса Владимировна – канд. юрид. наук, зав. кафедрой трудового права и предпринимательства Тюменского государственного университета. E-mail: larisa_zaiceva72@mail.ru

ЗИНОВЬЕВ Василий Павлович – д-р ист. наук, зав. кафедрой отечественной истории Томского государственного университета. E-mail: vpz@tsu.ru

ЗИНОВЬЕВА Валентина Ивановна – канд. ист. наук, доцент кафедры истории и социальной работы Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники. E-mail: vizanefertity@yandex.ru

КАРАВАЕВА Анастасия Геннадьевна – директор Государственного архива Томской области (г. Томск). E-mail: anast@post.tomica.ru

КАЧИН Николай Андреевич – аспирант кафедры отечественной истории Томского государственного университета. E-mail: Kachinnikolay@mail.ru

КИРИЛЛОВ Алексей Константинович – канд. ист. наук, ст. науч. сотр. сектора истории второй половины XVI – начала XX века Института истории Сибирского отделения Российской академии наук (г. Новосибирск); доцент кафедры отечественной истории Новосибирского государственного университета. E-mail: kapital@history.nsc.ru

КОНОНЕНКО Анатолий Анатольевич – д-р ист. наук, профессор кафедры отечественной истории Тюменского государственного университета. E-mail: a-kononenko@yandex.ru

КУКЛИНСКИЙ Илья Владимирович – руководитель информационно-издательского отдела Красноярского краевого краеведческого музея. E-mail: ikuk@mail.ru

КУРАС Леонид Владимирович – д-р ист. наук, гл. науч. сотр. отдела истории и культуры Центральной Азии Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (г. Улан-Удэ). E-mail: kuraslv@yandex.ru

КУРЕНКОВ Артем Валериевич – канд. ист. наук, ст. преподаватель кафедры истории и социальной работы Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники. E-mail: art_1987@inbox.ru

МЕНЬКОВ Сергей Васильевич – аспирант кафедры отечественной истории, вед. специалист по учебно-методической работе учебной научно-исследовательской лаборатории «Историческое краеведение» Алтайского государственного педагогического университета (г. Барнаул). E-mail: menkovs@bk.ru

НИКИФОРОВА Элина Александровна – аспирант кафедры отечественной истории Томского государственного университета. E-mail: elina.nikiforova@gmail.com

ПОНОМАРЁВА Светлана Альбертовна – аспирант кафедры всеобщей истории Сибирского федерального университета (г. Красноярск). E-mail: vadjima72@gmail.com

РЯБОВА Маргарита Сергеевна – аспирант кафедры востоковедения Томского государственного университета. E-mail: margarita_sr@mail.ru

СОТНИКОВА Светлана Владимировна – канд. ист. наук, доцент кафедры истории, философии, культурологии и методик преподавания Тюменского государственного университета. E-mail: svetlanasotnik@mail.ru

ТАТАУРОВ Андрей Алексеевич – канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Сахалинского института железнодорожного транспорта – филиала Дальневосточного государственного университета путей сообщения в г. Южно-Сахалинске. E-mail: kafedra-ugolpravo@yandex.ru

ТЕРЕНТЬЕВ Владислав Игоревич – аспирант кафедры всеобщей истории и археологии Горно-Алтайского государственного университета. E-mail: vlad33@bk.ru

ФОМИНЫХ Сергей Федорович – д-р ист. наук, зав. кафедрой современной отечественной истории Томского государственного университета. E-mail: sergey.fominyh1940@mail.ru

ХЛЕБНИКОВА Анастасия Леонидовна – преподаватель кафедры иностранных языков Томского политехнического университета. E-mail: khlebnikova@tpu.ru

ЧЕРЕМНЫХ Ольга Алексеевна – аспирант кафедры истории и документоведения Томского государственного университета. E-mail: olqga375@sibmail.com

ЧУРКИН Михаил Константинович – д-р ист. наук, профессор кафедры отечественной истории Омского государственного педагогического университета. E-mail: proffchurkin@yandex.ru

ШЕВЛЯКОВ Александр Семенович – д-р ист. наук, профессор кафедры истории и документоведения Томского государственного университета. E-mail: Shevlyakov54@rambler.ru

ШИЛОВСКИЙ Михаил Викторович – д-р ист. наук, зав. кафедрой истории России Новосибирского государственного университета; зав. сектором истории второй половины XVI – начала XX века Института истории Сибирского отделения Российской академии наук (г. Новосибирск). E-mail: kapital@history.nsc.ru

ЯРЗУТКИНА Анастасия Алексеевна – канд. ист. наук, науч. сотр. кафедры общих дисциплин Чукотского филиала Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова (г. Анадырь). E-mail: jarzut@yandex.ru

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Общенаучный периодический журнал

2016 № 406 Май

Председатель научно-редакционного совета – Э.В. Галажинский
Главный редактор – В.П. Зиновьев
Ответственный секретарь – Д.А. Катунин

ФИЛОЛОГИЯ. ИСТОРИЯ. ПРАВО

Печатная версия журнала
зарегистрирована в Госкомпечати РФ 14.09.1999 г. № 018694.
ISSN 1561–7793 от 20.04.1999 г. Международного центра ISSN (Париж)

Электронная версия журнала
зарегистрирована в Госкомпечати РФ 14.09.1999 г. № 018694.
ISSN 1561–7793 от 20.04.1999 г. Международного центра ISSN (Париж).
Электронная версия журнала находится в сети Internet по адресу
http:// www.journals.tsu.ru/vestnik

Адрес редакционного совета
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36. ТГУ. Журнал «Вестник ТГУ»
Телефон 8+(382-2)–52-96-67

Подписано к печати 20 мая 2016 г.
Формат 60×84 1/8. Бумага белая писчая. Гарнитура Times New Roman.
Цифровая печать. Усл. печ. л. 24,6. Тираж 250 экз. Заказ № 1879.

Редакторы: Ю.П. Готфрид, К.В. Полькина
Корректор – Н.А. Афанасьева
Оригинал-макет А.И. Лелоюр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой
Редактор-переводчик – В.В. Кашпур

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании
Издательского Дома Томского государственного университета
634050, г. Томск, Ленина, 36
Телефон 8+(382-2)–53-15-28

Журнал «Вестник Томского государственного университета» является общенаучным периодическим изданием. Первоначально он выходил под названием «Труды Томского государственного университета», в 1998 г. издание университетского журнала было возобновлено уже под новым названием, и всего к 2016 г. был выпущен 401 номер. В настоящее время журнал «Вестник Томского государственного университета» выходит ежемесячно, его подписной индекс 46740 в объединённом каталоге «Пресса России».

Полнотекстовые версии вышедших номеров выкладываются на сайте журнала: http://www.journals.tsu.ru/vestnik

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию. Публикации в журнале (в том числе и авторов-аспирантов) осуществляются на некоммерческой основе.

Ознакомиться с требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала: http://www.journals.tsu.ru/vestnik

Tomsk State University Journal is a multidisciplinary peer-reviewed research journal that welcomes submissions from across the world. Tomsk State University Journal is issued monthly, and can be subscribed to in the Russian Press Joint Catalogue (Subscription Index 46740).

Full-text versions of the issues are available on the website of the Journal: http://www.journals.tsu.ru/vestnik

The Journal does not charge paper submission, processing or publication fee from authors or authors' institutions.

The instruction for authors on paper submission is on the website of the Journal: http://www.journals.tsu.ru/vestnik

Адрес редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Национальный исследовательский Томский государственный университет», редакция журнала «Вестник ТГУ».
Телефон 8(382-2)–52-96-67
Факс 8(382-2)–52-98-46
Ответственный секретарь редакции журнала – Д.А. Катунин.
E-mail: vestnik@mail.tsu.ru

Editorial Office address:
TSU Journal Editorial Board, Tomsk State University
36 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)–52-96-67
Fax: 8(382-2)–52-98-46
Executive Editor: Dmitry Katunin
E-mail: vestnik@mail.tsu.ru